Зарубежная фантастика

Сакё Комацу
ГИБЕЛЬ ДРАКОНА

Научно-фантастический
роман

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МИР“ МОСКВА

Гибель Дракона

Сакё Комацу

Аннотация

___. Сакё Комацу. ✦. Гибель Дракона. ___

___. Е. Парнов. Жестокий эксперимент

___. Японская морская впадина. ___

___. Токио. ___

___. Правительство. ___

___. Японский архипелаг. ___

___. Тонущая страна. ___

___. Япония тонет. ___

___. Гибель Дракона. ___

Аннотация

Новый научно-фантастический роман известного японского писателя-фантаста Сакё Комацу посвящен извечной для его родной страны теме — проблеме Человек — стихия. Роман отличают острое и динамичное развитие сюжета и научная глубина и достоверность.

Читателей не может не порадовать встреча с крупнейшим японским фантастом.

Fb2•

Сакё Комацу

✦

Гибель Дракона

日本沈没

小松左京

Tokyo 1973

Е. Парнов
Жестокий эксперимент

(Предисловие)

В токийском районе Асакуса есть храм милосердной богини Каннон, построенный из стволов криптомерий. Перед входом стоит бронзовая курильница, окутанная благовонным дымом можжевельника, отгоняющего всякую скверну. Рядом — выложенный замшелыми валунами колодец. Прежде чем ступить на храмовые ступени, богомольцы нагоняют на себя дым, дышащий беспокойной горечью, и, зачерпнув серебряным черпаком из колодца, очищают свое дыхание колодезной водой, от которой стынут зубы и тревожно заходится сердце.

Под темные своды святилища, где перед изображениями богов жгучими огоньками тлели курильные палочки, я вошел вместе с Сакё Комацу, самым популярным фантастом Японии. Было это в год Пса и Металла, что соответствует 1970 году принятого у нас григорианского календаря. По

красной печати, которой пожилой буддистский монах деловито отметил наши буклеты с описанием храмовых святынь, я легко могу установить месяц и число. Для меня тот незабываемый день в известной мере стал знаменательным, ибо именно тогда я впервые увидел непередаваемое чудо — каменный сад. Случилось это уже под вечер, когда в закатной позолоте еще четко различимы контуры загнутых черепичных крыш, но уже непроглядны и неразличимы тени, и летучие мыши чертят в воздухе стремительные фигуры. Проделав на «Тоёте-корона» — с телевизором и кондиционером — бог знает сколько километров по скоростным токийским эстакадам, мы с Комацу оказались вдруг перед высокой стеной из грубого камня, за которой четко вырисовывались в холодеющем золоте почти черные сосны и криптомерии.

— Помните «калитку в стене» Уэллса? — спросил Комацу, указывая на маленькую калиточку, которую я поначалу и не заметил. — Сейчас мы окажемся в ином времени, а может, и в ином пространстве, ибо они неразрывны — пространство и время.

— Тоннель в эпоху Эдо? — пошутил я, намекая на прославленную повесть моего коллеги и про-

водника. — В мир, созданный Комацу?

— Нет, — не принимая шутки, ответил он и молчаливым поклоном поблагодарил за комплимент. — И пространство и время изначально слиты в пустоте, из которой рождается все. Мы идем приобщиться к этой творящей пустоте. Мятущееся сердце человека тянет излить туда суету и тревогу.

— Здесь храм секты дзэн? — догадался я.

— Хай, — утвердительно улыбнулся Комацу, и мы, ускоряя шаг, пошли по уложенной неровными каменными плитами тропе к торию — воротам, выполненным в виде знака неба.

Что знал я тогда об учении дзэн? Очень немногое. Мысли мои были смутны, ожидания ошибочны.

«Секта дзэн не признает идолов, — писал Ясукари Кавабата, первый японский писатель, удостоенный Нобелевской премии. — Правда, в дзэнских храмах есть изображения Будды, но в местах для тренировки и в залах дзэн нет ни статуэток Будды, ни икон, ни сутр. В течение всего времени там сидят молча, неподвижно, с закрытыми глазами, пока не приходит состояние полной отрешенности. Тогда исчезает «я», наступает «ничто». Но это совсем не то «ничто», что

понимается под ним на Западе. Скорее наоборот — это вселенная души, пустота, где вещи приобретают самостоятельность, где нет никаких преград, ограничений, где есть свободное общение всего во всем».

Дзэн много шире, чем религиозная секта. Это своего рода миросозерцание и организация окружающего мира. Знаменитая «чайная церемония» — пережиток одной из дзэнских мистерий. Не случайно и теперь приглашенные на церемонию гости попадают в покой, предназначенный для чаепития, по узкому темному лазу. Европейцам невдомек, что это символизирует блуждание духа. Точно так же не понимают они, что пузыри, тающие в фарфоровой чашке, указывают на преходящую и жалкую непрочность всего сущего. Именно в этой лопающейся пене, тщательно взбитой бамбуковым венчиком, и заключается смысл церемонии, а не в самом чае, зеленом и неподслащенном. И скупо написанное на тонком шелке какэмоно — будь то иероглиф или ветка сосны, — которое вы обнаружите в нише вашего гостиничного номера, может иметь отношение к дзэн. Даже искусство аранжировки цветов в вазе — икэбана — способно выразить идею пустоты: освобождения от форм бытия, восстановления

подлинной первоприроды человека, возвращения к вечным истокам.

Как сказать —
В чем сердца Суть?
Шум сосны
На сумиэ.[1]

Эти стихи принадлежат поэту-монаху, жившему в пятнадцатом веке.

«Горсть воды или небольшое деревце вызывает в воображении громадные горы и огромные реки. В одно мгновение можно пережить таинства бесчисленных превращений», — вторит ему средневековый мастер икэбаны.

Та же идея отражения большого в малом, преломления сквозь пустоту заложена и в неповторимых японских садах.

Минуя храм, мы обогнули крытую веранду и очутились на пустыре, с трех сторон огороженном высокой каменной стеной. Здесь были лишь камни разных размеров — неровные и замшелые — и мелкий гравий, который с помощью грабель уложили в нехитрый концентрический узор.

---

[1] notes: 1
Картина, нарисованная тушью.

Наглядная символика океана, окружающего скалистые острова.

— С какого бы места вы ни смотрели на эти камни, вам никогда не увидеть их все сразу, — объяснил Комацу. — Недосказанность природы.

Он умолк и за все то время, что мы пробыли в саду «молчаливого созерцания», не проронил больше ни слова. О чем он думал, прислушиваясь к зову пустоты? Было ли дано ему пережить «сатори» — мгновенное озарение, приоткрывающее суть вещей? Не знаю…

Зато на обратном пути, когда за поляроидными стеклами машины уже неистовствовала световая феерия Гиндзы, Комацу неожиданно сказал:

— Для меня эти камни олицетворяют Японию. Непонятной игрушкой стихийных сил она поднялась из вод и в один кошмарный день исчезнет в волнах, унося в небытие все великое и низменное, что успело взрасти среди нагромождения камня.

Я не придал тогда значения этой реплике, ибо догадывался, что лишь с очень большой натяжкой можно уподобить сад камней эдакой модели островной страны Ниппон. Не возражая вслух, я по японскому обычаю промолчал и не произнес вертевшегося на языке слова «отрешенность».

Теперь я сожалею об этом, поскольку понимаю,

что уже тогда Комацу замыслил свое большое программное произведение «Гибель Японии» (в русском переводе оно получило название «Гибель Дракона»: дракон — символ Японии). Стоило мне погрешить против этикета — тому, кто привык считать молчание знаком согласия, это простительно, — и мой собеседник, возможно, глубже раскрыл бы предо мной глубинную идею задуманной вещи. Теперь, когда я работаю над предисловием к русскому изданию уже законченного произведения, мне было бы куда легче истолковать его подтекст, его потаенный — а по японским канонам, основной — смысл. Впрочем, возможно, я ошибаюсь. Скорее всего, простив мою оплошность, Комацу едва ли позволил бы допустить себе неучтивость. На мое возражение он бы ответил только молчанием — знаком несогласия.

Теперь, прочитав роман и даже посмотрев одноименный фильм, я совсем иначе понимаю его слова, оброненные на пути в отель «Нью-Джапэн» ясным вечером 29 августа 1970 года. И меня снедает беспокойство и неуверенность в том, что я понял их достаточно глубоко. Ни тогда, ни два года спустя, когда принимал Комацу в Москве, я не заговаривал с ним о саде камней. И это по-

нятно, потому что «Гибель Японии» была тогда всего лишь «вещью в себе», которую мог ощутить только творец.

Фабула романа очень точно, жестко детерминирована и вполне очевидна. Мне нечем ее дополнить, она не оставляет простора для толкований, без которых любое предисловие становится просто бессмысленным. Речь, таким образом, может идти именно о подтексте, глубинной идее, которая остается «за кадром».

Повторяю, я не знаю, о чем думал автор нашумевшего бестселлера о новой Атлантиде, когда его взгляд блуждал по бесформенным глыбам. Но начало романа, его геологическая предпосылка позволяет мне сделать некоторую реконструкцию.

Японские мифы, записанные в книге «Кодзики» (буквально «Записки о древних делах»), повествуют о двух божественных началах бытия: мужском — Идзанати и Женском — Идзанами. Соединившись, они породили главные острова Страны Восходящего Солнца, богов, людей и почти всю окружающую природу. Это была вполне благополучная космогоническая гипотеза, без взрывов и фантасмагорических катаклизмов, присущих борьбе Космоса с Хаосом. Но так про-

должалось лишь до той минуты, пока Идзанами не надумала породить бога огня. Вырвавшись на волю, это божество, олицетворяющее потаенный доселе пламень, основательно встряхнуло острова, продолжая трясти их по сей день, и внесло чудовищную неразбериху в сообщество первых небожителей. Не только неразбериху, а и самою смерть, потому что, когда из чресел первобогини-матери вырвались огненные языки, она застонала и умерла. Идзанати, подобно Орфею, отправился в преисподнюю, чтобы вырвать дорогую супругу из объятий смерти. Оскорбленная тем, что муж посмел взглянуть на ее обожженный обезображенный труп, Идзанами наслала на него сонм бесовских отродий. Спасаясь от преследующих его отвратительных ведьм, Идзанати, подобно героям многих сказок, бросал за собой то гребешок, из которого вырастали непроходимые леса, то головную повязку, обернувшуюся цепкими лозами винограда. Теперь ему в одиночестве предстояло продолжить великую миссию миротворения. Из обоих его глаз и из носа должны были родиться главные боги синто: солнечная Аматэрасу-омиками, владыка Луны Цукиёми и беспокойный Сусаноо, которому предстояло натворить в этом лучшем из миров немало бед.

Такова мифологическая предыстория пленительной и суровой страны, чью страшную гибель столь наглядно и убедительно нарисовал на страницах своего романа Комацу. К счастью, романа фантастического…

Казалось бы, какое место может занимать мифология в век атома и кибернетики?

Но, подобно тому как в тени небоскребов из стекла и стали скрываются каменные сады и храмы, возведенные из стволов священных криптомерий, она тайно пронизывает неповторимый образ мысли жителей древней страны Ниппон, сумевших покорить бесплодные камни.

Башня Солнца над шумной и многоязычной ярмаркой в Осаке. Мучительное и торжественное восхождение от мертвой материи к высшим формам жизни и разума, величественная лестница эволюции. Бог создал человека по своему образу и подобию, человек отплатил ему тем же — этот мудрый афоризм должен приходить на память, когда эскалатор несет тебя мимо разноцветных причудливых масок. Здесь, наверное, боги всех времен и народов, грозные и милостивые, с ликами устрашающими и прекрасными. Мифология человечества. Его долгий сон, его прошлое. Все дальше и дальше уводит лестница эволюции — к

иным высотам, к иным свершениям. Торжество разума и гармонии, космическое будущее Земли. Это уже иная мифология, рожденная нашим прекрасным и трагическим веком.

Не случайно, совсем не случайно в числе тех, кто задумал этот величественный памятник истории побед и заблуждений человека, были ведущие фантасты Японии. И прежде всего, Сакё Комацу, которому принадлежит сама идея сооружения. Научная фантастика — уникальное детище культуры нашего века, мост между могучими путями познания, наукой и искусством. Впервые научные фантасты мира встретились в тот год Пса и Металла за одним столом. И опять-таки не случайно, что произошло это в Японии в год Всемирной выставки. Фантастика оказалась права: человечество действительно превратилось в космический фактор. В этом можно было наглядно убедиться, побывав в павильонах СССР и США. Но то, что фантастике — космической, земной и подводной — целиком был посвящен один из японских павильонов, удивило даже научных фантастов. Конечно, не самих японцев, много сделавших для того, чтобы фантастика стала повседневным элементом культурной жизни их страны.

Своеобразными приемами при исследовании грядущего пользуется Сакё Комацу.

Сквозь атомный пепел пробивается зеленый росток. Суждено ли ему вырасти? Во что он превратится? В уродливого мутанта? Или надежда на лучшее все же есть?

Лицом к лицу столкнулся японский мальчик с непостижимой для него Службой Времени. Временные экраны рассекают повествование. Под разными углами проецируют возможное будущее. И как крошечный мир, вобравший в себя Вселенную, многогранен и изломан мозг маленького японца, стремящегося отдать жизнь за императора. Неужели даже молодым суждено свершить самоубийственный цикл?

Влияние неопределенного прошлого на сегодняшнюю жизнь людей, пожалуй, — центральная тема Сакё Комацу. Тревожным набатом гудит прошлое. Война давным-давно кончилась, над атомным пепелищем распустилась жимолость. Раздвинув трещины в искореженном бетоне, пробились к небу весенние ростки новой культуры и новой морали. Самурайские изогнутые мечи и камикадзе, которые перед последним полетом осушают последнюю в жизни чашку сакэ, серые линкоры в тропических морях и публичные ха-

ракири перед императорским дворцом — вся эта отдающая нафталином романтика, казалось бы, канула в вечность. Почему же тогда болят в непогоду старые раны? Почему давно проигранная война все еще посылает свои страшные повестки? Значит, где-то, пусть в сдвинутом по фазе или амплитуде временном мире, летят, вспенивая океан, торпеды, они нацелены на суда, дремлющие в Пирл-Харборе, а Б-29 с атомной бомбой на борту уже подлетает к Хиросиме. Может быть, в той войне все протекает иначе. Может быть, теперь императорский флот атакует Гонконг, а Пентагон наносит атомный удар по Ниигате. Но война всегда война. Меняется стратегия и тактика, но чудовищная мясорубка не перестает затягивать в булькающий от крови зев свою привычную пищу.

Жертвой войны всегда становится будущее. Молодые, нерасцветшие жизни и те жизни, которые могли бы возникнуть, приносятся на этот страшный алтарь.

Почему же войны никогда не кончаются? Почему, проигранные и полузабытые, посылают они свои повестки от лица давно умерших военных министров? Сакё Комацу дает на это ясный ответ. Да потому, что кто-то этого хочет! Да потому, что

не перевелись в обществе всякие «бывшие», обломки былой славы, «старые борцы». Они гремят костями и костылями. Они задыхаются, если воздух напоен запахом яблонь, а не пороховой гари.

В одном из рассказов писателя «Повестка о мобилизации» маниакальная воля престарелого «психокинетика», корчащегося на больничной койке, гальванизирует смердящий труп былой войны. Не случайно старый вояка является отцом героя, от лица которого ведется повествование. Это схватка, смертельная схватка двух поколений. Это костлявая рука милитаризма, которая тянется к горлу молодой Японии. От нее нельзя отмахнуться. Иначе однажды утром кто-то найдет в почтовом ящике повестку о мобилизации.

«Повестка о мобилизации», «Черная эмблема сакуры», «Времена Хокусая» — во всех этих произведениях будущее жестко детерминирует прошлое или вновь и вновь возрождает его в возможных, точнее в резонансных, вариантах. Сакё Комацу лишь намеками проясняет загадочный характер таких связей или, напротив, соединяет эпохи, разделенные непреодолимой вековой бездной, тоннелем сквозь время — пространство.

Зачем писателю понадобилась такая конкретизация? На первый взгляд она сопряжена с извест-

ными издержками. Загадочная Служба Времени, повестка двадцатилетней давности и атомный отблеск на бирюзовой воде картин Хокусая — это прежде всего емкие художественные символы. Они создают определенное настроение, которое только усиливается недосказанностью. Тоннель же из современной Японии в эпоху Эдо — просто фантастический атрибут с очень конкретной специализацией. Почему же Сакё Комацу выбрал именно этот простой, эмоционально ограниченный прием? Не потому ли, что пещера в горе ведет именно в эпоху Эдо, когда, по мысли автора, Япония стала на путь, определивший ее сегодняшний облик? Это уже не бабочка в рассказе Брэдбери «И грянул гром», определенным образом изменившая судьбу человечества. Это вполне конкретная эпоха, когда перед Японией стояла дилемма — оставаться в изоляции или раскрыть двери заморским купцам, чьи настойчивые требования подкреплялись пушками фрегатов. Сакё Комацу не искал того «рокового» момента, который лег тяжким грузом на чашу весов, он не пытался наметить иной путь к войне. Он думал о другом. О чем же? «..Вскоре патриотизм начал принимать уродливые формы. Появилась какая-то нелепая националистическая организация

под названием «Поможем страдающему Эдо!». Члены этой организации устраивали шумные сборища, на всех зданиях, на всех углах расклеивали плакаты и лозунги.

— Спасем эпоху Эдо от когтей заморских чудовищ! — надрывались ораторы. — Создадим там высокоразвитую современную промышленность! Сделаем землю наших предков самой передовой страной девятнадцатого века! Мы уж покажем всем захватчикам, и бывшим и будущим! Граждане, дорогие братья, помогайте эпохе Эдо, помогайте Японии подготовиться ко второй мировой войне, чтобы нам не пришлось пережить поражение, которое мы уже пережили!..»

Сакё Комацу попросту обнажает душу националиста, перетряхивает примитивный ура-патриотический хлам, чтобы найти на самом дне живучих микробов реваншизма!

Мне вспомнился писатель Нисима, который публично вспорол себе живот… Все шире раскрывается замысел:

«Не меньшую жалость вызывала и довольно многочисленная толпа самураев, оставшаяся у нас. Двое покончили жизнь самоубийством, сделав себе харакири. Пятеро потеряли рассудок и теперь прозябают в психиатрической клини-

ке. Наиболее спокойные и рассудительные из самураев смирились со своей участью и решили включиться в современную жизнь. Некоторые читают лекции о нравах и обычаях эпохи Эдо, другие устроились на работу в музеи национальной культуры. Кое-кто пытается заняться духовным воспитанием молодежи. Эти люди не носят больше прическу Тёнмаге и по внешнему виду ничем не отличаются от прочих граждан. Но где бы они не находились, что бы ни делали, прошлое столетие живет в их сердцах…»

И далее: «Нет, нет, как бы ни светило солнце, какими бы яркими ни были краски, все равно за всем этим стоит черный призрак прошлого».

Писатель пристально всматривается в текущие воды сегодняшнего дня, в котором невозвратимые мгновения подводят итог прошедшему и формируют облик грядущего.

Неприкрытый империалистический разбой, кабальные договоры, подавление человека и превращение его в автомат — вот он, итог прошлого. Но вместе с тем это и стартовая площадка, с которой ежесекундно взлетает ракета завтрашнего дня. Каким же оно будет, это завтра? Электронно-кибернетической нищетой?

Остановитесь! Одумайтесь! Попробуйте вы-

рваться из этого безумного беличьего колеса! — Вот к чему призывает читателя Саке Комацу.

И теперь перед нами новый жестокий эксперимент под кодовым названием «Гибель Дракона».

На сей раз на уничтожение обречены не обветшалые регалии эпохи Эдо и не заржавевшие доспехи минувшей войны. Вся — подумать только! — вся страна, создавшая одну из самых утонченных цивилизаций на Земле, должна скрыться в волнах океана, подобно тому как погибла «в один роковой день и в одну злую ночь» легендарная Атлантида Платона, наказанная ревнивыми богами за надменность и дерзость ее отважных сынов. Лаконичная и предельно точная поэзия, живопись, пробуждающая свист ветра в ветвях бамбука, божественная недосказанность трех веток в керамической вазе, плачущей слезами росы — все это должно исчезнуть. Изощренные ритуалы бесед, скорбь чайной церемонии, неизъяснимая прелесть костяных нецкэ и тайны самурайских мечей — все, все уйдет в небытие. Павильоны над лотосовыми прудами, позлащенные древние будды, антисейсмические небоскребы — чудо современной техники, подводные лаборатории и фермы жемчужных раковин равно погибнут в этой поистине

космической катастрофе. Неотвратимой и беспощадной, как вообще неотвратимо и беспощадно зло японской мифологии. На сей раз этому злу приданы черты неуправляемой, но тем не менее преднамеренной силы. Писателю не нужно было заботиться об особом научно-техническом обосновании. Дракон, которого он пробудил силой своей фантазии, хорошо знаком мужественному народу островной страны. Исполинской прерывистой дугой протяженностью в 3400 километров повернута она к Тихому океану, обрушивающему на нее свое неистовство и гнев. Иногда, впрочем, спасительные, как тот божественный ветер («камикадзе»), что развеял суда монгольских завоевателей.

Но если океан, который почему-то назвали Тихим, все-таки забывал на время об истерзанных тайфунами берегах и давал людям передышки, то пламя, некогда испепелившее породившую его мать, никогда не уставало терзать окаменевшую плоть богини. Недаром Япония стоит в ряду самых сейсмичных областей Земли. Здесь ежедневно отмечается от трех до пяти толчков. Только за последние четыре столетия случилось около семидесяти землетрясений разрушительной силы. Особенно печальную память оставили

по себе бедствия 1855, 1891, 1923 и 1946 годов. Так, грандиозное землетрясение 1923 года на низменности Канто, разрушившее Токио и Иокогаму, унесло сто тысяч человеческих жизней и уничтожило, вместе с возникшими пожарами, 576 тысяч домов. Право же, это вполне соизмеримо с масштабами катастроф, столь реалистически изображенных в романе!

С подводными землетрясениями, как известно, тесно связаны и гигантские приливные волны цунами, опустошающие прибрежные города, словно щепки, вышвыривающие на сушу океанские корабли. Понятно, что и в этих сценах писателю-фантасту не пришлось особенно домысливать. Суровая действительность, а не фантазия водила его пером.

Но было бы крайне наивно видеть в «Гибели Дракона» ординарное произведение в жанре «романа-предупреждения», созданное с целью привлечь внимание общественности к реальной опасности катастрофы, которая, возможно, ожидает Японию в будущем.

Писатель преследовал своим произведением совсем иные цели, хотя бы по той простой причине, что реальная картина в корне отлична от той, которую он столь убедительно нарисовал.

Прежде всего не соответствует современным научным представлениям основное допущение романа о том, что Япония постепенно уменьшалась с течением геологического времени. На самом деле рельеф страны формировался в смене этапов выравнивания и неоднократного дробления и поднятия выровненных поверхностей. Остатки их встречаются на высотах 800—1000, 1500 и около 2000 метров над уровнем моря. Новейшие поднятия и опускания, часто сменяя друг друга, в общем-то не достигали больших масштабов. Поэтому в Японии сравнительно немного высоко приподнятых областей. Глыбовые же перемещения, как быстрые, так и медленные, продолжаются и по сей день. В 1923 году отдельные части дна залива Сагами подверглись поднятиям до 100 и опусканиям до 180 метров.

Ныне же Япония находится скорее в стадии приращения, нежели потери своей территории. Я не имею в виду землю, отнятую у моря, на которой, например, расположен токийский аэропорт Ханэда. Речь идет об островах вулканического происхождения, которые то и дело возникают на больших и малых расстояниях от японских берегов. Ь связи с принятием новых правил о

двухсотмильной рыболовной зоне за этими островками идет подлинная охота. Американские и японские вертолеты днем и ночью дежурят в небе, чтобы не проглядеть такой родившейся в облаках пара пятачок суши, на который распространяется закон о морском шельфе.

Таким образом, нет повода для пессимистических прогнозов. А кроме того, Сакё Комацу не такой писатель, чтобы пугать читателей несуществующими страхами.

В чем же тогда смысл его страшного и жестокого эксперимента?

Ответ на этот вопрос дает все творчество писателя, гуманиста и убежденного интернационалиста, который кровной связью связан с родной Японией, ее мифологией, историей, с миросозерцанием ее народа, особым его отношением к жизни.

Япония гибнет, вместе с ней погибают и миллионы японцев. Одни из них становятся жертвами предвестий грядущего уничтожения, другим просто не суждено спастись, а третьи добровольно умирают, ибо для них гибель островов действительно означает гибель Японии.

Но Япония не может исчезнуть бесследно! Спасенные коллективными усилиями Объеди-

ненных Наций, миллионы японцев эвакуируются в глубь материков, чтобы начать новую жизнь. Может ли погибнуть страна, начисто лишенная материнской почвы? Вот тот главный вопрос, что волнует Комацу. Отрицая шовинистические бредни о «земле» и «крови», Сакё Комацу говорит: «Нет!».

Ибо пока жива хоть горстка умных, честных и смелых людей, бессмертной пребудет культура, созданная их предками. Ибо планету Земля населяет единое человечество, которое обязано сберечь свой прекрасный и пока единственный дом.

«Гибель Дракона» — оптимистическая трагедия.

Еремей Парнов

Японская морская впадина

1

Зал токийского вокзала со стороны Яэсугути был, как всегда, переполнен. Кондиционеры работали в полную силу, потоки охлажденного воздуха создавали заслоны у всех входов, но в зале все равно было нестерпимо душно и жарко. Казалось, разгоряченные тела сами источают зной.

Особенно много было здесь молодежи. Парни и девушки ехали кто куда: в горы, на море, домой на День поминовения усопших.

В сезон дождей, в июне и самом начале июля, погода стояла холодная, как в марте. По прогнозам лето ожидалось не теплое. И вдруг, когда дожди пошли на убыль, наступила страшная жара. В последние дни столбик термометра не опускался ниже тридцати пяти градусов. В Токио и Осаке люди просто изнывали от зноя. Участились случаи сердечных заболеваний, порой с трагическим исходом. Как всегда в летние месяцы, не хватало воды. Эту проблему все еще никак не могли разрешить…

Тосио Онодэра отер с подбородка пот и огляделся. До прибытия поезда оставалось минут семь-восемь.

В кафетерий он даже не заглянул — там все кипело и бурлило, словно в котле с густым овощным супом. Без всякой определенной цели он стал пробираться сквозь толпу. Тела людей, которых он невольно задевал, обдавали жаром, словно раскаленная печка. Сколько все-таки народу! Полусонный служащий; средних лет крестьянка с огромным узлом в руках, в нарядном — наверное, единственном — выходном платье и в туфлях со стоптанными каблуками; девушка-подросток, пунцово-красная, в соломенной шляпе с ярким бантом, синих до колен джинсах и слишком

узкой, похожей на чулок, полосатой кофточке, вызывающе обтягивающей грудь. Проходя мимо нее, Онодэра ощутил тяжелый запах немытых волос и пота. Он подумал, что и от него, должно быть, пахнет не лучше, еще и перегаром несет… Всю ночь промаялся без сна, беспрестанно прикладываясь к бутылке с джином.

Неожиданно для себя Онодэра очутился возле бака с питьевой водой. Ему показалось, что сюда-то он и шел. Склонившись над краном-фонтанчиком, Онодэра нажал на педаль. Взметнулась тонкая струйка.

Но пить он не стал. Застыв в нелепой позе с широко открытым ртом и низко склоненной головой, он смотрел на стену за краном. По стене до самого потолка бежала тонкая, с едва заметным изломом трещина. Нижнюю ее часть загораживал бак с водой. Справа от трещипы стена почти на сантиметр, а то и больше выступала вперед.

— Позвольте-ка!.. — услышал Онодэра раздраженный голос сзади.

За его спиной стоял плечистый великан в нелепой широкополой шляпе, которые называют десятигаллоновыми.

— Извините, пожалуйста!

Заторопившись, Онодэра судорожно сделал

один большой глоток и посторонился, пропуская мужчину к крану. Но тот преградил ему путь. Онодэра с удивлением поднял глаза.

— Не узнаешь?

Огромной, как бейсбольная перчатка, рукой мужчина крепко схватил Онодэру за плечо.

— Это ты? А я-то думаю, что за нахал… — рассмеялся Онодэра.

— Небось, с похмелья? — мужчина, Рокуро Го, шумно втянул носом воздух. — Так-так. То-то, гляжу, хлебаешь воду, будто карп.

— В том-то и дело, что не хлебаю, — сказал Онодэра. — А вот с похмелья — это точно.

Го, уже не слушая, склонился над фонтанчиком. Казалось, он одним духом опустошит весь бак.

— Куда собрался? — вытирая здоровенной жилистой рукой пот, Го обернулся к Онодэре.

— В Яидзу.

— Опять? — Го выразительно спикировал рукой.

— В общем да. А ты?

— В Хамамацу. Ты на следующем поезде?

— Да. Вместе, значит?.. — Онодэра показал свой билет.

— Он вот-вот придет. — Го посмотрел на часы. — А чем объясняется твое «в том-то и дело,

что не хлебаю»?

— А, — не сразу понял Онодэра. — Ты меня испугал, и я сделал всего один глоток.

— Чего ж ты там так долго торчал? Смотрю, застыл над краном под прямым углом. Я уж хотел дать тебе пинка под зад.

— А вот гляди, — Онодэра кивнул на стену. — Кажется, это по твоей части, а?

— Это? — Го крепким костлявым пальцем ткнул в трещину. — Пустяки, ничего страшного.

— Ты так считаешь? Мне, неспециалисту, трудно судить. Наверное, все от землетрясений?

— Нет, — Го нахмурился. — Я просто говорю, что это пустяки. Пошли, а то опоздаем.

— Ты зачем в Хамамацу? По работе?

Этот вопрос Онодэра задал уже в прохладном вагоне-ресторане, где они не торопясь потягивали пиво.

— Да, на известную тебе стройку.

— Суперэкспресс на воздушной подушке?

— Ага… Конца нет проблемам, так что никак не сдвинемся с мертвой точки.

Поезд тронулся. Пейзаж за окном поплыл назад и на мгновение отвлек внимание Онодэры.

— А какие проблемы? — Онодэра опять повернулся к Го.

Тот, крепко сжав в руке стакан, задумчиво смотрел на оседающую пену.

— Да всякие, — он продолжал разглядывать пиво. — Пока об этом лучше помалкивать. Не дай бог газетчики пронюхают… В общем, всего хватает…

Онодэра молча налил себе пива.

— Понимаешь, просто невероятно, чтобы в предварительных геодезических промерах было столько ошибок, — тихо, словно про себя, заговорил Го. — На всем участке промеры придется производить заново. Да и еще кое-что есть… Но главное, на самых трудных отрезках дороги геодезические данные изменяются прямо в ходе строительства.

— А это значит, что…

— Да ничего особенного это не значит! Просто, мне кажется, в последнее время вся Япония содрогается, словно студень…

— Понятно, — кивнул Онодэра. — Я чуть было не запамятовал, что передо мной собственной персоной конструктор высокоточной аппаратуры для геодезических измерений, как это, «резонансно…»

— Выпьем еще по бутылочке? Или пойдем в купе? — перебил его Го, оглядывая вагон-ресторан,

где становилось все многолюднее. — А что у тебя за дела в Яидзу, какая-нибудь посудина затонула, что-ли? В такую жару твоей работе только позавидуешь…

— Чему завидовать-то? — Онодэра усмехнулся. — Буду торчать на корабле Управления безопасности и с утра до ночи отлаживать глубоководный батискаф. Ну, ты знаешь, «Вадацуми». Идем на юг.

— На юг, говоришь? А далеко? — Го поднялся из-за стола.

— К юго-востоку от острова Тори. Это чуть севернее островов Бонин. Там остров один исчез.

— Вулканическое извержение? — Го на мгновение задержался у выхода.

— Нет, не извержение, — Онодэра подтолкнул Го в широкую спину. — Просто так, без всякой видимой причины — взял да и исчез под водой.

2

Расставшись с Го в Сидзуока, Онодэра пересел на старотокайдоский поезд. На этой линии курсировали поезда устаревшего образца. В подслеповатом куне, в каком Онодэре давно уже

не приходилось ездить, с ним сразу заговорил сидевший напротив загорелый старик. К нему присоединилась такая же темная от солнца женщина. Она извлекла откуда-то заварку чая, завернутую в паутинку тонкой шелковой ваты. Сама собирала, сказала она. Сидзуока славится своим чаем, а ту бурду, что продают на станциях, пить невозможно. Женщина заварила чай кипятком из термоса и угостила Онодэру. Румяная девочка, должно быть внучка старика, стала рассказывать, что у развалин Торо обнаружены остатки древнего поселения, и поинтересовалась, зачем Онодэра едет в Яидзу. Пока он Думал, как ей лучше ответить, поезд прибыл на станцию. Оставалось только попрощаться.

На платформе, продуваемой соленым морским ветром, он обернулся. Девочка махала рукой. Онодэра ответил ей, поймав себя на мысли, что растроган. Какие они доброжелательные и приветливые, эти люди, ездящие в старых поездах по старым железным дорогам!

Тут он невольно вернулся мыслями к Го, который, должно быть, уже давно в Хамамацу. Конечно, не может не захватить строительство суперскоростной магистрали, где расстояние между Токио и Осакой уляжется в час десять

минут. Но нельзя забывать и о человеческой ценности таких вот, как эта, старых железных дорог…

В порту Яидзу было пустынно. Все рыбачьи шхуны ушли на промысел. Даже под брезентовым чехлом Онодэра узнал глубоководный батискаф на палубе сторожевого судна сил безопасности «Хокуто».

— Привет, — обрадованно встретил Онодэру доцент Юкинага, специалист по геологии морского дна. — Извините, что так нескладно получилось. Я слышал, вас отозвали из отпуска…

Шум лебедки, грохот наматываемой якорной цепи, свистки, беготня на палубе удивили Онодэру. Он взглянул на часы:

— Неужели выходим?!

— Да, решили сделать это пораньше, — доцент озабоченно посматривал на пристань. — Ведь если газетчики учуют, куда и зачем отправляется «Вадацуми», хлопот не оберешься.

— Так ведь они уже обосновались на метеосудне, — усмехнулся Оно дэра. — В таких делах прыти им не занимать. Кажется, они даже зафрахтовали гидроплан гражданской авиации.

— Н-да, размах, — Юкинага пожал плечами.

Интересное у него свойство, подумал Онодэра.

Почти все время в открытом море, а нисколько не загорает.

— Да, — продолжал Юкинага, — к чему такой ажиотаж? Ведь ни в чем никакой ясности. Я думаю, мы и на месте едва ли что выясним.

— Так-то оно так, но ведь у газет сейчас своего рода засуха, — сказал Онодэра. — Читателю до смерти надоели статейки про жару и нехватку воды.

— В таком случае, — Юкинага сощурился от яркого солнца, — надо ждать большого скандала… Если они хоть что-нибудь разнюхают о неполадках в строительстве второй супер…

— Так вы в курсе дела? — Онодэра с нескрываемым удивлением посмотрел на доцента.

— Да, — тихо ответил Юкинага. — Приятель получил спецпоручение изучить эту проблему. Хорошо, если все сведется к геологическим особенностям тамошней местности. Тогда все ограничится техническим решением проблемы в пределах строительного участка. А вот если окажется…

— Да, — кивнул Онодэра. — И если это еще свяжут с извержением Амаги, то шумихе не будет конца.

Юкинага приветственно помахал рукой. По

бетонной пристани, обливаясь потом, спешил полный коренастый человек. Своими вещами он то и дело задевал за столбики для сушки сетей. Наступив на валявшуюся в туче зеленых мух рыбину, он едва удержался на ногах. Наконец, человек добрался до корабля.

— Поторопитесь, пожалуйста, — улыбаясь, сказал Юкинага, — сейчас отходим.

— Без меня?! — возмутился вновь прибывший. — Только попробуйте! Догоню вплавь!

— Ну зачем же вплавь? — доцент принял из его рук чемодан. — Онодэра-сан, профессор Тадокоро.

— Я из фирмы КК, которая занимается разработкой шельфов, — уточнил Онодэра. — И мне особенно приятно познакомиться со столь крупным вулканологом…

— Моя специальность — геофизика, — перебил профессор, — но лезу во все, вот и зачислили в вулканологи.

Бросив вещи на палубу, профессор Тадокоро направился к зачехленному батискафу. Отвернув брезент, он похлопал по стальному боку. Батискаф походил на миниатюрную подводную лодку.

— Вот он какой! Я неоднократно обращался к

вашему Директору с просьбой разрешить мне воспользоваться им.

— Очень много заявок, — поспешил объяснить Онодэра, — но скоро со стапелей сойдет «Вадацуми-2», тогда будет легче…

— Конструкция, кажется, та же, что и у «Архимеда». Значит, можно погрузиться на десять тысяч метров? — профессор Тадокоро, вздернув синий после бритья подбородок, внимательно смотрел на Онодэру. — И такой аппарат использовать для изучения морских течений на шельфе! Это все равно, что ножом для разделки бычьих туш потрошить курицу.

— Вообще-то эта штука не без фокусов, — Онодэра любовно погладил корпус батискафа, — у него длительность пребывания под водой зависит от глубины погружения. На глубине пятьсот метров можно болтаться хоть целый день, а вот если глубина превышает две тысячи метров, время резко сокращается. Начинает барахлить балластная система. Короче говоря, перед каждым погружением на большую глубину ее надо тщательно проверять.

— А сколько раз на такие глубины вы уже погружались?

— Четыре раза до девяти тысяч метров, два

— свыше десяти. Никаких ЧП при этом не произошло, но…

— А если опуститься до Марианской впадины[2], выдержит? — спросил профессор.

— На «Вадацуми-2», пожалуй, можно будет… Тем более, что его оснастят сердечниковым шаблоном…

— Юкинага, — словно что-то вспомнив, профессор Тадокоро отошел от «Вадацуми», — нам следует поговорить.

Полуобняв доцента за плечи, профессор скрылся с ним в каюте. Онодэра остался один возле батискафа. Судовой офицер сделал обход, проверив наличие членов экипажа и пассажиров. Прозвучала сирена к отплытию. Отдали концы, за кормой вскипела белая пена, и серо-голубое патрульное судно водоизмещением в девятьсот пятьдесят тонн, легкое и быстрое, отошло от причала.

Онодэра достал из портфеля фирменную папку и просмотрел документы о передаче «Вадацуми». Кажется, все в порядке. Регулировкой батискафа

---

[2] notes: 2

Марианская морская впадина — 11022 м, самая глубокая морская впадина в мире, расположена в Тихом океане в Марианском желобе. Открыта в 1958 г. советским научно-исследовательским судном «Витязь».

он займется в открытом море, к вечеру, когда станет прохладнее.

Тут на палубе появился коренастый мужчина. В зубах он держал погасшую трубку, вырезанную из кукурузного стебля.

— Как? — удивился Онодэра. — И ты здесь?

— Да понимаешь, не могу я положиться на бумаги. Неспокойно как-то, — он нервно засмеялся. Это был штурман Юуки, управлявший «Вадацуми» при прошлом погружении. — И потом, что хорошего на берегу? Жарища. А тут я помогу тебе наладить аппарат.

— Я думаю, до острова Хатидзё управимся, — сказал Онодэра, — а оттуда ты можешь вернуться самолетом. Ведь ты порядком устал, наверное?

— Посмотрим, — Юуки сплюнул за борт и выколотил трубку. — Эта посудина быстроходная, так что до Хатидзё доберемся быстро. А нам нужно разобрать преобразователь хода второго винта. Он не всегда переключается на обратный ход.

— В документации что-то там говорится о царапинах на дне гондолы. Надеюсь, ничего страшного? — Онодэра заглянул под батискаф.

Под поплавком находилась тяжеленная овальной формы вращающаяся гондола из сверхпрочной молибденовой стали.

— Ерунда. Пустяковая царапина. Но немного пострадал боковой иллюминатор. Я привез для него запасной плексиглас.

По заказу Союза рыбопромышленников «Вадацуми» занимался исследованием шельфа у выхода из залива Суруга. Поэтому он и находился на борту крупного траулера в порту Яидзу. В это время поступило сообщение о затонувшем острове, и в район происшествия на судне метеослужбы выехала комиссия. По словам Юуки, просьба прислать «Вадацуми» исходила от одного из ее членов — океанолога, весьма авторитетного в Управлении науки и техники.

— А еще какие-нибудь новости поступали? — Онодэра внимательно разглядывал небольшую фигуру Юуки. — В последнее время слишком нервно стали реагировать на все, что может быть связано с вулканическим поясом Фудзи. А собственно, что произошло? Ну, затонул какой-то необитамый остров!..

— Кажется, не совсем необитаемый, — Юуки криво усмехнулся, и сразу стало видно, какое у него усталое лицо. — Говорят, там были канакские рыбаки. Иногда они укрывались на острове от ветра.

— Значит, они были на острове и спаслись?

— Да. В ту ночь у острова стояла рыбачья шхуна, — сказал Юуки, усаживаясь на бухту каната. — Ну, их и спасли, а потом вроде бы пересадили на метеосудно…

— Ты плохо выглядишь… — Онодэра положил руку ему на плечо. — Может, немного отдохнешь в каюте? Все равно регулировкой я займусь вечером.

— Начни пораньше, — посоветовал Юуки. — А то не успеешь — ведь эта посудина мчится со скоростью двадцать пять узлов. Что твой миноносец.

— Так-то оно так, но погружаться все равно будем завтра. — Онодэра потянул Юуки за руку и заставил его встать. — Иди отдыхай.

— Черт возьми, не иначе как я отравился гелием… в акваланге! — попробовал пошутить Юуки. — Ладно, пойду… Я буду обеспечивать тебе связь с судном…

3

«Хокуто» на хорошей скорости продолжал идти к югу. Послушавшись совета Юуки, Онодэра решил не дожидаться вечера. Сменив нужные

детали в преобразователе хода и проверив двигатель, он занялся иллюминатором, после чего тщательно отрегулировал магнитный выключатель выброса балласта. Уменьшив количество стальных шаров в балластных отсеках, он положил в качестве вспомогательного донного балласта две направляющие цепи. Теперь, даже если случится непредвиденное — раскроется какой-нибудь из балластных отсеков и произойдет выброс шаров, — можно будет сохранить погружаемость, регулируя количество бензина в поплавке.

Во второй половине дня, когда «Хокуто» уже подходил к острову Хатидзё, была получена радиограмма о том, что «Тацуми-мару», судно фирмы КК, которое должно было встретить «Хокуто» в порту Хатидзё, уже пошло к месту происшествия. И «Хокуто», не заходя в порт, направился туда же.

К Онодэре подошел капитан, еще молодой человек, с не утратившим юношеской округлости лицом.

— Форсированный марш получается. Вам это не помешает? — спросил он. — Низкий тропический циклон, к счастью, повернул на восток, но высота волн увеличивается. Это не отразится на

регулировке?

— Нет, все в порядке, — ответил Онодэра. — Мне осталось лишь несколько проверочных погружений.

— Кажется, что-то случилось… — Юуки, прикрыв ладонью глаза, смотрел в сторону острова, который чернел километрах в пяти от судна. — Что это там?

— Получена радиограмма, — сообщил появившийся на палубе радист. — С Хатидзё к нам летит вертолет газеты А. Просят взять на борт одного человека.

— Ну, начинается! — буркнул недовольно капитан, поворачиваясь к Онодэре. — Видно, что-то унюхали.

— Шикарно живут, — заметил Юуки, разглядывая вертолет, который уже трещал над кораблем. — Как будто на рыбачьей лодке не мог подгрести…

Капитан отдал приказ остановить судно. Вертолет повис над кормой и выбросил трап. По нему торопливо стал спускаться мужчина. Ветер от винта сорвал с прибывшего шляпу; пытаясь поймать ее, он уронил на палубу свой фотоаппарат.

Капитан был недоволен:

— Разве это дело, являться без предупрежде-

ния?!

— Ну, попроси я вас, вы бы наверняка сбежали, — рассмеялся молодой скуластый репортер. — Я слышал, есть человеческие жертвы. Поэтому вы и везете «Вадацуми»? Чтобы найти трупы?

— Человеческих жертв, кажется, нет, — капитан повернулся к нему спиной. — Зачем понадобился «Вадацу-ми», нам не известно. Нашему судну поручено только доставить его на место происшествия.

— А вы экипаж «Вадацуми»? — репортер повернулся к Онодэре и Юуки. — Вы не сообщите мне что-нибудь? Уж вам-то наверняка что-нибудь известно! Почему, собственно, остров затонул, в чем причина катастрофы?

— Не знаю, — Онодэра пожал плечами. — Для выяснения причины, наверное, и едем. Мы — что? Мы только управляем этой вот штукой. Погрузимся на нужную глубину, а там уж дело за учеными.

— Мне, конечно, все равно, — сказал Юуки, подбирая с палубы фотоаппарат, — но проверил бы ты, парень, содержимое футлярчика.

— Ой! — репортер бросился к Юуки. — Кошмар! Мой аппарат!

Раскрыв футляр, он с грустью оглядел объек-

тив.

— Кто же, спускаясь с вертолета, вешает на плечо фотоаппарат с телеобъективом, — назидательно заметил Юуки.

— А, ладно, — репортер улыбнулся со свойственной молодости беззаботностью. — Не мой ведь, газеты…

4

«Хокуто» вновь шел со скоростью двадцать пять узлов почти прямо на юг.

Хатидзё, словно растаяв в белом хвосте бегущей за кормой пены, остался где-то за северным горизонтом. Впереди по курсу не было ни одного острова. Сплошная, гигантская, чуть выпуклая чаша воды. Онодэра поднялся на наблюдательную площадку, «Хокуто» показался ему отсюда маленьким водомером, который взобрался на гигантский жидкий шар и теперь изо всех сил катит этот водяной мяч, в сотни тысяч раз превышающий его собственные размеры.

В ушах свистел влажный соленый ветер, появились высокие волны. «Хокуто» стал зарываться носом в воду. Далеко на юго-востоке появилось

небольшое скопление облаков — или это остров? — а на юго-западе с юга на северо-восток двигалось одно вытянутое облако. Над головой — слепящая голубизна. В ее середине бурлило, кипело и дышало зноем солнце, казалось, небо стекает вниз расплавленным голубым стеклом. Все это вместе с шумом рассекаемых волн и непрерывным воем турбин где-то в утробе корабля туманило голову и усыпляло. Онодэра словно погрузился в странный, наполненный резким, пронзительным криком сон.

Вдруг ему показалось, что он действительно слышит чей-то крик. Он глянул вниз. Задрав голову, на него смотрел Юкинага.

— Вон вы куда забрались, оказывается! — кричал доцент, стараясь перекрыть неистовство ветра и волн. — Что-нибудь видите?

— Летучие рыбы! — в свою очередь закричал Онодэра. — Снизу, должно быть, тоже видно…

Из черно-зеленых волн выскакивало нечто, похожее на сотни маленьких сверкающих серебром восклицательных знаков, седлало ветер, медленно пролетало на фоне воды и вновь исчезало в волнах. Серебряные стрелы, описывающие пологую дугу… Дыхание воды… Безмолвный, бесконечно повторяющийся возглас удивления

самого моря, залюбовавшегося чудом легко скользящего корабля.

Когда стаи сверкающих летучих рыбок на мгновение исчезли — рассыпались, словно выдутые из бамбуковой трубочки серебряные иголки, — над поверхностью моря хищно взметнулось что-то крупное, в десятки раз превышающее размерами летучих рыб, взвилось, блеснуло сине-красным отливом и с неожиданной плавностью, почти не поднимая брызг, нырнуло в волну.

— Корифена, — сказал Онодэра.

— Что-что? — переспросил Юкинага.

— Это корифена преследует летучих рыб.

— Дельфин?

Онодэра отрицательно покачал головой. Однако когда он огляделся кругом, то очень далеко на северо-западе увидел стаю черных блестящих существ. Они выскакивали из волн и, описав полукольцо, снова ныряли в глубину. Казалось, весь смысл их жизни заключался в этой увлекательной игре. А еще севернее порой виднелась сверкающая спина огромного кита, и к голубому небу вздымались фонтаны воды.

Началась зона субтропиков, выдвинутых волнами теплого течения далеко на север. За горизонтом, к которому направлял бег этот над-

менный в своем изяществе корабль, находились Марианские и Каролинские острова — острова вечного лета, палимые прямыми лучами тропического солнца. Экватор… Полоса зноя, опоясавшая земной шар. А там, еще дальше к юго-востоку — до самого мыса Горн, южной оконечности Американского материка, куда Антарктида закидывает свои айсберги, — простирается необозримая водная гладь с редкими вкраплениями островков. Словно звездная пыль в небе… Вода, одна вода… Самый большой в мире океан площадью в сто шестьдесят пять миллионов квадратных километров, средняя глубина которого четыре тысячи триста метров! Половина Мирового океана! Расстели по ней всю сушу Земли, так еще останется двадцать миллионов квадратных километров воды.

— Спускайтесь, — предложил Юкинага, подбрасывая на ладони банку пива. — Холодное, выпьем, а?

Посмотрев на крутившуюся перед самым носом радарную антенну, Онодэра спустился вниз. Ветер сорвал белую липкую пену с холодной запотевшей банки.

— Как там Юуки? — отпив, спросил Онодэра.

— Лежит в каюте. И этот газетчик, кажется,

вместе с ним.

— А профессор Тадокоро?

— Засел в радиорубке и мучает оператора. Комиссия уже прибыла на место, вот он и хочет получить оттуда информацию.

— Водолазы уже, наверное, погружались?

— Вроде бы нет. Сначала изучат место происшествия, а потом вернутся на остров Тори.

— На Тори, — Онодэра залпом осушил банку и бросил ее в стремительно убегавшие назад бело-зеленые волны, — кажется, есть метеоролог…

— Что это, не Аогасима ли? — Юкинага показал на восток, туда, где виднелись облака. — Пожалуй, что он. Быстро идем, если не сбавим темп, то до захода будем на Тори.

— А это что? — Онодэра показал вперед по движению корабля. — Может быть, судно?

Над южным горизонтом к небу поднимался столб жидкого черноватого дыма. Ветер относил его к северо-востоку.

— Нет, это не корабль, — Юкинага, прищурившись, смотрел вперед. — Вулканический дым. В районе скал Байонэз.

— На рифе Мёдзин?

— Нет, Мёдзин, в последнее время успокоился. А вот на рифе Смита впервые за полвека появились

признаки возможного извержения. Недавно задымил еще один риф. Эдак и остров образуется.

Онодэра вдруг вспомнил о взрыве рифа Мёдзин. Он узнал о нем из газет еще ребенком… Это было в 1952 году (неужели так давно?!). Неожиданно раскололась гладь океана, и со дна взметнулись дым, огонь, лава. Пламя, бушевало внутри, но казалось, что, выплевывая клубы дыма, горит сама вода. Какое страшное впечатление произвела тогда на него фотография извержения! Этот гигантский взрыв буквально распылил наблюдательное судно «Дайго Кайёмару», погиб весь экипаж — тридцать один человек. Море — насколько хватает глаз, и вдруг из какой-то его точки начинают извергаться клубы горячего дыма и пепла… Даже теперь, столько лет спустя, в нем оживает мальчишеское волнение. Подумать только, какие чудеса творит то, что называется природой!

— С островом Тори в 1886 году случилось то же, — говорил Юкинага, подставляя лицо ветру. — Страшное дело! Взрыв огромной силы — в мгновение ока исчезла гора, возвышавшаяся в самом центре острова, и погибли все его жители — сто двадцать пять человек.

— В последнее время вулканический пояс, ка-

жется, снова приобретает активность…

— Острова Осима, Мияке архипелага Идзуситито и остров Аогасима… Да еще поговаривают об извержении Амаги. Правда, по имеющимся данным, активность этих вулканов никак между собой не связана, но…

— Что «но»?

— Нельзя сказать, что активность вулканов никак не связана с изменениями в геоформирующих процессах.

Некоторое время они молча глядели на море.

Судно шло над вулканическим поясом Фудзи, протянувшимся по дну Тихого океана от центральной части Японии прямо на юг. Этот пояс огня протяженностью более тысячи шестисот километров берет начало от вершин хребта Хида центрального горного массива Хонсю-Хакуба и Норикура, проходит через Акаиси, Фудзияма, Хаконэ и Амаги, тянется по островам Идзуситито, скалам Бейонейсу, через остров Тори на юг, захватывая острова Нампо, доходит почти до Северного тропика. В океане он обозначен островами-песчинками — вершинами подводных вулканов, поднявшимися с глубины четырех тысяч метров. Основания этих островов, состоящие из вулканической породы, омывает прозрачное

темно-зеленое стремительное течение Куросио, мчащееся с юга на север. Оно приносит к нам из далеких теплых морей южных рыб, водоросли, птиц, семена. Здесь восточная оконечность северного рукава «Великой черной реки океана», которая берет начало в тропиках, поворачивает на восток и, распространяясь веерообразно, омывает своими могучими потоками Японский архипелаг со стороны Тихого океана.

Крохотные песчинки-острова, заканчивающиеся в северо-западной части Тихого океана огнедышащей гирляндой, являются вершинами гигантской подводной горной Дени. Недаром иногда говорят, что именно здесь находится западный берег Тихого океана. Эта горная цепь, которая берет начало в Северо-Восточной Сибири, на полуострове Камчатка, проходит через Курильские острова, северо-запад и центральную часть Хонсю, делает большой изгиб, который, протянувшись через острова Нампо, Марианские острова и острова Палау, образует дугу огромной протяженности, спрятанную под водой на тысячеметровой глубине. Конец этой дуги доходит до кривой Ява-Суматринского изгиба. Эта система островных дуг и сопряженных с ними желобов тянется и дальше на юг, там в нее входят острова

Тонга, Кермадек и Новая Зеландия. По обе стороны от этой подводной гряды структура морского дна различна.

Любопытно, что везде вдоль внешней, обращенной к Тихому океану стороны этих островных дуг тянется непрерывная цепь глубочайших морских желобов. Курило-Камчатский, Японский, Идзу-Бонинский, Марианский, Западно-Меланезийский, Витязя, Тонго-Кермадекский. А ближе к материку — Филиппинский желоб. На этом удивительное не кончается: по упомянутым горным грядам на морском дне проходит кольцо Тихоокеанского вулканического пояса — огненное кольцо Тихого океана, которое прямиком дотягивается до Японии.

— Невероятно, — невольно произнес Онодэра, глядя на быстро убегающую назад темную воду.

— Что? — спросил Юкинага, тщетно пытаясь прикурить на ветру.

— Да так… Чего только нет внизу, по нашему курсу…

— А-а, — кивнул Юкинага, смяв и бросив за борт намокшую от брызг сигарету. — Действительно… Я тоже сейчас думал именно об этом.

— Словно в романе Кунио Янагиды «Шоссе на море» — Онодэра ловко помог Юкинаге закурить

новую сигарету. — Здесь над вулканическим поясом как будто скоростное шоссе протянулось. Именно по нему «дьяволы» в древних хрониках, надо думать, микронезийцы, попадали в Японию, подгоняемые южными ветрами и быстрым течением Куросио.

— Н-да, — сказал Юкинага, с удовольствием затягиваясь. — Тихоокеанское шоссе — неплохо.

Они засмеялись.

— Между прочим, ничего смешного тут нет! — неожиданно раздался низкий голос. Скрестив на груди волосатые руки, возле них стоял неизвестно когда появившийся на палубе профессор Тадокоро. — Я считаю, что и люди, и растения, и кораллы — все ведут себя одинаково. Обнаружив какой-нибудь выступ, сразу же цепляются за него. Да и жизнь, скорее всего, так и возникла. Возможно, высокомолекулярные частицы коллоида зацепились за неровности молекулярного уровня, закрепились и благодаря этому образовалась первая сложная белковая молекула.

— Гипотеза вполне в вашем стиле, профессор, — засмеялся Юкинага.

— А смеяться-то нечего! Послушай, тебя, кажется, зовут Онодэра? А ты как думаешь? Какая разница, скажем, между скелетом, образующим-

ся вследствие закрепления углекислого кальция, возникновением коралловых рифов и созданными человеком городами из железобетона?

— Н-да, интересно… — Онодэра серьезно кивнул, — Если встать на такую точку зрения, то получается, что эволюция человека и все его деяния в прошлом и будущем уже запечатлены на страницах четырехмиллиардолетней истории земной жизни.

— И не только. Я считаю, что единая общая закономерность присуща любой эволюции, будь то эволюция мельчайших частиц или эволюция Вселенной. Кстати, к вопросу о Тихоокеанском шоссе. Юкинага, как ты думаешь, островные дуги и желоба на океанском дне — это следы горообразовательных процессов прошлого или же признаки грядущих горообразовательных процессов?

Не знаю, — Юкинага растерянно покачал головой. — Для однозначного ответа не хватает данных. Но я полагаю, что в районе Идзу-Бонинского и Марианского желобов будут происходить новые горообразовательные процессы. Ведь такие процессы в середине и конце кайнозойской эры происходили у материков.

— Ты имеешь в виду теорию передвижения

горообразовательных процессов на восток? — не без иронии уточнил профессор. — Попробуй изложи ее своему декану, тебя тут же переведут на голодный паек.

— Это шутка. Просто пришло в голову, — доцент явно растерялся. — Забудьте, пожалуйста. В общем, ничего нельзя сказать, пока должным образом не будет изучена геологическая структура дна в западной части Тихого океана.

— Короче говоря, пока кривую флексуры на дне Тихого океана удобнее считать продуктом миоценского горообразовательного процесса, — съязвил профессор. — А не хочешь поспорить? В будущем на островах Бонин и Марианских островах начнутся крупные горообразовательные процессы, в результате которых на этом месте возникнет гигантский архипелаг, а Филиппинский морской бассейн превратится во внутреннее море. Охотское, Японское и Южно-Китайское моря — в лиманы, а может быть, частично даже в равнину. В результате на равнинной части Китая установится континентальный климат, и она постепенно превратится в пустыню.

— Какой смысл в подобном споре, кто будет судьей?

— Человечество через десять миллионов лет.

Если горообразовательный процесс ускорился, я думаю, для таких изменений этого времени будет вполне достаточно! — хохотнул профессор. — Правда, если через десять миллионов лет еще будет существовать человечество…

— Однако… — начал было Юкинага, но в этот момент все они ощутили тупой удар по днищу.

— Что это? — профессор Тадокоро вглядывался в воду. — Столкнулись с чем-нибудь?

— Ну что вы! Откуда здесь взяться подводным рифам?! — воскликнул Юкинага.

Тут по их лицам беззвучно хлестнула воздушная волна. Затем из глубины океана донесся похожий на орудийный залп грохот.

С мостика резко прозвучали слова команды, по палубам и трапам затопали ноги.

— Извержение! — крикнул с верхней палубы Юуки, выскочивший вместе с репортером Тацуно из каюты.

— Где, где? Надеюсь, ничего страшного? — суетился газетчик. — Тьфу ты черт, если б фотоаппарат был цел!

— Можешь взять мой, — предложил Онодэра. — На полке над моей койкой. Только он узкопленочный.

На палубах все что-то кричали, указывая на

северо-восток.

Скалы Байонэз, мимо которых только что прошли, с шумом извергали серо-коричневый дым. В дыму над водой плясали языки багрового пламени. Вздыбившееся вокруг скал море стало белесым от пепла.

— Профессор Тадокоро, — крикнул с мостика капитан, — как вы думаете, обойдется?

— Обойдется, ничего особенного, — ответил профессор, не известно как и когда вооружившийся биноклем. — Да и расстояние до нас большое. Нам, пожалуй, лучше всего передать предупреждение ближайшим судам и идти вперед, не меняя курса.

— Смотрите, у рифа Мёдзин тоже выбросы пара, — Юкинага смотрел в одолженный у профессора бинокль. — Да, извержение, кажется, небольшое. До образования нового острова еще далеко.

— А что нас тряхнуло? Цунами? — спросил Онодэра.

— Может быть, может быть. Но тоже не слишком сильное. Дойдет до острова Аогасима, заставит его разок нырнуть, и все, — успокоил профессор.

Онодэра попросил у Юкинаги бинокль. Из моря

в несколько рядов извергалось рыжее пламя. Потом вершина атолла подпрыгнула и рассыпалась на куски. И почти сразу вода вокруг атолла закипела, белый пар и коричневый дым скрыли пламя. Дым не только поднимался высоко в небо, но и стелился понизу. Заставляя пузыриться воду, ливнем сыпались раскаленные вулканические бомбы и пемза. Прозвучало еще несколько глухих взрывов.

— Да, действительно, ничего особенного, — повторил профессор Тадокоро. — Видите, огонь уже

пошел на убыль.

Профессор был прав: внизу дым стал редеть. Еще раз посмотрев в бинокль, Онодэра заметил, что между скалами образовалось нечто вроде отмели, где плясали низкие, похожие на щетку язычки пламени. Судно накренилось. Онодэра почувствовал, что «Хокуто» еще прибавил скорость. Волны то и дело окатывали палубу. Брызги с силой хлестали по лицу, началась килевая качка, и судно мелко завибрировало.

Палубы опустели, газовые турбины выли, словно ветер в подземном гроте.

— Только что принята радиограмма с наблюдательного судна, — сказал капитан, спустившись с мостика. — Мы пойдем прямо в район затонувшего острова, а затем к острову Тори — возьмем на борт сотрудников метеостанции.

— К острову Тори? — встревожился Юкинага.. — Там тоже появились признаки извержения?

— Понятия не имею. Мне известно лишь, что начальник метеостанции объявил положение тревоги и просил эвакуировать людей с острова. Вы же здесь промокнете! Судно может разок-другой зарыться носом в волну, так что вам лучше спуститься в каюты, — капитан поставил ногу на ступеньку трапа, ведущего на мостик, — кстати,

цунами, которое недавно прошло, кажется, не имеет отношения к извержению. Поступило сообщение, что скорее всего оно связано с землетрясением к востоку от Бонинского желоба.

Услышав это, профессор Тадокоро нахмурился.

Со стороны кормы появился Тацуно, мокрый насквозь и очень расстроенный.

— Онодэра-сан, — сказал он, — я должеп перед вами извиниться… Когда началась боковая качка, волна унесла ваш фотоаппарат.

Онодэра, остановившись у люка в трюм, внимательно посмотрел на журналиста и сдержанно усмехнулся:

— Возместишь!

5

«Хокуто» пришел на место встречи в тридцати километрах к северо-востоку от острова Тори.

Закатное солнце с бешеной яростью, словно желая вскипятить море, изливало свои последние лучи на водную гладь тридцатой северной широты. Царил полный штиль. Будто подернутая маслом вода лишь изредка едва вздрагивала под слабым юго-восточным ветерком.

«Вадацуми» вместе с палубной подставкой спустили на воду, подтянули канатами к «Дайтомару», третьему судну метеослужбы, и подняли на его корму. Танкера фирмы КК еще не было, очевидно, «Хокуто» где-то его обогнал. Говорили, что он прибудет только ночью.

Когда над тихой водой разлились сумерки и в небе засияли неправдоподобно яркие южные звезды, погрузка закончилась. «Хокуто» тут же дал прощальный гудок, взял курс на юго-запад и на полной скорости пошел к острову Тори — эвакуировать служащих метеостанции.

— Что же все-таки происходит на Тори? — послышался голос профессора Тадокоро. В полумраке палубы собеседников его не было видно.

— Положение не совсем ясно… Повышение температуры почвы, дымовое извержение. Короче говоря, все то, что называют характерными признаками вулканического извержения, — ответил немолодой мужской голос. — Говорят, ты наблюдал извержение на Байонэз? Веселые, в общем, дела…

— А что это за землетрясение к востоку от Бонинского желоба?

— Да так, пока ничего существенного. Даже,

кажется, никакого влияния на Хонсю не оказало.

Открылась дверь. На палубу упал свет. Фигуры Тадокоро и Юкинаги резко обрисовались в дверном проеме. Их встретили возгласы и веселые приветствия.

Поручив «Вадацуми» заботам Юуки, Онодэра спустился с кормы вниз. Тысячевосьмисоттонный «Дайто-мару», рассчитанный на длительные метеорологические наблюдения, внутри почти не отличался от пассажирского судна: те же просторные, комфортабельные помещения, та же сияющая чистота. Когда Онодэра шел по коридору, из дверей офицерского салона его окликнул Юкинага:

— Онодэра-сан, зайдите к нам, пожалуйста! У нас тут совещание.

В офицерском салоне, вокруг стола, заваленного морскими картами, собралось человек десять. Ученые, члены комиссии. Среди присутствовавших выделялся пожилой человек с наружностью университетского профессора.

— Онодэра из фирмы по разработке шельфов, — представил вошедшего Юкинага. — Старший штурман «Вадацуми».

Несколько сдержанных кивков, и тут же все возвратились к прерванному разговору.

— А где канакские рыбаки, которые во время катастрофы были на острове? — перекрывая голоса, спросил профессор Тадокоро. — Они здесь?

— Я послал за ними, — сказал немолодой незнакомый Онодэре человек. — Завтра на американском рейсовом судне их отправляют домой.

Видно, это тот самый знаменитый океанолог, подумал Онодэра, который предложил зафрахтовать «Вадацуми» Для работ комиссии.

— Что-то очень уж много шума из-за какого-то там островка, затонувшего посреди океана. Правда, я заметил это лишь по прибытии сюда, — сказал профессор Тадокоро, обводя взглядом присутствующих. — Просто удивительно. Управление метеорологии, Управление морской продукции, Управление по науке и технике. Снарядили специальное судно…

— Так ведь летние каникулы, — усмехнулся уже вполне освоившийся специалист из Управления по науке и технике, молодой человек с умным, тонким лицом. — В Токио, как известно, страшная жара. Людям на море хочется.

— Знаете ли вы, — заговорил представитель Управления метеорологии, — что этот остров был обнаружен совсем недавно, лет пять назад, а его территориальная принадлежность была

утверждена всего три года назад. У него до сих пор нет официального названия.

— Как же это так? В наш-то век проглядеть остров…

— Не проглядели, просто раньше его не было, — стал объяснять один из членов комиссии. — Был подводный риф, о существовании которого знали только отдельные рыбаки. В стороне от авиалиний — никто и не обратил внимания. А лет пять назад, когда его обнаружило японское метеосудно, это был уже настоящий остров, протянувшийся на полтора километра с юга на север и на восемьсот метров с востока на запад. Самая высокая точка поднималась над уровнем моря на семьдесят метров. И трава там была, и, главное, источник с хорошей пресной водой.

— На таком крохотном островке? — изумился профессор Тадокоро. — Просто невероятно! Да к тому же в центре океана…

— Среди островов вулканического происхождения такие попадаются, — вмешался Юкинага. — Существует теория, что под землей образуется природный дистиллятор…

— И что же дальше? — нетерпеливо перебил профессор.

— Как ни странно, этот остров оставался в пря-

мом ведении канцелярии премьер-министра. Даже после определения его территориальной принадлежности. Идея совместного использования острова управлениями метеорологии и морской продукции возникла всего полтора года назад, и то только потому, что правительство США хотело его купить якобы для учебных бомбардировок. Но мы думаем, у них были иные цели.

— Тем временем Управление морской продукции вошло в правительство с предложением, — заговорил другой член комиссии, — использовать остров для укрытия океанских рыболовецких траулеров, а Управление метеорологии предполагало перенести на него свою станцию с острова Тори… Казалось, на новом острове уже десятки тысяч лет прекратилась вулканическая деятельность. Там были удобный залив, по-видимому, кратерного происхождения, очень подходящая гавань для судов, пресная вода. Все это не шло ни в какое сравнение с островом Тори, с его действующим вулканом.

— Начали что-нибудь строить?

— Нет, но необходимые средства выделили. Бюджетом нынешнего года предусмотрен проект строительства, так что в будущем году собира-

лись приступать к работам.

Открылась дверь, и в салон вошел дочерна загорелый мужчина лет пятидесяти. Одежда кургузо сидела на его мощном приземистом теле. Из-под коротких рукавов выпирали могучие бицепсы, под носом неровной щеткой росли усы. На его воспаленных веках почти не было ресниц, казалось, их сожгло яркое солнце.

За коренастым, распространявшим, как и положено рыбаку, запах рыбы и машинного масла, вошли трое долговязых, совершенно черных людей. Двое из них были в полотняных, похожих на ковбойки рубашках, а третий — в порыжевшей дырявой майке. Большеглазые толстогубые лица, словно пух одуванчика, обрамляли мелко вьющиеся волосы. У самого старшего, с серебристым нимбом и бородой, на ляжках и груди синела татуировка. Коренастый мужчина, сняв замасленную фуражку, поклонился и нерешительно остановился у двери. Трое канаков топтались на месте, улыбаясь и раскачивая длинными руками.

— Господин Ямамото с траулера «Суйтэн-мару», спасшего канакских рыбаков. Господин Ямамото немного говорит по-канакски, и мы попросили его помочь нам объясниться с канаками. Эти

рыбаки, жители острова Уракас, оказались жертвами катастрофы.

— Расскажите, пожалуйста, как все произошло, — профессор Тадокоро жестом предложил вошедшим сесть. — Наверное, вы рассказываете уже не в первый раз, но повторите, пожайлуста, для нас.

— Э-э, — потупив глаза и даже не попытавшись сесть на предложенный стул, начал сиплым голосом человек, которого назвали Ямамото. — Я не очень-то говорю по-канакски. Так, самую малость. Я… это… еще до войны побывал на Сайпане, Парао, Яне, Ангауле — отец работал в тамошних местах. Ну, а я-то парнишкой еще был в то время, так что не слишком обучился. Но они кое-как понимают по-английски, а дед немного даже по-японски.

— Кончива, — поздоровался по-японски канак с татуировкой, величественно кивнув головой и сморщив в улыбке и без того морщинистое лицо.

— Здравствуйте, здравствуйте, — с неожиданной приветливостью отозвался профессор Тадокоро и предложил канакам сигареты. Когда все трое, очень довольные, выпустили первые кольца голубого дыма, профессор, словно только этого и ждал, сказал рыбаку: — Пожалуйста,

прошу вас!

— В тот день наш траулер был в море к северо-востоку от атолла Ямомэ. Ну, это тот самый атолл, что на северо-западе от Бонин. Ловом, значит, занимались, — заговорил рыбак. — По радио слышали, что после полудня пройдет тропический циклон и давление понизится, ну, мы и старались побыстрее управиться. А тут как назло мотор забарахлил. Работать-то он работал, но не давал скорости.

Циклон ожидался, кажется, не такой уж сильный, но если прямо под него попасть, руль как раз и выйдет из управления. Ну, думаем, лучше укрыться у какого-нибудь острова. А нас уже отнесло от острова Муко, довольно далеко отнесло к северу, решили на остров Тори идти, а штурвальный говорит: «На Тори не очень-то и укроешься, лучше на новый остров, к северо-востоку от Тори. Там есть утес, что твоя ширма! Очень подходящее место, чтобы укрыться от ветра». Ну, мы с попутным ветром, да и течение помогло, кое-как добрались до этого острова. Вечерело уже. Северная сторона острова на самом деле оказалась удобной, чтобы укрыться от ветра, да и дно там было подходящее — есть за что зацепиться якорю. Огляделись, значит, видим — вход в залив. Темно-

вато уже. Капитан сказал: «Войдем туда, и будет порядок». А штурвальный: «Нет. Он хоть и знал об этом острове, но еще ни разу не входил в этот залив. Побоялся вести туда судно — неизвестно, мол, какая там глубина и все прочее. А тут еще мотор барахлит. Пока препирались — наступила кромешная тьма, в небе ни звездочки. Сплошные тучи. Решили, прав штурвальный, не полезем мы в залив, здесь переждем, циклон-то не такой уж страшный. Ну, встали на якорь в четверти мили от острова. Все уснули. Механик только дежурил.

— На какую глубину бросили якорь? — спросил Юки-нага.

— Метров на пятнадцать, кажется. Посреди ночи задул ветер, но ничего, выдержали. Циклон-то только краешком нас зацепил и ушел на восток. Это мы по радио слышали. Все спокойно, значит, опять завалились спать. Н вот часа в три, на рассвете уже, показалось, будто нос нашей посудины дернуло вниз, ко дну. Я только-только вставал по нужде и вернулся в трюм, так что сразу почувствовал. А другие спали и ничего не заметили. Наверху напитан крикнул: «Что там стряслось?». В ответ ему заорал вахтенный: «Ничего, порядок». Ну я и уснул. А часа в четыре опять проснулся. От

крика. Слышу, вахтенный вовсю горланит и еще кто-то. Протираю глаза, выхожу на палубу, а там все кричат: «Беда, остров пропал!» В тучах появились просветы, и на море посветлело. Я огляделся кругом — что за чудеса! — нет острова. А ведь тут он был, рядышком. Наш траулер один-одинешенек в пустом море. Кто-то сказал: «Верно, якорь оборвался». Но якорь был на месте — болтался только в воде. «На месте-то он на месте, — опять говорит кто-то, — только ночью, когда судно дернуло, якорь, видно, оторвался от дна, ну траулер и унесло». А помощник капитана отвечает, что все равно за какой-нибудь час течение не может так далеко унести. И упрямо так настаивает на своем. Ну, пока мы спорили, вдруг вахтеный — чудак такой, совесть его мучила, словно бы остров по его вине пропал, — как заорет с мачты: «Человек за бортом!» Мы глянули — чуть ли не у самого корабля несколько человек плывут, кричат что-то. Ну, ясное дело, взяли мы их. Вот эти трое…

— Так, — профессор Тадокоро глубоко вздохнул. — Значит, они в ту ночь были на этом острове?

— Совершенно верно. Но когда мы вытащили их из воды, они были очень напуганы. Мы ничего не могли от них добиться. Потом кое-как выясни-

ли, что к чему. Накануне порыбачили они и стали раздумывать, не повернуть ли к острову Муко еще немного порыбачить, а тут налетел шквальный ветер и разорвал их и без того дырявый парус. Лодку понесло на север. Подналегли они на весла и вошли в залив этого самого острова. Починили парус и решили заночевать. На самом высоком месте острова устроились. А пока они спали, остров-то и затонул. Образовалась воронка — все же остров затонул, а не что-нибудь, — каноэ затянуло и унесло. А эти бедняги очутились в воде. Страху натерпелись — ни острова нет, ни лодки, одна чернота кругом. Все призывали на помощь какого-то своего бога. Но повезло им все-таки, продержались до рассвета, а тут и мы.

— Простите, что опять перебиваю вас. Вы тогда измерили глубину?

— Измерили. Прямо под судном было семьсот метров. Но, оказалось, что нас отнесло от места якорной стоянки километра на два. Правда, мы это выяснили уже после, — сказал Ямамото и вдруг, страшно смутившись, спросил:

— Э-э, мне присесть можно будет?

— Ну, конечно, — молодой специалист пододвинул к нему стул. — Да и они пусть сядут, скажите им.

Ямамото сказал что-то по-канакски. Трое топтавшихся у дверей канаков, неуклюже двигаясь, уселись на скамейку. Молодые, не мигая, уставились на пепельницу, полную недокуренных сигарет.

Онодэра вынул из кармана пачку и протянул им. Молодые люди улыбнулись ему и взяли сигареты. Их черные, словно отполированные тела распространяли запах соли, солнца и рыбы, ощущался и легкий аромат бетеля.

— Потом, — Ямамото вытащил из нагрудного кармана помятую сигарету и сунул ее в рот. Он протянул было руку к спичкам на столе, но молодой человек из Управления по науке и технике поднес ему свою газовую зажигалку. — Премного благодарен! Да, удивились мы все — это надо же, остров пропал! Капитан говорит, что такое он первый раз слышит, а штурвальный как даст ходу прямиком на юг. Двигатель уже исправили, так что понеслись мы быстро. Все время, конечно, эхолотом измеряли глубину. Не прошло и пятнадцати минут, как штурвальный кричит: «Капитан! Нашелся остров-то! Море все время мельчает! Сейчас глубина пятьдесят метров». «Такие ме-ли в этих местах встречаются», — не уступает капитан. «А вы капитан, идите сюда,

посмотрите на показания эхолота». Тут штурвальный изменил курс градусов на десять к западу и на четвертой скорости, а затем на тихом ходу вел судно с особой осторожностью. А капитан стоял на передней палубе — он, знаете, летчиком был когда-то, — смотрел на посветлевшее море (к этому времени совсем уже рассвело) и ворчал: «Какой там еще остров, ничего тут нет…» Но вдруг, это даже я заметил, море начало менять свой цвет. Капитан скомандовал: «Следить за глубиной!» А штурвальный высунул голову из рулевой рубки и кричит: «Капитан, мы идем над островом». «На самом деле мелко стало, ты не зевай, гляди в оба!» — говорит капитан. «Ничего, порядок. Мы уже почти прошли. Глубина сто метров… Это, наверно, бывший залив. Сейчас идем над южным краем. Опять мелко, глубина десять метров», — отвечает штурвальный.

Ямамото на минуту умолк. В салоне стояла мертвая тишина, даже дыхания не было слышно. Всех захватил рассказ рыбака. Этот косноязыкий человек с сиплым голосом очень живо и образно описывал события.

— А записи с измерениями глубины сохранились? Где они? — спросил Юкинага.

— А-а, записи, — Ямамото прикурил от догора-

ющей сигареты, — их передали на ваше судно… В то время как раз выглянуло солнце, но мы определили наше местонахождение, оно в точности совпало с координатами острова, которые были известны штурвальному. Несколько наших стали пырять и сразу нашли знакомую вершину — самую высокую на острове. Тут сразу радировали на Тори. А с Тори уже передали дальше. Ну, а потом пришла радиограмма, чтобы кто-нибудь из нас, очевидцев, и канаки тоже прибыли на Тори. Траулер наш ловлю закончил, надо было возвращаться домой, да и рыбы полно, а холодильники дрянные, чуть недоглядишь, все убытком обернется. Посоветовались мы и решили, что останусь я, тем более что вроде и по-канакски понимаю.

— Ребята на Тори в последнее время что-то очень нервничают. Это они настаивали на немедленной отправке исследовательского судна, — спокойно начал океанолог. — А мы как раз снаряжали «Дайто-мару» для океанологических работ на юге. Практически были уже готовы. Но пришлось выйти на три дня раньше предполагаемого срока. Экстренно собрали специалистов и полным ходом двинулись к месту происшествия. Интересно отметить, что одновременно с погружением безымянного острова на метр

уменьшилась высота острова Тори над уровнем моря. А ведь острова в тридцати километрах друг от друга.

— Давайте теперь послушаем рыбаков, — профессор Тадокоро повернулся к канакам. — Господин Ямамото, вы сможете переводить?

Ямамото, почесав затылок, приступил к обязанностям переводчика. Но ни его канакский, ни японский старшего из рыбаков, ни английский молодых канаков не шли в сравнение с красноречивыми телодвижениями и звукоподражанием троих детей природы.

Рыбаки прибыли на остров после полудня. До вечера чинили пострадавшее каноэ и парус. Высокий утес загораживал залив. Невдалеке нашли источник с пресной водой. Тут же была не очень глубокая пещера. Обнаружили даже дорогу. Видно, ее проложили заходившие сюда время от времени рыбаки. И хижину нашли. Но они решили ночевать в пещере, откуда видны были залив и каноэ, да и замок на двери не хотелось ломать. Ночью задул ветер. Но в пещере было спокойно. Все уснули.

Старик проснулся от шума волн и разбудил молодых. Нода уже стояла у самого входа в пещеру. В темноте не было видно, куда девалось выта-

щенное на берег каноэ. Море чуть волновалось, крутились мелкие воронки, но в общем все было спокойно, остров тонул беззвучно.

А колебания почвы, толчки? Или грохот?

Нет, ничего такого не было. А если и было чуть-чуть, то они не заметили — очень уж напугались.

— А как быстро затонул остров?

— А вот так! — Молодой канак присел на корточки, положил ладонь на пол, а потом медленно распрямился, постепенно поднимая руку.

— Со скоростью погружения прежних подводных лодок — пробормотал кто-то. — Быстро, однако…

Они кинулись бежать к вершине острова. Вода гналась по пятам. Пока добежали, вершина превратилась в груду скал, окруженных кипящей белой пеной. Взобрались на одну. Волны лизнули ступни, потом щиколотки. Обнявшись, люди воззвали к богам — хранителю острова Уракас, морскому богу, богам-предкам. Кромешная тьма, ни звезды. Вода достигла живота. Казалось, последняя скала уходит из-под ног. Вода поднялась до груди, потом до шеи, и земля окончательно ушла вглубь. Пены уже не было, только бесконечно крутились большие и малые воронки. Их

стало затягивать, но они кое-как удержались на поверхности. Острова уже не было. Сколько они не пытались нащупать ногами дно, ничего не вышло — вокруг была только вода. Бездонное черное море под таким же бездонным черным небом. Они поплыли в поисках каноэ. Не нашли. Страх от происшедшего, страх перед появлением акулы, усталость. Начали тонуть. На счастье, попался обломок ствола, на нем по очереди отдыхали. Горизонт слегка посветлел, заметили вдали корабль. Спасены! Закричали и поплыли. В спешке снова чуть было не утонули. От страха, что корабль уйдет. В их преданиях есть история о том, как затонул остров, но сами они видят это впервые. Им бы скорее вернуться на свой Уракас, чтобы отблагодарить всех богов. Сородичи будут удивлены. А вождь, наверное, устроит праздник. Женщины будут слушать их рассказы…

— Дайте, пожалуйста, сигарету, — неожиданно чисто сказал старик по-японски.

Взяв протянутую Онодэрой сигарету, он с достоинством, как подобает закончившему рассказ старейшине, не торопясь прикурил ее, выпустив дым из приплюснутых ноздрей.

— Удивительно много историй о затонувших островах, — профессор Тадокоро скрестил на

груди руки. — Имеются достаточно достоверные сообщения об островах, затонувших вне всякой видимой связи с вулканической деятельностью. Были и такие острова, которые неоднократно появлялись и исчезали под водой. Но данный случай, когда достаточно большой остров затонул с такой быстротой и притом на глазах у очевидцев, по-моему, из ряда вон выходящий.

— Да. Но удивительно не только это, — сказал в своей обычной спокойной манере океанолог. — Дело в том, что «Суйтэн-мару» отметил местонахождение самой высокой точки острова буем. Однако ко времени нашего прибытия буй унесло. До встречи с вами мы успели сделать несколько промеров глубины.

— Нашли остров?

— Нашли, — кивнул океанолог. — Самописец нашего эхолота вывел точно такой же контур морского дна, как и самописец эхолота «Суйтэн-мару». Таким образом мы установили местонахождение затонувшего острова. Однако самая высокая точка острова оказалась на глубине девяноста метров. Итак, получается, что за какие-нибудь двое с половиной суток морское дно в данном районе опустилось на сто шестьдесят метров. Что вы скажете на это, Тадокоро?

6

Онодэра отправился в выделенную для него каюту. Его провожатый, совсем молоденький матрос, по пути, извиняясь, объяснил, что отдельных кают не хватает.

На койке лежал Юуки.

— Ты что, опять плохо себя чувствуешь?

— Да нет, — сказал Юуки. — Просто устал. Полностью закончил регулировку. Завтра погружайся хоть с самого Утра.

— Извини, что доставил тебе столько хлопот, — Онодэра бросил свои вещи на вторую койку.

В каюту с листками бумаги в руке шумно ворвался Тацуно.

— Потрясающе, Онодэра-сан, потрясающе! Вот оперативность нашей газеты: не успели получить известие о выходе «Вадацуми», меня — сюда! А я уже отправил первую телеграмму. Другие газеты только зашумят об извержении на Байонэз, а у нас — сообщение о «Суйтэн-мару» и рассказ канаков. Сенсация! А вы завтра погружаетесь? Возьмите меня с собой на «Вадацуми», а?

— Думаю, не выйдет, — Онодэра покачал головой. — Столько ученых и чиновников, и все хотят

на «Вадацуми». А гондола берет только троих. Сколько раз удастся погрузиться, не известно. Все будет зависеть от погоды.

— Да и насчет сенсации сомнительно, — сказал Юуки, глядя в потолок со своей узкой койки. — Если бы на острове было извержение и погибли люди, тогда, может, и получилось бы грандиозное сообщение. А тут какой-то безымянный островок на краю света погрузился в воду, да тихо, без всякого шума. Кого это поразит? И вообще сейчас не до этого — я тут слушал на коротких волнах передачу новостей из Японии — на суперскоростном шоссе Тона произошла страшная катастрофа.

— Какая катастрофа? — у Тацуно округлились глаза.

— Где-то в восточной части префектуры Айти провалился мост. В ущелье упал бензовоз с полными цистернами. Вспыхнул лесной пожар, и людей, надо думать, погибло не мало. В общем, страшное дело. В район бедствия брошены силы самообороны.

— Правда? Неужели такой переполох? — воскликнул сразу сникший Тацуно. — Чего доброго, мое сообщение дадут мелким шрифтом где-нибудь в конце полосы.

— А почему бы тебе не написать статью для раз-

дела науки? Это куда как солиднее, чем писульки в разделе происшествий, — сказал Юуки.

— А не знаете, каковы последствия цунами, который нас задел по пути сюда?

— Да, кажется, никаких особых последствий. Разве незначительно пострадал район полуострова Босо.

— Не повезло. — Тацуно, совершенно упав духом, опустился на скамью. — Фотокамера, которой заснял извержение — в океане. Единственное, что меня может спасти, — любым путем попасть на «Вадацуми»...

— Да не мучайся ты, — Онодэра хлопнул Тацуно по плечу. — Огино, навигатор на «Хокуто», все заснял. У него кинокамера. Он мастер. Радируй ему и попроси одолжить тебе пленку. Скажешь, что от меня о ней узнал.

— В самом деле?! — У Тацуно заблестели глаза. — Вот было бы здорово!

— На «Хокуто» есть копировальный аппарат, — вмешался Юуки. — Так что через спутник связи над Тихим океаном снимки можно передать по фототелеграфу в Тёси, тогда они завтра попадут в утренний номер.

— Вот это да! — Тацуно вскочил на ноги. — Но разве судно Управления безопасности такими

вещами занимается?

— Этого уж я не знаю. Все будет зависеть от того, как ты с ними сумеешь договориться, — сказал Юуки, поворачиваясь на другой бок. — Рано утром на «Хокуто», который сейчас стоит на рейде у острова Тори, отправится вертолет связи. Может, тебе полететь на нем?

— А что, попытаюсь! — Тацуно живо направился к двери. — Спасибо вам большое!

Когда Тацуно выскочил из каюты, Юуки расхохотался.

— Что это с тобой? — удивился Онодэра.

— Да этот наивный не понимает, что от него хотят отделаться…

Онодэра тоже рассмеялся.

— Пойдем на воздух, — предложил он. — Душно тут.

«Дайто-мару» дрейфовал, застопорив двигатели. Его медленно относило к северо-востоку, и теперь он находился километрах в десяти от затонувшего острова. Луна, в белизне своей похожая на нагую женщину, ярко освещал водную гладь. Ветра не было. На палубе дышалось легче. Они пошли в сторону кормы. Там кто-то играл на гавайской гитаре.

Тихая, навевающая дрему ночь. Ленивые волны почти без плеска ласкают корпус судна. Прислонившись к борту, Юуки вытащил трубку. В темноте — сюда не проникал лунный свет — то вспыхивал, то исчезал, словно дышал, желтый огонек.

Тихий океан… Его воды действительно кажутся воплощением спокойствия. Но в их темных глубинах таятся поразительные силы, если они способны за одну ночь поглотить остров в полтора километра длиной. Невероятно. Однако именно здесь по темному морскому дну тянется с севера на юг трехтысячекилометровый «огненный пояс». А еще глубже, под глобигериновым илом гигантский огненный змей из века в век единоборствует со скалами. Какой-нибудь бросок, какой-нибудь удар двух схватившихся противников — и где-то прорвется земная кора, разверзнется морская гладь, поражая человеческий взор и разум. Но это только капля пота гиганта, один выдох его свирепого дыхания.

Что же там происходит, на дне этого темного моря, думал Онодэра. Может быть, борьба могучих скал и огненного удава достигла того предела, когда кто-то из них дрогнет, не устоит и…

— Ах, вот вы где! — блеснувшие стекла очков

и белый треугольник сорочки не оставляли сомнений, что голос принадлежит Юкинаге. — К работе приступим завтра в семь утра. Вероятно, командир сообщит вам об этом. Если в семь начнем готовиться, когда сможем погрузиться?

— Я думаю, часа через полтора, — ответил Юуки. — Если бухнуться в воду сразу, без тщательной проверки, недолго и пузыри пустить.

— Какие-нибудь специальные приборы будем брать?

— Да, кажется, нет, — покачал головой Юкинага. — Вообще-то привезли несколько сейсмопрофилографов новой конструкции, но я думаю, они не имеют отношения к «Вадацуми».

— А что на Тори? — спросил Юуки. — Будет там извержение?

— Пока как будто все в порядке. Служащих метеостанции уже эвакуировали. Да, извержение на Байонэз прекратилось. Там образовался маленький остров.

— Тут остров затонул, а там вырос… — проворчал Юуки, выбивая трубку о борт.

Матрос с гавайской гитарой подошел поближе. Некоторое время все трое слушали его игру.

По трапу сбежал Тацуно. Поровнявшись с ними, он быстро затараторил:

— Представьте, удалось договориться с Огино-сан. Спасибо вам большое! Правда, сделать копии отказались. Но Огино-сан сказал, что у него есть и цветные снимки, так что их можно будет использовать в еженедельнике… Там, — Тацуно указал рукой наверх, — по телевизору новости передают. Катастрофа на Тона — что-то страшное. Пожар все еще продолжается.

Все трое почему-то подняли глаза к ночному небу, усеянному редкими звездами.

Крупный спутник связи международной фирмы «Интерсат» где-то над их головами транслировал новости специально для кораблей, находящихся в Тихом океане. Видно, размеры катастрофы на Тона причислили ее к новостям международного масштаба. Онодэра думал о гигантском пожаре, полыхавшем в ущелье где-то в центральной гористой части Японии, а потом безо всякой связи с предыдущим вспомнил о встрече с Го по пути в Хамамацу.

— Слишком много случайностей, — сказал Онодэра Юкинаге. — И все в один день…

— Да, бывают такие дурные дни… — отозвался Юкинага, но голос его прозвучал как-то не очень уверенно.

— А как вы считаете, есть между этими явле-

ниями взаимосвязь? — уже напрямик спросил Онодэра.

— Как вам сказать... Очень возможно, что взаимосвязь и существует. Но никаких фактов, подтверждающих это, у нас нет. А в таких случаях ученый обязан заявить, что в данное время каждое из этих явлений происходит само по себе.

— Но... — хотел было возразить Онодэра, почувствовав некоторое раздражение.

— У нас на судне беспрерывно ведется промер глубины, — прервал его Юкинага. — В общем здесь, в этом районе, стало примерно на двести метров глубже, чем указано на морских картах.

— Что же может происходить там? — Онодэра красноречиво показал пальцем вниз.

— Не знаю. Ясно только одно: что-то происходит. Но что именно и почему, на основании тех данных, которыми мы располагаем, сказать нельзя. Откровенно говоря, даже причин землетрясения мы пока не знаем. Гипотез хоть отбавляй, но ни одного факта в пользу хотя бы одной из них. Словом, пока в глубине творится что-то для нас непонятное.

— Но, продолжал наступать Онодэра, — ведь очевидно, что начинается какая-то громадных масштабов деятельность в земной коре вдоль

Японского желоба, в вулканическом поясе Фудзи, охватывающая весь Японский архипелаг? Вам не кажется, что какая-то сила активизировалась сейчас в глубинах земли под Японскими островами?

— Не знаю, — повторил Юкинага. — В данный момент еще не ясно, связаны ли как-то опускание морского дна в районе острова Тори и катастрофа на Тона, хотя бы косвенно. Конечно, заманчиво вообразить, что такая связь существует, но ученый должен опираться на доказательства.

— Но позвольте! — вмешался Юуки. — Можете вы доказать или не можете, а землетрясения-то происходят, вулканы буйствуют!

Однако слова Юуки были обращены к морю — Юкинаги уже не было на корме: он направился в сторону кают.

«Неизвестно». «Не знаю». «Что-то происходит». «Доказательств недостаточно»...

Онодэра раздраженно оттолкнулся от перил и, подойдя к продолжавшему играть матросу, со словами «А ну-ка!» взял у него гитару. Импровизация в сумасшедшем темпе покорила паренька.

— Здорово! Ну вы даете! — восхитился он.

Подхлестнутый похвалой, Онодэра на ходу подбирал слова.

— Что это за песня? — матрос был в полном

восторге. — Я первый раз слышу.

— А я только что ее сочинил, — на душе у Онодэры было препаршиво. — Она называется «Ничего-то мы не знаем, ничего-то мы не можем».

— Ишь ты! — удивился матрос, взял у Онодэры гитару и тут же почти без ошибок исполнил только что услышанную песенку.

— А не лучше ли в этом месте играть вот так. — И парень показал как.

— Разумеется, лучше, — кивнул Онодэра, смущенный своим ребяческим порывом, порожденным раздражением. — Да, конечно, лучше.

— Пойдемте в трюм, а? Может, вы ее до конца сочините, эту песню?

— Нет, я спать пойду. Продолжение сочини сам.

Уже бросившись на койку, Онодэра вспомнил только что сыгранную песню и подумал: «А ничего ведь…» Он улегся на живот и записал мелодию на оказавшемся под рукой клочке бумаги.

На следующий день, в семь часов утра, «Дайтомару», идя на малой скорости, произвел промер глубины и остановился прямо над затонувшим островом.

«Тацуми-мару», совмещавший функции нефте-

заправщика и вспомогательного судна, прибыл еще прошлой ночью и теперь стоял метрах в трехстах от «Дайто-мару». На нем тоже готовились к погружению. Стрела подъемного крана подняла «Вадацуми» и медленно опустила на поверхность воды. Онодэра с Юуки прыгнули на его уходившую из-под ног верхнюю палубу. Онодэра скрылся в гондоле и, получая указания от Юуки, устроившегося у открытого люка, повел «Вадацуми» к «Тацуми-мару». С низкой рабочей кормы бросили канат, у борта вздулась алая амортизирующая кишка из пластика. Манипуляторы мягко обняли «Вадацуми», придав ему неподвижность, подвели шланг, и началась перекачка бензина в поплавок.

Глубоководное судно «Вадацуми» было сконструировано по типу батискафа, впервые созданного Пикаром в 1948 году, и считалось устаревшим. Уже существовали более совершенные глубоководные суда с большей плавучестью, сделанные из литиевой стали, удельный вес которой меньше удельного веса воды. Два таких судна имели США и одно Франция. Были и другие суда.

И все же имя Огюста Пикара обессмертил отнюдь не созданный им стратостат FNRS № 1, позволивший человеку впервые подняться над

Землей на высоту тридцати тысяч метров, а именно глубоководный батискаф FNRS № 2.

Пикар — гений, владевший секретами подъемной силы и плавучести!

Он мечтал о шаре, который так же свободно плавал бы в глубоководных просторах, как благодаря подъемной силе водорода плавает в воздухе стратостат. В 1934 году Уильям Биби установил мировой рекорд, погрузившись в батисфере на глубину девятисот восьмидесяти четырех метров. Однако принцип погружения в батисфере по существу почти не претерпел изменений со времен Александра Македонского: путь в морские глубины ограничивал стальной трос.

Пикар же мечтал о «подводном стратостате», который, освободившись от тяжелой привязи, свободно погружался бы в морскую глубину, маневрируя и поднимаясь на поверхность воды благодаря балласту. А что же подводная лодка? Для этого у нее недостает жесткости корпуса. Этот пустотелый челнок на большой глубине, где давление составляет тонну на квадратный сантиметр, превратится в тончайшую лепешку. Даже пробка на больших глубинах спрессовывается до гранитной твердости и камнем идет ко дну. А если повысить жесткость корпуса? Неизбежно

увеличится вес, и плавучесть лодки окажется недостаточной. А если попытаться увеличить плавучесть подводной лодки с помощью вспомогательного поплавка? Огромный поплавок не сможет противостоять огромному давлению. А если не делать поплавок герметическим, открыть в него доступ воде? Давление на внутренние и внешние стенки поплавка, конечно, сбалансируется, но в то же время объем воздуха, не изолированного от воды, сожмется под давлением в несколько сот раз, как в несколько сот раз сократится и плавучесть. Ведь воздушный шар под водой после определенной глубины тонет так же, как камень.

И вот Пикару пришла мысль использовать вещество, которое под давлением во много атмосфер почти не подвергается сжатию. Таким веществом оказался бензин. 3 ноября 1948 года первый автоматически управляемый батискаф с бензиновым поплавком FNRS № 2 погрузился на девятисотметровую глубину в открытом море недалеко от столицы Сенегала Дакара. В дальнейшем подводные суда такого типа: FNRS № 3, «Триест» № 1, «Триест» № 2 и «Архимед» — не раз покоряли морские глубины, превосходящие десять тысяч метров.

«Вадацуми» принадлежал к такому же типу судов, хотя и считался устаревшим по сравнению с американским «Алюминаутом» или франко-бельгийским «Литиймарином», но все же по своим техническим данным обладал максимальной маневренностью, жизнеобеспеченностью и продолжительностью пребывания под водой, как и все суда его типа. Оснащенный высокоэффективными и сверхлегкими водородными аккумуляторами, «Вадацуми» установил рекорд двадцатичетырехчасового пребывания на шельфе с экипажем в два человека. А его гондола длиной в три с половиной метра и диаметром в два и две десятых метра была снабжена и койками, и даже мини-туалетом. Максимальная скорость «Вадацуми» под водой составляла семь узлов, средняя — четыре узла, он способен был к скоростному погружению до четырехсот метров в минуту. Снабженный подводными осветительными ракетами и подводной телекамерой с панорамным объективом, он имел и надежную радиосвязь с маточным судном на ультрадлинных волнах.

Над палубой «Тацуми-мару» реял алый флаг, что значило: «Опасно. Огонь зажигать воспрещается». В воздухе пахло бензином. Бело-красно-оран-

жевые полосатые бока «Вадацуми» постепенно погружались в воду. Когда баки наполнились и алый флаг сменился желтым, от «Дайто-мару» отошла моторная лодка с шестью человеками на борту. Двое должны были остаться на «Тацуми-мару» для связи, а остальные поочередно по двое произвести три погружения на «Вадацуми». Каждое погружение должно было длиться около двух с половиной часов. Как только пустая лодка возвратилась, «Дайто-мару», дав сигнал, стал удаляться. Руководитель комиссии остался на нем.

Тем временем все подготовительные работы для погружения «Вадацуми» закончились. Юуки быстро перебрался с палубы батискафа на Тацуми-мару» и помахал рукой Онодэре.

— Буду следить за тобой по радару, — сказал он. — Ну, пока. Средняя глубина здесь чуть выше четырехсот метров. Так что вроде бы на прогулку отправляешься.

— Не совсем, — Онодэра через плечо показал большим пальцем на профессора Тадокоро, с хозяйским видом прохаживавшегося по палубе. — Господа весьма возбуждены и говорят, что хотели бы, если удастся, заглянуть в желоб.

Экипаж первой смены состоял из профессора Тадокоро и молодого специалиста из Управления

морских промыслов. Онодэра устроил их в гондоле и дал сигнал к отправке. Механические руки разжались и оттолкнули «Вадацуми» от борта. Онодэра по установленному им обычаю заложил пальцы в рот и свистнул, с палубы «Тацуми-мару» в ответ засвистел Юуки. Через четырехметровый цилиндрический проход внутри поплавка Онодэра спустился в гондолу и задраил люк.

— Выходим! — коротко сказал он, еще раз проверил работу ультрадлинноволнового передатчика и, обернувшись к сидевшим в напряженном ожидании спутникам, спросил: — Ну как, вам удобно? Иллюминаторы перед вами. На корме тоже есть. А вот это экран телевизора. Телекамера с панорамным объективом, угол охвата которого сто сорок градусов, установлена в носовой части.

Онодэра уменьшил освещение и протянул руку к рычагу, чтобы открыть электромагнитные клапаны. Передний и задний воздушные баки раскрылись. С «Тацуми-мару» было видно, как оранжево-белая командная вышка «Ва-Дацуми» неторопливо исчезла в кипящей пене волн.

Онодэра включил двигатель.

Боковой винт над кормой поплавка медленно начал вращаться.

— Глубина шестьдесят метров. Начинаем по-

гружение. Пожалуйста, держитесь за поручни!

Онодэра отжал вправо штурвал — точную копию самолетного, и «Вадацуми» штопором пошел в глубину под углом в пятнадцать градусов.

В поле зрения носовых иллюминаторов медленно вращающегося батискафа оказались темные тени. Два водолаза с «Тацуми-мару», установившие небольшой буй над намеченной целью, теперь стояли на специальном диске. «Хотя отсеки диска были наполнены азотом, а не гелием, водолазам, очевидно, не так-то легко было удержаться на маленькой площадке, находившейся на глубине девяноста метров. Они то держались за якорную цепь, то вдруг начинали размахивать руками, словно регулировщик на перекрестке.

Онодэра включил подводную телекамеру. Изображение было четким и ясным.

— При желании можете сделать видеозапись, — сказал он профессору Тадокоро. — Достаточно нажать вон ту кнопку. Лента рассчитана на тридцать минут. Имеются три ленты.

Профессор Тадокоро и специалист из Управления морских промыслов молча смотрели то на экран телевизора, то в иллюминаторы.

— Вот он! — воскликнул вдруг профессор Тадокоро. — Точно — это он.

Было только начало десятого, солнечные лучи косо падали на поверхность воды, едва освещая глубину. Но вода была очень прозрачной, и на экране телевизора отчетливо был виден медленно проплывающий темный силуэт затонувшего острова. Светлым пятном выделялась вершина, а склоны тонули во мраке бездны.

— Идите прямо к острову, — приказал профессор Тадокоро, включая видеозапись. — И, если можно, продолжайте погружение, не изменяя положения судна…

Осторожно покачивая штурвал, Онодэра короткими толчками вывел батискаф из штопора, повернул носом к острову и, дав задний ход, остановил. Потом все под тем же наклоном, не меняя положения батискафа, начал погружение. Словно из театрального люка, неторопливо поднималась на экране вершина безымянного острова. До нее было около трехсот метров. Профессор снова нажал кнопку видеозаписи. С едва слышным шуршанием заскользила лента.

Онодэра включил эхолот.

— Не очень увлекайтесь записью, — сказал он, внимательно следя за дрожащей стрелкой эхолота, все ближе подбиравшейся к красной нулевой отметке, и за показаниями скорости

погружения. — Впереди еще много интересного.

Метрах в десяти от вершины Онодэра внезапно дал задний ход. «Вадацуми», сохраняя наклон в пятнадцать градусов, отскочил назад.

— Будем погружаться вдоль склона? — спросил Оно-дэра.

— Эй, друг, не играй на нервах! — прозвучал по УДВ голос Юуки. — Я уж думал, сейчас врежешься…

— Обойдите вершину, — сказал профессор Тадокоро, — а потом уж спускайтесь вниз вдоль склона.

— Сообщение с «Дайто-мару», — донеслось из громкоговорителя. — К востоку от острова морское дно образует наклон в три градуса. Протяженность его пока еще не установлена. По данным морских карт дно в этом районе ровное, а глубина на сто восемьдесят метров меньше.

— Оползень произошел, что ли? — спросил специалист-промысловик.

— Профессор, — Онодэра дал полный ход. — Как объяснить, что при опускании морского дна почти на двести метров не возникло цунами?

— Не знаю! — прорычал Тадокоро. — Что-то, конечно, сбалансировало это явление, но что, представить себе не могу!

Со вчерашнего дня все только и твердят «Не знаю! Не знаю!», подумал Онодэра.

Метрах в пятидесяти от вершины «Вадацуми» пошел на погружение. Скорость три узла в час. Прошли девяносто метров. И на такой глубине оказалось довольно светло. Отчетливо просматривались складки кратера древнего вулкана. Не было даже необходимости включать прожекторы дальнего действия.

Не разбираясь в тонкостях вопроса, Онодэра понимал, что остров образовался на морском дне и длительное время находился под водой, а потом «вынырнул» на короткое время — об этом свидетельствовали следы эрозии. Сейчас этот диковинный остров опять опустился на дно. Кратер его вершины составлял примерно двести-триста метров в диаметре, внутренние стенки почти отвесно уходили вниз. На них виднелась глубокая V-образная трещина. Она была явно не вулканического происхождения, а возникла уже после образования кратера. Эхолот показал глубину внутри кратера сто метров. Онодэра беспокоился, не предложит ли профессор Тадокоро спуститься внутрь кратера. Сделали полукруг над островом, однако никаких признаков недавней вулканической деятельности не обнаружили.

Остров холодной глыбой прочно лежал на дне, словно находился здесь извечно…

Онодэра дал сигнал к погружению. Пользуясь гидролокатором, он опустил нос батискафа под углом почти в тридцать градусов к склону, переключил эхо гидролокатора на громкоговоритель и сказал в микрофон:

— Юуки, мы поехали… Держи нас под наблюдением!

— О-кэй, — ответил Юуки. — Сейчас вы почти прямо подо мной. Прекрасно вас вижу…

Онодэра повернул рукоятку. За толстенной стеной гондолы послышался шум воды. Ощущалась вибрация отталкивающего воду винта. Профессор Тадокоро и молодой специалист, пристегнувшись ремнями к сидепиям, переводили взгляд с иллюминаторов на экран телевизора. В гондоле гремело эхо гидролокатора: «Ко-и, ко-он». «Вадацуми» боком к склону спускался вниз.

Пересекая экран, уходили наверх косяки рыб. Порой мелькали силуэты огромных акул. В правом иллюминаторе был виден склон затонувшего острова, или, вернее, подводного морского вулкана. Были заметны и свежие следы размыва.

— Верните батискафу горизонтальное положение, — попросил профессор. — Ненадолго, хоть

на минутку. Пройдите вдоль линии размыва.

Онодэра поднял нос судна. Линий размыва оказалось несколько, они шли горизонтальными полосами. Значит, остров, возвышаясь над морской поверхностью, не раз то опускался, то поднимался на незначительную для глаза высоту.

— Ватерпас есть? — спросил профессор.

— В ящике стола, там же, где судовой журнал.

Тадокоро приложил ватерпас к иллюминатору и напряженно вгляделся:

— Если показания прибора правильные, то остров за три дня на четыре-пять градусов отклонился к востоку.

— Начинаю спуск, — сказал Онодэра.

— Давай! — хлопнул его по плечу профессор.

«Вадацуми» спускался все ниже. Двести метров, двести пятьдесят. Солнце, должно быть, уже поднялось довольно высоко — кругом немного посветлело. Вода за стеклами стала ярко-синей. Онодэра почти не смотрел на пьезометр. Глубина для «Вадацуми» на самом деле была прогулочной. Триста метров. Онодэра постепенно выровнял корабль. Склон делался все более пологим, плавно уходя к синефиолетовому дну. Температура воды — пятнадцать градусов. На экране уже по-

чти ничего не было видно, и Онодэра выключил телевизор. А когда отключил и электрическое освещение гондолы, в иллюминаторы хлынул призрачный свет. Глубина — триста пятьдесят метров. «Вадацуми» почти горизонтально шел к подножию очень пологого склона, таявшему в донном мраке. Онодэра выбросил немного балластных шариков.

— Вот-вот будет дно.

— Сообщение с «Дайто-мару», — прозвучал в наушниках голос Юуки. — Возвышение имеет десять километров с востока на запад и пятнадцать километров с севера на юг. Если ты передвинешься на три километра к востоку, окажешься на шельфе с уклоном примерно в десять градусов.

Онодэра включил прожекторы. За стеной воды смутно просматривалось дно. В сильных лучах прожекторов оно казалось гигантским живым существом. Выброс якоря толчком отозвался в гондоле. Достигнув дна, якорь поднял столб мути. «Вадацуми» еще немного продвинулся вперед и остановился. До дна оставалось около двух метров.

На первый взгляд на дне никаких изменений не было. Едва приметный наклон, и то если приглядеться. Но двое за спиной Онодэры пришли в

страшное возбуждение.

— Следы дислокации… — пробормотал специалист-промысловик.

— Чтобы так были обнажены вулканическая порода и бомбы!.. — возбужденно пробормотал профессор Тадокоро.

— Совершенно очевидно, что осадки совсем недавно перемещались и довольно резко, — отозвался специалист. — Посмотрите вон туда!

— Гм, — хмыкнул профессор. — Видно, осадки в этом районе на большом пространстве ползут вниз по склону.

— А не точнее ли сказать, что здесь произошли оползни?..

— Онодэра, — сказал профессор Тадокоро, — идите, пожалуйста, над склоном к восточному шельфовому обрыву.

Когда они всплыли на поверхность, на «Тацуми-мару» кипел спор. Он разгорелся еще раньше, до того как «Вадацуми» сбросил балласт и начал всплывать, сообщив об этом по УДВ на «Тацуми-мару» и на «Дайто-мару». Механические руки захватили «Вадацуми», и «Тацуми-мару» на самой малой скорости пошел на восток. Началась подготовка ко второму погружению. Пока отсеки

заполняли новым балластом, меняли видеоленты, авторегистраторы, спор на судах достиг своего апогея. Казалось, еще немного, и ученые мужи пустят в ход кулаки. Профессор Тадокоро упорно настаивал на том, что граница между наклонным участком шельфа и возвышением почти исчезла. Специалист-промысловик поддерживал его, считая, что до недавнего времени она явно существовала. Об этом свидетельствуют выходы обнаженных коренных пород на достаточно обширном пространстве.

Тем временем «Вадацуми» подготовили ко второму погружению. Опускались на тот же самый участок шельфа. На борту были Юкинага и вулканолог. Очень спешили, обед взяли с собой в батискаф. Онодэра, как и в прошлый раз, произвел скоростное погружение до шестисотметровой глубины, а затем спустился вдоль склона на глубину тысяча восемьсот пятьдесят метров. Оба ученых, увидев открывшуюся их глазам картину, разволновались. Даже всегда спокойный Юкинага утратил свою невозмутимость — правда, ненадолго — и охрипшим, срывающимся голосом издал какое-то восклицание.

Когда батискаф всплыл на поверхность, началось небольшое волнение. «Вадацуми» подняли

на корму, и «Тацуми-мару» дал полный ход.

— Третье погружение отложено на завтра, — сказал профессор Тадокоро. — По-видимому, «Дайто-мару» обнаружил изменения в Бонинском желобе, это около ста двадцати километров отсюда. Попробуем погрузиться на дно желоба. Надеюсь, батискаф выдержит?

— Теоретически он может погружаться на вдесятеро большую глубину, — ответил Онодэра. — Он прошел совершенно невероятные испытания на удар в гидродинамическом бассейне кораблестроительной фирмы «Ай».

7

На следующий день оба судна вели наблюдение за «Вадацуми», погружавшимся в бездонный желоб. В гондоле находились профессор Тадокоро и доцент Юкипага. Глубина здесь была не просто глубиной — тысячи метров беспроглядного мрака. Там, на дне, температура воды падает почти до пуля, а давление на человеческую ладонь составляет больше ста тонн. Инфернально-ледяная вода и высокое давление… Перебравшийся на «Тацуми-мару» злополучный Тацуно с ужасом наблюдал за показаниями эхолота — слабый,

едва уловимый сигнал возвращался через десять секунд после отправки. Скорость звуковых волн под водой — около полутора тысяч метров в секунду, следовательно, «Вадацуми» находился на глубине более семи с половиной тысяч метров.

— Десять секунд, — пробормотал Тацуно. — Достаточно для вставки одной рекламной передачи по телевидению…

Чувствовалось всеобщее напряжение. И Онодэра вел спуск в бездну особенно осторожно и внимательно. «Вадацуми» погружался медленно, со скоростью четыре километра в час. Вначале Онодэра использовал нисходящее течение, но на глубине ста метров уже начался мир почти неподвижной воды. Исчезли косяки рыб — обитателей верхних слоев воды. «Вадацуми» прошел сквозь облако похожих на падающий снег маринсноу, мелькнули глубоководные медузы, светящееся рыбы. На глубине около семисот метров исчез уже и смутный свет за иллюминаторами. А на глубине тысячи метров батискаф охватило царство мрака, словно вокруг разлилась густая тушь. Стало прохладно, влага крупными каплями оседала на внутренних стенках гондолы.

— Я бы посоветовал вам надеть куртки, — сказал Онодэра.

Приборы, точно светлячки в ночи, светились зелеными огоньками. На глубине тысячи пятисот метров, Онодэра включил прожекторы. Вода в их лучах чуть мерцала и колыхалась, окружая «Вадацуми» многослойной серо-зеленой завесой. Время от времени мимо проплывали диковинные глубоководные существа, не проявлявшие никакого интереса к странному пришельцу. Вспыхнул и фейерверком рассыпался косяк светящихся креветок и медуз. Что-то неведомое, гигантское смутно чернело и шевелилось на грани света и мрака…

— Три тысячи метров… — сказал Онодэра, глядя на пьезометр. — Слева уже начинается склон к морскому желобу. Расстояние одиннадцать километров, уклон двадцать пять градусов.

Фононно-мазерный гидролокатор время от времени неприятно щелкал отраженным звуком и четко рисовал на экране рельеф далекого морского дна. Континентальный склон морского желоба, судя по картам, страшно крутой, на самом деле оказался довольно пологим, с максимальным уклоном в тридцать градусов. А склон со стороны океана был еще положе, с уклоном всего в десять-пятнадцать градусов. И только стены немногочисленных морских ущелий уходили

вниз под углом в пятьдесят-шестьдесят градусов.

Когда глубиномер показал, что до дна остается четыре с половиной тысячи метров, Онодэра выключил эхолот. В гондоле воцарилась мертвая тишина. На такой глубине «Вадацуми» сохранял стабильное равновесие, словно был неподвижен. И только по тому, как стремительно возносились вверх глубоководные обитатели за стеклом иллюминатора, можно было понять, что батискаф уходит вниз со скоростью полутора метров в секунду. Температура внутри — шестнадцать, температура снаружи — три градуса. Юкинага запахнул куртку. Заработал осушитель, исчезли капельки воды со степ и трубок. На пьезометре четыреста двадцать атмосфер — давление постепенно возрастало. В гондоле было так тихо и сумрачно, что начинало казаться, будто ее спускают в безмолвие могилы.

Пять тысяч метров… Юкинага тяжело задышал, словно всей кожей почувствовав непомерную тяжесть воды, от которой его отделяла лишь двадцатисантиметровая стенка. На гондолу давила водная масса в несколько сот тысяч топи. Казалось, броня-скорлупка рассыплется, как сухое печенье, сжатое в кулаке гиганта. Что-то едва скрипнуло, и Юкинага испуганно оглянулся.

— Ничего особенного, — словно догадавшись о его состоянии, успокоил Онодэра. — Это детали крепления от понижения температуры, только и всего. Включить обогреватель?

— Нет, — сказал профессор Тадокоро. — Вот-вот будет дно.

— Глубина пять тысяч семьсот… — Онодэра взглянул на пьезометр. — А до дна…

Звуковая волна с резким шумом выстрелила вниз. Эхо тут же вернулось.

— …тысяча девятьсот пятьдесят. Дно ровное.

Живые существа почти совсем исчезли. Лишь изредка в свете прожектора уплывали вдаль тени длинных похожих на угрей призраков. Это были глубоководные медузы или моллюски, обладающие прямо-таки поразительной приспособляемостью.

Но стоило выключить прожекторы, как сразу наступала кромешная тьма, источенная редкими звездочками микроскопических светящихся организмов. Температура воды упала до одного и восьми десятых градуса. Температура в гондоле — до тринадцати градусов. Хронометр показывал, что с момента погружения прошло час сорок две минуты.

— Семь тысяч метров.

— А это? — прошептал Юкинага. — Скат, что ли?

За левым иллюминатором, там, куда едва проникал свет прожекторов, медленно проплыло нечто похожее на гигантское полотнище ткани.

— Не может быть, — хрипло пробормотал профессор Тадокоро. — Уж слишком оно велико для живого существа!

Чтобы пройти поле света, этому нечто потребовалось пять-шесть секунд. Значит, длина его была метров тридцать.

Может попробуем гидролокатором уточнить, что это такое? — спросил Юкинага.

— А оно уже ушло наверх, — ответил Онодэра. — Скоро дно.

Он коснулся кнопки. Последовал глухой шум, скорость погружения снизилась. Но вдруг «Вадацуми» что-то сильно толкнуло. Нос сначала занесло почти на двадцать градусов влево, а потом градусов на тридцать вправо.

— Что это? — почти крикнул Юкинага. — Авария?

— Да нет… — спокойно ответил Онодэра. — По всей вероятности, глубоководное течение.

— На такой глубине?! — удивился профессор. — И такое сильное? Почему?

— Не знаю. Но я и прежде наблюдал подобное. Правда, с таким сильным сталкиваюсь впервые. Если это был поток морского течения, надо полагать, его скорость превосходила три с половиной узла.

— Странно… — недоверчиво произнес Юкицага. — На глубине семь тысяч метров такое быстрое течение?

— Откуда я знаю, — Онодэра пожал плечами. — Но мы уже прошли через него.

Толщина потока была примерно в полтораста метров. «Вадацуми», лишь немного отнесенный в сторону, благополучно прошел сквозь него. Онодэра, включив гидроракету, опять повернул батискаф точно на юг. Бокового удара не последовало.

— До морского дна четыреста метров, — сказал он, не сводя взгляда с приборов, и осторожно, понемногу стал сбрасывать балласт. Скорость погружения начала падать: полтора метра в секунду, метр две десятых, метр, еще меньше. Поворот рукоятки — и оба винта меняют положение на вертикальное. Батискаф тихо тормозит. Перестали работать двигатели, и снова медленное-медленное погружение. До дна осталось пятьдесят метров. Корпус дрогнул и качнулся

— под брюхом батискафа повис страховочный якорь. Еще немного балласта, и скорость погружения падает до двадцати сантиметров в секунду.

— Вот оно… — прозвучал тихий, как вздох, шепот Юкинаги.

В скрещенных лучах носовых и кормовых прожекторов показался чуть выпуклый смутный желто-коричневый круг. Постепенно его контуры становились все более отчетливыми. Кое-где над ним кружились маленькие мутные круги, по форме напоминающие бублики. Это восходили грязевые облачка от недавно сброшенных балластных шариков. Густой клуб мути достиг дна; страховой якорь «Вадацуми» обрел плавучесть, соответствующую весу той части якорной цепи, которая легла на дно. Батискаф постепенно прекратил погружение и наконец остановился в полутора метрах от дна.

Когда едва заметное течение унесло всю муть, стала отчетливо видна тоскливо-коричневая, холодная пустыня морского дна. Лучи всех прожекторов падали отвесно вниз, совершенно не рассеиваясь. У самого дна вода казалась темно-фиолетовой, как нельзя лучше соответствуя человеческому представлению о морской бездне. Безграничный мрак со всех сторон вплотную

подступал к освещенному пространству дна. Вода в морском желобе была совершенно прозрачной.

«Вадацуми» висел в воде как неподвижный аэростат, соединенный с грунтом короткой якорной цепью. Он замер, словно живое существо, удобно устроившееся на последнем звене цепи, словно йог, усевшийся в позе созерцания на конце брошенной в воздух веревки… Шесть его глаз испускали шесть пучков света. Великая мертвая тишина гигантской морской глубины сжимала со всех сторон эту хрупкую скорлупку, которая испытывала на себе давление в восемьсот атмосфер. Здесь даже плотность воды была на четыре процента выше обычной. Эта огромная тяжесть давила на все обширное пространство донной пустыни, покрытой липким илом. Температура внутри гондолы упала до двенадцати, а воды — до полутора градусов. Люди в гондоле, угнетенные непомерным бременем, навалившимся на плексигласовые иллюминаторы диаметром в пятнадцать сантиметров, едва дышали.

— Итак, — сказал Онодэра охрипшим голосом, — мы на дне желоба. Глубина семь тысяч шестьсот сорок метров.

Словно разбуженные его голосом, оба ученых возбужденно зашептались.

— Вон они! — профессор Тадокоро показал на что-то пальцем.

Юкинага кивнул. По дну тянулись волнообразные следы.

— Совсем недавно с запада на восток здесь прошел внезапный и достаточно сильный донный поток, — сказал Юкинага. — А вон там старые волнообразные следы протянулись с юга на север.

— А это что? — спросил профессор. — Длинное, похожее на канаву?

— Может быть, след какого-то животного?

— Вы думаете, на морском дне обитают такие огромные слизняки?! — воскликнул профессор. — Ведь ширина этого углубления несколько метров.

Дно осветилось короткими вспышками — в гондоле несколько раз с сухим треском щелкнули затворы фотоаппарата. Профессор Тадокоро судорожно сжал в руках высокочувствительный гравитометр.

— Мы можем передвигаться на такой глубине? — спросил он. — Вперед и вправо, под углом в семь градусов, пожалуйста.

Онодэра включил телевизор и выбросил немного балласта. За иллюминаторами опять все затянуло мутью. «Вадацуми» всплыл — чуть-чуть,

настолько, что якорная цепь лишь слегка дрогнула. С помощью гидроракеты Оно-Дэра осторожно повернул судно, обогнул якорную цепь и на минимальной скорости повел батискаф вперед.

Муть осела, и внизу стала видна длинная выемка шириной метров в семь-восемь. Она казалась следом проползшего здесь невероятно огромного животного или прокатившегося гигантского камня.

— Смотрите, они и дальше есть, — сказал Юкинага. — И много…

— Что это может быть, как вы думаете? — спросил профессор Тадокоро.

— Не знаю, — ответил Юкинага. — Хотя мне и приходилось погружаться на дно морских желобов, я такое вижу впервые.

Необычные борозды во множестве пересекали морское дно с востока на запад. Длину их невозможно было определить, а ширина каждой составляла от пяти до восьмидевяти метров. Что-то неведомое и гигантское прошло, пронеслось по этому дну…

— Может, это как-то связано с гравитационными изменениями? — предположил Юкинага.

— Трудно сказать, — Тадокоро продолжал крутить кинокамеру. — Проследим что-ли?

Онодэра слегка потянул руль вверх. Тут же последовал удар по гондоле.

— Что случилось? — спросил профессор.

— Не пойму, какая-то вибрация в воде, — отозвался Онодэра, глядя на показания приборов.

Над головой раздался звон поплавка. И опять последовал удар водяной волны по гондоле.

— Подводное землетрясение?!

— Кто его знает...

— Если бы настоящее землетрясение, так просто не отделались бы, — сказал Юкинага. — Но слабые колебания явно есть.

— Ничего себе слабые, если способны дать хорошего пинка гондоле, — пробурчал профессор. — Можно установить, с какой стороны шла волна?

— Почти прямо с востока, — Онодэра посмотрел на показания самописца.

— Трогайтесь, — скомандовал профессор Тадокоро. — Проследим путь этого фантастического слизняка.

Переключив приемопередатчик на максимальную мощность, Онодэра попытался вызвать «Тацуми-мару». Наконец в приемнике послышался голос Юуки. Но среди помех он звучал слабо и был еле слышен.

— Сейчас вас не вижу. Только что по гидролокатору узнали, что вы достигли дна.

— А вы зарегистрировали необычное подводное колебание?

— Подожди минутку.

Приемник трещал.

— Нет, не зарегистрировали, — донеслось сквозь помехи. Видно, над «Вадацуми» проходило мощное облако планктона, и время от времени приемник совершенно замолкал. — С «Дайто-мару» спущен на сто метров подводный звукоприемник. Сейчас проверяют записи, но пока никакой ясности, очень уж много различных микроколебаний.

Иного и ожидать нельзя, подумал Онодэра, ведь колебания такой малой амплитуды по пути рассеиваются, а еще отражение от границ водных слоев с резким перепадом температур.

— О-кэй, — сказал Онодэра. — На дне желоба обнаружены странные выемки. Отправляемся вдоль них на восток. Уточни наше местонахождение.

— Есть уточнить! — отозвался Юуки. — От этого момента с интервалом в минуту регулярно посылай сигналы.

Онодэра, не отрываясь, смотрел на хронометр.

Через минуту аппарат сверхзвуковой сигнализации, укрепленный над поплавком, послал первый сигнал. Ответный сигнал с «Тацуми-мару» подтвердил местонахождение «Вадацуми». Переведя аппарат на автосигнализацию, Онодэра повел батискаф вперед. Описав плавную дугу, судно со скоростью до трех узлов пошло вдоль третьей выемки. По-видимому, ее глубина в этом месте была еще не самой большой. Выемка полого спускалась на восток. Батискаф шел, выбросив за борт страховочную цепь, чтобы соблюдать заданное расстояние до дна. Стрелка микропьезометра начала едва заметно подниматься.

Через два километра выемка сделалась вдвое шире, но глубина ее стала мельче. Другая выемка, тянувшаяся метрах в сорока слева, постепенно исчезла в грунте. Сигнализация отсчитывала минуты. Тихо гудел двигатель и временами стрекотала кинокамера.

— Мы на глубине семь тысяч девятьсот метров, — сообщил Онодэра. — Уклон дна становится круче.

— Вода помутнела, — заметил профессор Тадокоро.

Действительно, видимость значительно ухудшалась.

В свете прожекторов можно было разглядеть только облака донной мути. Вдруг внезапным ударом нос корабля подняло кверху. По инерции батискаф подбросило метров на двадцать. Потом началась килевая качка.

— Все в порядке? — Юкинага вцепился в сидение. При тусклом свете лампочки на его лбу были видны крупные капли пота.

Вместо ответа Онодэра потянул на себя руль и поднял батискаф еще метров на тридцать. Килевая качка сразу уменьшилась. «Чтобы по дну морского желоба на глубине восьми тысяч метров проходило такое сильное донное течение, такого в учебнике не найдешь, — подумал Онодэра. — Пожалуй, это открытие». На расстоянии шестидесяти метров ото дна он вернул кораблю горизонтальное положение. Качка почти прекратилась.

— Погрузимся еще раз? — спросил Онодэра.

— Да ладно, хватит, — сказал профессор. — Выемка все равно исчезнет в облаках мути. Давайте прямо вперед.

Видимость становилась все хуже. Онодэра включил эхолот. Правда, эхо было несколько беспорядочным — возможно, из-за донного течения, — но дно оказалось почти ровным, а глубина

все те же восемь тысяч метров. Чем же была вызвана недавняя килевая качка? — продолжал размышлять Онодэра. Чуть выше — и полное спокойствие, а спустись немного — резкие колебания... Может быть, волнение обусловлено колебаниями морского дна. А если внизу, под дном существует активный слой, где происходят постоянные колебания?[3].

«Вадацуми» прошел уже три километра, а желобу все еще не было конца. В наиболее узких местах его ширина достигала нескольких десятков километров, а океанический уклон к нему был еще где-то очень далеко. Расстояние до дна по-прежнему было шестьдесят метров, а просматриваемое пространство не превышало и десяти. После погружения прошло уже более трех часов.

— Стоп! — сказал профессор Тадокоро.

Онодэра дал задний ход, а потом выключил двигатель. По инерции «Вадацуми» стал понемногу погружаться. И хотя колебание воды, вызванное

---

[3] notes: 3

В верхней части океана иногда появляется резко обозначенная граница между слоями теплой и холодной воды. Волнение на границе этих слоев, имеющих различную плотность, на поверхности воды почти не ощущается, но если эта граница проходит близко от поверхности, то движущееся судно при возрастании числа оборотов его винтов практически не может увеличить скорость, наблюдается так называемое волнение «призрачной воды». Тяга, создаваемая винтами, по существу нейтрализуется возрастающим волновым сопротивлением.

вращением винта, прекратилось, пики на ленте осциллографа не уменьшились.

— Сядем еще раз на дно? — спросил Онодэра. Батискаф продолжал медленно погружаться.

— Да нет, — неуверенно пробормотал профессор Тадокоро.

— Может, пустить осветительную ракету?

— Давайте.

Онодэра открыл крышку ящичка справа от пульта управления. Он представил себе, как серебристый цилиндр выскочит сейчас из поплавка и косо пойдет вверх, оставляя за собой длинный хвост пены, и потянул один из шести рычажков. Едва ощутимый толчок, и в верхней части телевизионного экрана появился слепяще яркий шар. Пуская обильные пузыри, он медленно проплыл по диагонали.

Две прильнувшие к иллюминаторам фигуры выражали безмолвное изумление. Онодэра, глядевший на экран телевизора со сверхвысокой скоростью развертки, тоже был ошеломлен.

Освещенные мощными лучами падающего бело-голубого солнца, внизу клубились, уходя в неведомую даль, причудливые мутьевые облака. Ничего, кроме этих клубов, похожих на кучевые облака в земном небе. Оказывается и здесь, на

страшной глубине, волнуются, дышат, клубятся мутьевые облака…

— Онодэра, вы…

Но Онодэра, не дослушав профессора, уже нажал на рычаг пуска следующей осветительной ракеты. Заметив, что изображение дна на экране эхолота совершенно помутнело, он торопливо включил фононно-мазерный гидролокатор.

И произошло совершенно неожиданное. Остро направленная волна высокой энергии прошила шестидесятиметровую глубину и прошла дальше, через слой, который до сих пор все принимали за морское дно, еще на сто метров, описав рельеф истинного, твердого морского дна. А на глубине шестидесяти-восьмидесяти метров гидролокатор показал смутное, туманное изображение. Онодэра едва не закричал, что это ГРС, но откуда на глубине восьми тысяч метров взяться глубинному разбросанному слою?! Ведь эхолот обычно дает изображение так называемого псевдо-дна только на глубине от пятидесяти до трехсот-четырехсот метров. Происходит это в результате всплывания и погружения скоплений планктона. Что же получается? Скопления мутьевых облаков играют роль планктона, и на этом сверхдне происходит явление, аналогичное ГРС?..

— Можете погрузиться ниже? — спросил профессор Тадокоро, выслушав доклад Онодэры.

— А не опасно ли? — подал голос Юкинага.

— Давайте спустимся еще метров на пятьдесят, — предложил Онодэра. — Забортную измерительную аппаратуру для определения температуры, плотности воды и содержания соли можно опустить метров на пятнадцать ниже.

— Осторожно только... — пробормотал профессор. — Будьте готовы всплыть в любую минуту.

Онодэра откачал из маленького балансира бензин, «Вадацуми» стал быстро снижаться. Онодэра быстро выбросил балласт, но судно уже нырнуло в мутьевые тучи. Опять началась сильная качка. Наконец, с трудом поднявшись на пятнадцать метров выше, Онодэра опустил забортные приборы. Трос раскачивался во все стороны.

— Плотный активный слой, — сказал профессор Тадокоро. — Температура один и семь десятых градуса. Чуть выше обычной.

— А слой-то тянется с юга на север, — заметил Юкинага.

— Плотность одна и пятьдесят три тысячных! — изумился профессор. — Это же намного выше максимальной плотности морской воды!

— А плотность соли... — Юкинага вдруг запнул-

ся. — Ну, естественно, она должна быть высокой. Ведь в ней содержится большое количество ионов металла, особенно ионов тяжелых металлов.

— Взять пробу морской воды, — распорядился профессор.

Когда заработал насос, опять почувствовался толчок. На этот раз «Вадацуми» сотрясала боковая качка. Показалось, что внизу по скоплению мутьевых туч пробежали какие-то темные полосы.

— Профессор! — тихо воскликнул Онодэра.

— Пустите еще одну ракету… — Тадокоро, не обращая внимания на толчок и качку, следил за показаниями приборов.

Запуская третью осветительную ракету, Онодэра вдруг инстинктивно почувствовал какую-то опасность и выбросил большую массу балласта. Клубившиеся совсем рядом мутьевые тучи резко ушли далеко вниз.

— Что вы делаете? Ведь еще…

В этот миг страшной силы донная волна ударила в бок «Вадацуми». От этого удара его повернуло на девяносто градусов и в наклонном положении отнесло на несколько десятков метров в сторону.

«Землетрясение?» — пронеслось в мозгу Онодэры. — «На глубине я попадаю в такую переделку впервые. Да не может же…»

Гондола раскачивалась со скрипом. Онодэра опять выбросил балласт. Потом он сообразил, что часть колебаний судну сообщает спущенная якорная цепь и трос с забортными приборами. Мгновенно подняв приборы и якорь, он включил двигатель. Внезапно качка прекратилась. Онодэра глянул на компас. Судно повернулось носом прямо на юг. Онодэра развернул батискаф на сто восемьдесят градусов. Скорость всплытия оказалась неожиданно малой. И только тут Онодэра заметил, что второй слой балласта из-за неисправности клапанов остался невыброшенным, значит, батискаф начал всплывать только потому, что отрубили цепь для страховки.

— Профессор, а это… — воскликнул Юкинага.

Онодэра невольно прильнул к носовому иллюминатору.

Осветительная ракета, запущенная перед самым толчком, ярко сияла вдали. Повиснув в прозрачной воде, она на большое расстояние вокруг освещала затянувшие дно бурлящие тучи мути. На границе тьмы и света, раскачиваясь, поднималось что-то гигантское. Они скоро поняли, что это плотные мутьевые потоки зеленоватого оттенка, которые низвергались с вершины склона морского желоба на более легкие мутьевые

облака, отодвигая и волнуя их.

— Беспорядочный мутьевой поток! — сдавленным от волнения голосом сказал профессор Тадокоро. — Беспорядочный мутьевой поток, на существовании его настаивал Кюнен. Если это действительно так, то мы первыми в мире увидели его воочию.

— Всплываю! — Онодэра уже овладел собой, и его голос прозвучал спокойно. — С корабля сообщили, что на поверхности моря началось

волнение.

«Вадацуми» уже на восемьдесят метров поднялся над бурлящими тучами мути. Внизу под ним колыхалось донное течение высокой плотности и неизвестного происхождения. Оно заполняло самую глубокую часть желоба. «Вадацуми», одинокий, затерянный в совершенно прозрачной черноте бездны, лег на обратный курс и, словно стратостат с обрубленным якорем, с каждым метром прибавляя скорость, устремился к серебристому, полному света потолку, незримо мерцавшему где-то наверху, на высоте восьми тысяч метров.

Онодэра, чтобы облегчить вес, выпустил три оставшиеся осветительные ракеты. Они брызнули, подобно фейерверку и, превратившись в три огненных бледно-синих цветка, повисли над «Вадацуми». Мощная вспышка высветила среди вечного мрака огромный, диаметром в несколько километров, шар воды, где никогда не было никакого света, кроме слабого мерцания глубоководных светящихся существ.

И в это мгновение Онодэра с удивительной отчетливостью ощутил стихию, в которой находился. Свет мощностью в несколько десятков тысяч ватт высветил прозрачную, бесконечную и

бескрайнюю воду. Сзади, спереди, слева и справа. Стена совершенно неподвижной воды, придавленной своей собственной тяжестью в восемьсот атмосфер. На несколько километров вокруг ничто не заслоняло поля зрения. Лишь в отдалении, по левому борту, на грани светового круга чернел, растворяясь в темноте, склон морского желоба. И все. Остальное — прозрачная, холодная стена воды. А внизу все шире распространялись плотные, в мелких складках тучи мути с единственным черным пятнышком, тенью «Вадацуми», крохотного полого тела, стремительно несущегося к синей дуге.

Три светящихся цветка стали медленно опускаться, постепенно теряя свою яркость. Там, куда не доходил их свет, Онодэра представил себе гигантский — почти в сто километров шириной — разлом в земной коре. Он почти непрерывно тянется на многие тысячи километров от тридцать восьмого градуса южной широты до пятьдесят третьего градуса северной широты. По дну этой невероятной канавы на дне океана, через тропики, далеко на север к берегам Камчатки, проникают холодные воды антарктических морей.

Японский желоб!

Один из глубочайших желобов в мире, пролегший на семитысячеметровой глубине под полными света и ветров просторами Тихого океана. И там, на дне этой бездны, сейчас явно что-то готовилось, что-то зарождалось. Гигантская холодная змея мрака, растянувшаяся с крайнего юга до крайнего севера, преодолев гнет чудовищного давления, чуть-чуть передернула кожей и шевельнулась, еще немного — и она забьется в конвульсиях…

Но что же там происходит, что?

Глядя на исчезающие в безбрежной бездне мрака звездочки, Онодэра почувствовал все величие океана и скрывающегося под ним чудовища. Человек в сравнении с ними — песчинка, знания его ничтожны.

Ледяной холод сдавил грудь. Человек ощутил непомерное бремя холодной морской воды, усиленное сознанием собственной беспомощности. Что он может? Двое других, должно быть, чувствовали то же самое. Даже дыхания их не было слышно. Их взгляды были прикованы к мрачно-зеленым кругам маленьких иллюминаторов.

Что же там зарождается?

Токио

1

Когда, положив на стол рапорт и докладную записку, он хотел было выйти из кабинета, управляющий делами, словно что-то вспомнив, окликнул его:

— Онодэра!

Он обернулся. Управляющий Ёсимура, барабаня кончиком карандаша по зубам, задумчиво смотрел в пустоту. Бумаги лежали на столе нетронутыми.

— Слушаю вас, — сказал Онодэра.

— Да, нет… ничего. Ты сейчас домой?

— Пожалуй… — неуверенно ответил Онодэра. — Хочу до конца использовать прерванный отпуск. С послезавтра.

Ёсимура встал из-за стола и, подтянув шнурок воротника летней рубашки, взял с вешалки первозданной свежести панаму.

— Ухожу и сегодня уже не вернусь, — сказал он секретарше, печатавшей на машинке со шрифтом «хирагана». — Бумаги из конструкторского отдела я подписал, так что передайте их в подводный отдел.

Онодэра открыл перед ним дверь.

— Как насчет пивка, бочкового, а? — спросил управляющий. — Может, подадимся на Гиндзу?

— Пиво в такую жару… — ответил Оподэра. — Пожалуй, лучше холодного кофе…

— Что ж, скоротаем время за кофе… — весело произнес Ёсимура, вызывая лифт. — Знаешь бар «Мирт» на западной Гиндзе?

— Слышал, — буркнул Онодэра. — Однажды ребята из фирмы «Морские промыслы Юдзима» приглашали меня туда, но я не пошел.

— Есть там одна славная девчонка. Миниатюрная и очень необычная.

Зачем я ему понадобился, думал Онодэра. Сей-

час бы домой, выспаться… Может, так прямо и сказать?

В лифте было душно и влажно. Несколько служащих из чужой фирмы, судя по костюмам и галстукам, торговой, громко разговаривали на протяжении всех двадцати этажей.

— Говорят, из-за землетрясения в Коморо цены на участки в Каруйдзава катастрофически упали.

— А что, не купить ли, пока цены низкие? Ведь землетрясение когда-нибудь кончится…

— Уйми свои спекулянтские инстинкты! В Дзэнкодзи-дайра, по слухам, подпочвенное основание превратилось в сплошное крошево. Говорят, что может произойти извержение вдоль всего берега реки Тикума.

— Да-а, если задуматься, что-то очень уж долго трясет. И в Мацусиро тоже… Но люди там еще остались, не уходят, держатся.

Слушая болтовню молодых служащих торговой фирмы, Онодэра помрачнел. Впрочем, землетрясение в Мацусиро на самом деле слишком затянулось. Одно время там вроде бы стало потише, но в этом году все возобновилось, а в последние несколько месяцев волна землетрясений начала распространяться на юг и север по Дзэн-

кодзидайра. Трясет, трясет… Кстати, интересно, что поделывает Го, как он там? Продолжается ли строительство? И что делается в Тона, где провалился мост?

Но Онодэре сейчас почему-то не хотелось думать о таких вещах. Он весь был скован тяжелой усталостью. Она не проходила с той самой минуты, когда он поднялся с восьмитысячеметровой глубины. Происшедшее там потребовало от него предельного напряжения. Неизгладимое воспоминание о необъятной водной стихии, унылая будничность Токио, убийственная жара при высокой влажности, тягучий, как патока, нечистый воздух, замкнутость городского ландшафта, умопомрачительное количество людей, бесчисленные формальности — все это вызывало в нем нечто похожее на аллергию и мучило, как назревающий где-то глубоко внутри чирий. Он жаждал только отдыха. Причем физическая усталость давным-давно прошла, но душа требовала покоя, чтобы застрявший где-то внутри твердый комок постепенно размяк и рассосался. А на это нужно было время.

Домой… Спать… — крутилось в голове Онодэры, когда он выходил из лифта. Включить музыку, тихую, тихую… Франка, Дебюсси… Или… напить-

ся вдрызг что-ли?

Как только миновали воздушный заслон у входа, с небес обрушилась жара — настоящее стихийное бедствие. Онодэра мгновенно покрылся потом. Рубашка, еще минуту назад приятно холодившая тело, стала мокрой и горячей. Казалось, его обхватили чьи-то влажные, липкие руки, словно он попал в объятия чудовищно жирной потной бабы. Его даже передернуло.

— У-уф… — вздохнул управляющий, видно, почувствовав то же самое. — Кошмар. Давай возьмем машину!

Когда они садились в такси, земля под ногами мелко задрожала. Онодэра весь напрягся и замер. Потом посмотрел на небо, оглянулся кругом. На улицах все та же толчея. Измученные лица, тусклые взгляды изнуренных убийственной жарой людей. Но никаких признаков тревоги.

— Давай, садись быстрей! — позвал его из машины Ёсимура. — Не держи дверцу открытой — ведь тут кондиционер работает.

— Землетрясение, — сказал Онодэра.

— Да, вроде бы, — без особого интереса согласился Ёсимура. — Чудак ты! Сколько лет в Токио живешь, а все не привыкнешь.

Так-то оно так… — усмехнулся про себя Онодэ-

ра. Видно, просто нервы пошаливают. А может, все оттого, что я недавно сам видел?

— Вышла из строя система охлаждения Центрального района, что ли? — спросил Ёсимура у шофера. — Кошмар!

— Нет, почему же, работает, — ответил шофер. — Правда, не на полную мощность: не хватает воды и электроэнергии. Служащий из мэрии говорил, что всю систему будут переоборудовать. Да и из охладительных башен Харуми три вышли из строя, — повторил он недавно услышанную по радио новость. — Там используется морская вода, а это, само собой, привело к коррозии.

— До «прохладного Токио», пожалуй, еще года три пройдет, — Ёсимура расслабил шнурок у ворота. — Я думаю, это будет не раньше, чем завершится строительство сверхнебоскребов в Центральном районе.

Онодэра, повернув голову, посмотрел через заднее стекло на убегавшую назад улицу. Высоко в небо поднималось новое здание объединенного Яэсу-Токийского центрального вокзала, а вокруг, в Маруноути и на Гиндзе, выстроились, словно поставленные торчком огромные книги, высокие громады из стекла и алюминия. Эти плоские здания примерно на высоте двадцатого этажа со-

единялись воздушными коридорами, висящими над улицей, скоростные магистрали протянулись между ними на уровне десятого этажа, а с крыши вокзала как раз в эту минуту поднимался стоместный вертобус с двумя парами лопастей, отправлявшийся во Второй аэропорт.

Этот город все время растет ввысь. А люди внизу все глубже загоняются в ущелья, куда никогда не заглядывает солнце, а то и еще ниже — под землю… В сырых, вечно влажных, затененных местах что-то постоянно гниет. Не только то, что устарело, отстало, застряло, отброшенное потоком, но и те, кто провалившись, не в состоянии выкарабкаться… Бледная, уродливая жизнь, черпающая соки в том, что в процессе превращения в неорганическую материю распространяет душное тепло и миазмы…

До каких же пор этот огромный город будет менять свой облик, думал Онодэра.

Токио все время менялся, это началось очень давно, когда Онодэра был еще ребенком. Ломали старые дома и прокладывали дороги, выравнивали холмы, вырубали леса и строили большие здания. Когда Онодэре было десять лет, Токио готовился ко Всемирным Олимпийским играм. Он изменился тогда до неузнаваемости. Но и

после Олимпиады работы по переустройству продолжались: перекапывались дороги, всюду грохотали бульдозеры, повсеместно вздымались стальные и бетонные конструкции, небо подпирали гигантские краны. Придет ли такое время, когда этот город обретет хотя бы относительно стабильную красоту?..

— Сверни налево, в тоннель, — сказал Ёсимура. — Здесь сквозной проезд.

Машина очутилась на широкой подземной улице. Справа от проезжей части была стоянка для машин, а слева — за бледно-зелеными стеклами витражей тянулись тротуары и магазины. Здесь торговали только дорогими вещами и предметами роскоши. Было тихо и малолюдно. Синтетическое покрытие поглощало звук шагов. Стены и потолок тоже были облицованы звукопоглощающими материалами.

Ёсимура свернул в узкий коридор между ювелирным и галантерейным магазинами. Кажется, мелькнула вывеска «Мирт», но Онодэра не обратил на нее внимания. Он заметил другое: ковровая дорожка под ногами медленно двигалась. Освещение становилось все более тусклым, за поворотом сделалось совсем темно, и только в дальнем конце янтарно светилась дверь.

— Добро пожаловать!

В темноте у стены что-то шевельнулось, и перед ними появился бой в смокинге.

— Ваши вещи?

— А мы без вещей!

Ёсимура даже не остановился, бой засеменил перед ним. Пройдя по пушистому винного цвета ковру между слабо мерцавшими стенами, они уселись в удобные кресла. Рядом с их столиком в горшке росла веерная пальма. Тихий ненавязчивый музыкальный фон. Абстрактная скульптура, за ней — освещенная голубым светом сцена.

— Кого я вижу! И так рано!

Неизвестно когда и как рядом появилась миниатюрная девушка в белом мини из материала под акулью кожу.

— Наверху жара, — буркнул Ёсимура, утираясь надушенным осибори[4].— Что в Татэсина? Когда ты оттуда вернулась?

— А я туда и не ездила. Там, говорят, небезопасно.

— Боишься землетрясения? Но ведь Татэсина южнее Мацусиро.

— Говорят, уже в Комуро трясет. Девочки, ко-

---

[4] notes: 4

Горячее влажное полотенце, которое подают в ресторанах, чтобы вытирать лицо и руки. — *Прим. перев.*

торые ездили, угробили машину. На нее упал огромный камень. Правда, они немного повеселились, пошумели в Хаяма.

— Джин-тоник, — сказал Ёсимура бою.

— Джин-ликкий, — присоединился Онодэра.

— Познакомьтесь. Онодэра — служащий нашей фирмы. А это Юри-сан.

— Очень приятно, — сказала Юри. — А чем вы занимаетесь?

— Управляю глубоководным судном.

— О-о! Подводной лодкой?

— Нет, это не военное судно, а такая штуковина, которая может плавать у самого дна на глубине десять километров, — объяснил Ёсимура.

— Потрясающе! Но уж если вы работаете на таком судне, то наверняка умеете нырять с аквалангом?

— Умею, — усмехнулся Онодэра.

— А вы не согласились бы поучить меня? Хотя бы разочек! Говорят, это опасно!

— А Мако пришла? — спросил Ёсимура, взяв поданный боем стакан джина с тоником.

— Да, только что. Сейчас, наверное, красится.

— Позови ее. Хочу узнать, как она сыграла в гольф с Накагавой.

— Думаю, что проиграла, раз молчит. Если бы

выиграла, проходу бы никому не дала. — Юри поднялась и, положив руку на плечо Онадэры и заглядывая ему в лицо, спросила: — Так научите меня? Когда?..

— Если будет свободное время, — коротко ответил Оно-дэра.

Стали появляться посетители, из полумрака возникли тонкие фигурки хостэс[5]. Онодэра беспокойно огляделся, потом крепко, всей рукой схватил запотевший стакан с бледно-зеленой жидкостью и кусочками льда и осушил его двумя глотками.

— Прикажете повторить? — спросил бой.

Онодэра кивнул.

Подошла другая хостэс и, едва кивнув Онодэре, уселась рядом с Ёсимурой и стала ему что-то шепотом говорить. Кажется, она выспрашивала о ком-то из клиентов. Онодэра взял подсоленный земляной орешек и одним глотком выпил половину второй порции. Он начинал скучать. И ушедшая Юри, и сидящая рядом с Ёсимурой хостэс в каштановом парике отличались красотой и изяществом, но на их молодых лицах — а девушкам было не больше двадцати трех

---

[5] notes: 5

Женщины, выполняющие в ресторанах роль хозяйки за столиком. — *Прим. перев.*

— четырех лет — лежала неизгладимая печать утомления. Дорогой шик в одежде — и несвежая кожа. Прекрасно держатся, но обе какие-то колючие. Зарабатывают, небось, в трое-четверо больше такого служащего, как он, и все же их пожирает какая-то неутолимая жажда. Конкуренция, зависть, ревность, деньги, неудержимое желание роскоши, блеска терзают их, сжигают изнутри… Что-то в них раздражающим образом действовало на Онодэру.

Молодые, очаровательные, эти блестящие девушки, несмотря на свою молодость, уже не умеют по-настоящему радоваться. Сердца их не знают полноты, как не знает насыщения звериная утроба. Они утомились от собственных желаний, которые в них постоянно искусственно возбуждают. Где-то в глубине их глаз уже появились первые признаки мрачно-тусклой скуки. К тому же они все время говорят умненькие вещи, но ни в одной не ощущается интеллекта. Но, что делать, ему придется еще немного потерпеть… Онодэру охватило уныние, на душе было противно, и он опять схватил стакан. Какое же оно, если копнуть поглубже, это первоклассное заведение на Гиндзе?.. Кто они, превратившие этих юных созданий в ненасытных жалких скряг?

Политиканы, люди искусства или племя белых воротничков? И те и другие. Все вместе взятые. И их деньги, которыми они сорят как безумные.

Чтобы выдержать здесь, надо немного опьянеть, подумал Онодэра и опять осушил стакан. На сердце чуть потеплело. Появилась некоторая раскованность.

— Как вы красиво пьете! — изображая восхищение, произнесла хостэс, сидевшая рядом с управляющим. — Впрочем, при таком сложении…

— Кстати… — прервал Онодэра, обращаясь к Ёсимуре. — Вы, кажется, хотели поговорить?

— Что? — управляющий был искренне удивлен. — Ах, да… в самом деле. Я думал попозже, куда спешить…

— Можно и попозже, пожалуйста, — кивнул Онодэра. — О работе?

— Да нет… — Ёсимура покачал головой. — Послушай, женился бы ты, а?

— У-уйо, — издала дикий звук хостэс. — Так, вы еще и холосты?!

— Послушай, займись пока чем-нибудь, ладненько? — сказал ей Ёсимура, словно обращаясь к ребенку.

Онодэра вдруг сразу почувствовал опьянение

— в голове сделалось совсем пусто. Он взял земляной орешек.

— Возлюбленная или там невеста у тебя есть? Родители ничего такого не предлагали?

— Пока нет... — Онодэра покачал головой. Он сейчас думал только о том, не скучающее ли у него лицо.

— Ты, наверное, знаешь, что наша фирма увеличивает основной капитал и собирается сильно расширить отдел разработки сырья. Пусть это пока останется между нами, но, я думаю, ты в этом

отделе займешь довольно высокую должность. Совершишь скачок, так сказать, через головы других. Я уже замолвил за тебя словечко… Есть только одно «но» — твое холостяцкое положение. Женатый человек выглядит солиднее, ему больше доверяют.

— Значит, работать придется на суше? — спросил Онодэра, хотя уже заранее знал ответ начальника.

— Да. Не вечно же тебе болтаться в батискафе. Я считаю, ты вполне созрел для умственной деятельности и…

Онодэра энергично разгрыз орех передними зубами. Он почувствовал, как внезапно возникшее опьянение начинает медленно проходить. По рукам и ногам разлилось тепло, и почему-то вдруг опять стало портиться настроение. «Плохо, — подумал он, — может быть, из-за атмосферного давления?»

— Так как же, ты согласен встретиться, а? — нарочито беспечным тоном спросил Ёсимура, откидываясь на спинку кресла.

— С кем?

— Ну, в общем это смотрины.

— Не знаю даже…

— Если согласен, давай, не откладывая в долгий

ящик, сегодня вечером…

Рука с орехом застыла возле рта.

— Сегодня вечером?! — от удивления у Онодэры округлились глаза. — В таком виде?

— Это не важно. Устроим небольшой экспромт, как бы между прочим… Ей двадцать шесть, потрясающая красавица, хотя и не без норова лошадка. Но ты бы… Нет, думаю, что именно если с тобой…

Онодэру начал беспокоить тон начальника — в нем — нет-нет да и проскальзывал так называемый «приказ в виде просьбы». Ёсимура приходился дальним родственником одной родовитой фамилии, с отличием окончив знаменитый университет, он устроился в государственное учреждение, где прослужил всего два-три года. По каким-то обстоятельствам он оттуда ушел и стал служить в фирме по разработке морских шельфов КК. Онодэру все это мало интересовало, но поговаривали, что в судьбе Ёсимуры немалую роль сыграл один крупный политический деятель, который замолвил за него словечко. В фирме Ёсимура был на лучшем счету и вполне мог претендовать на ведущее место. Высокий, широкоплечий, с ярким красивым лицом — его породистость сразу бросалась в глаза. В данный

момент фирма приняла решение удвоить свой миллиардный капитал и соответственно расширить рамки деятельности, должно быть, и Ёсимура тоже расширял рамки какой-то собственной деятельности. Онодэра понял, что между этими проектами и сегодняшним предложением Ёсимуры существует какая-то связь…

Ведь Ёсимура не просто советует жениться, а прощупывает, станет ли он его подручным, давая понять, что решающим будет послушание. Конечно, о своей заинтересованности он говорит не прямо, а полунамеками, чтобы, если Онодэра не отреагирует должным образом, в любую минуту можно было все переиграть. Онодэра усмехнулся про себя. Чиновники или бывшие чиповники — странные люди. Конкуренция доводит их до помешательства. Они обуреваемы лишь одной заботой: пробиться наверх, а там либо самим сесть кому-то на голову, либо, если не получится, посадить кого-то себе. Примерно так поступают обезьяны, когда выбирают вожака. Все это было чуждо натуре Онодэры. Но у него, может быть, здесь сыграло роль опьянение, появилось желание заглянуть в замыслы Ёсимуры — уж очень самодовольным выглядел этот честолюбец.

— Из какой она семьи? — спросил Онодэра.

— Она старшая дочь в провинциальной родовитой семье… — нарочито небрежно, но с явным намерением прощупать своего подчиненного, ответил Ёсимура. — Семья владеет довольно крупным состоянием. Хотя это провинциальный родовитый дом, нравы там достаточно свободные: батюшка кончил университет в Европе, сама девушка тоже училась за границей и возвратилась в Японию года два-три назад. Услышав такое, ты, чего доброго, сразу дашь задний ход, а?

Сказав это, управляющий громко расхохотался. Потом он махнул рукой приближающейся хостэс.

— О! — махнула рукой в ответ миниатюрная миловидная девушка. — Сколько лет, сколько зим! Кажется, не виделись с тех пор, как были в Кавана?

— Говорят, ты проиграла? — воскликнул Ёсимура.

— Уже наболтали? Мне просто не везло. Даже в пол-игре я забила всего на пятьдесят очков. Мне два раза выпадало забивать бардий, а у меня все мимо, да мимо.

— Еще бы! Чтобы бить из густой травы и попасть прямо в лунку, как у тебя однажды получилось, тут надо особое везение.

— Меня зовут Мако, здравствуйте, — девушка поклонилась, словно клюнула, совсем как птичка, и села рядом с Онодэрой.

— Знакомьтесь — Онодэра, — сказал управляющий.

— Ого, — сказала девушка, вдруг схватив оголенную руку Онодэры и обнюхивая ее заостренным носиком. — Морем пахнет. Увлекаетесь яхтой?

— Он плавает под водой, — сказал Ёсимура.

— А-а, так это вы!.. — хостэс, которую звали Мако, широко раскрыла глаза. — Наслышана о вас и очень захотела увидеться. Ну, и попросила Ёсимуру-сан об этом. Очень рада с вами познакомиться.

— Благодарю… — Онодэра улыбнулся уголками губ.

— Выпьешь что-нибудь? — Ёсимура поднял руку. — Коньяк?

— Для этого еще рановато. Пожалуй, коктейль «виски-сауер» или что-нибудь в этом роде…

Приглушенная музыка стихла. В сгустившемся полумраке лампы на столиках казались яркими, как уличные фонари. Высветилась сцена, и заиграл небольшой джаз-банд. Инструменты звучали приглушенно, интимно.

— Вы тут выпейте вдвоем, я отлучусь ненадолго, — сказал Ёсимура, вставая из-за стола.

Как только они остались вдвоем, Мако потупилась и замолчала, словно школьница. Казалось, ей лет двадцать или даже меньше — этакий наивный подросток. И накрашена она была не очень, возможно, из-за пшеничного цвета загара. Ее подбородок еще сохранял детскую округлость.

Встретившись глазами с Онодэрой, она робко улыбнулась.

— Может, хотите потанцевать? — спросила она.

— Нет… — Онодэра тоже улыбнулся. — Я не умею.

В зале танцевали несколько пар. Онодэра смотрел на них безо всякого интереса — надо же на что-то смотреть.

— А заведение у вас модное, — сказал он, считая, что делает девушке комплимент.

— Еще бы! Первоклассный бар, да еще на Гиндзе, — она засмеялась, как будто в этом было что-то смешное. — К нам ходят крупные чиновники, фирмачи, в общем все те, кто не пьет на свои деньги.

— А ты давно тут?

— Три месяца. Раньше ходила на высшие крат-

косрочные курсы. Трудно было учиться, ну и бросила.

— Здесь, пожалуй, поинтереснее, чем на курсах?

— Конечно! Ведь деньги получаешь.

Опьянение — как-никак он подряд выпил три порции джина — распространилось по всему телу. И теперь Онодэре казалось, что он попал в какое-то загадочное место. Сколько нужно денег, чтобы построить такое заведение, да еще в районе Гиндзы? Какой жизнью живут и какими глазами видят жизнь те, кто из вечера в вечер пьет под музыку в этом бледно-голубом полумраке? А что видят, о чем мечтают и чего ждут эти еще совсем юные миловидные создания с пустыми глазами — частица суетливой ночной жизни? Какие они там, за пределами этой иллюзорной искусственной ночи с ее тихой, неторопливой, но обволакивающей все твое существо музыкой, позваниванием льда в бокалах, девичьими фигурками, передвигающимися медленно, словно рыбки в облаках ярких плавников-платьев, где-то на дне бледно-синего моря, высвеченного белыми и красноватыми настольными лампами?..

— Еще выпьете? — спросила Мако.

— Да. Но на этот раз джин-тоник.

— Вы пьете вино, как воду.

Где-то в темпом уголке его мозга копошилось тихое, но настойчивое желание быстрее напиться. Из чувства бессильного протеста против предложения начальника устроить ему сегодня вечером свидание.

— А ваше подводное судно большое? — спросила девушка.

— Нет. Правда, для данного вида судов оно считается большим, но оно не так велико, как, наверное, ты себе представляешь. Если взять на борт четверых, то и повернуться негде. Но зато оно выдерживает глубину в десять тысяч метров.

— Десять тысяч метров… — в широко раскрытых глазах девушки промелькнул испуг. — Я даже представить себе не могу, насколько это глубоко. Но что там есть, на дне этой морской бездны?

Онодэра рефлекторно проглотил слюну, мгновение смотрел на бледно-желтую настольную лампу и с неопределенной улыбкой буркнул:

— Там ничего нет.

Давление — тонна на квадратный сантиметр… Змея длиной в несколько тысяч километров, начинающая медленно подергивать кожей. Змея, которую он видел в тоскливом свете подводной

осветительной ракеты.

— А разве рыбы там не водятся?

— Почему же. Даже на такой глубине… Даже при такой низкой температуре и чудовищном давлении, без единого луча света существует жизнь. Ну, рыбы и беспозвоночные.

— О-о, что за удовольствие жить в таком глубоком, холодном месте, в сплошном мраке?

Онодэру удивил ее голос, он пристально посмотрел на эту хостэс по имени Мако. Круглые глаза девушки были полны слез.

— Не знаю, — мягко сказал Онодэра, словно успокаивая ребенка. — Но все равно живут.

Вот кого имел в виду Ёсимура, когда говорил о необычной девочке, подумал Онодэра. Действительно, в ней было что-то совершенно детское. Может, она вспомнила сказку «Русалка и красная свеча»?

— А Ёсимура-сан? — спросила подошедшая к столику Юри.

— Отлучился куда-то. Что-то долговато для туалета.

— Да не туда он пошел. Я его недавно видела у конторки, он говорил по телефону, — сказала Юри и вдруг ее глаза остановились, уставившись в пустоту. — Ах!.. — воскликнула она.

— Что с тобой, что случилось? — Онодэра подумал, что у нее начинается припадок падучей или еще что-нибудь, уж очень страшным сделалось лицо девушки — сквозь нежную кожу проступила прямо-таки трупная бледность. Но это продолжалось всего мгновение.

— Ой, уже прошло… — все еще в оцепенении пробормотала Юри.

— Что?!

— Землетрясение. Смотрите!

В стаканах подрагивала вода, тихо позванивали полу-растаявшие округлые кусочки льда.

— Не заметил даже. Наверное, опьянел…

— Я не испытываю особого страха перед землетрясением, но очень чувствительна к нему, — улыбнулась Юри. — Меня даже спрашивают, не в год ли налима я родилась[6]. Да еще в последнее время что-то уже очень часто трясет.

— Особенно в Токио, — поддержал Онодэра. — Толчки бывают раза два-три в день, и довольно ощутимые.

— Более, чем ощутимые! — Юри нахмурила брови. — Как-то даже нехорошо делается, переехать, может, куда-нибудь.

---

[6] notes: 6

В Японии существует поверие, что налим заранее чувствует землетрясение и способен предупредить о нем. — *Прим. перев.*

Тут она посмотрела на Мако и удивленно воскликнула:

— Ну, опять ревешь! Онодэра-сан обидел, да?

— Что вы, — растерялся Онодэра. — Я рассказывал ей про море, а она…

— Понятно, обычные штучки Мако-тян, — Юри рассмеялась. — Она у нас как маленькая. То вдруг заплачет, то вдруг развеселится ни с того, ни с сего…

В зале показалась ладная фигура Ёсимуры. Не садясь за стол, он сказал: — Пора, будем двигаться потихоньку, Онодэра-кун!

— Уже уходите?! — изумилась Юри. — Это какие же ветры подули?

— Просто нам кое-куда нужно заехать. Онодэра-кун, машина уже ждет.

— А куда мы поедем? — Онодэра неуверенно поднялся из-за стола.

— В Дзуси. Я позвонил, нас там ждут.

— Это в такой час? — Онодэра потер шею. — Не знаю, что и сказать.

— Да ты что? На улице еще светло, — на ходу бросил Ёсимура. — За полтора часа доедем: через третье Кэйхинское шоссе, а там выскочим на Новое Камакурское и напрямик. У меня ведь новый мерседес.

— Будем вас ждать, приходите, — сказала Мако, пожимая Онодэре руку. — Расскажете поподробнее о морском дне, хорошо?

— Ого! — засмеялся Ёсимура. — Быстро, однако, вы установили контакт!

2

В машине Онодэру развезло и он заснул. Свою роль сыграла и усталость. Однако, когда усаживались, он узнал, что девушка живет на даче в Дзуси одна, а родители находятся в Идзу.

— Одна! — пробормотал Онодэра.

— Ну, там есть прислуга. Сейчас у нее собрались друзья, что-то вроде вечеринки, — спешил объяснить Ёсимура. — Она их часто устраивает. Когда-то и я был там одним из постоянных участников. В последнее время времени нет, дел полно…

— Вечеринка… — подавляя зевоту, произнес Онодэра. — Такие вещи, знаете, не по мне.

— Не беспокойся. Там все происходит чинно-благородно. Ну, иногда случится небольшой дебош, а где без этого…

Будь что будет, подумал Онодэра и уснул. А

когда проснулся, машина бежала вдоль исчезающего в сумерках морского побережья. Проехав Дзуси, примерно на середине пути в Хаяму, свернули на частное шоссе и поползли на покрытый лесом холм. На вершине стоял несколько необычного вида дом — что-то среднее между «Домом над водопадом» Райта и «Жилым домом в форме яйца». Садовый фонарь в авангардистском стиле окроплял зелень голубым и бледно-изумрудным сиянием. Из здания, похожего на пластмассовое яйцо, лились яркий свет и музыка.

Ёсимура чувствовал здесь себя как дома. Внутрь они проникли через выходившее во двор французское окно. В коротком коридоре им встретилась костлявая девица лет двадцати семи — восьми с бокалом вина и сигаретой в одной руке. Сильно подведенные глаза, узкие брюки, тонкая водолазка.

— А, привет, — сказала она слегка заплетающимся языком. — Вас уже заждались.

— А Рэй-сан? — тоном завсегдатая спросил Ёсимура.

— Она здесь. Мы сегодня ударились в сантименты.

Открыв белую пластмассовую дверь, они очутились в средних размеров овальной комнате

с бежевыми округло выгнутыми стенами. Пол покрывал зеленый, похожий на мох ковер. В дальнем конце — рояль цвета слоновой кости. Вокруг прозрачного стола в форме неправильной палитры, какие можно увидеть на картинах Ганса Альпа, в странных, но, видно, очень удобных креслах сидели человек пять мужчин и женщин. От бара к ним обернулась девушка с миксером в руках. Ее лицо наполовину скрывали длинные распущенные волосы.

— Добро пожаловать, — сказала опа лишенным интонации голосом.

— Привет, — с фамильярностью старого знакомого кивнул всем Ёсимура. — Знакомьтесь, Онодэра-куп из подводного отдела нашей фирмы.

— Прошу вас, садитесь, — указал на кресло светлокожий, приятной наружности молодой человек в неяркой рубашке навыпуск. — Что будете пить?

Онодэра был немного растерян. Изящество, элегантность, воспитанность этих людей удивительно сочетались с простотой и приветливостью. Вся атмосфера здесь разительно отличалась от той, какую он представлял себе со слов Ёсимуры. Онодэра вдруг почувствовал себя неуклюжим

провинциалом, который совсем не вписывается в это изысканное общество. Имена, которые один за другим произносили знакомившиеся с ним люди, были ему известны — он встречал их на страницах газет и журналов. Постепенно он начал понимать, что попал в среду, в которой прежде ему не приходилось бывать, — все гости этого дома относились к так называемой интеллектуальной элите. Бледный молодой человек с красивым лицом, облокотившийся о рояль, вспомнил Онодэра, был композитором, сочинявшим авангардистскую музыку, недоступную восприятию среднего японца, каким был Онодэра. Более популярный за границей, чем у себя на родине, он получил уже несколько международных премий. Был здесь и молодой ученый-экономист, имя которого Онодэра видел не раз под статьями в толстых журналах. Здесь же были продюсер и архитектор, пусть не самые знаменитые, но достаточно известные, пользовавшиеся определенной популярностью.

Наконец Онодэру представили девушке, стоявшей возле бара. Ее звали Рэйко Абэ, это и была хозяйка дома, та самая девушка, с которой его хотел познакомить Ёсимура. Онодэра не знал куда глаза девать.

— Это будете пить? — Рэйко указала на бокал с какой-то жидкостью и посмотрела на него то ли равнодушно, то ли устало.

— Будете? Это мартини, выпейте…

С этими словами она сунула прямо под нос Онодэры сосуд с мешалкой. Почти неслышно пробормотав «спасибо», Онодэра взял тяжелый бокал-миксер. Вдруг, откинув голову, она коротко рассмеялась:

— Простите меня, пожалуйста, вы здесь впервые, а я… — язык у нее слегка заплетался. — Понимаете, ни одного бокала для коктейлей не осталось, я все разбила.

— Ничего, не беспокойтесь, — выдавив ответную улыбку, сказал Онодэра. — Ваше здоровье.

Онодэра поднес к губам бокал с мешалкой и одним духом выпил все до дна. Потом вытер тыльной стороной ладони губы и поставил бокал на стойку.

— Спасибо, очень вкусно…

С этими словами он повернулся спиной к девушке и пошел к столу.

— Послушайте, Онодэра-сан… — задушевно, как со старым знакомым, заговорил с ним молодой человек в неяркой рубашке, который уже предлагал ему сесть в кресло. — Я слышал про вас от

Ёсимуры-сан. Вы, разумеется, можете управлять подводной лодкой?

— Как будто бы могу… Открытая модель, или экранная?

— Экранная, вроде игрушечной, но опускается на триста метров. Вы, наверное, знаете, модель Шварцкопфа…

— Да, ее я хорошо знаю. А что вы собираетесь предпринять?

— Мы задумали устроить подводный увеселительный парк, — присоединился к разговору ученый-экономист. — Ничего особенно грандиозного, но нам хотелось бы создать в нем совершенно новые аттракционы. Дело в том, что одна туристическая корпорация предоставляет нам капитал для разработки идей… Там будет построен даже подводный концертный зал, — с этими словами молодой человек развернул на стеклянном столе эскиз и кивнул в сторону стоявшего у рояля композитора. — Он сейчас как раз занят созданием «Подводной симфонии». Это обещает быть очень интересным.

— А не могли бы вы помочь нам в свободное время? — без обиняков обратился к Онодэре другой молодой человек, дизайнер. — Хотите войти в нашу группу? Все мы занимаемся этим делом

ради удовольствия. Ведь если взяться за разработку проекта по всем правилам, расходы на содержание личного состава окажутся слишком большими.

— А от меня требуется обследование морского дна? — спросил Онодэра, мельком просматривая эскиз.

— В общем, да. Возможно, мы слишком многого хотим, по если мы сделаем официальный заказ вашей фирме на изучение интересующего нас участка морского дна, то потребуется уйма денег, а главное, мы лишимся возможности свободно общаться с вами, обмениваться мнениями. Так что было бы очень хорошо, если бы вы включились с нами в это дело. С шумом, гамом, горячими спорами…

— Пока наша база здесь, на этой вот даче, — сказал молодой человек в рубашке навыпуск. — А лодка Шварцкопфа сейчас находится в Абурацубо. Верно, Рэйко-сан?

— Еще бокальчик? — спросила Рэйко, протягивая бокал чинзано и глядя пьяными глазами.

Какое-то время разговор шел о подводном парке нового типа. Вновь и вновь рассматривали эскиз. Онодэра, придя в какое-то приятное возбуждение, тоже принимал участие в споре,

говорил о проекте, о плане исследовательских работ. Тут, конечно, и вино сыграло роль. Но его гораздо больше занимала и даже беспокоила Рэйко, о чем-то говорившая с Ёсимурой. Онодэра поглядывал на них. Ёсимура, не выпуская из рук стакана-миксера, пил виски с содовой и что-то беспрерывно рассказывал Рэйко. Рэйко нетвердой рукой держала бокал с коктейлем и пьяным жестом раздраженно откидывала падавшие на лицо волосы. Было непонятно, слушает ли она Ёсимуру. Выражение ее лица не менялось, но иногда она вдруг прыскала или вбирала голову в плечи, как это частенько делают нетрезвые люди, или, откинувшись назад, заходилась сухим смехом. Она вела себя как маленькая девочка. В ее тонких руках и ногах и правда было что-то девчоночье, но бюст и бедра, облепленные свободным пестрым платьем, были удивительно развиты. Высокая и тоненькая, она совсем не казалась хрупкой. Это была вполне созревшая женщина.

Подводный парк, который строят ради развлечения, думал Онодэра. А может быть, это «блюдо» приготовлено специально для него? Чтобы замаскировать истинную цель визита к Рэйко… Если все действительно так, то это хитрости Ёсимуры…

— Мне без разницы, только скорее постройте, — сказала Рэйко и, оставив Ёсимуру у бара, подошла нетвердым шагом к столу. — Я хочу основать клуб подводных нудистов. Предусмотрите для него участок в вашем проекте. Не то я возьму и за-а-крою базу!

Мужчины рассмеялись. Предупредительный молодой человек в рубашке навыпуск подхватил под локоть пошатнувшуюся Рэйко и усадил в кресло.

Все опять начали пить. Кто-то направился к бару, кто-то включил проигрыватель.

Онодэра налил себе шотландского виски с содовой и небрежно облокотился на рояль. Не проронивший до сих пор ни слова композитор кивнул в сторону Ёсимуры:

— Этот тип твой начальник?

— Ага… — утвердительно кивнул Онодэра.

— Нехорошо, конечно, говорить такие вещи, но он препротивный мужик, — сказал композитор, скривив рот. — Пошляк и пройдоха; без выгоды для себя и шагу не ступит, из всего сумеет извлечь пользу. У людей такого типа, даже если они и талантливы, начисто отсутствуют человеческие эмоции. У них жажда власти превратилась в инстинкт… ну, как половой инстинкт, что ли…

Онодэра не знал, как поддержать такую беседу, и пил молча.

— Не место ему здесь! — желчно продолжал молодой композитор. У него было странное лицо — красивое, но как-то не сочетавшееся со всем его обликом. — Играл бы себе в гольф с бывшими своими начальниками из государственных учреждений или с фирмачами. Самое дело для таких…

— Не знаю, за что ты на него так зол, но лучше бы со мной не откровенничал. Ты же меня первый раз видишь, — спокойно сказал Онодэра, вертя в пальцах стакан. — Конечно, я не стану ему передавать, но стукнуть тебя могу. Я, может, и согласен с тобой, но все же он мой начальник, понимаешь?

Композитор некоторое время сосредоточенно смотрел на стакан, плясавший в руке Онодэры, а потом, хлопнув его по плечу, просто сказал:

— Виноват. Забудем! — сощурив глаза, он с минуту разглядывал фигуру Онодэры. — Ну и здоровый же ты! И сильный, наверное, — с беззаботной простотой добавил он. — Не дай бог получить от тебя удар.

— Это я только с виду такой. Обманчивая внешность. А на самом деле я слабее женщины.

Оба громко рассмеялись. А тем временем виновник инцидента продолжал весело болтать с молодыми людьми, опять собравшимися вокруг эскиза.

— Он тут что, постоянный посетитель? — спросил Онодэра у Юй — это была фамилия композитора.

— Не совсем. В последнее время что-то зачастил. В глубокой древности, еще будучи студентом, он квартировал на полном пансионе в доме родственников семьи Абэ в Токио. Вот и вся его связь с домом Абэ.

— А ее родители?

— Они из Идзу, тут совсем рядом, — кивнул Юй куда-то в сторону. — У них земли в Идзу и Сидзуока. Несколько островов. Вот я и думаю, уж не на острова ли этот тип нацелился?

Онодэре сделалось не по себе. Он что-то смутно начинал понимать. Но слишком уж мала вероятность претворения в жизнь подобного замысла. Все слишком еще неопределенно, по крайней мере на данном этапе.

— Пошли купаться! — вдруг крикнула Рэйко и, вскочив на ноги, скинула с себя платье. Ее бронзово-загорелое тело с упругим бюстом и бедрами оказалось неожиданно крепким. Выцветшее

бикини едва прикрывало наготу.

— Опять?! — воскликнул молодой человек в рубашке навыпуск. — Сколько раз можно купаться?

— С меня хватит, — сказал архитектор, набивая трубку. — Я только недавно пришел в себя, приняв душ. К тому же устал зверски…

— Лучше бы не надо, — добавил Ёснмура заботливо-опекающим тоном. — Ведь ты много выпила.

— Никто не хочет со мной? Ну и пожалуйста!.. — нарочито покачнувшись, Рэйко зашагала в сторону террасы, — Ложитесь спать, не ждите меня…

— А ты? Не плаваешь? — шепотом спросил композитор у Онодэры. — Нельзя ее одну отпускать… Тем более сейчас ночь…

Рэйко как раз проходила мимо них. Она остановилась и бросила быстрый взгляд в их сторону.

— А вы пойдете? Онода-сан…

— Пойду! — Онодэра мгновенно стянул с себя рубашку. — Кстати, моя фамилия Онодэра.

Рэйко не извинилась за свою оговорку, а только прыснула и пошла вперед. Следуя за ее великолепной, стройной спиной, он вышел на террасу, по пути сняв и бросив на стол брюки. В углу

террасы оказался скрытый ветками сосны лифт. В тесной кабине их тела на мгновение соприкоснулись. Онодэра, сжавшись, отодвинулся к перилам. Как только лифт пошел вниз, в кабине сделалось темно, и она наполнилась шумом сосен и прибоя. Лифт мерно постукивал, подрагивал на рельсовых стыках, и Онодэра чувствовал странную неловкость от близкого дыхания Рэйко. Звезд не было, дул душный, тепловатый ветер.

— Как вы думаете, — сказала вдруг Рэйко лишенным интонации голосом, когда до земли осталось уже немного и стал виден холодный свет ртутного фонаря, — сколько мужчин меня целовали в этой кабине?

— Н-не знаю…

— Только один. — Произнесла Рэйко тихим голосом, в котором чувствовалось презрение к себе.

Онодэра ничего не успел ответить, лифт остановился. От бетонной площадки к воде вел дощатый мостик, конец которого опирался на покачивающийся пробковый поплавок.

Рэйко, не оборачиваясь, пошла вперед. Когда кончился поплавок, она вошла в воду так, словно собиралась идти и дальше. Онодэра осторожно спустился следом за ней. Море было тепловатым,

почти совсем спокойным. Когда тело привыкло к воде и расслабились мускулы, Онодэра, сильно оттолкнувшись ногами, поплыл. Он старался разглядеть в темноте девушку, как вдруг почувствовал мягкий толчок в живот и вдруг перед самым носом увидел голову Рэйко. Она медленно поплыла брассом в открытое море. Онодэра обошел ее и, как бы охраняя, поплыл впереди. Ему показалось, что на смутно белеющем лице девушки мелькнула улыбка.

— Покатаемся на моторной лодке? — спросила она.

— Нет… Лучше вернуться…

— Поплывем наперегонки?

— Да нет, не стоит.

— У меня сердце крепкое.

— Все равно. Ты перепила… — улыбнулся он. — Да и я тоже.

Они поплыли молча. Рэйко направилась к небольшому песчаному пляжику метрах в пятидесяти от поплавка. Доплыв до берега и не выходя из воды, она легла на живот. Снова испытывая неловкость, Онодэра уселся тоже в воде, но в некотором отдалении от Рэйко.

— Собираетесь на мне жениться? — вдруг резко спросила она.

Он молчал, не зная, что ответить.

— Что, душа не лежит? — опять спросила она.

— Трудно сказать, — пробормотал он. — Ведь только встретились.

— А Ёсимура-сан собирается нас заставить, — Рэйко утопила пальцы в песке. — Это мой предок его просил чуть ли не со слезами. Умолял выдать меня замуж… Вот он и привел вас…

— Я только сегодня вечером об этом узнал…

— Вот хитрец — знает, какой тип мужчин мне нравится… Да к тому же это надо думать брак по расчету?

— По какому же? — резко спросил Онодэра.

— Не знаю. Но когда он страстно уговаривал меня выйти за вас, мне вдруг так показалось.

Некоторое время он молчал. Потом не без колебания спросил:

— Сколькими островами владеет твой отец?

— Ну, какие же это владения! Просто ему нравится иметь эти острова. Все они малюсенькие и необитаемые.

— А остров Су у полуострова Идзу ему принадлежит?

— Да. А в чем дело?..

Ну вот, объяснение наполовину найдено, подумал он, но Рэйко ничего об этом не сказал. В

какой-то мере это относилось к секретам его фирмы. В прошлом году именно в этом районе отдел разработок проводил изучение морского дна. Он тогда участвовал только в предварительном обследовании, а бурение проводили уже без него. Но Онодэра знал, что там обнаружили какую-то жилу. Может быть даже золотоносную. Ходили такие слухи. Ёсимура наверняка имеет об этом точную информацию.

— Если это брак по деловым соображениям, вы откажетесь?

— Нет, — буркнул он.

— А я… вам понравилась?

— Не знаю. Чтобы это понять, нам надо еще немного пообщаться…

— Неужели для того чтобы решить, нравится человек или нет, нужно с ним общаться? А мне вы понравились, — раздельно произнесла Рэйко, приподнявшись на локтях. — Но не в том смысле, что я хочу выйти за вас замуж. Я бешено люблю секс, но о замужестве я пока не думала. Я просто не понимаю, почему нужно жениться и выходить замуж. А вы вообще собираетесь жениться?

— Ага…

— Почему? Зачем?

— Чтобы детей народить.

Он почувствовал, что Рэйко пристально смотрит в его сторону. На их тела спокойно набегали волны. Отступая, они захватывали песок, который щекотал им кожу. Рэйко все еще смотрела в его сторону. Казалось, ее ошеломила простота и ясность его ответа. А ему начинала уже надоедать эта игра в вопросы и ответы.

Вдруг Рэйко глубоко вздохнула. Длинный вздох с дрожью в конце. Уткнувшись ладонями в песок, она повернулась на бок. Едва слышный шорох перешел в музыку.

— Что это? — спросил он удивленно.

— Приемник на интегральной схеме, вшит в лифчик, водонепроницаемый, — осипшим голосом ответила Рэйко. Он слышал ее частое дыхание. — Ну что же ты? Обними!

— Сейчас?!

— Да. Или слишком быстро для тебя? Разве я не говорила, что не испытываю отвращения к сексу?

Он молчал, вглядываясь в темную даль открытого моря. Ёсимура ловкач, ничего не скажешь. Как все продумал. И сватом обязательно будет. Отец Рэйко, очевидно, имеет голос в Обществе рыбопромышленников и влияние в местных кругах. У него в руках множество нужных связей.

И Ёсимура навязывает в мужья единственной дочери этого человека, которую тот боготворит, своего подчиненного. Как бы дело ни повернулось, это послужит интересам Ёсимуры при разработке той самой жилы на морском дне. Ёсимура своего не упустит! Этот честолюбец наверняка подумывает и о собственном деле. А тогда финансовая поддержка состоятельного отца Рэйко… Стоп, стоп… не только это. Проект подводного увеселительного парка, которым эти ребята, гости Рэйко, по их словам, занимаются «ради развлечения», тоже связан с замыслами Ёсимуры… Да, его начальник всегда с нарочитой небрежностью, как бы между дрочим, плетет тонкую сеть, но непременно себе на пользу. Такова уж природа Ёсимуры. Даже жутко становится.

А если все это так и Онодэра это понял, следует ли помогать Ёсимуре в осуществлении его планов. Если в намерения Онодэры входит сделать карьеру, то он, естественно, должен подыграть своему начальнику. Но Онодэре претила вся эта игра, более того, он не испытывал интереса к такого рода преуспеянию, вообще его мало привлекало человеческое общество. Огромное место в его сердце занимало море. Вот лежит оно сейчас перед ним, спокойное, темное, шевелится, взды-

хает, словно живое. Вдали на островах черными глыбами высятся горы. И надо всем этим звезды, трепетные, мерцающие…

Море — и дрожащая Земля… Огромная круглая планета, плывущая в черных просторах космоса. Проходят тысячелетия, десятки, сотни их, а она все плывет и плывет, совершая круг за кругом. И вся она словно слезами покрыта горько-соленой водой, и лишь кое-где возвышается над этой водой суша… А на суше запутанный мир человеческих желаний, где безумствуют власть, роскошь, нищета, интриги, любовь, тщеславие, апатия…

— Ну обними же…

Голос Рэйко звучал приглушенно и жарко. Онодэра чувствовал, как волнуется ее упругая грудь. Руки девушки обвились вокруг его шеи…

Онодэра едва не вскрикнул. За далью моря, куда он смотрел, вспыхнула и пробежала по ночной черноте неба яркая вспышка света. На ее фоне на мгновение обрисовался силуэт горной гряды далекого Идзу. Это была не просто зарница, свет был слишком яркий, слепяще-белый. Ведь такой свет что-то означает? Но что, что?.. Тут совсем близко он услышал музыку, обвившие шею руки потянули его к земле. Трепещущие, чуть пахну-

щие вином губы Рэйко оказались солоноватыми. Ее руки неожиданно сильно сжали его. Все еще продолжала назойливо играть музыка, но через мгновение и она, и все вокруг куда-то исчезло…

Вдруг он вздрогнул.

— …труп… — раздалось из приемника возле его уха, — …Установлено, что пропавшему без вести неделю назад господину Рокуро Го, служащему исследовательского отдела строительной компании Н, был тридцать один год. Господин Го возглавлял геодезическую группу участка, на котором компания ведет строительство новой суперскоростной железнодорожной магистрали Токайдо. Сослуживцы свидетельствуют, что в последнее время господин Го находился в состоянии повышенной нервной возбудимости. В начале месяца он ушел из головного строительного штаба в Хамамацу… и не вернулся. Судя но состоянию обнаруженного тела, власти склоняются к версии о самоубийстве…

— Пусти! — Онодэра пытался оторвать от себя руки Рэйко.

— Нет! — Рэйко, часто дыша, еще крепче сжала объятия. — Нет, еще…

— Отпусти, тебе говорят! — зло крикнул Онодэра. — Друг у меня умер…

— Переходим к следующему сообщению… — сказал диктор.

Удар, отдавшийся в животе, до глубин тряхнул землю. По лицу пощечиной хлестнул внезапный порыв ветра. Песчаный пляж, на котором они лежали, мелко сотрясался, с обрыва, сквозь густые заросли травы, сыпались камни.

Он инстинктивно повернулся к морю. Над далекими горами Идзу беспрестанно пробегали полоски молний.

— Встань! — Онодэра одним движением поднял за руку Рэйко. Плечо ее громко хрустнуло. — Надень купальник!

Над вершиной горы в далеком море возникла оранжевая вспышка, и тут же в небо поднялся ярко-красный огненный столб. Вслед за этим, разорвав душный ночной воздух, раздался страшный грохот. И пошло, и пошло — гром, гул, свист, — словно одновременно палили тысячи орудий.

— Что это? — осипшим голосом спросила Рэйко. — Что случилось?

— Извержение! — ответил Онодэра и подумал, что это, наверное, вулкан Амаги, не понятно только, почему так внезапно. — Быстро! — он почти кричал, торопя Рэйко.

Земля беспрерывно, тяжело, со стоном качалась, с обрыва сыпались песок, мелкие камни и обломки скал. Плохо дело, подумал Онодэра и, схватив Рэйко за руку, хотел было побежать в сторону моря, но тут ему в голову пришла леденящая душу мысль.

— А где дорога на мыс, к даче? — резко спросил он.

— Вон за той скалой, с противоположной стороны. Но зачем тебе?.. — дрожащим голосом пробормотала она. — Там же опасно, могут падать камни. Давай пойдем морем.

Он молча указал под ноги. Волн, только что омывавших пляж, не было. Песчаное дно обнажилось, море откатилось на несколько метров, и его черные воды продолжали отступать дальше. Кое-где уже оголились подводные скалы.

Он почувствовал, что Рэйко охватил ужас. Все существо ее беззвучно кричало. Далекий огненный столб окрасил в багровый цвет тучи и клубы дыма, а с вершины потянулись вниз сверкающие потоки лавы…

3

Итак, в двадцать три часа двадцать шесть минут 26 июля 198… года произошло извержение вулкана Амаги, сопровождавшееся землетрясением в прилегающих районах. Но, как выяснилось позже, извержение явилось не причиной, а следствием землетрясения неглубинного характера, эпицентр которого находился на десятиметровой глубине под морским дном к юго-западу от бухты Сагами. Это было весьма нетипичным для вулканических извержений. Само по себе землетрясение в шесть с половиной баллов не являлось редкостью для Японии, но оно отличалось от обычного структурного землетрясения и повлекло за собой совершенно неожиданное внезапное извержение недействующего вулкана, который давно не проявлял никаких признаков жизни.

Через восемь минут после начала извержения Амаги столб огня выплюнул и вулкан Михара на острове Осима, задымила и заворчала гора Оомуро, расположенная к северо-востоку от Амаги. На полуострове воды реки Атагавы, Горячей реки, словно стараясь оправдать свое название, стали быстро нагреваться. Из источников и гейзеров с чудовищной силой забили

струи пара. На полуострове Идзу между городами Ито и Хигасиидзу были затоплены лавой участки кольцевого шоссе и железной дороги. Поток лавы ринулся в сторону Атакавы. Спасти жителей города, оказавшихся в катастрофическом положении, можно было только морским путем — на катерах и судах на воздушной подушке. Были установлены координаты эпицентра землетрясения — 34°59′10″ северной широты и 139°14′30″ восточной долготы, — они находились на дне моря. Цунами, вызванное землетрясением, обрушилось на восточный берег полуострова Идзу, на остров Осима и на все побережье бухты Сагами. В результате пострадали города Ито, Атами, Одавара, Оисо, Харадзука, Дзуси, Хаяма и Миура. Масштабы землетрясения по сравнению с Большим землетрясением северного Идзу, которое произошло 26 ноября 1930 года, были меньшими. Однако капиталовложения в секторе Токайдоского мегаполиса к этому моменту были уже столь значительными, что убытки оказались огромными. Да еще прибавились издержки, связанные с летним сезоном. Пострадало много отдыхающих. А оживший после многих лет бездействия вулкан, грохоча, продолжал извергать клубы дыма. Подхваченный ветром вулкани-

ческий пепел вместе с зачастившим дождем доносило до самых отдаленных уголков района Сёнан. На железнодорожных ветках Токайдо и Новой перестали ходить поезда, было прервано движение по Первому государственному шоссе, на некоторых отрезках шоссе Тона ввели одностороннее движение. В ряде мест прекратилась подача электроэнергии, была частично нарушена телефонная связь… А земля, внушая ужас всему живому, все еще продолжала содрогаться. Со дна грозно вздувшегося моря, вселяя тревогу в людские сердца, доносился похожий на звериный рев гул.

Онодэра вместе с гостями Рэйко решил вернуться в Токио. Небольшой катер на воздушной подушке быстро уносил их из района землетрясения. Дача Рэйко, расположенная на высоте пятидесяти метров над уровнем моря, почти не пострадала. Только, когда цунами ударило по мысу, обрушился лифт. Погас свет. Обвал перекрыл дорогу. Последнее привело всех в невероятное смятение. Особенно нервничал Ёсимура, ему даже не удавалось этого скрыть. С того самого момента, как он увидел багровое пламя извержения, его била дрожь. Только у Рэйко был отрешенный вид. Выражение ее лица не изме-

нилось даже тогда, когда из Сидзуока дозвонился отец, уже не надеявшийся застать дочь в живых. Гости волновались — у большинства оказались неотложные дела в Токио. К счастью, уцелел катер на воздушной подушке. Во время цунами он находился в гараже, закрытом железной шторой. (Это было судно производства фирмы «Уэстлен-М» стоимостью двадцать миллинов иен. Использовать его в увеселительных целях было безумной роскошью!) Онодэра оказался единственным из присутствующих, кто мог вести судно. Катер мчался со скоростью семьдесят километров в час. Свет прожектора разрезал ночную тьму. Шел шуршащий, смешанный с пеплом дождь. Время от времени, отведя взгляд от экрана радара, он поглядывал в сторону Амаги, небо над которым полыхало багровым заревом. Откуда-то из нутра поднималась неосознанная тревога… Он еще не осмыслил причин этого беспокойства, но смутно чувствовал, что оно связано с тем извивающимся, чудовищно огромным и жутким, не поддающимся логическому описанию нечто, чье движение он увидел и ощутил сквозь скорлупу батискафа на самом юге Японского морского желоба.

— Онодэра, — окликнул его кто-то, когда судно уже огибало Юцубо, — тебе звонят из Токио. Част-

ный разговор…

Но он словно не слышал и продолжал стоять, рассеянно уставившись в одну точку. Леденящий ужас, царапнувший дно его утробы, все еще копошился где-то внутри.

Онодэра взял себя в руки.

— Частный разговор, говорите?.. — переспросил он, вспомнив, что последние годы стали широко практиковаться частные радиотелефонные разговоры. — Переключите ко мне… — Онодэра надел наушники.

— Алло, алло… — услышал он знакомый густой бас.

— Говорите, пожалуйста, Онодэра слушает…

— Это я — Тадокоро… Еле разыскал тебя! Как там Амаги?

— Продолжает извергаться… — Онодэра бросил взгляд на покрытый каплями серого дождя иллюминатор. — И Михара во всю курится.

— У тебя, оказывается, есть журнал, который ты вел при исследовании дна в бухте Сагами две недели назад. Мне сообщил об этом один из директоров вашей фирмы Ямасиро, а он узнал от твоего начальника Ёсимуры…

— Да, я взял домой копию, чтобы написать отчет. Подлинник-то в фирме. До срока сдачи

отчета еще немало времени…

— Скажи, в журнале зарегистрированы какие-нибудь данные о необычных изменениях, наблюдавшихся в последнее время на глубинных участках дна в этом районе?

— Да… Но это скорее мои личные наблюдения и впечатления, потому что подробные данные прежних исследований отсутствуют. Во всяком случае рельеф дна по сравнению с прежним — а дно там обследовали с полгода назад — в некоторых местах претерпел просто поразительные изменения. Но еще раз повторю, это вывод, сделанный исключительно на основании собственной памяти.

— Но в последний раз хоть карту-то морского дна сняли? Вели журнал наблюдений?

— Сделали набросок в общих чертах… Но если я не ошибся, то получается, что рельеф дна изменился на достаточно обширном участке…

— Послушай, ты когда будешь в Токио? — спросил обычным своим не терпящим возражений тоном Тадокоро. — Я понимаю, ты очень устал, но мне позарез нужен этот судовой журнал. Я сейчас в Хонго, в лаборатории. Ты где живешь?

— В Аояма… — Онодэра посмотрел на часы. Был один час сорок пять минут по полуночи. — Если

поднажать, думаю, на рассвете сумею вам его доставить. Адрес?

— Второй квартал. Когда будешь поблизости, позвони мне.

— А данные в этом журнале… имеют какое-нибудь отношение к случившемуся землетрясению?

— К случившемуся землетрясению? — голос профессора прозвучал почти гневно. — Черт возьми! Я ночей не сплю, стараюсь выяснить, можно ли обрисовать контуры явления, куда как большего, чем это землетрясение!.. Вот мне и требуются все, какие только можно найти параметры. Пока по имеющимся данным сказать ничего нельзя. Однако…

Вдруг голос профессора Тадокоро исчез.

— Алло, алло… — повторял в трубку Онодэра, считая что телефонная связь прервалась.

— Может, я просто спятил… — послышалось снова в наушниках, в голосе профессора было отчаяние. — …Может, у меня дикая фантазия… Но она меня беспокоит, из-за нее я ночей не сплю. В общем прошу тебя!..

— Хорошо, я понял вас! — сказал Онодэра.

Огибая Дзёгасима, Онодэра дал полный ход. Шум и вибрация увеличились, роллс-ройсовский

турбореактивный двигатель «Дарт Х» громко заревел, стрелка спидометра, дрожа, миновала цифру восемьдесят, потом девяносто и приблизилась к ста. На такой скорости в кромешной темноте нетрудно угодить прямо в лапы морского патруля, подумал Онодэра. По лобовому стеклу, снимая брызги, неустанно скользили щетки. Читая береговой рельеф по радару, он повел катер ближе к берегу. Судно скользило на воздушной подушке. А ведь здорово, подумал Онодэра, совсем не нужно беспокоиться об осадке. Ну и тугодумы сидят в Управлении наземных транспортных средств! Давно бы им пора разрешить таким катерам передвигаться по суше. Установили бы правило движения — и дело с концом! Тогда бы прямо сейчас выскочили на шоссе и помчались по нему... Сидевший рядом с Онодэрой архитектор включил приемник. Кончилась передача сообщений о землетрясении и зазвучала шумная мелодия. Началась программа «Для полуночников», диктор со слащавым голосом развел такую пошлятину, что стало тошно. Ночная столица, буднично поговорив о землетрясении в Идзу, извержении Амаги и цунами, пела, как и каждую ночь, свою песню апатии.

Ах, да! Го!.. — едва услышав звуки приемника,

вспомнил Онодэра. Ведь он умер, покончил с собой. Но почему? Что случилось? Го покончил самоубийством?! Нет, это невероятно. Что бы там ни произошло у него по работе… не мог он сделать этого! Не мог!..

— А не опасно ли так мчаться? — обеспокоенно спросил сосед.

Онодэра, опомнившись, схватил микрофон внутреннего вещания:

— Всем надеть пояса! — приказал он и посмотрел на показания топливомера. — Ничего, до Харуми дотянем…

На очередном дневном заседании кабинета министров управляющий делами канцелярии премьер-министра сделал краткое экстренное сообщение об ущербе, нанесенном землетрясением в Идзу. Точные цифры, разумеется, привести он еще не мог. По предварительным данным вследствие цунами, землетрясения и извержения разрушены несколько тысяч строений, пострадало более десятка тысяч жилых домов. Лава из Амаги докатилась почти до города Атакава, предполагается, что общая сумма ущерба, нанесенного железной дороге, шоссейным магистралям, промышленности и сооружениям

для туризма и отдыха, составит несколько сот миллиардов иен…

— Что же, разве не поступало никаких прогнозов и предупреждений о землетрясении или извержении? — глуховатым голосом спросил усталый, только что вернувшийся из поездки за границу премьер. — Ведь проблема прогнозирования стихийных бедствий уже давно изучается, на это отпускаются достаточно большие средства из государственного бюджета…

— По мнению ученых, прогнозирование землетрясений в ближайшие пять-десять лет еще невозможно. Правда, к извержениям это не относится… — ответил самый молодой член кабинета министров, начальник Управления по науке и технике. — Пока ведь даже причины землетрясений по-настоящему не установлены. И, я думаю, не так-то просто усмотреть признаки ожидаемого землетрясения в определенном районе, особенно в последнее время, когда то и дело трясет.

— Что-то вроде этого я слышал и в Управлении метеорологии… — сказал министр по делам самоуправления провинций. — В данном случае, возможно, и были какие-то признаки, но они определяются на общем фоне, по ним трудно судить. Некое подобие радиопомех — за которой из

них что-то кроется? На фоне постоянных мелких землетрясений крайне затруднительно выявить, какой «тик» может служить признаком крупного землетрясения.

— Значит, строительство сверхскоростной железнодорожной ветки опять задержится? — спросил министр внешней торговли и промышленности.

— Председатель Управления государственных железных дорог жаловался: поначалу специалисты считали, что землетрясения не помешают строительству, а потом стали обнаруживаться все новые и новые смещения почвы на участке стройки. Подрядчики прямо-таки взвыли — что ни день, то новые геодезические измерения… — сказал скрюченный старичок — министр транспорта. — Короче говоря, сейчас на сверхскоростной полная неразбериха. И сроки, естественно, отодвинутся…

— Наводнения в период дождей тоже преподносят нам сюрпризы. В текущем году уже в третий раз вступит в силу закон «О помощи при стихийных бедствиях», — с кислой миной произнес министр финансов. — Если и дальше будет так продолжаться, потребуются дополнительные ассигнования к бюджету. Финансовое положение

в будущем году окажется не из легких.

— В дальнейшем, по-видимому, необходимо предусматривать бóльшие суммы, — сказал, протирая стекла очков, министр строительства. — Ведь год от года стихийных бедствий становится все больше и больше. Разумеется, печать, радио и телевидение опять расшумятся, назовут это «запланированными бедствиями».

Наступило недолгое молчание. Слова министра строительства всколыхнули чувство смутной тревоги, подспудно ощущаемое каждым членом кабинета. Япония по-прежнему продолжала разрабатывать долгосрочные планы и проекты строительства и реконструкции городов, районов, промышленных зон, словно на ее тесной территории можно было все это строить слоями, водружая одно на другое. Таковы были семилетний план суперускорения транспортных средств, пятилетний план информационного обслуживания через систему связи, пятнадцатилетний план реорганизации сельского хозяйства, восьмилетний план развития системы автоматического контроля и управления, десятилетний план реорганизации всей территории, план социального обеспечения, пятилетний план строительства новых жилых домов… Ежегодный экономический

прирост формально составлял восемь и четыре десятых процента, фактически же по сравнению с предыдущими годами он снизился до шести и двух десятых процента. Но по международным меркам он по-прежнему оставался на высоком уровне, да и фактические доходы населения вместе с увеличением масштабов экономики постепенно повышались. Существовали четкие перспективы завершения большинства планов. Однако последние годы все министерства и управления почти не учитывали в своих бюджетах возможности стихийных бедствий, тем более что на планы прошлых лет они практически не повлияли. Даже те отрасли экономики, которые в наибольшей мере страдают от стихийных бедствий, этого не предусмотрели, так как ущерб не превышал среднего многолетнего уровня.

Однако в текущем году…

Не прошло и четырех месяцев с начала нового года, как на все планы легла хмурая тень какой-то непонятной угрозы. И это почти во всех областях экономики…

Если взять каждый план в отдельности, ничего страшного как будто и не было. В этой стране тайфунов и землетрясений, где бывали и сильные дожди, и большие снега, в этой маленькой

и суматошной стране борьба со стихийными бедствиями считалась традиционной. Если даже стихийные бедствия и обрушивались одно за другим, восстановительные работы проводились быстро и энергично. В народе исторически выработался оптимизм — с точки зрения иноземцев, несколько странный, — который давал ему силы не только преодолевать стихийные бедствия, но и делать шаг вперед после каждой новой катастрофы. Можно даже сказать, что Япония, пережив очередное глобальное несчастье, вроде землетрясения или войны, в определенном смысле обновлялась и даже продвигалась вперед по пути прогресса. В этой стране, не склонной допустить радикального столкновения нового со старым, стихийные бедствия воспринимались как воля небес, проявляемая для того, чтобы смести с лица земли все то, что стало камнем преткновения, что мешало людям нормально жить дальше, но отчего они не могли избавиться сами.

И в вопросах политики в этой стране, казалось, исходили, не из стройных логических построений разума, а из сигналов периферической нервной системы. В Японии с ее высокой плотностью населения с древнейших времен существовала как бы народная традиция использования стихий-

ных бедствий. Конечно, никто и никогда не делал этого осознанно, однако по результатам получалось так. Но в данном случае происходило нечто совсем иное. Каждый отдельно взятый случай не представлял собой чего-то принципиально нового, но все вместе и во всех областях они таили в себе смутную перспективу чего-то страшного. Наверное, не все члены кабинета это почувствовали. Но кое-кто вдруг каким-то уголком сердца ощутил леденящее дыхание чего-то неведомого.

— Сейчас главная проблема — паника среди населения… — заговорил было премьер и вдруг замолчал. Его взгляд приковала чашка на столе. На желтой поверхности остывшего чая, отражавшей яркие лучи падавшего в окно солнца, дрожала мелкая рябь.

— До каких же пор, в конце концов, будут продолжаться землетрясения? — продолжил он с нажимом, дрогнувшим голосом. — То есть, я хочу сказать… очень уж они зачастили… по всей стране…

— Статистика показывает, что летом они происходят чаще, чем зимой, — вставил министр по делам префектур.

— Но ведь и извержений много… — продолжал премьер. — Что все это значит? Может быть, на-

чинается период каких-то крупных изменений в природе? Как вы считаете?

— Одно время существовала версия второго землетрясения края Канто, — сказал начальник Управления сил самообороны. — Но потом она, кажется, не подтвердилась…

— Конкретно, в дальнейшем кривая землетрясений пойдет вверх или вниз? — чуть раздраженно произнес премьер. Его обычно невозмутимое лицо нервно передергивалось. — Конечно, я думаю, ничего страшного нет. Но ясность в этом вопросе позволила бы нам запланировать соответствующие защитные меры.

В последнее время премьер что-то явно нервничает, подумал управляющий делами. И причина здесь, конечно, не только в стихийных бедствиях, его беспокоит скандал, который может вот-вот разразиться в связи с незаконными капиталовложениями в одно крупнейшее предприятие, непосредственно связанное с фракцией премьера.

— Может быть, мы выслушаем мнение ученых о землетрясении? — сказал министр здравоохранения. — Было бы интересно узнать, что они думают на этот счет.

— Ничего нового вы не узнаете, — усмехнулся

начальник Управления по науке и технике. — Исследования в области естественных наук в отличие от исследований в технике, как правило, хотя и обходятся нам в огромные суммы, весьма мало результативны. Очень редко можно сделать точные выводы. А если и найдется ученый, который решится на них, его непременно сочтут либо шарлатаном, либо шизоидом. В Управлении метеорологии работает один из моих друзей. Я с ним часто встречаюсь и не раз заводил разговор на эту тему, но ответы его неизменно туманны.

Начальнику Управления по науке и технике недавно исполнилось сорок. Он был единственным членом кабинета с естественнонаучным образованием и принадлежал к новому типу политических деятелей, к так называемой полубюрократии, то есть к той части высшего чиновничества, которая проявила себя в вопросах развития космической техники и атомной энергии, иными словами, в большой науке.

— Неважно… — сказал премьер, взглянув на управляющего делами. — Надо выслушать сейсмологов, что они скажут… Кстати, позаботьтесь, чтобы это было без особой огласки. Не то, как обычно, расшумятся газетчики. Выслушаем нескольких ученых. Приступите немедленно к

их подбору.

Вдруг комната качнулась. С потолка посыпалась штукатурка, заскрипели стены, из чашек выплеснуло чай.

— Довольно сильно… — заметил побледневший министр транспорта, пытаясь встать со стула.

Тряска прекратилась так же внезапно, как и началась. Только чай в чашках продолжал еще подрагивать, да как-то странно бултыхалась в цветочной вазе вода. Упал кусок штукатурки.

— Трясет и трясет… — горестно вздохнул министр здравоохранения.

Все усмехнулись и с облегчением разом заговорили. Донесся далекий гул, будто от выстрела, и тут же в дверь постучали, в кабинет вошел один из секретарей и шепотом что-то сказал управляющему делами. Тот кивнул и обратился ко всем:

— Только что началось извержение Асамы…

Онодэра дремал, сидя на старом, расхлябанном, дырявом диване на втором этаже частной лаборатории профессора Тадокоро, расположенной во втором квартале Хонго. Открыв глаза, он увидел качающийся потолок с покрытой пылью лампой дневного света. Только когда лопнуло оконное стекло и что-то хрустнуло в диване, он пришел

в себя и вспомнил, где находится. Встал с дивана и громко зевнул. В эту минуту землетрясение прекратилось. На лестнице раздался топот.

— Пожар что ли? — спросил он пробегавшего по коридору парня в рубашке-распашонке.

— Нет. Кажется, извержение Асамы…

Онодэра побежал за парнем на третий этаж, откуда вышел на крышу. Несколько мужчин и женщин, держась за перила и указывая на северо-запад, что-то возбужденно говорили. Горизонт плохо просматривался, мешали беспорядочно высившиеся дома Хонго, мост скоростного шоссе, высотные здания центра и уже поднимавшийся жаркий смог. Видно было только полоску коричневого дыма… Наверное, это и есть вулканический дым… Да нет, не может быть!.. Это дым из какой-нибудь трубы. Разве Асаму отсюда увидишь! Ведь до него больше ста километров, да еще смог… Слушая этот беспорядочный разговор, Онодэра сбросил с себя сонливость. Перед рассветом он забежал к себе домой, в Аояма, привез сюда требуемый материал и прилег в коридоре на диван, чтобы соснуть часок до работы. Он посмотрел на часы. Была половина двенадцатого. Надо позвонить в фирму, подумал он. Хотя просьбу об отпуске он и подал, но отпуск начи-

нается с завтрашнего дня. У лестницы Онодэра столкнулся с профессором Тадокоро. В жеваном халате, небритый, с воспаленными глазами и запавшими щеками, он выглядел совершенно измученным — совсем не тот человек, что неделю назад был на «Вадацуми».

— А сама… — пробормотал профессор. — Ничего страшного…

— Но вчера Амаги, сегодня… — махнул рукой Онодэра. — Теперь пойдут разговоры…

— Ничего страшного, поговорят и перестанут, — профессор подавил зевоту. На его слипающихся глазах выступили слезы. — Замолчат, как только кончится тряска. Но дело не в этом…

— Ну что же… — Онодэра еще раз посмотрел на часы. — Я, пожалуй, пойду. Проспал, опоздал на работу.

— Подожди минутку, — сказал профессор, не в силах подавить очередной зевок. — Можешь ты спуститься со мной вниз? Хотелось бы немого поговорить… Ты так сладко спал, что жалко было будить…

— Думаю, что… — Онодэра мгновение помедлил, остановившись у лестницы. — Да, могу. С завтрашнего дня у меня отпуск. А сегодня мне нужно только передать дела. После обеда пока-

жусь на минуту — и все. А в чем дело?

— Сейчас скажу. — Тадокоро обернулся к расшумевшейся молодежи: — Послушайте, сколько можно бездельничать?! Приступайте к работе! Нужна документация с данными извержения Асамы.

— Я только позвоню, — сказала Онодэра, спускаясь вниз по лестнице.

Частная лаборатория профессора Тадокоро занимала подвальный и первый этажи трехэтажного здания. В этой двухэтажной железобетонной коробке помещалась еще одна коробка меньших размеров с двойными стенами, в которой находился мини-компьютер на интегральных схемах. Вокруг беспорядочно размещались столы и полки, заваленные закрытыми и раскрытыми папками, кульманы, приборы. Пощелкивал самописец.

На высоте потолка подвала, вдоль трех стен проходила галерея, обнесенная металлической сеткой. На ней за перегородками из стекла и пластика размещалось несколько комнатенок, битком набитых телефонами и аппаратами связи. А свободную стену занимала огромная карта Японии и близлежащих морей, под нею помещалась панель с множеством разноцвет-

ных кнопок. Казалось, все трехэтажное здание, построенное из армированных блоков, кое-где растрескавшихся и даже перекосившихся, держится только потому, что крепко вцепилось в коробку компьютерской. Эта жалкая обветшалая развалюха идеально подошла бы для конторы какой-нибудь жульнической фирмы по торговле недвижимостью. В воротах стояли расхлябанный автофургон и допотопный автомобиль.

Позвонив по телефону, Онодэра спустился в подвал; тело обдало приятно прохладой — кондиционеры работали отлично. В подвале никого не было, наверное, уже начался обеденный перерыв. Профессор Тадокоро в одиночестве сидел за столом, подперев голову ладонью и что-то бормоча про себя. Онодэра подошел. Тадокоро поднял на него воспаленные глаза и посмотрел, как на незнакомого.

— Ах, это ты… — произнес он, словно приходя в себя. — Да, только что звонил Юкинага. Скоро будет здесь. Когда я сказал ему, что ты у меня, он захотел с тобой встретиться.

— Юкинага-сан? — переспросил Онодэра.

— Да, он тут недалеко живет. Давай вместе пообедаем что ли? Закажем, чтобы сюда принесли? — профессор потянулся к телефону.

— Вы хотели о чем-то поговорить со мной?

— Ага… — профессор медленно положил трубку на рычажки и опять задумался.

— Батискаф, ну тот самый… — вновь заговорил он после длительной паузы. — Если его надолго арендовать, какова будет арендная плата?

— Как вам сказать. Все зависит от условий аренды… — Онодэра не ожидал такого вопроса. — Запроси́те отдел проката нашей фирмы. Мне трудно подсчитать, ведь плата зависит от срока аренды, рабочих глубин и поставленных задач…

— Да, я еще одно хотел узнать… — профессор Тадокоро поднял свой толстый указательный палец. — Если немедленно подать заявку на аренду, можно сразу же приступить к использованию батискафа?

— Это невозможно, — быстро ответил Онодэра. — Как только закончится нынешнее исследование, «Вадацуми» отправят на остров Кюсю. Там будут проводиться исследования, связанные со строительством тоннеля под Корейским проливом, между Симоносеки и Пусаном. Работы на месяц. А затем придется выполнить заявку из Индонезии. Да еще много заявок, так что ваш черед дойдет только через несколько месяцев.

— Но ведь речь идет о деле чрезвычайной

важности! — профессор стукнул ладонью по столу. — Я собираюсь использовать батискаф для особых исследований. Нельзя ли как-то добиться льготы и получить батискаф немедленно?

— Не знаю. Я не могу ничего сказать. — Онодэра на мгновение представил себе лицо управляющего Ёсимуры, с которым расстался на заре. — Это, вероятно, зависит и от срока аренды… А вам надолго нужен батискаф?

— На полгода, а может, и больше, — на лице профессора появилось упрямое выражение, он и сам понимал нелепость своего желания. — Ты же видел, мы же вместе видели! Я хочу основательно, вдоль и поперек, обследовать дно Японского желоба.

— На полгода?! — Онодэра замотал головой. — Это совершенно немыслимо. Вас же не устроит, если вам будут давать батискаф, так сказать, в антрактах, между исполнением других заявок. Каждый раз придется подолгу ожидать.

— Но почему, почему в Японии только один-единственный батискаф, способный опускаться на десять тысяч метров?! — профессору изменила выдержка, он уже просто кричал. — Тоже мне морская держава! Смешно!

— Имеются батискафы, способные погружать-

ся на две тысячи метров, есть такой и у нашей фирмы. А по всей стране их пять или шесть. Ведь нужда в сверхглубоководных батискафах появилась совсем недавно. Да и наш «Вадацуми», как правило, используется для обследования шельфов на глубине тысячи — максимум двух тысяч метров. Когда «Вадацуми-2» спустят на воду, станет легче. Но пока его будут испытывать, пройдет не меньше года, — мягко сказал Онодэра, пытаясь успокоить профессора. — А может быть, арендовать за границей? У РСТД, занимающейся морскими разработками вдоль Тихоокеанского побережья США, два судна класса «Алюминаут» и четыре класса «Триест». А если здесь ничего не выйдет, можно обратиться к французскому фонду Маланда, у них три судна класса «Архимед».

— Это я и сам знаю, — профессор бросил на стол лист бумаги. Это был список всех глубоководных судов мира. — Но я не хочу, понимаешь, не хочу арендовать иностранные суда! Любой ценой хочу получить японское. Почему? Потому что это исследование…в общем…очень деликатного свойства, теснейшим образом связанное с интересами Японии…

Профессор Тадокоро вдруг умолк.

— Господин профессор… — решился Онодэра. —

Вы не могли бы мне сказать, что вы собираетесь исследовать? Что происходит на дне Японского желоба?

Тадокоро вскочил со стула, волосы его разметались, пылающие глаза впились в Онодэру.

— Что происходит?! — взревел он. — Не знаю! Совершенно ничего не знаю! Поэтому и нужно исследовать. Я собрал все имеющиеся данные, но самого главного не хватает! Так что пока ничего определенного сказать нельзя. Смотри!

Профессор щелкнул выключателем. За изображенной на прозрачной панели картой Японии засветилась еще одна, другая карта, многоцветная и многослойная словно мозаика…

— В общем, собрали все возможные данные и наложили их друг на друга. Здесь все: и метеорологические наблюдения, и почвенные изменения, и деятельность вулканов, и изменения береговой линии, и гравитационные колебания, и тепловые потоки, и подземное температурное распределение, и геомагнитные изменения, и годовые колебания геотока, и изменения и колебания морского дна, и движение магмы (насколько это было возможно), и землетрясения, и движение горных цепей, даже изменения в биосфере — все, все, что только удалось полу-

чить… Сюда вошли и изменения экологического характера, в частности данные о миграции рыб и перелетах птиц… Но прояснить ровным счетом ничего не удалось. Тогда я попытался вывести частное из общего, из каких-то глобальных явлений. Может быть, признаки чего-то и проглянули, но на этом основании нельзя сделать серьезных выводов. Мне нужно больше данных, больше… Необходимо собрать срочно все данные хотя бы о дне глубоководного желоба…

— Но почему так срочно?

— Этого… — профессор замотал головой. — Этого я не могу еще сказать. Но меня мучает одно опасение, оно и заставляет меня торопиться.

Профессор Тадокоро повернул выключатель. Его руки бессильно повисли вдоль тела. Сейчас он казался вконец измученным стариком.

— Извини. Раздражаюсь все время… — угасшим голосом сказал профессор. — Но, понимаешь, мне не хватает данных! Да и денег тоже, их понадобится страшно много. И срочно. Может быть, мои опасения ошибочны. Вероятность ошибки очень велика. Я даже допускаю, что это просто моя дикая фантазия. А чтобы разобраться, фантазия это или нет, требуются безумные деньги.

— Мне бы очень хотелось быть вам полез-

ным… — сказал Онодэра.

— Да! Да! Помоги мне, Онодэра! Я готов принять любую самую малую помощь. Если я сумею арендовать «Вадацуми», ты не будешь возражать против заявки на тебя в качестве штурмана?

— Конечно, я с радостью… Но я хотел сказать, если я могу быть вам полезным и в чем-то другом…

Раздались шаги со стороны лестницы. Приват-доцент Юкинага и в такую жару был при галстуке и в пиджаке. На его строгом, правильном лице не было и следа испарины.

— Привет! — улыбнулся Онодэра Юкинаге.

— Давайте уж вместе пообедаем, — сказал профессор. — Пойдем куда-нибудь? Или сюда закажем?

— Мне, право, все равно…

— Постой, — профессор стал нажимать кнопки интерфона. — Никто не отзывается. Опять наверху никого нет. Подождите тут. Я сейчас принесу чего-нибудь холодного. Выпить…

Профессор так быстро взбежал по лестнице, что его не успели остановить.

— Хороший человек, — сказал Онодэра, улыбнувшись.

— Да, простой и непосредственный. Редкость в

наше время… — серьезно произнес Юкинага со вздохом. — Гений, бросающийся в дело очертя голову. Поэтому у нас в научных кругах его ценят гораздо меньше, чем за рубежом…

Онодэра прекрасно понял смысл этих слов. Его внимание привлек какой-то прибор в углу компьютерской, и он стал его рассматривать.

— Хорошая лаборатория, — сказал он. — Правда, внешне неказистая…

— На ее устройство ушло около пятисот миллионов иен, — пояснил Юкинага. — А чего стоит ее содержание. Вы же знаете, с какой безумной энергией работает профессор. Как бы не экономили, никаких денег не хватает, ведь профессору до всего дело. Да к тому же еще цены все время повышаются, ну и, само собой, зарплата сотрудников…

— А откуда у профессора такие средства? — спросил Онодэра. Все последние часы он думал именно об этом.

— От ОМО — Общины Мирового океана, есть такая религиозная организация, — усмехнулся Юкинага. — Новоявленная религия, получившая всемирное распространение. Ловко придумали, а? Культ солнца, культ животных существовали издавна, но превратить в предмет культа океан,

это уже совершенно новый ход! В эту организацию входят люди всех национальностей, от рыбаков и до судовладельцев, короче говоря, все, чья работа так или иначе связана с морем. Во многих странах есть дочерние организации. Связь всемирная. Говорят, центр ОМО находится в Греции и будто бы организацию субсидирует судовладелец-миллиардер. В общем, страшно богатая религиозная организация.

— Новоявленная религия в роли покровителя науки… — Все, что угодно, но этого Онодэра не ожидал.

Культ Мирового океана? В таком случае, может быть, и его фирма имеет к этому какое-то отношение?

— Ведь наш профессор неуправляемый, — продолжал Юкинага. — Как ученый он не только вне школ, но и вне правил и вне традиций. Если что-то требуется для науки, он у самого сатаны выудит деньги и постарается сделать так, чтобы к нему на удочку не попасться. Тут он стоит твердо. Конечно, ортодоксы от науки его просто не в состоянии принять…

На верху лестницы появился профессор Тадокоро. В правой руке он держал запотевший чайник, в левой — поднос с перевернутыми вверх дном

чашками.

— А вы, господин Юкинага, в каких отношениях с профессором? — шепотом спросил Онодэра.

— Я посещал, правда недолго, его лекции, он почетный профессор нашего университета. Вот, собственно, и все. Но я часто встречался с ним в бистро возле общежития — профессор квартировал где-то поблизости. Знаете, я люблю его… У него диапазон гения, а какая хватка!.. Говорят, раньше такие ученые не составляли редкости — широта, размах мышления… Нынешние ведь все больше смахивают на служащих или чиновников.

— А откуда он родом?

— Из Вакаямы. Интересная провинция. Не знаю, может быть, это влияние Кинокуния Бундзаэмона, так сказать, традиция, но из этих мест порой выдвигались ученые большого масштаба, такие, как Кумакусу Миаката или Хидэки Юкава…

— Что вы тут шепчетесь, а? — профессор уже спустился с лестницы. — Небось, меня ругаете?

— Наоборот, хвалим!

— Ну, если это говоришь ты, Онодэра, тогда верю. Ты ведь человек искренний. Послушай Юкинага, что ты будешь есть? Суси? Креветки с рисом? Яичницу с курятиной и рисом? Или

что-нибудь из европейской кухни?

— Мне все равно, — сказал Юкинага. — У меня к вам, профессор…

— А ты раньше реши, что будешь есть. А ты, Онодэра?

— Яичницу с рисом и курятиной, — сказал Онодэра.

— Ну, тогда и мне тоже… — усмехнулся Юкинага. — Но я, профессор, хотел поговорить с вами конфиденциально…

Тадокоро, не обращая внимания на его слова, крутил телефонный диск. Заказал две порции яичницы с курятиной и рисом и жареные креветки, поворчал, что в креветках всегда мало соуса, и закончил назидательно: — Не жалейте соуса!

Онодэра, дослушав телефонный разговор, отошел в дальний угол лаборатории и сделал вид, что рассматривает аппаратуру.

— Онодэра! — тут же раздался густой бас профессора. — Иди сюда. Не уходи. Юкинага, он человек надежный. Я только что просил его о сотрудничестве, и он обещал свою помощь, в пределах возможного, конечно.

— Да, но…

— Никаких «но». Надежный! Разве ты сам этого не понял после нашего совместного плавания?

Он чувствует природу, знает море. Его сердце открыто великой Вселенной. А такие парни, хотя и знают о существовании всяческих махинаций и интриг, сами в них не участвуют.

Онодэру тронули слова профессора. Он даже покраснел. Чутье не обмануло профессора. Но почему такого человека не приемлют в научных кругах, думал Онодэра. Может быть, именно оттого, что слишком остро и глубоко проникает он в душу человеческую?

— Я понял вас, профессор... — сказал Юкинага, слегка смутившись. — Онодэра, вы, пожалуйста, не обижайтесь на меня.

— Ну вот, опять говоришь чепуху! Неужели ты не можешь понять, что он на такие вещи органически не способен обидеться?

Да, он говорит все, что думает, с полной откровенностью. Интересно, он со всеми так, или только с теми, кому доверяет?

— Вы, профессор, как всегда, строги... — сказал Юкинага. — Позвольте, я расскажу вкратце. Дело в том, что мне недавно позвонил бывший мой однокурсник, мой друг близкий, который работает секретарем в канцелярии премьер-министра.

— В канцелярии премьер-министра? — профессор Тадокоро нахмурил брови. — Чиновник?

— Да. Члены кабинета министров хотят в приватном порядке выслушать мнение ученых относительно участившихся в последнее время землетрясений. И по этому случаю он просил меня помочь ему в выборе участников встречи.

— Он поручил это тебе полностью?

— Думаю, что нет. Последнее слово наверняка будет принадлежать начальнику канцелярии премьер-министра. Я думаю, по этому вопросу они обратились не только ко мне.

— Узнаю чиновника! — резко сказал профессор. — Они никогда никому не верят. Ни ученым, ни народу. Никому не верят! Болтают, что хотят привлечь все выдающиеся умы, а у самих нет ни наблюдательности, ни чутья, чтобы хоть какой-то ум угадать или увидеть. В результате только и думают, как бы не промахнуться, как бы сохранить равновесие сил. Они ведь постоянно озабочены одним — как бы чего не вышло! Они никогда не рискуют, а потому и не могут предвидеть, что произойдет в будущем. Мальчишки, несмышлеными, молоко на губах не обсохло, а туда же! Взвешивают на весах мудрецов, пользуясь данной им властью! Да не водись ты с ними!

— Но, профессор, я ведь тоже государственный служащий! — рассмеялся Юкинага. — Мне ка-

жется, профессор, вы в чем-то недооцениваете чиновников. Каким преимуществом для общества оборачивается их реализм, способность к решению насущных сиюминутных проблем, соблюдение формальностей, следование системе! Ведь и сами государственные учреждения не что иное, как система распределения чрезмерной для одного человека ответственности по управлению гигантским организмом — обществом, организованным в государство, в котором в свою очередь переплетается бесчисленное множество сложных и запутанных систем. Поэтому-то чиновники более всего подходят для создания стабильности в организации, именуемой государством. Организационный принцип политических деятелей, так же как и деятелей так называемого полусвета, зиждется на человеческих чувствах, в первую очередь на чувстве долга и на добровольном, но обязательном подчинении тому, кто находится выше. Вот и получается в самый раз, когда этот принцип переплетается с равновесием сил, свято почитаемым чиновниками. Бюрократическая мысль развивается, совершенно избегая риска и сохраняя баланс при выборе; сохраняя равновесие сил на уровне нуля. Иначе говоря, чиновники — это племя, наиболее подходящее для организо-

ванной системы.

— Подумаешь, это я и сам знаю!.. — неожиданно легко согласился профессор. — Знаю, что, появись у всех чиновников творческое начало, определенные стороны нашего мира, где причудливо и яростно переплетены взаимно противоположные интересы, придут в полнейшее расстройство. Но когда человек выбивается в люди, варясь в утробе этой гигантской организации, образовавшейся на основе чудовищно огромных многовековых наслоений, в большинстве случаев он теряет человеческое обличив. Конечно, порой среди таких попадаются по-своему выдающиеся люди, но и они мне не симпатичны как личности. Особенно мне несимпатичны талантливые высшие чиновники центрального государственного аппарата. При всех своих достоинствах они отличаются от обыкновенных смертных лишь тем, что считают себя самыми умными и самыми выдающимися. Они думают, что их незаурядность определяется их рангом в учреждении. Они не способны общаться с людьми, как все другие люди. Что такое просто человек, природа, они…

— Я все понял, профессор. — Юкинага устало покачал головой. — Но я должен в течение сегодняшнего дня или в крайнем случае завтра дать

ответ. Могу ли я надеяться, что вы согласитесь присутствовать?

— Я? — профессор выпучил глаза. — Ха! Чтобы я! Нет, немыслимо! Присутствовать будут, по-моему, только Такаминэ из Центра защиты от природных бедствий, Нодзуэ из Управления метеорологии, Кимисима из Комиссии по прогнозированию землетрясений при министерстве просвещения, Ямасиро из Т-ского университета, да, пожалуй, еще Оидзуми из К-ского университета…

— Удивительно!.. Как вы точно угадали! — Юкинага судорожно проглотил слюну. — Вы попали почти в точку.

— А ты думал, я ничего не соображаю, что ли? Если государственное учреждение надумало собрать ученых, то есть людей непонятного ему мира, то учреждение захочет пригласить именно таких представителей этого мира. Может быть, еще пригласят Накагавара из Я-ского университета, если только его кандидатуру подскажет Нодзуэ. Все знаменитые, авторитетные. Каждый по-своему талантлив. Каждый в своей области имеет выдающиеся научные заслуги. Однако все это люди с узким кругозором — ни шагу за порог своей области! Они будут очень осторожны в

высказываниях. Ведь их больше всего беспокоят отклики на их выступления. Они будут предельно сдержанны, когда им придется говорить перед членами кабинета, которые в вопросах науки полнейшие дилетанты. Это следствие долголетнего обитания в научном мире. А что такое наш научный мир? Та же бюрократическая система, точная копия государственной. Ученые всегда ходят в шорах, волей-неволей им приходится втискивать свою деятельность в определенные рамки. Они научились высказываться строго и сдержанно потому, что только тот, кто не выходит за эти рамки, продвигается наверх. Они в этом даже не виноваты, но тем не менее они таковы. Если кто-нибудь как истинный ученый попытается выйти за определенный предел, его затопчут всем миром. Вот так их бьют и дрессируют. Противно, конечно! Но они привыкают. Это становится их второй натурой, и они постепенно теряют способность к широкому творческому мышлению, охватывающему все области знаний. Они закисают в этих узких рамках, теряют жизненные силы и…

— Именно поэтому, профессор, прошу вас принять участие!.. — не преминул воспользоваться словами профессора Юкинага. — Вы расскажете

о том, чем сейчас занимаетесь…

— А чем я сейчас занимаюсь?! — закричал профессор, вскочив со стула. — Чем занимаюсь я сейчас? Говорить об этом? А какой толк! Опять назовут безумцем, превратят во вселенское посмешище. У меня ведь еще нет точных данных. Я отчаянно борюсь, чтобы добыть их. Но на данном этапе, когда мне самому все кажется туманным и неопределенным, какой толк что-либо рассказывать? Если я поделюсь своими домыслами, повторяю, пока еще только домыслами, это может повлечь за собой всего лишь ненужные волнения в обществе. А из меня сделают сумасшедшего, фанатика, одержимого сумасбродными идеями. С меня хватит! И еще одно. Мое присутствие исключит участие некоторых ученых. И Нодзуэ, и Ямасиро присутствовать откажутся. Ведь они считают меня шарлатаном, авантюристом, которого просто стыдно называть ученым. Получаю субсидии от подозрительной новоявленной религиозной организации. Не ношу костюмов от хорошего портного. Не умею даже как следует завязать галстук. Порой даже не бреюсь. Ору. На официальных собраниях кого угодно могу обругать. Не сижу в рамках своей узкой специальности. Смотри, и тебе рекомендация

моей кандидатуры не пойдет на пользу. Подумай о своем будущем. Да и твой друг, пожалуй, может пострадать, потеряет авторитет. Нет, я не буду участвовать! Ни за что!

— Подумаешь, мое будущее! Великое дело! — терпеливо возражал Юкинага. — Вам ли обращать внимание на ветры, дующие в научном мире? Вы же давным-давно, по вашему же признанию, все это постигли. Для чего же вы занимаетесь сейчас своими исследованиями? И право, вы сами на себя не похожи, профессор, когда говорите подобные вещи? Ведь дело касается чрезвычайно серьезной для Японии…

— Япония… Да, Япония… — лицо профессора вдруг сморщилось, казалось, он вот-вот заплачет. — Япония… Подумаешь… Да наплевать мне на такую страну! Юкинага, дорогой, у меня есть Земля! Она за миллиарды лет породила столько живых существ, вывела их из океана на сушу и в конце концов сотворила человека… И несмотря на то, что человек — ее драгоценное детище — изгадил всю поверхность матери-земли, она продолжает ткать свою судьбу, свою историю… Огромная — хотя во вселенском масштабе не более, чем песчинка… Моя звезда… У меня есть Земля, создавшая сушу, горы, наполнившая моря,

одевшаяся в атмосферу, водрузившая на себя ледяные короны, полная удивительных все еще не разгаданных человеком тайн… Мое сердце… сердце мое принадлежит Земле! Юкинага, дорогой! Может, я странно выражаюсь… Эту теплую, мокрую, бугристую планету… Черт ее знает… какая-то нежная, ласковая планета… Она сумела защитить свою поверхность от ледяного вакуума Вселенной, полного радиации, пустоты и мрака, влажной атмосферой… Потом умопомрачительно долго растила почву, зеленые деревья, всяких букашек… Единственная планета в Солнечной системе, сумевшая понести ребенка во чреве своем… Земля, может, в чем-то и жестока. Но бороться против нее не имеет особого смысла. У меня есть Земля. И что бы там ни случилось с этой самой Японией, этими крохотными островками, вытянувшимися словно по веревочке…

— Но, профессор, вы же японец… — спокойным голосом произнес Юкинага. — Вы любите Землю. Нежную, удивительную планету, но в тайне, вы так же любите и Японию. Если это не так, то скажите, почему вы не пошлете все собранные вами данные в Общину Мирового океана? И почему вы ничего не публикуете, молчите о своих гипотезах, избегаете газетчиков и всяких там типов из

еженедельных журналов, любителей сенсаций и скандалов?

— Стой! — вдруг резко остановил Юкинагу профессор.

— Откуда тебе известно, что я скрываю данные от тех, кто меня субсидирует?

— Это я наугад, професор. Виноват, конечно, но попробовал на пушку взять, — Юкинага опустил газа, потом поднял их. — Но мне всегда казалось странным… Понимаете, я почти никогда не просматривал докладных записок ОМО, ведь вы мне все сами рассказывали. А совсем недавно мне попалась на глаза одна из них. В ней было что-то нелепое. Ваш превосходный английский язык, профессор, стал в ней на удивление тусклым. Да еще вы приводили подробные данные о биомире морского дна и о кораллах — то есть данные, которые сегодня вас вовсе не интересуют… А намек на что-то страшное, который я почувствовал из ваших рассказов, в этой записке вообще отсутствовал. Я перечитал все еще раз и понял, что вы затратили немало сил, составляя эту записку с предельной осторожностью. Конечно, если предположить, что читающий кое-что знает, тогда все это может представиться в ином свете, но ни о чем не зная, ни о чем и не догадаешься.

Вы уж постарались. Даже специально отвлекли внимание от этого…

— Н-да. Помнится, ты рассказывал, что еще в гимназии прочитал в подлиннике всего Шекспира… — профессор Тадокоро помотал головой. — А я и забыл о твоих успехах в английском…

— Так вот, профессор, где-то в глубине души вы беспокоитесь о Японии, не правда ли? — продолжал настаивать на своем Юкинага. — Что-то касающееся Японии вы хотите скрыть от других стран и от центра ОМО тоже… Разве не так?

— Что ты знаешь об Общине Мирового океана? — въедливо спросил профессор.

— А почти ничего… — сказал Юкинага. — Центр, говорят, где-то в Греции. Но, вероятно, ветви его в каждой стране достаточно независимы? Организация страшно богатая, но чрезвычайно любительская…

— Юкинага… — вдруг совсем другим тоном сказал профессор. — Я согласен, я приду на это самое собеседование, или как его там. Конечно, в том случае, если твоя рекомендация возымеет действие. Когда оно состоится?

— Еще точно не решено, но, я думаю, дня через три-четыре, — Юкинага облегченно вздохнул. — Давайте же есть! — Ведь совсем остынет…

4

Встреча членов кабинета министров и ученых по проблеме землетрясения состоялась только через неделю. Происходила она келейно, втайне от представителей прессы в клубе, помещавшемся в новом здании на улице Хирагава. Присутствующие услышали мало нового. Начальник Центра защиты от стихийных бедствий заявил, что если антисейсмическая реконструкция зданий в Токио и дальше будет продолжаться так же успешно, как и сейчас, то убытки окажутся почти не ощутимыми, даже если в ближайшие два-три года произойдет землетрясение таких масштабов, как в 1923 году. Зато в районах Киото, Тиба и Омори, где наблюдается оседание почвы, цунами может нанести весьма ощутимый ущерб, поэтому здесь необходимо принять определенные защитные меры.

Чиновник из Управления метеорологии настойчиво требовал расширить сеть сейсмических станций, приравняв их количество к числу метеостанций. Он говорил также об автоматической централизованной обработке данных, связанных с активизацией вулканической деятельности

гряды Фудзи и других сопряженных с нею гряд, а также о необходимости защитных мер в местах отдыха и туризма, находящихся в районах сейсмических зон.

Профессор Ямасиро из Т-ского университета и профессор Ойдзуми из К-ского университета кратко доложили об участившихся землетрясениях во внешнем сейсмическом поясе Японии.

Число землетрясений средней силы значительно увеличилось, но, поскольку они способствуют выбросу энергии, накапливаемой в недрах Земли, признаков возникновения сильного землетрясения пока не наблюдается. Если принять во внимание еще и активизацию вулканической деятельности, то можно допустить вероятность каких-то структурных изменений под Японским архипелагом, однако ничего определенного по этому поводу пока сказать нельзя. Прогнозы остаются неясными. Чтобы сказать, будут ли развиваться эти изменения или, наоборот, сойдут на нет, требуются более долгосрочные наблюдения…

— В общих чертах, что вы имеете в виду, говоря о структурных изменениях? — спросил министр строительства. — В ближайшем будущем произойдет сильное землетрясение?..

— Нет, не землетрясение, — сказал профессор Ойдзуми. — Речь идет об изменениях более крупного масштаба. Но об этом не стоит особенно беспокоиться. Для таких изменений требуются тысячи, а то и десятки тысяч лет. Настоящее время с точки зрения геологического возраста относится к периоду интенсивного альпийского горообразования. Современные тектонические изменения, а к ним относятся землетрясения и извержения вулканов, происходящие по всему миру, вполне характерны для него. Другими словами, эра человека на земле как раз совпадает с наиболее активным, можно сказать, необычайно активным периодом тектонических изменений суши.

— И что же? — спросил министр финансов. — Землетрясения в дальнейшем участятся или пойдут на убыль? Существует ли опасность стихийных бедствий крупного масштаба? Или все ограничится средней силы землетрясениями?

— Трудный вопрос. И ответить на него непросто. У нас пока нет оснований для категорических однозначных утверждений, — сказал, склонив свою благородную, хорошей лепки голову, профессор Ямасиро из Т-ского университета. — Иными словами, землетрясения еще не настолько изучены,

чтобы говорить о них что-либо определенное. Однако мне кажется вполне вероятным, что в дальнейшем особенно крупных землетрясений не будет происходить, хотя число обычных землетрясений, возможно, несколько и увеличится. Дело в том, что накопленная в земной коре энергия во время мелких землетрясений получает постепенный выход…

— Однако, — впервые заговорил молчавший до сих пор профессор Тадокоро, — так называемый «коэффициент вулканической активности», как его назвал Ротэ, за последние пять-шесть лет заметно повысился. Если для Японии он был в среднем 380–390 — правда, это самый высокий коэффициент в мире, — то в последние годы он составляет больше четырехсот. Невероятное повышение.

— Безусловно, — ответил профессор Ямасиро, не оборачиваясь в сторону Тадокоро. — При таком числе землетрясений коэффициент естественно повышается.

— Среднее число землетрясений, регистрируемых сейсмографами, составляет обычно семь тысяч пятьсот, а сейчас оно удвоилось и достигло тринадцати тысяч…

— Совершенно верно, среднегодовое число зем-

летрясений увеличилось. И даже очень. Но лишь за счет маленьких и средних землетрясений. А поскольку число больших землетрясений за тот же период уменьшилось, то, я думаю, можно говорить о некотором равновесии…

— Но величина ущерба не всегда определяется силой землетрясения. Порой землетрясение средней силы может нанести больший ущерб, чем крупное, если быть к нему плохо подготовленным, — сказал начальник Центра защиты от стихийных бедствий. — Так что, по-видимому, в дальнейшем придется разработать новые комплексные средства антисейсмической защиты для железных дорог, для автострад и зданий…

— Известно ли профессору Ойдзуми, что пояс отрицательной гравитационной аномалии, расположенный над западным склоном Японского желоба, резко перемещается на восток? Уже произошло смещение части пояса с верха склона на дно океана, — профессор Тадокоро продолжал говорить, не обращая внимания на попытки перебить его. — К тому же наблюдается столь значительное снижение уровня этой аномалии, что можно ожидать перемещения всего пояса на восток. В настоящее время — правда, мне еще не удалось провести все измерения — в

поясе уже встречаются отдельные участки, где аномалия полностью исчезла. Я говорю все это на основании данных, полученных неделю назад исследовательским судном «Суйтэн-мару», которое и сейчас продолжает свои наблюдения. Что вы об этом думаете?

— Н-да… Видите ли, я только десять дней назад вернулся из-за границы… — профессор Ойдзуми растерянно смолк.

— Мне недавно представился случай принять участие в изучении одного странного явления. Маленький остров на юге Бонин за одну ночь ушел под воду на двести метров, — словно про себя проговорил профессор Тадокоро. — А это значит, что за одну ночь на такую глубину опустилось морское дно. Из глубоководного батискафа мне удалось наблюдать мутьевой поток высокой плотности на дне морской впадины. Глубинные сейсмические эпицентры в районе Японского архипелага за последние годы в общем перемещаются на дно моря к востоку. Есть и еще один тревожный признак — это увеличение глубины сейсмических эпицентров на суше…

— Безусловно, под землей Японии происходят не совсем обычные явления, — сказал профессор Ямасиро. — Но что они означают, пока никто

сказать не может. Впрочем, мы собрались здесь сегодня не для научных дискуссий. Наша цель — в общих чертах доложить премьер-министру о существующем положении вещей.

— Да. Поэтому я и пришел сюда, чтобы обо всем доложить премьеру, — сказал профессор Тадокоро, с шумом захлопнув блокнот. — Господин премьер-министр, очевидно, вам, как государственному деятелю, лучше быть готовым ко многому. Государственный деятель не должен приходить в смятение ни при каких обстоятельствах. Я думаю, вы со мной согласитесь. Поэтому я хочу передать вам мое личное мнение: я предчувствую, что произойдет нечто небывало крупных масштабов.

Все вдруг притихли. Премьер встревоженно взглянул в сторону профессора Ямасиро.

— А вы не могли бы нам сказать, что именно может произойти и на чем основаны ваши прогнозы? — очень спокойно проговорил профессор Ямасиро. — Профессор Тадокоро, ваше заявление слишком серьезно! Для подобного заявления перед лицом государственных деятелей, не являющихся специалистами в этой области, должны быть веские основания.

— Что может произойти, я еще не знаю. И ос-

нований для каких-либо конкретных выводов у меня почти нет, — безмятежно произнес профессор Тадокоро. — Но, понимаешь ли, дорогой Ямасиро… Вам, то есть нам, всем нам, необходимо смотреть на вещи более широко, в масштабах геофизики в целом, или, вернее, в масштабах всех наук о Земле. Особенно это касается морского дна. Правда, у нас мало возможностей наблюдать и изучать его, но надо хотя бы постараться узнать о нем побольше. А там сейчас начинается что-то чрезвычайно серьезное, хотя я и не знаю, что именно. Для того чтобы разобраться в дальнейшем движении Японского архипелага, необходимо сосредоточить внимание на океаническом дне. Да, я хочу еще добавить: не исключено явление, которого прежде мы никогда не наблюдали, то есть явление, никогда ранее не происходившее на Земле.

— Это можно сказать о любом новом явлении, — по-прежнему не глядя на Тадокоро, произнес профессор Ямасиро. — Однако маловероятно, чтобы подобное явление произошло без всяких предварительных признаков.

— Но может статься, что эти признаки проявляются в различных хорошо известных нам явлениях, которые происходят изо дня в день. Просто мы

не обращаем на них внимания, полагая хорошо изученными. Мы что-то упускаем… — профессор Тадокоро спрятал блокнот в карман. — И еще одно… Хотя вы опять скажете, что это моя очередная маниакальная идея… Мы обычно упускаем из виду лежащий в основе тектонических изменений эволюционный процесс. Циклы горообразовательной деятельности с увеличением геологического возраста Земли укорачиваются, а степень резкости изменений, очевидно, увеличивается. Правда, по этому поводу существуют и другие мнения. Однако за последние несколько миллионов лет эволюция тектонических изменений акселерирует. Аналогично эволюции в живой природе. Если, например, завтра тектонические изменения вступят в свою переломную фазу, никто не может сказать, что не произойдут *такие явления*, о каких в настоящее время мы и предположить не можем. Не исключено, что произойдет нечто такое, чего нельзя предугадать на основании наших теперешних наблюдений и всего накопленного в прошлом опыта. Да к тому же история наших научных наблюдений слишком коротка… Позвольте мне откланяться. Сегодня мне опять всю ночь сидеть…

Сказав все, что хотел, профессор Тадокоро быст-

ро вышел из комнаты.

— Как всегда, — заметил кто-то из ученых. — Напустит туману, запутает всех..

— Не надо быть очень строгим к нему, — улыбнулся профессор Ямасиро. — В его словах есть свой резон. Но все очень уж широко охвачено, так широко и далеко, что составляет проблему и не сегодняшнего, и не завтрашнего дня. К примеру, заявление о том, что в недалеком будущем земля с небом поменяются местами, не будет ни истинным, ни ошибочным, поскольку мы ровным счетом ничего об этом не знаем, а «недалекое будущее» — понятие весьма растяжимое.

— Простите, это знакомый кого-либо из присутствующих? — не без раздражения спросил начальник Центра защиты от стихийных бедствий. — Это ведь личность небезызвестная.

— Нет, — поспешил с ответом управляющий делами. — Как я слышал, он достаточно известен за границей, особенно в Америке.

— А вам известно, что он делал в Америке? — сказал профессор Ойдзуми. — Он занимался изучением гайотов — это один из видов морских вулканов — на дне Тихого океана. Эти крупномасштабные исследования проводились американским военно-морским флотом. Они

собирались использовать гайоты в качестве ориентиров и баз для атомных подводных лодок с ядерными ракетами..

В эту минуту открылась дверь, и в зал вернулся профессор Тадокоро. Профессор Ойдзуми будто подавился.

— Забыл авторучку… — пробормотал себе под нос Тадокоро и, взяв со стола толстый «Монблан», снова направился к двери.

— Профессор Тадокоро… — вдруг окликнул его премьер. — Вы заявили, что я, как государственный деятель, должен быть к чему-то готов. Позвольте спросить, к чему именно? К какого масштаба явлениям я должен готовиться?

— Я уже говорил, что ничего еще не могу сказать точно, — профессор Тадокоро пожал плечами. — Но, как мне кажется, нельзя исключать и такую возможность, как полное разрушение Японии. А может случиться и такое, что Японский архипелаг просто исчезнет…

В зале послышались смешки. Явно недовольный собой, профессор Тадокоро поспешно вышел.

После встречи с учеными один из секретарей канцелярии премьер-министра, остановив машину у края газона, вызвал кого-то по между-

городному радиотелефону.

В трубке прозвучал старческий мужской голос.

— Кончилось, — сказал секретарь. — Как и ожидали, ничего определенного сказано не было. Позвольте доложить основные моменты.

Секретарь пересказал ход заседания.

— Был, правда, один ученый, который удивил всех. Его фамилия Тадокоро… Просто сказал, что Япония провалится в море… Да, да, Юскэ Тадокоро. Совершенно верно. Вы изволите его знать?.. Да, слушаю… — секретарь чуть нахмурил брови. — Ясно, я все понял. Если можно в такое время, я немедленно отправляюсь…

Положив трубку, секретарь вздохнул и посмотрел на часы на приборной панели. Было тридцать пять минут одиннадцатого.

— Беспокоит?.. — бормотал он про себя в темном салоне машины. — Что же это может его беспокоить?..

Заведя мотор и развернув машину, он позвонил еще раз.

— Это я. По дороге завернул в Тигасаки, так что вернусь поздно. Ты ложись спать.

Потом он вывел машину на дорогу. Под душным, без единой звездочки ночным небом черным зверем притаился лес Ёёги, темнело зда-

ние стадиона. Вечно здесь по ночам обнимались влюбленные парочки. Осветив фарами несколько фигур, секретарь нажал на акселератор.

Прошло несколько дней.

Токио по-прежнему варился в превышающем тридцать пять градусов зное. Люди, загорелые до черноты и вконец измученные, едва дышали. После того как пострадало морское побережье Сёнан, а в районе Идзу произошло извержение, стали бояться выезжать в окрестности. Спасаясь от жары, в жажде морской прохлады народ повалил в префектуру Тиба и дальше — в Кансайский край, на северо-восток, на Кюсю и Хоккайдо. Поезда были набиты битком, машины шли по шоссе сплошным потоком. Амаги, выбросив большое количество магмы, успокоился, хотя не прекращал куриться, а Асама все еще время от времени выплевывал огнедышащую жижу. Продолжались и землетрясения. Число их не сократилось, в течение дня происходило пять-шесть довольно ощутимых толчков. Кренились старые дома, их стены трескались, а с крыш сыпалась черепица. Во всех городах всех провинций экстренно провели перепись ветхих и опасных построек. Но запланированный на ближайшее десятилетие

проект ускоренного повышения сейсмостойкости и огнеупорности зданий в масштабах всей страны пока еще находился на уровне рассмотрения в министерстве строительства.

Измученные ежедневной удушающей жарой люди, казалось, не замечали землетрясений. Восприятие притупляется, если тебя в любую минуту может качнуть, где бы ты ни находился — на улице, в кафетерии, дома. Особенно в Токио: здесь горожане привыкли к колебаниям почвы, и теперь участившиеся землетрясения считались почти нормой. И все же сообщения о том, что по всей стране, от южной оконечности Кюсю до севера Хоккайдо, без конца происходят мелкие и средние землетрясения, действовали на нервы. Вызывали тревогу и такие факты, как необычное повышение температуры воды в озере Асиноко, в горах Хаконэ, в результате чего почти вся рыба всплыла кверху брюхом. В глубине сознания зарождалось смутное непонятное беспокойство. Порой люди начинали суетиться, спешить, словно дамоклов меч был уже занесен над их головами. Значительно превысилось прошлогоднее число дорожных катастроф. Поголовно все стали на удивленье раздражительными. Участились уличные драки, убийства.

Упал даже интерес к профессиональному бейсболу и скачкам. Как никогда, тонули курортники. Сильно пострадали от ливней посевы риса в районе Тоса на острове Сикоку, хотя по предварительным данным урожай ожидался высокий.

Тайфуны номеров 17 и 18 приблизились к югу Японии. На приморском курорте была арестована группа подростков, которые, наглотавшись ЛСД, совершили убийство.

Во всем остальном жизнь текла так же, как и в прошлые годы.

В крае Кансай накануне Дня поминовения усопших «Урабон-э» началась вторая волна эпидемии японского энцефалита, а в универмагах уже демонстрировали новые моды осеннего сезона и женщины оживленно обсуждали, какие будут в моде цвета. Конференция по случаю годовщины атомного взрыва опять прошла бурно — пятнадцатое августа, как всегда, будило страшное воспоминание о далекой прошлой войне.

Дней через десять после встречи с членами кабинета в лаборатории профессора Тадокоро раздался звонок. Звонил приват-доцент Юкинага. Он очень просил профессора, несмотря на крайнюю занятость, приехать в отель «Палас», чтобы встретиться с одним человеком, который

просто жаждет с ним познакомиться. Машина за профессором уже выслана…

— С кем это ты хочешь меня познакомить? — раздраженно буркнул профессор Тадокоро, небритый, измученный ежедневным недосыпанием. — Я занят. Да еще в отель меня тащить, там же при галстуке надо быть.

— Это отнимет у вас немного времени. Всего каких-нибудь тридцать минут, — настаивал Юкинага. — Насколько я знаю, этот человек очень хорошо знал вашего отца, профессор.

— Я тебя спрашиваю, как его зовут?

Как ни странно, в эту минуту разговор прервался. И тут же загудел интерфон:

— Господин профессор… У подъезда вас ожидает машина, присланная господином Юкинагой…

— Пусть ждет!

Профессор покрутил головой, провел ладонью по небритым щекам. Потом, недовольно хмыкнув, взялся за пиджак.

Не успел Тадокоро в помятой рубашке и видавшем виды пиджаке переступить порог отеля «Палас», как к нему подошла ослепительной свежести девушка в кимоно.

— Господин профессор Тадокоро? — спросила она. — Прошу вас, следуйте, пожалуйста, за

мной..

Они прошли через вестибюль, где толпились иностранцы, бизнесмены и нарядные женщины — возможно, готовился прием, — и поднялись на несколько ступенек. Здесь их встретил статный молодой человек в темном костюме.

— Прошу вас, господин профессор! Вас ожидают… — вежливо поклонился он.

Профессор Тадокоро посмотрел в сторону, куда указывал молодой человек. Там в кресле-каталке сидел согбенный старик, поражавший своей худобой. Его ноги — в такую-то жару! — были укрыты пледом.

— А Юкинага? — оборачиваясь, спросил профессор молодого человека. Но того уже не было.

— Тадокоро-сан?

Голос у старика оказался неожиданно сильным. Со дна глубоких глазных впадин, из-под густых седых бровей на Тадокоро остро и прямо смотрели хоть и выцветшие, но ясные глаза. Морщинистое, все в складках и пигментных пятнах лицо казалось улыбающимся.

— Н-да, похож, чем-то похож! Я твоего батюшку знавал. Хидэносин Тадокоро, верно? Упрямый был юнец.

— С кем имею честь? — спросил Тадокоро, уже без всякого раздражения глядя на старика.

— Садитесь-ка, — прокашлявшись, сказал старик. — Дело не в имени. Я — Ватари, но вам это ни о чем не говорит. Мне ведь уже за век перевалило. В октябре сто один будет. Наука врачевания очень продвинулась, никак она не дает старикам заснуть. Я и прежде был капризным, а с возрастом стал и того хуже. С годами прибавлялись знания, чем больше я узнавал, тем меньше испытывал страха — вот теперь ничего на свете не боюсь, а от этого стал еще капризнее. Вот, например, захотелось мне с вами познакомиться — тоже

своего рода старческий каприз… А вообще-то я хочу вас кое о чем порасспросить.

— Простите, но о чем же? — Тадокоро даже не заметил, как уселся на стул и отер вспотевшее лицо.

— Есть один момент, который меня немного тревожит… — старик уставился на профессора острым взглядом. — Вам может показаться, что я задаю ребяческий вопрос, но что поделаешь. Только одно меня, эдакого старика, и волнует: *ласточки*!

— Ласточки?..

— Да. Каждый год в мой дом прилетают ласточки и вьют гнездо под карнизом. Уже почти двадцать лет. А вот в прошлом году прилетели в мае, построили гнездо и почему-то в июле исчезли. Исчезли, оставив только что снесенные яйца! А в этом году так и не прилетели. И не только ко мне, но и в соседние дома тоже. Почему же, а?

— Ласточки… — профессор Тадокоро кивнул. — Это не только у вас, по всей стране то же самое происходит. За последние два-три года число перелетных птиц, гнездящихся в Японии, резко уменьшилось. Орнитологи говорят, что это связано либо с изменениями в геомагнитном поясе, либо с изменениями климата. Но я думаю, что

дело не только в этом. За прошлый и нынешний годы число прилетающих ласточек уменьшилось в сто двадцать раз. И это касается не только птиц. Огромные изменения происходят и в миграции рыб.

— Гм… — хмыкнул старик. — В чем же дело? Может, предупреждение какое?

— Ничего нельзя сказать, — профессор Тадокоро покачал головой. — Ну, совершенно ничего нельзя сказать! Я сам ночей не сплю, чтобы понять, в чем тут дело. Хоть у меня и есть смутные опасения, но пока утверждать что-либо я не могу…

— Понял, — старик закашлялся, — У меня к вам еще один вопрос. Что вы считаете неотъемлемым, необходимым для ученого?

— Чутье! — немедленно ответил профессор Тадокоро.

— Что? — старик приставил ладонь к уху. — Что вы сказали?

— Я сказал «чутье», — убежденно повторил профессор Тадокоро. — Может быть, вам это покажется странным, но для ученого, особенно для ученого, занятого естественными науками, самое главное — острое и верное чутье. Человек, лишенный интуиции, никогда не станет великим

ученым, никогда не сделает большого открытия.

— Хорошо, я вас понял… — старик кивнул головой.

— Прошу вас… — сказал возникший вдруг молодой человек и начал толкать кресло-каталку.

Опешивший профессор Тадокоро проводил изумленным взглядом удалявшиеся спины молодого человека и девушки в кимоно.

Придя в себя, он огляделся. Юкинаги по-прежнему нигде не было видно. Только тут профессор обратил внимание на боя. Оказывается, для него была записка от Юкинаги. «Простите, пожалуйста. Надеюсь, впоследствии я смогу вам все объяснить», — прочитал профессор.

Прошла еще неделя, и однажды вечером в лаборатории профессора Тадокоро появился загорелый средних лет мужчина.

— Я слышал, что вы нуждаетесь в глубоководном батискафе… — с места в карьер начал неизвестный. — Вам подойдет французский «Кермадек»? Он способен погружаться на глубину более десяти тысячи метров.

— Что значит — нуждаюсь?! Мало ли в чем я нуждаюсь! — буркнул профессор, нахмурившись. — Мне нужен японский батискаф…

— Речь идет не об аренде! Батискаф будет куплен и отдан вам во временное пользование, — произнес странный гость. — Что касается работ для центра ОМО, то там и без вас обойдутся. Когда вы в общих чертах завершите договорные работы, мы просили бы вас — не сразу, конечно, а постепенно — прервать отношения с этим центром. Эту лабораторию, я думаю, можно будет вернуть им в таком виде, как она есть. Поймите, в данном случае за центром стоит отдел морских исследований военно-морского флота Соединенных Штатов, он-то на самом деле и субсидирует ваши научные изыскания… Зная об этом, мы готовы выделить вам средства. И в любом количестве, сколько вам понадобится. Мы согласны также, чтобы вы сами подобрали себе сотрудников. Единственное, о чем мы просим, — это оставить за нами охрану секретности исследований. Как до сих пор в интересах Японии вы не допускали, чтобы информация о ваших работах просочилась за рубеж, так и в дальнейшем, мы надеемся, вы будете соблюдать секретность, тоже *ради Японии*.

— Это все Юкинага! — воскликнул профессор Тадокоро. — Кто вы? Какое отношение вы имеете к Юкинаге?

— Разумеется, мы просили о сотрудничестве

и приват-доцента Юкинагу. А я, вот, пожалуйста… — мужчина вытащил из специального бумажника визитную карточку.

— Сектор разведки кабинета министров… — прочитал профессор, едва сдерживая стон.

В этот момент на лестнице раздался грохот шагов, и в компьютерскую влетел молодой человек.

— Ты что?! — как будто испуганно воскликнул профессор. — Потише не можешь?!

— Профессор… — совсем еще юный, с детским лицом парень, как-то весь вдруг съежившись, протянул бумагу. — В крае Кансай… сейчас опять…

В это же время Онодэра вместе с несколькими старыми университетскими друзьями находился в Киото. Они смотрели на «Даймондзияки» с галереи, далеко выступавшей над рекой Камо-гава. Все галереи гостиниц на Бонто-тё вдоль реки Камо-гава, мосты Сандзё и Сидзё и береговая земляная насыпь были переполнены. По улице Сидзё-дори от западного берега реки до Минами-дза и далее до вокзала Кэйхан-Сидзё двигался сплошной людской поток. Все движение прекратилось.

Гигантское «Даймондзи» вспыхнуло минут

двадцать назад. Алые костры, выложенные в форме иероглифов, горели на Хигаси-яма. Слева от них, на далеком северном склоне, тоже пылали огромные иероглифы. В День поминовения усопших огонь был зажжен в знак памяти обо всех, покинувших этот мир.

— Странно все-таки, — сказал Кимура, инженер-электронщик, недавно вернувшийся с международного симпозиума по вопросам телевидения. — Страна, которая запускает спутники, собирается строить атомные танкеры, сохраняет подобные традиции… Вроде бы и не думаешь об этом, но как только наступает август, подходит День поминовения усопших, сразу начинаешь ждать этого зрелища, с нетерпением и даже тоской…

— Я слышал, что в информационной технике большое внимание уделяют символам, — сказал раскрасневшийся от пива Уэда, преподаватель философии в частном университете в Киото. — Как определяют и как оперируют в информационной технике такими понятиями, как «изящество», «утонченность»?..

— Что ни говорите, чудна́я страна, — продолжал Кимура. — И почему у нас сохранились такие стародавние обычаи? В те времена, когда не

было ни электричества, ни неона, это зрелище, конечно, впечатляло своей грандиозностью. Но сейчас?! И почему это сохранилось? Когда кончается одна эпоха, вместе с этой эпохой должны быть отброшены и атрибуты ее культуры. Я даже думаю, вместе с эпохой их надо и хоронить…

— Такова уж Япония… — сказал Уэда, вытирая ладонью губы. — В этой стране *ничто не умирает и не исчезает*. Пусть даже что-то и сходит со сцены современного мира, но оно не погибает и не умирает окончательно. Ну, исчезнет на время, однако где-то, в закоулках действительности, продолжает жить… Так все думают. В День поминовения усопших или в какой-нибудь другой праздник эти ушедшие на покой традиции и люди, их носители, вновь появляются на сцене. И тогда их принимают, как самых дорогих гостей. Ушедшие на покой боги и предки становятся героями дня. Так положено. Удивительная страна! Взять хотя бы религию — какой только в Японии нет, но отсутствует главная, ведущая. Однако существует обычай все воспринимать и уважительно сохранять. И этот обычай — явление исключительное, часть нашей духовной культуры, не имеющей прецедента в других странах.

— И если бы не этот обычай, который не дает

погибнуть ничему и никому, такой миленькой майко в нынешние времена и в помине бы не было! — перебил Нодзаки служащий строительной фирмы из Осаки, притягивая к себе за плечи густо напудренную и стройненькую майко[7]. — Ну где ты найдешь в наше время такое изящество и вкус! Хостэс с Гиндзы только и знают, что выуживать деньги да хлестать что покрепче, а нам, клиентам, за наши-то кровные денежки еще приходится их обхаживать! Правду я говорю, малышка? Хочешь, научу, как надо целоваться?

— Что вы, как можно! — со смехом вскрикнула майко. — Увольте, да и в пудре весь будете!

Онодэра, облокотившись о перила и глядя на пляшущее пламя «Даймондзи», рассеянно слушал друзей. Продлив свой двухнедельный отпуск до трех недель, он поехал на похороны Го, а чуть позже — на церемонию погребения праха, состоявшуюся на родине Го — острове Сикоку. Нашли нечто похожее на завещание. Установили, что это самоубийство. Бессвязные записи скорописью были очень неразборчивы, однако позволили понять, что Го что-то обнаружил, открыл…

Почему он умер?..

---

[7] notes: 7

Девочка-танцовщица, ученица в школе гейш. — *Прим. перев.*

Огонь «Даймондзи», словно огонь проводов Го, мигал, постепенно угасая. В этой стране ничто не умирает и не исчезает… Так ли это? На самом ли деле не исчезает? Ну, например, хотя бы Киото… Просуществовало тысячу лет. И сейчас живет, не давая умереть прошлому. Ну, а дальше? Следующую тысячу лет…

— Позвольте вам чашечку, — придвинулась к нему уже не очень молодая гейша. — Да что это с вами? Заскучали совсем… Не желаете ли испить?

— А ты лучше мне дай выпить, — сказал репортер отдела хроники Ито, приехавший из Токио. — Но только не в маленькой чашке. Дай стакан или что-нибудь в этом роде.

— Ох-хо-хо, какие мы герои! В таком случае, прошу вот из этого, изволите? — Гейша повернулась и взяла со стола большую красного лака чашу. — Вы из нее еще не пили?

— Что это? — Ито уставился на чашу. — Испить что ли вместе с тобой из этой чаши, по три глотка девять раз в знак брачной церемонии?

— Покорно вас благодарю, конечно. Но я не об этом. Если налить в эту чашу воды и поймать в нее отражение даймондзи, а потом выпить, то не будете простужаться.

— В этом Киото куда ни глянь, всюду старина, заклинания, поверья всякие, — пробормотал Ито. — Ладно, наливай! Только вместо воды холодного сакэ.

Ито одним духом выпил до краев наполненную чашу и тыльной стороной ладони вытер губы.

— Вкусно. В Кансае сакэ лучше, хоть и обычной марки. И еда вкуснее.

— Да-а, это верно. Что же вы не попробовали бульона из бычков?

— А я не ем речных рыб, разве что угря да еще форель. А всякие там бычки да карпы, глаза бы мои на них не глядели! — сказал Ито нарочито развязным тоном и обернулся к Онодэре. — Ты что? Не пьешь?

— Да я пью… — Онодэра поднял стакан с пивом.

— Что-то ты не пьянеешь, кажется… — сказал Ито и снова попросил налить. — Го что-ли?..

— Ага…

— Я тоже о нем думал…

Чуть отпив из полной чаши, Ито поставил ее на стол и всем корпусом повернулся к Онодэре.

— Его завещание… Впрочем, не знаю, может, и не его. В общем, у меня с собой копия, — Ито похлопал по карману брюк. — Тебе не кажется,

что тут что-то не так?

— В каком смысле?

— Я все думаю, а вдруг это убийство… — Ито глянул на Онодэру исподлобья, как всегда, когда бывал пьян. — Не такой он был слабак, чтобы покончить с собой. Я ведь его знал еще со школьной скамьи.

— Убийство? — переспросил пораженный Онодэра. — Но почему?

— Как почему? Ясно же, что на этом строительстве кое-кто нагрел руки, — упершись ладонями в колени, Ито развел в стороны локти. — Он обнаружил упущения по части геодезических измерений и опорных работ. Кто-то из начальников, у кого голова бы полетела, стань все известным, выманил его к верховьям реки Тэнрю-гава и убил, замаскировав это под самоубийство. Ну как, ничего сюжетик?

Нет, не то, рассеянно подумал Онодэра. Не на том еще этапе было это строительство, чтобы там началось такое. Да и зачем было убивать Го?

— Ну что, ты не согласен? — спросил Ито. — Знаешь, кто это говорит? Я, Ито-сан, тот самый, который раскрыл дело о коррупции на скоростных автодорогах и получил премию. Вот вернусь на работу и в знак траурной битвы за Го попро-

бую вывести на чистую воду этих…

— Мне кажется, что здесь совсем не в этом дело, — пробормотал Онодэра.

— Не в этом? Ты веришь, что было самоубийство?

— Не-е…

— Не самоубийство, не убийство. Что же тогда?

— Я думаю это была случайная смерть…

И когда Онодэра уже произнес эти слова, ему вдруг показалось, что все мгновенно прояснилось. Перед глазами предстала вся картина смерти Го, о которой он слышал на месте происшествия. Ночью двадцать второго июля, а если быть точным в два часа утра двадцать третьего июля, Го вдруг, никому не сказав ни слова, ушел из отеля в Хамамацу. Бой видел, как он садился в такси. А таксист, которого отыскали потом, показал, что довез Го до горной дороги перед самой Сакумой. В отель Го не вернулся, его труп выловили только через три дня ниже плотины Сакумы, что в верховьях Тэнрю-гава. Череп был сильно поврежден… В отеле обнаружили странные записи… Поглощенный какой-нибудь мыслью, Го мог в любое время суток бежать в лабораторию или поднимать с постели друзей. Значит, было что-то такое, что заставило его страшно разволноваться

посреди ночи. И, не дожидаясь утра, он помчался к верховьям Тэнрю-гава. Он что-то обнаружил на берегах реки или хотел там что-то проверить. В район Сакумы он прибыл, когда едва начинало светать. Следуя своей сумасбродной привычке, Го отослал такси и направился к плотине. Спустился в ущелье, чтобы что-то осмотреть. В рассветной полутьме поскользнулся на мокрой от росы траве или еще на чем-то и упал… Скорее всего, так и было. Но что его заставило посреди ночи помчаться в Сакуму, что?

На соседней веранде заиграл самисэн. Ветер вдруг прекратился, внезапно наступила духота.

— Есть тут Онодэра-сан? — на веранду заглянула служанка. — Вам звонят из Токио.

Онодэра вскочил и направился к конторке.

— Онодэра-кун, говорит Юкинага, — послышалось в трубке. — Необходимо срочно встретиться и поговорить. Сумеете завтра вернуться в Токио?

— Вообще-то не собирался, но… — сказал Онодэра. — Но если это очень срочно, я вернусь утренним скорым. Хотя бы примерно, в чем дело?

— При встрече расскажу подробно… А в двух словах — хочу попросить вашего содействия в одном деле… — Юкинага на мгновение умолк. — Ну, в общем, в работе, которая ведется у профессора

Тадокоро…

Вдруг разговор прервался.

— Алло, алло! — крикнул Онодэра в самую трубку. — Алло, алло!

Но тут он покачнулся, словно пьяный. Где-то визгливо закричала майко или какая-то другая женщина, со страшным шумом мелко-мелко затряслись фусума[8]. Онодэра ничего не успел сообразить, как весь дом заходил ходуном и стал поворачиваться вокруг своей оси. Из-под земли донесся страшный гул. Раздался треск, с поддерживавшего крышу столба сорвалась перекладина, потолок и стены утонули в клубах пыли. Сквозь гул и треск рушащихся домов прорвались душераздирающие крики, Онодэра, не устояв на ногах, ухватился было за столб, но, увидев, как дверь чулана рухнула и оттуда, словно танцуя, вылетел здоровенный стол, схватил его, придвинул к стене и нырнул под него. Тут же погас свет, что-то со страшным грохотом обрушилось на столешницу красного дерева. Онодэра почему-то посмотрел на часы и запомнил время. Судя по отсутствию предварительных толчков, эпицентр должен был быть очень близко. Сколько же это

---

[8] notes: 8

Раздвижная перегородка в японском доме. — *Прим. перев.*

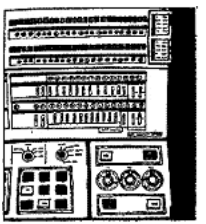
будет продолжаться?.. Вдруг мелькнула жуткая мысль, по спине побежали мурашки. С трудом повернув под столом голову, он посмотрел в сторону дальней комнаты. Сквозь нагромождение не то фусума, не то стен, не то столбов и перекладин виднелась полоска тусклого света.

Там, где находилась веранда, сейчас ничего и никого не было…

Это землетрясение, Великое землетрясение Киото, результат активизации давно, казалось, успокоившегося сейсмического пояса, было действительно страшным. И не только по своим масштабам, но и по огромному количеству жертв. На Праздник «Даймондзи» в Киото стеклось множество народа. И все эти люди попали как бы в мышеловку. Со множества мостов и высоких веранд в районе Бонтотё и Киямати люди сыпались вниз на берег буквально градом. Сотни жизней были погребены под рухнувшими домами, сотни тел растоптала охваченная паникой толпа. Во всем городе мгновенно погибло четыре тысячи двести человек, тринадцать тысяч были ранены. Районы Бонтотё, Кия-мати, Гион Кобу, Оцубу, Миягава-тё и Симидзу исчезли с лица земли. Минамидза перевернулся, встал дыбом, являя собой ужасное, поистине трагическое зрелище.

После этой страшной катастрофы землетрясения средней силы не пошли в Канто на убыль, а, наоборот, участились и начали распространяться на запад Японии.

Правительство



1

В марте следующего года, на пороге дня равноденствия, в японское отделение Интерпола, помещавшееся в здании департамента полиции Токио, поступило телетайпное сообщение из парижского центра:

Д. Мартэн, бельгийский торговец произведениями искусства, вылетел Японию 20 сего. Самолет компании «Сабена», рейс 301. Имеются сведения, что указанное лицо является

важной фигурой международного синдиката по хищению интернационально ценных произведений искусства, их подделке, а также скупке краденого. Просьба взять указанное лицо под наблюдение.

Затем шли особые приметы, биографические данные и факсимильный портрет Д. Мартэна.

— Какие будут приказания? — спросил служащий, показывая сообщение заведующему отделением. — Дадим знать в иностранный отдел департамента полиции?

— Н-да, — протянул заведующий. — Судя по сообщению, птица крупная. Интересно, зачем он пожаловал в Японию?

Решили запросить более подробные данные о Д. Мартэне, а пока направили в аэропорт двух агентов, чтобы взять бельгийца под наблюдение. Самолет авиакомпании «Сабена», летевший рейсом 301 из Парижа через южные страны в Японию, должен был прибыть в международный аэропорт Токио Нарита этим утром.

Но когда гигантский, двухсоттридцатиместный «Боинг-2707» приземлился с почти полным комплектом пассажиров, господина Д. Мартэна среди них не было. Срочно запросили пассажирский отдел авиакомпании «Сабена». Оказалось, что гос-

подин Д. Мартэн покинул самолет в Калькутте.

Немедленно установили наблюдение и во втором международном аэропорту Кансай. Однако не так-то просто найти определенное лицо среди огромного потока пассажиров, выливающегося из многочисленных выходов аэропорта, куда почти беспрестанно, один за другим, прибывают рейсовые самолеты из Юго-Восточной Азии.

Японское отделение Интерпола, располагавшее малым числом сотрудников, просило иммиграционный отдел и полицию аэропорта сообщить, если при проверке виз будет обнаружено лицо под именем Д. Мартэн, и приняло решение временно прекратить поиски.

— Что за тип этот торговец произведениями искусства? — спросил заведующий у сотрудника американского отделения Интерпола, находившегося в это время в Японии.

— Мартэн? Торговец произведениями искусства? Д. Мартэн из Антверпена? — округлил глаза американец, бывший корреспондент, уже десять лет работавший в Интерполе и славившийся своей осведомленностью. — Крупная птица. Если хотите — знаменитость в своей области. А что с ним?

— Из парижского центра сообщили, что он

вылетел в Японию.

Американец присвистнул.

— Вот оно что! А я-то до сих пор считал, что Дальний Восток вне сферы его действий. Вам, пожалуй, надо взять его на заметку. Этот тип никогда сам не вылезает на сцену, кроме тех случаев, когда дело касается огромных сделок. И уж если он где-нибудь появился, значит, из той страны собираются вывезти воистину национальные ценности. Должно быть, он впервые в Японии?

Заведующий, сразу протрезвев, позвонил во все международные аэропорты с просьбой усилить контроль за въезжающими в страну иностранцами.

Однако незадолго до этого…

…Человек, которого ждали, вышел из салона первого класса гигантского трехсоттонного реактивного самолета «Эйр-Индиа», приземлившегося в международном аэропорту Кансай. Любуясь великолепным закатом, он приветливо улыбнулся стюардессе в сари, с маленьким чемоданчиком в руках миновал паспортный контроль, предъявив паспорт на другую фамилию, и сел в поджидавший его автомобиль. Из японского отделения Интерпола его приметы поступили через полчаса после того, как машина с господи-

ном Мартэном, миновав ворота аэропорта уже мчалась на север.

А еще через час господин Мартэн сидел в кабинете тихого клуба на склоне холма Рокко. Из окна открывался прекрасный вид на порт, уже зажигавший вечерние огни. Собеседником господина Мартэна был моложавый широкоплечий высокого роста японец с элегантной стрижкой. Рядом с этим седеющим массивным иностранцем он казался мальчиком — уж очень у того все было крупным: нос, рот, голова, все тело весом в сто десять килограммов при росте под два метра.

— Подтверждаю, что получил Хогая и Хиросигэ… — сказал господин Мартэн по-английски с сильным акцентом. — Уникальные вещи. Я показывал нашим экспертам. Подлинники.

— Счастлив, что вы остались ими довольны, — ответил японец на великолепном куинз-инглиш.

— Вы действительно их мне дарите? — господину Мартэну явно хотелось, чтобы собеседник еще раз подтвердил этот факт.

— Да, в знак знакомства…

— Гм… — хмыкнул господин Мартэн, не совсем понимая намерения собеседника. — Кстати, я хотел бы услышать, в чем состоит ваше деловое предложение? Насколько я понял, мне предостав-

ляется возможность приобрести произведения японского искусства и в большом количестве…

— Совершенно верно, — подтвердил собеседник. — Нам известно, что вы покупаете только первоклассные произведения и только оптом. Мы можем достать именно то, что вам нужно.

— А что за вещи — картины?

— Не только. Там еще и резьба, и статуи будды, и вышивки…

Господин Мартэн думал, поджав губы. Казалось, его обуревают сомнения: уж слишком заманчивым было предложение.

— И когда вы предполагаете…

— Этого еще точно сказать нельзя. Скорее всего через год или два. Но вещи в любую минуту могут оказаться в наших руках, и мы, как вы понимаете, тут же завершаем сделку. Поэтому мы и обеспокоили вас просьбой прибыть к нам. По возможности хотелось бы избежать посредников. Да и соблюдение секретности играет немаловажную роль. Ведь речь идет о вещах, которые в большинстве своем являются национальными сокровищами.

Кто он, этот тип? — думал господин Мартэн. За него поручился один верный человек в Гонконге. Однако он не похож на представителя мира тем-

ных дельцов. Может быть, он босс? Или за ним стоит еще кто-то…

— А пока мы хотели бы узнать ваши условия, — продолжал собеседник. — Сколько вы могли бы заплатить?

— Это, конечно, зависит от вещи… — Ну, скажем, подойдет вам, если за основу мы возьмем… международные цены?

— Мы хотели бы получить вдвое против международных. Вывоз за границу — наша забота. Доставим в указанное вами место. Так что весь риск берем на себя. А вы, используя одному вам известные способы и связи, продадите их миллиардерам в коллекции по ценам, во много раз превышающим международные. Поскольку в нашей сделке исключены посредники, вам обеспечена крупная прибыль. Наши вещи в противоположность подделкам, по которым вы специализируетесь, абсолютно все подлинные.

Взяв бокал с коньяком, господин Мартэн повертел его в толстых пальцах.

— Обычно я заключаю сделки только с хорошо известными мне партнерами, С такими людьми, как вы, я прямых сделок не заключаю. Это мое правило…

— А может, иногда стоит рискнуть? При усло-

вии, что с вами мы не будем иметь никаких личных контактов. Единственный контакт — вещи…

— Что же, хорошо. А способ связи?

— Вот по этому адресу в Брюсселе вы можете с нами связаться. Несколько позже мы вышлем вам шифр.

— Ладно, попробую рискнуть.

— Кстати, посмотрите, — сказал собеседник, доставая альбом для этюдов. — Это нечто вроде образца нашего товара. Как видите, кое-чем мы уже располагаем, — и он раскрыл альбом.

Господин Мартэн пораженно поднял брови.

— Сяраку… Но быть этого не…

— А вы как следует посмотрите, — собеседник пододвинул альбом.

Вытащив из нагрудного кармана складную лупу, господин Мартэн внимательно вгляделся.

— Подлинник, кажется… — недоуменно пробормотал он. — Но это же, я знаю совершенно точно, находится в Государственном музее искусств…

— Находилось. А теперь там отлично сделанная копия, — собеседник громко захлопнул альбом.

— Для начала мы доставим вам этот альбом в Антверпен. По получении внесите сумму, о которой мы договорились, в Швейцарский банк

на указанный нами счет. В долларах, разумеется.

— Вы и доставку берете на себя? — господин Мартэн был несколько смущен. — Но каким образом?

— Ну, с такой вещью, как эта, — она ведь совсем небольшая — почти никаких трудностей, — собеседник едва заметно усмехнулся. — А вообще на свете существуют такие понятия, как «дипломатическая неприкосновенность»…

Примерно в то же самое время в фирму по разработке шельфов КК вдруг поступило авиапочтой заявление от Онодэры с просьбой освободить его от занимаемой должности.

С 16 августа, то есть со дня Великого землетрясения Киото, он исчез. Ни сотрудники фирмы, ни его мать, проживавшая в Кобэ, не знали, жив ли он. На конверте с заявлением стоял штемпель Неаполя.

— Что это значит?! — набросился один из директоров на управляющего Ёсимуру. — Ведь считали, что он погиб в Киото!

— Все его друзья, с которыми он тогда был, погибли… — лицо Ёсимуры выражало растерянность. — Правда, я задержал выплату единовременного пособия на похороны.

— Но почему он оказался в Европе, даже не предупредив фирму? — директор пожал плечами.

— Не могу понять. Однако надо срочно подумать о замене, — сказал Ёсимура. — Это для нас очень чувствительная потеря.

— Но зачем все-таки он поехал в Европу? — не унимался директор.

Ответ на этот вопрос был получен через несколько дней из совершенно неожиданного источника. Перелистывая сообщения отдела информации, Ёсимура вдруг впился глазами в одну из страниц. Закусив губу, он немного подумал, потом соединился по телефону с отделом информации.

Вскоре управляющий стоял с записной книжкой в руках в кабинете директора.

— Мне кажется, я понял причину странного поведения Онодэры, — сказал он. — По полученной нами сегодня информации, одна японская фирма купила у военно-морского флота Франции глубоководный батискаф.

— Что за фирма?

— Тут начинаются чудеса. Маленькая фирма, которая не то обанкротилась, не то временно прекратила всякую деятельность. Словом, фирма подозрительная, с душком.

— А что станет делать такая фирма с глубоководным батискафом, который погружается на десять тысяч метров? Ведь арендовать его гораздо дешевле и проще, аренды можно добиться и в Америке, и в Англии, и в той же Франции… — директор явно разволновался. — Как только такая мелкота решилась на покупку столь дорогой вещи?! И откуда деньги взяли?

— Неизвестно. Стараемся узнать… — Ёсимура заглянул в записную книжку. — Вот я и думаю, что эта фирма переманила Онодэру и отправила на приемку «Кермадека» в Европу. Какой смысл покупать судно, если нет специалиста, который мог бы им управлять?

— Вы думаете?! — пробормотал директор. — Даже… Но он не производил впечатления человека, способного на подобные поступки…

— По только что уточненным данным, фирма должна принять «Кермадек» в Неаполе…

— Значит, я в нем ошибался… — член совета директоров закурил сигарету.

В кабинет вошел заведующий отделом информации.

— Я относительно той самой фирмы… — сказал он. — Она давно уже не занимается поднятием затонувших кораблей. Одно время начала было

строить подводное судно для исследования кораллов, но с этим у нее тоже ничего не вышло. Никудышная фирма с основным капиталом всего в двадцать миллионов иен.

— Откуда же такая фирма могла взять деньги?

— Местные финансисты и банки открыли ей кредит. Однако суммы ничтожные. Но, по-видимому, в ее субсидировании участвуют и более крупные финансисты. Точно это еще не установлено. Есть, правда, подозрение, что за этой фирмой под маской фирмы тяжелого машиностроения К. кроется Управление самообороны, но никаких точных сведений, подтверждающих это, нет.

— Управление самообороны? — переспросил директор.

— Да. Разве нельзя допустить, что Управление самообороны покупает для своих надобностей батискаф? Во всяком случае, средств у них на это достаточно. Но, по-видимому, они не хотят огласки, а поэтому прикрываются обанкротившейся фирмой. Фирма покупает батискаф, а управление берет этот батискаф в долгосрочную аренду.

— Наверное, что-то вроде этого, — директор достал ухочистку.

— Но зачем батискаф Управлению самооборо-

ны? И почему нельзя попросту арендовать его за границей? Зачем эти окольные пути? Или существует настолько срочная необходимость что-то исследовать, что они не могут подождать, пока будет спущен на воду второй наш батискаф «Вадацуми-2»?

— Не попробовать ли проверить в самом Управлении самообороны? — спросил Ёспмура.

Но попытки Ёсимуры кончились ничем. Когда он начал тянуть ниточку в самом ведомстве, она очень скоро оборвалась, исчезнув во мраке «государственной тайны оборонного значения».

Приват-доцент Юкинага подал в университет заявление с просьбой временно освободить его от занимаемой должности и теперь чуть ли не сутками просиживал в конторе, помещавшейся в одном из деловых зданий Харадзюку. Все его помыслы были связаны с проектами, получившими общее название «план Д». Разумеется, центральной фигурой этого плана был профессор Тадокоро. Сам профессор работал сейчас как одержимый: переезд в новую лабораторию не должен был задержать программы предстоящих исследований.

Чем же я занимаюсь? — порой ловил себя на этой мысли Юкинага. Он целиком и полностью

отдался делу, зыбкому и расплывчатому как облака. Если в конечном итоге окажется, что все это только безумная фантазия ученого-одиночки, фанатика, то что же ждет его, Юкинагу, в будущем? Все свое время, все свои силы он отдает этому пресловутому плану Д, да еще не имеет права рассказать о своей работе ни бывшим учителям, ни родным, ни друзьям. И все так же смутно и туманно, как и вначале, и никто не знает, что следует предпринять, чтобы хоть что-то прояснилось… Сидел бы себе тихо на факультете, так в будущем году был бы шанс стать профессором. Его труды уже получили некоторую известность, а на осенней конференции научного общества он собирался выступить с серьезным докладом. Его учитель, профессор, которому он очень многим обязан, в страшном гневе разыскивает исчезнувшего ученика… Что его дернуло в столь серьезный момент своей жизни по собственной воле влезть в это неясное и неопределенное дело, в котором и ухватиться-то не за что?

Конечно, если бы исследования велись открыто, все было бы гораздо проще: никаких тайн, никаких окольных путей, любое достижение становится достоянием общественности и получает должное признание. Но работы носят такой ха-

рактер, что необходимо соблюдать строжайшую секретность. На секретности особенно настаивали премьер-министр и тот самый старик. Мучительная работа в тени, о которой никто, даже близкий друг, не должен знать. И никакого вознаграждения ему не обещано. Он сам себе удивлялся — с чего это он?.. О чем только думает?.. Почему решил пустить по ветру оставшуюся половину жизни? А может быть, он просто мечется от отчаяния? Может быть, виною всему жена? Она была единственной дочерью его самого любимого учителя, ученого, умершего несколько лет назад. Выросшая в баловстве и роскоши, она отличалась удивительным бессердечием. Детей у них не было. Год назад, когда он находился в заграничной командировке, она, оставив дом, переехала к своим родным. Эта женщина, по всей вероятности, вообще не подходила для роли жены скромного, сдержанного и несколько своеобразного ученого, который в своем увлечении наукой почти не бывал дома.

А что будет с ними со всеми, если план, осуществлением которого они сейчас заняты, окажется плодом фантазии, дурным сном?.. Ведь никто не давал ему никаких гарантий на случай неудачи. Самое печальное, что он не только сам

ввязался в эту историю, но еще и вовлек несколько талантливейших своих друзей. Теперь он в ответе и за их будущее. От этих мыслей ему делалось физически плохо, начиналась головная боль, к горлу подступала тошнота.

— Что ни говори, это игра втемную: ловишь нечто за хвост, а вероятность поймать близка к нулю, — сказал Сэйити Наката, университетский друг Юкинаги, признанный авторитет в области теории информации. — Условия настолько сложны, что системой «Перт» не обойдешься. Придется разработать специальные средства программирования. Во-первых, правительство должно постоянно выделять нам средства, не дожидаясь получения результатов от первого этапа исследований. Во-вторых, после определенного этапа работ потребуются такие гигантские суммы, что правительству придется придумать какой-нибудь убедительный предлог, чтобы их выделить. В-третьих, если результаты работ на каждом этапе будут подтверждать гипотезу, правительству, пусть постепенно, но придется принимать соответствующие меры. К тому же характер работ таков, что отнюдь не каждый этап будет давать подтверждение гипотезы в чистом виде. Скорее всего после подтверждающих гипотезу резуль-

татов первого этапа исследований могут быть отрицательные результаты или приближенные в ту или другую сторону. Не исключен и полностью отрицательный результат. Все возможно. А в таком случае до каких пор правительство будет нас поддерживать? И как оно ухитрится делать это втайне от общественности? В-четвертых, до какого этапа исследований можно будет хранить в секрете проводимые нами работы и ту гипотезу, на основании которой они проводятся?..

— Секретность секретности рознь. Одно дело, если речь идет о государственной тайне, которая не должна просочиться за границу, и другое — секретность внутри страны, — сказал Ямадзаки, прикомандированный к исследовательской группе отделом разведки кабинета министров. — Да и внутри страны разная бывает секретность: в отношении всего населения, пользующегося массовой информацией, оппозиции в парламенте, государственных учреждений, финансовых кругов…

— Существует и другая проблема: когда и какие меры примет правительство, — вмешался Куниэда, секретарь канцелярии премьер-министра. — На определенном этапе станут необходимыми законодательные меры. Вот тогда-то и встанет

вопрос, до какой степени и в каких пределах соблюдать секретность, да и возможно ли будет ее соблюдать. Страшно все усложнится.

Да, все было чрезвычайно сложно. Сначала Юкинага думал, что до определенного момента работы будут проводиться открыто, по программе обычных научных исследований. В этом случае не составило бы труда провести через парламент ассигнования на комплексные исследовательские работы и распределить их между университетами. При надобности на каком-то этапе эти работы можно было бы и засекретить. Далекий от подобных проблем, Юкинага вообще считал все эти соображения секретности нелепыми. Однако Наката и Куниэда, друзья, с которыми он поделился своими мыслями на этот счет, с ним не согласились. И если Куниэда еще мог рассуждать, по мнению Юкинаги, как всякий чиновник, то Наката, серьезный ученый, кибернетик, не раз отказывавшийся от соблазнительных предложений «Рэнд корпорейшн», убедил его.

Первая причина, по которой нельзя было допустить открытого ведения исследований, заключалась в том, что эти исключительно важные работы касались судьбы Японии. Просмотрев материалы профессора Тадокоро, Наката сразу

интуитивно понял, что на данном этапе вероятность того, что дальнейшие исследования действительно превратятся в дело огромной важности, составляет не более двух процентов.

— Однопроцентная вероятность при настоящем положении вещей, должен вам сказать, — это чрезвычайно много, — решительно заявил Наката. — На свете нет-нет да и случаются такие вещи, вероятность которых вообще бесконечно мала. Чтобы объяснить это, одной только теории вероятности недостаточно. Здесь необходимо учитывать возникновение и развитие качественно иных явлений.

Наката уже много лет занимался статистическим анализом явлений природы. Он внес свою лепту в разработку вероятностного описания цепных процессов и разработал топологические подходы к пониманию эволюции живой материи. Он выдвинул теорию, объясняющую причины, по которым в природе происходят явления, вероятность которых бесконечно мала. Эта теория, правда, еще не получила полного признания в научных кругах, но кое-кто уже начал называть предложенную им схему по аналогии с винеровским и марковским процессами «процессом Накаты».

— Безусловно… — сощурил глаза Куниэда. — Такое возможно. Однажды, когда я играл в покер, у меня три раза за вечер вышло «файф-кард», причем два раза — подряд.

— Как только ты не умер.!.. — съязвил Ямадзаки. — Говорят, если подобное случается при игре в маджонг, человек умирает…

— Хватит об азартных играх, давайте-ка еще немного поразмышляем, — прервал Наката. Этому талантливому математику никогда не везло в игре: во что бы он ни играл, всегда проигрывался в пух и прах. — Грубо говоря, мы наблюдаем два типа изменений. С одной стороны, по мере развития исследовательских работ и накопления данных меняется общая картина нашего представления о происходящем. С другой стороны, само явление, за которым ведется наблюдение, тоже, видимо, претерпевает изменения. Следовательно, в первую очередь необходимо определить направление равнодействующей векторов всех звеньев полиморфного процесса. Тогда удастся установить, какое явление произойдет и когда…

В этом «когда» заключалась вторая причина того, почему план необходимо было засекретить. Профессор Тадокоро, сделав самые общие подсчеты, приблизительно определил сроки

развития и завершения ожидаемого явления: максимальный в течение пятидесяти, минимальный — в течение двух лет. В расчетах профессора было много неясного — уж очень своеобразен был его метод сбора и обработки материала. Но Юкинаге, знавшему, насколько часто оправдывается интуиция профессора, минимальный срок внушал ужас. Необходимо было заново проанализировать обширный, порой, казалось бы, не взаимосвязанный материал, чтобы как можно скорее проверить точность предполагаемых сроков. Конечно, можно было бы взять среднее — двадцать четыре — двадцать пять лет, но ведь речь идет о природе, а здесь любой, самый незначительный случай может повлечь за собой цепь явлений, стремительно нарастающих, словно снежная лавина. Правда, бывает и так, что природные явления, возникнув и развиваясь, вдруг на полпути сникают. Однако, когда речь идет о явлении, которое может иметь серьезнейшие последствия для Японии, приходится исходить из наихудшего.

По программе Накаты, в основу которой было положено «наихудшее», и предмет исследований, и сами исследования нуждались в абсолютной секретности. Если в ходе исследований худшие

предположения подтвердятся, какими бы ни были сроки явления, придется принять ряд срочных мер, но во всех случаях избежав паники и волнений. Особенно не желательна огласка за рубежом, ибо нельзя сбрасывать со счетов международные связи на случай, если «оно» превзойдет по масштабам определенные границы. Лучше, если мировая общественность узнает об этом уже тогда, когда будут приняты хоть какие-то меры. Конечно, когда четко определится тенденция в развитии явления, эти данные придется опубликовать. Но тут возникает и другая проблема огромной политической важности: можно ли что-то предпринять до того, как придется раскрыть тайну? И далее: не просочатся ли какие-нибудь сведения до публикации? Все эти соображения требовали безотлагательного и детального изучения того, что происходит в настоящий момент.

О мерах пока совсем не думать — таково было мнение Накаты. Ибо конкретные меры по существу можно и планировать, и принимать только в конкретный момент. Зато очень важна установка на оперативность: если этот конкретный момент все-таки наступит, следует быть готовыми к любым неожиданностям и к мгновен-

ному принятию соответствующих мер. Сейчас в первую очередь необходимо, систематизировав, подвергнуть тщательному анализу всю имеющуюся информацию, далее следует тщательно обрабатывать все данные, которые будут поступать на следующих этапах работы, и, кроме того, выяснить, где и кто лучше всего осведомлен по интересующей проблеме.

— Короче говоря, надо иметь представление обо всем, — утверждал Наката. — В такой работе ведь нет ничего нового! Каждый по своей линии должен иметь чутье, собирать и подытоживать материалы, только и всего. Естественно, предполагается, что все мы обладаем некоторым чутьем, необходимым ученому, и умеем отличать главное от несущественного…

— О-х-хо-хо… — вздохнул Юкинага. — Крупнейший авторитет в области теории информации говорит об общем представлении и о чутье. А что же думает по этому поводу профессор Тадокоро? Оказывается, то же самое — для ученого самое главное иметь чутье! Как в древности!..

— Между прочим, именно теория информации подтверждает, что такие вещи абсолютно необходимы, — убежденно сказал Наката. — Кстати, нам нужны люди с хорошим чутьем. И как можно

больше. Нельзя что-нибудь придумать, чтобы раздобыть таких, а?..

Как-то само собой получилось, что Наката стал теоретическим руководителем в осуществлении плана. Кроме профессора, в настоящее время в работе участвовало всего пять человек. Все молодые, от тридцати пяти до сорока лет.

— Я проанализировал проект Тадокоро-сенсей, — сказал самый молодой — Ясукава, которого сманили из строительной компании, сдавшей им в аренду контору. Сейчас он вел бухгалтерию. — Совершенно очевидно, что уже на предварительном этапе расходы превысят средства, которые может ассигновать отдел разведки кабинета министров. И число личного состава нужно увеличить… А сколько аппаратуры потребуется…

— «Кермадек» мы уже закупили… — сказал Юкинага. — А сколько еще нужно компьютеров?

— Один уже перевезли из лаборатории профессора, так что пока будет достаточно еще одного. А частные расчеты можно распределить по фирмам, на условиях почасовой аренды компьютеров, — сказал Наката. — Но дело в том, что нам потребуется еще один глубоководный батискаф. По проекту профессора Тадокоро, может быть,

придется вести исследования и в Японском море. С одним батискафом дело будет двигаться очень медленно.

— Еще один?! А где его взять? — Куниэда пожал плечами. — Арендовать за рубежом мы не можем, а если повезет с покупкой, то где взять средства?

— Постойте, — сказал Юкинага. — Я точно знаю, что компания по разработке шельфов КК скоро спустит на воду «Вадацуми-2».

— Это прекрасно! — щелкнул пальцами Ракаты. — Вот его и арендуем. Немедленно приступить к переговорам.

К группе присоединился еще один человек. По рекомендации Накаты, из института Министерства обороны к ним пришел сотрудник с «хорошим чутьем». Пока этого, пожалуй, было достаточно. Но потом… Сколько потребуется людей, сколько средств и до каких пределов придется расширить работы, определить сегодня было совершенно невозможно. И опять-таки, как добывать правительству деньги, если нельзя огласить, на что они нужны.

До сих пор средства выделялись из так называемых секретных фондов отдела разведки кабинета министров, канцелярии премьер-министра и Управления самообороны, поступила и

некоторая сумма неизвестного происхождения. Среди членов правительства в проект, кроме премьер-министра, были посвящены только управляющий делами канцелярии премьера, управляющий делами кабинета министров и начальник Управления самообороны. А поскольку только Управление самообороны могло соблюдать секретность, мобилизуя крупные материальные средства и людские резервы, то можно было предположить, что проект постепенно перейдет в его ведение. Ведь уже при закупке «Кермадека» за кулисами действовали силы морской самообороны. Но даже и они, допустив малейшую оплошность, могли подвергнуться нападкам за «бессмысленное разбазаривание бюджета». Существовала и другая забота: следить, чтобы проект не просочился в американскую армию.

Если расходы превысят ассигнования на несколько миллионов иен, это еще куда ни шло. Но если речь пойдет о миллиардах, удастся ли скрыть истину от политиканов? Лидеры правительственной партии вряд ли захотят обратиться за помощью к гражданским финансовым кругам — они и так уже собирают у них средства на предвыборную кампанию, которая состоится

через два года.

— Пусть премьер и боссы заботятся о деньгах, — сказал Наката. — Здесь мы ничего не придумаем. Наша задача — работать не покладая рук. Что мы еще можем?..

Ясукава, пожав плечами, взял толстую пачку заказов-заявок на аппаратуру и ушел. Почти все, что предназначалось для специальных глубоководных исследований, приходилось делать на заказ. Естественно, и денег это требовало много.

— А профессор Тадокоро где? — спросил Наката. — Мне хотелось бы обсудить В ним некоторые детали нашего проекта и уточнить, в каком объеме будут проводиться наблюдения и измерения…

— Сейчас он беседует с премьер-министром, — сказал Ямадзаки, взглянув на часы. — Думаю, скоро вернется.

— Ну что ж, тогда отдохнем пока? — предложил Наката. — Я спущусь Вниз, выпью кофе. А вы как?

— Я скоро к вам присоединюсь… — сказал Юкинага. Никаких срочных дел у него не было, но его не оставляло чувство подавленности и он не мог сорваться с места с такой легкостью, как Наката.

Когда Наката о Ямадзаки ушли, Юкинага рас-

сеянно уставился на карту Японии, которую перевезли сюда из старой лаборатории профессора Тадокоро. К юго-востоку от мозаичных островов Японского архипелага, там, где проходил Японский желоб, появились красные стрелки. Это была идея профессора Тадокоро.

Юкинага обратил внимание, что карта тихо покачивается. Опять трясет, подумал он.

— Говорят, старик Ватари расстался с частью своей коллекции картин… — как бы невзначай произнес Куниэда, закуривая сигарету.

— И эти деньги пошли в фонд наших исследований?

— Очевидно. У старика есть уникальные картины, на уровне национальных сокровищ.

Что он за личность, этот сморщенный дед, сидящий в кресле-каталке? — думал Юкинага. Удивительный старик! Родом он был из той же провинции, что и Куниэда, как будто бы Куниэда даже попал в канцелярию премьер-министра не без его помощи. Юкинаге, выросшему в столице, была чужда провинциальная общинность, семейственность, все еще сохраняющаяся во многих районах страны. Но Куниэда, видимо, поддерживал такого рода контакты, в том числе и со стариком. Когда Юкинага рассказал Куни-

эде об опасениях профессора Тадокоро, а затем вместе с ним чуть ли не насильно включил профессора в число участников встречи, он еще не знал об отношениях Куниэды со стариком. Даже имени его не слышал. А когда Куниэда рассказал ему о Ватари и объяснил, кто он такой, Юкинага вспомнил, что некогда Ватари был довольно известной личностью. Но старику уже перевалило за сто, он уже более двадцати лет назад ушел с общественной авансцены. После встречи ученых с правительственными чиновниками Юкинага был представлен ему Куниэдой. Его поразила духовная сила, исходившая от этого сморщенного, немощного на вид старика, острота и ясность его ума. Он задавал Юкинаге лаконичные, точно сформулированные вопросы, но при всем том казался простодушным и ласковым патриархом. А когда Юкинага там же, в доме Ватари, узнал, что влияние этого человека способно заставить пошевелиться даже премьер-министра, то без всяких возражений согласился выманить профессора Тадокоро на свидание со стариком.

Как бы то ни было, ясно только одно: если бы этот старик не обратил внимания на сообщение Куниэда о встрече ученых и членов кабинета министров, если бы он не заинтересовался лич-

ностью профессора Тадокоро и не учуял чего-то при встрече с профессором в отеле «Палас», о плане Д не было бы еще и речи.

Уже одно то, что какой-то столетний старик, давно удалившийся на покой, продолжает иметь такое влияние на стоящих у власти политиков, совершенно не укладывалось в голове Юкинаги. И все-таки он собственными глазами видел, как старик, пригласив премьера в свой дом, несколькими словами заставил его решиться принять план исследований. А окружение старика? Какие-то подозрительные личности, мужчины с пытливым, острым взглядом, видно телохранители, прелестная юная девушка… Какой-то легендарный мир, жутковатый и привлекающий…

— Вполне возможно, что этот дед что-нибудь задумал независимо от нас, — Куниэда погасил сигарету, смяв ее в пепельнице.

— Я все хочу тебя спросить, — сказал Юкинага. — Что он такое, этот старик?

— Да я и сам точно не знаю. Мы с ним из одной провинции, но когда я начинаю распутывать клубок под названием «люди из нашей провинции», ниточка сразу обрывается. Одно несомненно, в свое время он был крупной закулисной фигурой

и в правительственных, и в финансовых кругах. Книг о старике написано уйма, но что книги — разве в них обо всем расскажешь? А те, кто мог бы рассказать, его современники и ровесники, теперь уже почти все в могиле. Наверное, расцвет его деятельности приходится на времена Манчжурских событий. Кое-кого убрал с дороги, то есть, попросту говоря, укокошил… Пусть не собственными руками, но это не важно. Во время последней войны, полностью отойдя от всяких дел, вел жизнь человека на покое и потому не был объявлен военным преступником, а после войны лет на пятнадцать опять активизировался и развил бурную деятельность. Но когда ему перевалило за восемьдесят, он перестал непосредственно участвовать в делах. Однако разные политические деятели до сих пор к нему обращаются то за советом, то с просьбой примирить враждующие стороны. А нынешнего премьера старик знавал еще рядовым в партии, так что тот перед ним пикнуть не смеет. Однажды он даже спас его, когда тот был замешан в каком-то скандальном деле…

— Противно слышать все это… — сказал Юкинага.

— А мне, думаешь, не противно? — Куниэда

нахмурил брови. — Ведь он видел закулисный мир трех эпох — императоров Мэйдзи, Тайсё и Сева — и не оставался пассивным в этом мраке… Нам, желторотым птенцам «эры компьютеров», трудно понять таких людей. Да, с нашей точки зрения, они занимались нехорошими делами. Но настоящей силой в подобном мире — в их мире — обладают только отрицательные личности. С другой стороны, не появись такая злая, но непреклонная воля, многое не осуществилось бы…

— Интересно, что может чувствовать человек, проживший целое столетие? — задумчиво произнес Юкинага. — Ему век уже, а он все еще имеет власть, все еще оказывает влияние на тайный ход событий… О чем он думает? Что еще собирается делать?..

— Не знаю, — Куниэда встал со стула. — Одно только несомненно: только благодаря его влиянию план Д начинает осуществляться…

Куниэда ушел на нижний этаж. Юкинага остался один. Он продолжал рассеянно размышлять. Власть, ее темные, тайные закоулки… И он вовлечен в темную пучину закулисной игры. Все происходит, словно в кошмарном сне… Юкинага вдруг почувствовал, как к горлу подступает тошнота. Подумать только! Он, который всячески

избегал водоворота сложных человеческих отношений, не умевший в них разбираться и потому избравший науку, и вдруг втянут в политическую тайну! Что же будет дальше?..

2

Старомодное выражение «подвизаться на мировом поприще» внезапно вошло в обиход примерно с конца сентября. Сначала оно прозвучало в вестибюле парламента, затем его подхватили некоторые политические деятели, а потом и журналисты. Один из любопытствующих журналистов задался целью выяснить, кто пустил его в ход, и обнаружил, что приоритет принадлежит премьер-министру. Он употребил его на встрече руководителей правящей партии с представителями финансовых кругов. Выражение не восприняли всерьез, но вскоре уже употребляли его, правда, не без иронии.

В своем стремлении докопаться до истоков журналист обратился к начальнику канцелярии премьер-министра. Тот сослался на один толстый журнал, статья в котором заставила премьер-министра глубоко задуматься. Очевидно,

впечатление от статьи и натолкнуло премьера на привлекшую внимание фразу.

Содержание статьи сводилось к следующему. В довоенной Японии или, во всяком случае, в Японии эпохи императора Мэйдзи для каждого японца существовали «семья» и «мир». Мужчина, достигнув совершеннолетия, либо, представляя «семью», входил в соприкосновение с «миром», либо, оставив «семью», уходил в этот «мир». Однако после войны «семья» деформировалась, превратившись в «моносемью», то есть в семью, состоящую из мужа, жены и детей. С другой стороны, увеличение численности населения, повышение доходов, введение социального обеспечения и удлинение сроков обязательного обучения «привели к «интенсификации жизни общества», к «чрезмерной общественной опеке», так что мужчина, выходя из-под опеки родителей, уже не окунается в «мир, где бушуют ветры и ураганы». Параллельно с чрезмерной «социальной опекой», обеспеченной мужчине, и даже как бы в противовес ей началось массовое привлечение женщин к участию в общественно-трудовой жизни. В настоящее время происходит процесс «осемействливания» самого японского общества в целом, и мужчины, став взрослыми,

в оранжерейной атмосфере такого общества не могут найти себе подходящего поля деятельности, где бы они стали «сильными, зрелыми» личностями. Известно, что лососевым рыбам необходим океан, чтобы окончательно превратиться во взрослых особей, иначе, оставаясь в пресных водах, где они вывелись из икринок, они постепенно вырождаются и доживают свой век, так и не став «большими». Примером тому может служить форель в озере Бивако или пресноводная горбуша в озерах северо-западной Японии. То же самое и у пернатых — подросшие птенцы обретают настоящую самостоятельность во время первого своего перелета… Возможно, и человек, особенно мужчина, в силу своей психической и физической организации не в состоянии стать самостоятельной личностью без столкновения с «грубой внешней» действительностью. Феминизация молодых мужчин Японии является фактом, вполне естественным для «осемействленного общества», где главенствующую роль начинают присваивать себе женщины, так что вполне закономерно, что мужчины, подобно детям, выросшим под чрезмерной опекой семьи, навсегда остаются инфантильными или феминизируются. Если положение не изменится, неизбежна даль-

нейшая деградация мужчин. Но если японское общество в определенном смысле «осемействилось» и находится в состоянии «перенасыщения», то «мир», где можно было бы мужать, очевидно, существует теперь только вне Японии. Таким образом, государство играет теперь роль бывшей «семьи», а «миром» становится мир за его пределами. Не следует ли поэтому во имя здоровья нации передать внутригосударственные дела женщинам и старикам с тем, чтобы молодые мужчины могли отправиться за моря и стать там «зрелыми личностями в мировом масштабе»...

— Значит ли это, что выражение «подвизаться на мировом поприще» является новой политикой правительства в отношении молодежи? — спросил журналист.

— Возможно и такое толкование, но, я думаю, проблема ставится шире, — сказал начальник канцелярии с наигранной невинностью. — Как бы то ни было, экономика Японии не может существовать вне тесной связи со всем миром. Возможно, наступает время, когда все японское общество должно выйти за рубежи страны для новой работы, приносящей пользу всему человечеству. Нельзя все время вариться в собственном соку, это может привести к самоотравлению.

— Однако известно, что многие страны относятся довольно отрицательно к выходу японцев на мировую экономическую арену. Не может ли это быть воспринято, как своего рода новая «агрессия»? — спросил один из журналистов. — К тому же за морями тоже довольно тесно.

— Ну, тогда придется нам подвизаться на космическом поприще, — заключил начальник канцелярии, вызвав смех у журналистов.

— Ну и дает!.. — ухмыльнулся Наката, читая интервью начальника канцелярии. — Теперь начнут большую кампанию под лозунгом: «Подвизаться на мировом поприще!»

— Это тоже ваша идея, Наката-сан? — спросил молодой Ясукава.

— Нет. Это выжали из своих мозгов политиканы и чиновники, посвященные в положение вещей. Конечно, не без нашего участия.

— Однако надо быть начеку. Вполне возможно, что кое-кто среди населения о чем-то догадывается. — Куниэда имел в виду опубликованные здесь же короткие отклики читателей. В одном из них была пародия на старый стишок начала эпохи императора Сёва:

Если едешь ты, я еду тоже —

— «Подвизаться на мировом поприще»... — ухмыльнулся Наката. — Конечно, найдутся люди с достаточной интуицией, которые свяжут это с землетрясениями. Ведь у японского народа совсем не плохое чутье.

— Сегодня премьер проводит совещание с министрами ведущих министерств... — сказал Куниэда, перелистывая записную книжку. — Послезавтра состоится чрезвычайное заседание Совета по экономическим проблемам. Сегодня вечером у него встреча в Акасаке с начальником Планового управления и министром промышленности и торговли. Надо думать, будет обсуждаться десятилетний план капиталовложений в развитие японской промышленности за рубежом.

— Ну, если так, мы в любом случае не прогадаем. Ловкий маневр, — проговорил Наката, кусая ногти. — Но если с этим очень торопиться, могут возникнуть большие трения внутри страны и за границей, а там, глядишь, и наша тайна перестанет быть тайной. Действовать надо осторожно, зная меру.

— Но какими бы ни оказались результаты ис-

следований по плану Д, все равно зарубежные капиталовложения для нас не будут убыточными, — сказал Ясукава. — Ведь если там не удастся рентабельно их использовать, можно взять назад… Да и вообще может оказаться, что это послужит поворотным моментом в истории страны и японская экономика действительно выйдет на мировую арену. Нет худа без добра…

— Кажется, ты очень веришь в возможность получения по Д-плану результатов, равных нулю, — поддразнил Куниэда.

— Откровенно говоря, я не хочу верить во все происходящее, как в реальность, — глаза Ясукавы округлились. — Ведь Япония достаточно велика. Протянулась на две тысячи километров… У нас даже свои Альпы есть…

— Знаешь ли… — Наката покачал головой. — Если восемьдесят процентов территории…

Тут произошел легкий подземный толчок. Такой, на какие в последнее время уже перестали обращать внимание. В комнату, словно толчок послужил ему сигналом, вошел Ямадзаки.

— Извержение Асо и Кирисима… — сказал он, бросая на стол панаму. — Только что передавали по телевидению. В районе города Коморо сильное землетрясение.

— Что же будет с туристическим бизнесом? — произнес в наступившей тишине Ясукава. — Говорят, в районе Идзу, Хаконэ и Каруйдзава земельные участки отдают по бросовым ценам…

— Не только там, скоро повсюду такая же кутерьма начнется. — Ямадзаки вытер лицо платком. — Этот год еще кое-как продержатся, а вот в будущем… Обанкротится масса средних и мелких предприятий.

— Ну, что там в Управлении самообороны? — спросил Куниэда.

— Начальник едва уговорил председателя объединенной группы начальников штабов, — Ямадзаки, расстегнул воротник рубашки. — Разговор получился странный. Председатель заявил, что разработка подобной операции нелепость, нонсенс. Ну, с точки зрения военного, конечно. Сказал, что полная эвакуация населения как операция невозможна, да и реально такой ситуации не может быть. Какой же смысл изучать и разрабатывать этакий бред? Начальник управления спорил с ним и уже не знал, какие приводить аргументы, как вдруг председатель, словно о чем-то догадавшись, согласился: «Есть, все понял! Будем действовать!». Так и договорились, не называя вещи своими именами.

— Неужели понял, в чем дело? — спросил Куниэда.

— Нет, конечно. Просто смутно почувствовал. Решено разрабатывать стратегический план Д-2 с участием самых способных штабистов и умников из НИИ Управления самообороны. С соблюдением высшей категории секретности, конечно.

— Но под каким предлогом? — спросил Юкинага. — Не может же…

— Не беспокойтесь. Предлог — ядерная война, — сказал Ямадзаки. — Такой предлог, конечно, анахронизм. Но все, видно, каким-то шестым чувством понимают, в чем дело, и болтать не будут.

Дверь с треском распахнулась, и в комнату со стремительностью танка ворвался профессор Тадокоро.

— Что с «Кермадеком»? Еще не прибыл? — последнее время это была его коронная фраза. — Где он валандается? Или корабль затонул?

— Все в порядке, судно, на котором находится «Кермадек», уже миновало острова Рюкю, завтра будет в Модзи, — Танака помахал в воздухе телеграммой Онодэры.

— Модзи? — глаза профессора гневно сверкнули. — Зачем туда? Нам надо Японский желоб изучать! Мы добрых два дня потеряем!

— Профессор, это делается для того, чтобы не привлекать внимания, — терпеливо объяснил ему Наката. — В Кобэ или Иокогаме не удалось бы скрыться от глаз репортеров. А в Модзи, если даже тамошние репортеры и заметят батискаф, это безопасно, новость-то останется местной. Как только корабль пройдет таможенный досмотр, батискаф перегрузят на «Такацуки», корабль военно-морских сил самообороны, который направится прямо в район Исэ, где в заливе Тоба и в открытом море Кумано произведут пробное погружение.

— Я тоже поеду в Исэ! — сказал профессор Тадокоро. — Дело не терпит проволочки. Вот посмотрите эти документы, материковая часть морского побережья опускается со скоростью полсантиметра в день. На дне моря у Санрику каждый день происходит несколько землетрясений средней и слабой силы с неглубоким эпицентром. В первую очередь надо обследовать места, где желоб наиболее близко подходит к суше. И срочно. Когда прибудет необходимая для наблюдений аппаратура?

— Часть уже отправлена в Модзи и Тоба. Однако пока вся аппаратура будет готова и смонтирована в батискафе, пройдет не менее недели, а то и

дней десять.

— Десять дней!.. — взвыл профессор. — Каждая минута дорога, а тут, черт! Ведь где-то под Японским архипелагом каждую секунду происходят изменения! Не знаю, как они станут развиваться, но нам нужно быстрее их установить. Что же будет, если мы не успеем осуществить план Д-1?

Взоры присутствующих невольно обратились к схеме продвижения работ, висевшей на стене. Люминесцентные линии обозначали направление хода разработок, информация о которых поступала с компьютера. Но на схеме имелось еще много пустых мест. Красными вертикальными линиями были обозначены сроки. К предполагаемой дате начала наблюдений почти вплотную подползли несколько линий.

— Вот что, — профессор Тадокоро хлопнул ладонью по бумагам, которые держал в другой руке. — Наша борьба, в конечном итоге, это борьба со временем…

Послышался звук зуммера. Ясукава поднял трубку телефона и с некоторым недоумением произнес:

— С теплохода «Кристина»…

— Использовали иностранное судно? — недовольно буркнул профессор Тадокоро.

— Да, судно голландское. Меньше бросается в глаза, — сказал Наката, беря трубку. — Это Онодэра.

Юкинага невольно приподнялся со стула. Ему был чем-то дорог этот молодой рослый и немногословный парень, от которого пахло морем. Юкинага больше всего чувствовал свою вину перед ним, хотя было ясно, что без Онодэры не обойтись.

— Ясно, понял. Вас будут встречать... На место поедет Катаока из НИИ Управления самообороны... Нет, нет, отличный. Он один из членов нашей группы, а что касается механики, то настоящий гений.

Наката быстро положил трубку и лучевой ручкой послал какой-то сигнал на кинескоп-приемник компьютера.

— Яма-сан, вызови, пожалуйста, Катаоку. Он сейчас в Йокосуке, на судостроительном, — сказал он, посылая сигналы. — Пусть летит в Нагасаки, то есть в Модзи, конечно. И пусть не устраивает театра и не высаживается на борт «Кристины» на ходу! Пусть поджидает на встречающем корабле военно-морских сил «Такацуки». «Кристина» прибудет в Модзи завтра в десять утра.

— Что случилось? — встревоженно спросил

профессор Тадокоро.

— В двигателе «Кермадека» кое-какие неполадки, Онодэра один не может справиться, — равнодушно сказал Наката. — Все будет в порядке. Катаока гений. Нет такого двигателя, который не ожил бы под его руками.

А Катаока тем временем занимался в Йокосуке срочным переоборудованием судна «Йосино», проданного американскими военно-морскими силами Японии два года назад. В Америке этот корабль проектировался как морское инженерное судно, но в ходе строительства цель его использования была изменена. Его переобудовали под океанический подвижный вспомогательный пункт, оснастив электронно-вычислительными машинами для централизованной связи с военными и навигационными спутниками, судами военно-морского флота, частями ВВС и атомными подводными лодками, а также для разработки тактических операций. Однако американский военно-морской флот перешел на другую систему управления, и судно, как устаревшее, уступили японским военно-морским силам. В Японии его превратили в судно специального назначения. Однако для японского военно-морского флота, далекого от стратегических и тактических военных

планов, оно было ненужной роскошью. Судно практически годилось только для исследований или обучения военного персонала. Идея переоборудовать и использовать его для выполнения плана Д принадлежала Катаоке. Катаока очень спешил: надо было подготовить место для «Кермадека», наладить пусковую систему, изменить кое-что в электронном оборудовании, но на все это требовалось еще полмесяца.

— Ущерб в Комуро, видно, незначительный, — сказал Куниэда, отрывая ленту факсимильных новостей. — Горные обвалы в Саку тоже. Хорошо бы стихийные бедствия хоть ненадолго остались на таком уровне. Иначе люди серьезно забеспокоятся, а там и паника начнется…

После больших землетрясений в июле и августе, которые произошли в Сагаме и Киото, природа дала себе передышку: землетрясения и извержения пошли на убыль. Правда, в Японии в это время количество землетрясений обычно уменьшается. Хотя Амаги и продолжал куриться, но выбросов не было, вершина Асамы опустилась на несколько метров, казалось, это успокоило вулкан. Чувство тревоги, уже было охватившее население, улеглось.

— Сенсей, — Юкинага держал в руках перфолен-

ту с недавно законченными расчетами, — максимальная величина всей энергии землетрясений и перемещения блоков земной коры в Японии за последний год превышает максимальную теоретическую величину.

— Следовательно, вопрос в том, откуда берется эта избыточная энергия? — спросил профессор Тадокоро, схватив перфоленту. — Откуда? А?.. И почему?

Юкинага посмотрел на макет Японского архипелага, сделанный из прозрачной разноцветной пластмассы. На нем был виден даже слой мантии.

Когда накопленная в Японском архипелаге энергия деформации, например от постоянного теплового потока, изменения веса геомассы, общего относительного перемещения блоков земной коры или очень медленного потока вещества в мантии, превосходит границу прочности определенной единицы объема земной коры, последняя вследствие освобождения накопившейся энергии разрушается. Обычно это считается причиной тектонических землетрясений.

Из средней предельной величины плотности земной коры вычисляется предельная норма накапливаемой в ней энергии деформации, откуда

выводится теоретическая предельная ее величина для одного землетрясения. Если же взять отдельный участок земной коры, теоретически возможная накапливаемая в нем энергия высвобождается при медленных движениях земной коры либо малыми порциями за счет многочисленных слабых землетрясений, либо сразу за счет нескольких крупных толчков. Однако, как бы то ни было, общая сумма этой энергии не может превышать теоретического предела для каждого единичного участка земной коры, равного 5 1024 эрг, что соответствует землетрясению с магнитудой, равной 8,6. Это вычисления основаны на известных величинах, характеристиках и теоретических положениях. Теоретически эта энергия не может превышать названную величину.

И вот сейчас появились некоторые признаки, что может высвободиться гораздо большая энергия.

Откуда она берется?

— Может быть, это не достаточно убедительно… — сказал Юкинага. — Но, по-моему, у нас нет другого выхода, как только смоделировать движение земной коры всего земного шара в целом и Азиатского материка в частности, вплоть до мантии, включая сюда и Японский архипелаг.

Возможно, таким образом удастся выяснить, в чем тут дело.

— Модель для Японского архипелага уже готова, — профессор Тадокоро похлопал по стенке компьютера. — Одна беда — данных недостаточно, вот он и не может выдать нам нужные расчеты. В общем, необходимы данные, данные!..

Профессор вдруг впился взглядом в часы.

— Послушай, Наката-кун, я тоже поеду в Модзи! Не возражаешь?

— Но, профессор… — Наката поднял брови. — Если даже вы поедете…

— Мне хочется еще раз посмотреть, в каком положении западная Япония, — натягивая пиджак, профессор надулся как капризный ребенок. — До недавних пор я еще надеялся, что там все обойдется, а сейчас меня начал беспокоить Лсо-Кирисимасский вулканический пояс.

— Ну что с вами поделаешь! — досадливо прищелкнул языком Наката. — Ясукава-кун, звони в Йокосуку. Передай Катаоке, что профессор Тадокоро едет вместе с ним.

— Разве не на пассажирском самолете? — спросил профессор.

— На связном самолете военно-морского флота.

План Д-2 одобрен, так что нам выделяют связной самолет и вертолет для его выполнения. Вам ведь хочется полететь над Асо?

Профессор хмыкнул, но видпо было, что он доволен.

— Сенсей, у нас тут тоже есть кое-что, что нас беспокоит, — сказал Юкинага. — Поступила информация, что Совет по прогнозированию землетрясений при министерстве просвещения, геофизики и работники Управления метеорологии в контакте с группой депутатов парламента собираются начать комплексное исследование изменений в земной коре Японского архипелага.

— Председатель совета в курсе, — вмешался Куниэда. — Но по своему положению этот орган, насколько я понимаю, вынужден предпринимать какие-то шаги.

— Возможно, что среди геохимиков, геофизиков или геоморфологов и вулканологов кто-то самостоятельно докопается до сути дела, — сказал Юкинага.

— Это естественно… — профессор Тадокоро стиснул руки. — Такова природа науки. Как ни сохраняй все в секрете, кто-нибудь своим умом да и дойдет. Это может оказаться и не японский, а иностранный ученый. Наука… Ничего не удер-

жишь в секрете…

— Да, но их работы будут малопродуктивны, — сказал Наката. — Все будет зависеть от того, насколько мы их опередим, насколько раньше их придем к финишу.

— Есть много способов создать им искусственные помехи, — сказал Ямадзаки.

— Это было бы лучше всего. Но тут надо действовать предельно осторожно, не то змея как раз и выскочит из стога сена, — сказал Куниэда. — Начнешь неуклюже создавать трудности, так это только подстегнет, есть же такие люди, которые прямо-таки обожают преодолевать препятствия…

— Ну, в этом отношении я уж как-нибудь постараюсь не сесть в лужу, — проговорил Ямадзаки. — В общем, сначала надо провести тщательную проверку, кто и где этим делом заинтересовался.

— Да… нам необходим еще один человек, всего один… Надо бы его втянуть, переманить на нашу сторону… — Наката, сложив на груди руки, покусывал ногти.

— Кого ты имеешь в виду? — спросил Куниэда.

— Кого-нибудь из научных комментаторов.

— Абсолютно неприемлемо! — крикнул Ямадзаки. — Нет для нас большей опасности, чем

газетчик…

— Но если он войдет в нашу группу, мы окажемся в чрезвычайно выгодном положении. Нам просто необходим такой человек, — настаивал Наката. — Я говорю о корреспонденте, который вхож к ученым, в научные общества, к депутатам парламента, тесно связанным с научными кругами. Он бы поставлял нам информацию о том, что и до каких пределов им известно. При этом он должен полностью понимать положение вещей и в случае чего быть готовым вместе с нами поставить крест на своем будущем.

— Я знаю одного такого… Ходзуми… Он работал в газете Н… — нерешительно произнес Юкинага. Его опять кольнуло чувство вины. — Совсем недавно он стал свободным журналистом. Ему еще нет сорока, но это личность…

— Ходзуми, говорите? Я тоже его знаю, — кивнул Наката. — Он, пожалуй, подойдет. Волк-одиночка, но умеет Держать язык за зубами. Талантливый, международного класса журналист. Попробуем его уговорить.

— А в нем можно быть уверенным? — все еще сомневался Ямадзаки.

— Придется попробовать, больше ничего не придумаешь. Мы с Юкинагой подготовим атаку.

Да, вот еще что, если среди ученых окажется кто-нибудь, кто уже догадался, нам ничего другого не останется, как привлечь его к осуществлению плана.

— Значит, еще больше денег потребуется… — обеспокоенно заметил Ясукава.

— Начальник отдела разведки уже рыдает по этому поводу, — сказал Ямадзаки. — Ведь даже там наш план идет под грифом «Совершенно секретно», так что не очень-то сократишь ассигнования на другие дела…

— Что же, придется, значит, с премьером говорить, — сказал Куниэда решительно. — Тогда уж я попрошу всех вас меня поддержать.

Когда профессор Тадокоро торопливо ушел, чтобы отправиться в Модзи, Юкинага, вздохнув, взял со стола толстый журнал. Тот самый, где была помещена статья, из которой премьер-министр почерпнул выражение «подвизаться на мировом поприще».

— Ловко… — вздохнул Юкинага, открывая журнал на нужной странице. — Политики по-своему очень даже умны. Если они хотят что-нибудь заявить, то обязательно заранее придумают для этого предлог. А скажи-ка, не ты ли организовал эту статью?

— Да ты что?! — прыснул Наката. — Мне не до этого, времени нет. Сами, должно быть, додумались. Кто-нибудь из секретарей или сам управляющий делами премьера нашел статью и тут же пустил ее в дело. Они очень ловки и находчивы, когда им надо.

— А ученый, который написал эту статью, что за человек?

— Я точно не знаю, но, кажется, социолог… Из молодых ученых Кансая. Много, хорошо работает… И, говорят, очень талантливый..

Наступит день, подумал Юкинага, пробегая глазами статью, и нам потребуются социологи… А когда, когда наступит этот день?..

3

Встреча проходила в японском ресторане в районе Акасака. Обращаясь к начальнику планового управления и министру промышленности и торговли, премьер сказал как бы между прочим:

— Как вы считаете, не побеседовать ли нам сегодня свободно, не касаясь никаких конкретных проблем?.. Например, каковы прогнозы будущей инвестиции японского капитала в зарубежных

странах? Я имею в виду и государственные, и частные средства?

— Да так, полегоньку да помаленьку… — ответил министр промышленности и торговли. — Ведем честный бой, пытаемся устоять против международного монополистического капитала-гиганта, но из-за границы начинают дуть крепкие ветры, так что порой нам приходится биться головой о стену. Если мы не предпримем каких-либо дипломатических шагов, дальнейшие инвестиции капиталов повсюду — и в развивающихся странах, и в Европе, и в Америке — дойдут до нищенского уровня…

— Мы сделали большие капиталовложения в Бразилии, но в настоящее время эта страна перенасыщена, ей нужно отдохнуть, чтобы все это переварить, не то может возобновиться инфляция, — сказал начальник планового управления, вытирая руки горячим осибори. — Наши предприятия в самых различных областях и во многих странах развернулись достаточно широко. Так что, если мы теперь не выработаем новых методов вывоза капитала, международные финансовые монополии могут начать контрнаступление. Вы же сами понимаете, что американская промышленность, наводнив мировой рынок своей

продукцией и пользуясь совершенными методами ведения дел, только теперь показывает свои скрытые резервы. Да и укрупнение Европейского экономического содружества, наконец, тоже приобретает настоящий размах. Так что, если мы не предложим очень выгодных условий, нам придется весьма туго.

— Все же мы более или менее укоренились в арабской нефтяной промышленности, в сталеплавильной промышленности Индии, а также в некоторых отраслях тяжелой промышленности Центральной и Южной Америки. Да и в Африке — в медедобывающей, автомобильной, нефтехимической, металлургической... — министр промышленности и торговли отправил в рот пирожное. — Сотрудничество с Советским Союзом по разработкам в дальневосточных районах уже в начале своего пути, а вот китайско-японское экономическое сотрудничество немного затормаживается. Остается только легкая промышленность. В текстиле развивающиеся страны ориентируются в основном не на нас. Зато с производством предметов ширпотреба, особенно из полимерных материалов, дело обстоит лучше. Мы строим в этих странах предприятия, на которых используется дешевая рабочая сила, а

затем продукцию экспортируем. Однако и в этой области наши инвестиции уменьшаются, правда, в незначительных размерах.

— Продажа лицензий в общем увеличивается, — опять вступил в разговор начальник планового управления, — но настолько незначительно, что на нее рассчитывать нельзя. Тем более, что экспорт в развивающиеся страны приводит к долгосрочному обороту капиталов. Кроме того, в этих странах политическое положение попрежнему не отличается стабильностью, поэтому без страхования капиталовложений или поручительства правительств этих стран наши средние предприятия отказываются от экспорта. А что мы можем сделать для малоразвитых стран? Только поддержать их «переселением предприятий» — ведь мы не посылаем туда военных сил в виде союзнической армии и не оказываем им так называемой «военной помощи»...

— Есть еще одна и, надо сказать, немалая статья экспорта — экспорт инженерно-технического персонала, — министр промышленности и торговли шумно втянул в себя воздух. — В основном это технические руководители и инженеры, но можно ли это прямо отнести к экспорту? Вообще это вопрос интересный... Например, рабочие-пе-

реселенцы из Южной Италии вовсю работают за границей и отправляют на родину деньги. У них крепкие семейные узы, и для Италии это приносит немалый доход в иностранной валюте. Доход настолько велик, что некоторые страны теперь очень неохотно принимают у себя этих рабочих. А вот с японцами обратное явление: все они хотят вернуться в Японию, в головную фирму, и не заботятся о завоевании престижа на местах, так что в результате к японским инвестициям и предприятиям начинают относиться недружелюбно.

— Если быть откровенным, — сказал премьер, — мне кажется, что настает такое время, когда Япония должна решительно выйти за пределы своей страны. Положение вещей таково, что не имеет особого смысла думать только о внутренних накоплениях, которые обычно прямо связаны с интересами обороны страны…

Министр промышленности и торговли возмущенно сверкнул глазами и тут же перевел взгляд на чашку с чаем.

— Теория «маленькой форели в озере Бивако»… — рассмеялся начальник планового управления.

— Не без нее. Но и не только она. Просто я по-

лагаю, что японцы в будущем должны жить не только в Японии, но и расселившись: по всему миру. Подошли времена, когда японскому народу, слишком многочисленному для нашей малой территории, не имеет смысла думать только о своей стране. Американский капитал закончил первый раунд выдвижения в мир и начинает второй. Была вьетнамская проблема, и нам едва удалось что-то получить, но во втором раунде они безусловно нас обойдут. И мне кажется, чем обороняться и думать о внутреннем наполнении Японии, лучше всеми силами выдвигаться на мировую экономическую арену, пусть даже за счет инвестиции мирового капитала в Японию. И это должно стать нашей государственной политикой. Я имею в виду не «взаимное убийство» партнеров, а их «взаимное перемещение». Пусть партнер в определенной мере выпотрошит Японию, но если японцы и японские капиталы в больших масштабах рассеются по всему миру, в общем и целом, я думаю, баланс окажется не во вред японскому народу…

— Ну, знаете ли!.. — пробормотал себе под нос министр.

— Однако для этого прежние методы распространения капитала устарели. Ведь те страны,

которые в недавнем прошлом были малоразвитыми, теперь стали развивающимися, а их руководители всерьез занялись организацией своего государственного хозяйства. Поэтому нам надо всячески стимулировать переселение наших предприятий и капиталов за моря. Повторяю, это должно стать нашей государственной политикой, — серьезным тоном продолжал премьер-министр. — Придется быть готовыми — в определенной мере — к долгосрочным убыткам. Ведь пока осуществится переселение и предприятия укоренятся, придется затратить много энергии, сил, ума и еще больше готовой продукции…

— Разумеется, интернационализация японского общества в дальнейшем станет неизбежной. Вы правы. Уже теперь в этом ощущается некоторая потребность, — сказал начальник планового управления. — Техника средств связи будет продолжать развиваться, так что естественный ход событий приведет к интернационализации. Следовательно, и японскую промышленность постепенно надо будет переводить на другие рельсы…

— Нет, совсем не так, — горячо возразил премьер. — Я думаю, ждать естественного развития

событий недопустимо. Разве суть всякой политики не в том, чтобы захватить инициативу прежде, чем объективная реальность сама потребует каких-то мер? Разве в конечном итоге Япония не ограничится меньшими жертвами, если заранее везде подготовить почву и упрямо проложить пути, пусть даже ценой некоторых потерь? Конечно, политический деятель несет ответственность за сегодняшний день страны и за руководство страной на данном этапе. Но не только за это. Политик в определенной степени ответствен и за будущее народа. Он должен уметь заглянуть вперед, хотя бы лет на сто, разве не так? Я думаю, в сущности главная цель политического деятеля именно в этом и заключается. И раньше так было…

Как он изменился, подумал начальник планового управления, глядя на премьера. Словно внезапно стал другим человеком. И держится иначе: раньше на таких полуделовых встречах, проходивших в интимной обстановке, он речей не держал да и насчет сути политики не так горячо и активно высказывался. Какие же душевные изменения он претерпел? Что случилось? Может быть, чем черт не шутит, это влияние того старика или еще кого-то?..

Премьер в общем не был ярко выраженной индивидуальностью. Он не принадлежал к тому типу людей, которые в политике одержимы определенными идеями и упрямо претворяют их в жизнь. Он являл собою типичное порождение японского общества начала семидесятых годов, короче говоря, был из плеяды тех политических деятелей, которые, не сопротивляясь быстрым и сложным социальным изменениям, умело к ним приспосабливаются. Способный и ловкий, наделенный известной гибкостью и хорошим политическим чутьем, он в то же время не очень выделялся среди других. В кулуарах злоязыкие репортеры и депутаты парламента от оппозиции пустили шутку, что никто бы и не заметил, если бы премьер и управляющий делами кабинета министров поменялись местами. В то же время, когда третьему послевоенному многопартийному кабинету понадобилось полгода, чтобы развалиться, он — до этого едва кому знакомый рядовой деятель — сначала победил на выборах председателя правящей партии, а затем добился победы своей партии на всеобщих парламентских выборах и быстро навел порядок в политических кругах, сформировав теперешний кабинет министров. Эта его заслуга получила признание,

но, как только было покончено с политической неразберихой, большинство политиков сошлось на том, что в качестве руководителя государства премьер — личность далеко не идеальная. Для него были характерны чрезвычайная осторожность, неизменное сохранение равновесия сил и полный отказ от волюнтаристских методов. Он сам никогда не делал крайних высказываний и не принимал решительных мер в политике.

И этот человек сейчас сам активно стремится изменить политический курс! Когда он впервые употребил выражение «подвизаться на мировом поприще», никто не думал, что за этим стоит нечто конкретное. Но, оказывается, он настроен весьма решительно.

Какой душевный перелом он мог пережить? Что кроется за его поведением, обнаруживающим явные признаки огромных перемен?

— Но знаете… — не поднимая головы, произнес министр. — В наше время, когда развитие технологии и социальные преобразования происходят в крайне быстром темпе, будет весьма трудно осуществить то, о чем вы говорите. Мы совершенно не ведаем, как может измениться положение вещей через десять или двадцать лет…

— А может быть, именно потому, что наше вре-

мя таково, необходимо принять предлагаемые мною меры? — спросил премьер.

— Это, конечно, верно. Но принимать такой курс сейчас, жертвуя насыщением внутренних рынков и пользуясь этим как трамплином, чтобы активизировать выдвижение японских предприятий и японцев в зарубежные страны, мне кажется несвоевременным. Более того, я думаю, теперь, как никогда, следовало бы взять в свои руки вопросы выдвижения на мировой рынок — ведь до сих пор это происходило у нас бесконтрольно — и смирно выждать, что предпримут другие страны.

— Я это тоже имею в виду, но не только это. Нам необходимо подумать о том, чтобы японская нация, японские предприятия и культура по-настоящему ассимилировались в других странах, в какой-то мере слившись с их народами и культурой. Это включает в себя проблему и национального здоровья японского народа, и его будущего, — сказал премьер, вдруг переходя на свою обычную интонацию. — В общем, вы не считаете, что стоит всесторонне изучить возможность курса на «выдвижение за пределы страны без трений»? Как вы думаете?

— Что ж, попробуем. Мне кажется, проблема

интересная, — сказал начальник планового управления. Выходец не из чиновничьей среды, остротой ума он превосходил в кабинете министров многих и в словах премьера почувствовал скрытую просьбу найти какие-нибудь цифровые аргументы, оправдывающие предлагаемый курс.

Это он всерьез, подумал начальник. Что у него за расчет, не известно, но он действительно собирается сделать крен в политике. И такое упорство проявляет, что становится прямо-таки страшно. Интересно бы знать, чем это вызвано?

— Создадим в управлении группу, которой поручим изучение проблемы, — сказал начальник. — В сверхсрочном порядке…

— Буду весьма благодарен… — как бы между прочим произнес премьер.

В коридоре послышались шаги, раздвинулись фусума, и вошел постоянный секретарь правящей партии. Высокий, с грубоватым лицом, он угрюмо занял место за столиком и без промедления спросил:

— Вам что, так уж срочно нужно выехать за границу?.. Я слышал, вы собираетесь в ноябре, перед открытием сессии парламента…

— Да, если это будет возможно, — ответил премьер. — Поездка не такая уж важная. Но мне

хотелось бы встретиться с возможно большим числом руководителей государств, чтобы переговорить с ними о дальнейших судьбах мира и Японии. Работаем, как говорится, на высоких скоростях. Ведь мы живем в эпоху сверхзвукового транспорта.

— А нельзя ли перенести вашу поездку на апрель будущего года, после всеобщих парламентских выборов? Нам и на этот раз нужно будет хорошенько поработать. Ведь в международных

делах вроде бы нет неотложных проблем, чего же так торопиться?

— Особых дел нет. Я и собираюсь-то на минуточку съездить и за минуточку вернуться! Самая краткосрочная поездка.

— Что-то в последнее время вы зачастили, — заметил министр промышленности и торговли.

— Да, немного есть… Понимаете, моя младшая дочь уехала учиться в Европу. Теперь все мои дети «подвизаются на мировом поприще». Вот и меня тянет, словно магнитом, «подвизаться на мировом поприще».

Премьер-министр громко рассмеялся. Все тоже посмеялись с ним вместе. Но начальник планового управления уловил в смехе премьера скрытую тревогу.

Послышался легкий шум, и на пороге кабинета появились нарядно одетые женщины. Одна за другой, касаясь руками татами, они склонились в изящном поклоне. Кругом словно посветлело.

За высокими, звонкими голосами женщин никто, кажется, не заметил, как задребезжали фусума и закачалась люстра.

4

В первых числах октября начала свою работу особая парламентская комиссия по принятию мер против землетрясений, созданная по инициативе группы депутатов как от правящей партии, так и от оппозиции. Чуть позже Совещательная геодезическая комиссия при министерств просвещения совместно с Управлением метеорологии образовала Специальную группу по изучению изменений в земной коре Японского архипелага. Почти одновременно над аналогичными проблемами начало работать одно из отделений Геологического общества Японии. Специальная группа, разместившаяся в здании Отдела прогнозирования землетрясений, попыталась было через министерство просвещения добиться чрезвычайных ассигнований. Однако выяснилось, что Отдел прогнозирования уже третий год получает достаточно крупные суммы для всеяпонской системы автоматических станций наблюдения, так что надеяться на чрезвычайные ассигнования не приходилось. Тогда спецгруппа поспешила обратиться за помощью к Особой парламентской комиссии. Но и с этим ничего не вышло: независимо от своей партийной при-

надлежности депутаты от районов, терпевших ущерб из-за стихийных бедствий, оказались бессильными что-либо сделать без согласия избирателей. Таким образом, спецгруппа топталась на месте и в конце концов начала свою работу со всестороннего изучения уже имевшихся данных.

В Японии начиналась осень. Но лето медленно сдавало свои позиции. Даже в сентябре, после осеннего равноденствия, зной лизал раскаленным языком землю, словно дразня измученных людей. Но всему наступает конец. Выцветшее небо стало синее и глубже, по ночам влажное душное марево уже не окутывало ярко сияющие фонари. Люди, освобождаясь от мучительных воспоминаний о грозном, полном стихийных бед лете, постепенно начинали приходить в себя.

К счастью, в этом году небольшим был ущерб от тайфунов и наводнений. Но в некоторых районах, как, например, в городе Мацусиро провинции Нагано, по-прежнему днем и ночью беспрестанно трясло. В середине сентября на край Санрику два раза обрушилось довольно сильное цунами; пострадал от цунами, возникшего в результате подводного землетрясения, район Нэмуро на Хоккайдо. Продолжались извержения на Кюсю. Начал действовать вулкан на острове Сакурад-

зима, и Управление метеорологии официально предупредило население об опасности. Но все эти сообщения приобрели характер местных новостей и перестали служить темой для разговоров. В центре внимания снова были спортивные новости, осенние моды, новые танцевальные ритмы, конфликт в Центральной Африке, новый курс после политических преобразований в Китае, политические перевороты в Центральной и Южной Америке, проект посадки на Марсе американской космической станции, которую после нескольких неудач наконец решено было осуществить этой осенью.

В газетах появился ряд статей о коррупции на строительстве атомных электростанций и о резком увеличении наркомании среди молодежи и подростков. Раскрыта была большая организация по торговле наркотиками, связанная с международным преступным синдикатом. На осенней выставке автомобилей всеобщее внимание привлек электромобиль, развивающий скорость сто шестьдесят километров в час. Это была машина на воздушной подушке для индивидуального пользования, выставленная одной фирмой без всякой предварительной рекламы.

По всей Японии ежедневно происходили сотни

ощутимых землетрясений. Трещины в степах, разваливающиеся дома, покривившиеся многоэтажные железобетонные здания теперь почти перестали привлекать внимание. Начинался осенний сезон отдыха, много туристических групп отправилось за границу. Множество туристов приехало в Японию. Экскурсионные автобусы наводняли курортные и исторические места. По прозрачному ярко-голубому небу изредка проплывали легкие кучевые облака. В горах, тронутых первым багрянцем, раздавались песни молодежи. Колосья раннего риса уже отяжелели и золотом клонились к земле. По долинам вместе с пчелами жужжали мини-комбайны, которые теперь были почти в каждом крестьянском хозяйстве. Министерство сельского хозяйства и лесоводства заявило, что и в нынешнем году ожидается небывалый урожай риса, который значительно превысит прошлогодний.

Япония, обычной, ничем не отличавшейся от предыдущих лет походкой шагала к осени. Так же, как города, села, люди, погода и природа… Да, и природа на первый взгляд…

Закончив ряд пробных погружений в открытом море Кумано, Онодэра вернулся в Токио

накануне начала работ по плану Д-1. Состояние «Кермадека» после устранения неисправностей было в общем удовлетворительным. Правда, «Вадацуми-1» обладал лучшей маневренностью, но «Кермадек», даже в подержанном виде, был надежнее, сразу чувствовалось, что он построен во Франции, на родине глубоководных судов. К тому же его переоборудованием и регулировкой неотступно занимался «гениальный» Катаока. Решили не ждать, когда закончится переоборудование инженерного судна «Ёсино», которое должно было стать плавучим командным пунктом при выполнении плана Д. Сегодня ночью из порта Тоба выйдет «Такацуки» и прямо отправится на место первого предполагаемого погружения.

Онодэра не был дома больше месяца. Тогда в Киото, едва выбравшись из-под груды обломков и черепицы, он сразу отправился искать телефон. К счастью, телефонную связь быстро восстановили, и он позвонил в Токио. Далее события развивались с молниеносной быстротой. После разговора Онодэра сразу вылетел в Европу для закупки «Кермадека». Даже связаться с родными не успел.

Теперь наконец-то выкроились несколько

свободных часов, и Онодэра на связном самолете-гидроплане прилетел в Токио. Надо было заехать домой за вещами. Времени было в обрез: завтра вместе с Юкинагой и Танакой он вылетит на том же самолете к «Такацуки», который к тому времени уже будет находиться в полутораста километрах к востоку от мыса Инубо.

Прежде чем ехать домой, Онодэра заглянул в главную контору в Харадзюку. Наката, Юкинага и остальные вовлекли его в бесконечный спор о системе связи, общей программе работ и ее деталях.

Онодэру поразили бешеный темп и четкость в решении сложнейших вопросов. Но больше всего его удивило, что, несмотря на это, гигантский объем работ не уменьшился. С ума они сошли, что ли? — думал он. Неужели надеются управиться с таким маленьким штатом?..

— Ну вот, Совещательный геодезический совет и Управление метеорологии начали действовать, — сообщил Юкинага, просматривая ленту факсимильных новостей. — Надо поторапливаться. Теперь, после осуществления трехлетней программы по исследованию мантии, они располагают огромной сетью наблюдательных станций, оснащенных самой современной аппа-

ратурой. С ними в контакте многие университеты и лаборатории. Вот ведь сумели охватить практически все области науки о Земле. Вполне возможно, среди них найдется и такой, который обо всем догадается, если будет иметь суммарный анализ изменений в движении земной коры Японского архипелага.

— Ничего страшного, пусть стараются, нам от этого только польза, — сказал Наката, усмехаясь. — Нам помогут Ходзуми и председатель научно-технического совета, и мы будем располагать всеми теми же данными, что и они. В общем, они будут нам помогать, сами того не ведая. Ведь профессор Тадокоро уже использовал этот метод, а мы его усовершенствуем. Но вот морское дно для них пока белое пятно, так что козыри в наших руках.

— Юкинага-сан, вам, наверное, будет неприятно, но мы собираемся использовать кое-какие наши изобретеньица… — Ямадзаки втянул голову в плечи. — Как вы думаете, что это?.. Не буду вас томить, скажу сразу: устройство для подслушивания компьютера!

— До чего мы дожили! — вздохнул Юкинага. — И вы пошли на это?

— Да, кое-где мы его используем… — Наката с

кисловатой миной покусывал ногти. — Другого выхода нет. Штука-то немудреная. Установки на входе и выходе компьютера регистрируют и передают импульсы. Проанализировав соответствующим образом поступающую информацию, мы можем в общих чертах определить, какого вопроса она касается и какой ответ дал на нее компьютер.

— Ладно, будем считать, что я ничего не знаю, — безнадежно махнул рукой Юкинага. — Пусть это будет на вашей совести… Насколько мне известно, последнее время кое-кто в Международном совете по геодезии и геофизике начал проявлять повышенный интерес к изменениям земной коры Японского архипелага. Вот если ученые всего мира сосредоточат свое внимание на Японии, тогда…

— Время, Юкинага, время! — Наката хлопнул его по плечу. — Время — единственная наша надежда. Деятелей из совета я знаю. Они еще долго будут раскачиваться. Прежде всего устроят заседание, на котором будут петь дифирамбы японской сейсмологии, самой развитой в мире, а уж потом потихоньку начнут… Хуже будет, если нашими делами заинтересуются крупные иностранные монополии или военные круги. Но

все-таки у нас еще есть время — давайте верить в это. Все дело в том, насколько мы их опередим… На сколько лет, на сколько месяцев, на сколько недель, на сколько дней… на сколько минут и даже секунд…

— Меня беспокоит еще одно. Известная нам Община Мирового океана лихорадочно разыскивает профессора Тадокоро, — сказал Куниэда. — Профессор отправил им докладную записку, срок договора с ними у него истек… По слухам, общинные заправилы изволят изрядно на него гневаться как на человека, не знающего ни чести, ни совести…

— Насчет чести и совести все мы хороши, — Наката похлопал себя по груди. — А что тогда говорить об Онодэре: серьезный инженер солидной фирмы, а взял да испарился в момент землетрясения…

При воспоминании об этом у Онодэры засосало под ложечкой. Ну, Ёсимура, ладно… а директора, наверное, оба были взбешены.

— Ладно, от нашей болтовни все равно никакого толку, — Наката, бросив на стол бумаги, громко зевнул. — Давайте сегодня как следует выспимся, а? Завтра начинаем исследовательские работы. Послушай, Онодэра-кун, не сходить

ли нам куда-нибудь пропустить по маленькой вместо снотворного? Да и в знак знакомства не мешает. Впрочем, твой случай особый — ведь ты на какое-то время опять исчезнешь из Токио…

— Не плохо бы, — Онодэра поднялся, посмотрев на часы. — Посидим часок-другой.

Оставив в конторе одного Ясукаву, все отправились в бар с панорамным обзором на последнем этаже супернебоскреба, недавно построенного в районе Ёёги. Темноватый зал, где едва можно было разглядеть человеческие силуэты, несмотря на непоздний час, был почти полон. Свечи под красными и зелеными абажурами бросали на столики колеблющиеся пятна света. Тихо играла музыка, негромко беседовали хорошо одетые пары. На дне сине-фиолетового полумрака, словно белесые животы рыб в темноте морского дна, колебались лица, обнаженные руки, плечи. Поблескивали драгоценности. Иногда, словно блицы, вспыхивали огоньки зажигалок.

Все пятеро заняли столик у окна и, заказав белое вино, подняли бокалы.

— Ну, — сказал Куниэда — за великое начинание…

— Какое уж тут великое начинание!.. — рассмеялся Онодэра.

— Давайте лучше за успешное завершение исследований.

— За успех, благополучие, «Кермадек»! — проговорил Юкинага.

— И за будущее Японии… — закончил Наката.

Тихо звякнули бокалы. Когда их наполнили второй раз, Онодэра, отключившись от общей тихой беседы, откинулся на спинку стула и сквозь стеклянную стену стал смотреть на раскинувшийся внизу ночной город.

Ночное Токио, как всегда, утопало в потоках света. Холодный, синеватый свет ртутных фонарей скрещивался с белыми лучами автомобильных фар и с красными — подфарников; скоростное шоссе, освещенное желтыми натриевыми фонарями, извивалось, будто гигантский удав, небоскребы, словно черные чудовища, глядели в ночь мириадами ярких глаз.

Отсюда просматривались районы Акасака, Роппонги и даже Гиндза. Красный, синий, зеленый, бледно-сиреневый неоновый свет, кружа в ночном небе, неутомимо выписывал одни и те же буквы и иероглифы. Глядя на озаренное многоцветными отблесками небо, казалось, что слышишь даже шум веселья, бушевавшего под этим небом.

Бары Гиндзы — бесконечный наземный и подземный лабиринт… И в каждом из них красивые, тоненькие, хорошо одетые девушки чокаются с холеными клиентами, или, мило смеясь, берут маслину с блюдечка для закуски и подносят к ярко-карминным губам, или танцуют, ритмично покачивая бедрами… На центральных улицах уже начинают собираться такси, скоро появятся первые ночные пассажиры. Метро, электрички, частные машины… Хостэс отправляются с клиентами в дальние поездки — в Атами, Ха-конэ… А в Роппонги и Ёёги веселье и разгул только-только начинаются… Токио… гигантский, самый оживленный город в мире, где обитает двенадцать миллионов человек…

И этот город, где живут славные, жизнерадостные люди, умеющие изящно повеселиться, и Японский архипелаг, на котором он…

Разве можно в это поверить?!

Разве может такое случиться? Этот город, самый большой в мире… Пусть земля, на которой он стоит, невелика, но все же она протянулась на две тысячи километров и занимает площадь в триста семьдесят тысяч квадратных километров… Эта земля держит на себе не одну трехтысячеметровую вершину, и еще горы, леса, поля и реки… и

сто десять миллионов человек, и необходимые для их жизни города, промышленные предприятия, жилые дома, дороги…

Быть того не может! Абсурд! Как только такая мысль могла прийти в голову? Оподэра сквозь стекло остановившимся взглядом смотрел в ночь. Почти касаясь окаймленной светящимися точками Токийской башни, вниз, в сторону аэропорта Ханэда, скользнул гигантский аэробус внутренней линии, похожий на страшную черную птицу. Его белые и красные бортовые огни, помигав, растаяли вдали. А если это все-таки случится, если произойдет то, чего боится профессор Тадокоро… На самом деле произойдет… Что будет тогда с этим гигантским городом и наполняющей его жизнью? А скромные надежды ста десяти миллионов человек?.. Надежды, которые они вынашивают в сердце и возлагают на завтрашний день своей страны, расцветшей на этих островах, уходящей историческими корнями в его почву… Построить свой дом. Родить и вырастить детей. Поступить в университет. Съездить за границу. Девочки, мечтающие стать певицами, мальчики, мечтающие стать художниками. Мужчины, ищущие мгновенного наслаждения в вине, в веселой беседе с женщинами… Получающие маленькие

радости на рыбалке, от игры в гольф, за картами… Что станет со скромными надеждами ста миллионов человек?

Наслаждайтесь, почти молитвенно подумал Онодэра, глядя на море света. Хотя бы сейчас, пока еще можно, веселитесь как следует. Все! Из каждого мгновения извлекайте радость, оно не вернется, не повторится, это мгновение! Пусть останется хотя бы воспоминание о скромной, маленькой радости. Это лучше, чем ничего. Ловите радость сейчас, сразу, без промедления! Завтра может не наступить…

— Пошли, — Наката, взглянув на часы, поднялся. — Давайте сегодня все как следует выспимся.

— Думаю, твоя квартира в порядке, — сказал Юкинага Онодэре. — Ясукава поручил смотрителю дома поглядывать за ней. — И квартплату аккуратно вносил…

Когда все подошли к кассе, миниатюрная девушка в платье модного этой осенью бежевого цвета с зеленоватым оттенком, взглянув в лицо Онодэры, вдруг негромко вскрикнула:

— Ой! Если не ошибаюсь, это вы…

— А-а, — Онодэра впомиил вдруг эту девушку. — Кажется, Мако-тян?

— Да, верно. Вы, значит, запомнили! Спасибо,

вы меня растрогали, Онода-сан… Нет, извините, Онодэра-сан.

— Правильно. Вы ведь, кажется, в «Мирте» работаете?

— Да, но вы с тех пор ни разу у нас не были. Юри-сан очень сожалела, что вы так и не научили ее нырять с аквалангом, — проговорила девушка, которую звали Мако. Не обращая внимания на своего солидного спутника, она так и прилипла к Онодэре. — Пожалуйста, заходите к нам! Да, Ёсимура-сан говорил, что вы уволились из их фирмы, это правда?

Онодэра мрачновато кивнул.

— Ну, пока, — сказала девушка. — Заходите, пожалуйста… Звоните… Обязательно, хорошо?

— Весьма мила! — не без иронии заметил Куниэда. — Она что, хостэс?

— Да. Ни к чему эта встреча, — Онодэра смотрел вслед девушке, которая, что-то щебеча своему спутнику, направилась в зал. — Может, предупредить, чтобы никому не рассказывала?

— Думаю, не стоит. Судя по ней, она ни о чем не подозревает, — сказал Наката. — Да к тому же завтра ты будешь в море, вернее, на его дне.

Подъехав к своему дому в Аояма — дом строился

как кооперативный, но впоследствии квартиры стали сдаваться внаем, — Онодэра хотел было прежде зайти к смотрителю, но у того на двери висел замок. Тогда он поднялся в лифте на третий этаж, подошел к своей квартире и вдруг почувствовал, что в ней кто-то есть. Посмотрел на замок. Он был выломан. Повинуясь мгновенному порыву, Онодэра распахнул дверь и ворвался прямо в комнату. Там ярко горел свет, на полу в обнимку валялась полуголая пара.

— Это еще что такое?! — крикнул Онодэра, но тут на его затылок обрушился сильный удар. Теряя сознание, он услышал высокий женский смех.

Без сознания он, должно быть, пробыл совсем недолго. Когда пришел в себя, кто-то запихивал ему в рот кляп — грязный скомканный носовой платок. Его руки были связаны за спиной, ноги — у щиколоток. Однако связали его кое-как, наспех.

В комнате было пять человек, три парня и две девчонки. Все молодые, не старше двадцати. Парни долговязые, небритые, в помятых грязных рубашках. Одна девчонка была в туго обтягивающих джинсах, другая — в комбинации, даже без трусов. Один из парней тоже был без трусов; выставив свой тощий зад, он на четвереньках

ползал по полу и ойкал рыдающим голосом. Другой, глядя на него, бессмысленно гыгыкал и бренчал на гитаре с двумя лопнувшими струнами. Девушка в комбинации, забравшись на кровать, назойливо приставала к третьему парню с длинными до плеч волосами. Но парень не обращал на нее внимания, он хватал и пожирал разбросанные прямо на одеяле куски консервированного мяса.

...А-а, вот это кто... доппи... — подумал Онодэра, глядя на их мутные глаза и дряблую кожу. Доппи — бич современных городов Японии... Парни и девушки, одурманенные синтетическим наркотиком, новым видом ЛСД. Эти наркоманы уже давно стали серьезной проблемой. К сожалению, их число не уменьшалось, в последнее время их стало особенно много. Раньше это были подростки в основном из зажиточных семей, избалованные, ни в чем не знавшие отказа и отчасти поэтому сбившиеся с пути. С возрастом эти молодые люди чаще всего оставляли свои дурные привычки и приобщались к нормальной жизни. А сейчас возрастной состав наркоманов изменился, среди них были и двадцатипяти- и тридцатилетние. Они перепробовали все наркотически действующие средства, начиная со

снотворных и глазных капель и кончая марихуаной, лакокрасителями и ЛСД. Сейчас у них наибольшей популярностью пользовался наркотик неизвестного происхождения «доп», поступавший в Японию из американских преступных синдикатов. Объединив «доп» и старое «хиппи», их прозвали «доппи». И если раньше наркоманы не доставляли окружающим особенных хлопот, то в последнее время их поступки стали приобретать злостный характер. В наркотическом состоянии они то угоняли машины, то вторгались в чужие квартиры, но, будучи привлеченными к ответственности, не несли большого наказания. Им оказывали снисхождение, принимая во внимание возраст и полуневменяемое состояние, в котором совершались преступления.

И вот эти типы сейчас захватили и вконец разорили квартиру Онодэры. Стереофонический проигрыватель был разбит, долгоиграющие пластинки превратились в груду осколков, матрац на кровати разорван, телевизор опрокинут, из холодильника все выкинуто, ковер в блевотине.

Однако, глядя на это печальное зрелище, Онодэра, к собственному удивлению, не возмутился. Он подвигал руками, и узлы, завязанные этими очумевшими ребятами, быстро ослабли. Когда

он начал неторопливо распутывать ноги, они, разинув рты, удивленно на него смотрели.

— Куда это годится! — подала голос девчонка в комбинации. — Смотрите, он же развязался!

Пока Онодэра поднимался на ноги, они все еще в замешательстве смотрели на него. Первым бросился парень с гитарой. Онодэра тут же отнял у него гитару и ударил ею парня так, что голова проломила корпус инструмента, совсем как в кинокомедиях. За минуту он расправился и с остальными. Что за мальчишество, думал Онодэра, связался с паршивыми сопляками!.. Но руки его работали беспощадно, он отбросил к стене даже девчонок, с визгом впившихся в него зубами.

— Если уж решили попользоваться чужой квартирой, то могли бы и поаккуратней!.. — сказал Онодэра валявшимся на полу тяжело дышащим парням. — Давайте-ка, займитесь уборкой. Впрочем, какой от вас толк, если вы такие очумевшие. Но блевотину-то я вас заставлю убрать!

С этими словами Онодэра схватил одного из парней за шиворот и ткнул лицом сначала в консервы на кровати, потом в блевотину на полу. То же самое проделал с остальными двумя парнями. И девчонок, позеленевших от страха, схватил за волосы и тоже ткнул в блевотину.

— Давайте, жрите! — крикнул он. — Лижите. Говорят, среди ваших часто совершаются подобные церемонии!

Он не ослабил рук и тогда, когда девчонки заревели. И тут ему стало противно от собственной вспышки жестокости, которую он в себе и не подозревал. Правда, когда-то давно, мальчишкой, он частенько дрался, были на его счету и бессмысленно грубые выходки, но через это проходит, наверное, каждый подросток…

— Полицию вызывать я не стану, — сказал он, вышвырнув их в коридор, словно тряпки. — Проваливайте отсюда, и побыстрее! Наслаждайтесь, глотайте свои наркотики, да побольше! Подыхайте, если охота!

Несмотря на шум, двери соседних квартир даже не приоткрылись — типичное для многоквартирных домов холодное равнодушие.

Захлопнув дверь, Онодэра со вздохом оглядел комнату. Решив попросить уборщицу навести порядок, он принялся складывать в чемодан самое необходимое. Накопилось много писем, в большинстве своем он их выбрасывал не распечатывая. Среди вызовов из фирмы были письмо и записка от Юуки. Видно, тот не раз приходил сюда, надеясь что-нибудь узнать. С тяжелым

сердцем Онодэра и их, порвав, выбросил в мусоропровод.

Магнитофонная кассета для записи телефонных разговоров в отсутствие абонента была полностью использована. Перемотав, он прослушал ее. Большинство звонков было из фирмы. Последним зазвучал женский голос. Он перемотал это место еще раз, начал слушать внимательнее и узнал голос Рэйко:

«Приехала в Токио, вот и позвонила… Спасибо, что тогда… Вскоре после того землетрясения у меня скончался отец. Как только завершатся все похоронные дела, я уезжаю в Европу. Думаю, это будет во второй половине сентября. Если успеете, позвоните, пожалуйста, мне в Хаяма. Правда, у меня нет особых к вам дел…»

На этом голос умолк, наступила тишина, и, когда Онодэра уже собрался перемотать пленку, голос опять зазвучал, печально и хрипловато: «Хочу… с вами… Прощайте!»

Он перемотал пленку, немного подумал, потом стер запись. Ему показалось, что открылась наружная дверь. Он обернулся. Давешняя девчонка, которая была в одной комбинации, стояла на пороге, испуганно глядя на него круглыми глазами. Шея и подбородок у нее все еще были

в блевотине.

— Что тебе? — спросил он.

— Это… я туфли забыла…. — сказала девчонка.

Ее землистое, застывшее лицо было совсем детским и жалким. Вероятно, действие наркотика кончилось. И такую девчонку, почти ребенка, он в гневе так страшно проучил! Ему стало неловко. Он вытащил из-под кровати туфли со стоптанными каблуками и протянул ей.

— Спасибо…

— Постой… — остановил ее Онодэра. Помертвев от страха, она обернулась. — Умойся, тогда пойдешь.

Она топталась у двери. Он взял ее за руку, повел в душевую и открыл кран над умывальником. Девчонка, покорившись, стала мыть лицо, и вдруг ее плечи затряслись от рыданий. Узенькие, худые, словно у маленького ребенка, плечики… Он дал ей полотенце, а другим, смочив его, сам вытер ее испачканные, редкие, выкрашенные в рыжий цвет волосы. Он думал о том, что не проронит ни одного успокаивающего слова.

Когда девчонка, всхлипывая, дошла до входной двери, он положил ей руку на плечо.

— Что, хороший был балдеж? В кармане-то, небось, шиш теперь? — не дожидаясь ответа,

Онодэра вытащил из бумажника все, какие там были, деньги и вложил ей в руку.

— Можете начинать все сначала! Давайте, балдейте на всю катушку! Но, смотрите, не мешайте жить другим.

Девчонка ошалело смотрела то на него, то на деньги. Он подтолкнул ее к выходу и захлопнул дверь. Придется сегодня ночевать где-то в другом месте. Надо дать денег смотрителю и попросить его вызвать уборщицу.

Когда Онодэра с чемоданом в руках вышел в общий коридор, девчонки уже не было. Он посмотрел в окно. Внизу, в стоявшей среди кустов машине, обнималась какая-то парочка. Вздохнув, он отошел от окна. И тут снова загудела земля, дом закачался. Разом погасли все лампочки, раздался звон бьющихся оконных стекол. Кто-то закричал на другой стороне мрака. Схватившись за оконную раму, он в который уже раз отдался гулу и тряске. Сильное... — подумал он. Толчки один за другим раскачивали темноту. За окном с вылетевшими стеклами сверкнула синяя, похожая на электрический разряд вспышка. Земля тряслась и тряслась, словно намереваясь опрокинуть мрак.

5

Конвойное судно «Такацуки» водоизмещением в три тысячи пятьдесят тонн, оснащенное управляемыми на расстоянии вертолетами с ракетными глубинными бомбами, было спущено на воду в период перевооружения сил самообороны. Затем некоторое время оно находилось в запасе, а год назад вернулось в строй в качестве корабля специального назначения. Теперь вертолеты-носители с него были сняты, а на корме, на спусковых рельсах для мин, была установлена тележка для «Кермадека». Разумеется, это была идея Катаоки. Катаоке, инженеру-электронику по специальности, приходилось принимать участие в оснащении военных кораблей, так что срочное переоборудование судна не явилось для него чем-то совершенно новым.

«Такацуки» имел двухвинтовой турбинный двигатель мощностью в шестьдесят тысяч лошадиных сил и сейчас бороздил океан к востоку от Японского архипелага. Работали по уплотненному графику. За две недели по указанию профессора Тадокоро «Кермадек» совершил более двадцати погружений в районе между 142° и 145° восточной долготы и 34° и 45° северной широ-

ты. В открытом море Сан-рику, где уже давало себя чувствовать устремлявшееся к югу холодное Курильское течение, батискафу пришлось довольно туго. Волна все время была высокой, над водой то и дело расстилался густой белесый туман. «Кермадек», как скорлупку, швыряло на подводных приливных течениях. Несколько раз поднимался сильный шторм, видимость даже на большой глубине была нулевой, и погружение приходилось откладывать. Бывали и такие дни, когда вокруг «Такацуки» кружили иностранные сторожевые суда. От ежедневных погружений кожа Онодэры посерела, щеки запали, воспалились глаза. Даже побриться порой он не успевал. Начали мучить боли в суставах и бессоница. Сказывалось и напряжение от того, что «Кермадек», хоть и незначительно, но все же отличался от привычного «Вадацуми». Но больше всего изматывало однообразие. Ежедневные погружения на семь-восемь тысяч метров на крохотном, словно буй в бушующем море, батискафе. По командам профессора Тадокоро Онодэра маневрировал, включал прожекторы, пускал подводные осветительные ракеты, делал фотоснимки, перематывал видеопленку, опускал за борт и на дно измерительную аппаратуру… На больших глуби-

нах температура понижалась до плюс двух-трех градусов по Цельсию, от измерительной аппаратуры веяло ледяным холодом, после каждого погружения приходилось обновлять осушители, иначе внутри гондолы все делалось мокрым. К тому же в наспех переоборудованной гондоле, до отказа заполненной всевозможными приборами, негде было повернуться, а каждое погружение длилось несколько часов. Естественно, Онодэра вконец измотался и физически, и душевно.

— Смотри, береги себя, — озабоченно говорил Юкинага, — Мы-то все взаимозаменяемы, а тебя пока заменить некем.

Судовой врач тоже забеспокоился, попросил прислать врача-специалиста для подводников. После принятых мер суставные боли поутихли, но бессонница никак не проходила.

«Такацуки» сначала шел над Японским желобом с юга на север, а потом повернул назад, всего он покрыл расстояние в две тысячи километров, при этом погружения «Кермадека» происходили почти ежедневно. Днем во время погружения «Такацуки» стоял на якоре, а ночью на предельной скорости шел к следующему намеченному пункту. Таким образом в восточную сторону Японского архипелага понемногу вбивали кро-

хотные зонды. Но при двухтысячекилометровой протяженности архипелага «Кермадек» мог ощупать лишь незначительную его часть.

Что же это за работа? — порой думал Юкинага, подавленный бесконечностью и безграничностью того, чем он занимался. Батискаф… все равно, что блоха на животе циклопа…

В открытом море у Тёси на дне желоба несколько раз попадали в зону действия мелкофокусного землетрясения. При давлении воды в одну тонну на один квадратный сантиметр на батискаф неожиданно обрушивался удар, его начинало кружить на месте, гондола скрипела. Становилось жутко, хотя все знали, что надежность батискафа обеспечена десятикратно. Но и в таких условиях исследования продолжались. К счастью, в основном погода была хорошей, и работы лишь незначительно отставали от графика. Лицо профессора Тадокоро становилось все более бледным, щеки заросли щетиной, глаза стали излучать странный лихорадочный блеск.

Беспрерывная эксплуатация дала себя знать: на семнадцатый день в двигателе «Кермадека» обнаружились неполадки, пришлось отменить погружение. Профессор Тадокоро, запершись в офицерском салоне, погрузился в вороха свежих

данных. Онодэра, борясь с вялостью всего тела, вместе с механиками «Такацуки» угрюмо и молча ремонтировал «Кермадек».

Наконец на девятнадцатый день с небольшим опозданием прибыло инженерное судно специального назначения «Ёсино». На «Такацуки» поднялся радостный крик, когда над горизонтом показались три радарные мачты и огромная параболическая антенна космической связи «Ёсино». На его низкой корме по обеим сторонам ангара, в котором обычно держали гидросамолеты, на рельсах стояли большие подъемные краны, из-под кормы виднелись манипуляторы. Краны с легкостью могли поднять на корму подхваченный буксирным канатом «Кермадек» и так же без труда спустить его в воду. Это сулило значительное облегчение работ.

На «Ёсино» прибыл Катаока, маленький, помальчишески круглолицый, почти коричневый от загара молодой человек с очень блестящими глазами.

— Извините, задержались! — сияя улыбкой, сказал Ка-таока в микрофон с капитанского мостика. — Немедленно приступим к перегрузке. Здесь и Наката-сан и Куниэда-сан. Скоро на связном самолете прилетит и Ямадзаки-сан. Вы ведь

намерены здесь провести совещание?

Когда собирались сесть на катер, чтобы перебраться на «Ёсино», капитану «Такацуки» передали радиограмму. Пробежав ее глазами, капитан протянул лист профессору Тадокоро.

— В Хаконэ появились признаки извержения, — хмуро сказал капитан. — И на острове Миякэ начался подземный гул. Вовремя мы освободились, приказано немедленно идти на Миякэ.

Уже спущенный на воду желтый «Кермадек», покачиваясь на буксирных канатах, медленно подходил к корме «Ёсино». Как только закончилась перегрузка, «Такацуки», разрезая волны, стал быстро удаляться. Онодэра и Юкинага помахали ему вслед.

— Тут не до прощального обеда! — грустно усмехнулся Наката. — Что будем делать? Сразу начнем совещание?

— Разумеется! — решительно заявил профессор Тадокоро. — Представимся капитану и приступим. Где?

— Но прошу вас, прежде разместитесь, пожалуйста, по каютам, — сказал Купиэда. — Потом я провожу вас в штаб-каюту по осуществлению плана Д. Там и проведем совещание.

Через двадцать минут все собрались в штаб-

кают, расположенной в носовой части верхней палубы. На одной стене мигали лампочки компьютера, крутились бобины запоминающих устройств, на другой — висели электронно-люминесцентная схема продвижения работ и знакомая всем карта Японского архипелага из лаборатории профессора Тадокоро. В центре каюты находился огромный прозрачный прямоугольник. Внутри он казался пустым, но когда Катаока нажал какую-то кнопку, там появилось цветное стереоскопическое изображение Японского архипелага. Все невольно ахнули.

— Правда, красиво? — спросил Катаока, показывая в улыбке сверкающие белизной зубы. — Это проекционный экран для голографических снимков, разработанный НИИ Управления самообороны. Думаю, это первый в мире экранный блок реальных, а не фиктивных изображений. Этот необычный блок кажется совершенно прозрачным, но на самом деле в нем содержатся монокристаллы полупроводников.

— Что, снимки, сделанные с воздуха, сразу приобретают в нем объемность? — спросил Юкинага.

— Нет, не так все просто. На основании инфракрасного стереоскопического снимка, сделанного

с большой высоты с применением параллактической съемки, изготовляется цветной макет. Потом его облучают лазерным лучом и изготовляют диапозитив. Почему? Да потому, что голографический диапозитив получается при использовании интерференции отраженных от объема лазерных лучей. Вот он, диапозитив.

Вытащив из-под блока небольшой жесткий монохромный негатив величиной с визитную карточку, Катаока показал его всем. В нем можно было увидеть только какие-то облачка, завихрения, полоски — рисунок интерференции.

— Как интересно... — пробормотал Онодэра. — Значит, на эту штуку направляете лазерный луч, и мы видим это голографическое цветное изображение?

— Да. В последнее время очень упростилось изготовление объемных цветных макетов из стереоскопических снимков. Достаточно лишь вывести регулирующий знаменатель раскладки материала, пропустив через анализатор раскладку параллактического снимка. В настоящее время даже не делают фотографических снимков. На определенном расстоянии над определенным участком земли летят два самолета, снимая телекамерой и сразу регистрируя первичную

информацию… Только голограммы удобнее для сохранения большого количества стереоскопических изображений.

Вместе с движением переключателя в экранном блоке появлялись объемные изображения, на некоторых виден был и рельеф морского дна.

Катаока продолжал манипуляции у операторской панели, и над объемным изображением стали появляться светящиеся точки, стрелки. На него можно было проецировать данные о тепловых потоках, гравитационном и геомагнитном полях, вертикальных и горизонтальных движениях земной коры, активности вулканов.

— Подсоединив устройство к компьютеру, вы сможете наглядно представить себе поступающие данные. В общих, конечно, чертах, — сказал Наката.

Это устройство, хранившее в себе в микрофильмах несколько тысяч карт и схем, было гордостью Накаты.

— Пробный экземпляр, разработанный для объединенного штаба самообороны… А мы его взяли, так сказать, целиком и полностью, — сказал Катаока, усмехаясь и нажимая одну за другой кнопки на панели. — Директор НИИ, наверно, получил за это нагоняй.

— Та-ак… — Куниэда всех оглядел. — Может быть, приступим к совещанию, профессор?

Профессор Тадокоро сидел, отвернувшись к стене, и, сжав голову руками, о чем-то сосредоточенно думал. Юкинага видел лицо ученого в профиль, и его поразило выражение этого заросшего щетиной свинцово-серого лица — на нем читались глубокая скорбь, почти отчаяние.

— Тадокоро-сенсей, — обратился к нему Наката. — Все наши сотрудники на месте, за исключением Ямадзаки. Мы будем вам весьма признательны, если вы всем нам в общих чертах изложите цель нашего плана и расскажете, что удалось на сегодняшний день сделать для его осуществления…

— Сенсей… — Юкинага подошел к профессору и положил руку ему на плечо. — Вы плохо себя чувствуете?

Профессор вздрогнул, словно от удара током, и вскочил со стула.

— Да-а… — сказал он, глубоко вдохнув и выдохнув воздух. — Да, ведь нужно…

Затем профессор подошел к столу, за которым все расположились. Посмотрел на компьютер, проекционный экран, операторские панели, потом странным, словно вопрошающим, взглядом

уставился на трехмерное изображение Японского архипелага. По мере того как он вглядывался в вереницу знакомых островов, лицо его постепенно оживало, заблестели глаза.

— Интересное приспособление… — пробормотал Тадокоро. А можно проецировать более обширные районы земли? Например, всю западную часть Тихого океана, включая Юго-Восточную Азию?

— Пока это предел, — сказал Катаока, передвигая диапозитив.

Появились изображения островов Бонин, Окинавы, Тайваня, Филиппин, Корейского полуострова.

— Хорошо, оставим это, — профессор подошел к карте Японского архипелага.

— Садитесь, пожалуйста, господа, — сказал он низким, хриплым голосом. — Сейчас я попробую вам кое-что объяснить.

Все расселись за столом. Профессор опустил глаза, казалось, он что-то сосредоточенно обдумывал. Юкинага смотрел на него, не отрываясь, и тут ком подкатил у него к горлу: что стало с человеком за какие-нибудь два-три месяца, как он постарел! Словно десять лет прошло! Поседел, лицо словно маска, морщины, как у дряхлого

старика, воспаленные глаза, опухшие веки и это выражение бесконечной усталости…

— План Д… — начал профессор лишенным интонаций голосом, — является планом изучения и исследования возможности больших изменений в геологическом строении Японского архипелага… Гипотеза о возможности таких изменений смутно возникла у меня в результате изучения собранных мною но этому вопросу материалов.

Профессор остановился, вздохнул.

— Речь идет о предполагаемых изменениях такого огромного масштаба, которые могут нанести непоправимый ущерб нашей стране… и даже о таких изменениях… в результате которых Японский архипелаг… может… вообще исчезнуть…

Слушавшие почувствовали озноб.

Взяв шариковую ручку, профессор постучал ею по карте.

— В настоящее время план Д состоит из плана номер 1 и плана номер 2. В зависимости от развития событий возможны еще и другие варианты. По плану Д-2 изучаются меры, которые необходимо будет принять для спасения японского народа и его материальных и культурных ценностей в случае наихудшего исхода. План Д-1 — это то, чем мы заняты сейчас.

Профессор, прижав руку ко лбу, на минутку задумался. Потом заговорил опять:

— Начну по порядку. Я занимался изучением подводных вулканов, особенно вулканов на дне Тихого океана, ими я занимался более десяти лет. Постепенно от подводных вулканов перешел к горным грядам на дне океана, потом область моих исследований расширилась — я заинтересовался геологической структурой морского дна, а затем и структурой глубинных слоев под дном океана… — профессор оперся руками о проекционный блок. — Я обратил внимание на то, что характер гравитационного поля в морях вокруг Японии по сравнению с данными десятилетней давности сильно изменился. Это показалось мне странным. Для подобных изменений такой срок слишком короток. Меня насторожила эта внезапность. Величина изменений составляла от десятков до ста миллигал, а область изменений переместилась на несколько сот километров на восток. Вместе с этим начали приобретать необычный характер геоток и геомагнетизм. Что же касается теплового потока, который под Японским морем всегда был большим, то он необычайно возрос. И тут к северу от островов Бонин исчез один островок. За одну ночь погрузился в морскую пучину клочок

земли, возвышавшийся на несколько десятков метров над уровнем моря. Совершенно загадочное явление.

Профессор Тадокоро посмотрел прямо в лицо Онодэры. Онодэра судорожно сглотнул.

— Когда я изучал это явление, мне в голову пришла еще одна мысль. И тогда я стал проверять возникшее у меня предположение. В настоящее время мы занимаемся тем же. А предположение состояло в следующем: не претерпевает ли внезапных изменений встречное перемещение вещества в мантии под Японским желобом?

— А что такое встречные перемещения вещества в мантии? — спросил Куниэда. — Объясните, пожалуйста.

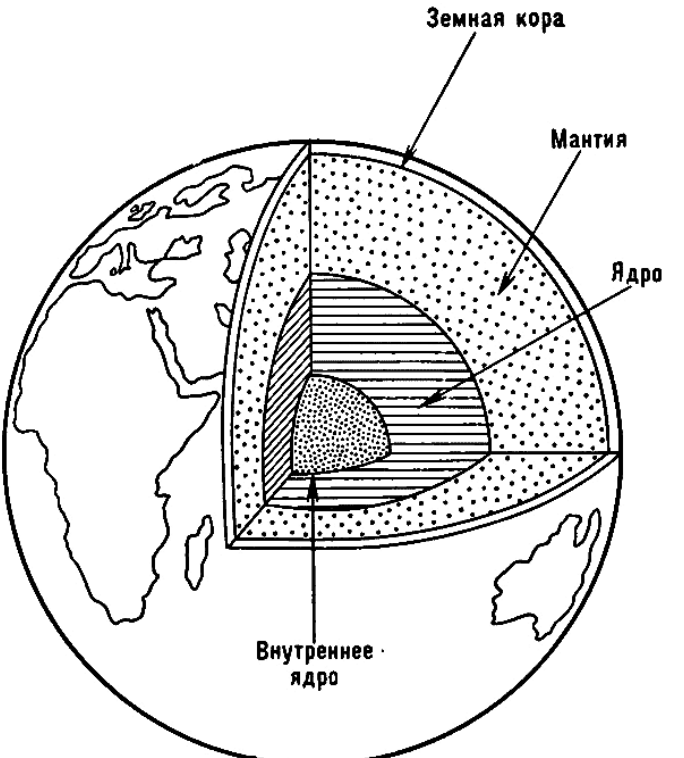
— Н-да… — свинцово-серое лицо профессора чуть оживилось. — Что же, можно. Среди вас есть и те, кто понимает, о чем идет речь, и те, кто имеет об этом весьма приблизительное представление. Что же, рассмотрим вкратце основные моменты.

Профессор нажал кнопку. Спустилась грифельная доска. Юкинага вспомнил лекции профессора, доставлявшие ему большую радость массой интереснейших побочных экскурсов. Профессор очень точно, словно циркулем, начертил мелом два круга — один внутри другого.

— В центре земного шара, словно яичный желток, находится его ядро, которое окружено мантией, самый внешний тоненький слой ее мы называем земной корой… Ну, это вы еще в средней школе учили! — профессор стукнул мелом по кругу. — Если быть точным, ядро делится на внутреннее и внешнее, так же как и мантия — на нижнюю и верхнюю. Земная кора в свою очередь делится на составляющие ее сима и сиаль. Между земной корой и мантией существует четко выраженная граница — слой Мохоровичича. Впрочем, эти подробности сейчас не важны. Считаемся, что мантия состоит из твердой массы, внешнее ядро из жидкой, а виутренее опять из твердой. К такой гипотезе привел характер распространения Сейсмических волн внутри земного шара. Разумеется, ядро состоит из тяжелой материи, мантия менее тяжелой, а земная кора из самой легкой. Давление в районе центра земного шара предположительно составляет три миллиона атмосфер, температура — шесть тысяч градусов по Цельсию, ближе к границе мантии — около четырех тысяч двухсот градусов, а в той части, где она граничит с земной корой — шестьсот-восемьсот градусов под материковыми массивами и максимум двести градусов под морским дном.

Кстати, толщина мантии составляет почти половину радиуса земного шара, то есть примерно две тысячи девятьсот километров. По сравнению с ней земная кора очень тонкая: на суше ее толщина не превышает тридцати километров, а на дне океанов — всего лишь пять километров, не больше. Материковые массивы возвышаются на мантии, как айсберги, разбросанные по рельефу симы. Это значит, что в таких местах, где есть высокие горы типа Гималаев или Анд, материк глубоко врезается в земную кору. Так называемая изостатика…

Рис. 1. Схематическое изображение структуры земного шара.


Земная кора
Мантия
Ядро
Внутреннее ядро

Онодэра слушал профессора, и порой ему становилось не по себе, казалось, пол под ногами вот-вот расплавится и потечет. Существует выражение «Прочен, как сама земля», а оказывается, человек ходит по тонюсенькой кожице этой ощетинившейся горами планеты, диаметр которой равен двенадцати тысячам семистам километрам. Все возникло на этой кожице — и человечество, и его цивилизация… и сама жизнь… А на дне океана всего пять километров… Толщина, немногим больше одной тысячной радиуса земного шара… С чем бы это сравнить?.. Ну да, детский воздушный шарик с его пленочкой в две десятых миллиметра!..

— Здравый смысл нам подсказывает, — продолжал профессор, — что состоящая из оливина мантия является твердым телом. Казалось бы, об этом свидетельствует и распространение в ней сейсмических волн. Однако в мантии существуют течения, наблюдаемые на протяжении длительных геологических периодов. Это позволяет нам предположить, что она находится в жидком состоянии. Впервые эту гипотезу выдвинул Холмс, профессор Эдинбургского университета, вслед за теорией передвижения материков Вегенера,

которая приобрела широкую известность в 1929 году. Холмс считал, что основным источником энергии для передвижения материков служат встречные потоки мантии. Но вскоре его гипотеза вместе с теорией Вегенера была забыта. Однако в последнее время, когда широко развернулось изучение дна океана, многие явления объяснить без нее стало прямо-таки невозможным. И это произошло независимо от выводов, к которым пришли в пятидесятые годы англичане Лаикерн и Блаккет: изучая вопросы земного магнетизма, они доказали, что передвижение материков действительно происходило. Уилсон из университета в Торонто вновь связал передвижение материков с энергией встречных потоков мантии. В общем мантия в своих глубинных участках течет со скоростью один-два сантиметра в год, а ближе к своей поверхности — со скоростью от двух до шести сантиметров, что приводит к значительным перемещениям земной коры, в особенности на дне океанов, и, по-видимому, служит причиной появления дугообразных горных гряд у краев материков… Катаока, пожалуйста, геологическую карту мира…

Катаока покрутил что-то на панели, и на проекционном экране появилась многоцветная карта

мира.

— Не лучше ли проецировать на прозрачный экран? — спросил Катаока. — Будет удобнее смотреть.

Стоя перед картой, появившейся на прозрачном экране, опустившемся с потолка так же, как грифельная доска, профессор Тадокоро продолжал:

— Дно океанов во всем мире стали изучать по-настоящему только в начале пятидесятых годов... — профессор шариковой ручкой указал на Атлантический океан на карте. — Когда было установлено, что величина геотермальных потоков на морском дне нисколько не отличается от их величины на материковых массивах, что опровергало существовавшие до этого предположения, вновь всплыла гипотеза о встречных потоках в слое мантии. Почти все геотермальные потоки в материковых массивах вызваны теплом, излучаемым радиоактивными элементами, содержащимися в гранитных образованиях материков. Однако оказалось, что и на дне океанов, представляющем собой базальтовые образования земной коры, существует такое же количество тепла, как и на материках. Ничего другого не оставалось, как предположить, что на дно океана тепло поступает из глубинных участков земно-

го шара. Предполагается, что в мантии почти совершенно не содержится радиоактивных элементов. А если даже допустить, что они там есть, то все равно тепло, возникшее при зарождении земли — то есть четыре с половиной миллиарда лет назад — на глубине всего нескольких сот километров, могло бы достичь земной коры только сегодня, так как теплопроводность мантии крайне низка. Невольно напрашивается вывод, что геотермальная энергия переносится на дно океанов из глубинных участков земного шара встречными потоками мантии…

Профессор провел шариковой ручкой по центральной части Атлантического океана.

— Между Американским и Африканским континентами Атлантический океан образует латинскую букву S. Такую же форму имеет Срединно-Атлантический хребет, который начинается за Северным полярным кругом у берегов Исландии и доходит до Южного полярного круга. Его ширина составляет тысячу километров, а высота — три тысячи метров.

Присмотритесь, если соединить западную береговую линию Европы и Африки с восточной береговой линией Северной и Южной Америки, они полностью совпадут. Именно это послужило

Вегенеру толчком для создания его теории перемещения материков, согласно которой материки Северной и Южной Америки после мелового периода начали перемещаться на Запад, отделившись от Европы и Африки.

Гигантская горная гряда, протянувшаяся от Северного полярного круга до Южного через весь Атлантический океан, так называемый Срединно-Атлантический хребет, привлекает внимание своими необычными свойствами. По середине этой гряды, высота которой, как я уже говорил, достигает трех тысяч метров, проходит глубокая трещина. В центральной ее части обнаруживаются необыкновенно высокие значения теплового потока, а эпицентры почти всех подводных землетрясений в районе Атлантического океана сосредоточены в ее вершинной части… Наблюдаются и другие интересные явления… На основании этих фактов Вильсон пришел к выводу, что именно здесь, в гребневой части хребта, проходит верхняя линия встречных потоков мантии, и выдвинул гипотезу, согласно которой потоки мантии, поднявшиеся в этом районе из глубин, разделились на два рукава и образовали гигантскую трещину на древнем материке Пангеи. Это и явилось основным источником энер-

гии, отодвинувшей на запад Северный и Южный американские материки. Дальнейшее изучение проблемы подтвердило вероятность этой гипотезы. Как впоследствии выяснилось, срединные океанические хребты, соответствующие разлому коры, то есть верхняя линия встречных потоков мантии, пролегают по дну всего Мирового океана… — профессор Тадокоро сделал паузу, потом, чуть понизив голос, продолжал: — Но в настоящее время связь между встречными потоками и подводной горной грядой подтверждают лишь косвенные доказательства. И хотя существование встречных потоков мантии становится все более очевидным, прямых доказательств этого еще нет… И вот я разработал один новый метод… он еще не опубликован… На основании этого метода мне удалось составить довольно точную карту встречных потоков мантии и открыть много до сих пор не известных явлений. И теперь я могу сделать широкие обобщения, дающие право прогнозировать возникновение некоторых совершенно новых явлений…

Юкинага почувствовал, как у него забилось сердце. Что произойдет, если опубликовать теорию профессора Тадокоро?… Это открытие было бы настоящей сенсацией! Однако именно сейчас

этого и нельзя делать. Да и гипотеза профессора может показаться совершенно чудовищной. Ведь речь идет о таком явлении, которое за тот короткий промежуток времени, в то человечество изучает свою планету, ни разу не наблюдалось. Но… может ли все-таки произойти такое явление… Юкинага даже сейчас не мог до конца в это поверить…

— Итак… — профессор Тадокоро повернул рычажок на панели, в центре карты теперь был Тихий океан. — Как же обстоят дела в Тихом океане…

Онодэра подался вперед.

Тихий океан!

Какой он огромный, какой величественный! Покрывает почти целое полушарие… Половина земного шара, омываемая водой…

И на водной глади гирлянды островов… Ни одного материка. Лишь по краям береговые линии континентов, причудливые как ветви лиан. На востоке огромные флексуры Скалистых гор и Анд. На севере — аксельбанты Алеутских островов, Курило-Камчатская и Японская островные дуги. А на западе… Запад украшен изгибом островов Рюкю. От середины Японского архипелага к югу тянутся Идзу-Бонинская и Марианская дуги,

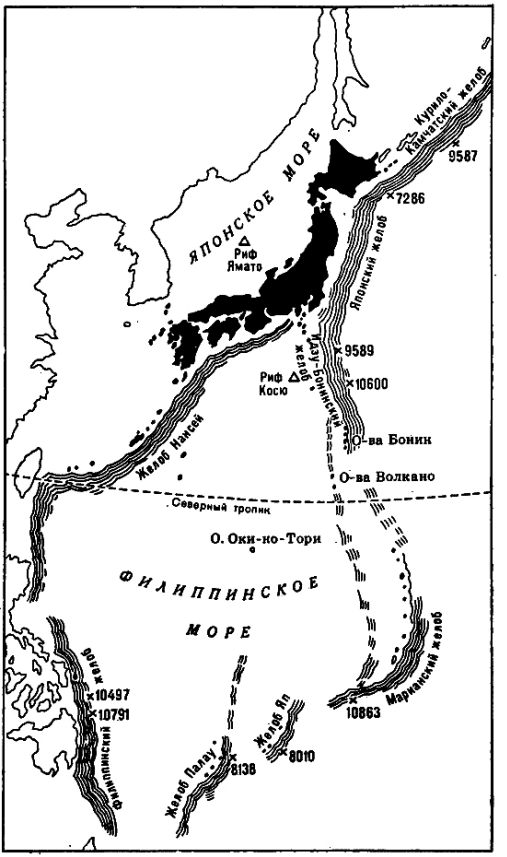
далее от Тайваня, Филиппинская дуга, а между ними раскинулось величественное Филиппинское море. В Южном полушарии у Новой Гвинеи берут начало островные дуги Соломоновых островов, Новых Гебрид и Новой Каледонии. Южнее с севера на юг, до Новой Зеландии, протянулись Самоа, Фиджи, Тонга и Кермадек. В западной части океана вдоль островных дуг в морское дно врезались гигантские глубоководные желоба.

— Потрясающе… — не в силах сдержать своих чувств выдохнул Катаока, глядя на ярко расцвеченную карту морского дна. — Мне и в голову не приходило, что морское дно изборождено такими глубокими, такими многочисленными морщинами!..

Онодэра живо повернулся к Катаоке:

— Видите ли, масштаб карты таков, что дает несколько преувеличенное представление о вертикальном расчленении дна. Но, конечно, гигантские горные гряды на морском дне не редкость. Их высота достигает нескольких тысяч метров, а протяженность — нескольких тысяч километров.

Рис. 3. Прилегающий к Японскому архипелагу район Тихого океана.


ЯПОНСКОЕ МОРЕ
Риф Ямато
Курило-Камчатский желоб
9587
7286
Японский желоб
9589
Риф Косю
10600
Идзу-Бонинский желоб
О-ва Бонин
О-ва Волкано
Желоб Нансей
Северный тропик
О. Оки-но-Тори
ФИЛИППИНСКОЕ МОРЕ
Филиппинский желоб
10497
10791
Желоб Палау
8138
Желоб Ял
8010
Марианский желоб
10863

Онодэру, словно магнит, притягивали борозды морских горных гряд в восточной части гигантского океана. Их выступавшие над водой вершины образовали острова или группы островов вулканического типа. К востоку от линии перемены дат, примерно со 150° западной долготы, все в том же направлении с севера на юг протянулись Гавайи, острова Лайн. В Южном полушарии их продолжением являются Маркизские острова, острова Туамоту и Общества. Под ними, затерянные в безбрежном океане, пролегают гигантские морские гряды.

А далее… Какой сложный, запутанный рельеф дна между линией перемены дат и Австралийским материком в Южном полушарии!

На тесном пространстве, начиная от Новой Гвинеи и кончая Новой Зеландией, по дну — под архипелагом Бисмарка, Соломоновыми островами, Новыми Гебридами, Новой Каледонией, Самоа, Тонга и Кермадек — параллельно друг другу проходит множество гигантских морских горных гряд. Не будь здесь океана, это место считалось бы великой горной страной. Да и к северу от экватора тянутся морские горные цепи, пусть не такие высокие, как в Новозеландском бас-

сейне, но все же с вершинами, выступающими над поверхностью воды и образующими острова Гилберта, Маршалловы и Каролинские острова…

— Смотрите, оказывается, в северо-восточной части Тихого океана не так уж много горных цепей, — пробормотал Катаока. — А это что такое? Словно канавы, протянувшиеся от Североамериканского континента до Гавайских островов и до островов Лайн… Да их много!..

— Это разломы, — сказал Онодэра и сам изумленно уставился на карту.

Морское дно на огромном пространстве от залива Аляски и до самой гряды Самоа было гладким и ровным. Однако по этому гладкому дну в направлении, близком к широтному, с востока на запад бежали разломы. Промежутки между провалами были почти равными. Казалось, земная кора потрескалась и трещины изрисовали морское дно от северного полушария до южного…

— Неприятное впечатление… — сказал Катаока. — Будто земной шар собираются нарезать колечками.

— Не знаю, как называется самый северный разлом, а разлом, который проходит примерно по сороковому градусу северной широты, — это известный разлом Мендосино. Чуть ниже нахо-

дится разлом Пионер, он изучен лучше других. А вон там, у берегов Мексики, начинается разлом Кралион. Чуть севернее экватора, примерно вдоль десятого градуса северной широты, идет зона разлома Клиппертон, это самый длинный из морских разломов. Он протянулся на три тысячи километров. Вон еще один, в южном полушарии, не знаю как он называется…

— Я продолжаю, — сказал профессор Тадокоро, беря указку и показывая на морской хребет у побережья Чили. — Дно Тихого океана, к сожалению, изучено недостаточно, одна из причин этого — его обширность. Но кое-что все же нам известно. Единая система срединных океанических хребтов тянется через весь Атлантический океан, переходит в Индийский и затем в Тихий. В последнем она известна как Южно-Тихоокеанское и Восточно-Тихоокеанское поднятия. Подводный хребет, как вы видите, с центральной части Индийского океана поднимается к северу, к западным берегам Индийского полуострова, образуя Мальдивские и Лаккадивские острова. Согласно гипотезе Вильсона, поток вещества мантии в области Срединного океанического хребта привел к тому, что Индийский материк был сдвинут к северу и столкнулся с Азиатским. В месте

стыка обоих материков возникли горы Гималаи. Поток вещества мантии и сейчас продолжает служить основным источником роста Гималайского хребта. Одна из ветвей Средййного хребта в Индийском океане тянется к Красному морю, образуя разлом между Аравийским полуостровом и Африканским континентом. Считается, что этот разлом в настоящее время расширяется. Далее ответвление хребта проходит через Эфиопское нагорье, через экватор в районе Уганды, Танзании и Мозамбика и образует Великие Африканские разломы — озера Рудольф, Альберт, Виктория, Танганьика, Ньяса, а также вулканические вершины Кения и Килиманджаро. Таким образом, Великий Восточно-Африканский разлом, тянущийся с юга на север на четыре тысячи километров, как бы отделяет восточную Африку от всего Африканского континента…

Указка профессора Тадокоро коснулась восточной части Тихого океана.

— Эта гипотеза предполагает, что приток вещества мантии в восточной части Тихого океана привел к образованию Южно- и Восточно-Тихоокеанского поднятий. Направление этого потока северо-западное, доказательством этому аналогичное направление цепочек островов Туамоту,

Лайн и Гавай, причем возраст вулканов на них по мере удаления на северо-восток увеличивается. Поток мантии, столкнувшись с массой мантийного вещества в этом районе, опускается и разветвляется, образуя специфическую морскую впадину большой протяженности, которую вы видите с восточной стороны дуги, составленной из этих островов. Существование пояса отрицательной гравитационной аномалии и пояса аномального теплового потока вдоль впадины считается доказательством того, что вещество мантии, более тяжелое, чем земная кора, и в большей мере насыщенное теплом, в этих местах далеко проникает в земную кору. Если все это так, о чем тогда свидетельствуют многочисленные островные дуги у западных границ Тихого океана? И как объяснить необыкновенную сложность рельефа морского дна вокруг Японии, Юго-Восточной Азии и в восточной части Океании?.. Почему существуют пояса вулканов и землетрясений вдоль многочисленных островных дуг?

В каюте царила абсолютная тишина. Все застыли. Резко прозвучал щелчок переключателя. На экране появилась увеличенная карта северо-западной части Тихого океана.

— В кольцевом Тихоокеанском сейсмическом

поясе, проходящем у побережий, глубина эпицентров землетрясений распределяется следующим образом: у островных дуг эпицентры залегают неглубоко, а по мере приближения к континенту их глубина увеличивается. В неглубоких местах они располагаются под углом в тридцать градусов относительно поверхности земли, а на средней глубине угол увеличивается до шестидесяти градусов. На основании этого можно предположить, что существуют своего рода градации угла наклона эпицентров. Приведу несколько примеров. Эпицентры глубокофокусных землетрясений, происходящих на Южноамериканском материке в Андах, залегают глубоко под горной грядой. Глубина эпицентров землетрясений в районе Яванского моря возрастает по мере приближения от Яванского желоба к острову Борнео. В Японии все эпицентры неглубинных и умеренноглубинных землетрясений располагаются на тихоокеанско-материковом склоне.

Посмотрим далее, как распределяются в Японии эпицентры глубокофокусных землетрясений. Эти эпицентры, находящиеся на глубине от четырехсот до семисот километров, располагаются параллельно вулканическому поясу Фудзи — он включает в себя Марианские острова, а также ост-

рова Бонин и Идзу, — пересекают центральную часть Японии и, выйдя в Японское море, тянутся к северу до Владивостока, где почти под прямым углом поворачивают на северо-восток и доходят до середины Охотского моря. Таким образом возникает весьма узкий пояс эпицентров. Прошу это запомнить.

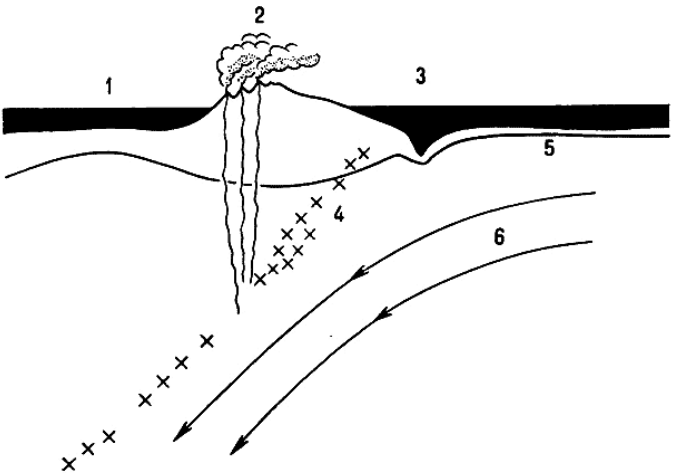
Под островными дугами западной части Тихого океана существует иррегулярный слой мантии, который можно считать то ли поверхностью сброса, то ли разломом. Этот слой глубоко — до семисот километров — уходит под сушу.

Считается, что материковая мантия по поверхности этого сброса поднимается в сторону океана. Там, где этот слой достигает земной коры, образуются островные дуги, или огромные флексуры, а вдоль них появляются вулканические пояса и «гнезда» эпицентров землетрясений с небольшой и умеренной глубиной залегания…

Рис. 4. Схема расположения эпицентров глубокофокусных землетрясений в районе Японских островов:

1 — Японское море; ***2*** — Японский архипелаг; ***3*** — Японский желоб; ***4*** — эпицентры; ***5*** — поверхность Мохоровичича; ***6*** — встречный поток

вещества мантии.



Указка профессора двинулась выше, скользнула по Японскому морю и опустилась к Южно-Китайскому и Филиппинскому морям.

— Пойдем далее. Почему с материковой сто-

роны этих островных дуг существуют морские бассейны, которые в настоящее время словно бы продолжают «развиваться»? И почему в центральных областях этих бассейнов существуют районы с необычайно высокими значениями теплового потока? По программе Международного Геофизического Года в 1965 году специальная группа ученых провела исследование районов землетрясений, в том числе обследовано и дно Японского моря. Согласно полученным данным, дно Японского моря по своей структуре является океаническим, с тончайшим слоем земной коры всего в двенадцать километров, а средняя величина теплового потока там составляет 2,7 калории в секунду, то есть превышает средние значения, равные 1,5 калории в секунду. Известно также, что в открытом море у острова Хоккайдо — со стороны Японского моря — существует участок, где тепловой поток в 1,7 раза выше среднего значения. А в Филиппинском море — правда, это мое частное мнение, основанное на личных наблюдениях, — хребет Кюсо-Пала, который берет начало в Молуккском море и тянется к северу через острова Палау до Окинодайто, тоже является участком, где наблюдается интенсивный тепловой поток. Подобный аномальный участок

существует и на севере, в Охотском море. Что это может означать? Для Японского моря допустимо, что существует частичное поднятие вещества мантии. К тому же это поднятие глубинного вещества вызвано смещением блока коры в направлении от материка в сторону Тихого океана, который, очевидно, и сдвинул Японский архипелаг к Тихому океану и изогнул его в средней части. Эти изменения с точки зрения геологического возраста происходили необычайно быстро. Иными словами, в третичном периоде, то есть всего двадцать миллионов лет назад, Японский архипелаг, вероятно, находился гораздо севернее, примерно на сороковом градусе северной широты, параллельно Приморью, да и форма его была не дугообразной, а походила на почти прямую цепочку. Но впоследствии перемещение блока коры в юго-восточном направлении привело к тому, что архипелаг был отодвинут далеко на юг и изогнут в центре. Таким образом, разлом разделил Японию на две части — северо-восточную и западную. Согласно современным данным, Японский архипелаг и сейчас продолжает передвигаться на юг со скоростью от одного до трех сантиметров в год. Я думаю, можно допустить, что именно в результате разлома возник вул-

канический пояс Фудзи… Почему же все-таки в морских бассейнах происходит частичное поднятие вещества мантии? Как вы думаете?.. Например, вы, Онодэра-кун?

— Э-э, я, возможно, ошибаюсь, но… — Онодэра растерялся от внезапно заданного вопроса. — Но, мне кажется, что когда поток вещества мантии со стороны океана ныряет под материк, то в этом месте в глубине происходит частичное поднятие мантии!..

— Да, это почти совпадает с моей точкой зрения. Приведу простой пример. Если воду, налитую в сосуд, нагревать на слабом огне, то в центральной своей части она начинает подниматься, а по краям опускаться; перемещение встречных потоков происходит медленно. Но, если нагревание производить при высокой температуре, точки кипения возникают по всей поверхности…

— Простите… — поднял руку Катаока. — Так как это надо понимать, слой мантии сейчас кипит?

— Хороший вопрос… — профессор Тадокоро медленно повернулся к нему. — Если к этой проблеме подходить с точки зрения геологических периодов, то есть чрезвычайно длительных во времени процессов, то необходимо отметить, что на большой глубине происходят резкие из-

менения во встречных потоках мантии. Однако об этой крайне важной для нас проблеме мы поговорим особо. Существуют еще другие данные, которые могут объяснить частичное поднятие, если хотите, «вскипание», вещества мантии на дне Японского моря. Как я уже говорил, дно Японского моря образовалось не вследствие провала материковой структуры, а вследствие развития земной коры океанического типа, но… кстати, Юкинага, ты ничего не хочешь сказать по этому поводу?

Юкинага покачал головой. Он понимал, к чему клонит профессор, но ему не доставало смелости высказаться.

— И все же, что на нашей планете дает наиболее ясное представление о поведении текучих тел? — опять спросил профессор, словно настаивая на своем предыдущем вопросе.

Юкинага внутренне содрогнулся. Вот в чем дело… ну, конечно…

— Атмосфера… — сказал он вдруг охрипшим голосом. — Но, сенсей…

— Очень хорошо! Ты, конечно, хочешь сказать, что все зависит от того, в каком состоянии находится тело. Но, пусть мантия тело твердое, однако в какие-то сверхдлительные периоды она начи-

нает вести себя как текучее тело. По-моему, в этом нет ничего странного. Она характеризуется теми же показателями, что и текучие тела. Проследить за изменениями, происходящими в атмосфере, нетрудно. Поэтому, чтобы уяснить поведение мантии, мы можем в качестве модели использовать атмосферу. Если существуют встречные потоки в мантии, то в поверхностных слоях мантии рассеяны массы с различной температурой, следовательно, они в течение длительных периодов могут вести себя так же, как и атмосфера. Разве нельзя этого допустить?

Все растерянно смотрели на обросшее щетиной лицо профессора Тадокоро.

Аналогия между атмосферой и встречными потоками в мантии… Легчайшее газообразное вещество, свободно и мгновенно перемещающееся в любом направлении, и тяжелая раскаленная масса… Кто мог вообразить, что в их поведении существует какая-то аналогия?…

— В данном случае я не стану приводить доказательства существования аналогии. Но, как бы то ни было, и то, и другое является текучим телом. Поэтому используем для объяснения подъема вещества мантии на каком-то участке, приводящего к частичному повышению теплового

потока, циклон. Представьте себе картину, когда передний фронт холодного циклона сталкивается с теплым воздухом…

— Вот оно что… — чуть слышно пробормотал Куниэда.

— Ага, вы, кажется, начинаете понимать…

Профессор начертил на доске горизонтальную линию, а над ней кривую. Внутри образовавшейся дуги он справа налево нарисовал стрелку.

— Это схема разрыва фронта холодного циклона. Нижняя горизонтальная линия — поверхность земли. Справа движется холодный воздух. Этот воздух как бы ныряет под теплый воздух, находящийся слева. Теплый воздух поднимается вверх и охлаждается, образуя вследствие конденсации паров облака. А если движется фронт теплого циклона, происходит обратное явление, то есть теплый воздух поднимается над холодным. В этом случае поток холодного воздуха полого опускается к земной поверхности. Это тоже прошу запомнить.

— Значит, справа холодный поток вещества мантии, проникающий под Азиатский материк, а слева слой вещества мантии из-под материка… — заключил Онодэра.

— Правильно, материк почти целиком состоит

из гранитных образований, где и сосредоточены все радиоактивные элементы, которые служат источником теплового потока. Следовательно, надо полагать, что масса материка способна сохранять термальную энергию в большей степени, чем масса океанического дна, образованного в основном из базальта с низким содержанием радиоактивных элементов. Да и толщина земной коры на материке гораздо больше, чем на дне. Она составляет около тридцати километров, то есть примерно в шесть раз превосходит толщину земной коры на дне. Так что тепловой поток в области материков достаточно велик, и тепло распределяется довольно равномерно…

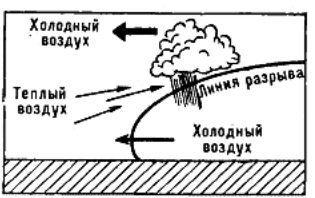
— Тогда получается, что у материков «холодные» потоки вещества мантии как бы подныривают, поднимая «теплые»? — спросил Катаока.

— Да, получается что-то вроде этого. При этом движение потоков вещества мантии происходит по тому же принципу, что и движение воздушных потоков при смыкании масс теплого и холодного воздуха, так называемой окклюзии циклона. В результате совершается поднятие встречных потоков вещества материковой и океанической мантий. Думаю, именно в таких случаях происходит образование морских бассейнов. Или

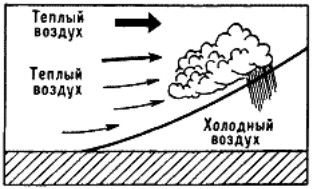
нет? Верхний слой мантии покрыт земной корой, масса эта довольно велика, так что мантия поднимается под углом к земной коре. Иными словами, «холодная» масса вещества мантии, врезаясь в земную кору, поднимается не прямо, а по наклонной. В результате этого вдоль древнейшей береговой линии материков Тихого океана образовались островные дуги, а разрывы между ними и материком положили начало возникновению внутренних морей и бассейнов.

Рис. 5. Сравнение движения потоков циклона и вещества мантии.

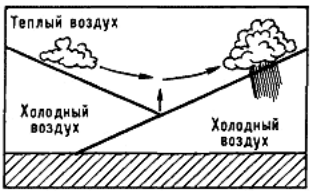
Фронт холодного циклона



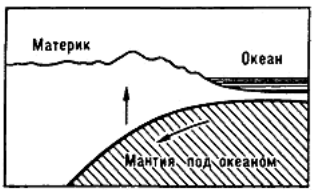
Фронт теплого циклона



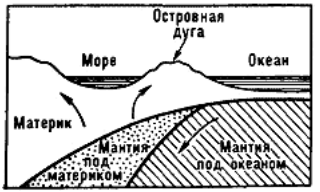
Фронты окклюзии (смыкания) масс теплого и холодного воздуха



Встречный поток вещества мантии



Эволюция морского бассейна



Все слушали профессора, затаив дыхание. Онодэра решился задать вопрос:

— Слой мантии, находящийся под глубокой частью дна океана, достигает материка достаточно охлажденным и, встречаясь со слоем, расположенным под континентом, образует морскую впадину, где величина теплового потока настолько понижается, что возникает частичная гравитационная аномалия. Правильно я понял?.. Но почему же тогда со стороны Североамериканского материка отсутствуют глубоководные желоба?

— Вспомните передние фронты холодного и теплого циклонов. Для переднего фронта холодного циклона характерно опускание масс воздуха под прямым углом. А в переднем фронте теплого циклона массы теплого воздуха поднимаются вверх по пологому склону холодных масс. Южная и северная части Нового света были отодвинуты

на запад конвекционным потоком в мантии, который, поднявшись, образовал Срединно-Атлантический хребет, расположенный по другую сторону континента. Поэтому в Атлантическом океане образовался желоб Пуэрто-Рико и глубоководный морской бассейн, чего не произошло со стороны Тихоокеанского побережья. Лишь на юго-востоке Тихого океана, в передней части Восточно-Тихоокеанского поднятия, которое считается местом поднятия перегретого вещества мантии, очевидно, тоже произошло опускание слоя мантии, вследствие чего образовался Перу-Чилийский желоб.

Отряхнув мел, профессор Тадокоро мгновение смотрел на схему, затем повернулся лицом к аудитории и глубоко вздохнул.

— Так, — произнес он, словно бы на что-то решившись. — Теперь, когда вы кое-что знаете, я хотел бы рассказать о признаках возможных внезапных изменений во встречных потоках вещества мантии у островов Японии…

По-видимому, задул ветер и на море началось волнение; каюта плавно кренилась то влево, то вправо.

В наступившей тишине вдруг явственно стали

слышными скрип корабля, шум ветра и грохот разбивавшихся о борт волн. Всем сразу стало как-то не по себе.

Онодэра, чуть склонив голову, прислушивался к внешним шумам. «Ёсино» шел на запад примерно со скоростью пятнадцати узлов в час. Должно быть, они скоро войдут в район островов Идзу… А что с населением острова Миякэ, на котором, как говорили, появились признаки извержения? Успел ли прибыть туда «Такацуки»?..

— Тадокоро-сенсей, — обратился к профессору до этого не проронивший ни слова Наката. — Вы можете сказать определенно, что же произойдет? Землетрясение?

Профессор Тадокоро в задумчивости медленно покачал головой.

— Землетрясение? Да, землетрясения тоже будут. И много. Но… если бы просто землетрясения!.. К ним в Японии привыкли, и их характер хорошо изучен. Самая большая величина энергии, выбрасываемой одним землетрясением, не превышает 8,6 балла, или 5-1024 эрг, все зависит от характера земной коры. Единица объема одного землетрясения сто пятьдесят километров… Из всех до сих пор зарегистрированных в Японии землетрясений самое большое произошло в 1933

году в открытом море недалеко от района Санрику, сила его составила 8,3 балла. Но я прошу вас крепко запомнить, что человечество стало серьезно изучать землетрясения, да и вообще свою планету, всего сто лет назад, а настоящие глобального масштаба наблюдения начались только в пятидесятых годах двадцатого века…

— То есть вы допускаете, что могли быть землетрясения, превышающие по своей силе 8,6 балла, просто человек их тогда не изучал? — спросил Юкииага. — Но ведь эта величина выводится на основании свойств земной коры…

— Ну, это тоже не совсем ясно… Современному человеку ведь всего несколько десятков тысяч лет. Так что никто не знает, какие невиданные явления могли происходить ранее, в эпохи, удаленные от нас на десятки миллионов лет. Да и сейчас еще не все следы изменений земной коры полностью изучены. Ведь всего за последние десять лет выяснилось, что ось вращения Земли перемещается, что магнитный полюс Земли за четыреста тысяч лет полностью переместился в противоположную сторону, что геомагнетизм, непрерывно сокращаясь в течение двух тысячелетий, совершенно исчезнет, в результате чего вся биосфера попадет под прямую бомбарди-

ровку космических лучей, особенно под прямое облучение частицами с высоким электрическим зарядом, излучаемыми Солнцем. Что касается наших знаний о Земле — мы знаем не больше того, если бы царапнули ее ноготком. Уж ты-то, Юкинага-кун, должен прекрасно это понимать! А если мы не представляем себе, что происходило в прошлом, и недостаточно знаем о настоящем Земли, то будущее…

Профессор Тадокоро говорил как в бреду. Его пальцы шарили по панели. Он нажал на какую-то кнопку. На экране появилась схема земного шара в разрезе. Внутреннее ядро, внешнее ядро, мантия, кора… в ней шло множество прерывистых слоев, изображенных разными красками. Профессор невидящими глазами смотрел на схему…

Каюта сильно накренилась, где-то хлопнула дверь.

— На Земле все время что-то происходило и происходит. А мы почти ничего не знаем об этом… — как-то странно пробормотал он. — Тем более… трудно сказать… что в дальнейшем произойдет… Может быть, нечто такое, что ни разу не происходило на старушке Земле за четыре с половиной миллиарда лет ее существования, нечто совершенно для нее новое и неиспытанное…

— А что это может все-таки быть? — спросил Онодэра. — Или вы хотите сказать, что произойдет такое, чего никогда раньше не происходило?

— Одну минуточку, — перебил его Наката. — Позвольте поставить вопрос иначе. Может ли произойти такое, чего никогда раньше не происходило?

— Да, такова история природы… — профессор обернулся к Накате. — Это не простое повторение. Появляется нечто совершенно новое… Оглянитесь на историю возникновения жизни на Земле. Внутри Солнечной системы рождаются десять планет. Величина их различна, но причины возникновения, по-видимому, одинаковы. Значит, одинаково все они и начинали. Но вот жизнь возникла лишь на одной планете. Явление, которое ни одна из планет в своем прошлом не испытывала. Предположим, что был какой-то разум, который наблюдал за этими планетами до возникновения жизни. Но если этот разум вообще не имел представления о жизни, не знал, что она такое, разве мог он её зародить?..

— Сенсей, вы собираетесь предсказать то, что совершенно невозможно предсказать? — спросил сбитый с толку Куниэда.

— Да. Полностью и точно предсказать не могу,

но такая возможность существует… — ответил профессор, взглянув на схему Земли в разрезе. — Прежде всего следует уяснить для себя, что мы не можем категорически заявить, что такие-то и такие-то явления не произойдут, потому что для них нет никаких предпосылок в наших неполных и несовершенных знаниях, полученных за исторически малый период наблюдений. Очень возможно, что раньше не происходили землетрясения, превосходящие 8,6 балла. Даже можно допустить — на основании полученных нами до сих пор знаний, — что землетрясения большей силы и не могут произойти. Однако явления, которые никогда не происходили раньше, в будущем не исключены. Например, что произойдет, если сгруппируется множество участков земной коры с максимально накопленной энергией в 5-1024 эрг и эти участки одновременно освободятся от накопленной энергии? Можно ли категорически заявить, что такое немыслимо?.. Будущее нельзя прогнозировать полностью и до мельчайших деталей. Даже в том случае, если полностью и в совершенстве знать прошлое и настоящее, как демон Лапласа…

— Сенсей, — сказал Юкинага, взглянув на часы. — Скоро обед. Нельзя ли вернуться к главной

теме.

— Да, конечно, — оторвался от размышлений вслух профессор. — Объясню вкратце. Итак, вы поняли, что мантия в отношении распространения сейсмических волн обнаруживает все признаки твердого тела, однако в пределах длительных отрезков времени можно говорить о ее текучести, а именно об образовании встречных потоков. Далее вам известно, что Японский желоб находится на том участке, где произошло опускание потока мантии, а Японский архипелаг — на стыке двух встречных потоков вещества мантии, со стороны континента и со стороны океана. Иными словами, картина следующая: Тихоокеанское побережье опускается вслед за опусканием блоков океанической коры, а масса материковой коры, восходя по встречному потоку, поднимает архипелаг. Вследствие этого за прошедшие тысячелетия Японские острова были выдвинуты далеко к югу, переместившись примерно на пятьсот-шестьсот километров. Таким образом, считается, что с начала третичного периода Японский архипелаг изогнулся примерно на сорок градусов…

Рука профессора нащупала переключатель, на экране появилась карта Японских островов.

Дрейфующая Япония!

Она и сейчас перемещается на юго-юго-восток со скоростью одного-двух сантиметров в год. А навстречу ей со скоростью четырех сантиметров в год перемещается мантия со стороны океана. Япония, перемещающаяся вопреки большой волне мантии! Если профессор прав, значит, Японские острова в начале третичного периода располагались у берегов Приморья но прямой линии и не были изогнуты, как сейчас, дугообразно на северо-запад и юго-восток. За пятьдесят миллионов лет архипелаг переместился к югу примерно на шестьсот километров. Если годичная скорость один-два сантиметра, такое перемещение и за такой срок — пустяки!

Японские острова, очевидно, формировались, словно грозовые облака, поднимаясь по «холодному» потоку мантии, который проникал со стороны океана под материк. Из-за этого опускание мантии происходило в еще больших масштабах, и в результате образовалась длинная морская впадина, которая, наверное, постепенно углублялась.

А центральную часть Японского архипелага с юга на север пересекает еще одна островная дуга, вещество мантии под которой неоднородно.

Вдоль дуги возвышаются вулканические острова, и на расстоянии двухсот сорока — двухсот пятидесяти километров к западу от этой лукообразной линии с высокими значениями теплового потока лежит параллельный ей эпицентрический пояс глубоко-фокусных землетрясений, очаги которых расположены на четырехсоткилометровой глубине. Вулканический пояс Фудзи заканчивается в центральной части Японии, а эпицентрический пояс глубокофокусных землетрясений, пройдя через Японский архипелаг, уходит под дно Японского моря и тянется до Владивостока, где, свернув на восток под углом почти девяносто градусов, простирается вдоль Приморья до Охотского моря.

Если расстояние между Марианской и Идзу-Бонинской островными дугами и лежащим на глубине четырехсот километров эпицентрическим поясом глубокофокусных землетрясений составляет двести сорок — двести пятьдесят километров (по поверхности), очаги землетрясений располагаются здесь вдоль плоскости, уходя в глубь Земли под углом 60°. То же наблюдается и на северо-востоке Японии!

Тогда, подумал Юкинага, допустимо, что эпицентрический пояс мелко- и среднефокусных

землетрясений северо-востока Японии лежит в плоскости под углом 34° к вулканическому поясу. Хотя в настоящее время вулканический пояс Японского архипелага отделяют от протянувшегося с востока на север вдоль Приморского побережья сейсмического пояса, связанного с глубокофокусными землетрясениями, пятьсот-шестьсот километров, надо полагать, в прошлом, до дрейфа Японского архипелага, расстояние между этими поясами не превышало двухсот километров, а возможно, было и меньше. Они располагались параллельно, как и сейчас. Угол наклона плоскости между вулканическим и сейсмическим поясами увеличился настолько, насколько Японский архипелаг был отодвинут на юг поднятием мантийного вещества в районе Японского моря, а когда этот угол глубоко под землей достиг предела, в более высоких слоях тоже произошел наклон плоскости, но под гораздо меньшим углом. Это и есть, наверное, значение угла наклона плоскости в тридцать четыре градуса, на которой — до глубины в сто километров — распределяются очаги мелкофокусных землетрясений…

…Юкинага вспомнил свой разговор с профессором об исчезнувшем за одну ночь острове и

почувствовал, как весь внутренне напрягается. Да, очевидно, он тогда был прав, необдуманно ответив на заданный ему вопрос.

Что представляют собой островные дуги в океане: возникли они в результате активного процесса горообразования или являются обломками материка, отодвинувшегося на запад? Во всяком случае Идзу-Бонинская и Марианская дуги образовались в результате активного, продолжающего развиваться процесса. Когда-нибудь через десятки тысяч лет, когда эти дуги будут отодвинуты на восток поднятием вещества мантии в районе Кюсю-Палауской гряды, берущей начало в середине Филиппинского моря… возможно, там поднимется гигантский архипелаг. Если, конечно, за это время не изменится характер встречных потоков вещества мантии.

Когда Юкинага дошел до мысли о возможности изменения характера встречных потоков мантийного вещества, он быстро взглянул на профессора Тадокоро. Вот в чем дело! Он может измениться?.. Внезапно? И за какое же время?

— Итак… — профессор Тадокоро, словно догадываясь о его мыслях, бросил острый взгляд на Юкинагу. — Когда Ланкорн из университета в Ньюкасле возродил гипотезу перемещения

материков на основании данных палеомагнетизма, помните, Юкинага-кун, как он объяснил странный факт внезапного перемещения Американского материка на запад, имевший место сравнительно недавно — двести миллионов лет назад, на границе юрского и мелового периодов?

— Помню… — сказал Юкинага, чувствуя, как у него пересыхает горло. — Вы имеете в виду модель Чандра Секала…

— Правильно. Проживающий в Америке великий индийский астроном произвел интересные расчеты. Взгляните-ка еще раз на схему. В центре земного шара вы видите ядро. Диаметр этого ядра в настоящее время составляет больше половины земного диаметра, около семи тысяч километров. Однако считается, что в эпоху рождения Земли это ядро было гораздо меньше. Одновременно со сжатием Земли в результате гравитации и повышением давления и температуры внутри планеты оно постепенно развивалось и увеличивалось. Но вместе с увеличением ядра изменялась и общая картина встречных потоков вещества мантии. Например, если в начале они представляли собой огромный водоворот с поднятием на Южном полюсе и опусканием на Северном, то вместе с увеличением диаметра ядра эти водово-

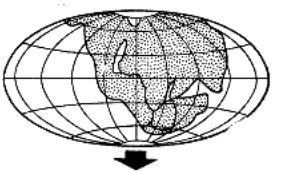
роты распались на водовороты, направленные с экватора к полюсам. Этот распад происходит не постепенно и непрерывно, а внезапно. Когда размеры ядра достигают определенной величины, образуется множество мелких водоворотов. И это доказано расчетами Чандра Секала…

Водя указкой по Атлантическому океану, профессор Тадокоро медленно и четко произносил каждое слово.

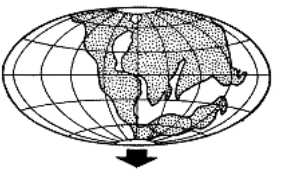
— Примерно двести миллионов лет назад Американский, Европейский и Африканский материки, составлявшие до этого единое целое, начали разделяться. Отсутствуют всякие геоморфологические следы, которые говорили бы о существовании перемещения материков до этого периода. Только в этот период составлявшая единое целое суша начинает внезапно распадаться и расползаться во все стороны. Все это свидетельствует о том, что плиты земной коры до сего момента были единой сплошной массой. А когда внезапно изменилась общая картина встречных потоков вещества мантии и они образовали множество мелких водоворотов, то и суша разделилась и как бы расплылась во все стороны…

Рис. 2. Перемещение материков по Вегенеру.

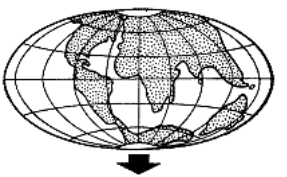
Поздний каменноугольный период



Середина третичного периода



Начало четвертичного периода



Настоящее время

Тон профессора стал гораздо спокойнее, голос тише. Однако слушатели чувствовали, кульминация близится. Все взгляды были устремлены на профессора, люди затаили дыхание.

Онодэра заметил, что у него вспотели ладони. Машинально потрогал лоб. Он тоже был влажным. Вот в чем дело, подумал он. Наконец-то он начал понимать, что мучило ученого, одержимого почти маниакальной идеей. Совсем недавно Онодэра с ним познакомился, а сколько произошло событий… Еще минута, и тайна раскроется.

Онодэра почти все уже понял сам… Однако у него не хватало мужества разорвать последнюю пелену тумана. И сейчас, весь застывший, окаменевший, покрывшийся холодным потом, он готовился услышать… нет, даже не услышать, а словно увидеть воочию нечто гигантское и жуткое…

— Ну что же… — глубоко вздохнул профессор. — Двести миллионов лет назад началось

перемещение материков... После того как закончился бурный период больших изменений земной коры, эпохальный период альпийского горообразовательного процесса в мезозойской и кайнозойской эрах, прошло шестьдесят миллионов лет, а после конца гринтаффского горообразовательного процесса, который, как считают, сопровождался невиданной на земном шаре вулканической активностью и в конечном итоге привел к определенной стабильности, прошло двадцать пять миллионов лет... Кто знает, может быть, сейчас мы вступаем в новый период больших изменений земной коры?.. Дело в том, что промежутки между периодами гигантских преобразований земной коры, такими, которые приводят к полному изменению не только рельефа суши и морского дна, но и биосферы, по-видимому, сокращаются. (Такой вывод напрашивается на основании четырех миллиардов шестисот миллионов лет истории Земли.) И главное здесь не в том, что эти промежутки делаются все меньше — от архейской эры к палеозойской, от мезозойской к кайнозойской, — а в том, что масштабы изменений делаются все больше и четче обозначаются. Правда, с такой точкой зрения не всегда можно согласиться из-за

недостаточно длительного изучения изменений… Увеличиваются не только масштабы самих горообразовательных процессов, изменений климата, свойств вулканических пород, но меняется даже общая картина эволюции живых организмов. Я считаю, что история развития нашей планеты характеризуется следующим: чем дальше, тем стремительнее происходят все изменения, начиная с самого центра Земли и кончая ее поверхностью, возрастает и амплитуда изменений.

Происходит не простое периодическое изменение облика Земли, не простое периодическое изменение земной коры, а появляются признаки «эволюции» самой Земли…

— А есть признаки новых изменений во встречных потоках вещества мантии в районе Японских островов? — нетерпеливо спросил Катаока. — Скажите, пожалуйста, что должно произойти с Японским архипелагом?

— Прошу вас крепко запомнить то, что я вам сейчас скажу! — профессор Тадокоро стукнул кулаком по столу. — Частично мы можем предугадать, что произойдет в будущем. По аналогии с тем, что мы наблюдали в прошлом. Но, повторяю, лишь частично. Предсказать точно никто

ничего не может. И все же нельзя утверждать, что если ранее что-либо не происходило, то оно не произойдет никогда! И действительно, каким опытом обладает современное человечество, история которого насчитывает всего несколько десятков тысяч лет? Что мы знаем об эре «до появления человека»? Что мы могли узнать всего за какие-то два века научных изысканий? Даже о горообразовательных процессах, которые считаются вехами в истории Земли, мы имеем смутное представление. Даже о таком близком прошлом, как гигантский горообразовательный процесс, имевший место всего двадцать пять миллионов лет назад, мы ничего толком не знаем. О его размахе можно судить лишь по отдельным признакам, сохранившимся в слоях Земли. Само человечество на собственном опыте его не испытало. Мы говорим «гигантские изменения в структуре земной коры», однако мы видим собственными глазами только их следы, так сказать, их мертвые отпечатки. Но что мы знаем о том, как жила тогда наша планета, какие потрясения испытала? То же можно сказать и о современных бедствиях. Ведь мы узнаем о настоящих масштабах катастрофы лишь тогда, когда она уже произошла… Итак, мы далеко не все знаем о великих переменах в

земной коре, которые происходили в прошлом. А то, что знаем, это всего лишь отражение этих перемен в пространстве и времени, то есть нечто, не вмещающееся в рамки жизни человека, век которого до смешного короток. Гора Сёвасиндзан на острове Хоккайдо вдруг начала в 1944 году расти и всего за один год поднялась на триста метров; в наиболее активные периоды скорость поднятия доходила до полутора метров в день. Однако это событие, совершенно необычное и поразительное для человека, никак, должно быть, не отразилось на геологической структуре Земли, не оставило никаких следов в ней. Мы наблюдали немало удивительных и страшных явлений. Взрыв вулкана Тамьора в 1815 году, самый грандиозный из известных в историческое время, убивший пятьдесят шесть тысяч человек… Взрыв вулкана Кракатау в 1883 году, погубивший тридцать восемь тысяч человек, его пепел поднялся в стратосферу на двадцать семь тысяч метров и в течение трех лет окутывал земной шар, что на десять процентов снизило поступление на Землю солнечного тепла и стало причиной всемирного неурожая… Взрыв вулкана Монтань-Пеле на острове Мартиника в Вест-Индии, в мгновение ока уничтоживший двадцать восемь тысяч жителей

города Сен-Пьер высокотемпературной ударной волной и тепловой массой, скорость которой превышала сто пятьдесят метров в секунду… И свежее в нашей памяти землетрясение Канто, при котором погибли сто тысяч человек… Для нас все это катастрофы невероятные, небывалые по своим размерам, а с точки зрения геологического времени это, очевидно, явления вполне заурядные, не оставляющие каких-либо заметных следов. Значит, наши представления об изменениях в земной коре в доисторические времена должны быть весьма смутными. И наших знаний об этом недостаточно, чтобы на основании их предугадать, какие неведомые, качественно новые изменения могут произойти в земной коре в будущем…

— В таком случае, — сказал Наката, — как же вы, профессор, собираетесь это сделать?

— С помощью интуиции и воображения… — резко произнес профессор. — Уж ты, Наката-кун, должен это понимать. Интуиция и воображение человека в строгом смысле слова наукой не принимается. Можно сказать, что наука еще не достигла такого уровня развития, чтобы точно и строго учитывать интуицию и воображение как один из научных «методов» познания. Хотя

именно они привели к скачку в современной науке, в частности в математике… И математика, и другие фундаментальные науки развились не только индуктивным или дедуктивным путем на основании исключительно накопленных знаний. Наоборот, неудержимая фантазия и воображение человека, способные обнаружить совершенно новые, никому не известные связи и формы, на основании совершенно незначительных данных привели к скачкообразному развитию фундаментальных наук. Разумеется, при этом была масса ошибок. Но некоторые теории, первоначально выдвинутые как гипотезы, к которым авторы пришли чисто интуитивно, впоследствии подтвердились и буквально перевернули современную науку. Теория наследственности Менделя, например, теория относительности Эйнштейна, квантовая теория Планка… Эволюционная теория Дарвина, хотя и имеет косвенные доказательства, однако строго научно «не доказана»: масштабы этой теории охватывают колоссальные временные отрезки, а эволюция является неоспоримым фактом. Я не собираюсь оправдываться. Хотя я знаю, что мои идеи никак не принимаются, потому что в определенных случаях я игнорировал систему,

организацию, действовал упрямо и, возможно, кое-кто считал меня грубым и несерьезным, а также знаю, что не могу научно обосновать картину, которую нарисовало мое воображение чисто интуитивно на основании нескольких, на мой взгляд, основательных признаков, но все же у меня крепнет убеждение, что это может случиться. Повторяю, возможно, таких изменений в земной коре никогда не происходило за всю долгую историю Земли. А если даже нечто подобное и было, то доказательства отсутствуют, их нет в тех данных, которые человечество до сих пор сумело собрать. Однако нельзя сказать, что определенное явление не может произойти, потому что оно не происходило в прошлом! Возможно, земной шар вот-вот вступит в совершенно новую фазу своего развития. Возможно, геоморфологические изменения в четвертичном периоде кайнозойской эры не имеют аналога в истории изменений прошлого, возможно, это явление будет новой страницей в истории нашей планеты. И это я предсказываю на основании движения вещества мантии, которая скрывается под нами, на глубине десятков километров!

Профессор топнул ногой.

— Мне кажется, его признаки начинают смутно

обрисовываться в тех данных, которые мы собрали до сих пор. Аналогов им нет. Я ведь только этим и занимался. А потом попробовал все вернуть к исходной точке, связал все разрозненные звенья, выявленные на основании совершенно различных параметров, и попытался получить общую картину. Чтобы связать разрозненные признаки, разработал несколько версий. И то, что Японский архипелаг отодвигается в сторону Тихого океана частичным поднятием вещества мантии под дном Японского моря, пока еще только гипотеза. Да и использование метеорологических явлений для объяснения встречных потоков в мантии есть всего только промежуточная гипотеза. Доказательств ее абсолютной верности у меня еще нет. Ибо для этого недостает данных. Но в конечном итоге все эти гипотезы являются только вспомогательными, чтобы связать между собой странные признаки. Невероятно быстрое перемещение к востоку пояса отрицательной гравитационной аномалии, тянущегося вдоль континентального склона Японского желоба, связанное с этим перемещение пояса геомагнитной аномалии и пояса аномалии теплового потока, признаки перемещения на восток наибольшей глубины самого Японского желоба, внезапное

частичное опускание континентального склона и сопровождавшее его внезапное исчезновение острова…

— Разрешите вопрос, — сказал Куниэда. — Почему же такие огромные изменения не вызывают цунами?

— Эти изменения внезапны, но в отличие от землетрясений не носят импульсивного характера. Перемещения совершаются плавно, со скоростью от десяти сантиметров до десятков метров в час, во всяком случае пока, — сказал профессор. — Если под водой передвигаться тихо, на поверхности волн не образуется. То же самое и здесь. Почти невероятно, что земная кора обладает такой эластичностью, но это факт, и ее перемещение происходит плавно, да еще беспрерывно. Установить существование таких перемещений можно, проследив в больших масштабах изменения в приливах и отливах… Правда, никто еще, кроме меня, этим не занимался, эти весьма незначительные на первый взгляд плавные изменения происходят почти незаметно, особенно для нас, японцев, не обладающих сетью наблюдательных станций, изучающих рельеф морского дна. Может, в этом и заключается главная особенность совершенно нового, небыва-

лого типа перемещения земной коры. Однако…

Профессор Тадокоро вдруг замолчал, закусив нижнюю губу и вглядываясь в макет Японских островов. В тягостном молчании прошла минута, другая…

— Тадокоро-сенсей, — нетерпеливо хриплым голосом спросил молодой Катаока. — Что же может произойти? Ну, внезапные перемещения во встречных потоках в мантии у Японских островов… а дальше что?

— А-а… — профессор поднял голову. — Сейчас я как раз думал, почему во встречных потоках в мантии происходят такие быстрые перемены. Почему мантия, которая считалась твердым телом, так быстро изменяется…

— Ну, это, по-видимому, из-за внезапности и прерывистости изменений течения мантии, связанных, как вы, сенсей, говорили, с развитием ядра Земли, — сказал Юки-нага. — Водовороты встречных потоков в мантии образовали еще более многочисленные мелкие водовороты… А если более точно, где-то в тихоокеанской части мантии, где-нибудь на глубине нескольких сот километров под корой, вещество мантии распалось или начинает распадаться на множество…

— Ну, это я понимаю, но не понимаю, почему

это происходит так быстро…

— Мне кажется, из-за неоднородности мантии внутри ее образовалось множество различных по теплоемкости поверхностей, и там, где происходит наибольшее накопление тепла, вязкость мантии резко понижается. Верно? — сказал Юкинага. — Мне, конечно, не все ясно… Но если проследить соотношение температуры и давления… Когда в связи с развитием ядра повышается температура глубинного слоя мантии и часть его сливается с жидкой частью внешнего слоя, на этой поверхности резко повышается давление и одновременно понижается точка плавления на поверхностном теплогенерирующем слое, так что тут вещество мантии, хотя и не начинает плавиться, но во всяком случае резко теряет вязкость. Возможно, именно в таких точках массы встречного потока начинают раскалываться. А может, и не только это…

— Как бы то ни было, в настоящее время вещество мантии на тихоокеанской стороне Японского архипелага, очевидно, в различных местах быстро и резко сжимается… — профессор Тадокоро постучал по экранному блоку указкой. — Возможно, это чревато изменениями совершенно нового типа, начавшимися в земной коре в миро-

вом масштабе, а возможно, это частное явление, касающееся только определенного района Земли. Одно можно сказать с уверенностью. Резкие перемены во встречных потоках в мантии на тихоокеанской стороне Японского архипелага — по тем данным, которые нам удалось получить, — пока носят чисто локальный характер, и, несмотря на резкость, масса материи, подвергшаяся изменениям, составляет незначительную величину по сравнению с общей массой мантии, оказывающей структурное влияние на Японский архипелаг. Однако если предположить, что скорость и направление изменений в дальнейшем сохранятся и величина подвергшейся изменению массы достигнет определенного уровня, то произойдет внезапное нарушение кинетического баланса между мантией и земной корой. И тогда… Японские острова… Короче говоря, для всей нашей страны результаты будут катастрофическими..

— То есть… что же это… что произойдет? — спросил Онодэра, чувствуя, как у него пересохло во рту. — Что станет с Японскими островами?

— Не знаю. Но вот над чем следует задуматься. Японские острова подвергаются такому давлению со стороны Японского моря, что пе-

ремещаются на юго-восток со скоростью одного сантиметра в год. С учетом этого, а также с учетом баланса между массой всех Японских островов и термальным давлением, неравномерным в отдельных глубинных участках, можно вычислить, что величина энергии, накапливающейся под Японией, составляет $2{,}5\ 10^{23}$ эргов. Эта величина совпадает со среднегодовой величиной энергии, высвобождаемой в Японии в результате землетрясений. Эта энергия, получающая выход во время землетрясений, и помогает Японскому архипелагу сохранить равновесие. Но если допустить, что эта энергия почти целиком уйдет на сжатие островов со стороны Японского моря… То есть если допустить, что Японские острова выдвигаются в направлении потока в мантии на тихоокеанской стороне, если острова поднимаются на него в форме обратного сброса… то, вероятно, встречные потоки в мантии со стороны Тихого океана противостоят этому давлению… Но если во встречных потоках в мантии, противостоящих этому давлению со стороны Тихого океана, произойдут внезапные изменения и давление со стороны Тихого океана уменьшится…

Онодэра, весь заледенев, смотрел в одну точку. Четко, словно на макете, ему виделись Японские

острова, поддерживаемые подпоркой со стороны Тихого океана… И вот эта подпорка рушится, рушится…

— Какого масштаба перемены вы предполагаете? — спокойным тоном спросил Наката.

— Не знаю! — резко, словно удар бича, прозвучал голос профессора. Он забегал по салону, сжимая и разжимая кулаки. — Почему мы трудимся, не жалея живота своего? Да потому, что и представить себе не можем масштабов катастрофы. И даже не знаем, когда она произойдет. Бесспорно только одно: природа не будет ждать наших расчетов и предсказаний. И единственное, что мы можем сейчас сказать, это то, что высвободившаяся энергия будет намного превышать ту энергию, которая до сих пор накапливалась и высвобождалась в Японии в результате землетрясений. По зарегистрированным до сих пор данным при одном вулканическом взрыве высвобождается энергия, равная 10^{27} эргам. Я думаю, общая масса всей высвобождаемой энергии составит на Японском архипелаге не менее 10^{30} эргов. Разумеется, такая энергия будет высвобождаться на одном участке, как при больших землетрясениях. Да и не обязательно единовременно. Возможно, общая картина землетрясений

будет совсем иной по сравнению с той, какую мы до сих пор наблюдали… Представьте себе, что повсеместно, одно за другим, будут происходить землетрясения силой от шести до восьми с половиной баллов. До сих пор такое считалось просто невозможным, а в дальнейшем это приобретет реальность. Однако землетрясения будут всего лишь побочным явлением. То, что может произойти, — явление гораздо более гигантских масштабов. И цепные большие землетрясения, которые на земном шаре приведут к огромным бедствиям, будут только частичным проявлением наступивших изменений. Так я думаю…

— Но что значит «явление гораздо более гигантских масштабов»? — ерзая от нетерпения, спросил Куниэда.

— В худшем случае… — профессор Тадокоро судорожно проглотил слюну. — В наихудшем случае бóльшая часть Японского архипелага окажется ниже уровня моря…

В каюте воцарилось леденящее молчание.

Снаружи по-прежнему бушевал ветер, волны резко бились о борт, судно начало нырять, и все же царила такая тишина, что, казалось, упади иголка, и все вскочат на ноги, словно от удара грома. Онодэра уголком глаза заметил,

что компьютер, мигая красными лампочками приема сигналов, начал регистрировать поступающие данные. Однако никто не обращал на это внимания. Затрещал телетайп, заработал факсимильный аппарат для приема схем. Но все в оцепенении продолжали сидеть на своих местах.

Каюту накренило. Из чьих-то пальцев выпал карандаш и с сухим стуком покатился по полу. Онодэра подумал было, что судно поднялось на волне, но крен увеличился, стало трудно удерживать равновесие. В чем дело? — подумал Онодэра. А-а, меняем курс. Лево руля… Крутой поворот. Или уже приблизились к намеченной цели? Онодэра рефлекторно поднял глаза на часы. До предполагаемого времени прибытия оставалось еще полтора часа. Однако судно продолжало крутой левый поворот. Левый… Еще, еще лево руля… Но это же поворот на сто восемьдесят градусов! Или что-то случилось?..

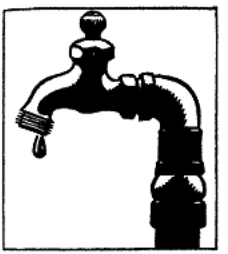
Вдруг судно выпрямилось. Все, освободившись от давившей на них силы, облегченно переглянулись. После поворота «Ёсино» продолжал идти, нисколько не уменьшив скорости. Шум волн, ветер, медленная боковая и килевая качка…

Вдруг из коридора донеслись торопливые ша-

ги. В дверь резко постучали. Кто-то попросил разрешения войти. Открылась дверь, загорелый молодой офицер, козырнув, протянул какую-то бумагу. Его рука едва приметно дрожала…

— Телеграфный приказ командования флота в Екосука, — взглянув на бумажку, сказал, чуть заикаясь, офицер. — В крае Канто произошло землетрясение большого масштаба. Эпицентр в открытом море на расстоянии тридцати километров от Токийского порта, сила 8,5 балла… Побережье заливов Токио и Сагами пострадало от цунами, Токио причинен значительный ущерб от толчков силой 6–7 баллов. Наш корабль согласно приказу штаба морских сил самообороны направляется в Токийский залив для оказания помощи…

Японский архипелаг



1

Это произошло, когда Ямадзаки собирался покинуть штаб плана Д-1, находившийся на шестом этаже здания в Харадзюку.

Было самое начало шестого. В шесть на пристань Харуми прибывал вертолет морских сил самообороны, на котором он собирался лететь на «Ёсино».

Секретаршу он отпустил ровно в пять, и они остались вдвоем с Ясукавой. Закончив писать

доклад в канцелярию кабинета министров, Ямадзаки убрал бумаги в портфель «дипломат» и позвонил любовнице. Это была двадцативосьмилетняя чуть полноватая модельерша из бывших хостэс. Ямадзаки с ней сошелся давно, еще тогда, когда она работала в баре на Синдзюку. С тех пор у нее осталась привычка поздно вставать, и в это время дня она обычно всегда бывала дома. Однако Ямадзаки никто не ответил. Он перезвонил еще и еще раз, но трубка молчала. У Ямадзаки слегка испортилось настроение; они уже довольно долго не виделись, и он хотел договориться о встрече после возвращения.

Может, отправилась куда-нибудь с очередным покровителем, подумал он.

— А время? Успеете? — спросил Ясукава, посмотрев на часы. — Скоро час пик, будут заторы.

— Ерунда, проскачу по скоростному шоссе до Сиодомэ, — Ямадзаки нехотя положил трубку, сильно потянулся и взял портфель. — Быстро обернусь. Ночью на волнах качаться.

Да, трудно вам, — сказал Ясукава, стуча по клавишам настольного мини-компьютера. — Я вот тоже сегодня на всю ночь остаюсь работать.

— Вам все же не следует забывать о здоровье, — Ямадзаки надел шляпу. — Вы еще очень молоды.

Машину я оставлю на стоянке у пристани, завтра съездите за ней на такси. Ключи в ящике моего стола.

Ямадзаки подошел к окну и посмотрел, много ли машин на улице.

День заметно сократился, над Токио уже сгущались сумерки. На западе горел кровавый закат, с востока наползали тяжелые свинцовые тучи, день был не по-осеннему душным. Но в свете загоравшихся неоновых реклам и уличных фонарей отчетливо обозначились признаки осени.

Второй раз за этот день город с двенадцатимиллионным населением вступал в часы пик.

Сотни тысяч, миллионы людей, одновременно выброшенные из контор и магазинов, с заводов и фабрик, направлялись на станции, стоянки такси, вокзалы, в рестораны, в увеселительные районы. Одновременно двигались сотни тысяч автобусов, такси, грузовых и личных машин. Платформа станции электрички Харадзюку, которая была видна в окно, уже заполнялась людьми. А по параллельной улице сплошным потоком мерцали красные огоньки машин.

Ямадзаки глубоко вздохнул, глядя на городской пейзаж, открывавшийся за окном. Настроение было не очень-то веселое, надоели бешеный

ритм работы и почти военный режим. А тут еще любовница как назло куда-то подевалась…

И вдруг над лесом Ёёги, над отдельными деревьями поднялись тучи черных точек. Голуби, воробьи, вороны… Все птицы взвились разом, словно охваченные внезапным безумием.

Ямадзаки, словно в безмолвном, полном изумления крике, широко открыл рот.

Десятки тысяч птиц взметнулись в темнеющее небо, а навстречу им из тяжелых свинцовых туч, затянувших восточный горизонт, побежали длинные зигзаги молний. Каждая вспышка высвечивала небо как экран.

— Послушай, Ясу-сан… — севшим вдруг голосом сказал Ямадзаки. — Иди сюда! Что это такое?

Он, не отрываясь, смотрел в окно. На востоке, прямо из гущи городских зданий поднялись к небу белые столбы света. Словно раскололась земля. Один, два, три… Столбы вырастали в разных концах. Из одного вылетел красноватый шар; описав в небе дугу, он начал падать вниз.

— Что случилось? — Ясукава приподнялся на стуле.

И тут последовал страшный удар снизу вверх. Вслед за ним — целая серия сокрушительных ударов, будто где-то глубоко под землей бил молотом

невидимый гигант. При каждом толчке поднимались в воздух чашки, чернильницы — все, что находилось на столах. Коробка с кнопками описала дугу в воздухе, и кнопки, рассыпавшись, плясали теперь металлическим дождем.

— Землетрясение! — воскликнул Ямадзаки и быстро посмотрел на часы. — Это… Такого сильного еще не было!..

Вертикальный толчок! — подумал он про себя. Но если первичная волна, которая обычно бывает едва ощутимой, достигла такой силы, значит, эпицентр где-то очень близко. И сейчас последует второй толчок, еще сильнее…

У них есть еще немного времени. Основное, горизонтальное сотрясение происходит вслед за вертикальным не сразу. Ведь скорость распространения вызывающих его поперечных S-волн меньше скорости распространения P-волн, которые вызывают первые вертикальные толчки.

И разрушительная сила горизонтальных толчков гораздо больше, чем вертикальных. Однако, чем ближе эпицентр, тем меньше промежуток между ними. Может быть, воспользовавшись паузой, сбежать вниз?

Но бежать было поздно. Где-то далеко загудела земля, словно одновременно дали залп несколь-

ко сот орудий, здание застонало, затрещало и заходило ходуном. Ямадзаки швырнуло на стену, потом на пол. В ладони впились рассыпавшиеся кнопки. Он попытался подняться на колени, но не мог встать даже на четвереньки. Пол раскачивался с сумасшедшей скоростью, и его бросало из одного конца комнаты в другой.

— Ямадзаки-сан! — раздался полный ужаса голос Ясукавы.

— Под стол! — заорал Ямадзаки. — Прячься под стол!

С грохотом свалился солидный книжный шкаф, из трещин на потолке и в стене посыпались куски штукатурки. Ямадзаки, кое-как прикрывая голову, с трудом подполз под один из столов. Бессмысленным взглядом он смотрел, как лопаются в стальных рамах стекла. Электричество погасло, свинцовое небо то вспыхивало багровым пламенем, то гасло, то вспыхивало снова.

Горизонтальные толчки на какой-то момент утихли, а потом возобновились с новой бешеной силой. Настольный клавишный компьютер с эластичным витым шнуром, пролетев через комнату, шмякнулся о стену рядом с Ямадзаки. Толчки на этот раз были гораздо сильнее. Теперь трещало и гудело все здание, с потолка валились

куски бетона. Ямадзаки почувствовал, что дыбится пол. Свалимся, почти равнодушно подумал он. Если семиэтажное здание, на шестом этаже которого ты находишься, рухнет, на спасение надежды нет. Вместе с кусками бетона тебя сбросит на землю…

Оконные рамы раскачивались с протяжным металлическим скрежетом, потом Ямадзаки увидел, что они медленно отделяются от оконного проема. Смерть… — холодно подумал он краешком сознания. Как глупо… жизнь-то у меня была совсем никчемная…

Грохот стал постепенно утихать. Иол накренился градусов на семь, в полутьме комнаты висело густое облако пыли. Когда Ямадзаки попытался выползти из-под стола, что-то преградило ему путь. Оказалось, что стол накрыл рухнувший кусок потолка.

В падающем из оконного проема свете комната являла собой жуткое зрелище. Сквозь взвешенную в воздухе пыль виднелись потрескавшиеся стены, на потолке зияла дыра, на полу валялись огромные куски неизвестно откуда взявшегося бетона, все шкафы, полки и столы превратились в груду обломков. Практически комнаты не было — кругом царил первобытный хаос. Словно в

пещере, где произошел обвал… Даже каким-то чудом уцелевшие предметы вдруг предстали в грубой и беспомощной наготе: исчезла изящная оболочка, приятная глазу окраска, облицовка, полировка.

— Ясукава… — хрипло позвал Ямадзаки. — Ты жив?

— Жив… — раздался едва слышный ответ. — Чем-то меня стукнуло по голове, но я жив.

Комната опять медленно закачалась. Чудом державшаяся на одном гвозде полка вдруг со страшным грохотом свалилась на пол.

— Что будем делать? — спросил Ясукава испуганным и беспомощным, как у ребенка, голосом. — Что нужно делать?

С улицы донеслись потрескивающие и похлопывающие, похожие на выстрелы звуки. Издали наплывали не то вопли, не то стоны людей. К запаху пыли примешался запах гари. Ямадзаки инстинктивно почувствовал опасность.

— Надо убираться отсюда! — сказал он. — Могут быть повторные толчки. Оставаться здесь опасно.

— Лифт, верно, не работает? А лестница цела?

— Не знаю. Если только дверь открыта, лучше по пожарной…

Голова Ямадзаки была под столом, в бок ему упиралось что-то твердое. Пятясь задом, он едва выбрался из-под стола. Зацепился рукавом за что-то острое, пиджак треснул у проймы.

— Сумеешь вылезти? — спросил он Ясукаву.

— Да, но уберите, пожалуйста, этот шкаф.

Стальной шкаф с раскрытой дверцей лежал между стеной и столом, под который нырнул Ясукава. Ямадзаки чуть отодвинул стол, и Ясукава с трудом выполз из-под него. Кровь из раны на лбу залила ему пол-лица.

— Вытри… — Ямадзаки протянул платок.

— Да ничего… — сказал Ясукава, тыльной стороной ладони вытирая лоб. — А мы сумеем выйти?

— Нужно выйти, — Ямадзаки показал на дверь.

— Если начнутся еще толчки, здание может не выдержать. Этакая железобетонная громада и так перекосилась, — недоверчиво произнес Ясукава. — Может, строители напортачили?

— Я думаю, подземный оползень.

Комнату озарило огнем. Понимая, что сейчас не до этого, Ямадзаки все же невольно потянулся к окну. Горели столкнувшиеся машины. Их было три. Видно, в средней загорелся пропан. Раздался взрыв, пламя взметнулось высоко вверх.

— Лестница не годится. Обрушился потолок и некоторые пролеты…

Запах гари со стороны лестничного проема усилился. Ямадзаки вспомнил, что на первом этаже здания находится небольшой ресторан. Возможно, там загорелось масло…

— На пожарную лестницу! — крикнул он вдруг.

Выход на запасную лестницу был в конце короткого коридора. Под ногами хрустело стекло рухнувших перегородок. В полутьме можно было различить трещины на потолке и стенах. Ямадзаки зябко поежился.

Огнеупорная стальная дверь на запасную лестницу перекосилась и никак не хотела открываться. Ямадзаки ударил в нее плечом. После второго удара дверь подалась, и он едва не вылетел наружу. Но Ясукава, тонко взвизгнув, схватил его за рукав пиджака. В лицо пахнуло дымом и жаром. Горел кафетерий в соседнем трехэтажном деревянном доме. Из его окон выглядывали языки пламени. Полумрак внизу был наполнен беспорядочным топотом, стонами, криками. На станции Харадзюку вдоль перекосившихся рельсов и сошедшей с них электрички потерянно метались люди. Выли сирены пожарных машин.

— Быстро! — крикнул Ямадзаки и побежал вниз по железной винтовой лестнице. Под ногами раздражающе грохотали ступеньки, за спиной слышались шаги Ясукавы. Лестница вместе со зданием накренилась, и неверный шаг грозил падением. Когда, кружась, прошли пятый и четвертый этаж и дошли до третьего, небо и земля опять загудели.

— Осторожно! — истошно закричал Ясукава. — Ямадзаки-сан, осторожно!

Ямадзаки упал на спину, сильно ударился бедром и покатился вниз. На секунду он удержался на площадке, попытался подняться, но это ему не удалось — ступеньки качались и гудели, как гигантский гонг. Он едва сумел ухватиться за поручни. Повторный толчок был такой силы, что, казалось, небо и земля с диким воем смешались в одном водовороте. Деревянный дом, находившийся всего в нескольких метрах от них, развалился словно карточный. По щеке царапнуло не то осколком черепицы, не то куском железа, взвился столб огненных искр. В гудящем серочерном воздухе запасная лестница тряслась с таким звоном, что казалось, вот-вот лопнут барабанные перепонки. Сотни железных листов и труб, прикрепленных к бетону, Дрожали, плясали, готовые

оторваться и рухнуть в бездну.

— Ясукава! — во весь голос заорал Ямадзаки. — Держись, Ясукава!

Он сам не понял, кому он это кричит, Ясукаве или самому себе. Ямадзаки изо всех сил держался за трясущиеся, как пневматический молот, трубчатые поручни. Но голова его была удивительно ясной. Он смотрел на стену и думал, что лестница, наверное, не оторвется. Потом он глянул вниз и даже испытал чувство удивления: земля на улице раскололась и один край разлома был выше другого. Разлом бежал в сторону железнодорожной линии с перекореженными рельсами. Запахло газом. Оглушительно грохнул взрыв, и из земли вырвалось бледно-голубое пламя. Ямадзаки, разинув рот, смотрел, как высоко в небо, словно листок бумаги, поднялась чугунная крышка люка. Похожее на башню здание, построенное в конце пятидесятых годов, клонилось все сильнее и сильнее…

Землетрясение, обрушившееся в этот день на южные части префектур Тиба и Ибараги, Токио и Иокогаму, произошло тогда, когда только-только загораются фонари и начинаются вечерние часы пик. Поэтому человеческие жертвы были огром-

ны. Особенно много народа погибло на токийских вокзалах в Маруноути, Юраку-тё, Канда, Рёгоку, Уэно, Икэбукуро и Синдзюку. Люди, застигнутые внезапным толчком на улицах, не могли устоять на ногах, началась давка, паника, а сверху на обезумевшую толпу посыпались тысячи стекол, кирпич, рекламные щиты. На станциях творилось нечто невообразимое. Людей сбрасывало с платформ, поезда, подходившие с интервалом в несколько минут, врезались друг в друга, вагоны вставали на дыбы, падали. На улицах, образуя огромные кучи, сталкивались потерявшие управление машины, некоторые заносило прямо на тротуар.

В подземке сразу прекратилась подача электроэнергии, и люди, оставшись в кромешной тьме, испуганно метались, кричали, рыдали, давя друг друга. А тут еще прорвалось дно какой-то реки, и в метро хлынула грязная жижа. На подземных улицах, сетью пронизавших привокзальные районы, возникли пожары — загорелся облицовочный пластик, в багрово-черной мгле расстилался удушливый ядовитый дым. Здесь, под землей, был сущий ад. У Яэсугути, в четвертом квартале Гиндзы, на перекрестках Хибия, Синдзюку, Сибуя, Икэбукуро, Уэно и Рёгоку тоже произошли массо-

вые столкновения машин, причем загоревшийся бензин вызвал взрывы автомобилей, работавших на пропане.

Машины, мчавшиеся по хайвэям, налетали друг на друга, врезались в столбы. Многочисленные подземные автострады превратились в закупоренные дымоходы. Если одна машина внезапно тормозила, на нее налетал поток задних.

Да и на автодорожных эстакадах было не лучше. Машины, потеряв управление, перескакивали через разделительную полосу и вклинивались прямо во встречный поток, сшибали барьеры. А на эстакадах в районе западного Канда, где, кроме крутых поворотов, множество спусков и подъемов, при первых вертикальных толчках машины взлетели в воздух. Градом сыпались вниз и машины с эстакад, построенных над засыпанными реками: у них мгновенно рухнули все опоры. Бензин из продырявленных баков загорался от первой искры.

В прибрежных районах Токио, сплошь застроенных жилыми домами, в районах многоквартирных домов Бункё, Синдзюку и Сибуя, а также в промышленных районах Эдогава и Курода пожары начались в буквальном смысле слова в мгновение ока. Дело в том, что повсюду горел

газ — готовились к ужину. Этой же причиной был вызван огромный пожар в 1923 году, только тогда землетрясение произошло в обеденные часы. В районе Это обрушились мосты; из-за резкого колебания почвы и провалов прорвало дамбу и район затопило водой. Пожары начались сразу в десятках мест, да еще загорелась разлившаяся по поверхности воды нефть. Кроме того, в этом районе было много мелких предприятий и мастерских по производству изделий из синтетических материалов, так что при пожаре выделялось много ядовитых газов. Спасшиеся от огня погибали от них. Впоследствии выяснилось, что только в этих районах мгновенно погибло четыреста тысяч человек.

Бедствия посыпались и на портовые районы Харуми, Синагава, Омори. На побережье рухнуло несколько нефтехранилищ, и от первой же искры начался пожар. В аэропорту Ханэда перевернулся при посадке и загорелся реактивный лайнер международной линии. Пришвартованные суда бились о причал, рассыпаясь на глазах, склады Сибаура тоже охватил пожар.

Заключительным аккордом явилось страшное черное цунами…

Как всегда бывает при землетрясениях, все

это произошло по всему огромному городу одновременно, за считанные минуты. Меньше других пострадали районы Тиода, Сибуя, части Ёёги и Минато и районы, достаточно далекие от центра.

Землетрясение, слепая сила, вырывающаяся из утробы Земли, обрушивается на людей внезапно, наполняя ужасом сердца, парализуя волю и разум. Человек целиком оказывается во власти инстинкта самосохранения и почти никогда не бывает способен на хладнокровные действия. Сотни тысяч людей одновременно теряют рассудок. Это умножает бедствие.

Когда-то японцам, из века в век страдавшим от землетрясений, наводнений, пожаров, была свойственна известная «культура» в борьбе со стихийными бедствиями, но послевоенные поколения ее утратили. Оказалось, что городские жители, особенно токийцы, вообще не знали, что надо делать в случае катастрофы, хотя в периоды затишья об этом немало говорили. Огромный город жил напряженной жизнью, люди в бесконечной погоне за хлебом насущным и за наслаждениями старались не думать о черном дне. Многомиллионный человеческий улей бурлил, кипел, радовался, печалился и забывал

— не хотел помнить! — что однажды может грянуть беда.

С землетрясением не справишься. А пожар? Ведь с ним можно бороться. Однако огонь безумствовал в районах сплошных жилых застроек. Из кухонь он вырвался на улицу, пожирая все на своем пути. Повсюду в панике металась охваченная ужасом толпа. В результате тысячи людей были задавлены и затоптаны. В охваченном огнем нижнем городе вытащенная на улицу мебель помогала распространению пожара. Спасаясь от пламени, люди бросались в вонючие пруды и реки, но с берега наступали все новые и новые толпы, и тесные городские водоемы вскоре превратились в огромные братские могилы. К ночи задул ветер, огонь взвился к небу, разметался вширь, грозя нижнему городу полным уничтожением. Как только началось землетрясение, все пожарные части столицы получили чрезвычайный приказ выехать к месту бедствий. Однако лишь отдельным пожарным машинам удалось добраться до горящего центра — улицы мгновенно сделались непроезжими. В районы, пострадавшие в меньшей степени, проскочить было проще, но и там пожарники не могли оказать ощутимой помощи — не было воды. Почти

все реки засыпало, а пожарные краны не действовали. Прекратилась подача электроэнергии. Работу пожарных затрудняли беспорядочно мечущиеся люди. Случалось, водителя врезавшейся в толпу машины выволакивали из кабины, избивали и затаптывали, превращая в кусок кровавого мяса.

— Ничего нельзя сделать, — в ужасе докладывал пожарный, держа совершенно бесполезный шланг.

Командир хватался за трубку радиотелефона:

— Динамит, где динамит? Что вы там прохлаждаетесь?! Что? Машина не может сдвинуться с места? Толпа? На себе тащите! На горбу! Да побыстрее, черт возьми!

Опять толчки. На этот раз несравненно слабее, но у людей чувство опасности уже обострилось до крайности, и потерявшая голову толпа вновь с воплями бросается бежать.

— Всех просим эвакуироваться! Здесь опасно. Немедленно эвакуируйтесь в сторону Такэбаси, — орал громкоговоритель на пожарной машине. — Приступаем к взрыву строений для подавления огня. Просим эвакуироваться!..

Наконец-то прибыла бригада подрывников и бросилась в бушующий огонь с шашками динамита. Цель — огромный двухэтажный пакгауз и железобетонное фабричное здание. Пакгауз уже загорелся.

— И мост взорвите, — осипшим голосом приказал командир отряда.

— А оттуда все еще бегут… — обернулся к нему один из членов бригады.

— Неважно, подготовьте все к взрыву… — захрипел командир. — Приказ!

Со стороны моста бежали пожарники со шлангами, спеша укрыться за отступавшими машинами. Взрыв грохнул, отдавшись тупой болью в животе, и пакгауз исчез в сером дыму.

В перекошенную, полуобвалившуюся, засыпанную песком и пылью резиденцию премьер-министра вошли мертвенно-бледные председатель Комитета общественной безопасности и министр

здравоохранения. Премьер был не один. С ним были министр промышленности и торговли и начальник Управления силами обороны.

— В районах Канда и Синдзюку происходят столкновения между толпой и отрядами оперативных сил, — сказал министр здравоохранения. — Я, конечно, понимаю, что людей не хватает, но мысль использовать оперативные силы не совсем удачна.

— Сейчас не время думать, удачная или нет, — возразил ему министр промышленности и торговли.

— Часть оперативных сил заменим отрядами самообороны, — сказал начальник управления обороны. — Только что поступила просьба от мэра и комиссии по защите от бедствий. Строительные и транспортные полки первой дивизии уже введены в действие. Обычные корпуса тоже, однако оружия у них нет ни у кого…

— А не опасно это? — нахмурил брови председатель Комитета общественной безопасности. — Население, скажем прямо, охвачено паникой.

— Неважно! Идут спасать соотечественников. Я сказал им — исполняйте свой долг, умрите за соотечественников! Умрите безоружные, если придется умереть, а мы с честью вас похоро-

ним… — начальник управления, видно упрямый и твердый человек, часто замигал глазами. — Вы тут говорили о мобилизации сил самообороны для охраны общественного порядка. А я категорически возражаю! Это надо оставить на крайний случай, на самый крайний! А пока силы самообороны будут действовать только и только как спасатели. Мы уже мобилизовали и первый воздушно-десантный корпус Нарасино и десантный полк Касумига-сэки с единственной целью использовать их на спасательных работах…

— Но, по словам начальника департамента полиции, положение кое-где очень неспокойное… — заглядывая в лицо премьера, сказал председатель Комитета общественной безопасности. — Кажется, ваша резиденция тоже находится под охраной сил самообороны?

— Только двор, — ответил секретарь премьера. — А с улицы резиденция охраняется полицией.

— Я тоже считаю, что мобилизовать силы самообороны для охраны общественного порядка можно только в крайнем случае. В этом отношении я согласен с начальником Управления обороны, — сказал премьер. — Если опасность возрастет, эвакуируемся. На заднем дворе стоит

вертолет сил самообороны.

— Ну, столица столицей, а что творится в Тиба и Иокогаме? — озабоченно спросил министр здравоохранения. — Говорят, там цунами вовсю разгулялось. Очень большой ущерб…

Опять загудела земля. Комната закачалась, откуда-то донесся шум посыпавшейся штукатурки.

— Точных сведений пока нет, но ущерб, кажется, действительно очень велик, — сказал премьер, глядя на часы. — Районы побережья от Токио до Иокогамы и полуостров Миура, говорят, почти полностью уничтожены. Тихоокеанская сторона полуострова Босо не очень пострадала, но и туда для спасательных работ направлены силы морской самообороны.

За окнами было совершенно темно, лишь кое-где небо озарялось сполохами пожаров. Ветер то и дело доносил топот бегущих людей, гул моторов, окрики караульных. И надо всем этим как морской прибой бился стон, исторгнутый человеческой плотью, умиравшей где-то на дне ночи…

— Депутаты начинают понемногу собираться, — сказал министр промышленности и торговли, сжимая телефонную трубку. — А что там с министром финансов? Цел? Когда он сможет прибыть? Послали за ним вертолет?.. Чрезвычайное

заседание кабинета министров начнется через тридцать-сорок минут…

Вошел секретарь и сообщил, что прибыли лидеры основной и двух других оппозиционных партий. Они хотят встретиться с премьером.

— Куда же это годится, — нахмурился министр здравоохранения. — Ведь скоро заседание кабинета…

— Нет, я встречусь с ними, — сказал премьер. — Тут уж не до отговорок.

Прибежал радист и передал премьеру телеграмму. Премьер нахмурил брови.

— Гм… — промычал он. — Однако нам сейчас не до этого.

Он вернул телеграмму секретарю.

— Передайте начальнику канцелярии, как только он появится, и попросите сохранить.

Завыла сирена. Мимо резиденции в сторону Миякэдзака промчалась не то машина скорой помощи, не то пожарная машина. Прислушиваясь к сирене, премьер направился в кабинет, где ждали главы оппозиционных партий.

С наступлением ночи землетрясение, давая отдельные толчки, постепенно пошло на убыль, однако пожары не стихали, распространяясь все шире. Электричества не было нигде, и в черноте

ночи огонь выглядел особенно зловещим. Его никто уже не пытался тушить, над столицей висело багровое зарево, и людям казалось, что горит вся земля. В прибрежных районах пылали хранилища нефти, керосина и химического сырья, ярко-красный огонь лизал небо, окрестности тонули в черном смрадном дыму. Ветер доносил искры даже до районов Сиба и Хибия. Люди, спасаясь от нестерпимого жара, бежали на восток. На площади перед дворцом собралась многотысячная толпа, а народу все прибывало.

На темных улицах центра единственным источником света были фары машин скорой помощи. Несколько зданий в Маруноути перешло на собственное электроснабжение, но таких были единицы. Мощные толчки вывели из строя почти все малогабаритные электростанции. Измученные, обезумевшие от ужаса люди искали укрытия в парке Сиба, в лесах и на площадях Ёёги. Сначала там задержались в надежде переждать землетрясение возвращавшиеся домой служащие, потом появились погорельцы, успевшие захватить с собой самое необходимое…

Ни государственные, ни частные железные дороги не работали. Часть подземки горела, часть была затоплена водой. Улицы и дороги по-преж-

нему оставались непроходимыми из-за пожаров, руин, скоплений мертвого автотранспорта. Хайвеи не действовали. Жар пылавших на них машин был настолько сильным, что, растекаясь потоками, плавился асфальт. Взрывы газа в подземных коммуникациях все еще подбрасывали порой тяжелые крышки люков; вода из прорванных труб, сталкиваясь с огнем, превращалась в клубы горячего пара.

Когда Ямадзаки окончательно пришел в себя, он понял, что находится в лесу у храма Мейдзи. Должно быть, он вывихнул ногу. При каждом шаге тупая боль пробегала по лодыжке. Даже это он почувствовал только сейчас. Ямадзаки огляделся, Ясукавы рядом с ним не было. Спереди, сзади, слева и справа торопливо двигались истерзанные, запыхавшиеся, покрытые грязью и пылью люди. Стоны, плач. Кто-то с громким воплем пробежал мимо и скрылся в лесу. Сзади, за деревьями, появилось красное зарево, потянуло запахом гари. Видно, начался пожар у главной дороги в храм.

Как это я сумел спастись, рассеянно думал Ямадзаки, волоча больную ногу. Ему казалось, что здание, из которого они тогда пытались выбраться, обрушилось. Он вспомнил, как вцепившись в поручни падавшей вместе со зданием лестницы,

смотрел на истерзанную и исковерканную улицу. Да, да, он падал — плавно и неторопливо, как в замедленной киносъемке… А что же потом?.. Потом его тело вместе с железобетонной громадиной рухнуло на землю… Он обо что-то ударился спиной, очень сильно. Из глаз посыпались искры. Запах гари, пыль, забившая нос и горло… Его тело подпрыгнуло как мяч… чей-то вопль, жуткий, душераздирающий… Потом?

Напряжение вдруг схлынуло, и он ощутил боль во всех суставах. Что-то липкое текло по лицу. Веки были покрыты густой пылью, рукав пиджака оторвался, словно его срезали бритвой, рукава рубашки тоже не было, из обнаженной руки текла кровь. Левая брючина ниже колен превратилась в мочалку, вся голень в ранах. Он невольно застонал от боли во всем теле. Сердце опять бешено заколотилось, все скорее, скорее, в ушах, в висках гулко застучала кровь.

Миновав перелесок, Ямадзаки внезапно почувствовал страшную слабость. Не устоял на ногах, опустился на колени. Тело покрылось холодным потом, дышал он с трудом, вся его плоть стала сплошным сгустком боли. Когда высокий звон в ушах стих, до него, словно всплески, донеслись взволнованные голоса людей. Ямадзаки

несколько раз глубоко вздохнул, и голова немного прояснилась. В лесопарке вокруг храма уже собрались тысячи, а может быть, десятки тысяч людей. В кромешной тьме двигались черные силуэты, порой отблеск пожара высвечивал чье-нибудь искаженное ужасом лицо, казавшееся призрачным ликом этой зловещей ночи.

— Нижний город целиком погиб! — кричал кто-то. — Что?.. Районы особняков Акасака, Сибуя и Аояма? О них ничего не известно…

— Говорят, Токийский залив превратился в море огня… — прошептал кто-то.

— От Цукидзи до Синагавы… и Гиндзы больше нет…

Осторожно ступая на больную ногу, Ямадзаки встал.

Внезапно его охватила жгучая тревога. Что стало с его семьей?.. С их домом на Сосия?.. Усталая, ворчливая жена, старший сын, прыщавый, пижонистый, с длинными, как у женщины, волосами, старшая дочь-девятиклассница, в кого только она пошла — такая красавица, что даже страшно за нее делается, вторая дочь, слабенькая из-за перенесенного в раннем детстве полиомиелита…

— Позвольте спросить? — обратился Ямадзаки к прохожему, лица которого не мог рассмот-

реть. — Электрички еще не ходят?

— Ишь ты, электричку захотел! — грубо ответил мужской голос. — Рельсы перекорежило, перекрутило, как проволоку. Везде оползни, провалы. Разве тут восстановишь. А в Сибуя… ну, выехала из Сибуя… полная электричка и на эстакаде сошла с рельсов… Трупы, понимаешь, лежат… Да, трупы… трупы… Я только что оттуда, сам видел.

— А что творится на хайвеях, ужас! — произнес кто-то высоким, плачущим голосом. — Ужас! На Касумигасэки… В подземном туннеле…

— Куда смотрит полиция? — громко сказал кто-то другой. — Где она? Обычно, куда ни глянь, стоит полицейский, а тут…

За деревьями сверкнули фары. Воздух разорвал истошный крик.

— Стоп! — заорал кто-то. — Стой! Стой, тебе говорят!

Машина попыталась было прорваться сквозь толпу, но была тут же остановлена. Это было такси. Люди навалились на дверцы, все заговорили, закричали разом.

— Отвези до Сэтая! Заплачу, сколько хочешь, — твердил один.

— Вы не знаете, что делается в Омия? Горит

там? — спрашивал другой замирающим от страха голосом.

— Да вы что?! Куда я вас повезу?! Нигде не проедешь — или пожар, или улица обломками завалена, — чуть не плача говорил вытащенный из машины водитель. — Не надо портить машину, она ведь не моя, а фирмы… Я ее едва вывел из огня.

— Возьми раненых! — крикнул другой голос. — Их много, у одних переломы, у других ожоги…

— Говорят, прибыл спасательный отряд, он у стадио-на, — кричал кто-то издали. — Кажется, силы самообороны подключили…

— Дай хоть радио послушать! — несколько человек забрались в машину.

— Громче давай! — закричали кругом. — Мы тоже хотим слушать!

Поймали станцию японского радиовещания. Загремел взволнованный голос диктора: «Сообщение на железнодорожных линиях Новая Токайдо, Центральная, Синэц и Северо-восточная прервано… К западу от Атами восстановлено сообщение по Старо-Токайдоской магистрали… Пострадал весь край Канто — префектуры Тиба, Ибараги, Токио, Тотиги, Сайтама, восточная часть Капагавы, южная часть Гумма… Всему району,

прилегающему к Токийскому заливу, нанесен огромный ущерб цунами… В прибрежной промышленной зоне Кэйё одновременно с пожарами произошел оползень на огромной площади осушенных земель, в результате вся зона оказалась под водой… Ущерб от цунами распространился от побережья Сагами провинции Канагава до восточного побережья полуострова Идзу…»

— А что в городе-то творится, в городе какие потери? — закричал кто-то нетерпеливо.

«Состоялось чрезвычайное заседание кабинета министров, в котором принял участие председатель Государственного комитета общественной безопасности. Выслушав доклад об ущербе, нанесенном различным префектурам землетрясением, правительство приняло решение, не дожидаясь просьбы столичной мэрии, основать Чрезвычайный штаб защиты от стихийных бедствий. Штаб приступит к исполнению своих обязанностей в шесть часов двадцать минут… — говорил диктор. — В настоящее время судьба мэра столицы не известна. Его обязанности исполняет вице-мэр Уно. Принимаются срочные меры, однако работа мэрии почти парализована, поскольку землетрясение произошло в часы, когда большинство служащих уже разошлось

по домам. Мэрия срочно эвакуируется. Заседание по вопросам охраны столицы от бедствия состоялось в здании министерства самоуправления… Переходим к следующему сообщению. Управление обороны мобилизовало для спасательных работ первую дивизию сил самообороны столицы, первый десантный полк Касумигаура, а также первый флот морской самообороны и четвертый корпус воздушных сил. Штаб восточного военного округа наземных сил в настоящее время рассматривает вопрос об использовании для спасательных работ двенадцатой дивизии префектуры Гумма. У правительства не было намерения использовать силы самообороны для поддержания общественного порядка, однако, по последним сообщениям, сейчас кое-где в районе центра происходят столкновения между беженцами, и городской комитет общественной безопасности Токио обратился к правительству с просьбой ввести отряды сил самообороны в целях сохранения спокойствия в нашей столице. Управление самообороны придерживается того взгляда, что в зависимости от обстоятельств силы, мобилизованные для спасательных работ, могут быть переключены на обеспечение общественной безопасности… Только что поступило новое

сообщение. По данным из информированных кругов, правительство, учитывая серьезность положения в столице, а также огромные размеры причиненного землетрясением ущерба, в настоящий момент на заседании кабинета рассматривает вопрос о введении первого послевоенного чрезвычайного положения. По просьбе премьер-министра были созваны обе палаты парламента, однако число собравшихся депутатов не составляет и половины кворума. Переходим к сообщению об ущербе, причиненном различным районам столицы....»

Ямадзаки только хотел было прислушаться, как издали донеслись громкие крики. Послышался шум моторов. Еще немного, и фары осветили толпу. Из трех грузовиков посыпались солдаты в касках и форме цвета хаки.

— Спасательный отряд армейских сил самообороны, — загремел громкоговоритель. — Всем, кому требуется, немедленно будет оказана срочная помощь! Кто в состоянии передвигаться, просим направиться в крытый спортивный зал Ёёги, в крытый плавательный бассейн, находящийся там же, или в здание радиовещательной корпорации в Сибуя. Там открыты временные пункты первой помощи. Просим сохранять спокойствие

и соблюдать порядок. Землетрясение кончилось. Против пожаров принимаются меры. Пока еще нельзя сказать, когда будет восстановлено железнодорожное сообщение, однако строительные отряды сил самообороны уже приступили к восстановительным работам на основных ветках, ведущих к столице. Вскоре откроется сообщение и по основным шоссейным дорогам.

— А нас развозить по домам не будете? — заорал кто-то. — Мне в Митака надо. Не знаю, что там с семьей…

— Вскоре в спортивный центр Ёёги прибудут транспортные батальоны. Идите, пожалуйста, в спортивный Центр. Просьба сохранять спокойствие… В спортивном Центре вы получите информацию о положении в различных районах столицы… Идите в спортивный центр!.. Там вы сможете отдохнуть и освежиться прохладительными напитками… Просим всех, сохраняя спокойствие и порядок, идти в спортивный центр! Вас поведут члены нашего отряда…

Зажглись прожекторы. По толпе прошло волнение — никогда еще, наверное, для этих людей свет не казался таким желанным. В лучах прожекторов Ямадзаки увидел говорившего. Это был загорелый офицер лет под тридцать. Его лицо,

энергичное и решительное, еще сохраняло некоторую детскость, как и лица всех молодых людей этой эпохи. Над головой назойливо затрещал вертолет. Кажется, транспортный, первого авиадесантного полка… Поднялся ветер. Оглянувшись на багровое зарево пожаров, Ямадзаки подумал, что летать сейчас на вертолете небезопасно.

Все небо было затянуто черным дымом. Среди густых его клубов играли ядовито-красные отблески пламени. Внезапно загудел, задрожал воздух — видно, рвались нефтехранилища.

Все это вдруг вызвало в памяти Ямадзаки далекое воспоминание. Война… кровавые бомбежки… Тогда он был еще подростком. В ночь, когда бомбили Синагаву, погибли его мать и маленький брат… И ему тогда вдруг стало на все наплевать. Он не пошел в бомбоубежище. Стоял на улице и смотрел, как падают и горят зажигательные бомбы… И никакого страха не было, только отчаяние и тупая боль где-то глубоко в сердце… Сейчас он испытывал нечто похожее. Пожалуй, сейчас положение даже хуже. Никто пи к чему не готов. Такие слова, как «эвакуация», «спасение пострадавших», стали далеким прошлым. Люди привыкли жить спокойно. А когда живется спокойно, не верится, что однажды может гря-

нуть беда. Да и Токио по сравнению с военным временем чудовищно разросся, разбух. Ущерб, наверное, окажется неисчислимым. А если загорится нефть, вытекшая в Токийский залив? Да и когда стихийное бедствие останется позади, столица еще долгое время будет парализована. Очень трудно вернуть к нормальной жизни столь огромный город. А тревога не уляжется, она будет даже усиливаться…

Правительство подвергнется резким нападкам со стороны оппозиции и общественности — скажут, ущерб мог бы быть гораздо меньшим, если бы в стране все эти годы было больше порядка… Возможно, нынешнему правительству даже придется уйти в отставку. Тогда тревожное положение распространится по всей стране…

Плохо… — подумал Ямадзаки, волоча больную ногу и шагая вместе с пришедшей в движение толпой. Если после всего случившегося произойдет падение правительства…

В свете прожекторов мелькало что-то. Ямадзаки посмотрел на небо. Там кружились мириады черных точек, словно несметные полчища летучих мышей.

— Пепел посыпался, — сказал пожилой мужчина, шагавший рядом. — Надо поторапливаться,

не то, как всегда, хлынет дождь. После больших пожаров обязательно идет дождь. Правда? И после бомбежек всегда так было..

Да, плохо... — продолжал думать Ямадзаки. Он почти не обратил внимания на первые капли дождя. Очень плохо, просто никуда не годится... Если падет правительство, что станет с планом Д?..

Редкие капли дождя вдруг участились. Люди испуганно побежали.

— Осторожно! Просим не бежать! Опасно! Не толкайтесь!..

Солдаты кричали что есть мочи, но толпа уже бежала, от топота гудела земля. Дождь превратился в ливень. Черный дождь с пеплом. Тот самый черный дождь, который оставляет на белой сорочке черные пятна.

Плохо, говорил себе Ямадзаки, глядя на развернувшуюся перед его глазами картину и думая о том, что его беспокоило. Что же будет?

Над разрушенной столицей, усиливаясь, шел черный ливень.

Под ливнем гасли пожары, но не все. Кое-где огонь, наоборот, усилился — вместе с дождем поднялся ветер. Однако люди немного успокоились, огонь уже не внушал им такого ужаса.

Трагическая ситуация создалась на побережье Токийского залива. Здесь на складах загорелись сотни тысяч тонн нефти и химического сырья. Пожар продолжал полыхать с такой силой, что дождь испарялся в воздухе. Все живое ринулось прочь из этого района — жар был нестерпимый, кислорода не хватало, химическое сырье, сгорая, выделяло ядовитые газы. Кроме того, уже после возникновения пожара обрушилось сильнейшее цунами, высотой восемь-десять метров, вместе с водой разнесшее горящую нефть по всему побережью. После Это Харуми занимал второе место по числу погибших и пропавших без вести. А прибрежные районы нижнего города Сибаура, Синагава, Ои, Омори и Кавасаки были почти полностью уничтожены огнем и водой. Загорелись грузы, в огромном количестве скопившиеся на причалах. Цунами с легкостью поднимало в воздух грузовые суда и танкеры, переворачивало и несло их вдаль до самого Цукидзи. Под их ударами рушились опоры первого столичного хайвея, тянувшегося вдоль побережья.

Загорелись также угольный причал Эго и остров Юмэ-но-сима. Они долгое время продолжали тлеть, сильно затрудняя восстановительные работы в прибрежных районах столицы.

Цунами ударило по Токийскому заливу с невиданной силой. Оно искорежило Хакояму на полуострове Бофусе, Мисаки на полуострове Миура, оторвало половину мыса Томицу, смыло большую часть его построек и, оседлав подоспевший прилив, помчалось на Иокогаму, Кавасаки, Тиба, пронеслось по берегу Токийского залива, задев города Фунабаси и Ураясу, и ворвалось в районы столицы — Эдогаву, Это, Тюо, Минато, Синагаву и Оту. Такие районы, как Касай, Сунамати, Комацугава, с нулевой высотой над уровнем моря, были мгновенно захлестнуты гигантской волной, а воды реки Аракава пошли вспять и затопили ТЭЦ в Сэндзю.

Позже говорили, что редко выпадает такое сочетание неблагоприятных условий, как во время Второго великого землетрясения Канто: вечерние часы пик, в домах горят газовые плиты, прилив достиг наивыстней точки… Хорошо еще, что в этот день Луна была не в полной фазе. И все-таки зарегистрированная высота утреннего прилива составила два и две десятых метра. Ко всему прочему с полудня дул сильный южный ветер.

Мощнейший удар цунами порвал главные артерии столицы и хлестнул по самому ее сердцу. Цунами, пройдя над дамбой и смыв защитные

песчаные наносы, огромной волной жидкой грязи обрушилось на равнинный район, протянувшийся вдоль побережья, превратило в груды развалин Хосю-Токийскую, первую и вторую Синагавские, Кавасакийскую, Содаскую, Цурумискуго теплоэлектростанции, нефтегазоперерабатывающие, кораблестроительные, сталелитейные заводы, причалы, склады, аэродромы, шоссе, железнодорожные пути. До аэропорта Ханэда волна докатилась тогда, когда там уже начались пожары, слизнула взлетные дорожки, ангары и повредила множество наземных сооружений. В аэропорту в это время тоже были часы пик, садились и взлетали самолеты внутренних линий, в залах скопились толпы отъезжающих. Мгновенно были разрушены хайвеи, монорельсовая дорога и мосты, соединявшие аэропорт с внешним миром. А тут еще начался пожар на соседнем нефтеперерабатывающем заводе, цунами расплескало горящую нефть, и хранилища горючего оказались под угрозой. К счастью, недавно открытый аэропорт Нарита пострадал сравнительно мало, и туда удалось направить часть прибывающих самолетов. Международным лайнерам пришлось повернуть на Осаку или лечь на обратный курс и вернуться в Сеул,

Тайбэй, Манилу и Гонконг.

2

«Ёсино», развернувшийся у острова Идзу на 180° и взявший курс на Токийский залив, в одиннадцать часов вечера шел водным путем Урага. Когда судно огибало полуостров Миура, вдали уже можно было видеть пожары, полыхавшие на побережье Сагами и Урага. Вскоре ветер донес совершенно необычный и непонятный запах. После мыса Канно редкие капли дождя превратились в ливень, видимость резко ухудшилась. Но с мостика все же было видно, как затянутое мглой небо окрашивается на севере кровавым адским пламенем.

— Токио горит… — пробормотал Катаока, стоявший рядом с Онодэрой на капитанском мостике. — И Кавасаки, и Тиба…

— Часа три назад, видно, прошло цунами, — сказал Онодэра, затягивая капюшон резинового плаща. — Сколько народу пострадало… Страшно подумать… Ведь время как раз было предвечернее…

«Ёсино» уменьшил скорость до семи-восьми

узлов. Вдали за дождевой завесой завыла сирена. Взвился багровый столб огня, от страшного грохота заложило уши. Что-то взорвалось — то ли хранилище природного сжиженного газа, то ли газохранилища в Кавасаки или Иокогаме.

— Ну и вонь! — нахмурился Наката, втягивая в себя воздух. — Кажется, идем в Йокосука. Тут, видно, тоже одни обломки остались… Пожалуй, дальше идти опасно. Ядовитые газы, нефтяной пожар да и цунами все разворотило.

Темная поверхность воды стала еще темнее от плывших по ней предметов. Они появились как-то сразу. Ящики, татами, железные бочки, доски, обломки… И, кажется, трупы…

— Впереди по левому борту что-то движется! — закричал вахтенный на носу корабля.

Натужно загудел двигатель, «Есино» взял вправо.

В свете прожектора мелькнула черная громада — огромное наполовину затонувшее судно.

Сквозь мрак и дождь донесся едва слышный крик.

— Впереди по правому борту человек! — вновь крикнул вахтенный.

— Полный назад! — негромко приказал капитан штурвальному и включил внутренний

телефон. — Спустить спасательную лодку с правого борта. Подобрать человека!

Повернулся прожектор, осветив море с правой стороны. Блестели только струи дождя, бьющие по мутной воде. Больше ничего не было видно. Раздался шум спускаемой лодки.

— Впереди, по-видимому, много дрейфующих кораблей, — сказал навигатор, наблюдавший за радаром. — Верно, рыбачьи шхуны и плоскодонки, пострадавшие от цунами… Скоро пройдем мимо второго морского порта.

— Спасательная лодка возвращается… — крикнул с мостика матрос.

— Ну как? Нашли? — спросил кто-то с палубы.

— Нашли… — ответили с лодки. — Но… он не в своем уме…

— Профессор Тадокоро… — Онодэра обернулся к профессору, который с непокрытой головой, без плаща угрюмо стоял рядом. — Наверно, сильно пострадали районы Кэйхин и Кэйё[9]… А прибрежного района Токио, кажется… вообще больше не существует…

— Цветочки… — пробормотал профессор; по его заросшему щетиной лицу стекал дождь. — Это

---

[9] notes: 9
Районы от Токио до Иокогамы и от Токио до Тиба. — *Прим. перев.*

еще только цветочки…

— Что там с нашими?.. — уронил Катаока. — В нашей конторе…

— Да, на самом деле? Как там Ямадзаки и Ясукава? — тихо проговорил Юкинага. — Удалось ли им спастись?..

Мрачная дождливая ночь, ночь разрушения, пожаров и цунами кончилась. Ливень немного смыл грязь, и обнажились страшные останки столицы. Пожары в прибрежном районе все еще продолжались, густо-черный дым, словно гигантский дракон, стелился низко над морем.

Онодэра вместе с профессором Тадокоро и Юкинагой вылетел из Йокосуки на вертолете — их срочно вызвали в канцелярию премьер-министра. Сейчас он смотрел через окно вниз на страшную картину разрушений. Над Иокогамой, Кавасаки и столицей кое-где еще поднимался дым с дотлевавших пожарищ. Эта огромная зона, где было сосредоточено двадцать процентов населения Японии, в неправдоподобной тишине простиралась сейчас под ясным голубым небом с редкими кучевыми облаками. На первый взгляд, с высоты, все казалось обычным, если не считать продолжавшего гореть прибрежного района. Кое-где виднелись уцелевшие высотные здания и

башни. Но стоило вглядеться внимательнее, как тут же обнаруживались жуткие следы жестоких когтей гигантского и мгновенного бедствия.

Без конца и края сплошными рядами тянулись развалины. Разрушенные и полуразрушенные здания. Безобразные темные пятна пожарищ. На улицах и хайвеях закопченные искореженные скелеты машин. Почерневшие от огня зевы тоннелей. Блестящие черные глыбы расплавившегося асфальта. Тонкие струйки жидкого дыма. Онодэра еще из вчерашних новостей знал, что на шоссе Токио — Нагоя сообщение прервано из-за провала в почве.

Большинство крупных заводов сохранилось. Но почти все нефтеперерабатывающие предприятия сгорели или взорвались. Лишь кое-где торчали чудом уцелевшие ректификационные колонны и части трубопроводов. На улицах уже появился народ. Водовозные машины пожарной охраны и сил самообороны, с трудом пробившись через завалы, добрались до жилых районов. Люди с ведрами стояли в очереди за водой.

На взлетной полосе «А» аэропорта Ханэда виднелись обломки самолета ДС-8. Прибрежные взлетные полосы были под водой. Пожар в хранилищах горючего уже погасили, но как

печально выглядел весь аэропорт! Не скоро его восстановят… Еще более трагическое зрелище являли собой земли по соседству с Ханэдой, когда-то с большим трудом отвоеванные у моря. У Онодэры больно сжалось сердце — сейчас все они превратились в огромное тускло поблескивающее болото. Среди опор монорельсовой дороги и скоростной магистрали застряли лихтеры и грузовые суда средней величины. Кое-где из воды торчали рухнувшие, вставшие дыбом пролеты мостов с зацепившимися за барьер грузовиками и фургонами. Прямо в воздухе висел поезд монорельсовой дороги. Что стало с его пассажирами?..

Над пригородным дворцом Хама, затопленным морской водой и нефтью, лениво расстилался дым. Далее стали попадаться накренившиеся и потрескавшиеся, но сохранившие форму пакгаузы и другие строения. Вон здания высотных отелей, торговых центров, Токийская башня, небоскреб Касумигасэки…

— Район Тиёда пострадал совсем мало… — сказал Онодэра возбужденно. — А по второй магистрали Токио — Иокогама идут машины!

Над разрушенной столицей голубело совершенно ясное осеннее небо. Город постепенно оживал, начинал двигаться. Бульдозеры расчищали за-

валы. Тяпулась вереница грузовиков, должно быть, они везли медикаменты для оказания первой помощи пострадавшим. Навстречу им шли грузовики и автобусы сил самообороны, полные людьми, наконец-то обретшими «ноги», чтобы добраться Домой… Да, японцы привыкли к бедствиям, пробормотал про себя Онодэра, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы. Один немец, посетивший Японию в последние годы сёгуната и бывший свидетелем большого пожара в Эдо, писал: «…Люди, у которых дома сгорели дотла, не предаются горю, они почти веселы; стучат молотками, сооружая себе новые жилища, а кругом еще догорает огонь пожара…»

Но на этот раз масштабы бедствия слишком велики. Как поведут себя люди, когда пройдет первая, «традиционная» реакция, когда станут известны истинные размеры несчастья и во весь рост встанут огромные проблемы восстановления… И сколько это будет длиться… Да к тому же, если случится еще что-нибудь…

— Правительственное сообщение… — сказал слушавший приемник Юкинага. — Число погибших предположительно превышает два миллиона человек… Общая сумма ущерба, по-видимому, составит более десяти триллионов иен…

— А это что такое? — спросил Онодэра, глядя вниз на высотные здания, с которых время от времени падали какие-то сверкающие предметы.

— Оконные стекла. Они продолжают падать и после землетрясения… — сказал профессор Тадокоро, не оборачиваясь. — Во время большого землетрясения в Перу из-за этих стекол тоже много людей погибло…

Как раз под этим вертолетом, уже начавшим снижать скорость, едва волоча отяжелевшие ноги, шел Ясукава. Лицо наполовину в запекшейся крови, пиджак и брюки превратились в лохмотья. Очень сильно болела голова…

Прошлой ночью, каким-то чудом выбравшись из здания, он — возможно, в поисках Ямадзаки — стал продираться сквозь толпу против ее течения, стукнулся о валявшийся на пути фонарный столб или еще обо что-то, упал, и по нему прошло множество людей… Очнувшись, Ясукава обнаружил, что находится на кладбище Аояма. Кругом было много народу, люди сбежались сюда целыми семьями. При каждом новом толчке раздавались испуганные возгласы. Ему стало дурно, и он опять потерял сознание. Его привел в чувство дождь. Кругом уже никого не было. О

нем позабыли…

Он встал и побрел, дрожа под дождем.

— Холод-то какой, — бормотал Ясукава. — Страшный холод…

Прислонившись к стене какого-то здания, он заплакал.

— Вы ранены? — спросил совсем рядом молодой женский голос. Вспыхнул огонек зажигалки. — Вам далеко до дому?

— Да вот не знаю, — сказал Ясукава. — Я плохо себя чувствую.

— На проспект Аояма прибыл спасательный отряд, — огонь зажигалки погас, голос стал удаляться. — Идите туда, там вам помогут…

Ясукава вспомнил об этом, когда вновь пришел в себя. Уже светало. Чувствовал он себя отвратительно. Проспект Аояма… — мелькнуло в сознании. Он поднялся и пошел… А что там на проспекте Аояма?..

По проспекту он добрел до Акасаки, но никак не мог понять, где находится. Улицы Хитоцуки-дори больше не существовало — она сгорела дотла. У входа в подземку лежали трупы. Но эта кошмарная картина казалась ему лишь грустной и непонятной. Что тут?.. Почему он здесь очутился?.. Куда теперь идти?

И потом… сам-то он кто?

На секунду он остановился, но тут же неверной походкой поплелся дальше.

— Ну и ладно… ну и хорошо… — бормотал он. — Ничего я не хочу, ничего…

3

Уже на следующий день после землетрясения начались восстановительные работы. Но все, кто имел к ним непосредственное отношение, по мере выяснения размеров ущерба начали испытывать леденящий душу ужас.

Только в одном Токио насчитывалось полтора миллиона погибших и пропавших без вести. Сгорели, отравились ядовитыми газами в нижнем городе, погибли на транспорте и под руинами,

растоптаны обезумевшей толпой… А вместе с теми, кто погиб в префектурах Тиба и Канагава и в восточной части Сидзуока, где особенно свирепствовало цунами, в префектурах Ибараги и Сайтама, число жертв перевалило за два с половиной миллиона. Таким образом, мгновенно погибло два и три десятых процента населения Японии.

Во время Великого землетрясения Канто в сентябре 1923 года население Токио составляло немногим более двух миллионов двухсот тысяч человек, из которых погибло сто тысяч. По сравнению с тем временем сейчас население столицы увеличилось примерно в пять раз, а плотность его в двадцати трех районах по сравнению с эпохой правления императора Тайсё была просто неправдоподобной. Особенно в районе Тиода, где плотность населения днем была в шесть раз больше, чем в ночные часы, и в Центральном районе — в четыре раза больше. Степень скопления автомобилей и сосредоточения горючих материалов тоже не шла ни в какое сравнение с двадцатыми годами. Районы Синдзюку, Икэбукуро и Сибуя, сравнительно мало пострадавшие при первом землетрясении Канто, на этот раз понесли большие потери от пожаров.

И ущерб от цунами был огромным. Во время первого землетрясения Канто положение облегчилось тем, что цунами совпало с отливом, и в результате землетрясения произошло поднятие почвы. Большой ущерб был нанесен только восточной части полуострова Идзу, городу Хакояма, северному побережью Идзу-Осима и оконечности полуострова Миура. На этот раз был прилив, дул южный ветер, да еще эпицентр землетрясения находился у самого Токийского залива. Цунами обрушилось прямо на Токийский залив. Координаты эпицентра — 130°30′ восточной долготы и 34°55′ северной широты, глубина — девяносто километров. Это место можно было соединить прямой линией с водным путем Урага. Эпицентр первого землетрясения Канто располагался в северо-западном углу залива Сагами, у острова Хацу, и цунами, возникшее в этом районе, отрезанном полуостровом Миура, не вторглось в Токийский залив.

Но на этот раз оно ударило прямой наводкой. Высвобожденная в море энергия на большой скорости вторглась через узкий вход в залив, и здесь, на относительно малой глубине, подняла волны высотой до пятнадцати метров.

Во время первого землетрясения Канто дно

в заливе Сагами поднялось на двести-триста метров. На этот раз в двадцати километрах к северо-востоку от острова Осима дно поднялось на сто с лишним метров на участке, протянувшемся на несколько километров с севера на юг, а в восточной части этого участка, над сбросом, произошло опускание дна на целых пятьдесят метров. Южнее Ито, на восточном побережье полуострова Идзу, на этот раз почва поднялась на пятьдесят-сто сантиметров. В южной части Бофуса, на полуострове Миура и в южной части провинции Канагава, как и в прошлый раз, почва поднялась примерно на один метр. На узком и длинном участке, начинающемся у сброса в районе реки Рокуго и проходящем через Токио и Хатиодзи на запад, в провинцию Яманаси, произошло опускание почвы на сорок-пятьдесят сантиметров, а на прибрежных участках — на один метр. На побережье залива Сагами и на возвышенности Тама произошло поднятие почвы, а на расположенном к северу от них плоскогорье Мусаси — опускание. В результате перекорежило многочисленные мосты через реку Рокуго, на магистрали Токио — Нагоя, между рекой Рокуго и Матида, образовался большой разлом, на новой железнодорожной магистрали Токайдо рельсы

на отдельных участках сместились на семьдесят сантиметров. При первом толчке на суперэкспрессах сработал автостоп, но все же произошло шесть катастроф. Два состава столкнулись, остальные сошли с рельсов и перевернулись. Мгновенно погибло более тысячи человек.

Из трех миллионов семисот тысяч семей столицы четверть лишилась крова. В одном только Токио обвалились, сгорели, были снесены цунами девятьсот тысяч домов. В столичной и трех прилегающих провинциях число разрушенных домов достигало миллиона четырех тысяч, таким образом, на улице оказалось около трех миллионов человек. Следует сказать, что во время первого землетрясения Канто лишилось крова семьдесят процентов населения столицы. Сейчас ущерб был относительно меньшим благодаря применению огнеупорных материалов и развитию антисейсмических методов строительства. И все же почти два миллиона человек остались без крова.

Особенно страшное зрелище представляли собой районы Это и Фукагава, больше других пострадавшие и во время прошлого землетрясения. И тогда из шестидесяти тысяч погибших в черте старого города тридцать восемь тысяч, или сорок

процентов, приходилось на эти районы. И на этот раз было то же самое — сорок процентов, только общий масштаб увеличился в десять раз… А если прибавить сюда число погибших в районе Эдогава и городах Ураясу и Фунабаси префектуры Тиба, то можно сказать, что на эти земли приходилась половина всех человеческих жертв…

Потери были настолько устрашающими, что один из членов комитета по расследованию причиненного ущерба, изменившись в лице, воскликнул: «Но ведь это же настоящий Освенцим!..»

Сумма общего ущерба исчислялась в тринадцать триллионов иен — десять процентов валового национального производства и почти половина государственного бюджета этого года. Из полумиллиона производственных предприятий четверть была уничтожена. Очень сильно пострадали нефтеперерабатывающая, сталелитейная, кораблестроительная и энергетическая промышленность, составлявшие в этих районах сорок процентов от общей мощности по всей стране. Предприятия столицы, дававшие семнадцать процентов всего промышленного производства Японии, были разрушены на шестьдесят процентов. Япония лишилась десятой доли

своей промышленной мощности. Мгновенно исчезло десять процентов всех запасов нефти. При максимальных темпах на восстановление потребуется пять-шесть лет. Только на первые работы по расчистке территорий уйдет полтора года.

По стране перемещались огромные массы потерявших кров и имущество людей. Движение по всем железнодорожным магистралям, кроме Токайдоской и Ново-Токайдоской, было восстановлено через день-два, и все поезда были угрожающе переполнены. Потерпевшие бежали из столицы, а навстречу им — в столицу — валом валили обеспокоенные судьбой своих родных или близких. Многие ехали просто из любопытства. Управлению государственных железных дорог пришлось ограничить продажу билетов на Токио. Па шоссейных дорогах проезд машин в столицу ограничивали полицейские посты. Как ни странно, но в эти тяжкие для всей страны дни происходили столкновения между толпами рвавшихся в столицу любопытных и представителями властей, преграждавшими им путь. Да еще некоторые газеты опрометчиво выступили против «произвола лиц, ответственных за охрану общественного порядка».

Однако в самих районах бедствия обстановка

была достаточно спокойной. Это объяснялось прежде всего тем, что люди, застигнутые врасплох обрушившейся на них бедой, еще находились в состоянии шока, а потому ко всему относились с холодным равнодушием. Кроме того, благотворное влияние оказывало «поколение переживших бедствия» — несчастья и нищету военного и послевоенного времени. Радио ежедневно сообщало все новые и новые подробности катастрофы, но в сознании людей не укладывалась связь между ее масштабами и тем, что произошло непосредственно с ними или у них на глазах. И лица делались все более равнодушными и отчужденными. После землетрясения и ливня установилась ясная погода, и жители уцелевших пригородных районов могли наблюдать, как из центра столицы все продолжает подниматься к небу черный дым.

А в центре Токио царила неправдоподобная тишина. Подземка почти на всем своем протяжении либо сгорела, либо была затоплена. Там сейчас разлагались десятки тысяч трупов. Кольцевая дорога в нескольких местах разорвалась, по скоростным хайвеям движения тоже не было, исчезли легковые автомобили и с улиц, здесь можно было увидеть только грузовики,

автофургоны, автобусы и странно задумчивых пешеходов.

Казалось, в этой гигантской столице, занимающей первое место в мире по численности населения, по оживленности движения и неразберихе, никак це может кончиться длинный-длинный «выходной день». Порой с какого-нибудь накренившегося здания, несмотря на безветрие, медленно срывалась вывеска или падало оконное стекло. Глухой удар, легкий звон, и опять тишина… Были в городе и такие здания, которые не обрушились, но каждую секунду могли рухнуть. Здесь сделали канатные заграждения, но никто не обращал на них внимания. Жильцы рвались в свои квартиры, чтобы что-то спасти. И тут произошло несколько повторных толчков. Особенно сильно тряхнуло на третий день. Эпицентр этого нового землетрясения находился на севере возвышенности Тама, а сила его достигла 6,1 балла. Возвышенность Тама опустилась сантиметров на двадцать, а плоскогорье Мусасино на столько же поднялось. В результате обрушилось несколько сот уцелевших домов, и число погибших увеличилось еще на несколько десятков тысяч человек.

Через сорок восемь часов после созыва чрезвычайной сессии парламента число депутатов,

наконец, достигло кворума. Депутатам трудно было быстро собраться. Вольшинство из них находились на местах и были лишены возможности добраться в столицу. А из депутатов, живших в столице, некоторые погибли, а некоторые пропали без вести. Мэр столицы был тяжело ранен, так что его обязанности выполнял заместитель.

Вместе с объявлением чрезвычайного положения и введением закона «О помощи пострадавшим» парламент принял закон о создании Чрезвычайного комитета по принятию мер против последствий второго землетрясения Канто, в который вошли представители как правительственной, так и оппозиционных партий. Был образован Совет по срочному восстановлению столицы из представителей Токио, пострадавших префектур и членов Комитета по налаживанию жизни столицы. Чрезвычайный комитет потребовал от парламента чрезвычайных полномочий сроком на три месяца в области охраны порядка, снабжения продовольствием, установления твердых цен на продукты потребления и ограничения въезда в столицу. В широких масштабах использовались силы самообороны: на помощь пострадавшим районам были брошены две дивизии. На восстановлении основных

узлов транспортных магистралей города, кроме строительных батальонов, работали отряды, сформированные из населения, была применена так называемая тактика «людской лавины».

Пустоту и затишье постепенно сменяли будни. И сразу стало видно, насколько сильно пострадал механизм гигантского города. Над оставшимся в столице восьмимиллионным населением — на четверть лишившимся крова — нависла угроза нехватки продовольствия.

В двадцати трех старых районах города никак не удавалось восстановить водопровод, воду доставляли на водовозных машинах, и через неделю после землетрясейия работало более двухсот пунктов водоснабжения. Начала ощущаться нехватка медикаментов, для миллиона раненых не хватало больничных коек. Токийская электросеть, потерявшая семьдесят процентов сверхмощных ТЭЦ в прибрежном районе, в первую неделю после бедствия снабжала энергией, получаемой из других районов страны, только важнейшие объекты. Столица пребывала в темноте, лишь сорок пять процентов ее площадей и улиц получали электричество. И то только на три часа.

С наступлением вечера на центр Токио опуска-

лась гигантская пелена мрака. Свет горел лишь в общественных зданиях, кое-где освещались участки дорожных работ, да порой вспыхивали фары грузовиков. В районах Гиндза, Синдзюку и Акасака темнота казалась особенно густой и липкой — ведь совсем недавно здесь плясало, сверкало, бесилось радужное зарево неона, разрезаемое ослепительными снопами света от фар бесчисленных машин. Большие здания кое-где уцелели. Но западная часть Гиндзы, сгоревшая дотла в огне гигантского пожара, возникшего сразу после землетрясения, являла собой ужасающее зрелище. Хотелось закрыть глаза, чтобы ничего не видеть.

— Теперь все, конец барам Гиндзы… — сказал патрульный полицейский, шагая по темной, обгоревшей аллее.

— Не обязательно… — ответил ему второй, пожилой, внимательно глядя под ноги. — Пройдет года два, три, и все будет как прежде… Человек — существо нахальное. Помяни мое слово, вскорости опять понастроят опасных зданий… Как в пословице «Проглотил и позабыл, что кусок горячим был».

— Говорят, здесь ужас сколько хостэс погибло, — продолжал молодой, перешагнув через

почерневшие остатки неоновых трубок. — Они в панике выскочили на улицу, тут их всех машинами и передавило… А кто остался в помещении, и того хуже — заживо сгорели. Несчастные… такие молодые, красивые девушки…

— Что поделаешь… Такие уж тут входы — узкие, да и ступенек сколько, вверх — вниз, вниз — вверх, — пожилой осветил фонариком вход в бар, загороженный упавшей вывеской и покосившимся фонарным столбом.

— Запашок какой-то… — повел носом молодой. — Наверно, здесь много еще трупов осталось…

— Не только здесь… И разлагаться они уже начали… Никто и не знает, сколько еще неубранных трупов, — пожилой опять зашагал. — Уж то хорошо, что впереди не лето. Представь, если бы все это в июне или в июле произошло. Сразу бы началась массовая эпидемия… А больницы и без того переполнены ранеными…

— Но в городе довольно тихо, спокойно…

— А это оттого, что люди еще не пришли в себя. Вот оправятся немного… тогда… Да что говорить, волнения и беспорядки вот-вот начнутся. Жить негде, на будущее никаких надежд, что делать дальше, не понятно. Конечно, Япония очень даже

обеспеченная страна, но… понимаешь, слишком уж мы хорошо жили, так сказать, на полную катушку. А теперь что?.. Подожди, пройдет денек-другой, и люди — особенно те, у кого дети на руках, или старики, или раненые — начнут раздражаться. А там появятся подстрекатели, поползут разные слухи. Во время первого землетрясения Канто небезызвестная утка о бунте корейцев стала распространяться уже через сутки после землетрясения, и так продолжалось около полумесяца. В результате дружинами самосуда, организованными самим населением, было убито больше тысячи ни в чем не повинных корейцев…

— Да, кстати, вчера в Синдзюку и Сибуя были убиты трое молодых ребят, — казалось, сквозь темноту видно, как молодой хмурит брови. — Двое из них студенты. Глупые, напялили на себя каски, подняли флаг и стали агитировать за создание в столице района свободы. А третий парень — хиппи. Он глянул на накренившееся здание и сказал «Красиво!» Толпа их тут же растерзала. Полицейского, который выезжал на место происшествия, потом все время тошнило, он никак не мог прийти в себя… Вот что бывает, когда все возбуждены до предела.

— Молодежь просто ничего не понимает. Ни общество, ни семья не учат их. Несчастные… Надо быть начеку, не то молодые здорово пострадают. Обычно делают вид, что их поддерживают, похваливают — молодцы, мол, умники!.. Но это все на словах. А на самом деле у старших все время копится раздражение против этих шалых ребят. И при теперешних обстоятельствах оно может внезапно превратиться в ненависть… Срабатывает тот самый «инстинкт агрессии», который, говорят, в каждом человеке живет. И в первую очередь он обратится против зеленой молодежи, которая «держится нахально, выламывается».

— Появись сейчас тип вроде Гитлера, он далеко пошел бы, — сказал молодой. Пожилой даже обернулся, чтобы посмотреть ему в лицо.

— Гм… да, пожалуй… — задумчиво произнес он. — Ты, как я вижу, неплохо соображаешь… Гитлера в Японии, может, и не будет, но правых надо опасаться. Ведь если действовать методами насилия, тут такого наворотишь… Взять хотя бы закон «Об охране общественного спокойствия», принятый во время первого землетрясения Канто. Сколько им злоупотребляли…

Молодой полицейский направил свет карманного фонаря вперед.

— Здесь кто-то есть, — сказал он.

У небольшого сгоревшего здания, от которого остался только ажурный железный каркас, сидел на корточках мужчина. Рядом с ним лежал маленький чемоданчик.

— Простите, — молодой дотронулся до его плеча. — Что с вами? Здесь еще опасно, мало ли что может на голову свалиться… особенно ночью.

Мужчина не шевельнулся. Он был уже в годах, хорошо одет, но в грязи, полуседые волосы растрепаны. По лицу текли слезы.

— Оставьте меня, пожалуйста… — он слегка дернул плечом. — Здесь мой дом, магазин. А там… внизу… моя жена, дочь…

— Ваша жена… — молодой полицейский не знал, что сказать, потом нашелся. — Ну, магазин ваш сгорел, но это ни о чем еще не говорит. Они, может, бежали, где-нибудь укрылись. Здесь поблизости парк Хибин, там действует центр регистрации пропавших без вести…

— Нет, они погибли. Я был в префектуре Яманаси. Сегодня вечером добрался сюда, с большим трудом… И вот… увидел… Столбы, балки, все обуглилось. И груды земли… А там, под этим, нога жены и подол кимоно… Она лежит так, словно кого-то прикрывает своим телом… Я знаю кого

— дочь. Ей шестнадцать было. Больная девочка, сердце и ноги… Не могла она встать с постели, ну и…

Закрыв лицо ладонями, мужчина зарыдал. Он весь был измазан сажей и золой. На руках запеклась кровь. Наверное, пытался разобрать завал.

— Я… наконец… этот магазин… но теперь все пропало… — сказал мужчина, всхлипывая. — Вы же не поможете мне вытащить тела жены и дочери… Так что оставьте меня… Я буду здесь сидеть… Они же одни, а кругом — развалины, темнота… Не могу я их оставить здесь, понимаете, не могу…

— Верно, темнота, развалины, — первый раз подал голос пожилой полицейский. — Вот мы и говорим, что место здесь опасное, да и не видать ничего во мраке-то… Прошу вас, поднимитесь, пожалуйста. Если вам негде ночевать, мы постараемся вас устроить. Не хватало только, чтобы вы заболели. Разве можно?!

Он ласково взял мужчину за руку повыше локтя и помог ему встать.

— Сколько людей лишилось семьи! Я вот тоже потерял жену и детей. Й мать… — продолжал пожилой. — А в последнюю войну под бомбежкой погибли отец и старший брат. И все-таки унывать нельзя, ничему этим не поможешь. Верно?

Когда такая беда, всем нам нужно держаться… а то знаете…

— Что это? — молодой полицейский взглянул на черное, беззвездное небо, — Дождь!

Заморосил редкий дождик. Поднялся ветер. Где-то что-то упало, громко стукнувшись о землю. По безлюдной улице весело прокатилось эхо.

— Видите, что здесь творится. Достаточно ветерка, чтобы что-нибудь рухнуло…

Ведя за руку рыдавшего, как ребенок, мужчину, пожилой полицейский говорил ему, словно внушая самому себе:

— Скоро холода наступят… беда просто, как же тут…

Полное разрушение Центрального рынка, холодильников Сибаура и Синагавы парализовало снабжение столицы свежими продуктами питания. Пристани не могли принимать суда, так что подвоз грузов осуществлялся только по суше. Но главные железнодорожные и шоссейные магистрали частично вышли из строя, так что с полной нагрузкой использовались старые. В результате на одном шоссе произошел суточный затор. Кроме того, на доставке продуктов отражалось и резкое повышение цен на горючее.

Был издан чрезвычайный указ «О контроле над ценами». И все же цены на консервы, специи, рис, хлеб, медикаменты и строительные материалы сразу поднялись по всей стране. С рынка стали исчезать товары: торговцы и покупатели, в основном те, кто почти никак не пострадал, продавали и закупали как бешеные. Начал возрождаться «черный рынок».

Кансайский край еще полностью не пришел в себя после прошлогоднего землетрясения, так что на него как на источник продовольствия нельзя было возлагать особых надежд. Срочные поставки товаров из префектур, где и без того хронически повышались цены, привели к еще более резкому вздорожанию всех продуктов. Временный паралич в финансовой и экономической системе центра привел, если не к экономическому кризису, то к финансовой тревоге и понижению доверия к денежным ценностям.

Для всех стало ясно, что страна на пороге инфляции. Распространились слухи, что вышел из строя компьютер головной конторы крупнейшего банка, и это чуть не привело к панике. К счастью, правительство располагало большими запасами иностранной валюты и начало срочный импорт продуктов и строительных материалов.

Внутри страны были приняты специальные меры по финансированию и страхованию. Однако казалось, что с начавшейся инфляцией можно будет сладить только года через два-три. А тут еще финансовые и промышленные круги начали действовать с большой осторожностью, усмотрев в срочно принятых правительством мерах признаки «контролируемой экономики».

«Теперешнее положение гораздо лучше по сравнению с положением страны в послевоенный период, особенно по таким показателям, как промышленная мощь и запасы», — заявил министр финансов. Это заявление вызвало много споров.

Была срочно заморожена регистрация продажи недвижимого имущества, но, несмотря на это, разгорался свирепый бой между темными дельцами и крупным капиталом, действовавшим «на уровне правительства». Спекулянты и дельцы-ловкачи старались извлечь выгоду даже из развалин. Под видом восстановительных работ они незаконно занимали земельные участки и строили «времянки». По некоторым данным, за кулисами этих махинаций стоял международный капитал. Начали распространяться слухи о переносе столицы в другое место, что повлекло

за собой резкое повышение цен на земельные участки в соседних со столичной префектурах. В префектурах Яманаси, Гумма, Тотиги и Нагано цены повысились сначала в три, потом в пять раз.

4

Пройдя по переднему двору парламента, сплошь усеянному палатками редакций газет и трансляционными фургонами телевизионных компаний, Ояодэра, Юкинага и Наката у главных ворот предъявили полицейскому пропуск и зашагали в сторону министерства финансов. Правительственные учреждения, сосредоточенные в центре, на улицах Нагататё и Касамигасэки, казалось, совсем не пострадали, лишь на стенах некоторых старых зданий появились трещины и кое-где провалились мостовые и тротуары. Холм Оути-яма спокойно зеленел под солнцем, ярко светившим с совершенно чистого осеннего неба. В районе Тиода главный удар принял на себя участок, где находились улицы Юраку-тё и Канда.

При беглом взгляде с этого холма вниз казалось, что районы Отэимати, Хибия и Маруноути остались такими же, как и прежде, сохранив

привычную глазу линию высотных зданий, только над Юмэно-сима все еще поднимался дым пожарища. Но, посмотрев чуть внимательнее, вы видели, что во всех высотных зданиях вместо окон зияют черные провалы. Оконное стекло составляло особый дефицит. На улицах повсеместно попадались щиты «Осторожно! Берегите голову!», кое-где над тротуарами построили временные навесы. И все-таки пешеходы продолжали получать увечья от падавших оконных стекол. Среди повысившихся в цене товаров оказались странные, на первый вгляд неходовые, вещи. Например, шлемы из пластика. Теперь, выходя на улицу, люди надевали шлем, как раньше надевали шляпу.

— Какое странное зрелище! — невесело усмехнулся Наката, глядя на двигавшиеся внизу желтые, белые, красные шлемы. — Кажется, что все население Токио превратилось в строительных рабочих. Или студенты вышли на демонстрацию, ведь они всегда выходят в шлемах…

— Ну, что будем делать? — спросил Онодэра. — Зайдем в канцелярию премьер-министра? Может, Ямадзаки там?

— Зайдем или не зайдем, там он или не там, а план Д все равно, наверное, повис в воздухе… —

Юкинага безнадежно махнул рукой. — Сейчас не до этого. Во всех учреждениях столпотворение. Оно и понятно — срочные меры и все такое…

— Все равно давайте заглянем, — сказал Наката. — Может, с «Ёсино» поступило какое-нибудь сообщение.

Повернув за угол, они буквально столкнулись с медленно шедшим им навстречу Ямадзаки. Маленький Ямадзаки, казалось, стал еще меньше. За эти дни он словно бы весь ссохся и постарел. Небритые щеки ввалились, вокруг глаз круги, на лице свинцовый налет усталости.

— А-а… — Ямадзаки взглянул на них погасшим, тусклым взглядом. — А Тадокоро-сенсей?

— Все еще упрямо ждет в парламенте, — сказал Онодэра. — А какой смысл! Сколько ни жди, даже секретаря не поймаешь. Мы же говорили ему: повидать премьера не удастся. А он и слушать ничего не хочет.

— Мы уже десять дней подряд ходим туда… — Наката пожал плечами.

— Кстати, Ясукава нашелся?

Ямадзаки посмотрел на всех по очереди и едва заметно кивнул.

— Где? — нетерпеливо спросил Онодэра. — Целый, невредимый?!

— Я случайно заглянул в отряд самообороны Итигая, и там в санчасти оказался Ясукава. Рана у него пустяковая, но… работать он некоторое время не сможет… — Ямадзаки покрутил пальцем у лба. — Здесь у него. Амнезия. И даже не от шока, а от сильного ушиба головы.

— Забрать бы его оттуда! — сказал Онодэра.

— Нельзя! У него потеря памяти, он на самом деле немного тронулся. Я там оставил персоналу адрес его родственников. Наверное, свяжутся с ними. Он, конечно, наш товарищ… Ну, забрал бы я его оттуда, а дальше что? Работать он не может… Вы только подумайте, сейчас все больницы переполнены ранеными и полусумасшедшими. Еще счастье, что он попал в санчасть отряда самообороны.

И то правда, подумал Онодэра, с болью вспоминая по-мальчишески круглые щеки Ясукавы. Все больницы были действительно переполнены, пострадавших размещали даже в номерах люкс первоклассных отелей. Даже нуждавшихся в срочных операциях перевозили на вертолетах в другие провинции.

— Может, войдем в здание? — сказал Наката. — Ты кажешься усталым…

— Еще бы. Я ведь со станции электрички Итигая

шел сюда пешком… — Ямадзаки уныло взглянул на свои запыленные, стоптанные туфли. — В поездах давка, прямо кошмар какой-то… Ведь подземка только на тридцать процентов восстановлена, и такси мало — по всей столице работает всего около семи тысяч машин… Как вы думаете, сколько таксисты берут от Итигая до центра с одного человека? Четыре тысячи иен!

— А как с восстановлением линии государственных дорог внутри города? — спросил Юкинага. — Ведь уже две недели прошло после землетрясения…

— Пока восстановлены процентов на семьдесят, кажется… — ответил Онодэра. — Больше всего пострадали линии от станции Отяномидзу до станции Суйдобаси и от Токио до Иокогамы.

— Теперь пожалеешь, что сняли трамвайные линии… — Ямадзаки усмехнулся. — Человек капризное существо! Сейчас, конечно, поздно об этом говорить, но ведь какой надежный транспорт трамвай!

В здании канцелярии премьер-министра царила суматоха, по коридорам сновали толпы народу. Пробираясь сквозь людской поток в специально отведенную для плана Д комнату, Наката спросил:

— Со стариком связались?

— С большим трудом, — пробормотал Ямадзаки. — Он в Хаконэ. Говорят, и во время землетрясения был там. Вчера один из его подчиненных навестил меня дома в Кёдо. А Куниэда сейчас у старика, поехал к нему.

— Прекрасно! Тогда профессору Тадокоро незачем встречаться с премьером, лучше пусть старик ему скажет…

— Ну, как бы то ни было, планом Д какое-то время мы все равно не будем заниматься, — сказал Ямадзаки, взявшись за ручку двери. — Это столпотворение еще не скоро кончится. А когда кончится, тогда мы и будем что-то делать. Да ведь и это самое, если оно все-таки произойдет… произойдет не так уж скоро, верно?.. Лет через пять, не раньше…

— Это как сказать… — спокойно возразил Наката. — При самом грубом анализе данных, полученных в результате исследований на «Такацуки», вывели минимальный срок два года.

— Два года?! — Ямадзаки разинул рот. — Да ты это… всерьез?

— Я уже сказал, при самом грубом анализе. Это минимальная величина.

— Но ведь… — Ямадзаки потерянно посмотрел

на всех. — Не верю, не могу! Я ведь тоже за это время кое-что выучил, занимался… При последнем землетрясении довольно много энергии высвободилось. И, я думаю, это означает оттяжку на некоторое время… Или я ошибаюсь? Юкинага-сенсей…

— Давайте поговорим об этом в комнате, — сказал Онодэра.

Комната, выделенная по указанию премьер-министра для осуществления связи с группой, занимавшейся планом Д, была небольшой. Там стояли простые письменные столы и стулья, шкаф для бумаг, железный шкаф, видавший виды диван, два кресла и журнальный столик. Когда в комнату набивалось человек пять, в ней сразу становилось тесно. Снаружи на двери не висело никакой таблички. Обещали дать еще двух сотрудников для ведения делопроизводства, но пока что их не было. Из посторонних сюда почти никто не заходил, разве что порой заглядывал секретарь начальника канцелярии, работавший в смежной комнате. Да и сами сотрудники, кроме Юкинаги и Ямадзаки, почти никогда здесь не бывали. Но теперь, когда контора в Харадзюку пришла в негодность, у них осталась только эта комната, где были собраны ценные материалы

и документы.

— В суматохе отобрали городской телефон, страшно неудобно… — Ямадзаки подбородком показал на стол, — Даже чаю я вам не могу предложить. Воды выпьем, что-ли?

— Да ладно тебе, — улыбнулся Наката. — Ты лучше подумай, как бы нам связаться со стариком в Хаконэ. Или придумай предлог, чтобы прямо к нему отправиться.

— А где мы возьмем машину? Опять же экономия бензина. Да и телефонная связь только на шестьдесят процентов восстановлена, — Ямадзаки тяжело опустился на стул. — Вчера вечером к моим соседям вор забрался…

— Не выспался?.. — Онодэра широко зевнул. — Я тоже вконец устал.

— Где уж тут выспаться! У меня живут сейчас две семьи — родственники и знакомые. Маленькие по ночам плачут от страха… Напуганы, ведь и вправду все было очень страшно…

Ямадзаки устало потер лицо ладонями. Онодэра смотрел на него с каким-то удивлением, словно не узнавал. Кто он, этот человек с усохшим, уменьшившимся по крайней мере на размер телом? Еще совсем недавно он был способным преуспевающим чиновником. А сейчас это по-

старевший, до крайности утомленный отец семейства. Все семейные — люди терпеливые и грустные, подумал Онодэра с горечью. Ему-то легко. Но большинство мужчин его возраста, как и Ямадзаки, бесконечно терпеливые, смертельно усталые отцы семейства. Работают на совесть, изо всех сил, содержат жену и детей, следят за учебой, за воспитанием своих сыновей и дочерей с первых классов школы и до окончания университета, ютятся в тесных квартирах, отказывают себе во многом, сдерживают все свои порывы, потому что ответственны перед семьей, потому что должны строить жизнь своей семьи так, чтобы она не вступала в противоречия с обществом…

— Семья Катаоки, кажется, целиком погибла… — сказал Наката. — Ведь квартира у него была на улице Тамати.

Ямадзаки вдруг перестал растирать свое лицо.

— Сигарет нет? — спросил он.

Онодэра молча протянул ему пачку. Закурив, Ямадзаки с силой выпустил дым, словно хотел выдохнуть весь воздух из своих легких.

— Н-да, что ни говори, а землетрясение — событие страшное… — он нахмурил брови. — Сильный удар для Японии.

— Еще бы, — ответил Наката. — Но…

— А я, знаете, перестал верить… — Ямадзаки посмотрел в окно. — Неужели это может произойти на самом деле? Даже масштабы этого землетрясения кажутся мне чудовищными. А тут… не может быть… Изменения, которые по своим масштабам в сотни раз превзойдут нынешнее землетрясение… Нет, нет, это землетрясение меня убедило, что ничего подобного быть не может. Скорее всего, это бредовая фантазия тронувшегося умом старика-ученого…

— Многим, должно быть, так кажется, — сказал Наката. — И ученым в том числе. А у меня, наоборот, крепнет убеждение, что это произойдет. И явление это будет совершенно другого характера, чем настоящее землетрясение. Произойдут такие изменения в земной коре, каких мы себе даже и представить не можем. Конечно, будут и землетрясения, как вторичные явления… Но подлинные изменения будут происходить под тем слоем, в котором происходят землетрясения.

— Не могу поверить… — рассеянно повторил Ямадзаки. — Неужели?! Юкинага-сенсей, скажите…

Юкинага только едва заметно кивнул с непроницаемым лицом.

— И что же… тогда… что станет?.. Японцы…

ведь сто миллионов… предприятия, дома…

— На мой взгляд, в худшем случае большинство погибнет, — сказал Наката. — Потому что подавляющее большинство людей не поверит. Будут сомневаться… Хорошо, если повезет и ничего особенно страшного не случится… Но нам тогда придется несладко, на нас посыплются все шишки, мы окажемся маньяками и жуликами. Будем преданы суду по обвинению в распространении вызывающих панику слухов и в растрате государственных средств. Несколько политических деятелей тоже будут отвечать вместе с нами. Я думаю, они это знают и, помогая нам, заранее готовятся к такому исходу. Но политические деятели, наверное, окажутся хитрее нас и как-нибудь выкрутятся. А если и предстанут перед судом, так заранее договорятся, кто им после окажет помощь за то, что они выступили в роли «жертв». А вот у нас не будет никакой поддержки. Из нас легче всего будет сделать козлов отпущения. Возможно, нас даже убьют. Линчуют. Если это на самом деле случится, пока то да се, пока будут сомневаться да спорить, положение будет все больше ухудшаться, и наступит такой момент, когда никакие меры уже не помогут. Вот тогда-то и произойдет настоящая катастрофа — погибнут

миллионы и миллионы…

— Наката, вы нигилист! — тихо сказал Ямадзаки.

— Почему? Я оптимист. Если сработает совершенно или почти неведомый нам уравновешивающий балансир и этого не случится, а если даже и случится, но ограничится малыми масштабами, тогда пусть общество разорвет меня, растерзает, пусть меня навсегда вышлют из Японии… Я все приму, все! Да притом еще поздравлю и общество, и ту страну, которая называется Японией! А пока что я считаю, что мы должны работать, исходя из предположения, что оно произойдет, и тогда, быть может, наша работа принесет хоть крохотную пользу, хоть на один или два процента уменьшит предполагаемый ущерб. Вот и все.

Один процент — это очень много. Один процент — это миллион дорогих нашему сердцу японцев. И они будут спасены… Нет, в том случае, если мы окажемся правы, мы не станем героями. Тогда ведь будет ад кромешный. А какой смысл хвастать в аду правильностью своих пророчеств!

— У меня дети, жена… — охрипшим голосом сказал Ямадзаки и, погасив сигарету, смял ее в пепельнице. — Не знаю, как вы… но когда думаешь о семье… Ну, конечно, кто-нибудь что-нибудь для

них сделает… Но хорошо бы заранее отправить семью за границу… Хотя сейчас, в данной ситуации и это, наверное…

Ямадзаки снял телефонную трубку и долго ждал, пока ему ответят, потом сказал номер.

— Только через тридцать минут дадут Хаконэ, — сказал он, положив трубку. — Нет, я на самом деле не могу, просто не могу поверить…

— Мы сейчас анализируем все возможные варианты, строим модели с учетом различных отклонений… Еще немного и сможем предсказать более точно… — сказал Юкинага. — Нам бы чуточку побольше данных… и…

— И все-таки невозможно предсказать, когда это произойдет, — возразил Наката. — Действительно ли произойдет, как произойдет, в каких масштабах… Абсолютно точно ничего не предскажешь, сколько бы данных мы ни собрали. Единственное, что мы можем, это уточнить вероятность ожидаемого явления… В этой игре «да — нет» я, полагаясь на свое чутье, ставлю на «да» и буду счастлив, если проиграю.

— А как ваше чутье, не обманывает вас?

— В пятидесяти случаях из ста не обманывает. Но я всегда играю по крупной, так что, когда мое чутье меня подводит, бывает настоящий

кошмар.

Ямадзаки, усмехнувшись, встал из-за стола.

— Хорошо бы вытащить профессора Тадокоро из парламента. Машину я как-нибудь добуду. Обману кого-нибудь и заберу. Без талона на бензин… — сказал Ямадзаки и, уже выходя из комнаты, добавил: — Если попадусь, в порядке дисциплинарного взыскания освободят от занимаемой должности.

— Наката-сан, вы холосты? — тихо спросил Юкинага.

— Нет, женат. Детей, правда нет…

— Ее судьба не тревожит вас?

— Она сейчас в Европе. Развлекается… — Наката вдруг неестественно громко расхохотался. — Не заставляйте меня думать о глупостях…

— А вы не раздельно живете?

— Что вы! Откуда у вас такие мысли? Я даже влюблен, и она тоже… — Наката чуточку смутился. — Я частенько думаю, имел ли я право как человек женатый браться за такое дело, которое не сулит ничего, кроме неприятностей. Моя жена из богатой, даже очень богатой семьи, ее отец крупный ученый… Я вырос не в такой роскоши, но все же в достатке… Короче говоря, голодать мы не будем. Вот и выходит, что я не только имею

право, по даже обязан заниматься всем этим…

— Вот оно как… — сказал Онодэра. — А вы, пожалуй, действительно нигилист.

— Может быть, — просто согласился Наката. — Иногда я начинают сомневаться, действительно ли я люблю Японию, японцев. Но любить и спасать, ведь вещи разные. В данном случае, пусть я не люблю японцев, но все равно, если смогу их снасти, должен отдать этому все силы… Да… даже если за это мне придется поплатиться собственной жизнью…

Все дороги в Хаконэ где-нибудь да были повреждены. Чаще всего это были косые разломы почвы. Приходилось их объезжать. Да еще масса машин, так что ехали со скоростью немногим больше десяти километров. В Хаконэ прибыли после полуночи.

Хаконэ тоже немало пострадал. В районе Тоносава то и дело попадались полуразрушенные здания, в некоторых местах не было электричества. И все равно гостиницы и кемпинги были переполнены беженцами из Канагавы и Токио. Спиральная дорога на отдельных участках стала непроезжей из-за обвалов, в ряде мест двигаться можно было только по одной стороне.

На пути из Убако к вершине Кодзири-тогэ в криптомериевую рощу сворачивала малоприметная частная дорога. Когда машина взобралась на самый верх крутого подъема Цудузураорэ, показался одноэтажный дом, окруженный живой изгородью. Остановив машину у ворот с перекладиной, водитель сказал несколько слов по интерфону. Открылась дистанционно управляемая калитка.

В саду лежали груды желтых листьев, их, видно, специально не убирали. Среди них валялся упавший каменный фонарь в стиле «орибэ», на мху остался глубокий след от сорвавшегося плафона. Значит, здесь тоже ощущались толчки.

Старик одиноко сидел в комнате размером в десять татами, греясь у вделанной в пол жаровни. Сидел он на низеньком стуле с сиреневой атласной спинкой. На нем были кимоно и накинутая сверху темно-коричневая стеганая безрукавка. Шея обмотана белым фланелевым шарфом. Он сильно сутулился и казался очень маленьким. Над полуприкрытыми веками лохматились белые брови. Казалось, он дремлет. Непонятно было, заметил ли он, как гости во главе с профессором Тадокоро присели у сёдзи, впрочем, голова его чуть качнулась.

— Да, что ни говорите, Хаконэ есть Хаконэ, холодно!

Профессор сказал это очень громко, нисколько не считаясь с обстановкой. Его плохо натянутые носки зашлепали по татами.

Девушка в коротком, слишком скромном для ее возраста кимоно провела их в комнату и усадила вокруг жаровни. Ее густые волосы были собраны на затылке в узел.

Огромные глаза, на лице ни тени косметики, твердо сжатые губы, производившие впечатление упрямства. Но когда она улыбалась, показывая ровные зубы, лицо ее делалось удивительно наивным.

— Вас тут тоже немного потрясло, — сказал профессор Тадокоро, поглядывая на токоно-ма за спиной старика. Там по отделанной песком стене у столба из древнего ствола криптомерии бежала трещина. Внизу, на полу из черной древесины персимона, лежали песчинки.

Рассматривая картину южной школы, висевшую на токоно-ма, Юкинага сказал:

— Работа Таномура Тёкуню?

— Хороший глаз, — старик едва слышно рассмеялся. — Однако подделка. Хорошо сработана. Любишь картины южной школы? А Тэссая?

— Нет, не очень… — запнулся Юкинага.

— Да? Я тоже не очень люблю. В моем возрасте такие картины надоедают.

Девушка подала чай, изящно ступая маленькими ногами в белых таби. Походка, выработанная при занятиях танцами театра «Но», подумал Юкинага. В чашках, которые им подали, был не чай, а какой-то напиток с плававшими в нем коричневатыми растениями.

Орхидея, определил Онодэра, сделав один глоток.

Сквозь вившийся над чашкой парок он смотрел на густо-красный цветок кровохлебки, поставленный в вазу из тропического бамбука.

— И… — старик тихо раскашлялся. — Что же будет, Тадокоро-сан?

— Э-э… — профессор Тадокоро подался вперед.

— Про Токио не нужно. Уже много и от многих слышал…

— Разумеется! — профессор одним глотком выпил чай из лепестков орхидеи. — Мой вывод остается таким же, как и раньше. Для более точного определения… необходимо провести более крупные исследования, привлечь больше ученых… Вопрос в том, как это сделать. И как об этом рассказать правительству…

Старик слегка покачивал в похожих на сучья руках фаянсовую чашку ручной работы. Нельзя было понять, куда смотрят его глубоко посаженные глаза. То ли он бездумно, словно ребенок, глядит, как тихо плещется чай, то ли погрузился в себя, забыв обо всем на свете. Снаружи шумели деревья. А сквозь этот шум издали доносился негромкий, похожий на сонное ворчание какого-то зверя гул горы, который не утихал здесь с землетрясения.

— На данном этапе, — вдруг заговорил Наката, — продолжать нашу работу с тем количеством сотрудников, которое у нас имеется, нельзя. То есть конечно, мы и в таком составе работу продолжим… Но… люди… я хочу сказать, когда этот день приблизится, многие люди начнут кое о чем догадываться, ведь появятся разные там предупреждения… Но почти никто, наверное, не поверит… А это… это самое… оно произойдет тогда, когда должно будет произойти…

Старик все еще продолжал покачивать чашку. Его морщинистая шея слегка дрогнула, раздался едва слышный кашель. Все следили за медленным танцем чашки. Вдруг рука старика остановилась, чашка легко стукнула о столик и наконец замерла.

Морщинистая рука исчезла под столом и на что-то нажала. Где-то в глубине дома едва уловимо заколебался воздух.

— Тадокоро-сан, — старик поднял голову и слегка повел ею в сторону. — Вы заметили вон тот одинокий цветок?

Тадокоро поднял глаза. Рядом с токоно-ма в стену были вделаны полки. На столбе, разделявшем их, висела ваза из тыквы-горлянки с одиноким ярко-алым цветком, от стебля которого отходили два темно-зеленых листика.

— Кажется, камелия вабисукэ… — пробормотал профессор Тадокоро.

— Да, правильно. Один куст осенью вдруг весь расцвел, словно обезумел. Тадокоро-сан, кажется, природа Японии с недавних пор повсюду сходит с ума. Может, с точки зрения ученого, в этом нет ничего особенного. Но мне, прожившему среди этой природы сто лет, думается, что травы, деревья, птицы, насекомые, рыбы чего-то испугались и…

Тихие шаги прошелестели по коридору и остановились за сёдзи.

— Изволили вызывать? — раздался голос.

— Ханаэ, — сказал старик, — раздвиньте сёдзи, застекленные двери тоже раздвиньте. Полностью.

— Но… — девушка широко раскрыла глаза. — Очень похолодало на улице.

— Ничего. Раскройте…

Девушка с шумом раздвинула сёдзи. В комнату, обогреваемую одной лишь жаровней, хлынул холод осенней ночи Хаконэ. Стали слышны стрекотание насекомых и шум криптомериевой рощи.

Внизу, сквозь стволы деревьев, виднелось озеро Асиноко. Луна семнадцатой ночи стояла уже довольно высоко. Ее почти слепящее ледяное сияние дробилось на мелкой ряби озера. Как черные ширмы, возвышались горы Хаконэ с окунутыми в лунный свет вершинами.

— Тадокоро-сан, — с неожиданной силой прозвучал голос старика за спинами тех, кто, забыв обо всем на свете, любовался этой до боли прекрасной картиной. — Пожалуйста, смотрите! Хорошенько смотрите на эти горы и озера Японии. Япония огромна. Она протянулась на целых две тысячи семьсот километров, большие и маленькие острова, горы, в ней живет сто миллионов человек… Вы и сейчас считаете, что эта Япония, эти огромные острова исчезнут под водой? Действительно и сейчас продолжаете верить, что все это в самом ближайшем будущем

внезапно скроется в морской пучине?

— Я… — голос профессора прозвучал как стон. — Я верю, к сожалению. А последние исследования укрепили мою веру.

Онодэра содрогнулся.

И не только от пропикшего во все поры ночного холода. Он смотрел на омытые сиянием луны вершины, на полноводное черное озеро, разбивавшее лунный свет на мириады осколов, и его охватило странное чувство.

Нет, неужели эти острова с огромными горами, лесами и озерами, с городами и живущими в них людьми на самом деле исчезнут под водой?

— Хорошо, — раздался голос старика. — Мне нужно было от вас это услышать… Ханаэ, можете закрыть.

Онодэра, неотрывно смотревший на яркую до боли в глазах луну, нахмурил брови. Ему показалось, что совершенно четкий контур луны вдруг качнулся, словно раздвоился. Стрекотание насекомых смолкло. Ветер утих, деревья больше не шелестели. Упала мертвая тишина.

И тут из-за черных деревьев донесся резкий крик козодоя. И сразу вслед за ним загомонили птицы, чем-то встревоженные, слепые и беспомощные в ночи. Далеко внизу, на другом берегу

озера, завыли и залаяли собаки, закричали петухи.

— Начинается… — сказал профессор Тадокоро.

Не успел он докончить фразу, как все загудело — и близкая роща, и далекие горы. Барабанной дробью застучала черепица, заскрипели перекладины и столбы, а потом застонал и весь дом. Погасло электричество. Раздался стук падающей мебели, шум песка, сыплющегося со стены, что-то рухнуло на татами. Вскрикнула испуганная девушка.

— Ничего, страшного. Толчок, который слегка поднимет опустившийся горный массив Нидзава. Ничего страшного… — раздался спокойный голос профессора Тадокоро. — Изменение в земной коре, о котором я говорю, носит совершенно иной характер. Конечно, когда оно произойдет, сопутствовать ему будут и землетрясения, и извержения, и взрывы вулканов.

Землетрясение кончилось быстро. Безмолвно сидя в погруженной в темноту комнате, все снова устремили взоры на спокойное — будто ничего не случилось — освещенное ярким лунным сиянием озеро Асиноко. Луна поднималась все выше, ее свет падал на татами.

— Наката-кун… Вас ведь так зовут?.. Молодой

человек, который давеча что-то тут говорил… — послышался в темноте голос старика.

— Слушаю… — ответил Наката.

— Вы хотя бы в общих чертах представляете, что необходимо делать на следующем этапе?

— Да, в общих чертах представляю, — спокойно ответил Наката. — Если выразиться точнее, у меня есть некоторые соображения… Соображения по части того, что, как и в какой последовательности необходимо безотлагательно предпринять.

— Хорошо. Срочно составьте проект. Еще нужно, чтобы завтра кто-нибудь поехал в Киото… Хорошо бы, если бы поехали двое. В Киото живет один молодой ученый — Фукухара. Когда читаешь его работы, видно, что это серьезный человек. Настоящий ученый. Надо ему передать мое письмо, все объяснить и попросить его о сотрудничестве. А под каким предлогом с ним встретиться, я вам завтра скажу. Ученые Токио всегда отличались неумением продумывать и решать проблемы, охватывающие долгосрочные периоды. Сегодняшним днем живут. Для решения таких проблем лучше всего подходят киотские ученые…

— Фукухара… — сказал Юкинага. — Он занимается сравнительной историей цивилизаций. Вы

давно его знаете?

— Никогда с ним не встречался, — старик опять глухо закашлялся. — Но мы несколько раз обменивались письмами. Думаю он нас поймет…

Сквозь щели фусума из соседней комнаты упал свет. Девушка внесла старинный светильник со свечой.

— Ой!.. — девушка нахмурилась. — Вабисукэ…

В кругу желтого света, падавшего от светильника, на полу, словно пятно крови, алела маленькая камелия.

Утро.

Онодэра и Куниэда, откуда-то появившийся на рассвете, отправились с письмом старика в Киото. Новая магистраль Токио — Осака функционировала только к востоку от Сидзуоки. Чтобы добраться от Сидзуоки до Нового Осаки требовалось не меньше трех часов, все линии были страшно перегружены, поезда набиты до отказа. Даже в вагонах первого класса пассажиры сидели и стояли в коридорах.

Онодэра, стиснутый со всех сторон, стоял в душном переполненном коридоре вагона. Когда поезд проезжал над рекой Тэнрю-гава, он вдруг вспомнил свою встречу с Го в зале Яэсугути год

назад. Тогда-то все и началось.

Потом Го погиб в верховьях этой самой Тэнрю-гава. Сначала заподозрили убийство, однако это был несчастный случай, чем-то смахивавший на самоубийство. Потом нашли записки Го. Сопоставив эти записки и письмо Го, которое он отправил Онодэре, когда тот был на островах Бонин, Онодэра выяснил одну важную вещь. Его друг, произведя удивительно точные вычисления, сделал поразившее его открытие: строительство суперскоростной магистрали невозможно. Заяви он об этом во всеуслышание, его сочли бы безумцем. Как человек с высокоразвитым чувством долга, он очень страдал. В результате — бессонница, сильнейшее переутомление, непрекращающееся нервное возбуждение. Однажды ночью, мучимый все той же навязчивой мыслью, он отправился в верховья реки — в опасную зону, где погиб от несчастного случая, который мог бы и не произойти, находись он в спокойном состоянии.

Го ухватил тогда только краешек этого, подумал Онодэра. Но когда он на основании фактов построил модель, ему открылось нечто совершенно невообразимое и немыслимое. И размышлять над этим было невыносимо… Георг Кантор покончил

жизнь самоубийством, открыв теорию множеств. Тьюринг наложил на себя руки, доказав теоретическую возможность «универсального аппарата Тьюринга»… Для человека существует какой-то предел «естественного логического вывода». Бывает, что натянутая до отказа нить разума вдруг со звоном рвется…

А сейчас он, Онодэра, ехал в Киото, где еще недавно вспоминал с друзьями Го, где они спорили, убийством или самоубийством была его смерть… Сердце у него болезненно сжалось. Да, они сидели тогда на открытой галерее над Камагавой… И вдруг загудела, заплясала земля… А потом он исчез, преднамеренно «пропал без вести»… Сколько времени прошло с той поры?.. Тогда он и думать не думал, что существование Японии под угрозой, что он будет втянут в ту работу, которой сейчас занимается. И что же?.. Сейчас он один из тех редких людей, кому известны совершенно секретные данные о будущем Японии… И он раздавлен тяжестью тайны и постоянным ожиданием беды… Да что же это!? — крикнул про себя Онодэра, вытирая выступивший на лице пот. Что же это такое, в конце концов?!

Киото после прошлогоднего землетрясения был почти восстановлен. Но в городе царили уныние

и пустота. Гион и улицы Бонто-тё, считавшиеся ранее изящными символами веселого Киото, выглядели до боли печально. Безжизненным казался и нижний город с его сплошными жилыми массивами.

Когда они прибыли на квартиру Фукухары, находившуюся в северной части Киото, хозяин оказался дома. Он уже второй день не выходил, плохо себя чувствуя.

У ученого, встретившего гостей в домашнем халате, были черные, без единой седой нити волосы и совершенно детское лицо, хотя говорили, что ему за пятьдесят. Бывают лица, по которым нельзя определить возраст. Он несколько раз прочитал письмо старика, склонив голову, выслушал Онодэру и Куниэду, подробно обрисовавших положение вещей, потом покачал головой и произнес только одно слово:

— Кошмар…

И тут же вышел из гостиной.

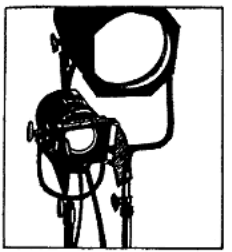
Прошло тридцать минут, час, но ученый не появлялся. Устав от ожидания, они обратились с вопросом к прислуге.

— Сенсей изволит почивать на втором этаже, — ответила она.

— Что за ученые в Киото! — тихо проворчал

Куниэда. — Люди для них все равно, что мартышки. Два серьезных занятых человека специально приехали из Токио по важнейшему делу, а он сказал «кошмар» и завалился спать…

Тонущая страна



1

В одной из комнат резиденции премьер-министра, еще не полностью отремонтированной после землетрясения, за столом сидели измученные, осунувшиеся от бессонных ночей премьер, начальник канцелярии и управляющий делами. На столе лежал лист бумаги.

— Как быть с этим вопросом?.. — устало произнес премьер. — Мне докладывали, что дальнейшие исследования потребуют дополнительных

ассигнований от одного до Десяти миллиардов иен…

— Ничего другого, наверное, не остается, как передать это дело Управлению обороны… — ответил начальник канцелярии. — Фундаментальные исследования по плану Д уже начаты… Теперь нужно срочно расширить руководящую группу, увеличить людской состав, материальную часть и ассигнования…

— Но совершенно очевидно, что одно Управление обороны с планом Д не справится, — сказал управляющий делами. — Да и ассигнования, если они превысят пределы секретного фонда, станут проблемой. А самое главное, нужно точно определить, когда и в какой форме это произойдет. Тут не обойтись только кабинетной разработкой проекта эвакуации. Потребуется сотрудничество огромного количества ученых. А вот как собрать этих ученых…

— Н-да, придется обратиться к Научно-техническому совету, никуда не денешься… — премьер скрестил на груди руки. — Значит, мы должны посвятить в тайну, в определенных пределах, конечно, председателя и членов коллегии совета и просить их о сотрудничестве. Впрочем, я думаю, в Управлении метеорологии, Государственном

институте геодезии и картографии, Институте сейсмологии и Институте изучения защиты от бедствий уже, наверное, есть люди, которые начинают кое о чем догадываться…

— Кто знает… Ученые в основном заняты недавним землетрясением, — задумчиво произнес управляющий делами. — А это… Это — явление грандиозное и небывалое… Если и найдутся, скажем, двое или трое таких, которые способны догадаться, так они сами себе не поверят. И уж во всяком случае не станут об этом распространяться. Ведь их за сумасшедших могут принять.

Премьер молча продолжал смотреть на лежавший перед ним лист бумаги.

— Я ведь тоже сомневаюсь… вернее, никак еще не могу поверить… — пробормотал он. — Слишком уж чудовищно все это. Ну, пусть мы страна вулканов, но чтобы такая территория за такое короткое время…

Остальные двое тоже уставились на бумагу. В середине листа была напечатана единственная строчка:

→
min
D=2

— Да, действительно… совершенно невероятно… — сказал управляющий делами, потирая пухлой ладонью подбородок. — Если это правда, то, конечно, кошмар… а если невероятная ошибка, или, вернее, фантазия или просчет, этого самого ученого, Тадокоро, то тогда…

Начальник канцелярии острым взглядом посмотрел на премьера. Он тоже беспрестанно об этом думал — а вдруг ошибка, заблуждение, фантазия… Он уже давно сопутствовал премьеру на политической арене. В свое время, окончив то же учебное заведение, что и премьер, он был многим обязан последнему. И теперь он никак не мог отделаться от мысли, что его патрон — высшее в государстве лицо — в минуту слабости поддался грандиозной афере… Во всяком случае, пока все происходит за кулисами и втайне, от этого еще можно отречься. Но в дальнейшем, когда размеры ассигнований и круг втянутых в исследования лиц увеличатся, когда все это приобретет официальный характер, бить отбой будет гораздо труднее. Могут призвать к ответственности, а это неминуемо кончится политической смертью премьера и всей правительственной партии в целом.

Кого тогда принести в жертву?.. Начальник

канцелярии, рефлекторно следуя долголетней привычке, начал мысленно подыскивать подходящую кандидатуру. Кто возьмет на себя ответственность в худшем случае? Кого избрать «козлом отпущения», чтобы спасти премьера?.. Он готов подставить собственную голову… Но хорошо, если этого окажется достаточно…

А если оно все-таки произойдет, тогда…

— Проведенные до настоящего времени исследования не дают оснований для определенных выводов… — премьер поднял голову. — Как бы то ни было, пока исследования надо продолжать. Может быть, мы действительно немного увеличим ассигнования и численность сотрудников?

Премьер, как всегда, осторожничал, и все же начальник канцелярии почувствовал, что он решился. Решился действовать достаточно смело, подвергаясь политическому риску.

— Очень хорошо! — кивнул управляющий делами, сотрясаясь своим огромным телом. — Да, кстати, о завтрашнем заседании секретариата партии…

— Я бы хотел прежде… — премьер вдруг задумался. — Свяжите меня с вице-премьером и секретарем партии?..

— Вице-премьер, наверное, уже спит, — взгля-

нув на часы, ответил начальник канцелярии. — Вызвать секретаря?

— Нет, пока не нужно, может быть, немного позже…

Премьер встал, достал бутылку коньяку и вместе с тремя рюмками поставил на стол.

— Устал я что-то… — он разлил коньяк. — Может, завтра поговорим?

— Давайте завтра, — согласился управляющий делами, беря рюмку. — Вам лучше отдохнуть. Мой вопрос до завтра терпит…

Они молча подняли рюмки… Огромный, как профессиональный борец, управляющий делами выпил свой коньяк одним духом, поднялся и направился к двери. Минутой позже поднялся и начальник канцелярии, а за ним и премьер.

Начальник канцелярии, оторвавшись в коридоре от управляющего делами, шепнул премьеру:

— Собираетесь преобразовать кабинет?

Премьер удивленно посмотрел на своего ближайшего помощника, отличавшегося безошибочным чутьем.

— Да, как только уляжется нынешняя суматоха… — лицо премьера напряглось. — В определенном смысле, мне кажется, момент для этого подходящий. Вот встречусь завтра с вице-премье-

ром и секретарем партии…

Когда оба члена кабинета ушли, премьер, вернувшись к себе, выпил еще рюмку коньяку. В его огромном доме сейчас было пустынно. После землетрясения семья уехала, остались только прислуга, управляющий, он же камердинер и охрана. Он приказал им всем не появляться на людях. Создавалось впечатление, что в резиденции он один. Тишина.

Странно все складывается… Чувствуя, как алкоголь выявляет усталость, премьер закрыл глаза и потер пальцами веки. Усталость сразу навалилась на него, обрушилась на спину и затылок, словно пытаясь столкнуть головой вниз, в пропасть. Откинувшись на спинку кресла, он отдался этому падению. В свинцовом водовороте мыслей что-то начало смутно вырисовываться.

Выбор… Он все время думал об этом загадочном выборе.

«Делать выбор в полном одиночестве» — это ведь специальность профессионального политика. Во всяком случае, должно быть специальностью. Именно с этого и начинается власть. Этот пятидесятилетний — для главы государства еще молодой — человек придерживался древнего убеждения, что у политического деятеля должно

быть что-то от чудотворца. Очевидно, в политике никогда не удастся провести никакой рационализации. Какого бы высокого уровня развития ни достигли компьютеры, но даже тогда чутье людей определенного склада и принимаемые ими решения в каких-то случаях будут превосходить возможности даже целых автоматизированных систем. Ибо в политическом выборе присутствует «момент прыжка» в темное будущее, которое даже компьютер не в состоянии полностью прогнозировать. Компьютер на основании данных о прошлом и настоящем с какой-то вероятностью моделирует будущее. Но в ряде случаев человеческое чутье, совершая скачок, обнаруживает «ближайший путь», смоделировать который компьютер не способен. Принимая решение на основании представленных компьютером данных, человек меняет процесс развития ситуации, а следовательно, и распределение вероятностей. Тут производится новый распет и делается новый прогноз, которые подсказывают направление нового выбора… Установить это направление Удается методом последовательного приближения зигзагообразно, по типу «броуновского движения», что в конечном итоге приводит к выбору «наилучшей из всех возможных» ситу-

аций. Но порой человек способен сам увидеть наилучшую ситуацию и сделать выбор, который ведет к ней «наикратчайшим путем». В этом случае потери, как правило, сводятся до минимума. Действительность состоит из бесчисленного множества больших и малых, отличных по амплитуде и скорости явлений, которые, взаимно влияя друг на друга, образуют гигантскую и сложную систему. В настоящее время в компьютер еще нельзя вложить все возможные и мыслимые составляющие действительности. Компьютер пока еще пребывает в пеленках и не имеет особых заслуг перед историей. И если даже в него вложат абсолютно все данные, все равно он не сможет представить полной картины будущего — в ней останутся непредсказуемые темные пятна, как на это указывает «демон Лапласа»…

Какое облегчение, думал премьер, принес бы компьютер, которому можно было бы целиком и полностью доверить все прогнозирование будущего… Тогда человеку не пришлось бы заниматься тем, что сейчас именуется политикой, и настали бы, наверное, счастливые времена. Интересно, придет ли на самом деле такой день, когда человек освободится от мучительного морального бремени политической ответственности,

как некогда благодаря машине освободился от тяжелого, изнурительного физического труда?..

Скорее всего, такого дня не наступит…

Пока компьютеры и огромное число способных работников бюрократического аппарата только усугубляют сложность ситуаций, зависящих от «выбора», и еще больше увеличивают бремя тех, кто принимает «решение». Премьер-министр, не раз встречавшийся с главами правительств, вспомнил, как он внутренне содрогнулся, подсмотрев на лице президента Соединенных Штатов тень трагического отчуждения и мрачного, никакими словами не выразимого одиночества, спрятанного за ослепительной улыбкой. А ведь этот человек располагает наиболее совершенной информационной системой и наиболее высокоорганизованным и способным штатом работников. Это было в Белом доме во время беседы, завершившей ужин. Президент, всех подряд одарявший улыбкой, на несколько секунд отвлекся.

Случайно оглянувшись, премьер увидел, как он улыбается пустому пространству, в котором никого не было.

И тогда премьеру открылось нечто жестокое, как бы застывшее где-то на полпути между привычной улыбкой губ и ледяным холодом глаз… А

за этим холодом — трагическое одиночество, выскользнувшее вдруг наружу, как рукав грязной нижней рубашки из-под белоснежного крахмального манжета. Захотелось не видеть этого. Премьера больно кольнуло ничем не объяснимое чувство вины, словно он ненароком подсмотрел, как президент справляет естественную нужду.

В этот момент премьеру показалось, что он видит самого себя, давно и беспрерывно страдающего от такого же нечеловечески уродливого одиночества, подметить которое могут только люди одинакового положения, и то пользуясь особым ключом…

Премьер продолжал сидеть, откинувшись на спинку кресла, и думал, что сейчас у него, наверное, такое же лицо, какое было тогда у американца. Безобразное лицо старой колдуньи с жесткими, но нечеткими чертами… В те времена японскому премьеру было гораздо легче, чем американскому президенту. Тогда Соединенные Штаты Америки завязли в болоте безобразной войны, и от решения президента зависела жизнь десятков тысяч как его соотечественников, так и их противников.

Однако теперь он очутился в более сложном положении… Премьер всей рукой потер свой

далеко не свежевыбритый влажный подбородок. Страна, именуемая Японией, может исчезнуть. Государственная территория физически будет потеряна, погибнет огромная часть народа, а выжившие утратят родину… Им придется скитаться по чужим землям, по всегда тесным для изгнанников землям других народов…

Вероятность этого все больше увеличивается, однако и вероятность, что ничего подобного не случится, тоже достаточно велика. Но сейчас не время размышлять, да или нет, надо всесторонне подготовиться к возможной катастрофе. Впрочем, готовиться, может быть, уже поздно, если D=2. Но, если начать, и… ничего не произойдет… Япония окажется в нелепом положении, и всю ответственность ему придется взять на себя.

Принимать такие решения — задача непосильная для одного человека, думал премьер, медленно покачивая рюмку с коньяком. Невозможная для нормального человека. Поэтому-то, как бы ни совершенствовались компьютеры и бюрократическая система, «власть» все равно остается чем-то чудодейственным, иррациональным и надчеловеческим, что зиждется на хладнокровном безумии. Нормальному человеку недостает смелости в принятии решения по

такому жестокому вопросу. И чем яснее будет становиться положение, тем больше будет угасать смелость. Ведь один должен решать за всех. Сыграть бесчеловечную роль бога может лишь тот, кто наделен могучей, не знающей жалости духовной силой и неиссякаемой энергией. Такой человек способен внушить окружающим какой-то иррациональный страх перед «святостью» власти. И вместе с тем, если его решение, как подброшенная монета, упадет не на «орла», а на «решку», исполнитель роли «святого» с легкостью превратится в козла отпущения, в жертву, которая будет брошена на кровавый алтарь богини судьбы… Но… если человек, прекрасно сознавая все это, все же становится на такой путь, он уже властелин…

Премьер считал себя самым обыкновенным человеком. Его расчеты всегда были строги, точны и рациональны. Про себя он даже гордился этим. Когда он только ступил на политическую арену, ему казалось, что время политических деятелей эпохи Мэйдзи, умевших широко мыслить и далеко видеть, прошло. Он считал, что политикой можно управлять — так же как и предприятием — рационально, на основании строгих и точных данных при соответствующей

их обработке, и публично распространялся на эту тему. Но когда он, к собственному удивлению, выдвинулся — победил на выборах старейшипу правящей партии и сам стал ее главой, а затем и премьером, — то, еще не успев воспринять свое выдвижение как реальность, вдруг осознал особые свои способности, которые, по его мнению, не делали ему чести. Свои называли его «неустрашимым и отважным», политические противники — «холодным, жестоким, расчетливым». Однако массы начали испытывать к нему доверие с некоторой примесью почтительного страха. Окружающие — исподволь, потихоньку — навязали ему роль бессердечного «вершителя судеб», на которую другие были не способны, и он наконец это понял. К тому же интуиция редко его подводила, его решения в большинстве случаев оказывались правильными, а если порой он и ошибался, то не терял удивительного хладнокровия и не колебался, как прочие, и в результате выходил из сложных ситуаций с минимальными потерями. А иногда даже умел превратить поражение в победу. Ему самому нередко казалось, что он вовсе не «неустрашимый и отважный», а просто-напросто лишенный некоторых эмоций, например чувства страха, человек. Но дело было,

конечно, не только в этом. У него было своего рода духовное обаяние, привлекавшее людей и в сочетании с его недюжинным бесстрашием создававшее вокруг него ореол таинственности.

Пожалуй, он сам никогда особенно не стремился к власти и очутился на своем высоком посту не потому, что добивался этого, а потому, что незаметно для себя был выдвинут другими. Во всяком случае, такое ощущение не покидало его в течение двух сроков. В определенном смысле это был путь «жертвы». Он сам не понимал, отчего все произошло. Возможно, причиной этому были гены, возможно, воспитание. Он знал, что его кандидатуру выдвинул и оказывал ей закулисную поддержку тот самый старик, однако не придавал этому особого значения. Конечно, он не игнорировал старика — и ездил к нему, и слушал его рассказы о былом, и беседовал с ним об искусстве, однако вовсе не считал себя его подопечным. Уж очень далек был мир старика от того мира, в котором он ежедневно принимал решения. Эти миры находились как бы в разных измерениях, и не верилось, что они могут как-либо влиять друг на друга… Биография премьера была очень скромной. В решении государственных проблем он действовал с крайней осторожностью, словно

шел по вновь построенному мосту и, прежде чем сделать шаг, простукивал его молотком, проверяя на прочность. В политической истории страны он был на редкость неприметным канцлером. Правда, он разрешил несколько труднейших проблем и с честью вышел из нескольких кризисов, но сам не придавал этому особого значения. Япония — мирная и спокойная страна, думалось ему, и следовательно, его политическая биография должна завершиться мирно и спокойно.

Но сейчас положение внезапно изменилось. Громадных масштабов землетрясение, исковеркавшее столицу и прилегающие к ней районы, было не только стихийным, но и политическим бедствием. Однако с ним еще можно было бы справиться, если бы не это нечто, угрожающее будущему даже не страны, а земли, на которой эта страна находится. Если это действительно произойдет, перед Японией и ее руководителями встанет еще не виданная в истории государств политическая проблема.

Может физически исчезнуть огромная по численности населения экономически мощная страна, страна с многовековой историей и культурой… Были ли в мировой истории подобные случаи? Перед кем из политических деятелей

стояла подобная проблема?

Возможно, ему это окажется не по плечу… Премьер смотрел в пустоту, медленно покачивая рюмку с коньяком. Достанет ли у него сил?.. Конечно, он не будет сидеть сложа руки. Но сумеет ли он довести дело до конца?.. Или где-нибудь по пути, по ходу событий, попросит личность более сильную взять на себя его полномочия?..

А есть ли такой человек?

Ни одна кандидатура не приходила на ум… Вот разве что лидер малочисленной оппозиционной партии — он постепенно добивается все большего влияния. Этот человек, проведший годы войны в тюрьме, в послевоенное время сумел укрепить партию, преодолев тяжелейшую внутрипартийную борьбу, выстояв под ударами и правого, и левого крыла. Но что он такое на самом деле? В нем есть нечто непонятное… Да, так сразу никого не назовешь, подумал премьер, опустошая рюмку. Возможно, когда положение еще более усложнится, усилятся волнения, кто-нибудь выплывет на арену. Но во всех случаях пока исполнять роль «вершителя судеб» придется ему… А это значит — цепь мучительных, жестоких решений.

Премьер продолжал размышлять. Как странно,

он совсем не испытывает «героического» подъема. Да у него и нет желания стать героем. Просто ему ничего больше не остается, как играть эту роль. Сейчас вопрос даже не в том, сумеет ли он исполнить ее. Пока что «рок» заставляет именно его, нынешнего премьера, нести это бремя… Как и все политические деятели Японии, он был убежден, что дела не «творят», а «творятся», хотя об этом никто не говорит вслух… И «воля», и «усилия» занимают незначительное место в гигантской игре судьбы, особенно в тех случаях, когда надвигаются события, которых предотвратить нельзя…

Премьер был убежден, что смелость — величина непостоянная и необходима лишь для того, чтобы не ошибиться. Надо выкроить время и поехать дня на два куда-нибудь в тихое место, посидеть в позе «дзэн», подумал премьер, разглядывая пустую рюмку. Да… и со стариком надо встретиться…

2

Второе большое землетрясение Канто — в народе его стали называть Большим токийским

землетрясением — некоторое время находилось в центре внимания мировой общественности. Стихийное бедствие, разрушившее почти мгновенно большую половину предельно модернизированной столицы с самой высокой численностью и плотностью населения в мире, уже само по себе явилось сенсацией. Некая западная газета поместила статью под трагически броским заголовком: «Токио превращен во вторую Хиросиму».

Специалисты обсуждали вопрос, какую опасность представляет собой суперсовременный, чудовищно разбухший город, хотя случившееся бедствие считалось «сугубо японским». Весь мир содрогнулся, узнав об огромном числе жертв.

Со всех концов света в адрес японского правительства посыпались телеграммы с выражением сочувствия. Американские газеты и телеграфные агентства, пристрастные ко всякого рода «помощи», начали кампанию за оказание помощи Японии «в любом виде». Японцам, проживающим за границей, каждодневно приходилось выслушивать слова соболезнования, среди которых порой проскальзывало и откровенное злорадство. Шли дни, и сочувствие сменилось любопытством: что станет с Японией теперь, ка-

кое влияние может оказать это великое бедствие на будущее страны? Вот что интересовало теперь мировую общественность.

Япония не сходила с уст. Не сходила с уст эта единственная на Дальнем Востоке страна, которая преуспела в модернизации своего хозяйства, победила в двух войнах, а будучи раздавленной в мировой войне, так быстро восстановила свою экономику, что достигла третьего места в мире по национальному валовому производству. Всеобщее внимание привлекала эта неумеренно работающая, неумеренно производящая, оказывающая влияние на мировую экономику, в общем какая-то уж слишком «назойливая» страна… Находились и такие, кто не без удовольствия принял сообщение о постигшем ее бедствии. Одна английская газета так прямо и написала: «Сами виноваты, что довели до этого».

И еще:

«Япония, продолжая развитие своей экономики в стиле «камикадзэ» и в традициях «харакири», другими словами, игнорируя человека и совершенно не уважая человеческую жизнь, создала гигантский, безумный, противный человеческой природе, подобный военному кораблю город и, надеясь на «банзай», пошла в атаку на

мировой рынок. Однако авантюра кончилась крахом и привела к многочисленным жертвам. То же самое некогда случилось с огромным дредноутом «Ямато», который, игнорируя военную тактику, действовал без воздушного прикрытия истребителей. Национальный характер и после совершения ошибок не меняется. Япония и в двадцатом веке без конца повторяет свои «типовые» ошибки — от осады русских крепостей во время русско-японской войны и до сегодняшнего дня. По-видимому, потребуется еще немало лет и много ошибок, прежде чем Япония сделает вывод из этого весьма болезненного урока».

Тем не менее внешне весь мир сочувствовал Японии. В фонд пострадавших поступали вещи и деньги. Америка заявила о безвозмездном предоставлении двух тысяч разборных домов и медикаментов, Советский Союз — пассажирского теплохода водоизмещением в двадцать тысяч тонн, который мог служить временным жилищем для лишившихся крова.

Правительство сделало срочный заказ японским и заграничным фирмам на пятнадцать тысяч разборных и пять тысяч переносных домов. Дело шло к зиме, необходимо было обеспечить жильем всех, кто оказался на улице. На складах

насчитывалось три тысячи так называемых «капсульных домиков», месячное производство которых еще не превосходило семисот-восьмисот единиц. К сожалению, более половины предприятий, производивших эти дома, погибло в Канто. Но в Америке, Канаде и Европе такие дома изготовлялись по японскому патенту. Там оказалось пять тысяч уже готовых домов. Срочно был заключен договор на их закупку. Хотя разборные и капсульные дома уже стали предметом международной торговли, в таких размерах они импортировались впервые.

Одновременно Япония начала закупать подержанные пассажирские суда. Несколько десятков таких судов были приобретены по объявленной цене в Бразилии, Австралии и Скандинавских странах. Суда покупались независимо от стоимости. Ажиотаж был настолько велик, что резко поднялись в цене акции корабельных компаний.

Когда аэропорт Нарита, пострадавший намного меньше аэропорта Ханэда, через два дня после землетрясения был восстановлен, в Японию началось паломничество финансистов и промышленников, которые хотели собственными глазами оценить последствия катастрофы. Роль

Японии в мировой экономике, особенно в экономике Дальнего Востока, в последнее время уже нельзя было игнорировать. Сейчас положение несколько изменилось. Огромный ущерб, нанесенный политическому и экономическому центру страны, в дальнейшем мог повлиять на экономические связи с ней.

Среди прибывших иностранцев были два неприметных человека. Оба высокие, с портфелями «дипломат», в скромных, на все сезоны плащах, надвинутых на глаза шляпах и солнечных очках. Они ничем не отличались от бизнесменов. Но на машине «линкольн-континенталь», в которую они уселись вместе с встречавшими их тремя востроглазыми молодыми людьми, был дипломатический номер.

«Линкольн» двинулся по забитому шоссе Токио — Тиба, посередине его круто свернул на север, в районе Адати проехал по временному мосту и в районе Тиода, пострадавшему сравнительно мало, проскользнул во двор одного посольства. На поездку ушло около полутора часов, а еще через десять минут эти двое уже беседовали с послом и секретарем посольства в одной из дальних комнат особняка.

— В общем нужно досконально изучить, ка-

кое влияние окажет Токийское землетрясение на дальнейшее развитие Японии… — повелительным тоном говорил немолодой мужчина с залысинами, обращаясь к послу. — Разумеется, в нашем департаменте этим уже занимается специальная группа, но для более тщательного изучения я хочу оставить здесь на некоторое время одного из наиболее способных ее сотрудников…

Он указал на сопровождавшего его блондина лет тридцати.

— Конечно, ущерб достаточно велик, — сказал посол, разливая вино из стоявшего на каминной доске графинчика. — Пить будешь? Токай… Но Япония — экономически мощная страна. Она быстро оправится. Возможно, это даже послужит своего рода стимулом для дальнейшего развития.

— Однако после прошлогоднего Кансайского землетрясения прошло слишком мало времени… — сказал немолодой мужчина, взяв поданный послом бокал. — И тогда было локальное землетрясение. Пострадали в основном Киото и районы от Киото до Осаки. Экономический ущерб был незначительный. Но, знаешь ли, два сильнейших землетрясения за столь короткий

период — это уж слишком. Ведь пострадали два крупнейших центра страны, и это не может не отразиться на экономике. А уж о настроении людей и говорить нечего…

— Безусловно! — кивнул посол. — Волнения и тревога растут. Оппозиция пока воздерживается от нападок, но вскоре, без сомнения, пойдет в атаку, объединившись с рабочими профсоюзами.

— А нынешняя правительственная партия сумеет преодолеть кризис?

— Когда определятся перспективы восстановительных работ и жизнь столицы до некоторой степени нормализуется, я думаю, начнется большое наступление под лозунгом: «Призвать к ответственности правительство, которое не выполнило план мероприятий по защите от стихийных бедствий». На мой взгляд, оппозиция мобилизует все свои силы к осени будущего года, чтобы приурочить правительственный кризис к годовщине землетрясения. Да и пресса дремать не будет, газетчики уж постараются с шумом и треском отметить это событие. Во всяком случае, будь я в оппозиции, я поступил бы именно так. Сейчас, конечно, все сотрудничают с правительством, чтобы преодолеть трагическое положение. А вот когда «чрезвычайное положение» оста-

нется позади, народ вернется к повседневным своим заботам и сможет размышлять, тогда его и начнут подстрекать.

— И что же?.. Правительственная партия сумеет выстоять?

— Не знаю… — посол покачал головой. — Трудно сказать.

— Прямой ущерб, говорят, оценивается в восемь, десять триллионов. Но, по нашим прогнозам, на деле эта сумма окажется в несколько раз большей… — немолодой мужчина вынул из кармана сигару и обнюхал ее со всех сторон. — В этой столице сосредоточены центральные нервные узлы страны, и, чтобы после полного паралича привести их механизм в действие, потребуется по меньшей мере пять-шесть лет. А в перспективе это неизбежно окажет влияние на экономический рост Японии. И еще… возможность подлинной, настоящей инфляции… Существует опасность, что частичная инфляция превратится в жесточайшую всеобщую…

— Мы об этом думали, — сказал секретарь посольства, открывая записную книжку. — Несмотря на принятые правительством временные меры, рыночные цены на сталь, цемент и нефть повысились достаточно резко. Самое главное, что

от цунами значительно пострадало новейшее оборудование самых крупных предприятий, так что они начнут нормально функционировать далеко не сразу. Очевидно, вскоре вступит в силу действенный правительственный контроль над экономикой, но правительство все же будет осторожничать: ведь основательно пострадал только один район Японии — Токио. Что касается стали, то импортировать ее в срочном порядке не удастся, поскольку во всем мире наблюдается некоторый ее недостаток. Далее. По всей стране стремительно поднимаются цены на предметы первой необходимости. Кроме того, у японцев существует странный обычай: в конце года они каждый раз, словно к большому празднику готовятся, развертывают борьбу за годовые наградные. Так что перед новым годом по всей стране возникнет острая нехватка наличных денег. А тут еще почти десять миллионов человек бросились снимать свои сбережения с банковских счетов. У многих банков пострадали компьютеры, это катастрофически усложнило операции по выплате и оприходованию. Предприниматели не успевают выплачивать деньги в помощь пострадавшим, и выплата наградных в конце года тоже задержится.

— Итак, новый год ознаменуется наступлением оппозиции на правительство, — подвел итог немолодой мужчина. — И что же тогда?

— Кажется, правительство уже начало действовать, чтобы расколоть единый фронт оппозиции… — ответил посол, нахмурив брови. — Но вряд ли ему это удастся… Правительство пытается привлечь на свою сторону две оппозиционные партии центристского направления, но и они в любую минуту могут отказаться от сотрудничества, как только учуют, что правительство пошатнулось. Разумеется, теперешний кабинет бросит наживку: предложит сформировать коалиционное, так сказать, «всенародное правительство», но вряд ли оппозиция на это клюнет.

— А вы считаете, что нынешний премьер способен на столь крупную игру? Я думаю, что какие масштабы ему по плечу.

— Да, в сегодняшней Японии нет личности, которая могла бы выступить в подобной роли… — пожал плечами посол. — Государство переживает нелегкий момент. Японское общество уже начинает трещать по всем швам. Да и студенты могут, воспользовавшись случаем, натворить бед. Достаточно будет малейшей ошибки, чтобы исторический курс Японии круто изменился.

Ведь и экономика, и жизнь народа развивалась достаточно долго ценой предельных усилий, и, может быть, именно сейчас иголка коснулась бесконечно раздувающегося воздушного шара…

— Но стоит ли так преувеличивать? — сказал молодой специалист. — Ущерб действительно огромен, и «осложнений» выявится немало, но, что ни говорите, землетрясение есть всего только землетрясение. Самое большее, что может произойти, — это понижение коэффициента роста национального валового продукта в течение некоторого времени. Ведь Япония — экономически мощная страна.

— Конечно, землетрясение есть землетрясение, но кто знает, что оно за собой повлечет, — посол вновь разлил вино по бокалам. — Я сейчас вспоминаю, что было полвека назад… Я тогда был совсем молод… Служил здесь же в нашем посольстве больше десяти лет… Незадолго до моего приезда случилось первое в новое время большое землетрясение Канто. Токио был тогда застроен жалкими деревянными и бамбуковыми домишками… Да, страшное это было бедствие, погибло сто тысяч человек. Из-за нелепой утки были убиты тысячи корейцев; воспользовавшись всеобщей суматохой, перебили немало

социалистов, которых преследовало имперское правительство. Но привычный к стихийным бедствиям народ этой страны, несмотря на огромные размеры катастрофы, с небывалой энергией взялся за восстановительные работы. И все же людей охватила тревога, положение стало чрезвычайно напряженным. Был усилен закон «Об охране общественного спокойствия»: запрещалась всякая антиправительственная пропаганда, а также высказывания против существующей власти, дабы революционеры не могли подогревать народ. Финансовый кризис, страшный экономический спад, а вслед за этим страх перед иностранной агрессией. Тотчас подняли голову военные круги. Когда режим экономии себя не оправдал и Япония стала катиться вниз, правительство попыталось восстановить экономическую активность гонкой вооружения и само перешло к агрессии на материке — захватило Маньчжурию. В результате Япония не только не вышла из опасной ситуации, но докатилась до трагической войны…

— Вы хотите сказать, что первое землетрясение Канто явилось причиной фашизации Японии?

— Просто я считаю, что такой вариант не исключен. Безусловно, первое землетрясение Канто и последовавшее за ним смятение не оказали

решающего влияния на историческое развитие Японии…

— Но нынешнее японское общество несравнимо с довоенным, не говоря уже о масштабах экономики, — запротестовал молодой специалист. — Не думаю, что фашизм может вдруг поднять голову. Да и пересмотр ныне действующей конституции сейчас совершенно невозможен. А у государственной администрации большой опыт по восстановлению и развитию экономики, она только этим и занималась все послевоенное время. Очень даже может быть, что это бедствие сыграет и некую положительную роль — увеличит гибкость общества. Разве не то же самое случилось после войны?..

— Но между войной и землетрясением есть существенная разница, — сказал пожилой, закурив сигару. — Поражение в войне обернулось для Японии прямо-таки счастьем, о котором никто даже и мечтать не мог. Оно сняло всякие древние наслоения, под которыми японское общество задыхалось со времен феодализма. Ведь Япония пошла даже на отказ от вооруженных сил. Но землетрясение — дело другое. Оно не влечет за собой коренных изменений в государстве и обществе. После стихийного бедствия общественные

противоречия не только не перевариваются, а наоборот, усугубляются…

— Если мы способны на такой анализ, то уж японское правительство и правящая партия тем более это прекрасно понимают, — подхватил посол. — Вот японское правительство и постарается укрепить во всех областях ныне действующую общественную систему, чтобы выйти из критического положения. Это укрепление, иными словами, усиление контроля и регламентации, чревато всякими неожиданностями. Достаточно незначительной ошибки, и социальный кризис увеличится. А тогда Япония повернется… никто не знает куда.

— Вот-вот, именно это нам и хотелось изучить поглубже, — сказал пожилой. — Ведь изменения во внутреннем положении Японии могут оказать большое влияние на распределение сил на Дальнем Востоке. Во всяком случае, надо думать, экономическое выдвижение Японии в район Юго-Восточной Азии затормозится. Сильно понизится и экспорт в Америку, Европу и Африку. Кто заполнит этот вакуум? Китай, естественно, потянется к Юго-Восточной Азии. Советский Союз занят своим собственным развитием… Откровенно говоря, нам прежде всего надо знать, что

предпримет Китай. Понижение темпов роста экономики Японии и уменьшение ее участия в международной торговле одних обрадует, других огорчит. В некоторых районах кое-кто будет пытаться вернуть свое арежнее влияние. На европейских валютных рынках и в Юго-Восточной Азии уже обнаружились признаки появления японской иены. Ее курс на этой неделе очень упал. Один доллар стоит двести пятьдесят пять иен.

— Вы ожидаете каких-либо изменений в сложившейся в Азии ситуации? — спросил секретарь посольства.

— Трудно сказать. Если где-нибудь произойдут ничем не прикрытые, грубые попытки восстановить свое былое влияние, это, само собой, вызовет ожесточение и приведет к ответному отпору. А нам нужно знать, во что выльются в дальнейшем последствия этого землетрясения. В своих долгосрочных экономических планах и дипломатической тактике мы учитывали выдвижение Японии на мировые рынки... Если положение изменится, нам нужно будет внести коррективы.

— А от ослабления позиций Японии на мировых рынках мы что-нибудь выиграем? — спросил молодой специалист.

— Нет, я не могу сказать, что наша страна от этого получит прямую выгоду. Туда, где отступит Япония, придут другие страны. Но в любом случае, хотя это может показаться жестоким, совсем неплохо, когда слишком сильное государство ослабевает. А в данном случае для нашей страны это просто хорошо.

Посол, широко улыбаясь, поднял бокал.

— Ах да, сегодня в двенадцать было сообщение о преобразовании кабинета министров, — сказал секретарь посольства и взял со стола три скрепленных вместе, отпечатанных на машинке листа. — Как вы приказали, мы в деталях проследили биографии новых членов кабинета, в пределах возможного, конечно.

— Ого! — воскликнул пожилой при первом взгляде на бумагу. — Крупную фигуру вытащили на пост министра иностранных дел. Этот все прекрасно понимает. До войны работал в Маньчжурии, потом был послом в Бразилии и Австралии.

— Но возраст уж очень большой, а? — сказал посол. — Сдержан, немногословен, говорят, неплохой теоретик. Я слышал, в бытность свою в Канберре он развернул бурную дискуссию по азиатской проблеме с Макмилланом, когда тот

туда приезжал…

— Так, так… министр строительства, самообороны… А пользующееся дурной славой министерство промышленности и торговли отдали умнице. Транспорт теперь в руках крупнейшего финансового воротилы…

— Я думаю, вы уже обратили внимание, — заметил секретарь посольства, — что преобразование кабинета проведено при полном игнорировании внутрипартийных фракций. Такое впечатление, что премьер объединил все фракции в новом кабинете «восстановления»…

— Стойте, стойте, — покусывая пальцы, пожилой просматривал листки. — Странно… В сообщении о преобразовании кабинета еще нет ничего о перемещениях внутри министерств…

— Слухи уже ходят, кого куда должны назначить, — сказал секретарь посольства. — Думаю, опубликуют примерно через неделю. Во время землетрясения погибло и пострадало довольно много высших чиновников.

— Как только опубликуют список перемещенных, самым тщательным образом познакомьтесь с биографиями всех, кто выше начальника отдела, — произнес пожилой, продолжая покусывать палец. — Начальник канцелярии премьера и

управляющий делами кабинета министров остаются на местах. Так… А начальником Управления обороны… постой, постой… такого прожженного типа назначили?!

— А ты его знаешь? — заглядывая в список, спросил посол.

— Еще бы не знать! Он неплохо поработал в тени, когда Исороку Ямамото перед нападением на Америку закупал в Мексике нефть. Кончил интендантскую школу военно-морского флота, потом околачивался в спецслужбе или еще где-то. Тогда мне так и не удалось поймать его за хвост.

— Ну, знаешь, если начать копаться, чем они все занимались во время войны, то и в правящей партии, и в оппозиции немало найдется таких, от которых — только тряхни — столбом пойдет пыль. Ведь военные власти самую способную молодежь, особенно морских офицеров, силой заставляли заниматься всякими такими вещами.

— Ты в японские шахматы играешь? — спросил пожилой у посла.

— Нет. Просто в шахматы играю. Если не ошибаюсь, за тобой шахматный должок числится…

— Это гораздо сложнее и любопытнее, чем шахматы. Если возьмешь фигуру противника, то можешь ее использовать как свою. Совсем как

в теории партизанской войны. И комбинации фигур очень интересные…

— И что же?

— Да вот смотрю я на этот список и замечаю кое-какие странности… Послушай! Если бы ты был премьер-министром Японии, какой бы ты себе подобрал кабинет, на что бы делал основной упор?

— На охрану порядка внутри страны в первую очередь, — сказал посол. — На ее укрепление. Подобрал бы человека, который имеет огромное влияние на печать. Этой страной нельзя управлять без сотрудничества с органами массовой информации. Далее я бы, само собой, сделал упор на министерства строительства, транспорта, здравоохранения. Усилил бы позиции министерства финансов и Национального государственного банка, чтобы избежать валютного кризиса. Разумеется, и министерство промышленности и торговли пришлось бы укрепить. Ведь до восстановления промышленности импорт будет играть очень важную роль. И министерство сельского хозяйства и лесоводства…

— Ну да, естественно, — кивнул пожилой. — Для восстановления необходима расстановка фигур, укрепляющая внутреннюю политику.

— На первый взгляд так и подобран кабинет, — вмешался секретарь посольства. — Все места, о которых сейчас говорил господин посол, укреплены.

— Это если смотреть с точки зрения японца, — лицо пожилого выражало сомнение. — Впрочем, японский народ и не способен смотреть на свои внутренние дела глазами внешнего наблюдателя, да и политические обозреватели у них такие же, за исключением разве нескольких… Но с точки зрения внешнего наблюдателя, состав нового преобразованного кабинета говорит о его внешней направленности. Например, новый министр иностранных дел… Я думаю, его имя мало кому известно в Японии, а вот за рубежом его хорошо знают как одну из крупнейших фигур…

— Японцы одновременно с укреплением внутриполитического положения хотят укрепить и свою внешнюю политику.

— Нет, не так это просто. На наш взгляд, расстановка сил такова, что основное внимание уделено иностранным делам, торговле, промышленности, транспорту и обороне. Все эти новые четыре министра — крупнейшие знатоки международной политики. За рубежом их авторитет гораздо выше, чем внутри страны. Так что укреп-

ление внутриполитических дел служит только ширмой для укрепления внешней политики.

Поставив на стол бокал, посол задумался.

— Не кажется ли тебе, — спросил пожилой у посла, — что эта расстановка свидетельствует о подготовке Японии к крупному дипломатическому наступлению? Но почему? Почему Японии нужна именно такая комбинация фигур, когда внутри страны настоящее столпотворение?.. Чтобы понять это, одной только логикой не обойдешься…

— Кстати, — сказал молодой специалист, — когда мы уже выезжали, была получена несколько странная информация. Правда, она не показалась мне особо важной, и я не стал изучать ее во всех подробностях. Но наш экономист обратил на нее внимание. Дело в том, что темпы японских инвестиций в зарубежную промышленность после землетрясения снизились только на одну неделю, а потом восстановились до прежних норм. Оказывается, это произошло за счет того, что правительство, не предавая делу огласки, предоставило заем гражданским предприятиям, вкладывающим свой капитал в иностранную промышленность.

— Этот вопрос, пожалуй, заслуживает более

досконального изучения… — сказал пожилой, покусывая губы.

— Есть еще кое-что странное. Это тоже выяснилось только в последнее время. Японское правительство, используя чрезвычайно сложную систему подставных лиц, скупает земельные участки за границей. Общая площадь земель, купленных японским правительством по всему миру, уже достигла очень больших размеров.

— Недвижимое имущество за границей? — посол нахмурился. — Странно! Я знал, что японцы покупают рудники в Африке и Австралии, но чтобы земельные участки…

— Да, закупают целинные равнины…

— А-а, переселять людей собираются, чтобы избежать демографического взрыва. Или для беженцев…

— Одну минуточку, — остановил посла пожилой. — Население Японии уже третий год не увеличивается, а уменьшается. Непонятно. Этот вопрос придется изучить самым подробным образом.

— Что же они собираются делать, эти самые японцы… — пробормотал посол. — О чем думают?.. Я с ними общаюсь уже больше полувека, а вот что они думают, не всегда понимаю.

— Н-да, все очень сложно… — задумчиво произнес пожилой. — Такое впечатление, что в Японии что-то происходит. Неспроста все это делается.

3

В Токио, где еще были свежи раны бедствия, пришла зима.

В конце года, словно нанося дополнительный удар, наступили сильные холода. Из двух миллионов лишенных крова людей около полутора миллионов рассеялись но префектурам. Тут им предстояла беспокойная жизнь в чужих семьях или в сдающихся внаем комнатах. Остальные временно поселились в переносных или разборных Домиках. Некоторые встретили суровые холода в бараках, наспех сколоченных на пожарищах. По всей стране были почти полностью приостановлены строительные и земляные работы. Со всех концов Японии, по суше и по морю, в Токио доставляли подъемные краны, экскаваторы и прочую технику, необходимую для восстановительных работ. Люди трудились день и ночь, однако пока только четвертая часть хайвеев стала проезжей и лишь десять процентов

пострадавшей подземки вновь вошло в строй. В основном восстанавливались жилые дома и портовое оборудование. Недавно начала работать вторая ТЭЦ, но пока с половинной нагрузкой. Экономия электроэнергии продолжалась. Дома отапливались плохо, и это сказывалось на здоровье и настроении людей. Из-за острой нехватки жидкого топлива отопительные системы, как в былые времена, перешли на каменный уголь. При каменноугольных шахтах Тикухо был экспериментальный завод по сжижению угля, но его производительность, конечно, была крайне низкой. Но в эту зиму никто не жаловался на копоть, хотя трубы большинства каменных громад изрыгали черный дым.

Колючий снег сеял с холодного неба. Онодэра, тщетно пряча лицо в поднятый воротник пальто, спешил из канцелярии премьер-министра в Управление морской безопасности. Ему не удалось пройти кратчайшим путем — прилегающий к зданию парламента район был затоплен демонстрантами. После землетрясения это была первая крупная демонстрация. Кое-где уже происходили столкновения между студентами и мобильными полицейскими частями, и он решил проскользнуть мимо Патентного управления и

через Тораномон пройти в Касумигасэки. Университеты пострадали сравнительно мало, и в большинстве из них шли занятия. Правда, в некоторых учебных корпусах все еще размещались пострадавшие. Погибло немало преподавателей, так что лекции часто отменялись. Многие учащиеся, лишившись крова, уехали в родные места, поэтому среди демонстрантов студентов было не очень много, и, несмотря на свою обычную экипировку — шлемы, маски и шестигранные палки, — они не проявляли особенной активности. Тем не менее, поначалу смешавшись с рабочими и служащими, они постепенно собирались группами и нападали на мобильные полицейские отряды. У парламента в нескольких местах шли стычки. На этот раз у студентов не было бутылок с горючей смесью, и они забрасывали полицейских кирпичами и кусками бетона.

Но Онодэра почти не смотрел на студентов. На него произвели гнетущее впечатление остальные демонстранты. Подавленные и мрачные, они накатывали волна за волной в гнетущем молчании. Люди шли с плакатами: «Требуем жилищ!», «Каменные громады — народу!», «Пострадавшим — зимнее воспомоществование!». Их серые окаменевшие от холода лица внушали неодолимую тревогу.

Может быть, они что-то подспудно ощущают, подумал Онодэра. Он знал, что японский народ обладает обостренной чувствительностью. Да, ущерб от землетрясения действительно огромен, но Япония — экономически мощная страна, и через несколько лет все станет на место, как заявляет правительство… Но в души людей стало закрадываться какое-то недоброе предчувствие, что на свете что-то не так, что происходит нечто, не должное происходить. И такие настроения чувствовались во всем обществе.

Этому способствовали и газеты, писавшие в своей излюбленной предостерегающе-пророческой манере. Обычно люди пропускали мимо ушей громогласные, порой сбивавшиеся на откровенно грубую брань «предостережения» газет.

В эпоху переизбытка всякого рода информации люди обрели эмоциональный иммунитет против «громких заголовков» и считали, что такова уж природа журналистики. Как бы газеты ни изобиловали мрачными, полными яда статьями, народ умел отмахнуться от истеричной прессы, если интуитивно чувствовал, что «на свете», в общем все в порядке, больше этого, приобрел способность кожей чувствовать то, что на самом деле кроется в запутанном клубке информации.

Нет, подумал Онодэра, на этот раз они наверняка учуяли, что здесь что-то не то. Тревога, исходившая от демонстрантов, их замкнутые, серые от холода и тоски лица, казалось, свидетельствовали о том, что люди начинают терять уверенность в завтрашнем дне. И эти плакаты с такими категорическими требованиями в трудный для всей страны момент… Нет, нет, они чувствуют приближение чего-то недоброго, каких-то трагических перемен… Они по-прежнему относились к броским заголовкам, вроде «Наступит ли большой кризис?», или «Свежие продукты на черном рынке повысились в цене на сорок процентов», или «Опасность продовольственного кризиса будущей весной», но сделались более внимательными, пытаясь прочитать за ними

признаки чего-то страшного.

Тонкий народ, с болью в сердце думал Онодэра, проходя мимо демонстрантов и чувствуя — всей своей кожей — их настроение. А что если они… если народ узнает об *этом*?.. Ведь вероятность теперь уже превысила пятьдесят процентов?.. Не приведет ли это к гигантской панике?

В одной из комнат Управления морской безопасности Онодэра встретил пришедшего сюда минутой раньше Катаоку. За короткое время этот веселый, по-мальчишески круглолицый, дочерна загорелый парень страшно изменился. Его ослепительно яркая улыбка погасла. Всегда плотно сомкнутые губы скрыли белизну ровных зубов. Глаза стали тусклыми, кожа серой, словно он постарел на десять лет. Катаока, как и все сотрудники группы, работал день и ночь до полного изнеможения, но не только в этом было дело — он потерял в Тамати всю семью.

— Демонстрацию видел? — спросил Катаока лишенным интонации голосом. Онодэра кивнул.

— Как ты думаешь, газетчики еще ничего не пронюхали? — Катаока смотрел на снег, облепивший оконную раму. — Сегодня один приходил в Управление обороны. Конечно, никто из главных

плана Д с ним не виделся. А он, газетчик-то, побывал на заседании Совета по восстановлению столицы, потом в сейсмологическом институте, а оттуда явился в Управление обороны и долго торчал в отделе прессы…

— Подозрительно… — пробормотал Онодэра. — Что это он вдруг положил глаз на Управление обороны?

— Кажется, увидел там профессора и Юкинагу. С Юкинагой этот репортер еще раньше был знаком. Ему было известно даже, что тот вдруг уволился из университета…

— Прежде чем дойдет до газет, я думаю, будут приняты меры, — сказал Онодэра. — Куниэда-сан шепнул мне, что сегодня вечером у начальника канцелярии кабинета министров состоится секретное совещание с главами крупнейших газет. Договорились, наконец, и о совершенно секретной встрече руководителей оппозиции с премьер-министром….

— А сколько вообще можно скрывать? — все так же холодно произнес Катаока. — Ощущение такое, что вот-вот поползут всякие слухи. Тревога ведь все усиливается. А тут еще неизвестно, будут ли наградные за прошедший год выплачивать… Может начаться так называемый

«ножничный» спад из-за свирепого кризиса и страшного повышения цен на предметы первой необходимости…

— Но, говорят, телевизоры и радиоприемники раскупают вовсю, — сказал Онодэра. — Странные дела. Автомобили, например, почти не покупают, хотя почти ни у кого сейчас не осталось нормальной исправной машины.

— В группе Д-2 сегодня был скандал. Сцепились сотрудник, откомандированный из министерства иностранных дел, и молодой парень, которого прислали из Генштаба, да так, что чуть не подрались, — потирая щеки ладонями, все тем же бесстрастным тоном сказал Катаока. — Когда штат увеличивается, такие стычки неизбежны. И ни талант, ни знания тут значения не имеют. Очень даже возможно, что подобные недоразумения могут привести к разглашению тайны.

— И в Д-1 тоже не все гладко. Молодые ученые и технические специалисты из государственных служащих — эти ничего, с ними все в порядке. А вот ученые из Научно-технического совета отвергают мнение профессора Тадокоро. Держатся высокомерно…

— Зачем только таких взяли? Ведь Тадокоро-сан очень вспыльчив…

— В том-то и дело, что он совершенно спокоен, больше того — тих и смирен. Видно, ни о чем другом думать не может…

— А что с этим ученым, Фукухара, которого притащили из Киото?

— Он в Хаконэ, у старика Ватари.

— Что он там делает?

— Точно не знаю, — усмехнулся Онодэра. — Но Куниэда подозревает, что он целыми днями спит.

Открылась дверь, в комнату вошел заместитель начальника отдела гидрологии.

— Простите, заставил вас ждать, — сказал он, положив на стол бумаги. — Все оформили. «Сэйрю-мару» завтра в восемнадцать часов прибудет в Йокосука.

— Благодарю вас… — Онодэра придвинул к себе бумаги. — Значит, послезавтра можно будет произвести погрузку аппаратуры и принять на борт специалистов.

— Мы связались и с исследовательской группой, — заместитель кивнул на бумаги. — У нас тут было возникло одно препятствие. Хотели арендовать глубоководное исследовательское судно и подводную лабораторию у фирмы «Джейкоб», но они нам отказали. Кажется, вмешался

американский военно-морской флот… Но, к счастью, подобное судно освободилось у одной отечественной фирмы, мы его и арендовали, правда, не без некоторого применения силы. И подводную лабораторию тоже.

— Отечественная фирма, говорите? — спросил Онодэра. — А что за фирма?

— Фирма КК по исследованию шельфов. Арендовали «Вадацуми-2».

Онодэра глотнул воздух. «Вадацуми»… КК — фирма, в которой он служил, откуда уволился, вернее, удрал…

— Глубоководное судно забрал американский военно-морской флот? — как бы между прочим спросил Катаока. — Если не ошибаюсь, суда фирмы «Джейкоб» занимались разведкой нефти у Марианских островов. А морской флот собирается использовать эти суда в Тихом океане?

— Точно не знаю, но думаю, что да, — пожал плечами заместитель. — Как будто бы несколько дней назад за ними пришел корабль Седьмого тихоокеанского флота США… По словам инженера из «Джейкоб», они собираются в срочном порядке исследовать дно в районе Японских островов. Может быть, собираются проверить, как повлияли землетрясения на подводные указатели для

подлодок «Поларис»?

Онодэра и Катаока невольно переглянулись.

— Догадались, что ли… — пробормотал Онодэра, выйдя из комнаты с бумагами в руках. — Они всегда неплохо знали морское дно поблизости от Японских островов. Изучали его в стратегических целях…

— Ну, так сразу не догадаются, — сказал Катаока. — Изменения в морском дне, они, конечно, обнаружат, но чтобы сразу догадаться…

— Э-э, не говори, у них тоже есть специалисты, да и система анализаторов получше нашей… Очень даже возможно, что для нужных выводов им хватит нескольких незначительных признаков. И… у нас сразу все обо всем узнают… из зарубежной прессы.

— Ну, не беспокойся, вероятность этого Ната-сан не мог не учесть. А вообще, что мы можем сделать? Не пойдем же топить американское исследовательское судно под покровом ночи?!

Как только они переступили порог управления, Онодэра почувствовал удар в грудь. Он удивленно остановился. Дорогу преградил чернявый маленький мужчина с пылающими от гнева глазами. Онодэра тут же получил второй удар по левой скуле. Следующий удар пришелся справа

по носу.

— Что ты делаешь?! — Катаока бросился было на мужчину, пытаясь схватить его за руки.

— Нет… Катаока, стой. Не вмешивайся! — крикнул Онодэра, прикрываясь руками от сыпавшихся на него градом ударов. — Иди… Бумаги… Я тут сам!..

Вокруг начинал собираться народ, и Онодэра, принимая все новые и новые удары, отступил за угол здания. Краем глаза он видел, как Катаока, на минуту оглянувшись, стал удаляться. Мужчина бил не разбирая — по глазам, по носу, в живот. В конце концов Онодэра, обо что-то споткнувшись, упал.

— Встать, подлец! — заорал маленький мужчина, стоя над ним во весь рост.

— Сколько лет, сколько зим, Юуки… — сказал Онодэра, продолжая лежать на спине и шмыгая окровавленным носом. — Ну как вы там, все здоровы?

Замерзшая земля холодила спину. Онодэра лежа смотрел на мелкий, как пыль, темный на фоне серого неба снег, и ему казалось, что тупая, горячая боль в лице воскрешает его, возвращает ему былую веселость и бодрость.

— Идиот… — Юуки, тяжело дыша, смотрел

сверху на Онодэру. — Идиот! Надо же, мне, даже мне не сказал! Уволился!.. Дал переманить себя…

Онодэра медленно и неуклюже поднялся, Юуки вытащил из кармана брюк скомканный платок и приложил ему к носу, Онодэра улыбнулся, взял грязный платок и вытер нос.

— Идиот!.. Хоть слово-то мог сказать! Я… сначала думал, что ты пропал во время землетрясения… Беспокоился, сколько раз ездил искать тебя в Киото. И потом разыскивал, когда узнал, что тебя подцепила на удочку другая фирма. И хоть бы слово… ни ответа, ни привета… И с квартиры съехал… Друг я тебе или нет?!

— Прости, — искренне сказал Онодэра, положив руки на плечи Юуки, который был на голову ниже. — Виноват! И твои письма и записки читал, но обстоятельства не позволяли с кем бы то ни было связаться…

— Собираешься «Вадацуми» управлять? — отводя глаза, пробормотал Юуки. — Тебя видели в последнее время на улицах бюрократов… А теперь говорят, Управление обороны арендует «Вадацуми». Ну, думаю, раз так, то он обязательно появится в Управлении морской безопасности.

— Как там поживает Ёсимура-сан? Здоров?

— А он уволился. Какая-то там неприятность у

него была. Уехал служить за границу. Будто и ты там замешан…

Вон оно как обернулось, подумал Онодэра, вспоминая красавца и ловкача Ёсимуру. Ничего, этот где угодно устроится…

— Ты… — Юуки поднял глаза на Онодэру. — Что случилось? Обязательно что-нибудь должно было случиться. Я тебя знаю — ты не стал бы увольняться так по-хамски… Наверное, это что-то очень серьезное, иначе ты бы так не поступил. Я все время так считал. И сейчас, как только тебя увидел, сразу почувствовал, что-то было. И вообще… что с тобой?.. Ты очень изменился!

— Разве? — Онодэра через силу улыбнулся; все лицо болело, распухал глаз. — Вроде бы с тех пор я не мог особенно постареть…

— Пошли ко мне домой, — сказал Юуки. — Прошу тебя!. Хочется поговорить в спокойной обстановке. Я теперь в Сугамо живу, дом в Готанда сгорел. В общем, пошли. И если можешь, расскажи толком, что же все-таки случилось.

Онодэра колебался, и Юуки, отведя глаза, как разобидившийся мальчишка, пробормотал:

— Я тоже увольняюсь из фирмы… Короче говоря, тоже буду в экипаже «Вадацуми-2»…

— Что?! — остановился пораженный Онодэ-

ра. — Ты уже подал заявление об увольнении?

— Завтра подам. Я уже решил. А кто может управиться с «Вадацуми», кроме нас с тобой? Один остается на вспомогательном судне, поддерживает связь, второй погружается…

— Спасибо!..

В это мгновение Онодэра решился. Ведь «Кермадек» тоже придется использовать… Да и группу Д-1 хотят увеличить. А Юуки — на него можно положиться.

— Так, значит… согласен…

Юуки стыдливо отнял руку, которую Онодэра невольно пожал, и вдруг просветленно улыбнулся.

— Опять будем вместе работать!

— Завтра приходи в Управление обороны, — вновь сжимая Юуки руку, сказал Онодэра. — Не называя моего имени, попроси майора Яги, он будет в курсе.

— Управление обороны? — взгляд Юуки сделался подозрительным. — Ты имеешь отношение к такому учреждению?

— Пошли к тебе… — сказал Онодэра, первым трогаясь с места. — И с твоей оку-сан хочу повидаться, давненько не виделись.

— Да, кстати, — догоняя его, проговорил Юу-

ки. — Ты знаешь некую Рэйко? Несколько раз приходила в фирму, справлялась о тебе.

Рэйко? Онодэра сразу даже не вспомнил, кто это. Но постепенно в памяти всплыли темный лифт, кусочек песчаного пляжа, белизна открывшихся в полуулыбке зубов, горячее тело… Вся девушка в мокром купальнике…

Ночь в Хаяма. Вечеринка. Молодая элита, и он, чувствовавший себя там совершенно чужим… Как она далека, та ночь! Как будто все это было в другой жизни. И ночь, и девушка… Уцелел ли особняк Рэйко в Хаяма? Район Конан почти не пострадал от цунами, но…

— В каких ты с ней отношениях? — спросил Юуки. — Она и позавчера приходила во временное помещение нашей фирмы. Спрашивала, нет ли от тебя вестей?

— Позавчера? — почему-то испуганно спросил Онодэра. И только тут перед его глазами явственно встало лицо Рэйко с нежными, но четкими чертами.

Земля закачалась. Ноги вдруг ослабли. Затрещали уцелевшие здания. В глубине раздался гул, и разом погасли уличные фонари и померкли окна, в которых только зажегся свет. Отовсюду послышались крики. Особенно явственно про-

звучал голос женщины: «О-о, сильное!»

Онодэра услышал, как Юуки досадливо щелкнул языком.

— Опять повторный толчок! Ну, разве не безобразие?!

— Нескладно получилось с Управлением метеорологии, — сказал Куниэда, вешая на рычаг телефонную трубку. — Там отдали приказ о неразглашении информации, а газетчики решили, что это неспроста, и сразу стали разнюхивать.

— Естественно, они не оставляют в покое отделение сейсмических станций, — заметил Наката, следя за «блохоискателем»; он обнаруживал и исправлял мелкие ошибки в программе, прежде чем заложить ее в компьютер. — Да и члены Общества по прогнозированию землетрясений, должно быть, не могут отделаться от газетчиков.

— Представь себе, что общество живет довольно спокойно. Ведь в газетах этими вопросами занимаются репортеры отдела местных новостей. А они, видно, не очень понимают роль Совета по геодезическим проблемам при министерстве просвещения.

— Не скажи! В последнее время и они стали кое-что смыслить в науке. — Наката потер обросшие

щетиной щеки. — Во всяком случае они знают, что после большого землетрясения наступает передышка, а если и трясет, то не в полную силу — не трясет, а потряхивает.

— Их, кажется, очень волнует, перенесут ли столицу в другое место, вот они и стараются разматывать клубок, ищут конец ниточки… — просматривая подшивки бумаг, сказал Куниэда. — А слухи такого рода уже ходят. Наверное, кто-нибудь из правительственной партии проговорился. Но может, и сознательно пустили слух… Во время землетрясения прямо-таки чудом уцелел научный городок. И вот я слышал, как директор находящегося там Государственного центра по защите от стихийных бедствий говорил о возможном переносе столицы…

— Было бы хуже, если бы они стали крутиться возле Государственного управления геодезии и картографии… Ну вот и все, — Наката передал оператору последний лист программы и прикрыл воспаленные глаза. — Правда, геодезическая лаборатория в Канояма сильно пострадала…

— Как бы то ни было, кто-нибудь из геологов догадается, — Куниэда на минуту перестал перелистывать бумаги. — И кто-нибудь из технических специалистов Управления метеорологии

или сотрудников местных наблюдательных станций рано или поздно обратит внимание…

— А что, есть какая-нибудь подозрительная информация?

Наката, отпив остывшего чаю, обернулся к Куниэде.

— Да как сказать… Разве что вот это. Международное океанологическое общество предлагает сотрудничество в исследовании изменений рельефа морского дна после землетрясения в прилегающем к краю Канто районе. В общем, предлагают помощь, поскольку, мол, у японских ученых сейчас дел по горло.

— Ведь это дочерняя организация Международной геодезической и геофизической ассоциации? — Наката, держа чашку у рта, нахмурился. — Ну и дела! Так, пожалуй, обо всем станет известно из-за границы.

— Здесь следует опасаться Америки. Их военно-морские силы уже давно усиленно исследуют морское дно в районе Дальнего Востока. Да и специальные суда нефтяных компаний рыщут по дальневосточным морям в поисках нефти.

— И не только Америки, но и Советского Союза, — сказал технический специалист, прикомандированный из Управления обороны. — В

последнее время к востоку от Курил плавает советское научно-исследовательское судно в сопровождении крейсера. И кажется, еще несколько подводных лодок.

— Н-да, обе стороны стараются установить подводные ориентиры… — пробормотал Куниэда.

Зазвонил телефон. Технический специалист поднял трубку.

— Звонят из Государственного управления геодезии и картографии, — сказал он, слушая. — С завода поступил гравиметр типа Т.

— Один?

— Да. Еще два поступят немного позже. Сейчас он проходит испытания.

— Передайте, чтобы после испытаний его отправили в Йокосуку, — Наката поднялся из-за стола и нажал кнопку звонка. — Постойте! А нельзя ли его отправить из Мэгуро в Йокосуку на вертолете? Тогда полетел бы кто-то из нас и провел испытания в воздухе.

— Ну и беспокойный же ты, — усмехнулся Куниэда.

— А когда они закончат испытания?

— Сегодня, после полудня.

— Прекрасно. Передай, что после полудня пришлем к ним вертолет.

— …Наката-сан, Наката-сан, пришел заместитель начальника канцелярии премьера, — заговорил интерфон. — Просим на совещание, все в сборе…

— Прошу подождать пятнадцать минут! — сказал Наката, нажав кнопку обратной связи. — Программу уже заложили в компьютер. А в комнате для совещаний есть вывод от компьютера? Очень хорошо…

В комнату вошел Катаока. Его темные обветренные щеки запали, глаза потускнели от усталости.

— Катаока, извини, пожалуйста, но тебе придется слетать на вертолете от Мэгуро до Йокосуки. Поступил гравиметр. Мне бы хотелось, чтобы ты провел испытание во время полета.

— Как бы ни спешили, все равно установить гравиметр удастся только завтра, — бесстрастно произнес Катаока. — У сторожевого гидроплана, который находится в Йокосуке, барахлит двигатель. Мы просили прислать гидроплан из Майдзуру.

— А установку геомагнитометров закончили?

— Да, установили три штуки на сторожевых самолетах. Когда снимали магнитный обнаруживатель подлодок, один из них сломали. Здорово

попало, пришлось писать объяснение.

Зазвонил телефон на столе Куниэды.

— Управление по науке и технике, — досадливо щелкнул языком Куниэда. — Комитет технических средств исследования океана опубликовал сообщение о необычном погружении континентального шельфа Бофуса. Ну и ну! Штаб проекта по разработке океана организует исследовательскую группу…

— Ну и что? Не так-то просто начать исследования. Мы же захватили все имеющиеся батискафы, — сказал Наката.

— А у них есть подводная лаборатория, способная работать на трехсотметровой глубине, — заметил Катаока.

— Не самоходная же! Ничего, пока ничего страшного, — Наката задумчиво остановился у выхода. — Пожалуй, час пробил — пора переходить к демонстративной тактике.

— Демонстративная тактика? — Куниэда обернулся к Накате. — Это еще что такое?

— Я уже докладывал о своем проекте. — Наката открыл дверь. — Число участников плана Д превысило сто человек, а вскоре перевалит за тысячу. Тогда хочешь не хочешь, а держать все в тайне станет просто невозможно.

Фигура Накаты исчезла за дверью. Технический специалист, все это время молча слушавший другой телефон, передал Куниэде записку. Взглянув на нее, Куниэда помрачнел.

«…Взрыв рифов Мёдзин, Байонез и атолла Смита, извержение острова Аогасима, появились признаки извержения вулкана Нисияма на острове Хатидзё. Начата эвакуация населения с обоих островов».

4

Сообщение об извержении на Хатидзё Онодэра услышал под водой, на глубине двух тысяч метров, в пятидесяти километрах от острова Тори. Разговаривать со вспомогательным судном «Ёсино» было трудно из-за помех, но все же Онодэра понял, что иэ двенадцати тысяч жителей острова многие пострадали.

И в тот самый момент, когда с «Ёсино» поступило это сообщение, Онодэра ощутил толчок: «Кермадек», испытывавший давление в двести атмосфер, как-то странно дернулся.

— Послушайте… — сказал Онодэра своему напарнику, бледному, совсем молодому парню. —

Здесь не наблюдается каких-нибудь аномалий в морском дне?

— Что?..

Молодой человек, поглощенный показаниями опущенных на дно приборов, удивленно обернулся. Онодэра кивнул ему, и он поспешно переключил телеметр.

Опущенные на дно на глубину от пяти до десяти километров приборы регистрировали изменения температуры, колебания геомагнитного и гравитационного полей и посылали их наверх по двум каналам связи — на сверхдлинных волнах и через фотон-мазерное устройство. Технический специалист начал читать показания ближайшего прибора.

— Опасно… — пробормотал он. — Величина теплового потока резко возросла, да и угол склона увеличивается. А геомагнит…

— Может произойти землетрясение?

— Нет, скорее не землетрясение, а взрыв.

Корпус «Кермадека», сделанный из высокопрочной легированной стали, загудел, словно гонг, и судно, продолжая раскачиваться, изменило направление.

— Может, закончим наблюдения? — спросил Онодэра, включая прожекторы и глядя в иллю-

минатор. — Здесь, кажется, тоже становится опасно.

— Еще бы немного. Вообще-то я закончил, но хорошо бы проверить, где произошли изменения, — прямо под нами, на дне, или…

— Сейчас некогда этим заниматься, — Онодэра запустил двигатель. — Гашу свет. Выпущу подводные ракеты, а вы смотрите в иллюминатор, может быть, что-нибудь увидите.

Таща за собой по дну цепь, «Кермадек» медленно удалился от опущенного измерительного прибора. Определив четыре направления, Онодэра нажал кнопку запуска ракет, четыре легких толчка отдались в корпусе «Кермадека». В темной гондоле засияли бледно-голубым светом девять иллюминаторов.

Молодой человек издал возглас удивления.

— Видите что-нибудь? — спросил Онодэра. — В каком направлении?

— В сорока градусах правее нашего курса…

Рассчитав в уме скорость всплытия, Онодэра выпустил в этом направлении оставшиеся четыре ракеты. Став легче, «Кермадек» немного всплыл, цепь теперь едва касалась дна. Постепенно стала увеличиваться и горизонтальная скорость судна.

— Взгляните, — в голосе молодого человека чувствовались подавленность и испуг. Гори в гондоле свет, можно было бы заметить, что он стал еще бледнее.

Оставив свое место за рулем, Онодэра подошел к иллюминатору. В свете четырех ракет он увидел дно и уходивший во мрак пологий склон невысокого подводного холма. В одном месте над этим склоном вздымалась муть. Из темных клубов вверх тянулись мириады пузырьков. Иногда происходил взрывной выброс пузырьков, и тогда «Кермадек» начинал слегка покачиваться.

— Будет взрыв? — спросил Онодэра, возвращаясь к своему месту.

— Надеюсь, пока ничего страшного… — ответил специалист, торопливо проверяя температуру воды и донных отложений. — Если взрыв и произойдет, то, думаю, небольшой. А батискаф выдержит?

Онодэра выбросил цепь и, срочно связавшись с «Ёсино», стал один за другим открывать магнитные клапаны. «Кермадек» начал всплытие. Ощущая легкий холодок в сердце, Онодэра пытался вычислить безопасный предел для скорости всплытия и насколько эту скорость можно ограничить двигателем горизонтального хода.

Слишком большая скорость всплытия может привести к деформации поплавка. Тогда гондола, весящая несколько тонн, опустится на дно и всплыть уже не сможет. Онодэра попытался снизить скорость. Потом вдруг решил комбинировать вертикальное и горизонтальное движение. Мысль оказалась удачной. После нескольких поворотов руля «Кермадек», чуть накренившись, начал боком всплывать. Однако при этом гондола могла опрокинуться, и приходилось иногда переходить на горизонтальное движение.

— Держитесь покрепче за что-нибудь, — сказал Онодэра напарнику. — Может качнуть…

На глубине три тысячи триста метров Онодэра опять выбросил немного балласта. «Кермадек» стрелой пошел вверх. Онодэру тревожило, что резкое снижение давления может привести к взрыву: находившийся под давлением в двести атмосфер охлажденный на морском дне воздух в поплавке начинал адиабатически расширяться. Когда до поверхности оставалось восемьсот метров, Онодэра решил его стравить. Несколько уменьшив скорость всплытия, он хотел выжать бензин, соприкасавшийся с морской водой на открытом дне поплавка. Следом за воздухом из поплавка стал уходить бензин, а клапан никак

не хотел закрываться.

— Онодэра-кун! — сдавленным голосом крикнул за его спиной молодой специалист. — Вода, вода!

Порой при всплытии, когда резко уменьшается давление на корпус, крепость швов батискафа ослабевает, и в гондолу проникает вода. А «Кермадек» подвергся непосильной для него перегрузке.

— Из иллюминатора?

— Вроде бы нет, не знаю откуда, но ее довольно много.

— Ничего, не беспокойтесь, скоро перестанет течь.

Утечка бензина продолжалась, скорость всплытия упала до восьмидесяти метров в минуту. Проверив остаток балласта, Онодэра мысленно представил себе схему масляного клапана. На глубине пятисот метров он перешел на горизонтальное движение и включил полную скорость. При таком режиме аккумулятора могло хватить только на три минуты. Онодэре хотелось по возможности сохранить скорость горизонтального движения до всплытия на поверхность. «Кермадек» стало подбрасывать. К этому прибавился еще боковой снос. Онодэра потратил целых две минуты, чтобы выровнять батискаф.

Аккумулятор почти сел. В корпусе звоном отдавались ультразвуковые сигналы эхолота «Ёсино». Переключив телефон на УДВ, Онодэра вызвал командный пункт.

— Постарайтесь нас поймать! Возможно, мы выпрыгнем из воды.

— Понял. Беспрерывно следим за вами. Не меняйте направления. Задним ходом идем к месту предполагаемого всплытия.

— Как на море? Погода?

— Качает. Высота волн превышает полтора метра, ветер северо-западный, смотри, как бы тебя не укачало! Поймаем вас под водой, на десятиметровой глубине.

Когда оставалось уже сто пятьдесят метров, из бака с поврежденным клапаном вышел весь бензин. Чтобы сохранить равновесие, Онодэра выпустил бензин и из двух других баков. Скорость всплытия упала до сорока метров в минуту. Оставалось только одно: используя инерционную скорость в три с половиной узла и выбросив остатки воздуха, регулировать всплытие. Начало сказываться волнение на поверхности — «Кермадек» стал подпрыгивать и раскачиваться.

— Держитесь крепче! — крикнул Онодэра.

Операторы «Ёсино», словно волшебники, лов-

ко поймали батискаф. На двенадцатиметровой глубине его поджидали два водолаза на подводном скутере. С помощью магнитного якоря они прикрепили к корпусу буксирный канат и подсоединили телефонный кабель. Выбросив остатки воздуха и маневрируя рулем, Онодэра погасил скорость всплытия. На глубине пяти метров закончилось крепление подъемных тросов, поплавок соединили со шлангом и началась откачка бензина.

— Волны высокие, подъем будет опасным, — сообщили с палубы «Ёсино». — Выходите из люка. Крепление судна проведем под водой.

Механические руки подъемного крана крепко схватили «Кермадек». Оба члена экипажа через люк выбрались на палубу и тут же насквозь промокли: море было неспокойно. Когда они перешли на «Ёсино», механические руки отпустили «Кермадек». Его подтянули к корме и начали крепить.

Онодэра осмотрелся. В море на довольно большом пространстве плавала пемза.

— Говорят, извержение на рифе Коею, — сказал кто-то из стоявших на палубе. — Странно, в таком месте…

— Да и из этого района лучше поскорее уйти, —

Онодэра вытер лицо мохнатым полотенцем. — Вы слышали, что я передавал?

— Да. Как только батискаф установят на палубе, мы так и сделаем.

Когда Онодэра, выпив горячего кофе, поднялся в радиорубку, «Ёсино» уже быстро удалялся из опасной зоны.

— Можно вызвать «Сэйрю-мару», где он сейчас? — спросил Онодэра радиста.

— В пятидесяти милях к северу. Попробую вызвать.

— А как там на Хатидзё? — в рубку заглянул напарник Онодэры по погружению.

— При извержении Нисияма там погибло около двухсот человек. Но опасность не миновала. Сейчас на пассажирских и военных судах эвакуируют всех жителей острова… Двенадцать тысяч человек. На сборы не дают ни минуты… На других островах Идзу тоже тревожно. Оттуда, говорят, людей будут эвакуировать в район Сидзуоки…

Двенадцать тысяч человек… Это подстать трем-четырем первоклассным пассажирским лайнерам. Онодэра хорошо помнил этот субтропический остров, покрытый густой зеленью. Ограды из крупной гальки, яркие декоративные растения в каждом саду. У него больно сжалось

сердце. Даже и предположить нельзя, какой мощности достигнет извержение и когда оно прекратится. Гибнет остров, и думать об этом невыносимо. Неважно, что он такой маленький. Остров — это ведь не просто высунувшаяся над морем вершина скалы. Это плоды вдохновенного труда многих поколений. Это живая история мирно сосуществующих людей и деревьев, зверей и птиц. Остров — это приют всему живому, которое захотело и смогло здесь поселиться. Он и сам стал от этого «живым». И теперь он гибнет, умирает насильственной смертью, и его обитатели должны либо бежать, либо погибнуть вместе с ним… Пока один остров, но если…

— На связи «Сэйрю-мару», — прервал мысли Онодэры радист.

— Попросите вызвать штурмана «Вадацуми» Юуки. Юуки быстро оказался на связи.

— Ну, как там «Вадацуми»? — спросил Онодэра.

— Отлично… — ответил Юуки. — Уже три раза погружался. Жаль, что не вместе работаем.

— Возможно, скоро будем вместе. «Кермадек» расшатался. Думаю, придется отправить его в док. Впрочем, еще надо проверить. Но на это уйдет не меньше недели.

— Тогда сюда переберешься? — в голосе Юуки прозвучала надежда. — Когда?..

Онодэра не успел ответить — поступил другой вызов. Кажется, на связи был самолет.

— Поблизости находится гидроплан сил морской самообороны, — доложил радист офицеру связи. — Просит навести его на место посадки, чтобы взять данные об исследовании дна…

Офицер передал сообщение капитану. «Ёсино» стал сбавлять скорость.

— Онодэра-сан, — радист поддерживал связь с гидропланом. — Там у них Катаока-сан, он просит вас пересесть к ним.

— Катаока? — Онодэра, уже переступивший порог радиорубки, обернулся.

Протопали несколько пар ног, над головой послышался гул.

Онодэра поднялся на палубу. Ветер усилился, дыбились и плясали высокие волны. Четырехмоторный гидроплан быстро снижался.

— А не опасно садиться при такой волне?.. — поинтересовался Онодэра.

— Абсолютно безопасно, — улыбаясь, ответил ему один из офицеров. — У него на носу волногаситель. Такой гидроплан взлетает и садится при высоте волн в три с половиной метра. Лучше

наших гидропланов нигде не сыщешь!

Поднялся столб водяной пыли, гидроплан сел и, повернувшись носом к судну, побежал по воде.

— Онодэра-сан, спускаем лодку, — крикнул хриплый голос.

От волн разлетались тучи брызг. Онодэре пришлось надеть плащ. Едва он сел в надувную лодку с подвесным мотором, она сразу заныряла. Онодэра крепко ухватился за борт. Обогнув гидроплан спереди, с трудом подрулили к дверце. Как только погрузили непромокаемые мешки с материалами исследований, тут же взревели двигатели. Гидроплан пробежал по нескольким волнам, и шум бьющейся о дно корпуса воды прекратился — он уже парил над «Ёсино».

Онодэра прошел через неширокий, забитый аппаратурой проход в радиорубку. Катаока был здесь. Он смотрел, как возится с прибором один из членов экипажа. Онодэра хлопнул приятеля по плечу. Тот обернулся.

— А-а… — сказал он равнодушно и тут же опять повернулся к прибору.

— Точно, — сказал член экипажа. — Большая подлодка. Не меньше четырех тысяч тонн.

— Четыре тысячи тонн, говоришь? Ну, тогда это атомная подлодка, — все так же равнодушно

произнес Катаока. — Преследует «Ёсино», что ли? Всего на расстоянии восьмисот метров… Страшно близко.

— А это не наша «Удзусио»? — спросил Онодэра. — Она же должна участвовать в плане Д?

— «Удзусио» сейчас у полуострова Кий, — ответил Канона. — Да она и не такая огромная. Всего тысяча восемьсот пятьдесят тонн.

— Что же она здесь делает? — задумчиво склонил голову член экипажа. — Может, следят за нами?

— Очень возможно. Следует сообщить шифровкой на «Ёсино», — сказал Катаока.

— Не иначе, как нами заинтересовалась какая-то страна, — заметил Онодэра.

— Точно. Лодка недавно в двух километрах на глубине сорока метров следовала за «Ёсино». Ты ее не заметил во время погружения?

— Нет… К тому же при всплытии пришлось попотеть — была опасность взрыва на дне.

— Сигнал от нее был такой силы, что едва не сломалась стрелка магнитного обнаруживателя подлодок. И тебя попросили пересесть, чтобы выиграть время. Ведь материалы можно было просто спустить на канате. Пока спускали лодку, пока ты добирался, мы спустили за борт актив-

ный эхолот и убедились.

— А я, значит, для камуфляжа? — усмехнулся Онодэра.

— Не только. Юкинага-сан просил, чтобы ты, если сможешь, присутствовал сегодня вечером на чрезвычайном совещании штаба. Да, «Кермадек», наверное, на ремонт поставите? Я слышал, ты разговаривал с «Сэрю-мару».

— Впереди слева по курсу извержение! — крикнул громкоговоритель. — Взрыв…

Все бросились к иллюминаторам. Над темно-зеленым морем пятнами висели разорванные крепким западным ветром кучки белых облаков. Под ними прямо из океана вырывался, словно джин из волшебной лампы Алладина, желто-коричневый клуб дыма. Разбухая и поднимаясь все выше, он прорывал кучевые облака. Даже здесь, на высоте пять тысяч метров, воздух сотрясался от взрывов, а на поверхности воды в дыму заплясали языки пламени. Видно было, как из колыхавшегося дымового столба в воду сыпалось что-то белесое — наверное, пепел и пемза. В крутящемся дымовом смерче, казавшемся густым и липким, сверкали сполохи. Поверхность моря покрыли вулканические бомбы и пемза. Кругами разошлось, несильное цунами.

— Скала Смита? — спросил Онодэра.

— Нет. Аогасима, — ответил Катаока. — Второй раз после вчерашнего. Остров, наверное, почти целиком исчезнет.

— Остров Аога? А люди?

— Там было человек двести семьдесят. Видно, все погибли. Разве кто-нибудь успел уйти в море на рыбачьих лодках… Но, не проверили…

— Бросили на произвол судьбы?!

— Поблизости не было судов. Буквально через десять минут после радиограммы с острова о признаках извержения пассажирский самолет международной линии сообщил о начавшемся извержении, — лишенным интонации голосом пояснил Катаока. — Аога в отличие от Хатидзё лежит в стороне от морских линий…

И такое теперь будет происходить без конца, подумал Онодэра, чувствуя мучительный холод в желудке. Аога — это еще цветочки. Масштабы последующих извержений и взрывов будут в сотни тысяч, в миллионы раз больше…

— Весь вулканический пояс Фудзи одновременно стал изрыгать огонь, — Катаока хмуро кивнул в сторону иллюминаторов. — Правда, и раньше бывало, что он активизировался, но не в такой степени.

Гидроплан, набирая высоту, накренил крыло. Глазам открылось еще одно извержение. Дым, уже оторвавшийся от поверхности моря, вздымался южнее Аога. И к северу от острова Хатидзё тоже виден был столб дыма.

— А это? — спросил Онодэра, судорожно проглотив комок.

— Остров Миякэ. Часа два назад началось. Извержение вершины Акабакё… Птицы все чувствуют. В этом году так и не прилетели на остров…

— Да, дела… — сказал Онодэра, голос у него, как и у Катаоки, стал бесстрастным. — Все острова Идзу разом… Осима?

— И остров Осима. В вулкане Михара три раза были небольшие взрывы, а пепел до сих все еще сыплется. Того и гляди произойдет большой взрыв. Население эвакуируется, даже внутренние воздушные линии, проходящие над островом, закрыли.

Гидроплан достиг восьми тысяч метров и все продолжал набирать высоту. Дальше к северу облаков стало меньше и вскоре открылась ясная поверхность зимнего океана, раскинувшегося под чистым небом. Гидроплан продолжал лететь на север, время от времени делая правые и левые

круги. Когда он в очередной раз лег на правый круг, из иллюминаторов открылся вид на всю цепочку островов Идзу, протянувшихся с севера на юг. С пяти из них высоко в небо поднимались тускло-черные столбы дыма. Столбы эти ломались под западным ветром, и казалось, что на север движется гигантская военная флотилия.

На самом же деле эта цепочка островов билась в судорогах, прежде чем исчезнуть в темной пучине океана. Онодэра невольно закрыл глаза. А когда открыл их, увидел вдали, словно белый призрак, силуэт Фудзи со скользящими по склонам легкими облаками. Эта непостижимо прекрасная в белизне свежего снега гора, казалось, парила в прозрачном зимнем воздухе. Неужели есть на свете такая сила, которая способна нарушить, осквернить этот неземной покой?.. Однако выстроившаяся внизу флотилия, изрыгая столбы черного дыма, двигалась на север — на эту прекрасную, благородную гору. Огромная огненная змея, притаившаяся на неизмеримой глубине под океаном, сейчас изрыгала огонь, дым, пар и пепел и с каждой секундой подбиралась все ближе к Фудзи, символу Японии…

— Высота девять тысяч метров… — сообщил громкоговоритель из штурманской. — Перехо-

дим к горизонтальному полету.

— Ну как? — обратился Катаока к инженеру-электронику.

— Пока что ведет себя прекрасно, — ответил пожилой мужчина, возившийся с каким-то большим прибором.

Если так пойдет и дальше, то будет отлично работать и на высоте пятнадцать-двадцать тысяч метров.

— Гравиметр типа Т, — объяснил Катаока заинтересовавшемуся Онодэре. — Совместная разработка геолаборатории Токийского государственного университета и лаборатории воздушных съемок Института национальной картографии. Наша страна создает наиболее совершенные приборы этого вида. Не случайно в Японии впервые в мире были обнаружены гравитационные изменения с качающегося судна. И я думаю, такого прибора, как этот, способного работать на высоте десять тысяч метров, тоже пока ни у кого нет. Сплошная электроника. А вот эта приставка устраняет все, даже самые слабые шумы. Сегодня мы испытываем его впервые, но вскоре такие же приборы будут установлены еще на двух самолетах. А обнаруживатели геомагнитных аномалий уже установлены на двух

противолодочных сторожевых самолетах.

— Полученные данные одновременно регистрируются и поступают на наземную станцию, откуда передаются компьютеру в штабе, — сказал технический специалист.

— И что же? — спросил Онодэра. — Изменения гравитации значительны?

— Колебания просто чудовищные, — Катаока почему-то вдруг улыбнулся. — Потом в штабе просмотришь их на дисплее. Отрицательный пояс аномалии в районе Японского желоба сейчас со страшной скоростью перемещается на восток. А с востока вулканического пояса происходит перемещение в противоположном направлении — на запад. Кажется, эти перемещения в основном и послужили причиной пожаров на островах Идзу и Бонин. В открытом море в районе Канто отрицательная аномалия увеличивается с каждой минутой. Пожалуй, дно Японского желоба с восточной стороны уже опустилось метров на двести-триста… Иди-ка сюда.

Катаока за руку потащил Онодэру к правому иллюминатору.

— Видишь море на востоке? — указал он пальцем.

— А туман-то какой! — сказал Онодэра. — Это

что, течение тормозится, что ли? Впрочем, не может же Курильское течение заходить так далеко на юг…

— Нет, это не то. Вот посмотри на метеорологическую карту. Пояс обнаруженной большой гравитационной аномалии и участок возникновения тумана почти полностью совпадают…

— Гравитационная аномалия и… туман?! — удивился Онодэра. — Но какая тут связь?

— На этом участке морская поверхность из-за резкого уменьшения гравитации вогнута, — Катаока втянул шею в плечи. — И температура воды распределяется по вертикали очень неравномерно. Из-за малой гравитации холодные воды глубинных участков поднялись в верхние слои. Возможно, в какой-то степени произошло и адиабатическое расширение. Короче, вдоль пояса отрицательной гравитационной аномалии появляется огромная масса холодной воды, с которой сталкиваются теплые воды Куросиво, и в результате возникает туман.

Гидроплан зигзагообразно пересекал пояс гравитационной аномалии, расположенный вдоль вулканического пояса Фудзи.

— Пока мы тут возимся, — негромко заговорил инженер-электроник, — американцы запустили

подряд три геодезических спутника. И все они под разными углами пролетают над территорией Японии.

— Искусственные спутники! Да… нам бы такой макроизмерительный аппарат… — сказал Катаока. — Им уже случалось обнаруживать крупномасштабные гравитационные аномалии. Однако не так просто понять, к чему это может привести, а?

— Это вопрос времени. Просто у них сбор информации опережает ее комплексный анализ.

— В провинциях Ниигата и Томаяма произошло землетрясение, — послышалось из громкоговорителя. — Сила его 7 баллов, эпицентр расположен в шестидесяти километрах на север от города Ниигата на глубине пятидесяти километров. Исследовательское судно сообщило о поднятии скалы Ямато.

— На этот раз со стороны Японского моря… — глядя на громкоговоритель, проговорил Катаока. — В клещи попали…

На даче одного из членов австралийского правительства в пригороде Канберры, на Рэдхилле, встретились премьер-министр Австралии, хозяин дачи и смуглый миниатюрный гость. Уже

минут пять длилось молчание, только было слышно приглушенное гудение кондиционера — февраль выдался необыкновенно жаркий.

Премьер, словно желая избавиться от внезапно нахлынувших мыслей, рывком поднялся с низкого кресла. Огромный, в два метра ростом, в этот момент он походил на вырванное с корнем могучее дерево. Заложив руки за спину, премьер зашагал из угла в угол.

— Япония… — он подошел к кондиционеру. — Вот он тоже — «Сделано в Японии»… — и, обернувшись к миниатюрному гостю, добавил: — Трудно себе представить, мистер Нодзаки… Да и разрешить проблему будет весьма нелегко.

Японец, к которому обратился премьер, был маленьким, худощавым мужчиной с полуседой головой и мелкими морщинками у глаз. Его ясный взгляд, казалось, следовал за тобой, куда бы ты ни повернулся. Этот миниатюрный немолодой японец просил премьера о конфиденциальной встрече через хозяина дачи. Людей, которым премьер не отказал бы встретиться, можно было пересчитать по пальцам не только в Австралии, но и во всем Содружестве Наций. Премьер понятия не имел, как старик Нодзаки об этом узнал и почему получил поддержку владельца дачи.

Видимо, японец потратил на это немало сил и средств…

Как бы то ни было, но встреча произошла. И вдруг старик передает ему секретное послание своего премьер-министра и министра иностранных дел и сообщает совершенно невероятные вещи, а под конец обращается с поразительной просьбой.

— Думаю, вам известно, что население Австралии за последние десять лет увеличилось почти на миллион человек. Сейчас оно превышает двенадцать миллионов… — сказал премьер, меряя шагами ковер.

— Да, мне это известно… — ответил старик с бездонно ясными глазами. — За те же десять лет в Японии население увеличилось на восемь миллионов человек. В настоящее время оно составляет почти сто десять миллионов.

— То есть почти в десять раз превышает население нашей страны… — премьер нахмурился.

— А плотность населения выше почти в двести раз. Площадь вашей страны составляет семь миллионов семьсот тысяч квадратных километров, что в двадцать раз больше площади Японии.

— Но, я думаю, вам известно, что семьдесят процентов этой площади — бесплодная пустыня.

Какой смысл говорить об этом, подумал премьер, глядя за окно. В еще светлом сиренево-синем небе поднималась красная луна.

— Япония… — опять повторил премьер. — Край чудес. Крупнейшая индустриальная страна на западе Тихого океана, высокоразвитое современное государство… Кстати, мы с вами на одной долготе. Вы, вероятно, помните тему Австралийского павильона на Экспо-70?.. Мы собирались сотрудничать с вами, собирались воспользоваться вашей помощью — финансовой и индустриальной… Вы участвуете в разработке железных руд у нас на севере и нефтяных промыслов во внутренних районах… Да и ваши автомобили… «тоёта», «ниссан», «мацуда», как видите, разъезжают по нашей стране в большом количестве. В настоящее время в Австралии проживает шестьдесят тысяч японцев.

— Я знаю, — кивнул Нодзаки. — В последние двадцать лет Австралия была для нас хорошим партнером. И мы высоко ценим ваш личный вклад в эту дружбу.

— Я прилагал и прилагаю все усилия, чтобы превратить Австралию в открытый для всего мира «континент новых возможностей», хотя мои дед и отец были сторонниками так назы-

ваемого «превосходства белой расы»... — сказал премьер, вытащив из нагрудного кармана сигару. — В начале века на севере нашей страны вспыхнула золотая лихорадка. К нам хлынули переселенцы из Юго-Восточной Азии. Я думаю, ни дед мой, ни отец не были откровенными расистами. Но... подумайте сами! Австралия издавна была местом ссылки, на ее пустынных просторах обитали только кенгуру да аборигены. Белые на этих относительно безграничных землях разводили овец, крупный рогатый скот, неторопливо увеличивая территорию, необходимую для спокойной жизни. Они не могли угнаться за непоседливыми и вечно спешащими рабочими китайского происхождения. Белых это не могло не раздражать, а тут еще разгорелся пожар дискриминации монголоидов, докатившийся до нашей страны как международное поветрие. В результате — закон об ограничении иммиграции и немало трагедий... Поэтому мы не раз советовали руководителям японской промышленности не опережать время...

Премьер усмехнулся, заметив, что сам увяз в этой проблеме. Он почувствовал даже некоторое раздражение против японца, который, оставаясь на редкость немногословным, сумел

направить разговор в нужное ему русло. Кроме того, в английском языке премьера, безвыездно прожившего в Мельбурне до зрелого возраста, ощущался австралийский акцент, близкий к кокни. А английский этого маленького японца был безупречен, в нем порой даже проскальзывал оксфордский акцент. Это странным образом подавляло премьера.

— И что же… — сказал премьер, чиркая спичкой. — На какую цифру вы рассчитываете?

— На миллион для начала, — как бы вскользь заметил старик. — А если окажется возможным, в дальнейшем довести ее до двух-пяти миллионов.

Премьер молча раскуривал сигару. Пять миллионов?! Это же сорок пять процентов нынешнего населения Австралии! Австралия на треть превратится в страну желтой расы!

— Ну, предположим миллион человек… Это уже составит восемь процентов нашего населения, — премьер выдохнул густой клуб дыма. — И это в течение двух лет?..

— Желательно, в течение более короткого времени, — на лице старика впервые появились следы глубокого страдания. — Если это возможно, хорошо бы уже в нынешнем году частично начать переселение. Хотя бы первых ста тысяч

человек. Под предлогом развития глубинных, девственных районов страны…

— Это будет довольно сложно, — впервые вмешался в разговор хозяин дачи. — Парламент может не согласиться принять такое число иммигрантов, если не открыть карты. Во всяком случае, для этого потребуется время.

— Нет, почему же, возможно это и удастся провести через парламент, — премьер ткнул в пространство сигарой, словно ему в голову пришла удачная мысль. — Ну, трансконтинентальная железная дорога, например…

— Действительно, — кивнул хозяин. — Тем более что проект еще не полностью разработан. Устроить международные торги и подряд на строительство на самых выгодных для Австралии условиях передать Японии.

— До этого придется заключить с Японией соглашение о совместном развитии внутренних районов нашей страны или что-нибудь в этом роде, как бы расширяя ныне действующее соглашение об экономическом сотрудничестве между нашими странами.

— Можем и не успеть, — сказал старик. — А что если вы утвердите проект строительства в срочном порядке, получив кредит от Японии на

самых выгодных условиях?

Разумеется, всю технику и специалистов Япония предоставит. Если бы вы только сумели провести это через парламент в течение полугода…

— Такая поспешность и слишком выгодные для нас условия могут насторожить, — вмешался хозяин.

— Мне кажется, здесь можно найти подходящие предлоги. Скажем, Япония вынуждена пересмотреть в целом проекты строительства новых железных дорог из-за участившихся землетрясений. Тем более что строительство новой суперскоростной магистрали уже фактически приостановлено. Вот и получается, что излишки средств на выгодных условиях мы предоставляем Австралии. Разумеется, одновременно на тех же условиях мы будем вести переговоры и в Африке, и в Южной Америке. Возможно, нас обвинят в демпинге, но и здесь есть выход: можно будет в качестве компенсации заключить долгосрочное соглашение о закупках в больших количествах австралийской шерсти и баранины. Баранина действительно потребуется для наших беженцев. У нас существует проект строительства большой морозильной базы в Океании. Будем хранить

баранину там…

Этим стоит заняться, подумал премьер. Сделка, безусловно, выгодная. Получить высококвалифицированных прилежных рабочих вместе с высокоразвитой техникой и строительными материалами… А пока суд да дело, эти люди потеряют родину, а Австралия — кредитора, с которым она должна расплатиться… И все же возникает масса тревожных вопросов… Что будут делать эти люди, когда закончится строительство железной дороги? Какое влияние они окажут на будущее Австралии?

— И все-таки я не уверен, возможно ли переселение ста тысяч человек сразу, — премьер задумчиво покачал головой. — Тем более иммиграция целого миллиона… Думаю, Для этого потребуется специальное законодательство. А как обстоят ваши дела в ООН? Я надеюсь, вы уже установили там соответствующие контакты?

— С генеральным секретарем ООН мы уже имели три приватные беседы. С ЮНЕСКО контакт будет установлен в самое ближайшее время. Связь с постоянными представителями Совета безопасности, очевидно, тоже налажена. ООН, конечно, сумеет призвать к выполнению международного «морального долга», однако

сомнительно, что ей удастся принять срочные эффективные меры. В настоящее время ведутся переговоры с президентом США и с главами некоторых южноамериканских и африканских государств. Было бы весьма желательно переселить хотя бы несколько сот тысяч человек до того, как это на нас обрушится. Разумеется, это сугубо одностороннее желание. И сейчас я… нет, вся Япония на коленях молит о помощи вас, вашу страну, весь мир. Спасите жизнь нашему народу… он на грани гибели…

Старик говорил с надрывом, казалось, еще секунда и он, рыдая, бросится на колени перед премьером…

Но старик сидел совершенно прямо, соединив худенькие коленки, на которых спокойно лежали руки. На его губах застыла легкая улыбка. И лишь глаза пылали в трагической мольбе. Поразительное для нашего века самообладание, подумал премьер. Пожалуй, оно характерно для этого загадочного народа… Так называемая «восточная улыбка» скрывает всякое проявление чувств. Никогда не поймешь, что и в какой мере волнует японца…

— И все же это уж очень невероятно, — премьер глубоко вздохнул, будто хотел скрыть, что

ему трудно дышать, и загасил сигару о пепельницу. — Неужели Япония, подобно легендарной Атлантиде, на самом деле исчезнет под водой? Ученые вашей страны утверждают это с полной ответственностью?

— Пока я ничего определенного сказать не могу, — лицо старика впервые исказилось страданием. — Вопрос беспрерывно изучается в совершенно секретном порядке. Народ еще ничего не знает. Вы, конечно, можете себе представить, к каким волнениям и беспорядкам приведет любая неосторожность, тем более сейчас, когда после большого землетрясения люди и так встревожены. Впрочем, даже хорошо, что народ взбудоражен — ему некогда задумываться над страшным. Единственное, что я могу вам сообщить, — катастрофа с вероятностью в семьдесят процентов произойдет в течение двух лет. Это все, что мне известно. Для уточнения прогнозов требуется время. Однако положение неуклонно ухудшается. Иными словами, срок укорачивается. Мы с нашим планом, видно, очень опоздали. С каждым днем убеждаемся в этом.

— Мистер Нодзаки, я вас хорошо понял, — премьер положил свою огромную волосатую руку на тонкое худенькое плечо старика. — Мы сделаем

все, что в наших силах. Это я вам обещаю. Я попробую также поговорить с главами государств, входящих в Содружество Наций. Во всяком случае, я буду рекомендовать странам Содружества оказать помощь Японии. А мы, как самая большая и самая близкая к вам страна в Содружестве, конечно, постараемся сделать все, что в наших возможностях.

— Благодарю вас, — старик поклонился, в его глазах блеснули слезы. — Я на некоторое время останусь в японском посольстве. Я очень надеюсь на великодушие вашего превосходительства и на высокий гуманизм, который вы постоянно проявляете перед всем миром.

— А переговоры с Советским Союзом еще не начинали? — спросил хозяин дачи. — Эта страна владеет обширными территориями в Азии.

— Думаю, уже начали, — кивнул Нодзаки. — Откровенно говоря, мы многого не понимаем в этой великой стране. Но мы возлагаем надежды на ее исторические заслуги в решении проблемы национальных меньшинств.

— А на Китай, по-видимому, надеяться не приходится, — заметил хозяин. — У него своего населения восемьсот миллионов… Да и исторически сложившиеся отношения между вашими

странами не позволяют рассчитывать на положительное решение…

— Ваше превосходительство, позвольте преподнести вам от лица нашего премьера, — Нодзаки встал со стула. — Вернее, от имени японского народа…

Он взял со столика, стоявшего в углу комнаты, длинный деревянный футляр и открыл крышку.

— Это же… — имевший представление о древнем восточном искусстве премьер на мгновение замер, потом вынул из нагрудного кармана очки. — Великолепно! Тринадцатый век, если не ошибаюсь?

— Вы совершенно правы. Начало камакурского периода. Эта статуэтка Будды хотя и не зарегистрирована в качестве национального сокровища, но по праву может быть причислена к таковым… — тихо произнес старик. — Мы приобрели ее в провинциальном буддийском храме. Такие предметы еще иногда встречаются в отдаленных префектурах Японии. Прошу принять на память.

Когда Нодзаки ушел, договорившись о следующей встрече, премьер с явным удовольствием вновь принялся разглядывать небольшую, высотой в тридцать-сорок сантиметров статуэтку.

— Потихоньку начинают вывозить свои культурные ценности, — сказал хозяин дачи, встряхивая шейкер. — В этом году в Европе и Америке состоятся три выставки древнего японского искусства. Редчайшие вещи будут вывезены. Видно, это не без умысла. Кое-какие ценности, как бы между прочим, уже проданы или принесены в дар. В последнюю минуту будет уже не до их спасения.

— А нельзя ли сейчас купить несколько старинных храмов? — задумчиво произнес премьер. — Ведь в Японии есть такие сооружения, которым нельзя дать погибнуть.

— С этим нужно поторопиться. Ведь в таких делах американские музеи и различные фонды действуют весьма оперативно.

— Как было бы хорошо принимать только статуэтки… — вздохнул премьер, снимая очки. — Но миллион, два миллиона японцев… Что с ними делать… А если пять миллионов, то в нашей стране образуется еще одно государство. Им же нужны жилища, продукты питания… Да и численность их будет постоянно расти. К тому же жизненный уровень у них тоже не из низких…

— Не знаю, какие формы это примет… Будут ли это лагеря для беженцев, нечто вроде лагерей

для заключенных, или гетто, трудно предсказать… Ясно одно: мы берем на себя весьма тяжкое бремя… — хозяин поставил перед премьером бокал. — Самое лучшее, конечно, изолировать их. В глубинных районах страны у нас есть обширные девственные территории. Рассеять пять миллионов по разным участкам и использовать для развития пустынь…

— И все же, как можно переселить сто десять миллионов человек? Кто в мире примет такое огромное количество людей? — премьер удивленно уставился в пространство. — Ты только представь себя на месте руководителя этой страны, на месте человека, ответственного за судьбы своей родины. Что бы ты смог сделать? Одних кораблей сколько потребуется…

— Наверное, больше половины людей погибнет. Придется принять очень жестокое решение, — проговорил хозяин, словно убеждая самого себя. — А те, кому удастся переселиться, станут обузой для всего мира… Ох и натерпятся они… И преследования, и гонения, и ненависть… И между собой не все у них будет гладко, будут бороться за жизнь, уничтожая друг друга… А родины не будет… не будет ее больше на Земле… Им придется испить горькую чашу страданий до дна. Да,

этому народу, потихоньку, со вкусом лепившему свою историю на маленьких, очень замкнутых островах востока, придется испытать такие же страдания, какие мы, евреи, испытываем уже не одно тысячелетие…

— А не могут ли столь резкие изменения в земной коре оказать влияние и на Австралию? — премьер взял в руку бокал. — Надо, чтобы наши ученые изучили этот вопрос…

5

Переступив порог общего отдела штаба, Онодэра сразу почувствовал что-то неладное. Сотрудники, сбившись группами, взволнованно, с раздражением говорили о чем-то.

Снимая куртку, Онодэра спросил у соседа:

— Что-нибудь случилось?

— А вы еще не знаете? — удивился тот и протянул Онодэре журнал. — Прочитайте! Вчерашний, вечером поступил в продажу.

Это был массовый еженедельник, который выпускало одно весьма уважаемое издательство. Он был уже изрядно потрепан, побывав, как видно, во многих руках. Сразу бросался в глаза крупный,

на весь разворот заголовок:

«Японский архипелаг утонет?! Предсказывает профессор Тадокоро, крупнейший специалист в области вулканологии».

Пальцы Онодэры, державшие еженедельник, невольно сжались в кулаки. Почувствовав, как меняется в лице, он набросился на статью, но волнение мешало сразу уловить смысл. В статье почти полностью, правда с некоторыми искажениями, излагалась теория профессора «об аномалиях во встречных потоках мантии» с сенсационной приправой, характерной для массовых еженедельников.

— Разглашение государственной тайны! — сказал парень, сосед Онодэры. — Он, может, и большой ученый, но настоящий дикарь. По слухам, проболтался спьяну.

Профессор Тадокоро напился?! За те полгода, что он знал профессора, Онодэра ни разу не видел, чтобы тот выпивал…

Внимательно перечитав статью, Онодэра заметил, что профессор ни прямо, ни косвенно не обмолвился о плане Д и его штабе. В статье был и комментарий Управления метеорологии, который сводился к тому, что на Японском архипелаге действительно концентрировались

землетрясения и заметно активизировались горообразовательные процессы, а также происходят сдвиги земной коры в прилегающих участках. В настоящее время прилагаются все усилия для изучения возможных в будущем стихийных бедствий. Однако современная наука не считает погружение Японского архипелага на дно океана сколько-нибудь реальным…

Статья заканчивалась интервью с известным ученым Оидзуми. «…Исследования и теории профессора Тадокоро, — сказал он, — никогда не пользовались доверием в научных кругах Японии. Ему пришлось даже подрядиться на работу в группу стратегических исследований для военно-морского флота США… Настоящее высказывание вообще ставит под сомнение, в здравом ли он уме. Если да, то это можно расценить только как желание приобрести дешевую популярность в трудную для нашей страны минуту. Подобных людей решительно необходимо брать под надзор, поскольку они, высказывая совершенно нелепые с точки зрения науки теории, усиливают тревожное состояние масс…»

Далее следовали беседы с директором фирмы по торговле недвижимостью, домохозяйкой, популярным актером, писателем-фантастом…

Короче говоря, статья в целом была написана так, чтобы подчеркнуть фантастичность и полную несостоятельность выдвинутой профессором теории.

— В прежние времена на разглашение государственной тайны его бы без разговоров арестовали и швырнули в тюрьму, — сказал молодой, но уже грузный майор штаба армии.

— А что профессор? — подавив раздражение, спросил Онодэра.

— Вчера после обеда явился вдрызг пьяный в Управление метеорологии и через участников плана подал в штаб заявление об увольнении, — грузный майор сложил руки на груди. — Видно, явиться прямо сюда постеснялся.

Был в Управлении метеорологии? Онодэра недоуменно пожал плечами.

— Если он от нас уйдет, то его уже ничто не будет сдерживать, — заметил сотрудник НИИ Управления обороны.

— Вот, вот, из-за этого со штатскими и нельзя работать! — высокомерно произнес майор, выпятив грудь и глядя прямо в лицо Онодэре. — Они совершенно лишены чувства ответственности, даже если родина в опасности. Его следует немедленно изолировать.

— Говорят, кто-то из руководства отправился к нему уговаривать…

— Разве можно урезонить этого штатского дикаря? Подобные типы, когда с ними миндальничают, как раз и начинают выламываться. Помяните мое слово, он таких дров наломает!

— Постойте, — вмешался Онодэра. — В этой статье Тадокоро-сан высказывает свою личную точку зрения, не упомянув ни о плане, ни о штабе.

— Ну и что? Репортеры со временем и до нас доберутся.

— Они и так уже разволновались, — сказал молодой парень. — За профессором сейчас по пятам ходят сотрудники органов безопасности, а ему-то что? Он после обеда будет выступать по телевидению.

Как это по телевидению? — брови майора угрожающе поднялись. — В какой программе?

— В программе «Послеобеденная всякая всячина».

— Скотина! — выругался майор, стукнув кулаком по столу. — Его необходимо остановить! Поручить бы это контрразведке!

— Какая там контрразведка! — усмехнулся еще один сотрудник, чиновник министерства ино-

странных дел. — Любая возня вокруг профессора может привести только к обратным результатам. Пусть себе плывет по течению, а мы — ничего не видели, ничего не знаем.

— Все же мне непонятно, — проговорил Онодэра, — почему профессор решился опубликовать свою теорию… и так внезапно…

Все четверо сразу к нему обернулись. Казалось, они только теперь вспомнили, что Онодэра работал вместе с профессором еще когда не было никакого плана Д.

— Быть может, виной всему уязвленное самолюбие? — предположил сотрудник министерства иностранных дел. — Нельзя не признать, что на сей раз Тадокоро оказался провидцем. Собственно, именно он открыл правительству глаза. Однако когда его открытие было признано делом государственной важности и им стали заниматься в организованном порядке, профессор лишился главенствующей роли. Ведь после создания группы Д профессору в сущности нечем было заниматься. Мне кажется, самым сильным его желанием было доказать правильность своего прогноза… Прогнозируемое явление он рассматривал с чисто научных позиций, ни мало не заботясь о судьбе Японии. И вообще, профессор

Тадокоро типичный «ученый чудак», да к тому же еще устаревшего типа, который как следует не может управиться с компьютером, не знает системного анализа. Естественно, он перестал быть стержнем плана, а ему, видно, хотелось оставаться центральной фигурой. Работу по этому гигантскому плану он, вероятно, представлял себе как наблюдение за «великой трагедией природы»… Но ведь речь идет не о солнечном затмении!.. И вот, когда дело стало обретать совершенно конкретные черты, он оказался за бортом… В результате — крушение честолюбивых надежд и этот последний взрыв…

— Может, его взбесило, что Наката-сан отнял у него руководящую роль?.. — сказал молодой парень. — Ребята не раз слышали, как профессор ругался с ним.

— Все они такие, эти дикие ученые… — прищелкнул языком майор. — Никаких сдерживающих центров. Сделают какое-нибудь открытие и обалдеют от радости, а до интересов государства им никакого дела нет…

Не-ет! Все это неправда! Онодэра не мог с ними согласиться. Тадокоро-сан не такой человек. Да, он ученый. Но не «безумный ученый» и тем более не «ученый чудак». У него широкая, открытая

миру душа. Это не представитель официальной науки, выпестованный в башне из слоновой кости. Но почему, почему он повел себя так странно?..

— Идите скорее сюда! — крикнул кто-то из соседней комнаты. — Тадокоро-сан устроил потасовку со своим собеседником! По телевизору показывают!

— Что, что? — оживились все. — С кем?

— С профессором Ямасиро. А сейчас дубасит диктора, который бросился их разнимать.

— Другого не следовало и ожидать! — заключил кто-то.

Онодэра, вспыхнув, обернулся, но так и не понял кто. Он не пошел смотреть передачу и одиноко продолжал стоять у своего стола. Что же это такое!.. — беззвучно шептал он. Перед его глазами стояло лицо профессора Тадокоро. Широкое, некрасивое, но бесконечно печальное — лицо человека, привыкшего «созерцать» природу и разгадавшего немало ее тайн. Онодэра вдруг со щемящим чувством вспомнил, как профессор сказал про него Юкинаге: «Ему можно доверять». И Онодэра сам проникся безграничным доверием к профессору… Они были вместе на десятитысячеметровой морской глубине, вместе видели то,

чего никто не видел. Профессор вообще видел многое. И многое знает… Но он глубоко проник не только в душу природы, но и в душу человека. Он прекрасно понимает, что такое «общество» и по какой системе оно строится. Но ему чужда борьба за власть, чужда эта мышиная возня. Честолюбие, слава — это его не волнует. У него есть его «великая природа» и есть душевная шпрота — он готов без боя уступить место другому. Все это Онодэра подсознательно чувствовал. Что же с ним вдруг сделалось?.. Или он на самом деле «дикий», «чудак-одиночка», который никак не может ужиться с этим брюзгливым и сварливым, как свекровь, обществом?..

— Кажется, профессора Тадокоро арестовали! — крикнул вбежавший из коридора мужчина.

— Что, что ты сказал? — Онодэра невольно бросился к нему и схватил сзади за плечо. — Почему арестовали? За что?

— В вестибюле телецентра после выступления он опять подрался. Оказавшийся там случайно сыщик арестовал его на месте преступления, — ответил тот. — Кажется, и сыщику досталось. Говорят, профессор явился в телестудию вдрызг пьяным.

Все заговорили разом возбужденными, пожа-

луй, даже радостно возбужденными голосами. Онодэра не мог здесь больше оставаться и выскочил в коридор. Здесь он столкнулся с Юкинагой.

— Пойдем! — схватил его за руку тот. Таким Онодэра его еще никогда не видел — бледный, с подергивающимся лицом, горящими глазами. — Пойдем, я говорю! Эту сволочь Накату избить надо! Понял?.. Избить…

— Да что с вами, Юкинага-сан?

Онодэра ошеломленно смотрел на Юкинагу, с силой тянувшего его за руку. Он никогда не видел этого спокойного, неизменно выдержанного, доброжелательного и, казалось, не слишком решительного ученого таким возбужденным.

— Успокойтесь, пожалуйста! — лепетал Онодэра, освобождаясь из рук Юкинаги. — Вы говорите, избить Накату-сана? А профессора Тадокоро только что арестовали…

— Вот, вот в том-то и дело! Я этого Накате не прощу! Довести профессора до этого…

Резко распахнув дверь кабинета, Юкинага пошел прямо на Накату. Бывший там сотрудник испуганно оглянулся. Онодэра положил ему руку на плечо и решительно вытолкал из кабинета. А Юкинага уже схватил Накату за лацкан пиджака. Руки его дрожали. В таком состоянии человек

не способен драться, подумал Онодэра, глядя на дергающееся лицо Юкинаги.

— Зачем… Тадокоро-сан… — сказал Юкинага и захлебнулся. — Ты… сволочь…

— Я его не просил об этом, — ответил Наката своим обычным спокойным тоном. — Он сам, по собственной инициативе, взялся за это дело. Это правда. Они о чем-то побеседовали со стариком Ватари и вдруг…

— Ты должен был его остановить! — крикнул Юкинага. — Ты только подумай, что он сделал для всех нас! И потом он мой учитель! Как ты смел не сказать мне…

— Ну, знаешь, если бы я тебе сказал, ты бы его отговорил, — Наката мельком взглянул на Онодэру. Юкинага все еще держал его за лацкан пиджака. — …Откровенно говоря, для этой роли никто так не подходил, как профессор Тадокоро. Эффект превзошел все ожидания. Не скрываю, я обрадовался, когда профессор сказал мне о своем намерении. Но, повторяю, не я его об этом просил. Он сам узнал о контрмерах, сам принял на себя эту роль…

— Ты думаешь, я не понимаю, что ты специально так подстроил…

— Неужели ты считаешь его человеком, ко-

торый может поддаться на такие уловки? Или меня считаешь способным на такое вероломство в отношении профессора?! — на этот раз уже кричал Наката. — Или ты думаешь, что, кроме него, кто-нибудь в состоянии сыграть эту роль? Ну вот ты, например.

Пальцы Юкинаги, сжимавшие лацкан пиджака Накаты, разжались. Он побледнел еше больше, затрясся всем телом и закрыл лицо ладонями. И только сейчас Онодэра смог встать между ними.

— Тадокоро-сан… — Наката на секунду запнулся. — По собственному почину начал применять тактику «с открытым забралом».

— Роль болтуна, разглашающего тайну и поставляющего информацию еженедельникам?

— И выступление на телевидении… — Наката смущенно отвернулся от Онодэры. — Я никак не ожидал, что он настолько войдет в роль… Скоро нельзя уже будет скрыть, чем мы тут занимаемся… Ну, мы и решили прибегнуть к довольно банальному способу. Запустить пробный шар, намеками разгласить тайну и изучить реакцию на нее. Моя идея заключалась в том, чтобы подать информацию в скандальном виде. Выбрать для этого какой-нибудь крупный еженедельник… Но я не успел еще составить конкретный план

действий, как…

— Тадокоро-сан по собственному почину взял на себя скандальную роль, хотите вы сказать?!

— Да, и только он… — Наката запнулся, даже закашлялся. — Эффект намного превзошел все наши ожидания… это, конечно, было под силу только ему… Правда, я совсем не думал, что он зайдет так далеко…

Горький комок застрял в горле Онодэры. Вот оно что! Когда никак уже нельзя сохранить тайну, ученый-одиночка, слывущий чудаком, даже сумасшедшим, и пользующийся в научных кругах сомнительной репутацией, публикует в массовом еженедельнике сенсационную статью. Именно в массовом еженедельнике. Таким образом, с одной стороны, информация воспринимается с ограниченным доверием, как обычная для еженедельников погоня за сенсацией. Здесь все учтено: и смягчение удара уклончивым отрицанием официальных органов, и насмешливое отношение академических авторитетов к ученому «со странностями». Хотя информация и из ряда вон выходящая, но воспринимается без особой тревоги, как мнение чудака. А выходка профессора в телецентре — блистательная концовка этой статьи. С другой стороны, люди все-таки

прикоснулись к неизвестному им до сих пор факту, теперь у них начнется адаптация к мысли «а может быть…». Потихоньку будет вырабатываться иммунитет, как от вакцины, содержащей вредные, но ослабленные бактерии.

— Сенсей сам, по собственному почину, говоришь… — сказал Онодэра. — Мне кажется, я начинаю понимать.

— Это человек, конечно, со странностями… но большой человек, — сказал Наката, опускаясь на стул. — У него нет семьи, это тоже существенно… У него нет никакого тяготения ни к высокому общественному положению, ни к славе…

— Дело не только в этом! — категорически заявил Онодэра. — Он действительно никогда не помышлял о престиже, для него это совсем неважно… Мне кажется, основную роль тут сыграло то, что ему было очень горько.

— Горько? — обернулся стоявший у окна Юкинага. — Отчего?

— Оттого что именно он сделал это открытие.

Юкинага и Наката потрясенно смотрели на Онодэру.

В наступившей тишине было слышно, как дребезжат оконные стекла. Теперь на небольшие землетрясения уже никто не обращал внимания.

Сейчас, подумал Онодэра, Тадокоро-сан в полицейском участке… Этот большой человек… Конечно, его сразу освободят, тем более он был пьян. Ну, а потом что он будет делать?

— Положим, профессор временно отвлек внимание общественности от нашего плана, от существования нашего штаба… Но неужели он к нам не вернется? Или он считает, что свое дело уже сделал?

— Он сам закрыл себе дорогу назад. Я никак не думал, что он способен на драку в телецентре, — грустно произнес Наката. — Но хочется, чтобы какая-то, связь между нами сохранилась. И, я думаю, она сохранится. Надеюсь, старик Ватари все уладит…

— А старик в Хаконэ? — нахмурился Онодэра. — Туда сообщили? Ну что, вулканический пояс Фудзи с юга…

— Ах да! Извини, чуть не забыл… — Наката испуганно посмотрел на Онодэру. — Мне час назад принесли… Ты еще не видел?

Выдвинув ящик стола, Наката вытащил сложенную вчетверо газету и передал Онодэре. В разделе объявлений одно было очерчено красными чернилами:

Тосио Онодэре

Скончалась мать. Немедленно возвращайся домой.

Старший брат

Это было так внезапно, что Онодэра даже не удивился тому, что в такую минуту не испытывает острой боли.

— Много лет было твоей матушке? — не глядя на Онодэру, спросил Наката. — Ты, наверное, давно ее не видел?

— Шестьдесят восемь, нет, шестьдесят девять, — тихо проговорил Онодэра. — После смерти отца она очень сдала… Наверное, сердце.

— Съезди, — сказал Юкинага. — Твоя родина ведь на Кансае. Аэропорт Ханэда открыли…

— Билет на самолет достать невозможно, — Наката протянул руку к телефонной трубке. — Из Ацуги в Итами ежедневно отправляется транспортный самолет сил самообороны. На нем и лети.

— На вулкане Фудзи объявлено чрезвычайное положение, — сказал побледневший Куниэда. — На отдельных участках начались выбросы пара. С метеостанции на горе все эвакуировались,

осталось только несколько человек на чрезвычайный случай.

— Отсюда, наверное, не увидеть извержения? — старик засмеялся. — А вот извержение Комагатакэ или другой вершины Хаконэ было бы видно.

— Три автомобиля стоят наготове. Очень прошу вас — вернитесь в Токио. Премьер строго-настрого приказал привезти вас. Представить себе трудно, что будет, если с вами что-либо случится…

— Не бойся, я пока не собираюсь умирать, — усмехнулся старик — В течение двух-трех дней ничего не произойдет. Я это чувствую. Да и материалы сегодня к вечеру должны быть готовы.

— Да разве кто-нибудь работает?! — раздраженно воскликнул Куниэда. — Они только и знают целыми днями прогуливаться да прохлаждаться…

— Ну да, ходят, бродят, обдумывают… — старик окинул взглядом Куниэду. — Это-то меня и беспокоит. Последние трое суток совсем не спали. Так и организм не выдержит…

«Они» — так в этом доме называли группу ученых из Киото. Кроме Фукухары в нее входили бледный, плосколицый, неопределенного возраста человек, одетый в обычное кимоно, но сильно

смахивающий на буддийского монаха, и совершенно седой, пожилой мужчина. Из штаба им придали трех помощников для сбора материалов и технической работы. Иногда премьер, несмотря на крайнюю занятость, приезжал и просиживал с учеными до утра. В таких случаях Куниэде приходилось их обслуживать. Когда он входил с чаем или легкой закуской, создавалось впечатление, что у старика Ватари просто собрались гости — сидят, неторопливо беседуют о садовых деревьях, о керамических чашках для чайной церемонии. А один раз премьер и старик весело смеялись: кто-то смешно рассказывал о своей заграничной поездке. Чем же эти люди занимаются? — не раз задумывался Куниэда. Отнюдь не казалось, что они заняты размышлениями над судьбами Японии, над будущим страны и народа…

В конце застекленной галереи появилась изящная девушка в кимоно. Она подошла к креслу-каталке, откуда старик любовался садом, и, опустившись на колени, что-то ему шепнула. Старик согласно кивнул. Девушка зашла за кресло и покатила его по галерее.

— Пойдешь со мной, — сказал старик Куниэде.

За поворотом открылся павильон-флигель. Пройдя через крытую галерею, они вошли в него

и очутились в передней, из которой двери вели в две большие комнаты.

Несмотря на суровые холода, стоявшие в конце февраля, сёдзи и застекленные ставни были раздвинуты. Вдали виднелось озеро Асиноко. На большом лакированном столе, который стоял посреди комнаты, лежал ворох исписанных бумаг. Тут же был расписной лакированный ящичек с кисточками для письма тушью. Тяжелая темно-зеленая тушечница напоминала застывший водоворот. Куниэда вспомнил, что однажды видел такую тушечницу на выставке. На дне этого темно-зеленого водоворота, на корочке засохшей туши поблескивала золотистая звездочка. Палочка для туши — в стиле эпохи Чинского двора, но, кажется, японской работы — была украшена листьями бамбука, выведенными золотой пыльцой. На краю ящичка лежала толстая кисточка, влажная, словно ее только что окунули в тушь. В комнате было много книг, географических карт, ежегодников. Здесь можно было увидеть и европейские издания, и древние рукописи в свитках.

В комнате находились трое: в углу сидел изможденный усталый мужчина средних лет, по-видимому помощник, за столом — миниатюрный человек в стального цвета кимоно смотрел,

скрестив на груди руки, за раздвинутые сёдзи, а рядом с ним — в стеганом ватном кимоно тот, что походил на монаха. Глаза его были полуприкрыты, ладони соединены на животе. На столе перед ними лежали три огромных конверта с несколькими иероглифами на лицевой стороне.

— В общем, почти закончили… — сказал тот, что смотрел на открывающийся за сёдзи пейзаж. Он опустил руки и кивнул в знак приветствия.

— О, готово? — старик кивнул в ответ и с помощью девушки пересел с кресла на пол. — Значит, августейшая семья отправляется в Швейцарию…

— Да, — ответил миниатюрный мужчина. — А младшие члены императорской семьи — в другие страны. Один в Америку, другой в Китай, а третий, если удастся, — в Африку…

Миниатюрный человек повернулся в сторону Куниэды. И Куниэду потрясло его лицо: за неделю профессор Фукухара изменился до неузнаваемости. Его еще недавно по-детски пухлые и округлые щеки впали, провалились глубоко глаза, и без того свинцовый цвет лица усугубляла отросшая щетина. Он походил на доживающего последние дни ракового больного. И только глаза его ярко пылали — два последних уголька на пепелище духовной энергии.

— Погибнет более половины… — тихим, бесстрастным голосом проговорил профессор. — Да и оставшимся в живых… придется горько…

— Вы разделили всех на три группы… — старик смотрел на конверты. — Вот как…

— Нет, это не три группы, а три возможных варианта, — откашлявшись, заговорил профессор Фукухара. — Один на тот случай, если японскому народу удастся в будущем иметь свою страну, второй — если японцы расселятся в других странах и там ассимилируются… и последний — на тот случай, если ни одна страна в мире нас не примет…

— В третий конверт вложен еще один конверт. Там — четвертый вариант, где высказывается крайний взгляд на вещи, — тихо произнес монах. — Откровенно говоря, мы все трое хотели было на нем остановиться. Но тогда наша работа совершенно не отвечала бы поставленной задаче. Так что написали в качестве особого мнения, отдельно.

— Суть его в том, чтобы ничего не предпринимать, — пояснил профессор. — Все остается так, как есть, и никаких мер, ничего…

Да вы что!.. — едва не вырвалось у Куниэды. — Что же это, все японцы до последнего — сто десять

миллионов человек — должны умереть, погибнуть? Да чем только эти ученые занимаются?!.. На кой черт они нужны…

— Вот оно как, — старик Ватари не отрывал взгляда от третьего конверта. — Такое мнение, значит, тоже появилось… Да…

— Может быть, именно в этом исключительность японского народа. У японцев может появиться такое мнение… — монах приподнял веки. Казалось, он убеждает самого себя.

— А вы все трое, прежде чем сделать такое заключение, подумали о своем возрасте? — старик острым взглядом скользнул по лицам собеседников.

— Как вам сказать… — пробормотал Фукухара, вновь оборачиваясь к раздвинутым сёдзи.

— Ханаэда, поди сюда, — сказал старик девушке, сидевшей у порога. — Прошу вас, полюбуйтесь этим полным свежести и надежд созданием. Она еще не познала любви. О таких вот девушках вы подумали?.. Или, скажем, о детях?

— Как вам сказать… — повторил Фукухара.

Куниэда даже не заметил, что его руки, лежавшие на коленях, стали мокрыми и сжались в кулаки. Его бил озноб. Эти ученые, они что — звери…

— Как бы то ни было, это крайняя точка зрения… — монах опять прикрыл веки. — Для нас это своего рода исходная позиция, отталкиваясь от которой можно продумывать различные варианты…

— Да, исходная позиция… Она гласит: ничего не искать, ничего не требовать от мира, от других стран… Япония может надеяться только на Японию… — голос профессора стал совсем безжизненным. — Мир еще не устроен, чтобы Япония могла у него что-либо требовать. Человеческое общество на нашей планете еще не обеспечивает гражданину любой страны право жить в любом государстве. И надо полагать, что такое положение вещей сохранится довольно долго. Это исходный момент. Японскому народу, потерявшему свою территорию, придется просить другие народы, чтобы его — из милости! — пустили в какой-нибудь закоулок. Однако, если просьбы будут отвергнуты, японцы не должны настаивать. А если они все же где-то устроятся, то будут жить, рассчитывая только на себя…

— Декларация прав человека… — вмешался, не выдержав, Куниэда, — …гарантирует право на жизнь любому человеку, если он… любое правительство…

— Декларация есть декларация… — почти беззвучно пробормотал профессор Фукухара. — А такого права, на котором мог бы настаивать один человек перед всем человечеством, к сожалению, нет, оно еще даже не сформулировано. Ведь и с тех пор, как в каждой стране были закреплены законом права и обязанности граждан и правительства, прошло совсем немного времени…

— Если даже мы выживем, потомкам… им придется страдать… — тихо кивая сказал старик. — В любом случае, захотят ли они оставаться японцами или не захотят… Поведение японцев будет регламентироваться не Японией, а внешним миром… Было бы легче, если бы исчезло само понятие «Япония»… Японцы превратились бы просто в людей… Но этого не получится… Ибо культура и язык — историческая «карма»… Если бы и Япония как государство, и народ ее, и культура, и история сгинули бы разом, было бы по-своему хорошо… Но японцы все еще молодой народ, волевой народ, его «карма» жить еще не кончилась…

— Э-э, простите… — сказал до сих пор молчавший помощник. — Если позволите, нельзя ли господам ученым отдохнуть? Ведь они совсем не спали все это время…

— Куниэда, конверты… — старик кивнул девушке. — Благодарю вас! Отдыхайте, пожалуйста.

Девушка с Куниэдой помогли старику пересесть в кресло-каталку, остальные трое не шелохнулись.

— Сразу отправитесь в Токио? — спросил Куниэда, толкая кресло. — Хорошо бы взять с собой и господ ученых. Машины есть. А здесь, думаю, оставаться опасно…

— Ханаэда, — властно сказал старик, обернувшись к девушке. — Немедленно вызовите врача. Пусть осмотрит ученых.

Ватари решил не теряя ни минуты отправиться с бумагами в Токио, оставив для гостей две машины. Когда Куниэда, собравшись в дорогу, подвез кресло-каталку со стариком к машине, с неба посыпал колючий снег. Открыв дверцу «мерседеса-600», сделанного по спецзаказу, и спустив трап, он хотел было погрузить кресло, как вдруг раздался оглушительный грохот. Куниэда обернулся. Со склона Фудзи, недалеко от вершины, поднимался дым.

— Это кратер Хоэй, — спокойно произнес старик. — Судя по дыму, ничего страшного, во всяком случае пока…

Сзади послышались торопливые шаги. К ма-

шине подбежала бледная как полотно Ханаэда.

— Дедушка… — она закрыла лицо руками. — Фукухара-сенсей…

— Что?!

Куниэда испуганно обернулся к дому. Оттуда медленно шел монах. Вытащив из рукава-кармана кимоно четки, он молитвенно сложил ладони.

— Кресло, — сказал старик Куниэде, который еще не погрузил его в машину. — Ханаэда, немедленно сообщи семье сенсея. Тацуно-сан, прошу вас, позаботьтесь обо всем.

Монах, которого назвали Тацуно, все так же держа руки, поклонился.

Со стороны Фудзи опять послышался грохот. С легким шуршанием начал падать пепел.

6

На Кансае, куда Онодэра приехал после долгого отсутствия, по сравнению с Токио было относительно спокойно. Перед посадкой в Итами транспортный самолет сил самообороны сделал крут над Осакой. В панораме раскинувшегося внизу города Онодэра почувствовал какие-то

изменения. В чем дело, он понял позже, после разговора с братом по пути из крематория Нада.

— Знаешь, я, пожалуй, переменю работу… — сказал ему старший брат. — На Кансае почти все проектные работы приостановлены или вовсе прекращены. Я тоже могу оказаться не у дел.

— Но почему? — удивился Онодэра. — Как же так, из-за землетрясения в Канто прекращаются работы на Кансае?!

— А ты не знаешь? В последнее время здесь происходит сильнейшее опускание почвы, — брат скрестил на груди руки. — Правда, началось это не сегодня, но сейчас темпы возросли. Кое-где почва опускается на два сантиметра в день…

— В самом деле? — рассеянно пробормотал Онодэра и подумал, что в последнее время он лучше знает, что творится на дне океана, чем на суше.

— Да. И так уже с год. Причем происходит это не местами, а повсюду. Кажется, что опускается вся земля. Очень странное впечатление… Будто Западная Япония начинает медленно тонуть. Создалась опасность для засыпанных участков у моря Хансин и для побережья Осакского залива. Проводятся срочные работы по укреплению береговых дамб. Но за опусканием не угнаться — у

берега оно идет со скоростью десять сантиметров в день… За десять дней целый метр! Представляешь себе? Ученые, правда, говорят, что так долго не может продолжаться…

Онодэра почувствовал, как ногти впились в ладони. Структура основания западной и восточной частей Японского архипелага различна, следовательно, различным должен быть и характер изменений. Но то, что Западная Япония так же, как и вся…

— Давайте в аэропорт, — сказал брат шоферу. — Там у фирмы есть вертолет. Покажу тебе сверху, что происходит.

— Послушай, — повернулась к ним сидевшая рядом с шофером жена брата. — Может быть, не сегодня?

— Ничего. Церемония получения праха состоится завтра утром. Ты поедешь домой и всем распорядишься. — Мы скоро вернемся.

Скоростные хайвеи Хансин, Мёдзин и Осака были еще в порядке, так что до аэропорта они добрались быстро. Брат из машины по радиотелефону попросил подготовить вертолет, поэтому по прибытии они сразу же поднялись в воздух.

Сверху хорошо было видно наступление моря на побережье Осакского залива. Часть побережья

и осушенные земли Хансина уже были залиты водой, исключение составляли лишь участки, защищенные волнорезами и срочно сооруженными дамбами. Район Сакай, самый близкий к морю, тоже был частично затоплен. Скрылся под водой и вновь стал болотом участок, осушенный было и подготовленный для расширения нового аэропорта Кансай. От него далеко в открытое море тянулся мутный поток.

Море стремилось взять обратно, слизнуть своим огромным языком земли, некогда отвоеванные у него человеком.

В устьях рек повысился уровень прилива. В воде, постепенно разрушаясь, стояли брошенные заводы, склады, жилые дома. Тайсё, Нисиёдо-гава и Амагасаки — районы Осаки, находившиеся ниже уровня моря, теперь были необитаемы. Особенно страшное зрелище представляла собой Нисиёдо-гава — из воды торчали черные утесы зданий.

— Убедился теперь? — спросил брат. — Если здесь и можно что-нибудь сделать, то для этого потребуются гигантские средства. Но разве сейчас станут этим заниматься, когда все брошено на восстановление Канто. Наша фирма на грани банкротства…

— Ты говорил, что хочешь переменить работу. Что же ты собираешься делать? — Онодэра угрюмо рассматривал землю.

— Матушки теперь нет. Вот я и думаю собраться с Духом и отправиться в Канаду. Есть работа по благоустройству в нефтеносных районах Манитобы. Хочу поехать всей семьей. Жена, правда, колеблется…

— Это прекрасная мысль! — не удержавшись, воскликнул Онодэра и положил свою руку на руку брата. — И когда ты собираешься?

— Из Канады-то торопят… Ну, пока соберешься, пока со здешними делами разделаешься, думаю, пройдет месяц, а то и два. На будущей неделе, возможно, съезжу туда один, присмотрюсь.

— Чем скорее, тем лучше, — Онодэра невольно крепко сжал руку брата. — Брось все дела, не раздумывай. Махни сразу в Канаду, ничего лучшего не придумаешь… Пусть жена ворчит, бери всю семью и переезжай…

— Тебе легко говорить! В сорок лет менять работу… — улыбнулся было брат, но тут же недоуменно посмотрел на Онодэру. — А ты-то что так горячо меня гонишь?

— Да ведь Япония… — начал Онодэра и запнулся.

Он чуть было не проговорился. Уж очень обрадовался, что его родные — надо же! — собираются бежать от беды, о беде не ведая. Но сказать об этом брату он не имел права…

Онодэра снова посмотрел вниз… Беги, беги, брат!.. стучало в его груди. Ему очень хотелось крикнуть это во весь голос. Беги в чем есть… Япония тонет… И не просто тонет… До того как она исчезнет под водой, произойдут страшные катаклизмы… Спасутся только те, кому особенно повезет…

Онодэра даже удивился, обнаружив вдруг в себе такой прилив родственных чувств… Поступив в институт, Онодэра сразу отделился и отдалился от родных, а когда начал работать, это расстояние и в прямом, и в переносном смысле слова увеличилось еще больше. В Токио родственников у него не было. Друзья менялись, уходили, приходили. В молодости человека ошеломляет широта открывшихся перед ним горизонтов, и в тридцать лет он порой все еще ищет перемен. А Онодэру, кроме того, захватил и понес гигантский водоворот. Судьба его сложилась так, что в ней не было места личной жизни. С родственниками он виделся за это время всего один раз — когда умер отец. Ровно через семьдесят пять дней старший брат

выслал ему его долю наследства — сто тысяч иен. Эти деньги Онодэра сейчас же отослал обратно, матери, написав, что он работает и ему ничего не нужно. Он действительно работал. Изо дня в день погружался в пучину моря, поднимался в небо, вступал в единоборство с двигателями и заполнял графы бесконечных диаграмм но программе исследований. Он имел дело с гигантским куском скалы площадью в триста семьдесят тысяч квадратных километров, с беспредельным океаном, с чудовищно огромной огненной змеей под его дном. Во время работы он забывал не только о родственниках, но и о себе…

Однако сейчас, поговорив с братом, Онодэра ощутил, что в нем продолжают жить сильные родственные чувства. Онодэра — никогда не вспоминал о детских ссорах и драках, а вот как брат ему помогал, как защищал его — это он помнил. Брат был старше на десять лет. Сестра, средний ребенок в семье, умерла очень рано… Память, она хранит многое… Первое воспоминание — брат вытаскивает его из канавы… А потом поздний вечер после храмового праздника, брат несет его домой на спине, а он засыпает… Брат идет босиком — у него на гета порвались тесемки… Позже брат ловил для него жуков, учил удить

рыбу, плавать, делать модели самолетов… Когда брат был уже студентом, Онодэра помнил, с каким благоговением он взирал на его книги на японском и иностранных языках… Теперь эти воспоминания разом нахлынули на Онодэру.

Мучительно трудно было молчать. Как это ужасно — не иметь права сказать ни единого слова родному брату, брату, тепло которого он помнит всем своим существом.

А может быть, произнести роковое слово?.. Сказать: «Беги, брат, с Японией конец»… Брат будет потрясен и начнет торопливо собираться в путь. Жена потребует объяснений. В запале брат обязательно проговорится.

А перед отъездом он скажет самому близкому другу или самому надежному из тех, кто будет на прощальном вечере… А потом он наверняка захочет захватить кого-то из подчиненных, с кем проработал не один год. «Тайна» станет передаваться из уст в уста… Может, это не так и плохо?! Ведь тогда люди сами будут уезжать, хоть кто-то спасется… Почему этого нельзя делать?

Но ведь это не его тайна. Ее разглашение может расстроить осуществление большого плана… Это служило каким-то оправданием…

Онодэре и в голову не приходило, что он сле-

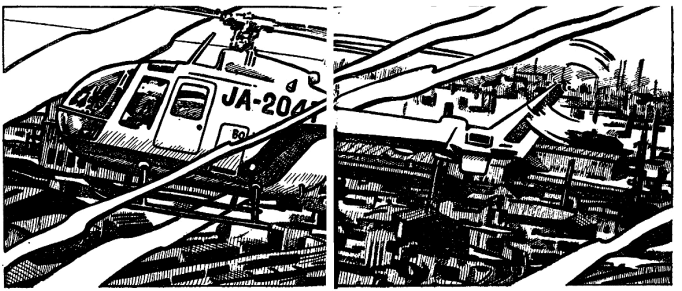
дует древнему закону: хранить верность долгу, даже принося в жертву близких.

Вертолет снижался в восточной части аэропорта, вдалеке от трассы регулярных рейсов. Онодэра, избегая смотреть брату в лицо, разглядывал землю. Красные, зеленые, серые крыши. Улицу переходит группа младшеклассников в желтых шапочках. Их ведет женщина. Дом… В окнах, выходящих на юг, развешено белоснежное белье, сушатся одеяла. Светит солнце. Какая-то женщина пальцем показывает малышу на их вертолет. Вон домохозяйки в фартуках, с платками на головах, идут за покупками… Заныло сердце. Наверное, он по-настоящему еще не понимает, что такое «груз» семьи, жизни. Семья брата… Какое место занимают жена и двое детей в его жизни… Жена у брата упрямая, с характером, сейчас начинает полнеть и до исступления занимается косметической гимнастикой… Старший сын, ученик первого класса средней школы. Дочь, в четвертом классе начальной школы. Чадолюбивый брат любит ее без ума… Только и говорит о ней: «…девочка заняла первое место на школьном конкурсе по классу Рояля, а на префектуральных соревнованиях — второе…

Надо купить ей концертный рояль»… А вообще

он в семье играет роль матери… И все это давит на плечи брата как счастливый груз.

И таких семей, которые находятся на грани гибели, больше двадцати миллионов… Онодэра приподнялся на сидении, чтобы в последний раз, перед посадкой, окинуть взглядом простиравшуюся внизу панораму. Тесные ряды маленьких домиков, кооперативных массивов, дешевых доходных домов, кое-где разорванные зелеными пятнами холмов и лесов, тянулись до самого горизонта, переходя в затянутую коричневой завесой дыма Осаку. И в каждой из этих коробок творилась жизнь человеческая, чуть расцвеченная скромными надеждами и удовольствиями… Узы родства, совершенно неприметные в повседневной жизни, обретают вдруг свинцовую тяжесть при малейшем отклонении от нормы — таком, как супружеская ссора, болезнь ребенка или смерть близких…



И нужно спасти, переместить, переселить более двадцати миллионов семей, обремененных тяжестью многотрудной жизни. Заставить их бросить дом, за который наконец-то выплатили половину ссуды, пианино, купленное для дочери ценой огромных жертв… Все бросить и отправиться в чужие края, в неизвестное завтра?..

— Задумался? Давай выходить, — отстегнув ремень, брат хлопнул Онодэру по плечу, — Рановато немножко, но не пообедать ли нам? Как ты насчет рыбки, кузовка, а?

— А что, можно кончить пост? — рассеянно

спросил Онодэра.

— А почему нет? Я вчера весь день и сегодня до двенадцати постился. Похороны фактически уже кончились… — брат легко спрыгнул на землю. — Только жене не говори. В последнее время она вдруг стала проявлять строгость в таких вопросах. Возраст, наверное, сказывается.

Пообедали в районе Хокусинти, в японском ресторане, где хорошо готовили рыбу и который славился своим сакэ. Онодэра выпил много, — давно он уже так не пил, — но почему-то почти не опьянел. Они вышли на улицу и окунулись в море света, хотя его здесь было чуть меньше обычного — экономили энергию. Ведь приходилось снабжать пострадавший от землетрясения район Токио, да и в самой Осаке станции снизили выработку электроэнергии из-за опускания почвы. Тем не менее у баров, как всегда, весело звучали звонкие голоса женщин, которые провожали и встречали клиентов.

Брат предложил походить по барам, а потом заночевать у него, но Онодэра отказался — необходимо было рано утром вылететь в Токио. Номер у Онодэры был заказан в отеле при аэропорте, да и билет на самолет забронирован.

— Обойдись уж без меня на завтрашней це-

ремонии… — сказал он брату. — Мне, правда, тяжело уезжать… Опять же родственники ворчать будут…

— Не беспокойся, положись на меня, — успокоил брат, оплачивая счет. — А сюда будешь наведываться? Или опять надолго исчезнешь?

— А-а… — издал неопределенный возглас Онодэра, думая о бесконечной и странной работе, которая вновь начнется с завтрашнего дня. — Не знаю еще… Я тебе сообщу, что и как…

Выходя из маленького кабинета, брат вытащил из внутреннего кармана пиджака узкий длинный конверт.

— В таком случае возьми вот это, — сказал он. — Память о матери.

Онодэра взял конверт. В горле что-то застряло, готовое вырваться, но сказал он совсем не то, о чем думал.

— Брат, отправляйся в Канаду, так будет лучше! Так будет лучше… — повторил он горячо и взволнованно. — Обязательно надо ехать!

— Чудной ты! — рассмеялся брат и двинулся вперед. — А ты сам-то как, какие у тебя планы? Не пора ли тебе обзавестись семьей? Холостяк после тридцати, это как-то уже нечистоплотно…

Они расстались у ресторана — брат пошел в

одну сторону, он в другую… На каком-то здании бежали буквы светящихся новостей: «Извержение кратера Хоэй вулкана Фудзи».

Город тонул в леденящем февральском холоде, с неба начинал сыпать колючий редкий снежок, но на центральной улице царило обычное вечернее оживление. Все тот же поток машин. Все те же банкеты в ресторанах. Служащие фирм — дельцы и деляги — на отдыхе. Продефилировала подвыпившая компания, распевая военную песенку. Молоденькие хостэс с обнаженными плечами, дрожа от холода, отвечали визгливым смехом на фривольные шутки клиентов. Размеренной походкой прошагал господин в роскошном тяжелом пальто. Перебежала улицу официантка, старательно и зябко придерживая подол кимоно. Девочка-цветочница, закутанная в платок, предлагала прохожим букеты. Прошел бродячий певец с аккордеоном и гитарой. С передвижных лотков продавали — в расчете на хостэс — горячие шашлыки из каракатицы. Дверь общественной столовой — единственной на всю улицу — широко открыта, видно, как валит пар от только что вынутой из котла лапши.

Шагая в этом столпотворении под ледяным боковым ветром, Онодэра почему-то вспомнил,

что скоро праздник Взятия воды Февральской башни храма в Нара. Эта мысль заставила его содрогнуться.

Жизнь идет, как обычно. Все живое ждет прихода весны… В этой круговерти каждый человек думает о своем завтра. После суровой зимы наступает весна, расцветает сакура, подрастают дети, наступает новый учебный год, рядовой служащий становится столоначальником, хостэс находит покровителя и открывает свое дело или выходит замуж. В неотвратимом ходе времени люди вынашивают свои скромные надежды, ждут смены времен года, размышляют о жизни, расцвеченной небольшими радостями, замутненной горестями. Онодэре опять сделалось нехорошо, как тогда в кабине вертолета. Теперь от всей этой жизни он отделен прозрачной стеной. Это не просто стена, это экран смерти. Если смотреть на жизнь с его стороны, любая самая веселая сцена обретает черты смерти. По залитой светом улице шагают бесчисленные пары туфель, каждая пара несет жизнь… И опять горячий комок подкатил к горлу Онодэры.

«Бегите! Все бегите! Спасайтесь!» — захотелось крикнуть ему.

Скоро наступит весна. А вот наступит ли лето?

Или осень?.. Будет ли будущий год?.. Эта земля, по которой вы сейчас шагаете, наверно, его не увидит. Вы уверены, что для того, чтобы попасть в завтра, нужно просто идти вперед… Но завтра, ваше завтра, будет не таким, каким вы его себе представляете. Гигантская катастрофа опрокинет это завтра. А что последует за ним? Пока никто этого не знает. Бегите, спасайтесь немедленно! Бросайте все, бегите, в чем есть, спасайте свою жизнь!..

Онодэра внезапно почувствовал опьянение. Его охватил страх, что он на самом деле сейчас встанет посреди толпы и начнет кричать. Начнет спьяна кидать всем подряд безумные слова, хватать всех за грудки и орать: «Бегите! Спасайтесь!»

Мучимый страхом и пьяным желанием заорать, Онодэра схватился за голову. Пробираясь сквозь толпу неверным шагом, он налетел на кого-то, выбил из рук сумку, из которой посыпалась всякая мелочь.

— Извините… — Онодэра поспешно наклонился, чтобы собрать содержимое сумки. — Простите, пожалуйста.

Потянувшись за палочкой губной помады, он потерял равновесие, чуть было не врезался

лицом в асфальт. Каким-то чудом ему удалось удержаться, но, чтобы не растянуться, он присел на корточки.

— Онодэра-сан! — услышал он над головой.

Что?!

Он увидел прямо перед собой на асфальте черные дамские лакированные туфли, а над ними черные бархатные брюки. Он переводил взгляд все выше и выше, как вдруг на его плечо мягко легла рука.

— Сколько я вас искала, Онодэра-сан! Мне с вами нужно, просто необходимо поговорить…

Чувствуя тяжелое, раздвигающее черепную коробку опьянение, Онодэра с трудом поднял голову. Перехваченные обручем волосы, смуглое серьезное лицо. Улыбка.

Это была Рэйко Абэ.

7

Штаб Д-плана занимал одиннадцать комнат, расположенных на трех этажах в здании Управления обороны. В самой большой из них недавно установили дисплей ДЗ. Он был гораздо больше, чем на «Ёсино». На экранном устройстве нагляд-

но отражались все энергетические изменения, происходившие в основании Японского архипелага. Дисплей был сконструирован лет пять назад фирмой, выпускавшей приборы электронной оптики. Однако крайняя сложность подключения к компьютеру и чрезвычайно высокая стоимость ограничивали, если не исключали, его применение.

Как только приступили к осуществлению Д-плана, Наката счел необходимым заказать дисплей ДЗ. Первый опытный образец был установлен на «Ёсино». А второй, уже более совершенный, сейчас установили в штабе.

От многочисленных приборов, размещенных на морском дне вокруг Японского архипелага, по двум каналам — на ультрадлинных и ультракоротких волнах — поступали данные о подземных толчках, изменениях в тепловом потоке, рельефе дна материкового склона, распределении гравитационного поля и его элементов. Эти данные принимались двадцатью скоростными судами и десятью самолетами и через наземную станцию вводились в компьютер штаба. Сюда поступали также данные о крупномасштабных изменениях в распределении гравитационного поля в пространстве, регистрируемые тринадцатью

самолетами и двумя вертолетами; два специализированных самолета передавали информацию о колебаниях гравитационной постоянной. Кроме того, штаб получал данные от наземных регистрирующих приборов, размещенных по всей Японии в соответствии с проектом прогнозирования землетрясений.

Анализировать всю эту информацию, на ее основании составлять трехмерную модель, а затем преобразовывать в сигналы для дисплея — было не под силу одному компьютеру Управления обороны. Пришлось привлечь НИИ Корпорации телеграфной и телефонной связи. Разработанный им компьютер большой емкости с голографической памятью соединили коаксиальным кабелем, позволяющим использовать особую систему уплотнения с верхним диапазоном частот до 60 мегагерц, с компьютером Управления обороны. Так что можно было пользоваться обоими компьютерами одновременно. Все работы проводились в невиданно короткие сроки.

В ведение штаба полностью перешла пятая лаборатория НИИ в Йокосука. За ним теперь числились, кроме «Такацуки», еще два сторожевых судна — «Ямагуто» и. «Харукадзе», а также самый крупный новейший корабль сил морской

самообороны «Харуна», водоизмещением в четыре тысячи семьсот тонн. В течение месяца в распоряжение штаба должны были поступить ледокол «Фудзи» и подводная лодка «Кайрю», полгода назад спущенные на воду в Кобэ и сейчас проходившие испытания. Таким образом, штаб теперь располагал третью всех судов сил морской самообороны.

Дисплей начал работать, хотя в действие было введено менее половины цепей. Вместе с увеличением числа контрольных приборов росло и количество данных. Объем поступающей информации возрастал в геометрической прогрессии, все больше проясняя происходящее под Японским архипелагом явление.

Наката, прихватив спальный мешок, теперь поселился в штабе. Последнее время с ним творилось что-то неладное — временами его мучал странный озноб, появлялось ощущение отрешенности.

— Значительно увеличилось давление со стороны Японского моря… — проговорил Наката, разглядывая в экранном блоке светящееся трехмерное изображение Японских островов в окружении мерцающих разноцветных точек и линий. — Этого я вовсе не предполагал…

— За последнюю неделю на скале Ямато втрое возрос тепловой поток, — отозвался молодой сотрудник из Управления метеорологии. — Может произойти извержение.

— На полуострове Ното в ближайшее время возможно землетрясение, — заметил приват-доцент Масита из НИИ сейсмологии.

— Меня больше волнует накопление энергии вдоль структурной линии Итойгава — Сидзуока, — вступил в разговор сотрудник Государственного института геодезии и картографии. — Расчеты показывают, что величина накопившейся энергии давно превысила предел эластичности коры. Меж тем энергия почти не высвобождается, а, напротив, накапливается, превышая теоретический уровень. Пока происходят лишь незначительные явления — слабые землетрясения вдоль большого грабена в Мацумото и некоторое поднятие почвы между Омати и Такада.

— Наката-сан, как вы считаете… — произнес Масита. — Не происходит ли под Японским архипелагом совершенно неведомое до сих пор явление. Создается впечатление, что нижний поток вещества мантии прошел под Японским архипелагом и вырвался в Японское море…

— Нельзя сказать, что такое уж неведомое… — Наката взял мел и начертил на доске схему. — Подобные процессы мы постоянно наблюдаем.

— Фронт замкнутого циклона! — воскликнул служащий Управления метеорологии. — Но разве под землей, на глубине семисот километров…

— Возможно, на гораздо меньшей глубине образовалась горизонтальная дыра, — сказал Наката. — Давайте вечером серьезно займемся моделированием.

В числе пяти сотрудников, разместившихся в комнате с дисплеем, был и Юкинага. Все сложные расчеты производились ночью, когда компьютер Управления обороны бывал свободен, так что частенько не спали до утра. Рядом оборудовали комнату для отдыха. Юкинага пару дней назад, как и Наката, перебрался на жительство в штаб.

На этот раз к моделированию приступили только в два часа ночи. Каждый взял на себя управление двумя устройствами ввода данных. Юкинага управлял еще и видеокамерой, производившей съемку каждой координаты на дисплее. Наката наблюдал за трехмерным экраном. Не прошло и двух минут, как он изумленно воскликнул:

— Стоп! Давай все сюда!

Все собрались вокруг Накаты. Юкинага посмотрел на похожий на огромный прямоугольный водоем экран, и у него перехватило дыхание.

Очерченный фосфоресцирующей линией Японский архипелаг был расколот по самой середине и накренился. Светящаяся оранжево-красная завеса, окружавшая острова, то блекла, то становилась ярче, показывая, как распределяется энергия.

— Что, утонула? — дрожащим голосом спросил Юкинага.

— Утонула и безвозвратно! — жестко сказал Наката. — Да еще прежде, чем затонуть, раскололась…

— Не слишком ли быстро? — Масита посмотрел на стенные часы. — А это не ошибка в масштабе времени?

— Нет, откуда же, — сотрудник Управления метеорологии оглянулся на свой ввод. — Масштаб обычный, как всегда: три и шесть десятых на десять в четвертой степени… Тридцатишеститысячекратный… Секунда соответствует ста часам.

— Подсчитайте время, в течение которого это произойдет.

— Сто двенадцать и тридцать две сотых секунды, — ответил сотрудник. — В пересчете на

реальное время — одиннадцать тысяч двести тридцать два часа.

— Одиннадцать тысяч двести часов… — тихо пробормотал Юкинага. — Это значит…

— Год три месяца и еще немного… — хлопнув ладонью по дисплею, заключил Наката. — Давайте проделаем все еще раз, более тщательно. С меньшим масштабом времени — ноль восемь десятых на десять в четвертой. Секунда будет соответствовать двадцати пяти часам.

Все бросились на свои места. Светящееся изображение на трехмерном экране погасло. Стрелки на всех приборах вернулись к нулевому показателю. Все началось сначала.

Задвигалась, холодно отсчитывая секунды, стрелка на часах со светящимся циферблатом, защелкали клавиши, с шумом включилось электронное печатающее устройство. Светящееся стереоскопическое изображение на этот раз двигалось гораздо медленее. Плавно закружились, пульсируя, красные, оранжевые и желтые световые точки, между ними появилась радужная, похожая на северное сияние, колеблющаяся завеса. Струясь и волнуясь, она неторопливо приближалась к изогнутому, словно лук, изображению архипелага. Казалось, красивый светящийся, но

ядовитый скат готовится напасть на очерченную голубыми линиями страну…

Изменения в светящемся изображении поначалу были почти неприметны. Желтые и оранжевые точки, чертя пунктирные линии, постепенно меркли, а красные, как и светящаяся завеса, постепенно увеличиваясь, становились все ярче.

— Стоп! — крикнул Наката. — Время?

— Триста две секунды…

— Юкинага-сан, дальше снимайте не только на видеоленту, но и фотографируйте. Изменим масштаб времени вдвое. Ноль целых четыре десятых на десять в четвертой…

— А этого будет достаточно? — спросил кто-то. — Может, замедлить в четыре раза?

— Я думаю, это ничего не даст. Когда смоделируем, подойдите. Старт!

Раздался щелчок, секундная стрелка опять побежала по циферблату. На этот раз люди подходили к экрану не спеша, как бы с опаской.

Замедлилась пульсация ярких точек, а колебание светящейся завесы стало ленивым и сонным. Через каждые две секунды сухо щелкали затворы шести фотокамер. Сияние красных точек усилилось, и они, как стеклянные шарики, вы-

строились со стороны берега Японского моря и вокруг островов Идзу и Бонин. Со стороны Тихого океана вдоль Японского желоба появилось светящееся облако, окрашенное сверху в зеленый, а снизу в красный цвет. С каждым мгновением оно становилось все ярче.

— Это? — спросил сотрудник института геодезии и картографии. — Я прошлый раз не заметил…

— Смотрите! — негромко воскликнул Наката. — Смотрите под архипелаг!

В верхней части мантии под Японским архипелагом, примерно на двухсоткилометровой глубине, образовав красную полосу, прошла нижняя, красная часть облака. Под Японским морем эта полоса превратилась в туманное пятно, краснота сделалась более интенсивной.

— Что значит эта полоса? — пробормотал Масита. — Почему энергия на глубине двухсот километров с такой скоростью распространяется под Японским морем?

— Почему? — покачал головой Наката. — Кто может точно сказать, что происходит глубоко под землей. По данным мониторов компьютер вычислил неизвестный нам процесс и создал соответствующую модель.

— Но почему все-таки так глубоко под землей накапливается энергия? — раздраженно повторил Масита. — Это теоретически невозможно. Энергия превышает предел упругости коры…

— Начинается… — сказал служащий Управления метеорологии. — Японский архипелаг разламывается…

По центру Японского архипелага, возникнув в восточной части залива Томияма и распространяясь к югу и северу, зигзагом побежала зловещая красная линия. Одновременно бесчисленные более мелкие линии возникли во всех частях островов, изображение архипелага исказилось. Зеленое светящееся облако на обращенной к Тихому океану стороне уходило все глубже, перемещаясь к востоку. Красное пятно под Японским морем, все больше увеличиваясь, запульсировало, словно живое. Голубое изображение архипелага, медленно скосившись, накренилось: восточная половина на восток, западная — на запад. Часы отчетливо отсчитывали секунды, щелкали затворы, а на экране тонул голубой Японский архипелаг; тонул, чуть накренившись, словно задыхаясь, скользя все ниже и ниже… И вот он замер. Зеленое свечение под Тихим океаном поблекло так же, как и красное под

Японским морем. Редели цепочки красных точек, приобретая постепенно оранжевый, а потом и желтый цвет. Еще немного и они почти погасли.

— Время?

— После вторичного пуска шестьдесят две секунды… — ответил кто-то. — В пересчете на дни — тридцать два дня с небольшим.

— И такой катаклизм произойдет всего за какой-то месяц… — раздался голос Маситы.

— А на какое расстояние переместятся острова? — спросил Юкинага.

— Максимально тридцать пять километров по горизонтали и минус два километра по вертикали. Восточная часть Японии к юго-востоку, западная — к югу, а Кюсю опишет полный круг и южной частью обратится к востоку.

— Перемещение по вертикали составит два километра… Тогда вершины гор останутся над водой.

— Останутся. Но вы думаете, на них можно будет жить? — усмехнулся Наката. — Там произойдут обвалы, извержения. И перемены на этом не прекратятся. Архипелаг будет опускаться и дальше…

— Да, — подтвердил сотрудник Управления метеорологии, глядя на приборную панель. — Пе-

ремещение продолжится со скоростью несколько сантиметров в день как по горизонтали, так и по вертикали.

— А может быть, модель не верна? — резко спросил Масита. — Я не могу вот так сразу этому поверить! Да что же это за энергия, которая перемещается из-под Тихого океана под Японское море? Трудно допустить, чтобы такая масса энергии с такой скоростью переместилась сквозь скальные породы на глубине сотен километров… Да и, я повторяю, накопление такой массы энергии, далеко превосходящей пределы упругости коры…

— Да не волнуйтесь… постойте, — перебил Наката. — Вполне возможно, что модель несовершенна. Мы ведь совсем не знаем, что творится на глубине ста километров… Но такое перемещение энергии допустимо. Вам известен туннельный эффект?

— Ну, знаете, Наката-кун, я, конечно, признаю вашу гениальность, но нельзя же все валить в одну кучу! — возбужденно заговорил приват-доцент. — Туннельный эффект используется в моделировании атомного ядра. И эту модель вы считаете возможным использовать для объяснения таких грандиозных явлений, как процессы в

земной коре…

— Постойте, я и не думаю прямо ссылаться на туннельный эффект! И никто не считает, что перемещение энергии в твердом теле, таком, как скальные породы, происходит только за счет переноса теплоты колебаниями кристаллической решетки. Но существует интересное явление, напоминающее туннельный эффект, которое происходит в плотных твердых телах.

— Какое?

— Перемещение энергии в пограничных участках твердой и жидкой — двухфазной — материи.

— Лед, что ли?

— Глетчер, — сказал Наката. — Говорят, внутри огромных щитов глетчера возникают водяные дыры и трубчатые образования, по которым течет вода. Разумеется, в этой воде содержится ледяное крошево, так что достаточно малейших колебаний температуры или давления, чтобы вода опять превратилась в твердое тело и трубка исчезла. И тем не менее, по-видимому, в глетчерах существуют достаточно длинные трубки, по которым течет вода…

— И вы хотите сказать, что подобное явление происходит под Японским архипелагом? — не без иронии спросил Масита. — Доказательство?

— Откуда! — Наката скрестил на груди руки. — Новы не задумывались, почему магма выступает через трубообразные отверстия? Считается, что колодцы Фудзи образовала остаточная лава. Как ей это удалось?

Юкинага слушал спор, затаив дыхание.

— Н-да… — сказал через некоторое время Масита. — Допустимо. В скальной породе, имеющей высокую температуру, под большим давлением образуется тоннель, по которому тепло с высокой скоростью перемещается потоком жидкости. Ну хорошо, пусть… Но скажите, энергия, которая переместилась в Японское море и накопилась там…

— Это тоже совсем не вступает в противоречие со знаменитой «моделью сейсмического объема» профессора Тадао Цубой… — парировал Наката. — Скопление энергии в земной коре, по модели Цубой, происходит в определенных пределах. Земная кора не может накапливать энергию беспредельно. Рассчитав модуль упругости земной коры и максимальную энергию уже произошедших землетрясений, Цубой приходит к выводу, что единицей «сейсмического объема» является шар с радиусом в сто пятьдесят километров. Ну и хорошо. Однако, если в едини-

це «сейсмического объема» существует предел накапливаемой энергии, это не мешает энергии накапливаться в блоке, равном нескольким «сейсмическим объемам», и она намного превосходит величину, которую способна накапливать единица объема. Разве не так? Ведь при этом в каждой единице масса энергии может быть гораздо ниже допустимой. А тут еще, если предположить, что в накоплении энергии принимает участие мантия…

— Опять мантийное землетрясение? — все еще иронизировал Масита.

— Я этого не сказал… — Наката кивнул на экран. — Энергия, переместившаяся с высокой скоростью в Японское море в виде теплового потока, скорее всего накапливается в земной коре на обширном пространстве и, рассеиваясь, выталкивает Японский архипелаг к юго-востоку.

— А землетрясения?

— Естественно, они будут происходить. Поочередно станет высвобождаться накопленная в каждой сейсмической единице энергия… В целом, конечно, высвободится очень большая масса энергии.

— Короче говоря, все дело в этом энергетическом тоннеле, — Юкинага, облегченно вздохнув,

подошел к грифельной доске и взял мел. — Погружение океанической литосферы вдоль Тихоокеанского побережья Японии, если исходить из строения фокальной зоны, в которой сконцентрированы гипоцентры всех землетрясений, можно представить себе как гигантский склон, уходящий в мантию. Вначале он имеет наклон в двадцать три градуса, а на глубине более ста километров увеличивается до шестидесяти градусов. Трасса этого погружения проходит под Японским архипелагом, Японским морем и заканчивается где-то под окраиной материка…

Юкинага начертил большую стрелу в центре схемы.

— В начале погружения океанической плиты из-за резкого падения температуры и давления происходит сжатие вещества мантии. Вследствие этого угол наклона плоскости погружения становится более пологим. Насколько наклонена эта плоскость, настолько Японский архипелаг окажется погруженным. До сих пор я никак не мог понять, почему не происходит поднятия восточной стороны Японского желоба, но теперь это как будто прояснилось…

— Япония будет погружаться с некоторым поворотом вокруг своей оси… — сказал Наката,

вписывая еще одну кривую в схему Юкинаги. — Скорее всего разлом образуется на архипелаге вдоль этого энергетического тоннеля со стороны Японского моря, и Японский архипелаг соскользнет в Японский желоб, подталкиваемый накопившейся энергией…

— Очень уж просто все у вас получается… — с сомнением покачал головой Масита. — Выходит, что Японский архипелаг соскользнет вниз, не вызвав взрывоподобного высвобождения энергии, способного привести к невиданному ущербу. Не слишком ли все чистенько да гладенько?

— А разве природа никогда не работает гладко? — сказал Наката. — И все же, когда будет происходить разлом Японского архипелага, высвободится такая огромная масса энергии, что ни одно наземное сооружение не уцелеет.

— Э-э, какая разница… Япония все равно утонет… — хрипло сказал Юкинага. — Но когда? Когда начнется великий катаклизм?

— По данным нашей модели, на триста второй секунде… — прерывающимся голосом произнес сотрудник Управления метеорологии. Иными словами, до начала остается триста двенадцать и пятьдесят четыре сотых суток…

— Меньше года… — с трудом выговорил сотруд-

ник Института геодезии и картографии. — Десять месяцев с небольшим…

Все застыли вокруг дисплея.

Всего десять месяцев…

Юкинага почувствовал головокружение, словно пол уходил у него из-под ног. Через десять месяцев… Если, конечно, модель правильная… А что можно сделать за десять месяцев?!

Наката все еще стоял со скрещенными на груди руками, вдруг он решительно взял телефонную трубку.

— Хочешь поднять с постели начальника канцелярии кабинета министров? — спросил Юкинага.

— Премьера… — бросил Наката, нажимая на клавиши.

— Да вы что!.. — испуганно выдохнул Масита. — Надо же соблюдать субординацию! Да и модель нужно тщательно проверить…

— Сейчас не до этого! Надо готовиться к наихудшему варианту! — Наката замолчал, прислушиваясь к гудкам в телефонной трубке.

— Вряд ли его позовут к телефону в такой час… — пробормотал Юкинага.

— А я звоню по специальному номеру, этот телефон стоит рядом с постелью премьера… —

сказал Наката, глядя в пространство.

Юкинага, не находя себе места, подошел к единственному в комнате окну. Раздвинул плотные шторы. Ледяное ночное небо начало сереть. За окном светало.

В семь часов утра в «Хилтон-отеле» собрались директора и главные обозреватели крупнейших газет, телеграфных агентств и телевизионных компаний. Все прибыли скромно, словно на деловой завтрак, стараясь не привлекать ничьего внимания.

В специальном зале, почти восстановленном после землетрясения, прибывших встречали секретари и заместитель начальника канцелярии кабинета министров.

— Премьер и начальник канцелярии скоро будут, — сказал один из секретарей. — Заседание кабинета немного затянулось…

— Заседание кабинета? — переспросил один из директоров. — В такую рань?

— Да… — ответил секретарь и посмотрел на заместителя начальника канцелярии. — Оно было созвано в пять часов утра…

Все переглянулись.

— Танака-сан, — обратился один из обозрева-

телей к заместителю. — Очевидно, положение очень напряженное?

— Да-а… — обычно веселый, известный своим остроумием заместитель начальника канцелярии сейчас был мрачнее тучи. — Даже для нас это было неожиданностью…

— Я еще все хочу вас спросить… — премьер оглядел собравшихся в его резиденции членов кабинета. — Вы согласны с тем, чтобы официальное сообщение сделать через две недели, а в случае необходимости и раньше?

Министры застыли в трагическом молчании.

— Кошмар… — уронил министр финансов. — Так вдруг срок, отпущенный на жизнь, сократился наполовину…

— А нельзя отложить на месяц… нет, ну хотя бы на три недели? — спросил министр промышленности и торговли. — Кое с кем из представителей финансовых и промышленных кругов я имел приватную беседу, но двух недель для выработки конкретных мер и принятия окончательного решения им будет мало… Ведь после официального сообщения начнется паника…

— Смятения в любом случае не избежать, — сказал начальник канцелярии. — Самое страшное

сейчас, чтобы нас не опередили за границей.

— А вероятность этого существует? — спросил министр транспорта. — Вы думаете, что какое-нибудь иностранное научное общество может сделать по этому поводу сообщение?

— В штабе говорят, что это вполне возможно, — ответил начальник канцелярии. — Правда, нам еще не известно, кто и в какой степени осведомлен. В последнее время отмечается особый интерес к исследовательским работам вокруг Японского архипелага: увеличилось число иностранных судов, самолетов, искусственных спутников. Кроме того, мы отправили в некоторые страны секретные миссии, чтобы прозондировать возможности переселения, так что главы правительств этих стран в курсе дела, хотя пока соблюдают тайну.

— Я считаю, что официальное сообщение следует отложить до последнего момента. До того момента, когда уже нельзя будет скрывать, — сказал начальник Управления обороны. — Такой же точки зрения придерживается начальник штаба. Скрывать до последнего, но готовиться изо всех сил…

— Я думаю, что две недели — оптимальный срок… — произнес наконец, словно сбросив

оцепенение, министр финансов. — На международной бирже спекулянты уже начали в большом количестве продавать иены. Есть признаки того, что на биржи будут выброшены и наши размещенные за границей займы. Сначала мы было думали, что это следствие большого землетрясения, однако в конце года курс на наши ценные бумаги стабилизировался, а вот теперь, после отправки секретных миссий, он опять стал падать. Некоторые европейские банки временно приостановили финансовые операции, связанные с Японией… Надо полагать, что какая-то информация стала просачиваться. А если это так, лучше самим сделать первый ход. Две недели — это действительно оптимальный срок…

— Очевидно, Тайваню, Китаю и Корее следует сообщить заблаговременно, — сказал министр иностранных дел. — Особенно Корее. Она ведь потерпит некоторый ущерб. Это необходимо и с точки зрения международного доверия.

— Как вы думаете, когда может состояться заседание Совета по опеке ООН? — спросил премьер у министра иностранных дел.

— Я полагаю, недели через три. Благодаря содействию секретариата ООН членов совета несколько подготовили. Самыми трудными

орешками для нас будут здесь представители Австралии и Китая, да еще, возможно, Индонезии — она ведь заинтересованная страна… Очень уж необычная ситуация… Если даже все пройдет удачно в Совете по опеке, в Совете безопасности или на Генеральной Ассамблее могут возникнуть возражения… Ведь, строго говоря, опека осуществляется для поддержания независимости опекаемой территории, а тут практически речь идет о своего рода вторжении.

— Но ведь на деле все так и будет выглядеть… — пробормотал министр промышленности и торговли. — Подумать только, в северо-восточную часть Новой Зеландии, где население составляет несколько сот тысяч, хлынет больше десяти миллионов японских беженцев…

— Тада-кун, ты случайно не в Рабале был во время войны? — насмешливо спросил начальник Управления обороны. — Тоскуешь, наверно, по архипелагу Бисмарка, по острову Новая Британия…

— Смотрите, будете тосковать по таким местам, так вас, пожалуй, обзовут милитаристом, — усмехнулся министр иностранных дел. — Чем больше будут нервничать другие, тем осторожнее должны вести себя мы…

Вошел секретарь и что-то шепнул на ухо премьеру.

— Итак, будем считать, что официальное сообщение состоится через две недели и что возражений против этого нет… — сказал премьер, поднимаясь. — Теперь только следите в оба за господами корреспондентами. Я сейчас отправлюсь на встречу с их боссами…

— Внутри страны, разумеется, придется провести соответствующую кампанию, но основное здесь — международное общественное мнение, — сказал главный обозреватель газеты А, помешивая ложкой корнфлекс.

— Безусловно, — согласился с ним начальник канцелярии. — Министр иностранных дел озабочен именно этим.

— А что если посоветоваться кое с кем из крупных зарубежных журналистов? — предложил директор газетной корпорации М.

— Две недели, конечно, срок самый крайний, — сказал главный редактор газеты Й. — После Большого токийского землетрясения спецкоры иностранных газет и агентств просто прилипли к Японии. Положение таково, что, если даже мы войдем в соглашение с иностранными кор-

респондентами, не исключены случайности, следствием которых может явиться преждевременное сообщение. Помните, что творилось, когда массовый еженедельник поместил на своих страницах высказывания пьяного ученого? Иностранные корреспонденты до сих пор, не зная сна, разыскивают его.

— Кажется, этот ученый, — сказал директор телекомпании Х, — в самом деле имел отношение к настоящему вопросу… Говорят, он пропал без вести после того, как его отпустили на поруки… Если он или подобные ему появятся, вновь заварится каша…

— А нельзя ли это сообщение — в качестве сенсации — отдать какому-нибудь иностранному агентству или газете? — тихо спросил премьер. — Помните, был случай, когда одна американская газета преподнесла в качестве сенсации сообщение о японских автомобилях с браком? Может быть, и здесь поступить так же? Существует мнение, что это будет более эффективно…

Наступила короткая пауза. Потом не без раздражения заговорил главный обозреватель газеты С:

— Какой в этом смысл, господин премьер?.. Самое лучшее, если правительственное сообщение

появится одновременно и у нас, и за рубежом. Мелкие хитрости в данном случае могут возыметь действие лишь на весьма малый срок.

— Да… Мы хотели бы знать, когда услышим от вас подробности плана эвакуации, — произнес директор-распорядитель телекомпании Н.

— Н-да, теперь на какое-то время взоры всего мира обратятся к Японии, как когда-то они обращались к Вьетнаму или странам Ближнего Востока, — медленно проговорил главный редактор той же телекомпании, старательно размешивая свой остывший кофе, к которому еще ни разу не притронулся.

Взор главного редактора был устремлен в пространство. В разгар войны во Вьетнаме и на Ближнем Востоке он заведовал отделом информации. И теперь в его памяти всплыли тогдашние кадры новостей. Вьетнамцы в огне войны, лагеря палестинских и бангладешских беженцев. Безымянные люди, бредущие по дорогам; за плечами — нехитрый домашний скарб, на лицах — выражение бесконечной усталости… Мрачные, полные отчаяния глаза беженцев, прозябающих в жалких лагерях без всяких надежд на будущее… Теперь эти люди представлялись его мысленному взору с японскими лицами…

— Однако… — заговорил, покашливая, директор одного телеграфного агентства, самый старший по возрасту среди собравшихся. — Возможно ли… всего за каких-то там десять месяцев… спасти жизнь наших соотечественников, жизнь ста десяти миллионов человек? Вывезти всех, кто в чем есть?

— Ямасита-сан, — тихо сказал премьер, — наверное, такого вопроса не должно быть. Мы не можем, не имеем права сказать, что такой возможности нет. Я надеюсь, вы понимаете, что ответ может быть только один: к этому следует приложить все силы…

Опять появился секретарь и что-то шепнул премьеру.

— Ну что же… — сказал, поднимаясь из-за стола, начальник канцелярии. — Надо идти на совещание с главами четырех оппозиционных партий, которое состоится на официальной квартире председателя нижней палаты…

— Когда вы нам сообщите в общих чертах план эвакуации? — спросил глава партии К. — План, наверное, вчерне уже готов. Если одновременно с официальным сообщением вы не дадите народу хоть каких-то наметок, паники не избежать.

— Разумеется, мы создадим надпартийную пар-

ламентскую комиссию в связи с чрезвычайными обстоятельствами, это само собой… — нахмурился глава первой оппозиционной партии. — Однако мы располагаем неприятной информацией. Дело в том, что правительственная партия задолго до нас в секретном порядке поставила в известность финансовые и промышленные круги. Часть промышленников сразу же начала незаметно вывозить свои капиталы за границу. Справедливо ли поддерживать только финансовые и промышленные круги? Ведь правительство обязано нести равную ответственность перед всеми. Столь неблаговидное поведение правительственной партии проявляется повсеместно. В связи с этим у нас появилось сомнение, действительно ли план эвакуации предусматривает спасение жизни каждого гражданина. Прежде чем начнется надпартийная проверка осуществления плана, нам бы, господин премьер, хотелось услышать от вас, какова основная идея этого плана.

— Нашей главной и основной целью безусловно является спасение жизни всех граждан… — сказал премьер. — К этому прилагаются все усилия. Однако правительство несет ответственность за жизнь стодесятимиллионного народа и после катаклизма…

— Однако, — сказал глава партии М, — правительственная партия до сих пор заботилась главным образом о существовании финансовых и промышленных кругов, об охране их прав, хотя и провозглашала все время уважение к правам каждой личности. Мало того, основные усилия правительства были направлены на сохранение государства и его структуры. Я думаю, вы сами понимаете, что это смахивает на политику довоенного бюрократического правительства, которое ставило во главу угла сохранение существующей структуры государства, игнорируя жизнь отдельной личности. В результате во имя сохранения структуры и авторитета государства в жертву были принесены миллионы японцев. По-видимому, дух такой политики быстро не выветривается. Сомнительно, чтобы теперешнее правительство было готово полностью отдать себя спасению жизни народа, забыв про своей авторитет, отбросив всякую амбицию и все бюрократические формальности…

— Структура государства, откровенно говоря, проблема очень сложная, — тихо сказал премьер. — Конечно, бывают случаи, когда жертв оказывается меньше, если правительство действует, отбросив всякое самолюбие… Однако, опи-

раясь на свой скромный опыт, могу сказать, что и во время войны, и после нее и на континенте, и внутри страны нарушение порядка приводило к долговременным и большим потерям. Может, вы скажете, что у нас с вами несходство взглядов, Коно-сан, но я убежден, что роль политики — это роль театральной костюмерной… Мне ясно только одно: действовать нужно, не жалея живота своего, а самолюбие, авторитет… что ж, ими, вероятно, придется поступиться. Ведь случай у нас особый… Огромное значение приобретают взаимоотношения с иностранными государствами, и правительство должно пойти к ним на поклон, если хочет хоть как-то обеспечить японскому народу будущее. Нельзя быть уверенным на сто процентов, что все пройдет гладко. Нас будут критиковать, поносить, обливать ледяным презрением, призывать к ответственности и внутри страны, и за ее пределами. Но я считаю, что мы, как работники костюмерной, обязаны сделать все, что в наших силах. Я прошу вас о сотрудничестве, поскольку сейчас все мы работаем в костюмерной одного театра.

— Мороката-кун…

Низким, густым басом заговорил глава третьей оппозиционной партии — это был голос старого

политического деятеля и оратора, не раз срывавшийся на львиный рык.

— Ты говоришь, политика все равно что костюмерная для театра… Послевоенное бюрократическое правительство всегда считало, что, действуя по принципу работы костюмерной, можно решить все проблемы. В этом, я думаю, его главная ошибка и причина того, что народ воспринимает политику как нечто мрачное и коварное. Разумеется, в политике нужна и костюмерная. Кроме того, кто-то должен следить за своевременностью всех внешних эффектов, столь необходимых обществу. Особенно в таких случаях, как сейчас, когда «отечество в опасности». Здесь требуется герой, «спаситель отечества», сильная личность с несгибаемой волей, с решительным характером, способная дать смятенному народу огонек надежды, указать ему путь, поднять его и вытащить из беды. А есть ли такая личность в рядах правящей партии, включая и тебя? Обладаешь ли ты той волей и той популярностью, которые позволят тебе стать во главе отряда борцов с невиданным бедствием? Сможешь ли ты это сделать, пусть даже превратившись в Ашура, демона воинственности? Мы с тобой когда-то учились вместе, так что позволь мне быть откровенным. Ты же

чиновник, способный, конечно, который умеет не попасть впросак. Но решительности, необходимой для преодоления гигантского бедствия, у тебя нет…

— Это следует понимать так, что за роль героя возьмешься ты? — спросил с натянутой улыбкой премьер. — Ацуми-сан, мне безразлично, ты или кто-то другой будет назначен главой возможного будущего надпартийного всенародного правительства. Я не считаю себя человеком, наиболее подходящим для этого. Но пока «спаситель отечества» не появился, я обязан работать в полную меру своих возможностей. А «героя», если он будет нужен, народ найдет сам. Но, мне кажется, люди, помня войну, по горло сыты «героями, спасающими отечество». Ведь они на собственной шкуре испытали, до чего довели Японию «герои» и «героизм»…

— Как бы то ни было, — сказал глава основной оппозиционной партии, — мы просим срочно познакомить наших представителей с Д-планом и существующим на сегодняшний день планом эвакуации. Не ждать же сессии парламента, которая начнется через две недели!

— Разумеется. Мы к этому готовы, — сказал начальник канцелярии. — Как только вы выбе-

рете представителей, мы сразу ознакомим вас со всеми данными.

— За два дня успеете? — спросил премьер. — Хотя мы предполагаем выждать две недели, но ситуация такова, что информация может просочиться в любую минуту. Особую опасность в этом смысле представляют зарубежные страны. Если оттуда начнут поступать какие-нибудь сведения, нам придется немедленно сделать официальное сообщение. Надеюсь на ваше сотрудничество.

Премьер поклонился. Когда собравшиеся покидали комнату, кто-то мимоходом шепнул начальнику канцелярии: «Его величеству еще не докладывали?» Тот быстро обернулся, он так и не понял, кто задал ему этот вопрос.

— Видно, европейские биржевики что-то учуяли… — сказал начальник международного валютного управления министерства финансов. — На европейские биржи начинают выбрасывать массу японских акций и облигаций. Мы через подставные фирмы стараемся поддержать их курс, покупаем ценные бумаги, но если их количество, поступающее в продажу, будет увеличиваться, это может отразиться на средствах, ассигнованных для покупки золота.

— Мне кажется, лучше отдаться ходу событий, — сказал директор одного валютного банка. — Лучше даже пойти на понижение курса, пусть начнут продавать простые держатели. Поддерживать курс, чтобы сохранить тайну, уже не имеет смысла… Надо их принимать, когда рыночные цены станут еще ниже.

— А сейчас но какой цене мы их покупаем? — спросил министр финансов.

— Скоро будем брать за пятьдесят процентов номинала.

— Нельзя доводить до этого, лучше остановиться на пятидесяти пяти процентах и прекратить поддержку, — пробормотал министр финансов. — А потом посмотрим, до какого уровня будет продолжаться падение…

— А информация о наших закупках золота не просочилась? — спросил директор Японского государственного банка.

— Да как сказать, — пожал плечами начальник валютного управления. — Мы-то считали, что действуем очень осторожно, не торопясь, дабы не возбудить подозрений, однако в ходе покупок хотя и постепенно, но уже значительно подняли цену на золото. Я не уверен, что причиной выброса на биржу массы японских акций и облигаций

не послужила связь между повышением курса европейской валюты, золота и низким курсом иены в отношении доллара.

— Как посмотришь на маклерские фирмы, действующие на американских и европейских биржах, то сразу видишь, что наша поддержка собственных ценных бумаг сильно смахивает на жалость к волку, — проворчал директор валютного банка. — Я не говорю, что это равносильно бросанию денег вдогонку вору, но все же следовало бы воспользоваться случаем и их проучить.

— Да, можно было бы, если бы не наше положение, — уронил директор государственного банка. — При данных обстоятельствах, я думаю, мы должны серьезно относиться к вопросу международного доверия, памятуя о будущем японцев, которые теряют собственную территорию. Пусть даже этим воспользуются хитрецы и пройдохи. Мы не должны причинять убытка международным маклерским фирмам, не говоря уже о мелких держателях наших акций за границей. Мы просто не можем позволить себе превратить их в наших врагов. Мы должны, как это нам ни горько, большую часть убытков взять на себя, стараясь, чтобы другие страны не понесли материального ущерба из-за гибели Японии.

Конечно, это не значит, что, махнув на все рукой, мы можем позволить себе превратиться в нищих. Нет, надо постараться сохранить то, что у нас есть. Это временно увеличит наши трудности, но в будущем все воздастся сторицей… Наши предшественники в эпоху Мейдзи при пустых карманах поступали именно так и тем самым завоевали международное доверие…

— Не знаю, не знаю… может ли произвести впечатление такая чистоплотность на международные финансовые круги… — покачал головой начальник валютного управления.

— Разумеется, произведет впечатление! — убежденно сказал директор государственного банка, человек с великолепной седой шевелюрой. — Без этого, — не знаю, что думают по этому поводу политики, — невозможно образование международных предпринимательских обществ… Особенно когда речь идет о долгосрочных мерах… Это мое убеждение.

— К сожалению, — со вздохом произнес председатель объединения экономических сообществ, — за такой короткий срок за границу можно будет вывезти только пять процентов недвижимого имущества, принадлежащего народу. Когда Японии не будет, ее капитал за рубежом

составит всего десять процентов теперешнего национального капитала, считая и ту часть, которая до сих пор тайно вывозилась.

— Но позвольте! Ведь предполагается ввести жесткий контроль за распределением судов, — с дрожью в голосе проговорил один из членов объединения. — Цифры, которые сейчас назвал председатель, окажутся реальными только в том случае, если нам будет позволено самостоятельно распоряжаться частью судов. Иначе нам и трех процентов имущества не вывезти. Мы настаиваем, чтобы при распределении транспортных средств прислушивались к нашему мнению.

— При настоящем положении вещей, — сухо сказал премьер, — первоочередное право на пользование транспортными средствами принадлежит народу. К тому же людей нельзя сажать на суда в чем есть, как рабов в шестнадцатом веке. Люди должны иметь при себе самое необходимое плюс вещи, которые обеспечат им жизнь хотя бы на первое время. И это в отношении ста десяти миллионов человек!

— Но людей же можно перевозить на самолетах.

— Очень ограниченно. Мы ведем переговоры об использовании гигантских транспортных само-

летов военно-воздушных сил США и Советского Союза. Однако это капля в море. Не забывайте, что судьба мира держится не на Японии. У нас нет права мобилизовать на достаточно долгий срок все самолеты мира, временно парализовав тем самым международную экономику. То же самое можно сказать и о судах. К тому же порты Токио и Йокогамы после землетрясения восстановлены только на сорок процентов…

— Послезавтра я вылетаю в Лондон, — сказал министр транспорта. — Сегодня туда отправился мой заместитель. Он уже начал переговоры в Международном объединении судовладельцев. По предварительным прогнозам, на аренду судов для вывоза нашего имущества надежд мало. Рыночная конъюнктура в Америке и Европе на подъеме. На широкую магистраль вышли африканские страны — в мире ощущается недостаток в судах. Заранее арендованы не только строящиеся корабли, но и работающие на нерегулярных рейсах, и даже те, у которых срок найма кончается только через полгода.

— И надо полагать, — добавил премьер, — эвакуация будет происходить в достаточно опасной обстановке и не без смятения… Мы рассчитываем на десять месяцев, но ученые говорят, еще неиз-

вестно, что может произойти до этого…

Стаканы на столе разом легко задребезжали, с ясным звоном заколыхались тающие льдинки. В последнее время на такие легкие толчки уже никто не обращал внимания. Эта встреча между премьером и представителями деловых кругов происходила в одном из специальных залов ресторана, расположенного на последнем этаже высотного здания в центре столицы. Собрались неофициально, на обед, однако никто не притронулся ни к одному поданному блюду.

— Когда можно ожидать закона о контроле над распределением судов? — спросил один из присутствующих, испытующе глядя на представителей правительства.

— Через две недели, вместе с официальным сообщением правительства, — сказал министр транспорта.

Среди представителей деловых кругов произошло очевидное волнение, пробежал торопливый шепот.

— Прошу не заблуждаться, — сурово сказал премьер. — Двухнедельный срок не означает, что на это время вам предоставляется свобода действий. Ничего хорошего не получится, если в течение этих двух недель крупные предприниматели

начнут наперегонки бронировать суда и сыграют роль детонатора для повышения международных цен на аренду судов и морских перевозок. Я надеюсь, вы будете держаться «регламентированного порядка», как мы с вами договорились год назад. Ведь речь идет о том, что срок «через два года плюс минус альфа» сократился до десяти месяцев. Вам даются две недели для согласования ваших действий. Внутри страны вы можете приступить к подготовке вывоза, но так, чтобы это не просочилось за границу. За последний год предельно снизились новые капиталовложения внутри страны. Чтобы камуфлировать экономический спад, вы с молчаливого согласия правительства манипулировали на бирже и получали средства из правительственного бюджета на поддержание производства и заработную плату. За это время повысился коэффициент наших капиталовложений за рубежом, что до некоторой степени компенсировало ущерб, причиненный последним землетрясением. Возможно, сейчас я говорю несколько резко, но разрешите напомнить вам, что благодаря этим мерам правительство сократило ваш ущерб от землетрясения. Я с полным основанием утверждаю, что японские деловые круги, в которые сходят люди выдающихся спо-

собностей, представляют собой единый, отлично слаженный организм, функционирующий, как ни один другой подобный организм в мире. Правительство постоянно оказывало содействие развитию финансов и промышленности, однако оно несет ответственность не только перед финансовыми и промышленными кругами страны, но и перед всем ее народом. И я призываю деловые круги как одну из составляющих японского общества к полному сотрудничеству с правительством.

— Да, национальное бедствие... — сказал председатель объединения, поднимаясь из-за стола. — Опять наступает эпоха сурового контроля над экономикой...

— И это возможно только при вашем добровольном содействии, не забывайте об этом, — усмехнулся премьер. — Сегодня правительство не обладает той властью, какую оно приобретает во время войны. А правительственный контроль при утрате государственной территории вообще бессмыслица. Представители деловых кругов еще имеют возможность свободного плавания в международном деловом море. Но какой смысл в правительстве для народа, потерявшего территорию и национальные богатства...

Премьер подошел к председателю объединения, который смотрел вниз в окно.

— Мороката-сан, мне кажется, надо положиться на народ... — не оборачиваясь, сказал председатель.

Широкая спина этого сторонника свободной конкуренции и противника контролируемой экономики, который родился в эпоху Мэйдзи, а во время войны, не поладив с военными, был брошен в тюрьму, лишний раз свидетельствовала о его упрямстве и непоколебимости.

— Я считаю, — продолжал он, — бюрократия Японии так и не сумела понять людей, работающих ради существования народа. В данном случае, мне кажется, строгий правительственный контроль приведет только к дурному бюрократическому равенству и послужит тормозом. Необходимо, чтобы народ, мобилизовав все свои силы, действовал самостоятельно, тогда станут возможны полнокровные меры...

— Я убежден в безусловной порядочности собравшихся, — ответил ему премьер. — Но если деловые круги в погоне за наживой проявят бешеную энергию, вы сможете их остановить?

— Дым над Фудзи... — пробормотал председатель, глядя в окно. — Или это облако?..

К ним подошел один из присутствующих. Подняв на лоб очки, он внимательно вгляделся:

— Нет, не облако… Кратер Хоэй… Ого… довольно сильное извержение. В Хаконэ, в районе Готэнба, должно быть, опять с неба сыплется пепел…

Все столпились у окна.

Для марта день был на редкость ясный, на западном горизонте висело одинокое облако, над ним высился белоснежный силуэт Фудзи. Поблизости от вершины рывками поднимались округлые сероватые клубы дыма. С высоты птичьего полета улицы Токио казались лучами, протянувшимися до самого горизонта. Солнце ранней весны уже начало свою работу. Все живое, хотя еще и не оправившееся от жестких когтей землетрясения, жадно ожидало пробуждения.

— И этот город… — прошептал кто-то. — Этот город… через десять месяцев не будет больше существовать на земле… Нет, не могу поверить…

— Взрыв Фудзи, надо думать, произойдет раньше, чем мы предполагали, — сказал Юкинага, не сводя воспаленных от недосыпания глаз с прибора. — Между котловиной Кофу и районом Сидзуока резко увеличилось число локальных землетрясений. На юге структурной полосы

Сидзуоко — Итой-гава начинает накапливаться довольно большая масса энергии. Аномальное повышение теплового потока… Происходит горизонтальное смещение западного крыла разлома к юго-юго-востоку…

В комнате ни на секунду не умолкал стук телепринтера.

— Предполагаемое время? — спросил Наката.

— В течение двухсот сорока часов плюс минус десять часов… В настоящий момент тенденция к плюсу. Весьма вероятен взрыв где-то на линии между кратером Хоэй и горой Аситака. Но все это может принять характер катаклизма.

— Если на линии Хоэй — Аситака, целиком разрушится город Нумадзу… — Наката стал нажимать кнопки телефона. — На пике Асигатакэ, что к северу от Кофу, начались выбросы пара, повысился тепловой поток, а на гряде Асама не прекращаются достаточно сильные извержбния вулканов. Если вулканический пояс Фудзи начнет беситься всерьез, прервется сухопутное сообщение между восточной и западной Японией.

В комнату вошел серый от усталости Онодэра.

— О-о! — приветствовал его Юкинага. — Ты быстро! Я думал, ты дня два-три там пробудешь…

Онодэра, не отвечая, тяжело опустился на стул.

— *Десять месяцев*?! — сдавив ладонями глаза, спросил он.

— Так ты уже знаешь? — обернулся к нему Юкинага. — Официальное сообщение будет через две недели.

— Юкинага-сан, чем же мне теперь заниматься? — не отнимая рук от лица, упавшим голосом произнес Онодэра. — По плану на морское дно еще нужно опустить ряд автоприборов, но какой теперь в этом смысл? Ну, я инженер, специалист по глубоководным батискафам… Однако это все в прошлом… На что я теперь могу пригодиться здесь, в штабе?

Выключив прибор, Юкинага стал прикуривать сигарету. Руки у него дрожали. Онодэра протянул ему горящую зажигалку.

— Объявят чрезвычайное положение, создадут надпартийную парламентскую комиссию по выполнению плана эвакуации… — Юкинага поперхнулся дымом. — Комиссию возглавит премьер, в нее войдут председатели, секретари и члены исполкомов всех партий. Все министры. Фактически это будет надпартийное коалиционное правительство национального единства.

— А с нашим штабом что будет?

— Думаю, он войдет в комиссию как низшее звено. Начальник канцелярии кабинета министров дал указание, чтобы Накату-сан и меня перевели в научную бригаду штаба по осуществлению плана эвакуации… Хорошо бы, чтобы и ты перешел туда вместе с нами…

— Я не государственный служащий… — усмехнулся Онодэра. — Даже не внештатный сотрудник, ведь никакого приказа не было. С вами я сотрудничал только на товарищеских началах… А вообще говоря, кто я такой? Перекати-поле, по-воровски удравший из гражданской фирмы… Здесь, в штабе, у меня нет никаких прав — подумаешь, временно нанятый водитель батискафа….

У Юкинаги рука с сигаретой застыла в воздухе. Он был потрясен. В затуманенном усталостью мозгу остро вспыхнула колющая мысль — а ведь Онодэра прав. Этот молодой человек с самого начала оказался странным образом втянутым в их работу. Тогда еще неясно было, во что выльются и чем закончатся их исследования. Но за последующее время никто так и не удосужился официально оформить Онодэру. Отчасти это объяснялось тем, что поначалу все члены штаба, кроме профессора Тадокоро, Онодэры и временно

взятого на работу Ясукавы, являлись государственными служащими. Дипломированный морской инженер-подводник Онодэра, конечно, был бы зачислен в штат при первом же требовании, но ни ему, ни кому другому это, очевидно, и в голову не приходило. Юкинага даже ни разу не задумался, полагалось ли жалованье «временно работающим» в штабе. Получается, впервые подумал Юкинага, что Онодэра все это время работал у них в качестве добровольца… Юкинага был поражен. В фирме, где Онодэра прежде работал, его считали талантливым молодым инженером, у него уже были заслуги, перспективы, обеспеченное будущее. Из соображений секретности его заставили «испариться» — уйти из фирмы без соблюдения необходимых формальностей. Он был втянут в мучительную работу в тени, в безвестности, и никто не удосужился подумать о его официальном положении. Но самого Онодэру это совершенно не волновало. Может быть, сказалось легкомыслие холостяка? Или это качество человека нового поколения, отличного от «поколения нищеты», к которому принадлежал сам Юкинага? Молодые не хлебнули настоящих трудностей, не знали нищеты в самом прямом смысле этого слова, им чужда постоянная тревога

и страх за свое будущее, иссушающие душу и превращающие человека в ничтожество. У этого парня начисто отсутствовало стремление обеспечить себя материально, добиться устойчивого положения в обществе. Кто знает, может быть, это новый тип духовно богатых молодых людей, порожденных эпохой достатка, каких Юкипаге не приходилось встречать в своем ближайшем окружении. Такой, как Онодэра, работает отнюдь не спустя рукава, но спустя рукава относится к своим успехам, к положению…

— Есть еще у вас работа, в которой без меня нельзя обойтись? — прервал Онодэра мысли Юкинаги. — Теперь в общих чертах все прояснилось. Правительство всерьез взялось за дело. Кончился этап, когда добровольцы тайком, спрятавшись от мира, выполняли сложную и ответственную работу… Что касается меня, то, думаю, я достаточно, отблагодарил Японию за то, что она меня воспитала.

Услышав слово «отблагодарил», Юкинага улыбнулся: это так характерно для молодого послевоенного поколения. Они не чувствуют гнета роковых уз, связывающих их со «страной», «нацией», «государством», однако отлично сознают свой долг перед родиной, и нельзя сказать,

что в свою очередь не испытывают к ней благодарности, признательности… Впрочем, это не выливается у них в форму безграничной ответственности перед нацией и страной. И вообще такое понятие, как «коллективная судьба», им чуждо. У них все гораздо проще: вернул «долг», отблагодарил, и ты в расчете. При этом они не испытывают принижающей благодарности должника к своему взаимодавцу. А если говорить об Онодэре, то он считает, что свой долг вернул вполне добровольно, от всей души, да еще и с некоторой лихвой, «достаточно отблагодарил». Юкинага даже растерялся, увидев вдруг японца нового образца. Как далек он был от японца довоенных времен, опутанного узами «долга», «признательности», «обязанности», «верности вопреки всему», «жертвенности». Юкинага, был удивлен и вместе с тем обрадован. Критикуйте, критикуйте послевоенную Японию, думал он, а она оказалась достаточно демократичной, чтобы в сытости и благополучии породить таких вот молодых людей нового типа!

Эти молодые люди, простые, спокойные, с душой, ничем не замутненной, не исковерканной с детских лет исковерканными взрослыми, не испытывающие особой тяги ни к материальным

благам, ни к власти, просто смотрящие на жизнь и точно знающие, чего от нее хотят, — они, пожалуй, то лучшее, что создала послевоенная Япония. Прежде чем чувствовать себя японцами, они чувствуют себя «людьми» и в том, что родились японцами, видят только вполне естественное отличие, свойственное каждому человеку или группе людей. Они не считают, что «способны выжить» только в Японии. Понятия «полнокровной жизни», «успеха», «карьеры» не связываются у них с каким-либо определенным, изолированным обществом, так что, где бы и как бы они ни жили, они не впадают в жалкую депрессию от мысли, что их жизнь не «удалась», только потому, что они оторваны от этого общества. Такие мысли просто не приходят им в голову.

Это новый тип образованных и воспитанных людей. И кто из старшего поколения осмелился бы упрекнуть их за широту мышления, терпимость и постоянную освежающую душу бодрость?..

— А ты что, хочешь уйти от нас? — спросил Юкинага.

— Собираюсь жениться, — чуть покраснев, сказал Онодэра. — Вроде бы немного переслужил государству, так что хочу получить наградные. То есть мы собираемся вдвоем удрать за границу

до официального сообщения. Это ничего? Как вы думаете?

Юкинага неожиданно расхохотался.

— Вам смешно, что я женюсь? — спросил Онодэра.

— Нет, что ты… Поздравляю… — поспешил перейти на серьезный тон Юкинага. — А я, знаешь… всего неделю назад официально оформил развод с женой…

— А дети? — почти испуганно перебил Онодэра.

— Вчера вместе с женой выехали в Лос-Анджелес… К родственнику… Дядя жены там живет, а детей у него нет, вот и…

— Ну, тогда все хорошо, — облегченно пробормотал Онодэра.

— Да, тебе надо уходить… — Юкинага смял в пепельнице сигарету. — Тоскливо будет без тебя. Хорошо бы всем вместе вечеринку устроить, хотя…

— А вы знаете, что стало с профессором Тадокоро?

— Нет. Наверное, старик Ватари знает.

Онодэра уже собрался было подняться со стула, когда Юкинага спросил:

— А сколько лет твоей невесте?

— ...Не знаю... — Онодэра растерянно взглянул на Юкинагу. — Я думаю, лет двадцать шесть, двадцать семь... А может, и больше, трудно сказать...

Когда Онодэра уже выходил из комнаты, Юкинага хотел было сказать ему, что в случае, если не удастся быстро выехать за границу, они рады будут снова видеть его в своих рядах, но не успел — высокая, плечистая фигура Онодэры уже исчезла в дверях...

...«Иди ко мне», — шепнула ему Рэйко... И ночь в Хаяма — страшно далекое прошлое — всплыла в его памяти. Вместо назойливо гудевшего возле самого уха мини-приемника в номере отеля звучала очень тихая приятная музыка. Ему казалось, что от Рэйко, как и тогда, пахнет нагретым солнцем песком. Сквозь опьянение на него вдруг нахлынуло желание. Он потянулся к ней, порывисто обнял, нашел ее губы.

— Женись, пожалуйста, на мне... — задыхаясь в его объятиях, попросила Рэйко. — Я все время только об этом и думала, искала тебя...

— Но почему? — шептал он. — Почему? У тебя столько знакомых, все они прекрасные ребята... А со мной ты виделась только один раз...

— Но ведь не только виделась… — улыбнулась Рэйко. — Потом от стыда я сквозь землю готова была провалиться. Но почему-то чувствовала, что ты плохо обо мне не подумаешь, ну, не такой ты… Тогда на берегу…

И Рэйко зашептала, что она очень любит нырять с аквалангом. Даже поставила рекорд среди аквалангисток. Она обожает чувство одиночества, которое охватывает тебя в объятиях моря, когда ты, со всех сторон окруженная холодной и мягкой водой, погружаешься в сумрачное молчание.

— Я испытываю такое чувство одиночества, что плакать хочется, и в то же время бываю страшно счастливой… Будто я стремительно падающий осколок звезды, сгоревшей дотла в просторах Вселенной, и я словно сливаюсь с мрачно-зеленой водой, с колышущимися водорослями, с проплывающими, как серебристые облака, стаями рыб… Когда я была маленькой, мне очень нравились гравюры «Утерянный рай», Домье, кажется… Ты знаешь? Там есть одна гравюра… На ней самый прекрасный из ангелов, Люцифер, который восстал против бога из-за своей гордыни и был низвергнут им в ад и превращен в страшное чудовище — Сатану. Но на гравюре он все равно

прекрасен! Летит сквозь перечеркнутую лучами солнца Вселенную, раскинув похожие на перепонки летучей мыши крылья, прямо вниз, в Эдем, пылая чувством мести к богу. Я почему-то всегда плакала, когда смотрела на эту гравюру… Совсем одна, отходишь от берега, а потом в воде обрыв, и дальше — бездонная пучина… Вокруг сероватомглистая зеленая вода, она все больше темнеет, теряет прозрачность, а ты совсем одна… И уходишь все глубже, глубже… И каждый раз там, в пучине, я вспоминала эту гравюру. Даже плакала иногда под маской. Мне начинало казаться, что я вот-вот пойму нечто очень важное… И вдруг — поняла… Но, что поняла, я не умею объяснить, не умею сказать… Может быть, Вселенную… Землю… Природу… Себя… Крохотная как песчинка, и вдруг я единое целое со всем этим огромным, беспредельным… Песчинка, понимаешь!.. А если понимаешь, значит, ты уже единое целое… ну, не знаю, как это все сказать… и в эти минуты я бывала невыносимо одинока, и меня охватывала страшная тоска, и все равно я чувствовала себя до слез счастливой… Когда ты меня первый раз обнял, я тоже почувствовала, что поняла… А тогда ведь я еще и представления не имела, что ты управляешь глубоководным батискафом… В

тебе я ощутила море… Это гигантское море, куда я всегда хожу, чтобы оно меня обняло… Глубокое, беспредельное, оно увидело мои слезы сквозь маску и пришло ко мне в образе юноши…

Рэйко сжала руками голову Онодэры, отстранила от себя, заглянула ему в глаза и с детской мольбой сказала:

— Ну женись на мне! Ну пожалуйста! Ладно?

Вместо ответа он обнял ее. Приник к ее губам… Он погружался в теплое тропическое море, похожее на ярко-зеленое стекло… Погружался все глубже, отталкиваясь от воды руками и ногами, пока хватало дыхания… Казалось, легкие готовы лопнуть, взорваться… Вот-вот он дотянется до черного дна, где сияют золотые, алые и синие звезды…

Рэйко молча лежала с закрытыми глазами. Он чувствовал рядом с ней глубокое умиротворение. Подобное чувство он испытывал после погружения, лежа на песке у кромки прибоя. И сейчас он ничком, обессиленный, лежал и думал о влекущей и умиротворяющей Рэйко. И вдруг он вспомнил, что больше года не прикасался ни к одной женщине. Когда Рэйко взяла его за руки и с трудом усадила в такси, ему и в голову не приходило остаться с ней. И если бы Рэйко вдруг нежно

не поцеловала его в машине, и если бы поцелуй не повторился… Год? Нет, полтора года прошло после первой встречи с Рэйко… И все эти полтора года он каждый день забирался в тесную кабину крохотного стального шарика, погружался в мрачную морскую бездну, возился с двигателем, с приборами, кричал сквозь ураганный ветер… Не только он — все работали, работали, работали, не зная ни сна, ни отдыха… Всех изводила тревога… Пили только залпом, чтобы хоть чуточку расслабиться… Спали на тесных корабельных койках, а на суше — на раскладушках, втиснутых между разными машинами и приборами… И так полтора года! Как вино расслабляет мускулы и обнажает утомление, так и женщина заставляет осознать такую усталость, которую, кроме нее, никто и ничто не может снять. Онодэре до этой минуты и в голову не приходило, что он смертельно переутомлен. Он вдруг почувствовал, что мускулы его только не гудят от перенапряжения. Нехорошо, подумал он, уткнувшись лицом в подушку, ведь если тебя сдавила усталость, не только мускулы, но и душа лишается гибкости, а окоченев, дряхлеет… Такая душа становится совсем бесчувственной. Но ласковый, обволакивающий взгляд Рэйко, ее чуть хрипловатый голос,

протянутые к нему руки нежно и мягко снимали с него нечеловеческий груз, стискивавший тело, как грубая смирительная рубашка. И вдруг ему захотелось громко расплакаться, как ребенку, заблудившемуся и, наконец, нашедшему свой дом, где он может рыдать, уткнувшись в колени матери…

— Как ты устал! — вдруг сказала Рэйко.

Ее прекрасно очерченные губы приблизились к глазам Онодэры и подобрали с его щеки слезу, которую он не заметил. Онодэра, как ребенок, нежно обнял Рэйко. Он будет отдыхать рядом с этой женщиной, подумал он, вместе с этой женщиной… И тут он понял, что его усталость — это боль и печаль, страх и страдание за Японию, которой суждено погибнуть, а перенапряжение — первый симптом надвигающегося невиданного бедствия… Нет, он не станет копаться в причинах своей усталости. Надо отдохнуть, как следует, отдохнуть, чтобы мужественно — пусть с показным мужеством! — пережить гибель Японии. А сейчас… уже пора повернуться спиной и бежать. И отдыхать вместе с этой женщиной… Это не предательство и не трусость. Это достойный человека поступок. Упорство, выходящее за границы разумного, и страдание ради страдания

делают человека нетерпимым и твердолобым чудовищем. Онодэра, не переставая, убеждал себя, что может бежать с полным правом. Бежать и отдыхать, отдыхать до тех пор, пока совсем не обленишься, до тех пор, пока душа и тело вновь не обретут свежести и не наполнятся жаждой деятельности…

После смерти отца Рэйко вскоре потеряла и мать. Полученную в наследство недвижимость она успела обратить в наличные. И хотя цены на землю после землетрясения упали, она все равно получила крупную сумму. На эти деньги после свадьбы Рэйко и предлагала ехать в Европу.

— Немедленно сними деньги со счета, — сказал он, — и сразу обменяй на иностранную валюту, на драгоценности. И билеты на самолет купи сразу. Завтра же…

— Но у меня еще остался лес, — сквозь дрему проговорила Рэйко. — Его тоже продать?

— Да, продать, не мешкая. Пусть за бесценок…

Он хотел добавить: а если не сумеешь продать, плюнь ты на этот лес, все равно все сгорит, исчезнет, провалится в океан…

— Откровенно говоря, я не знаю, люблю ли тебя… Ну, не могу разобраться… — крепко сжав ее руки, сказал Онодэра, когда они прощались в

аэропорту Нарита. — Дело в том, что я не знаю, что такое брак, — я ведь женюсь в первый раз… А раньше никогда не думал об этом… Но мне кажется, что мы будем понимать друг друга…

— А больше ничего и не нужно… — она крепко сжала в ответ его руку. — Этого достаточно…

Дня через четыре после того, как было принято решение о двухнедельном сроке официального правительственного сообщения, по стране поползли тревожные слухи: ожидается невиданное землетрясение, оно сметет с лица земли Токио, префектура Тиба и все побережье Сёнан и вовсе погрузятся в море, на дно, а потому ничего другого не остается, как временно бежать за границу… Газеты молчали, но слух распространялся с молниеносной быстротой, люди встревоженно шептались на работе, дома, на улицах. Посыпался град заказов на самолеты международных рейсов. Все иностранные самолеты, приземлявшиеся в Японии, теперь вылетали переполненными. Были введены дополнительные рейсы, но удовлетворить всех желающих было невозможно. На все рейсовые самолеты международной линии билеты были распроданы на три месяца вперед. Начались трудности с билетами и на пассажир-

ские суда. Все акции на бирже в мгновение ока катастрофически упали. И вдруг, неизвестно откуда, появились покупатели. Продажа акций продолжалась. Неизвестного происхождения деньги поддерживали уровень цен на них. Цены держались на одном уровне два дня, а потом, хотя и медленно, но стали вновь падать. Появились признаки того, что акции вовсе обесценятся. На Кабуто-мати и Китахама[10] перешептывались, что биржи вот-вот закроются на неопределенно долгий срок… начнется паника… И вообще, наступает конец… Все застыли в ожидании, не зная, как быть, ждать или идти на риск и продавать акции по бросовым ценам.

В правительственных кругах заволновались, откуда могла просочиться информация. Но в суматохе подготовки к официальному сообщению было не до расследований. Вскоре составилось мнение, что правительственные круги специально распускают тревожные слухи. Однако прошла неделя, а слухи не стихали, а росли. И в правительстве, и в координационном совете сочли необходимым ускорить официальное сообщение.

---

[10] notes: 10

Названия улиц, где находятся фондовая и акционерная биржи. — *Прим. перев.*

— А я думаю, что официальное сообщение следует отсрочить еще на неделю, — заявил секретарь правящей партии на координационном совете. — Если, конечно, иностранные источники нас не опередят… Ведь за это время многие собственными силами и средствами покинут Японию.

— За неделю или там за две уехать смогут считанные семьи, — стукнул по столу кулаком секретарь главной оппозиционной партии. — Сумеют бежать только те, у кого есть деньги. А с народом что будет? Правительственное сообщение нужно сделать незамедлительно! Сделать и взять под контроль эвакуацию.

— Тот, кто способен выехать сам, и после сообщения сам эвакуируется, — заметил один из членов совета. — И вообще желательно, чтобы одновременно с сообщением были приняты чрезвычайные меры для срочного пресечения паники…

В правительство хлынули запросы относительно распространившихся слухов. Заволновались и газетчики. До открытия чрезвычайной сессии парламента оставалось еще несколько дней, но почти все депутаты были уже в сборе. Начальники управлений вконец измучились, отбиваясь от

их вопросов. Никто спокойно не работал, и никто спокойно не жил. Люди чувствовали, что что-то должно произойти, и никто не сомневался, что это что-то обязательно произойдет.

Представители деловых кругов начали действовать сразу же после тайной встречи с руководителями правительства, а через неделю их действия уже приносили свои плоды. Закупка судов Японией, за которой судовладельцы различных стран уже более года наблюдали с пристальным и тревожным интересом, сейчас шла бешеным темпом. Предлагались любые деньги даже за подержанные и устаревшие суда. Общий тоннаж принадлежащих Японии судов резко увеличился. Разумеется, при этом старались пользоваться подставными лицами, приписывали суда к иностранным портам, но все равно за последнюю неделю уже наметилось резкое повышение цен на суда и комиссионных для посредников. В результате в Международный союз судовладельцев посыпались протесты. В вопросах аренды судов Япония действовала тоже с непонятной одержимостью, что грозило значительным повышением стоимости фрахта. Бешено возросли переводы наличных денег из японских отделений и фирм со смешанным капи-

талом в зарубежные отделения японских фирм и в головные конторы, находящиеся за границей. Двухнедельный срок рассматривался в деловых кругах как время для полной свободы действий. Дельцы, присутствовавшие на встрече, сочли наиболее удобным для себя считать, что премьер санкционировал такую свободу действий. Запрет они восприняли как своего рода перестраховку правительства на случай, если ему придется оправдываться. С другой стороны, правительство в таких условиях всегда может припомнить им «старые» грехи и принять строгие меры, да еще и потребовать проценты с прибыли, полученной благодаря предупреждению… Вообще-то такое понимание для деловых кругов было естественным, а если учитывать, что в данном случае само существование правительства гибнущей страны находилось под вопросом, то поведение деловых кругов было почти безупречным.

Однако действия японских финансистов и промышленников начали привлекать внимание международной общественности. Одно за другим стали поступать указания в японские отделения иностранных фирм расследовать и изучить истинные намерения японских деловых кругов. На мировых фондовых биржах вдруг, правда на

очень непродолжительное время, подскочили цены на японские ценные бумаги.

Япония опять намеревается что-то выкинуть... На Дальнем Востоке что-то назревает. Япония вновь взбудоражила фондовые биржи Лондона, Парижа и Нью-Йорка... Японские ценные бумаги стремительно падают в цене... Акции некоторых японских фирм резко повысились... Японские волны хлынули на международный морской транспорт... К чему же готовится Япония?..

— Сообщение состоится на два дня раньше намеченного срока... — течет шепот из одного района столицы в другой по специальному телефону, гарантирующему от просачивания информации.

— Это окончательное решение? — спрашивает голос на другом конце.

— Да, к такому выводу пришли в результате анализа сложившейся обстановки...

Через несколько часов по тому же телефону опять состоялся разговор.

— Вполне вероятно, что сообщение состоится на двадцать четыре часа раньше последнего предполагаемого срока... Соответственно передвинется и созыв парламента. Почти все депутаты сейчас

в столице…

— Н-да, значит, кое-какие наши планы не осуществятся…

— До правительственного сообщения, — бесстрастно продолжает голос, — появится сообщение в Европе… Правительственное сообщение будет сделано как бы вследствие этого…

8

И вот одиннадцатого марта, в четырнадцать часов по восточному времени, грянул гром, потрясший весь мир: Геодезическое научное общество Соединенных Штатов Америки сделало заявление о гигантском изменении в земной коре, начавшемся в районе Японского архипелага. Это произошло за три дня до первоначально намеченного японским правительством срока официального сообщения. Заявление было сделано в форме внеочередной беседы между председателем Геодезического научного общества доктором Юджином Коксом и ответственным сотрудником Комитета по наблюдению за искусственными спутниками Земли.

Беседа проходила в спокойном тоне, собесед-

ники выбирали слова с крайней осторожностью. Суть беседы сводилась к тому, что результаты наблюдений, которые велись в последние месяцы исследовательскими судами и геодезическими искусственными спутниками Земли, свидетельствуют о резко возросшей вероятности грандиозных изменений в земной коре в зоне дальневосточного шельфа. Подобных изменений еще не приходилось наблюдать за всю историю человечества. Когда доктор Кокс сказал, на каком участке должны произойти эти изменения, журналисты тут же насторожились: не охватит ли этот процесс территорию Японии. Доктор Кокс ответил на их вопросы утвердительно, более того, отметил, что поток мантийного материала под Японским архипелагом как раз и является источником возникновения ожидаемых изменений.

От прямого ответа на вопрос о характере изменений доктор Кокс уклонился. Однако оброненная им фраза «Мы сейчас не можем не вспомнить легендарной Атлантиды…» подействовала на журналистов подобно электрическому току.

Под заголовком «Ожидаются грандиозные изменения в земной коре в районе Японских островов. Япония — азиатская Атлантида» это сообщение в мгновение ока облетело весь мир.

Но в Японии из-за разницы поясного времени оно было опубликовано в газетах позднего утреннего выпуска только на следующий день. Через три часа после заявления доктора Кокса агентство Франс Пресс со ссылкой на достоверные источники передало из Парижа еще одну потрясшую мир деталь: день исчезновения Японии близок!

Утренние газеты на всех материках напечатали об этом под крупными заголовками. В статье агентства Франс Пресс подробно комментировалось заявление Геодезического научного общества США и говорилось, что в результате процессов, происходящих в мантии в указанном районе, Японский архипелаг в ближайшее время быстро опустится на дно океана. Опускание будет сопровождаться вулканическими взрывами уничтожительной силы. В статье приводилась даже схема ожидаемых разрушений. Такие гигантские изменения не могут не оказать огромного влияния на Дальний Восток и на весь западный сектор Тихого океана. В ООН ситуацию считают чрезвычайно серьезной и уже несколько дней негласно изучают, какой ущерб может быть причинен в результате катаклизма Восточной Азии. По сведениям, полученным в секретариате ООН, в течение ближайших двух недель состоится

чрезвычайное заседание Совета Безопасности.

Эта сенсационная статья в Японии была передана всеми радио-и телестанциями в восемь часов утра, когда люди собирались на работу. Тридцать минут спустя передали сообщение, что в час дня состоится экстренное заседание парламента, на котором выступит премьер-министр.

Правления фондовых бирж Токио и Осаки начали свои заседания сразу же после сообщения из США, а после сообщения японского радио приняли решение о немедленном прекращении всех операций. В одиннадцать часов утра состоялось экстренное заседание парламента при полном составе депутатов. Через десять минут после начала был объявлен перерыв до часу дня. Газеты подготовились к экстренному выпуску, радио- и телекомпании разместили в зале заседаний свои телекамеры и микрофоны. Здесь же собрались и иностранные журналисты и фотокорреспонденты. Вся Япония замерла у радиоприемников и телевизоров. Никто не работал. Люди в молчании ожидали подтверждения своих тревожных предчувствий, которые после Большого токийского землетрясения возрастали изо дня в день, подкрепляемые страшными слухами. Вот и сегодня с утра в Токио ощущались значительные

толчки. Говорили, что эпицентр землетрясения расположен где-то на западе, но сейчас людей волновало другое.

Без четверти час все депутаты были уже на местах. Ровно в час председатель обеих палат объявил об открытии заседания, и тут же на трибуну поднялся премьер. Он положил перед собой текст речи, откашлялся и чуть дрогнувшим голосом начал:

— Господа депутаты! От имени правительства я должен сообщить вам, что Япония стоит перед невиданной опасностью, стихийной катастрофой, которая угрожает самому существованию нашей страны…

Именно в этот момент Онодэра появился в штабе. В комнате у транзистора сидели только Наката и Юкинага. Остальные ушли в зал заседаний, где был цветной телевизор.

Увидев Онодэру, Юкинага, приветственно поднял руку.

— Сегодня уезжаешь?

— Да, из аэропорта Нарита в пятнадцать тридцать, через Москву… — Онодэра улыбнулся, но вид у него был довольно унылый.

— Ну, поздравляю. После этой речи ни билетов, ни валюты не достанешь. Иностранные авиа-

компании уже с утра продают билеты только на доллары. Сейчас сообщили, что за рубежом приостановлен обмен иены…

— Да, едва успели.

— Молодец! — хлопнул его по плечу Наката. — А где решили обосноваться?

— Ну, пока в Швейцарии. Дело в том, что она почти все состояние перевела в швейцарский банк.

— Швейцария, значит, — сказал Наката. — Там тебе работа найдется. Горная страна, а весьма интересуется изучением морского дна. Там и глубоководные батискафы строят, и аквалангисты есть…

— Началось… сказал Онодэра, кивнув на приемник.

— …Как вы уже знаете из утренних сообщений зарубежного радио… — доносился из приемника голос премьера, — … в самое ближайшее время произойдут крупные изменения в земной коре в районе Японского архипелага. В результате этих изменений, как установили японские ученые и правительственный исследовательский центр, территория Японии подвергнется уничтожающему разрушению…

— Наверное, это первый в истории случай, когда речь японского премьера в синхронном пе-

реводе транслируется через спутник связи всеми теле- и радиостанциями мира… — усмехнулся Наката. — Итак, наша работа закончилась… Впрочем, самое трудное впереди. Такое начнется смятение… И весь мир будет в него вовлечен…

— …Полная картина предстоящих изменений и срок, когда они произойдут, были установлены совсем недавно. До катастрофы остается около года. В результате землетрясений, извержений и других явлений страна не только разрушится, но и почти целиком погрузится на дно океана…

— Вот еще один беспрецедентный случай, когда темой речи премьер-министра является физическая география… — сказал Юкинага. — В этом смысле Япония — весьма специфическая страна.

— Да, весьма, — кивнул Наката. — И японской политике давно бы пора опираться на науку… Очевидно, такая тенденция постепенно будет усиливаться во всем мире. Ведь сейчас все большее значение приобретают такие проблемы, как охрана окружающей среды, контроль и управление в масштабах всего земного шара… Эпохе макиавеллизма, когда все сводилось к налаживанию отношений между различными группировками людей и стран, приходит конец… Возможно, наступает время, когда знания в области социоло-

гии и естественных наук станут обязательными для любого политического деятеля?

— Вряд ли, — покачал головой Юкинага. — Пока, по-видимому, основной задачей политики по-прежнему будет оставаться приведение взаимно противоположных интересов к общему знаменателю. Трудно сказать, хорошо это или плохо. Во всяком случае сейчас все силы направлены только на это и тратятся совершенно нерационально. Кстати, такое нерациональное использование энергии в качестве тормоза против взрывной волны, стихийно возникающей в обществе, характерно для буржуазной демократии. В противоположность ей диктатура расходует свои силы рациональнее, но…

— …Очутившись перед фактом надвигающегося на нас бедствия, не имеющего прецедента в истории человечества, я в качестве главы исполнительной власти обратился ко всем партиям с просьбой о сотрудничестве во имя спасения нации. Главы всех партий отнеслись к этому с полным пониманием, и нам удалось организовать надпартийную комиссию. С другой стороны, наше правительство обратилось к Организации Объединенных Наций и правительствам всех стран мира с просьбой о помощи в деле спасения

жизни всех граждан Японии и части их имущества, иными словами, о помощи в эвакуации, которая должна завершиться до того, как наша страна будет полностью разрушена и погребена на дне океана. В адрес японского правительства со всех концов мира поступают заявления, где выражается готовность оказать японскому народу предельно возможную помощь во имя единства человечества…

— После этой речи премьер вроде бы покинет парламент и по радио и телевидению обратится непосредственно к народу… — сказал Накаата. — Американский президент вообще в первую очередь обратился бы к народу… А в Японии это невозможно…

— …В настоящее время правительство принимает все меры и прилагает максимум усилий для охраны жизни и жизнедеятельности всех граждан и для их слаженной эвакуации за границу. Господа депутаты, я обращаюсь к вам с просьбой, идущей из глубины сердца! Как лицо, облеченное высшей исполнительной властью, и как человек я призываю вас к единству, правильному осознанию положения вещей, к полной готовности отдать все силы для спасения стомиллионного населения нашего любимого отечества от этого

невиданного в истории бедствия…

— А ты не опоздаешь? — спросил Юкинага у Онодэры.

— Нет, мы договорились встретиться около часа на хайвее, ведущем в аэропорт Нарита.

— Что ты такой унылый? Ты же проведешь свой медовый месяц в Швейцарии! Гляди веселее!

— Да, вот… — замялся Онодэра. — А как же вы, Наката-сан, Юкинага-сан? Что вы собираетесь делать?..

— Что будем делать?.. — Юкинага обернулся к Накате. — Перейдем в штаб по осуществлению спасательных операций… Очевидно, будем продолжать наблюдения до окончания эвакуации. Поговаривают, что Наката-сан будет переведен в штаб по осуществлению эвакуации…

— Странно как-то… — Онодэра вымученно улыбнулся. — Еще недавно у меня было одно желание — поскорее сказать «до свидания» и исчезнуть, а со вчерашнего дня мне что-то расхотелось уезжать.

— Не смей задумываться! — с силой сказал Юкинага. — Это не в твоем характере. Ты же говорил, что сам возьмешь полагающиеся тебе наградные. Для Японии только лучше, если хотя бы один человек сумеет эвакуироваться своими

собственными силами. Одним японцем, таким образом, останется на свете больше. Если хочешь что-то сделать для Японии, это можно сделать и в Европе.

— Но вы же, вы остаетесь?

— Уж мы постараемся не оплошать! — усмехнулся Юкинага. — Не дети! Давно уже привыкли находить выход из любого положения. Конечно, мы старше тебя и тяжелее переносим подобного рода передряги, но все же не собираемся трагически погибнуть вместе с Японией. Когда нужно будет бежать, убежим, чего бы это ни стоило.

Зазвонил телефон. Наката взял трубку.

— Кажется, начинается извержение Фудзи… — сказал он, кончив разговор. — У кратера Хоэй в нескольких местах появились выбросы пара… А с утра проснулась вершина Камияма в горах Хаконэ — тоже выбросы пара и взрывы.

— Фудзи… — пробормотал Онодэра, почувствовав недоброе предчувствие.

— Еще вчера началась эвакуация населения из районов Хаконэ, Готэнба, Одавара, Восточное Фудзи. Дело в том, что на участке Тоносава происходит поднятие почвы — на один сантиметр в день, а на северном участке горы Аситака — на пять сантиметров в день…

— Ну, что ж… — Онодэра поднялся со стула, — Будьте здоровы. Встретимся где-нибудь — земной шар не так уж велик. Пишите в Швейцарию. Да, позаботьтесь о Юуки. Его семья уже эвакуировалась на Тайвань…

Вдруг на столе со стуком подпрыгнули чашки и чернильница. Скатился на пол карандаш.

— Начинается… — недовольно пробормотал Наката, взглянув в сторону окна. — Да, началось…

Приподнявшись со стула, Юкинага тоже посмотрел в окно.

Силуэт Фудзи, обычно хорошо видимый из выходившего на запад окна, сейчас исчез, на его месте покачивалось грибовидное облако, клубами восходившее в бледно-голубое мартовское небо.

И только тут от первой воздушной волны зазвенели оконные стекла.

— Извержение, кажется, сильное… Поднимемся на крышу?.. — предложил Наката.

Опять зазвонил телефон. На этот раз трубку поднял Юкинага. Видно, он плохо слышал. Вдруг его лицо сделалось испуганным, он протянул трубку Онодэре.

— Это тебя… — сказал Юкинага. — Женщина…

Онодэра бросился к телефону.

— Алло, алло, — крикнул он в самую трубку.

Но ответа не было слышно, только шум, гул, какие-то крики.

— Алло, алло… — вдруг прорвался сквозь них голос Рэйко.

— Где ты? — закричал Онодэра, прикрыв ладонью ухо.

— Сейчас… у выхода с шоссе Манадзуру… затор…

— Шоссе Манадзуру? — У Онодэры сорвался голос. — Как ты там очутилась? Мы же должны в три тридцать вылететь из Нариты.

— Вчера… из-за… в Идзу езд… — голос Рэйко почти не был слышен из-за помех и грохота. — …Поезд… пришлось рано утром… на машине… но… затор…

— Алло, алло… — кричал Онодэра, вдруг весь покрывшийся потом. — Алло, плохо слышно…

— Доехала… а тут извержение… камни… дорога… Голос Рэйко звучал на фоне грохота и гула, слышались женские вопли, детский плач, звон бьющихся стекол.

— Пепел сыплется, страшно горячий… кругом все уже побелело… И раскаленные камни… — вдруг стало хорошо слышно. — Онодэра-сан, билеты на самолет ведь у вас… Вы вылетайте.

А я сегодня никак не успею. Но вы непременно отправляйтесь... Что бы ни произошло, я к вам приеду...

— Глупости! — крикнул Онодэра срывающимся голосом и перехватил вспотевшей рукой трубку. — Не говори глупостей!

Протяжный гул и вопли заглушили голос Рэйко, и Онодэра расслышал только одно слово:

— ...Женеве...

В трубке раздался треск, и связь прервалась.

Положив трубку на рычаг, Онодэра потерянно застыл. Кровь отхлынула от щек. Из широко раскрытых, бессмысленно глядящих в окно глаз покатились слезы.

— Что случилось? — спросил Наката.

— Да куда ты? — закричал Юкинага.

Онодэра уже бежал к двери. Он сам не знал, куда бежит. Желание быть ближе к Рэйко, которая находилась в восьмидесяти километрах от столицы, на побережье Манадзуру, под градом раскаленных камней и пепла, лишило его разума.

— Онодэра-кун! — Юкинага выскочил за ним в коридор. — Чемодан! Что делать с чемоданом?

Но фигура Онодэры уже исчезла за поворотом лестницы.

— Прошу всех граждан сохранять хладнокровие… — звучал голос премьера, обратившегося к народу после речи в парламенте.

— …Прошу сохранять дисциплину и порядок, прошу оказывать всяческое содействие властям, чтобы избежать жертв в результате паники. Правительство и парламент, что бы ни случилось, все силы приложат для спасения жизни всех граждан.

Через несколько минут после вулканического взрыва взрывная волна, покрыв расстояние в восемьдесят километров, докатилась до столицы. Комната закачалась. Юкинага, все еще не отхо-

дивший от двери, невольно оглянулся на окно. На западе небо уже покрылось серым дымом извержения.

Взрыв горы Фудзи, который произошел в тринадцать часов одиннадцать минут — в тот самый момент, когда речь премьера достигла кульминационной точки, — снес кратер Хоэй на юго-восточном склоне, на высоте двух тысяч семисот метров над уровнем моря, и до неузнаваемости изменил склон, обращенный в сторону Готэнба, где образовалось более двадцати новых больших и малых кратеров, одновременно выбрасывавших пепел, вулканические бомбы и газ. Вулкан Фудзи, дремавший более двухсот пятидесяти лет после извержения 1707 года, проснулся.

Почти в это же время начались вулканические взрывы пика Этидзэн на юго-восточном склоне Фудзи, горы Аситака и горы Ками-яма в Хаконэ. Прилегающие районы покрыл толстый слой пепла. Прервалось сообщение на хайвее Тона в районе Готэнба, на железнодорожных линиях Токай до и Новое Токайдо — между городами Нумадзу и Фудзи. В районе Мисима разорвало рельсы. Шоссе, ведущее из Фудзи в Одавару, засыпало вулканическими бомбами. Извержение

длилось два часа, затем наступил короткий перерыв, а в пятнадцать часов сорок минут вершину Фудзи вновь потряс сильный взрыв. Она рухнула. Между местом, где она прежде находилась, и горой Тайхо в северо-восточной части провинции Яманаси образовался новый кратер. Вырвавшийся из него гигантский поток лавы устремился вниз по склону и — как девятьсот лет назад, во время извержения 1083 года — превратил в море огня долину Аокихара. Лава завершила свой путь в озерах Нининоко и Мотосуко, поглотив все окрестные деревни и гостиничные комплексы.

Но эти два извержения явились всего лишь прологом к последовавшему за ними взрыву гигантской силы, который, как считали, во много раз превзошел взрыв 864 года. Второе извержение длилось около шести часов. Затем Фудзи часа четыре отдыхал. Как это часто бывает при вулканических взрывах, за эти десять часов над Хаконэ, Одаварой и западной частью префектуры Канагава пронесся страшный, похожий на потоки грязи ливень. В ночь на четырнадцатое марта в один час двадцать шесть минут в Нидзаве, Кофу, Нумадзу и Сидзуоке произошли сильные землетрясения, а через три минуты гигантский взрыв поднял на триста метров в воздух то, что осталось

от вершины Фудзи. Разлом, прошедший по склону с северо-запада на юго-восток, расколол Фудзи на две части, полностью видоизменив ее облик.

Это извержение было результатом взрыва древнего вулкана, в течение двадцати тысяч лет отдыхавшего глубоко в недрах теперешней горы Фудзи. Энергия взрыва составила семь на десять в двадцать четвертой эргов, а общий объем эффузивного материала вместе с двумя предыдущими извержениями — шесть-семь кубических километров. В префектурах Яманаси, Сидзуока и Канагава от вулканического пепла, бомб, лавы и ударной волны погибло более двадцати тысяч человек. После взрыва произошло оседание Фудзи — вулкан стал ниже на семьсот метров, а весь прилегающий район опустился более чем на один метр. Облик горы стал неузнаваем. Прекрасный конус, воспетый со времени «Манъё», издавна считавшийся символом Японии, превратился в две безобразные горы. Рваный, уродливый разлом тянулся с северо-запада к юго-востоку, а со стороны префектур Канагава и Яманаси был виден страшный, как инфернальный котел, гигантский кратер с неровными краями, поперечник которого составлял несколько километров. Пепел выпал в огромном количестве.

В районе Одавара его слой достиг двух метров, в Кофу — одного. На улицах Токио тоже лежал десяти-, а то и двадцатисантиметровый слой пепла. Пепел покрывал даже взлетные дорожки аэропорта Нарита, находившегося в ста сорока километрах от места извержения.

Затем произошло еще более чудовищное явление — сместились берега в устье реки Фудзи.

Однако даже гигантский взрыв Фудзи был только началом предстоящих катаклизмов.

Через три дня сильнейший взрыв потряс Асаму. Его энергия составила четыре на десять в двацать четвертой эргов, поток лавы двинулся к востоку и мгновенно затопил шоссе Ониосидаси. Вслед за этим открылись кратеры расположенных южнее гор Иситака-яма и Ханарэ-яма, лава и пепел заполнили весь район между городами Коморо и Каруйдзава. Шоссе и туннель на перевале Усухи были засыпаны пеплом и затоплены лавой. Вулканическое извержение, начавшееся прямо под отелем, расположенным у горячих источников Син-Касава на северо-западном склоне Асамы, открыло канонаду на склоне пика Эбоси. Прекратилось сообщение через перевал Торий. Города Цума-кой и Уэда на Синею были отрезаны друг от друга. Асама бушевал целую неделю.

Активизировался и вулкан Хотака-яма на севере префектуры Гумма. Лава устремилась в озеро Домотоко и перекрыла верховье реки Тонэгава. Из-за землетрясения и разломов рухнула плотина Фудзивара, открыв дорогу потокам горячей воды, хлынувшим из района источников Минаками. Волны кипятка докатились до города Нумата и прервали сообщение по железнодорожной линии Дзёгоси. Одновременно активизировалась группа вулканов на севере края Канто.

Пылал весь вулканический пояс Фудзи, находившийся под Кантосской грядой, которая разделяла остров Хонсю на восточную и западную части. Все основные наземные магистрали, связывавшие край Канто с Центральной и Западной Японией, были разрушены. Началось и опускание оконечностей полуостровов Бофуса, Миура и Идзу. За день они становились ниже почти на десять сантиметров, одновременно медленно перемещаясь по горизонтали на юго-восток.

Двадцать второго марта в Комитет по принятию мер против бедствия поступило сообщение о заметном смещении Восточной и Западной Японии по линии великого сброса.

9

В течение года Японский архипелаг скроется в водах океана…

Сообщение японского правительства потрясло мир. Однако рядовые японцы прореагировали на него неожиданно спокойно. Впрочем, их состояние правильнее было назвать душевной опустошенностью. Не было случая, чтобы человек с воплями и стенаниями выскочил на улицу. Люди слушали обращение премьера к народу, и их лица постепенно застывали, превращаясь в ничего не выражающие маски. Возможно, они просто не знали, что теперь следует делать. Все было слишком неожиданным и слишком невероятным.

Через минуту после речи премьера зазвонили буквально все телефоны Японии.

Телевизор смотрел?.. Передачу слышали?.. Япония утонет, как это так?.. Что ты об этом думаешь?.. Послушай, что же делать?.. Скажи мне, что я должна предпринять?… Как же теперь быть?.. Алло, алло, это я… Слышала новости?.. Да, я немедленно возвращаюсь домой. Так я же и говорю, немедленно еду домой, а ты пока забери детей из школы…

Как ни странно, нигде не возникло бурных обсуждений и споров. Люди, стараясь не встречаться друг с другом глазами, брались за телефонную трубку или же молча барабанили пальцами по столу, уставившись взглядом в пространство.

Да, это был не тот вопрос, который можно было обсуждать на работе или на улице. Удар не скользнул по поверхности буднично-повседневной жизни, а пришелся в самую глубину бытия, каждый думал в первую очередь о себе — как же теперь быть ему лично?..

Из-за неожиданно короткого дня часы пик по всей стране начались часа в два пополудни. Транспортные узлы в городах были переполнены. В Токио Гиндза, Мару-ноути, зелень императорского дворца, высотные здания, дороги, железнодорожные пути уже покрывались бледно-серым вулканическим пеплом. Вода в окружавшем императорский дворец канале приобрела молочный оттенок, белые лебеди испуганно жались к выложенным камнями стенкам.

Ступая по шуршащим под ногами хлопьям, люди с застывшими серыми лицами торопливо шли и шли по тротуарам к станциям и остановкам.

Довезет ли до дому электричка, поезд, автобус, такси?

А до какого места можно пройти, проехать?

Людьми двигал страх, пережитый во время Большого токийского землетрясения, когда в одно мгновение были парализованы все средства связи и транспорта гигантской столицы. Всеми владела одна мысль — любыми средствами добраться домой! Внешняя оболочка будней столицы в разгар рабочего дня вдруг растаяла и потекла, словно разогретый жир. Обычно но вечерам эта оболочка тает постепенно, уступая место мерцающему неону, который напоминает о бьющей ключом ночной жизни столицы. Но сейчас под горячим пеплом, который попадал в глаза, забивался в ноздри, оседал горечью во рту, люди спешили по домам. С сумасшедшей скоростью проносились пустые такси, казалось в паническом страхе удиравшие от пассажиров. Водители, как и все, торопились домой, к семьям.

Домой!..

Беззвучно кричал весь город, осыпаемый шуршащими серыми с рыжинкой хлопьями.

Что бы там ни было, домой!

А что потом? Что предпринять дома? Как быть? — вихрем проносилось в голове каждого, но эти мысли не задерживались. Самое главное сейчас — собраться всей семьей. А думать, раз-

мышлять, что-то делать — это все потом…

Нашлись и такие, кто остался на работе. Это в основном были холостяки и молодежь, живущая в общежитиях. Студенты, наоборот, покидали общежития и спешили в университеты, чтобы в кругу приятелей обсудить положение. Но если и собирались где-либо небольшие группы, люди главным образом невесело молчали. Кое-кто бросился к вокзалам, решив отправиться на родину.

Однако выехать из столицы на запад было уже невозможно. Поезда в этом направлении шли только до Хирадзука, а по линии Токио — Нагоя — только до Ацуги, да и то движение скоро прекратилось. Центральная железнодорожная линия к западу от Хатиодзи тоже вышла из строя. Двести пятьдесят тысяч приезжих из Кансая оказались отрезанными от своих городов. «Мегалополис Токайдо» был рассечен надвое, сообщение между востоком и западом Японии стало возможным только по воздушному и водному путям. Недавно восстановленный аэродром Ханэда опять закрылся. Шли работы по сооружению дамбы — во время приливов взлетные дорожки заливало из-за усилившегося опускания всего прилегающего к аэродрому района. Единственный действующий столичный аэропорт

Нарита, который обслуживает и внутренние, и международные рейсы, в любую минуту мог выйти из строя из-за перегрузки. Три дня назад в городах Кисарадзу и Ирима для внутренних пассажирских рейсов открыли аэродромы военно-воздушных сил самообороны, но они могли принимать только самолеты средних размеров. Пришлось использовать военные транспортные самолеты. Из Токийского порта, который еще не был восстановлен после цунами и не мог принимать крупные лайнеры, один за другим выходили на Кансай и на Кюсю переполненные пассажирами небольшие суда.

После взрыва Фудзи слой пепла парализовал наземный транспорт столицы. Снегоуборочные машины расчищали улицы. Легковые автомобили еще могли кое-как пробираться по ним, но машин становилось все меньше — начал сказываться недостаток бензина, потребление которого уже было взято под государственный контроль и строго нормировалось.

Чрезвычайное положение, введенное в столице после Большого землетрясения и длившееся три месяца, два месяца назад было отменено, а сейчас его ввели снова и не только в Токио, но и по всей стране.

— Возможно, потребуется внести некоторые коррективы в распределение судов, — докладывал комиссии по эвакуации начальник управления морских перевозок. — После взрыва Фудзи кое-кто из иностранных судовладельцев заговорил об отмене рейсов уже зафрахтованных нами судов под предлогом, что в связи с увеличившейся опасностью профсоюзы требуют повышения заработной платы. Однако это все уловки, чтобы повысить стоимость фрахта на роскошные лайнеры, установленную до правительственного сообщения. Короче говоря, к сожалению, приходится констатировать такую тенденцию.

— Правительство ведет переговоры с американским президентом о выделении нам, кроме седьмого, еще и первого флота, — сказал председатель комиссии. — А разве у нас никого нет, кто имел бы влияние в Международном обществе судовладельцев?

— Разумеется, есть. Но чтобы заставить их сказать «да», потребуются наличные.

— Кажется, уже достаточно сунули правлению… — заметил один из членов комиссии. — А им, видно, все мало…

— Да. Дело в том, что подобные ситуации

возникают в самых разных областях. События развиваются неожиданно быстро, и заготовка золота, платины и иностранной валюты, которую мы проводим за рубежом, пока дала лишь три четверти намеченной суммы. А тут еще эти судовладельцы… Мы можем оказаться перед огромным дефицитом.

— Ничего не поделаешь… — сказал другой член комиссии. — Суда следует получить любой ценой. Общий тоннаж торговых судов Японии составляет двадцать шесть миллионов тонн — это ничтожно мало, чтобы перевезти сто десять миллионов человек. К тому же львиная доля торгового флота приходится на танкеры.

— А как обстоят дела с самолетами? — поинтересовался председатель комиссии. — Авиакомпании не собираются повысить цены?

— Пока нет. Но, я полагаю, что в крайней ситуации особенно рассчитывать на авиатранспорт не следует, — начал член комиссии, ответственный за воздушные перевозки. Аэропорты, как вы знаете, — слабое место Японии. Только Нарита, Итами, Итадзукэ и Титосэ способны принимать крупные трансконтинентальные авиалайнеры. Но если начнутся землетрясения или наводнения, то и на эти аэропорты вряд ли можно будет

положиться…

— А какое число машин может быть обеспечено?

— Пока точной цифры назвать не могу — еще не закончились все переговоры с авиакомпаниями… Но, думаю, речь может идти о тридцати процентах всех имеющихся в мире самолетов. Не оставаться же всему миру из-за нас без авиатранспорта. Речь идет только о самолетах гражданской авиации дальнего и среднего действия, которые нам удастся получить на неделю, когда наступит самый критический момент. Не надо забывать и о пропускной способности аэропортов. Для Нариты максимум — тысяча взлетов и посадок в сутки, а для Итами — шестьсот. Американцы обещают выделить стратегические транспортные самолеты ВВС, в частности гигантские транспортники С5-А. Но для таких машин наши аэродромы не пригодны… Так что мы просили выделить нам побольше средних машин.

— ВМС Индонезии и правительство Китая тоже предложили свою помощь… Но мы не можем возлагать на них больших надежд, — сказал начальник управления морских перевозок. — Советский Союз ответа еще не дал, но по полученным сведениям, большой транспортный флот

СССР в настоящее время через Северный Ледовитый океан направляется в Тихий. Так что скоро, надеюсь, мы получим ответ.

— Советский Союз, Северная Корея, Китай… — сказал один из членов комиссии. — Наши ближайшие соседи, а мы не можем эвакуироваться в эти страны, как бы нам этого ни хотелось… Нелепо как-то.

— Давным-давно следовало позаботиться о дружбе и культурном обмене с этими странами! — в крайнем возмущении стукнул кулаком по столу член комиссии от оппозиционной партии. — А Япония со времен Мейдзи делала все, чтобы превратить их в своих врагов. То экономическая, то военная агрессия, то шли на поводу сторонников холодной войны, представляли свою территорию для военных баз… В общем, проводили типично империалистическую политику. Сами виноваты, сами уготовили Японии судьбу азиатской сироты. Даже в послевоенное время мы совершенно не занимались воспитанием молодежи в духе дружбы и терпимости к народам Азии. Так и не преодолели высокомерия и чувства превосходства по отношению к ним. В интернациональном восприятии японца страны Азии начисто отсутствуют. Что такое

современные японцы? Запрограммированные на интенсивную экономическую деятельность животные с большой мошной, которые с презрением взирают на бедных и «незапрограммированных» азиатов. Что можно от них ожидать, если позволить им переселиться в свою страну?

— Теперь, пожалуй, поздновато об этом говорить, но Япония действительно стремилась лишь к тому, чтобы попасть в ряды «европейских» держав, — согласился председатель. — Надо сказать, в какой-то мере мы преуспели. Да и наша самоизоляция от Азии ничему не вредила. И потом, всегда оставалась возможность в случае чего спрятаться на наших четырех островах и спокойно себе торговать и вести дела с другой стороной земного шара, отстоящей от нас на десять тысяч километров. А теперь речь идет о том, что острова, на которых мы могли бы спрятаться, исчезнут…

— Да, в комиссии по размещению эвакуированных головы трещат, — сказал член комиссии, представляющий прессу. — Провели опрос среди населения, куда бы кто предпочел эвакуироваться. Подавляющее большинство назвали Америку, Европу и Австралию. А вот в Юго-Восточной Азии предпочитают Гонконг, Бангкок и Сингапур.

По-видимому, эти люди побывали там в качестве туристов.

— Нельзя ли принять соответствующие меры против крайне правых элементов, которые распространяют клеветнические слухи о Китае и Советском Союзе. Если прежде они говорили, будто эти страны собираются напасть на нас, но теперь внушают людям, будто, поселившись там, японцы окажутся на положении рабов, — сказал член комиссии от оппозиции. — Такие типы не должны свободно разгуливать в столь ответственный момент! Разумеется, вся вина здесь падает на стоящую у власти правящую партию; как бы ни менялся за последние годы состав кабинета, правительство всегда с чрезмерным усердием поддерживало антикоммунистическую политику США и тем самым молчаливо одобряло психологию и действия подобных типов.

— Этот вопрос уже обсуждался на высшем уровне, — поглаживая переносицу, произнес председатель. — Безусловно, необходимо принять меры в отношении крайне правых, но, конечно, не нарушая конституции…

— В самом деле, ни одна страна не допускает у себя такого разгула клеветы на иностранные государства, как Япония. Япония совершенно ли-

шена ощущения, что она член международного сообщества, — заметил член комиссии от правящей партии, представитель дипломатических кругов. — Не может ли возможность выбора места эвакуации привести к крупным беспорядкам? Ведь при данных обстоятельствах, очевидно, нельзя будет избежать и принудительного распределения.

— Ничего другого не остается, как только вбить в головы наших соотечественников, что это не туристическая поездка, а эвакуация ради спасения жизни, — нахмурился председатель. — Но давайте к делу! Прошу продолжить доклад.

— Воздушный транспорт в самых идеальных условиях за десять месяцев сможет перевезти десять миллионов человек на расстояние в пять тысяч километров, или двадцать миллионов человек на расстояние в две с половиной тысячи километров. Но повторяю, я говорю об идеальном варианте. Ведь не известно, до каких пор наши аэропорты будут в состоянии работать.

— Положение в аэропорту Осаки вам известно, но и у аэропорта Нарита тоже есть свое слабое место, — заметил начальник Управления гражданской авиации. — Это горючее. Нефтепровод из порта Касима сильно пострадал от землетрясения

и восстановлен пока только на три четверти. А если сильные землетрясения будут продолжаться, горючее придется доставлять по воздуху. Надо полагать, что и внутренние водные пути выйдут из строя. Самое слабое место удаленных от морских портов аэродромов в том, что танкеры не могут непосредственно доставлять туда горючее.

— Не лучше положение и с морскими портами, — сказал начальник Управления морского транспорта. — Уже сейчас тридцать процентов причального оборудования портов тихоокеанского побережья вышло из строя, а на побережье Японского моря парализована десятая часть портов. Если опускание тихоокеанского побережья и поднятие побережья Японского моря будут продолжаться такими же темпами, то в течение четырех месяцев причальное оборудование всех портов страны станет непригодным к использованию. Тогда следует рассчитывать только на погрузку в открытом море. А сколько народу можно перевезти к кораблям на лодках?..

— Требуются десантные суда, — произнес председатель. — Ничего другого не остается, как обратиться к морским силам самообороны и к командованию ВМС США. Среди десантных есть и крупные суда, водоизмещением в две с полови-

ной тысячи тонн… На них и танки грузят.

— Да, во время войны во Вьетнаме на них из Иокогамы в Сайгон возили военно-стратегические материалы…

— Точно! На таком судне после войны я репатриировался в Японию с южных островов. Качает, никаких удобств. Сколько больных и раненых погибло от тропической жары, дистрофии…

— Если не ошибаюсь, тогда из-за рубежа вместе с военнослужащими было репатриировано одиннадцать миллионов человек, — заметил дипломат.

— Но за какой срок! Почти за десять лет! — горько усмехнулся председатель. — Ведь это же безумие — за десять месяцев сто десять миллионов…

Японский архипелаг била мелкая дрожь. С островов Кюсю на юге и до острова Хоккайдо на севере беспрестанно происходили землетрясения силой от двух до четырех баллов. На обоих концах Японии одновременно активизировались вулканы Асо и Токати. Уже более месяца не пользовались железнодорожным тоннелем через пролив Цугару — в тюбинги сильно просачивалась вода. Землетрясение» в семь баллов,

которое произошло на севере Кюсю и на Западе Хонсю, вызвало сдвиг почвы на участке длиной в семь километров с горизонтальным смещением на два метра и вертикальным — на семьдесят сантиметров. В результате разрушились автомобильный и железнодорожный тоннели между Симопосэки и Модзи. Чудом уцелел только мост, опоры которого сдвинулись на полтора метра.

На Кюсю вскоре началось извержение Кирисима и Сакурадзима. Тихоокеанское побережье острова, опустившись на три метра, на какое-то время замерло, но вскоре вновь стало опускаться с еще большей скоростью.

В Центральной Японии произошло извержение Якэдакэ и Татэямы.

Люди словно окаменели. Никак не проявляя внешне своего волнения, они ждали указаний правительства. В крае Кансай почти полностью отрезанном от Токио, не получали даже столичных газет. Связь между этими районами осуществлялась теперь только по радио и телевидению, правда, еще действовали три факсимильных газетных кабеля. Был опубликован общий план эвакуации, но никаких конкретных указаний пока не поступило.

Начало эвакуации граждан намечалось на

второе апреля. Согласно сообщению, в каждом районе префектуральные управления, городские и деревенские мэрии должны объявить время и место сбора и отправки. Но время шло, а объявлений все не было. Сразу после правительственного сообщения прекратили продажу билетов на международные авиарейсы. Постепенно началась эвакуация больных и необходимого медицинского персонала, однако их вывозили только в случаях готовности эвакопунктов. Люди, живущие вблизи аэропортов, все пристальней вглядывались в торопливо садившиеся и взлетавшие самолеты.

…Если транспортировка граждан временно прекращена, то почему ежедневно вылетает столько переполненных пассажирами самолетов?.. Кто эти пассажиры? Может, родственники важных правительственных чиновников, богачи со связями?.. Выходит, им можно?.. А как же мы?.. Что же, нас будут туг мариновать до последнего?.. Или того хуже — бросят на произвол судьбы?..

Вслух об этом пока не говорили, но в глазах людей, смотревших вслед улетающим самолетам, светились тревога и недоверие.

И все же люди еще не потеряли веры в общество и в правительство. Правительство как-нибудь

справится… Эта надежда покоилась на глубоком сознании своего национального единства — ведь все они, и политические деятели, и чиновники, японцы.

Уж слишком долго в народе воспитывалось представление о «целостности нации»… Чувство национальной сплоченности, чувство единства с «руководителями» заставило народ, несмотря на резкую критику правительства и военной клики, ощутить и собственную вину, когда после войны, прекращенной одним мановением императорской руки, предали казни тринадцать военных преступников. Это неискоренимое, похожее на детскую веру в родителя чувство — «он в крайнем случае всегда поможет», — все еще продолжая жить в народе, определяло «послушание и покорность судьбе» в условиях опасности.

Но наряду с традиционным непротивлением воле «заботливых отцов-правителей» в людях жила и другая система поведения. Она сложилась под влиянием резких противоречий в современном обществе. Суть этой системы сводилась к тому, что если у тебя взяли, если ты потерпел или был оскорблен, то надо поорать, потопать ногами, а то и кулаки в ход пустить… Впрочем, в подобных случаях люди почти никогда не

действовали до конца всерьез. И это опять-таки определялось их подсознательным «сыновним» отношением к «отцам государства» и обществу. После бурной эмоциональной разрядки наступало некое умиротворение — мол, чего уже теперь, стоит ли безобразничать в собственном доме… Но сейчас ситуация была особой. В народе постепенно накапливались тревога и недоверие к правительству, и если пока они не находили выражения, то страх, который рос словно снежный ком, ежеминутно мог привести ко взрыву.

Тревожная атмосфера сгущалась не по дням, а по часам. Люди двигались автоматически, устремив взор в пространство. Если взгляды их встречались, то ужас, который они читали в глазах друг друга, лишь приумножал страх — каждый чувствовал себя загнанным зверем.

А земля все продолжала дрожать. И с неба беспрестанно сыпался белесый пепел…

Коммуникации постепенно выходили из строя. В городах, отрезанных от сельскохозяйственных районов, уже ощущался недостаток продовольствия. В Токио после землетрясения не прекращалось действие закона о контроле над ценами и нормированием продуктов питания,

а теперь, в условиях чрезвычайного положения, все средства связи, транспорт, нормирование продовольствия и предметов первой необходимости и цены на них окончательно перешли под полный контроль правительства. Однако, как только закон о контроле был объявлен, с прилавков разом исчезли все товары. Правда, дней через десять, благодаря активному вмешательству правительства, положение удалось исправить. Но выход из строя транспортной сети по всей стране нарушил товарооборот, превратив нехватку продовольствия в столице в серьезнейшую проблему.

— Карточная система? — раздраженно переспросил без времени постаревший мужчина и посмотрел на жену так, словно она была в этом повинна. — И когда же?

— Со следующей недели. А на этой неделе вообще не будут торговать.

Усталая, средних лет жеина вытащила из корзинки немного овощей и несколько пакетиков лапши быстрого приготовления.

— Но ведь до следующей недели еще три дня! — сказал муж, посмотрев на календарь. — Есть у нас дома хоть что-нибудь? Хоть какие-то запасы?

— Только четыре килограмма риса. С вокресеньем еще четыре дня… Ни мяса, ни овощей почти нет. Да, есть еще немного консервов…

— Почему же ты своевременно не запаслась? — муж был явно недоволен. — Ведь знала же, что так будет!

— Но в магазинах уже две недели почти ничего нет. Только очереди. Я ведь каждый день стою-стою, чтобы хоть что-нибудь купить… Стою и детство вспоминаю. Когда кончилась война, я училась в начальной школе. Кругом пожарища и очереди, очереди без конца… Голодно было… Вспоминается как дурной сои. Разве могло прийти в голову, что это повторится…

Она взяла пакет лапши.

— И это-то еле достала. Никто не хочет продавать. Хозяин магазина сказал, что оставил только для себя. Я уж потеряла надежду, хотела уйти. Но подумала о ребятах — ведь трое. Ну, стою, задумалась. Хозяин и шепчет мне на ухо: «Окусан, мне нет смысла брать деньги, но, если у вас есть кольцо с драгоценным камнем, могу поменять…»

— И что же… — с возмущением выдохнул муж. — Поменяла?! Какое кольцо?..

— Ну, помнишь, когда ты получил премию, то подарил мне в день рождения…

— Кошачий глаз? — хрипло спросил муж. — А-а… ну, это не очень дорогая вещь! Но… все же пятьдесят или шестьдесят тысяч иен стоила. И ты поменяла это кольцо на семь пакетов лапши?!

— Прости, пожалуйста! — тихо сказала жена, испуганно глядя на изменившегося в лице мужа. — Ну… я совсем не в себе была… и решилась…

— Мама, ужин скоро? — на лестнице раздался топот, и со второго этажа сбежал самый младший, ученик пятого класса начальной школы.

За ним спустились старший сын, ученик первого класса колледжа, и дочь-второклассница.

— Есть хочу… А что сегодня на ужин?

Родители переглянулись. Муж, вдруг вскочив на ноги, стал развязывать оби.

— Послушай… — испуганно сказала жена.

— Я отлучусь на некоторое время, — ответил он, переодеваясь. — К ужину не ждите. Отдашь детям.

— Но ведь поздно уже…

Шагая по ночным улицам в сторону станции, он злился на себя за наивный порыв любым путем добыть продукты. Когда кончилась война, он учился в четвертом классе гимназии. Ему казалось, что в памяти давно стерлись те дни, когда

он беспрестанно думал только о еде. И вдруг сейчас он с неожиданной яркостью увидел, как они с отцом едва тащатся с тяжеленными рюкзаками за спиной… Потом переполненный поезд, они висят, вцепившись в поручни… И снова дорога… По горным тропам, далеко в глубь страны. Униженно просят у крестьян продать им хоть что-нибудь съестное. Наконец получают немного полугнилого горного батата и, набив рюкзаки, едут домой… Какая это радость для маленьких, бледных и худеньких братьев и сестер: бататы такие вкусные!.. Грустно улыбаясь, мать смотрит на них, говорит, что сыта, ест только шкурки и хвосты… Каждый раз, отправляясь за продуктами, он вспоминал ее лицо с явными признаками дистрофии и эту улыбку… И тащил, стиснув зубы, рюкзак, лямки которого впивались в плечи… «Есть хочу», — явственно прозвучал в его ушах голос младшего сына и слился с голосами сестер и братьев, донесшимися из глубины тех далеких военных лет…

— Перестаньте! — крикнул он, останавливаясь во мраке и затыкая уши.

От собственного крика он пришел в себя, огляделся. На улице с редкими точками фонарей не было ни души. Нет, он не хочет больше слышать

эти голоса. Никогда! Война давно кончилась, но путь из прошлого в сегодняшний день был долгим и мучительным. Сколько лет длился этот путь? Десять, двадцать? Наконец наступило такое время, когда он перестал видеть жуткие сны, не просыпался больше в холодном поту… Начал забывать… Неужели все это повторится?! Каждый раз, вспоминая те времена, он с удовольствием думал о детях — уж они-то не испытывают ничего подобного. И что же…

Неужели опять?.. Он стоял, застыв во мраке, подняв глаза к ночному небу, покрытому редкими облаками… Жизнь, которую он создал вот этими руками, до изнеможения трудясь в фирме, принеся в жертву все свои «желания»… Труд, упорный труд… Порой немного дешевого сакэ, чтобы как-то расслабиться… Свою жизнь с молодой женой он начал в крохотной, снятой в чужом доме комнатке, наконец дождались собственного жилья — построили двухкомнатную кооперативную квартиру… Появились дети… росли, пошли в школу… Пришлось арендовать дом. Потом наконец-то скопили деньги на задаток, купили участок земли, заплатив такую сумму, что, казалось, не содрали с себя только кожу. Построили свой дом, потом бесконечно выплачивали ссуду

— полгода не прошло, как расплатились. Тридцать лет упорного труда, терпения. При одном воспоминании об этом тело покрывается липким потом. Да, он отказался от всех желаний, от всех надежд юности, вернее, сама юность принесена в жертву семье… Порой по ночам его охватывала безысходная тоска, он вскакивал и залпом выпивал стакан холодного сакэ, чтобы расслабиться. Упрекая детей в небережливом, легкомысленном отношении к деньгам и вещам, он частенько упоминал войну и тут же получал в ответ чуть ли не презрительное: «Ну и что? А мы-то здесь при чем?» И тогда он выходил из себя. Подавляя желание ударить, изображал подобие улыбки и от этого чувствовал себя еще более жалким. И опять пил, чтобы расслабиться… Но это… это все равно прекрасно… Лишь бы не те былые муки!.. Люди, словно волки, могли убить друг друга из-за гнилого батата… Дети даже представить себе такого не могут. Значит, его поколение страдало не зря… Ни за что на свете не дать детям пережить то, что пережили мы — было навязчивой мыслью его ровесников. С этой мыслью он пил горькое сакэ в дешевой забегаловке, веселился, говорил плоские шутки хозяйке заведения… Порой он даже распевал военные песни со случайным

соседом по столику, человеком одного с ним возраста, и молодые парни смотрели на них с презрением. Ну и пусть, все равно было хорошо… Как бы то ни было, мы старались… Жизнь в Японии наладилась. Люди стали богаче, получили возможность чисто одевать детей и кормить их досыта. В последнее время о еде вообще не думали… Однажды, когда они только переселились в новый — собственный! — дом, он, подвыпив на радостях, крикнул «бандзай». Жена на него тогда рассердилась, а дети посмотрели с осуждением… И вот сейчас…

Неужто сейчас эта мало-мальски обеспеченная жизнь превратится в краткий сон?

Япония утонет… Это совершенно невероятно, но говорят, что будет именно так. Сто миллионов человек… Эти люди с превеликим трудом выбрались из пучины всех военных и послевоенных бедствий, полжизни потратили, чтобы терпением и трудом создать благополучие своим семьям и всей стране… И теперь, через несколько месяцев, все это исчезнет, канет в бездну в самом прямом смысле слова… Что их ждет? Переполненные самолеты и суда, если только на них удастся попасть, прозябание в чужой стране, которую никогда не видел, на земле, взятой «вна-

ём», в бараках для беженцев, в лагерях… Жизнь приживалок с постоянным сознанием своей ущербности.

А какая жизнь ждет его самого? Сумеет ли он в неведомой стране все начать сначала. Ведь у него семья — жена, уже не очень молодая, и дети, еще не очень большие. Сумеет ли он найти работу? Сумеет ли приносить домой столько, чтобы все были сыты?

Ему уже за пятьдесят… И он очень устал… Опустив голову, он тихо брел в сторону дома… Но, нет, он еще повоюет! Он отец своих детей! Он муж своей жены! Он — мужчина! Зрелый человек! Ради них он еще раз принесет себя в жертву. Ну, что ж, не будет тихой жизни «человека на покое», на которую он рассчитывал по выходе со службы. Увольнительного пособия тоже не будет. Но какая ему разница? Разве до сих пор он получал удовольствие от жизни? Так что ему все равно. Да, в неудачное время родилось наше поколение, подумал он.

Земля загудела, опять началось землетрясение. Разом погасли едва светившиеся уличные фонари, послышался звон бьющихся стекол. С тяжелым стуком посыпалась черепица. Не обращая внимания на раскачивающуюся землю, он про-

должал идти. Что толку убиваться и сетовать на судьбу! В старину сколько было людей, которые терпели еще большие страдания и так и умирали, ничего хорошего не изведав. Да и во всем мире сколько угодно обездоленных… Он все же пожил и в достатке — потому что родился именно в это время и не где-нибудь, а в Японии. Даже в гольф успел поиграть. Побывал за границей, правда, всего один раз… Однажды держал в объятиях гейшу, пусть не очень дорогую… Пятьдесят лет — и все сначала. Ничего не поделаешь — сначала, так сначала…

Он шел в раскачивающейся ночи. Сначала… сначала… Из его груди вырвался стон.

Вокруг не было ни души. Значит, никто не увидит, как он, уже не молодой человек, ладонью вытирает упорно катящиеся по щекам слезы и почему-то все время старается изобразить жалкое подобие улыбки.

10

— Получен ответ из Китая, — сообщил Куниэда. — Согласны принять два миллиона человек, это — пока, до августа… В дальнейшем примут до

семи миллионов, но наши, видно, просят это число еще немного увеличить. Ведутся переговоры.

— Куда уж больше! — покачал головой Наката. — Какая бы ни была территория, но при их доходе на душу населения не разгуляешься. Только представь себе продовольственную проблему!

— Да. Китай высказался за принятие крестьян и высококвалифицированных технических специалистов…

— И куда же? В провинцию Гуандун?

— Нет, пока в провинцию Цзянсу. На острове Чун-миндао у устья реки Янцзы ведутся работы по подготовке эвакопунктов.

— Остров Чунминдао? — Наката задумчиво смотрел в пустоту.

— Да. А в чем дело?

— По-моему, это напротив Усуна.

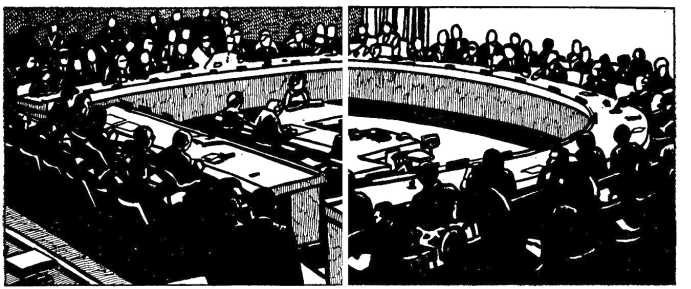
— Да. Но что из этого?

— Нет, нет, ничего, — сказал Наката. — А как Советский Союз?

— Как и предполагали, принимают в Приморский край. Выяснилось, что южная часть Сахалина и Курильские острова тоже пострадают, там полным ходом идет эвакуация. Так что мы не можем надеяться получить оттуда большое количество судов.

Образованный при ООН Комитет по спасению Японии наконец-то начал свою деятельность. Правда, под эгидой секретариата генерального комиссара ООН по оказанию помощи беженцам кое-что уже было сделано. Доктор Вин, генеральный секретарь ООН, отверг предложение представителей великих держав создать специальную флотилию из военно-морских судов различных стран для эвакуации населения Японии. Вместо этого был организован специальный комитет при Генеральной Ассамблее, в который вместе с великими державами вошли семнадцать стран, представляющих различные районы земного шара. Председателем был избран представитель Танзании, господин Нбаён, член экономической комиссии ООН по Африке и бывший член экономического и социального совета ООН, посты его заместителей заняли представители Советского Союза и США, на пост секретаря был избран представитель Мальты. Членами комитета наряду с представителями европейских стран состояли и представители азиатских государств — Индонезии, Иордании, Бангладеша. Об этом позаботился доктор Бпн — он считал, что развивающиеся страны, в памяти которых еще

свежи воспоминания о собственных страданиях, сумеют оказать Японии моральную поддержку, что будет не менее ценно, чем материальная помощь крупных государств.



Основной задачей комитета являлось ведение переговоров с правительствами различных стран о принятии японских беженцев, то есть тех переговоров, которые до сих пор Япония вела самостоятельно. В качестве консультанта был привлечен вице-адмирал ВМС США Браун-

бергер, специалист по морским и воздушным перевозкам. В состав комитета, правда без права голоса, вошла и Япония, которую представляли специальный советник МИД Японии господин Хатирота Нодзаки и доктор математических наук господин Сакихира Коконоги, бывший атташе ООН по вопросам науки, занимавшийся на этом посту проблемами атомной энергии и сырьевых ресурсов.

Комитету сразу пришлось столкнуться с весьма сложным и деликатным вопросом распределения беженцев по странам. На первом, закрытом, заседании представитель Канады, господин Понсон, предложил в качестве рабочей гипотезы использовать принцип «пропорционального расселения». Иными словами, он предлагал расселить японских беженцев пропорционально численности населения каждой страны. Стодесятимиллионное население Японии составляет две и восемь десятых всего населения мира, равного четырем миллиардам. Следовательно, каждая страна должна принять такое количество беженцев, которое составит два и восемь десятых процента населения данной страны. При этом в зависимости от конкретного положения в стране допустимо отклонение в ту или другую сторону

на один процент.

Предложение было очень характерным для господина Понсона, занимавшегося в Канаде, а затем и в ООН статистическим учетом продовольствия, однако оно получило решительный отпор со стороны малых и развивающихся стран. Как основу при обсуждении проблемы это предложение поддержали страны Западной Европы, Советский Союз, США и Австралия.

Среди представителей малых стран преобладало мнение, что распределение нужно производить не механически, а с учетом конкретных условий: климата, образа жизни, внутреннего положения и экономической мощи страны, согласуясь с непосредственными рекомендациями ООН.

Одной из причин, вызвавших возражения развивающихся стран, явилось и то, что предложение внесено Канадой. Канада ежегодно принимала сто с лишним тысяч иммигрантов. При весьма малой плотности населения она располагала самой большой на Американском континенте территорией, занимавшей почти десять миллионов квадратных километров. Правда, три четверти ее территории считались почти непригодными для жизни из-за холодно-

го сурового климата. При пропорциональном распределении Канада должна была бы принять семьсот тысяч беженцев, но в кулуарах преобладало мнение, что при площади обитаемой территории и величине национального дохода на душу населения этого слишком мало. При непосредственных переговорах с японским правительством Канада уже изъявила готовность принять полтора миллиона беженцев. Таким образом, на основании своего предложения Канада более чем вдвое превышала полагающуюся ей норму, подчеркивая тем самым свое «моральное» превосходство перед другими странами.

— Это, конечно, был бы идеальный вариант, — сказал председатель Нбаён. — Но тогда мы просто не уложимся в срок. Вице-адмирал Браунбергер позже поделится с нами своими предложениями на этот счет. А пока я хотел бы ознакомить вас с некоторыми цифрами. В результате двусторонних переговоров Япония получила согласие восемнадцати стран принять двадцать миллионов японских беженцев. На сегодняшний день в различных странах мира проживает более миллиона японцев, сюда входят как лица, выехавшие ранее, так и те, кто уже успел эвакуироваться. На территории, которыми Япония управляет по ман-

дату ООН, планируется переселить пять-шесть миллионов человек. Если добавить к этому, те полтора миллиона, переселение которых намечено на земли, полученные Японией в собственность или арендованные легальным путем за рубежом, то оказывается пока найдено место только для тридцати миллионов человек. Куда и как будут распределены остальные три четверти стодесятимиллионного населения Японии, пока еще не решено. Разумеется, после срочной эвакуации их можно будет переселить на постоянное место жительства в другие части света. Проблема в данном случае — именно в получении для них разрешения на постоянное жительство. Для тех тридцати миллионов, о которых я говорил, пока что найдено только место эвакуации. И не более того. Ни одно государство еще не дало Японии ответа по поводу разрешения на постоянное жительство. Наш комитет в срочном порядке — точнее, в течение шести-десяти месяцев — должен провести переговоры со всеми странами мира, чтобы обеспечить эвакуацию остальных восьмидесяти миллионов человек. А потом мы уже займемся устройством на постоянное жительство всех ста десяти миллионов японцев.

— Однако вы представляете себе, перед какой

проблемой встанет страна, временно принявшая беженцев, если эвакуация затянется? — сдвинув брови, сказал представитель Иордании, господин Тсукан. — Неприязнь коренного населения, нищета в лагерях для беженцев, возможность эпидемии, волнения, преступления, столкновения с административными властями…

— Вы совершенно правы. Мне неудобно говорить вам об этом, но я очень надеюсь на трудный и драгоценный опыт вашей страны, господин Тсукан, — председатель Нбаён положил подбородок на скрещенные черные руки. — Опыт Иордании с палестинскими беженцами…

— Откровенно говоря, не знаю, что может быть тут полезного… — Тсукан, сняв очки, помял пальцами переносицу. — Беженцев в таком количестве история не знает. Опыт моей страны здесь службы не сослужит. Палестинских беженцев было всего семьсот тысяч, правда, это составило тридцать пять процентов населения нашей страны… Сколько было трудностей!.. Сейчас население Иордании приближается к двум с половиной миллионам… А мы с вами должны решить проблему размещения людей, число которых превышает эту достаточно значительную цифру почти в пятьдесят раз…

Представитель Бангладеша хотел было взять слово, но его опередил вице-адмирал Браунбергер.

— Я хочу предварительно кое о чём сказать, — начал он. — После окончания второй мировой войны, будучи лейтенантом, я был прикомандирован к службе репатриации японцев из Кцтая. Должен отметить, что японцы в подобных ситуациях держатся весьма спокойно и вполне управляемы.

— Да, японцы, если только они не вооружены, в аддссе не доставляют хлопот, — согласился представитель СССР Деникин. — Со всякими недоразумениями между собой они, как правило, сами и справляются…

— И слышал, случались беспорядки среди японских военнопленных, но виновна в этом, кажется, была администрация лагерей, — продолжал вице-адмирал Браунбергер. — Как вам известно, оккупация японской территории союзными войсками происходила при прямо-таки неправдоподобном спокойствии!

— Однако по опыту последней мировой войны всему свету известно, что японцы не всегда мирно настроены, — вмешался господин Арджё, представитель Индонезии. — Очень сплочен-

ный, очень энергичный народ… Решено, что станет после эвакуации с японскими силами самообороны? Они будут разоружены? Надеюсь, вооруженные отряды самообороны не будут сопровождать переселенцев на место эвакуации?

— После определенного этапа эвакуации они перейдут в ведение штаба спасательных сил ООН. Пока превалирует мнение, что в настоящее время Совет безопасности может использовать японские отряды самообороны для поддержания порядка, но с обязательным условием: на пост командующего должен быть назначен военный, рекомендованный ООН, — сообщил генеральный комиссар ООН Спополус.

— Как бы то ни было, сейчас не время бояться Японии, а время ее спасать! — страстно и убежденно произнес председатель Нбаён. — Я считаю достойным внимания предложение господина Понсона, оно может стать отправной точкой в нашей работе. Чисто арифметической стороны этого предложения я сейчас не касаюсь. Господа, речь идет не о бедствии, вызванном столкновением противоречивых интересов. Это не то явление, когда можно сказать: «Что посеял, то и пожнешь». Это гигантское стихийное бедствие, которое должно так или иначе затронуть все

человечество. Речь идет об огромной территории в триста семьдесят тысяч квадратных километров, о территории, на которой японцы — один из самых способных и трудолюбивых народов мира — на протяжения многовековой истории своим трудом и потом создали и накопили несметные богатства, исчисляемые триллионами долларов. И эта территория с ее богатствами будет полностью разрушена и исчезнет. Организация Объединенных Наций уже не раз оказывалась перед лицом страшных стихийных бедствий, когда требовалась международная помощь пострадавшим. Землетрясение в Греции, тайфун в Бенгалии, нашествие саранчи в Сирии, а в последнее время крупные землетрясения в Перу и Никарагуа… Но теперь речь идет о невиданном, небывалом в историческом опыте человечества бедствии невероятных масштабов, если не считать, конечно, легендарной Атлантиды. И счастье человечества в том, что это бедствие произойдет, как определили специалисты, на ограниченном участке Дальнего Востока. В то же время это неслыханное бедствие явится испытанием для всего человечества. Действенную помощь пострадавшим можно будет оказать лишь в том случае, если все народы мира объединят свои усилия.

Естественно мы будем учитывать различия в условиях, в национальном доходе, сложность внутренних проблем каждого государства. Но, повторяю, народы мира должны объединиться, как объединились они для решения вопросов ядерного вооружения, завоевания космоса и мирного использования мирового океана. Прежде всего нам следует выработать единую позицию. А тогда уже каждый народ в зависимости от своей территории и положения своей страны окажет всемерную помощь, вернее, каждый народ и все вместе. Я думаю, именно с таких позиций нам следует заниматься вопросом распределения беженцев…

Эта была горячая речь, соответствовавшая характеру и жизненному пути этого человека, который смолоду работал в органе Африканского единства в Аддис-Абебе, представляя Мозамбик. Председателя слушали с глубоким вниманием. Он продолжал:

— Прежде чем приступить к работе, мне бы хотелось достигнуть единства наших взглядов на проблему как на всемирно-историческую, общечеловеческую, являющуюся нравственным испытанием для всех народов, а не личной бедой одного из народов Дальнего Востока…

Речь председателя прервал негромкий зуммер. Из пневмотрубы выскочил лист бумаги и лег на стол рядом с генеральным комиссаром. Пробежав его глазами, господин Спопулос передал листок председателю. Последний удовлетворенно улыбнулся и сказал:

— Извините, вынужден отвлечься. Поступило прямое предложение в наш адрес, первое с момента создания комитета. Правительство Монгольской Народной Республики готово принять пятьсот тысяч японских беженцев, а смотря по обстоятельствам, и еще больше…

Раздались аплодисменты, правда не очень бурные.

— Но там у них в Монголии больше полутора миллионов квадратных километров, а население всего около миллиона трехсот тысяч… Сейчас они усиленно развивают промышленность, видно, им нужны японские инженеры.

— Так, еще от представителя Южной Кореи… В адрес Генеральной ассамблеи и нашего комитета… Просят рассмотреть вопрос о возможном влиянии бедствия на южную оконечность Корейского полуострова, — просматривая второй листок, сказал председатель. — Разумеется, обсуждение возможного влияния бедствия на

другие районы стоит у нас на повестке дня. Затем…

Пробежав глазами третий листок, председатель недоуменно нахмурил брови. Потом сложил листок и сунул его в нагрудный карман.

— Извините, — сказал он. — Это частная записка от представителя Замбии, адресованная лично мне…

11

Если на авансцене мира энергично и вдохновенно трудился специальный комитет ООН, то за кулисами действовали иные силы. Разумеется, средства массовой информации о них ничего не сообщали…

Звонки прямых телефонов у глав государств в Москве, Вашингтоне, Пекине, Париже, Лондоне… Неприметные внешне дипломаты и закамуфлированные военные носились на самолетах с континента на континент. «Дымовые завесы», намеки, «пробные шары», а порой и заявления на пресс-конференциях — вся известная техника дипломатии была срочно брошена на выяснение намерений друг друга.

Какое влияние окажет исчезновение Японии на положение на Дальнем Востоке и во всем мире? Не нарушится ли существующее равновесие сил? Ведь речь идет об исчезновении страны, которая оказывала немалое влияние на ход современной истории.

США, Советский Союз и Китай, каждая страна в отдельности, приступили к изучению возможного ущерба от землетрясений и цунами в восточной части Азиатского континента, особенно на Корейском полуострове, в Приморье, на побережье Желтого и Восточно-Китайского морей и на Тайване. Естественно, усилилась возня вокруг лиц, наиболее осведомленных о предстоящих изменениях. В главном штабе Д-плана стали исчезать какие-то документы или кого-нибудь из сотрудников вызывали в «холл отеля НН» на конфиденциальную беседу, чтобы выудить нужную информацию. По коридорам Управления обороны сновали иностранные корреспонденты, а то и дипломаты — надпись «Посторонним вход запрещен» их, разумеется, не останавливала. Дошло до того, что вместе о документами исчез один из сотрудников главного штаба, следом за ним «испарился» молодой географ.

Когда из органов охраны порядка было полу-

чено сообщение, что оба «похищенных» уже находятся за пределами Японии, Юкинага не выдержал.

— Для нас решается вопрос быть или не быть, а эти… Кем они нас, японцев, считают?! — истерически кричал этот обычно тихий и сдержанный ученый. — Ведь они оба необходимы нам сейчас здесь! Люди один за другим выходят из строя из-за переутомления!

— Ну, ладно, ладно, не горячись…. — остановил Юкинагу Наката. — Не жги попусту нервы. Они на все пойдут чтобы хоть что-то выведать. Но, представляешь, какие у них будут кислые лица, когда они узнают, что мы не располагаем никакой особенной информацией, кроме той, что содержится в докладе, представленном Международному географическому обществу? У нас же просто не было времени изучить влияние катаклизма на близлежащие территории.

— Но проект-то был, — сказал Куниэда. — По-моему, еще на первом этапе работ…

— Да, но руки не дошли… — Наката потер обросшие щетиной щеки. — Пусть сами займутся исследованиями и составят прогноз.

Но Куниэда знал, что в ходе создания модели погружения Японии удалось выяснить, что вли-

яние катаклизма на близлежащие районы будет неожиданно малым. Однако для более детального изучения этого действительно не хватало времени. Отправив семью в Ванкувер к родственникам, Куниэда по-прежнему работал без сна и отдыха, теперь уже в секретариате комитета по осуществлению эвакуации. Штаб Д-плана перешел в ведение комитета, но все практически остались на своих местах: начальник штаба стал вице-председателем комитета, а Куниэда был теперь при нем в качестве связного. События развивались быстро, извержения и землетрясения не прекращались, опускание и горизонтальное перемещение Тихоокеанского побережья становилось все более заметным, паралич постепенно охватывал все отрасли хозяйственной жизни страны. Люди получали ежедневный паек и ждали… Ждали, когда подойдет их очередь и они получат уведомление о времени и месте сбора…

А в международных сферах дела шли своим чередом. Президент США на одной из пресс-конференций в Белом доме заявил, что для участия в эвакуации населения Японии, кроме зафрахтованных ранее японским правительством судов, в японские воды направлен Седьмой американский флот, следом за ним туда направится и часть

Первого флота. В спасательные работы, помимо Дальневосточных ВВС, включаются транспортные самолеты Седьмого и Тринадцатого флотов. На сегодняшний день еще не определено окончательно количество беженцев, которое примут США, но пока правительство решило принять на Тихоокеанское побережье два миллиона человек. Вопрос о принятии беженцев во внутренние районы страны в ближайшее время будет согласовываться в конгрессе.

Кто-то из журналистов заметил, что количество транспортных средств не соответствует количеству беженцев, которое собираются принять США. Президент ответил на это, что американские транспортные средства пока используются для перевозки населения в те страны, которые уже начали принимать эвакуированных. Силами ВМФ уже перевезено пятьсот тысяч человек.

Присутствовавший среди корреспондентов военный обозреватель спросил, чем объясняется передвижение американских военных судов в воды Тихого океана. Так, в западной части Тихого океана замечено довольно большое число крупных атомных подводных лодок. Атомный авианосец «Эйзенхауэр», входящий в состав Второго флота, покинул Атлантику и появился

в акватории Азии, его заметили в военном порту Таиланда. Имеют ли вышеупомянутые суда касательство к помощи Японии? Президент ответил, что подводные лодки предназначаются для изучения возможных изменений морского дна в обширном районе, а «Эйзенхауэр» придается Тихоокеанскому ВМФ для помощи в спасательных работах.

Но было вполне очевидно, что все эти меры принимаются для создания противовеса Северному и Дальневосточному флотам Советского Союза, активизацию которых с началом японского катаклизма предполагали в северном и западном секторах Тихого океана. Действительно, были замечены четыре советские атомные подводные лодки, которые прошли через Берингов пролив из Северного Ледовитого океана. Увеличилось число советских военных кораблей в районе Цусимы. А когда японское Управление обороны сообщило командованию Тихоокеанского флота США о прохождении через Корейский пролив советского авианосца, дислоцировавшегося в Средиземном море, и двух ракетоносцев, приписанных к Балтийскому флоту, американцы занервничали. Стало известно, что оба ракетоносца вышли из Балтийского моря в Северное,

прошли через Атлантику на юг, пополнили где-то в открытом море запас горючего, обогнули мыс Доброй Надежды, встретились в Индийском океане с авианосцем и достигли Дальнего Востока.

Балтийский флот прошел через Корейский пролив!

В былое время это произвело бы впечатление разорвавшейся бомбы, но сейчас Японии было не до того. Сторожевые суда Морских сил безопасности были заняты спасением населения острова Сакура, пострадавшего от извержения Упдзэн, и полуострова Осуми, где, помимо сильных землетрясений, быстрыми темпами гало опускание побережья.

Американский самолет, производивший воздушные съемки извержения пика Они-гатакэ на острове Фукусима, заметил недалеко от границы территориальных японских вод корабли, которые на большой скорости шли к северу. Самолет заснял их и передал снимки по радиотелеграфу в штаб. Один из этих трех кораблей, направлявшихся скорее всего в порт Наджин на севере Кореи или во Владивосток, вызвал всеобщее недоумение. Он прошел через пролив Цугару со скоростью тридцать пять узлов. Его видели с обоих берегов — с Сираками и с Таппи. Через час

корабль исчез в тумане Тихого океана.

Управление обороны немедленно доложило о случившемся правительству и просило заявить категорический протест в целях безопасности морского передвижения. Министерство иностранных дел зашевелилось, но так ничего и не предприняло. Однако Китай не преминул заявить протест по поводу «провокационных действий» советской подводной лодки в районе Циндао.

Тем временем во исполнение великого морального долга корабли военно-морских сил Советского Союза, его транспортные, пассажирские и грузовые суда начали вывозить японских беженцев и их имущество через порты Тумои, Акита, Ниигата, Иаоэцу, Тояма, Цуруга, Майдзуру и Са-каиминато в Находку.

Всеобщее внимание к северо-западному сектору Тихого океана весьма возросло. Особенно пристально следили за происходящим страны, имеющие свои интересы в этом районе. США в связи с этим явно нервничали и пристально наблюдали за Корейским полуостровом. Южная Корея объявила военное положение через двадцать четыре часа после объявления чрезвычайного положения в Японии. Обстановка в стране сделалась крайне напряженной. А через

неделю была объявлена мобилизация части резервистов. На юге страны порой происходили слабые землетрясения, среди населения юго-восточного побережья ожидали паники. Жители северной части острова Кюсю самовольно начали переправляться на Корейский полуостров и в Китай. Испуганные, измученные люди невольно становились источником страшных слухов, в результате чего местные жители, бросив свои жилища, отправлялись в глубинные районы.

Правительство Южной Кореи заявило японскому правительству протест и довело до сведения, что все высадившиеся на ее территории японцы будут интернированы как нарушители границы, а все контрабандные суда будут подвергнуты предупредительному обстрелу береговой охраной. В дальнейшем будут предприняты более решительные меры: нарушителей границы предадут военно-полевому суду, а все суда, без разрешения приближающиеся к берегам Южной Кореи, будут немедленно потоплены. Однако никакие призывы японских сторожевых судов не могли остановить людей, пытавшихся переправиться через пролив на рыбацких лодках и шхунах, что привело к ряду неприятных инцидентов. Южнокорейское правительство уведомило япон-

ское правительство, что множество японских семей задержано но обвинению во «внесении смуты среди населения». Военно-полевые суды еще не начали действовать, но было очевидно намерение южнокорейского правительства использовать инцидент в своих интересах.

С точки зрения правительства, Южной Корее грозила большая опасность и с фронта, и с тыла: когда положение в Японии станет критическим, беженцы могут вторгнуться в страну и через линию перемирия, и со стороны моря, а на юго-восточном побережье начнется паника среди населения… Япония не оказывала Южной Корее прямой военной помощи, но всегда в той или иной мере прикрывала ее «тыл». Когда Япония исчезнет, такого прикрытия, на взгляд южнокорейского правительства, уже не будет, и баланс сил на Корейском полуострове сильно нарушится. Тогда полагаться можно будет только на военно-морские силы США.

Разумеется, Соединенные Штаты, желая в этих условиях продемонстрировать свою мощь, бросили якобы для спасения Японии огромные военно-морские силы. Однако такая демонстрация шла несколько вразрез с курсом ослабления давления на азиатские страны, взятым амери-

канским правительством в начале семидесятых годов, когда оно и внутри своей страны, и вне ее почувствовало всю тяжесть «бремени» этого давления. Теперь Соединенные Штаты вновь могли оказаться в нелегком положении.

США считали Китай единственной страной, способной вместо них стать на Дальнем Востоке «сдерживающим валом», препятствующим «распространению влияния Советского Союза». Уменьшив давление на Китай, предоставив ему самому выходить из внутреннего кризиса, вызванного «культурной революцией», США в какой-то мере развязывали ему руки, освобождая от «тактики на два фронта». «Облегчив себе жизнь» в Азии, Соединенные Штаты тем самым «облегчали себе жизнь» и в Европе. Китай, с его огромной территорией, протянувшейся от Тибета до Дальнего Востока, по мнению американцев, был «сдерживающим валом», охраняющим Азию от влияния с севера.

Международные отношения без конца усложнялись, делались многомерными и многополюсными. Но в своих основных моментах они, как и прежде, зиждились на простой почти физической «силе». Каким бы божественно искусным ни было мастерство канатоходца, если канат

обрывается, он, подчиняясь физическому закону, неизбежно падает…

Над гирляндой островов, которая с каждой минутой все больше распадалась, над ста десятью миллионами человек, которые очутились на бомбе замедленного действия площадью в триста семьдесят тысяч квадратных километров, над теми, кто напряженно прислушивался к тиканью часового механизма внутри этой бомбы, шла, как всегда, беспощадная и неумолимая перестановка «фигур» на «доске сил». «Игральная машина» включилась для решения «предполагаемой ситуации», учитывая все разрушения, бедствия и человеческие жертвы лишь с точки зрения изменений в расположении фигур на доске. В таких шахматах гуманизм не более, чем один из ходов… Сейчас с доски должна была исчезнуть одна крепость. И из-за этой обреченной фигуры целый ряд государств могли очутиться перед новым политическим кризисом. Создались условия, когда — будь на то желание — чаша весов склонилась бы на сторону Корейской Народно-Демократической Республики. Этим объяснялась нервозность южнокорейских главарей: специальный посол отправился в Вашингтон, военные представители посещали Гавайи.

После протеста по поводу нарушения территориальных вод в районе Циндао пекинское радио заговорило о перемещении советских войск вдоль северо-восточной границы с Китаем. «Женьминь жибао» опубликовала статью под заголовком «Угроза ревизионистского империализма», повторив долголетнюю историю пограничного спора. Агентство Франс Пресс сообщило из Пекина о наметившихся передвижениях китайских войск в Северо-восточном военном округе. И как раз в это время атомный ракетоносец «Транкстон», приписанный к Седьмому американскому флоту, вышел из порта Иняхон и направился через Желтое море на юг. В Восточно-Китайском море он оказал помощь китайскому миноносцу, пострадавшему от небольшого тайфуна. Капитан «Транкстона» сообщил китайской стороне об оказанной помощи и предложил передать спасенных. В ответ на это вдруг последовало приглашение войти в важный стратегический порт Вэйхай на Шаньдун-ском полуострове. В Вэйхае «Транкстон» был встречен церемониальным строем военных кораблей и огромной толпой ликующего народа. И тогда капитан «Транкстона» и его помощник вспомнили о том, что их удивило, но чему они не придали сразу значения:

спасенный ими миноносец был обычным легким судном сторожевого назначения, но на нем оказался молодцеватый офицер, великолепно владевший английским языком. Разумеется, они никак не прокомментировали своих мыслей вслух, а только переглянулись и перевели взгляд на грохочущий от салюта, украшенный красными и звездно-полосатыми флагами порт.

Если на Дальнем Востоке новая комбинация фигур на шахматной доске сумела вызвать бурю, то на противоположной стороне земного шара, в Европе, она вызвала легкое волнение. Состоялись откладывавшиеся было маневры НАТО; в Москве, Варшаве, Париже и Женеве происходили всевозможные встречи. Целью этих встреч было заключение соглашения о недопущении каких-либо военных действий вследствие гибели Японии. Но у них была и другая, тайная сторона: предугадать, как сложится военно-стратегическая ситуация на Дальнем Востоке и какую роль в ней будут играть Соединенные Штаты Америки, Китай и Советский Союз после гибели Японии. Каждая страна передвигала фигуры, стараясь соблюсти свои интересы, и с тревогой наблюдала за соперниками. Конечно, все ожидали наступления нового равновесия сил с молчаливого

согласия заинтересованных сторон.

В особо серьезном положении оказалась стратегия США на севере Тихого океана. Если исчезнет Японский архипелаг, протянувшийся — вместе с гирляндой Рюкю — на три тысячи километров вдоль восточного побережья Евразии, то Соединенные Штаты, потеряв на нем военные базы, будут иметь на этом обширном участке лишь два опорных пункта: Тайвань на западе и острова Мидуэй на севере, и ничем не будут отделены от берегов Сибири и Дальнего Востока, принадлежащих Советскому Союзу.

В то же самое время для дальневосточной линии обороны Советского Союза Японский архипелаг играл роль своего рода «смягчающей зоны»: он в основном мог быть использован лишь для размещения американских военных баз, но почти не годился для ведения прямых военных действий. Итак, на линии большой протяженностью две великие державы окажутся лицом к лицу. Раскройте карту Дальнего Востока, найдите северный сектор Тихого океана и попробуйте закрыть пальцами гирлянду островов, окаймляющую восточную оконечность континента Евразии. Вы увидите, как обнажится побережье; Азиатский материк от восточной

части Корейского полуострова до Приморья будет непосредственно омываться Тихим океаном. Попробуйте представить себя на месте лица, ответственного за «систему обороны» на этой новой, обнаженной линии побережья…

…Через неделю после входа во Владивостокский порт советского авианосца Китай неожиданно произвел испытания тактического маломощного ядерного оружия в пустыне, находящейся в автономном районе Внутренней Монголии. Через три дня в Коломбо закончилось совещание заместителей министров иностранных дел Индии, Китая, Советского Союза и США, в коммюнике которого сообщалось, что существует возможность созвать совещание представителей заинтересованных стран по дальневосточным проблемам на высшем уровне.

«Японская проблема» сказалась даже на столь отдаленных государствах, как Бразилия. Здесь среди старых японских переселенцев вдруг объявилась группка реваншистов, пустившая утку, будто японские войска наконец-то вторгнутся в Бразилию. Бразильцы японского происхождения заволновались… А потом совершенно неожиданно заволновалась… бывшая Юго-Западная Африка.

Нбаён, председатель Специального комитета ООН, на несколько минут отлучился с заседания, длившегося уже около восьми часов, и встретился с советником господином Китова. Они познакомились при обсуждении проекта строительства железной дороги в Танзании.

— Неприятные осложнения… — сообщил советник Китова, отводя Нбаёна в дальний угол холла. — Получены сведения, что Южно-Африканская Республика тайно засылает отряды в Намибию…

— Неужели просочилось? — председатель сжал пухлые губы.

— Этого не может быть. Даже в совете по Намибии с этим планом никто не ознакомлен… Можно предположить лишь одно: когда по решению Генеральной Ассамблеи начал работу специальный комитет, правительство Южной Африки просто предугадало такую возможность.

Намибия, некогда называвшаяся Юго-Западной Африкой, в прошлом германская колония, граничащая на севере с Анголой, на востоке с Замбией и Ботсваной, а на юге с Южно-Африканской Республикой, после первой мировой войны по решению Лиги Наций стала подмандатной территорией Южно-Африканской Республи-

ки. После второй мировой войны в обстановке усиливающегося движения за освобождение африканских колониальных стран Генеральная Ассамблея вынесла решение о предоставлении ей независимости не позднее 1968 года. Однако, несмотря на это, Южно-Африканская Республика не признала этого решения и даже урезала автономию коренного населения. Международный суд в Гааге в июне 1971 года вынес решение о незаконности пребывания Южно-Африканской Республики в Намибии, но ЮАР, ссылаясь на свои имущественные права, продолжала оставаться в ее пределах. Организация Объединенных Наций на основании решения о передаче мандата на управление Намибией послала туда своего генерального комиссара. Так Намибия оказалась под двойным управлением.

По решению Генеральной Ассамблеи Замбия, опорный пункт национального движения в Южной Африке, вместе с соседней Танзанией приступила к разработке плана перемещения большого числа японских беженцев «с охранной грамотой» ООН в Намибию, поскольку Намибия де-юре считалась подмандатной территорией ООН. Этот план преследовал две цели: выполнить долг гуманности и дать развивающейся стране

хорошо обученных технических специалистов…

— Я думаю, этот вопрос надо в срочном порядке поставить на обсуждение в вашем совете… — сказал председатель Нбаён, поднимаясь. — Одновременно и мы постараемся включить его в повестку дня в нашем комитете. Как бы то ни было, давайте обсудим этот вопрос с генеральным секретарем.

Вдруг в холле сделалось шумно. Люди торопливо направлялись к выходу.

— Что-нибудь случилось? — спросил господин Нбаён проходившего мимо служащего.

— В шесть часов начинается передача через спутник связи… — сказал тот на ходу. — Прямая передача из Японии. Сам Эд Хоркинз отправился на место событий. Говорят, просто потрясающе…

— Пойдем? — Китова сделал несколько шагов в том же направлении, куда устремились все.

— Постойте, — Нбаён своей огромной рукой схватил советника за рукав. — Взгляните…

В углу холла, куда указывал председатель, он увидел миниатюрного, восточного вида джентльмена с полуседой головой, который, отвернувшись от потока устремившихся к выходу людей, смотрел в окно на красный как кровь нью-йоркский закат. Его тонкие плечи были бессильно опущены, дужка снятых очков дрожала

в руке. Мужчина вытащил из кармана платок и приложил его к глазам.

— Господин Нодзаки, особый член нашего специального комитета… — сказал Нбаён, понизив до шепота свой густой, низкий, характерный для африканца голос. — Только представьте себя в его положении! Сейчас тонет его родина. Территория… на которой из поколения в поколение жили его отцы и праотцы… Горы, реки, джунгли, степи Японии, где спят духи предков, все, все исчезнет… и домашние животные, и птицы, и дикие звери… Дома, деревни, Токио, могилы… и обезьяны, и бегемоты…

— Разве в Японии есть обезьяны и бегемоты?.. — пробормотал советник Китова, но в его тоне не было иронии. Голос его звучал печально и сочувственно.

— Этому старому человеку горько. Это понятно, — сказал Нбаён, кладя руку на плечо советника. — Его соотечественники сейчас мечутся в страхе и ждут… ждут… Матери, дети… А он должен взирать на это из тихого спокойного города, из комфортабельного зала… Смотреть, как все гибнет, да еще вперемежку с коммерческой рекламой?..

— Вы совершенно правы… — согласился Ки-

това. — Телевизор — коробочка, годная только для развлечения. Ну, кинофильмы, комедии, но репортажи с места трагических событий… В нашей стране встал вопрос, следует ли передавать по телевидению речь президента. Обсуждают, способны ли граждане в полной мере воспринять речь главы государства, когда он говорит с телеэкрана…

— Давайте подойдем к нему, — председатель потянул советника за рукав, увидев, что старый Нодзаки прячет платок в карман. — Только без утешений. Он — мужчина. Спросим его мнение о нашем проекте.

Когда они подходили к стоящему у окна старику, из коридора донеслись голоса:

— Какое место, говорили, тонет?

— Точно не помню, но вроде Сикоку.

Япония тонет

1

Первая гигантская катастрофа произошла тридцатого апреля в пять часов одиннадцать минут утра. Обрушилась она на край Кинки. В этот же день впервые в истории сейсмических наблюдений в западном секторе Атлантического океана был зарегистрирован новый вид землетрясения, который получил название «землетрясение со сверхобширным эпицентром».

Конец апреля... «Золотая неделя», как называют это время в Японии. Люди тянутся к солнцу,

к вешней зелени и большими компаниями выезжают на природу. Радость бьет через край. Так бывало из года в год, так было и в прошлом году… А сейчас…

Понурые, измученные, бледные от страха и голода люди бесконечной вереницей днем и ночью шли по дорогам. Тащили на спинах младенцев, вели за руки детей чуть постарше, волочили домашний скарб — кто сколько мог захватить. Они шли на сборные пункты. Пользоваться собственными машинами было запрещено. Беженцев перевозили в организованном порядке на малогабаритных судах, по железной дороге, в автобусах, грузовиках и такси. Транспорт работал круглосуточно, доставляя народ со сборных пунктов на аэродромы и в морские порты. А землю трясло и трясло. Происходили обвалы и оползни, рушились здания. Бульдозеры расчищали дороги.

Из тридцати миллионов населения шести префектур края Кинки с первого по тридцатое апреля воздушным и водным транспортом за границу было эвакуировано три с половиной миллиона человек. Почти все новые аэропорты уже были залиты водой, и старый аэропорт Итами героически принял на себя основную нагрузку. От землетрясения там пострадали взлетные полосы

и диспетчерский радиолокатор, но благодаря самоотверженной штурмовой работе, невиданной со времен «Экспо-70», к рассвету первого апреля все было восстановлено. Аэропорт теперь мог принимать тяжелые трансконтинентальные самолеты.

В Итами удалось собрать весь персонал с ныне закрытых западнояпонских аэродромов, и с третьего апреля перейти на круглосуточный режим работы. Ежедневное число вылетов и посадок достигло пятисот.

План эвакуации морским путем тоже не выдерживался. Причалы выходили из строя один за другим. Посадку приходилось совершать в открытом море. В Осаке районы Конохана и Тайсе целиком оказались под водой, причал Бэнтэн тоже погрузился на дно, посадка на океанские суда производилась теперь в верховьях рек Адзи и Синъёдо или в портах города Сакаи. В префектуре Хёго уцелел только Старо-Кобэский порт, однако у остальных причалов удалось соорудить плавучие пристани. Особенно сильно пострадали порты в префектурах Вакаяма и Миэ, их пропускная способность составляла теперь лишь десятую долю прежней. И все-таки посадка беженцев шла днем и ночью при помощи десантных судов

сил самообороны и американской армии, плоскодонных рудовозов и даже надувных лодок. При этом использовалась вся береговая линия и устья множества рек. В конечном итоге в течение месяца было эвакуировано три миллиона двести тысяч человек. Это уже почти приближалось к запланированной норме. Считали, что за десять месяцев край Кинки справится со своей задачей. Но эвакуационный штаб Кинки продолжал работать с неослабеваемым напряжением, чтобы в мае превысить это количество, а в самые напряженные моменты довести число эвакуированных до полумиллиона. Кроме того, штабу Кинки было поручено эвакуировать часть населения префектур Окаяма и Токусима, и штаб, предвидя понижение воздушных перевозок в период дождей в июне и понижение перевозок на всех видах транспорта из-за тайфунов в августе — сентябре, намеревался в остальные месяцы резко повысить количество эвакуируемых.

На рассвете тридцатого апреля — как и во все другие дни — люди, у которых подошла очередь к отправке, толпами хлынули на аэродромы и в порты. Те же, чей черед еще не настал, спали тревожным сном, собрав самое необходимое на случай срочной эвакуации.

К Осакскому аэропорту один за другим подъезжали большие автобусы и грузовики. Люди молча выходили из них, молча вставали в длинную очередь для регистрации и также молча исчезали в здании аэропорта. Младенцы спали на спинах матерей, и только малыши постарше радовались предстоящему путешествию.

Такая же атмосфера царила на причалах Сума, Микагэ и Уводзаки в порту Кобе, на причале наполовину погрузившегося в море Асия, в устьях рек Йодо, Адзи и в порту Сакаи. Шла посадка беженцев на японские, американские, австралийские, нидерландские, английские, греческие, панамские, либерийские, шведские суда… Они были не только пассажирскими и грузовыми, среди них находились и срочно переоборудованные угольщики и рудовозы. В контейнерские суда вместо контейнеров грузили капсульные дома… Использовались все причалы — и постоянные, и плавучие. Уже готовые выйти в открытое море суда давали протяжный басовитый гудок, после чего, оставляя длинный пенистый след, поворачивались носом в сторону водного пути Кии. Резкие сирены сновавших между ними буксирных катеров разрывали прохладный утренний воздух.

В пять часов десять минут утра появившийся над аэропортом Осаки с юга-востока «Боинг-707» авиакомпании «Сабена» пошел на посадку. Войдя в зону глиссадного радиомаяка, он опустил закрылки, выпустил шасси и, все больше снижая высоту, стал приближаться к посадочной полосе Б.

На северо-западе, над Рокко, разворачивался только что взлетевший ДЦ-8-62 компании КЛМ. В кармане возле взлетной полосы ждал реактивный гигант «Пан-американ», который должен был взлететь после приземления самолета «Сабены». На рулежных дорожках запускали двигатели полные пассажиров машины «Никко» и «Люфтганзы». По посадочным рукавам началась посадка на три самолета. Аэропорт бурлил людьми.

Самолет «Сабены» благополучно приземлился. Сквозь стеклянную стену аэропорта хорошо было видно, как он стрелой пронесся по посадочной полосе.

И в это мгновение смотревшие в окна люди заметили, как в тяжелом сером небе что-то ярко вспыхнуло.

С причалов Сума и Кобе, а также между Кобе и Оса-кой эту вспышку видели более отчетливо.

По всему южному горизонту с востока на запад пробежала огненная полоса. В следующее мгновение она превратилась в-яркую светящуюся завесу, охватившую все небо. Потом — вторая такая же вспышка, третья… На их фоне отчетливо обозначались силуэты гор Конго, Кацураги, Нидзе и отдаленных Кисю и даже Сикоку и Авадзи. Яркую завесу кое-где прорезали зеленоватые и фиолетоватые зигзаги. Вспышка-завеса три раза прошла с востока на запад и с запада на восток. Люди на причалах и судах заволновались.

Капитан «Осуми-мару», грузо-пассажирского судна водоизмещением в двадцать шесть тысяч тонн, стоящего у причала в Асия, вышел на мостик. Выслушав доклад вахтенного, он громко зевнул. И тут с палубы донесся крик матроса. Капитан глянул на небо и бросился к кнопке сирены.

— Запустить двигатели! — крикнул он дежурному офицеру. — Готовиться к срочной эвакуации!

Дежурный связался с машинным отделением.

— Пассажиры?! Сколько их еще осталось? — обернулся капитан к прибежавшему по сигналу тревоги помощнику.

— Еще человек двести. Они все уже здесь, идет

посадка.

— Выделите матросов им в помощь, да побыстрее. Через пять минут поднять трапы. Срочно выходим в море! Вызвать радиорубку! Передать в навигационный отдел, что срочно выходим в море. Включить все гудки! Сообщить всем кораблям! Эвакуируемся в открытое море!

— А что сообщить-то?! — захлопал глазами опешивший помощник.

— Идиот! Цунами! Сейчас начнется…

Услышав тревожную сирену «Осуми-мару», пассажиры испуганно замерли. Корабельная команда металась, надрывались мегафоны, гудели гонги. И тут произошел первый удар. Раздались вопли пассажиров, находившихся на плавучем причале у здания порта, до второго этажа затопленного водой. От резкой вертикальной качки несколько человек свалились в море.

На мостике судна загорелся сигнал о запуске двигателей.

— Готовьтесь отдать концы! — приказал капитан дежурному. — Хорошо, что у нас дизельные двигатели… С турбинными не успели бы…

Все вокруг заполнил страшный, как вопль чудовища, гудок «Осуми-мару». Схватив переносный громкоговоритель, капитан сам крикнул в

сторону причала:

— Спасайте тех, кто за бортом! Еще успеете. Скоро последует второй удар! Спокойно! Производите посадку спокойно! — потом, повернувшись к палубе, крикнул: — Передайте на корму — быть готовым отдать концы!..

В Осакском аэропорту «Боинг-747» авиакомпании «Пан-Американ», приняв на борт четыреста девяносто пассажиров, вырулил на взлетную полосу. Все четыре двигателя работали на полную мощность, огромный трехсотпятидесятитонный корпус мелко вибрировал. И вдруг грянул удар. В диспетчерской вышке от резкого вертикального колебания подскочили и опрокинулись стаканы, погасло несколько лампочек.

— Землетрясение! — крикнул кто-то. — Остановить рейс 107 «Пан-Американ»! Он взлетает!

Скорость «Боинга» уже превысила сто двадцать километров в час. Дежурный диспетчер, побледнев, смотрел сквозь звеневшие оконные стекла, как, подрагивая, бежит гигантский самолет; стиснув зубы, диспетчер закрыл ладонью микрофон.

Кто-то с искаженным от ужаса лицом подбежал к нему и, пытаясь отнять микрофон, крикнул:

— Остановить! Что с тобой?! Скорее!

Но дежурный грубо оттолкнул его, защищая

микрофон. Этот человек работал ранее в аэропорту Ханэда. Он был там в момент большого землетрясения и видел, что случилось с самолетом, только что совершившим посадку. Потом он не раз бывал свидетелем землетрясений в Токио и прямо-таки кожей стал чувствовать природу и характер этих гримас природы. Если сейчас отдать приказ, самолет, возможно, и остановится в самом конце трехкилометровой взлетной полосы. Но если в этот самый момент хлынет вторая, горизонтальная волна… А лайнер все увеличивал и увеличивал скорость. Сто пятьдесят… сто семьдесят… Корпус самолета начал подпрыгивать, шасси временами уже отрывалось от земли.

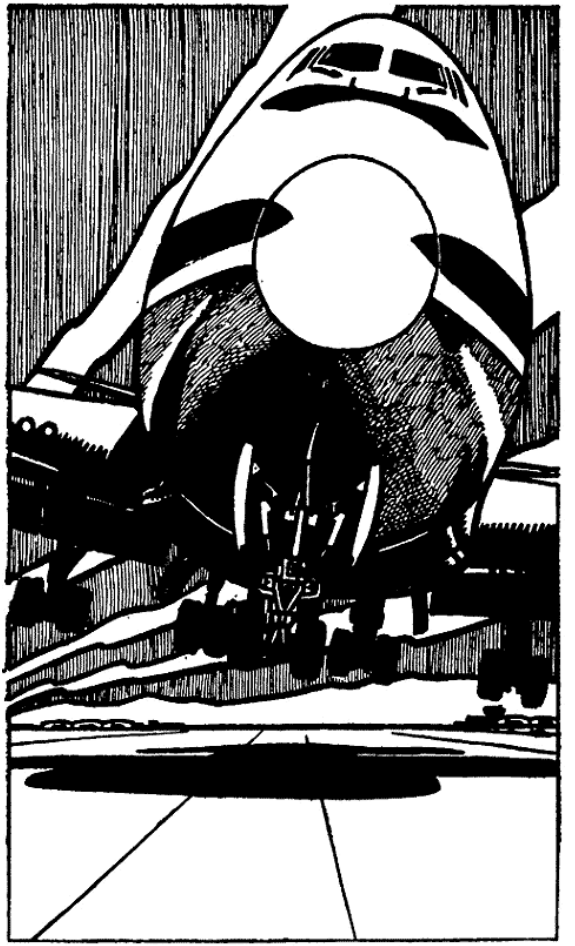
«Боже!» — прошептал никогда не веривший в бога дежурный. Его мысленному взору представился пилот, впившийся глазами в стремительно приближающийся конец взлетной полосы. И командир, и помощник, наверное, уже заметили, как необычно подбрасывает машину. Все зависит от их решения, которое надо принять за несколько секунд… Лента взлетной полосы… еще сто метров, еще сто… тридцать… двадцать… сейчас она кончится, что-либо изменить будет уже поздно…

«Взлетай! — крикнул про себя диспетчер, по-

крываясь холодным потом. — Штурвал на себя! Беги в небо! На земле — только смерть».

— Все, выжал! — закричал кто-то.

Оттянув ворот взмокшей рубашки, дежурный диспетчер смотрел на конец взлетной полосы. Сначала от земли оторвалось носовое шасси, а затем и шестнадцать основных…



— Всем машинам в аэропорту! Говорит диспетчерская… — убедившись, что машина уже полностью оторвалась от земли и находится в воздухе, диспетчер включил микрофон. Его голос был хриплым. — Чрезвычайное положение! Всем машинам застопорить двигатели! Идет землетрясение! — и он мешком свалился со стула.

— Замени, — сказал он помощнику, который помог ему подняться. — Лучше… закрыть аэропорт. Самолеты не принимать. Пусть уходят. Будет страшное…

Колебания первой вертикальной волны уже стали затухать, когда земля снова загудела — пришла вторая, горизонтальная волна. Казалось, что диспетчерскую башню раскачивает на гигантском дисковом станке. Голос помощника, безостановочно предупреждавшего находившиеся в воздухе самолеты, тонул в грохоте и воплях.

Эпицентр этого чудовищного семибального землетрясения, обрушившегося на Кинки, Сикоку и центральную часть Кюсю, оказался множественным: в заливе Исе, верховьях реки Китаяма, на полуострове в проливе Кии, в заливе Тоса, в проливе Бунго, в районе Кобаяси префектуры Миядзаки. В истории землетрясений такого еще

не было. Поначалу специалисты, обрабатывавшие данные сейсмических станций, пришли в недоумение — местоположение эпицентра расплывалось. И только позже выяснилось, что эпицентры этого землетрясения находились на линии протяженностью в шестьсот километров, почти на прямом отрезке между заливом Исе и южной частью Кюсю. По-видимому, возмущение одного из этих эпицентров послужило толчком к цепной реакции.

Эпицентры располагались над линией Центрального тектонического района, который, начинаясь на полуострове Сима, пересекает центральную часть полуострова Кии, затем проходит с востока на запад через остров Сикоку и оканчивается на острове Кюсю. Было очевидно, что это продолжение чудовищных перемен, происходящих в земной коре.

Землетрясение привело к десятиметровому вертикальному смещению берегов рек Кино-гава на полуострове Кии и Иосино на острове Сикоку. В результате вдоль границы этого сброса южные части горных массивов Кии и Сикоку переместились на три метра к югу, а северные — более чем на десять метров к востоку.

Огромная линия сброса четко прослеживалась

от района Арайхама на Сикоку до города Исе в префектуре Мие. Разумеется, почти все мосты через реки Кино-гава и Иосино или обрушились, или провалились, на перевале Таками и горе Куними на границе префектур Нара и Мие, на пике Сасага и горе Омори Сикокуской гряды произошли обвалы, В некоторых местах горы раскололись, полностью изменив свои контуры.

Русла обеих рек изменились до неузнаваемости. Местами вода полностью исчезла, некоторые впадины залило морской водой, как во время большого наводнения, в одних местах из-за горных обвалов образовались перекрытия, а в других, напротив, были разрушены искусственные плотины, что привело к наводнению в низовьях. На дне пролива Наруто, по-видимому, тоже произошли изменения, его ширина увеличилась на несколько сот метров, а с поверхности почти полностью исчезли водовороты.

Сразу же после землетрясения в этих местах прошло цунами, высота которого порой достигала десяти метров. Почти все прибрежные города сильно пострадали. Велик был и ущерб, причиненный судам, выброшенным на берег. Количество погибших и пропавших без вести в этом районе составило около двух миллионов

человек. Особенно много жертв было среди эвакуируемых в районе заливов Осака и Тоса и на побережье Миядзаки — землетрясение застигло людей врасплох во время посадки на суда.

Самые страшные разрушения произошли на прямом пути цунами: волна четырнадцатиметровой высоты обрушилась на южный берег Авадзи, на город Када, на Кисю и город Наруто на Сикоку. После цунами на землях То-могасима, Када, Фукура и Наруто почти ничего не уцелело. Города Вакаяма и Токусима были не только наполовину смыты цунами, но и затоплены — морская вода не отступала, держась на уровне метра. Трудно было перечислить пострадавшие города. От транспортной сети остались одни обломки. Мало того, в результате этого землетрясения, или, вернее, катаклизма земной коры, почти все морские порты и аэродромы вышли из строя.

Это необычное землетрясение Центрального тектонического района от начала и до конца наблюдала американская обитаемая орбитальная лаборатория MOL-3, экипаж которой состоял из четырех человек. Запущенная под углом в шестьдесят градусов к экватору за несколько дней до землетрясения, MOL-3 проходила над Японскими островами с северо-востока на юго-запад. В плане

работ лаборатории наблюдения за изменениями земной коры вокруг Японии составляли задачу первостепенной важности.

Миновав уже посветлевший Тихий океан, MOL-3 проходила на высоте ста двадцати километров над Японией в направлении еще окутанной предрассветным сумраком Юго-Восточной Азии. Шедший с Японского моря циклон одел тучами берега Японии: уже скрылись за серой пеленой край Кинки, северная часть Центрального края, Тюгоку и Внутреннее море. Но южная часть полуострова Кии, мысы Мурото и Асидзури на острове Сикоку и южная оконечность острова Кюсю выглядывали из-под облаков. Направив различные фото- и измерительные приборы на проплывающий внизу архипелаг, дежурный член экипажа доверил их автоматике. Два члена экипажа спали, а третий, прильнув к иллюминатору, рассматривал в бинокль Фудзи, сильно изменивший свои очертания и все еще дымившийся после большого взрыва, и другие вулканы Центральной горной гряды, отмеченные языками пламени. Когда лаборатория проходила над открытым морем Энею, видимость ухудшилась — утренние лучи косо падали на землю в направлении полета; оторвавшись от бинокля, астронавт включил

цветной ноктовизор с телеобъективом.

Когда на экране появилось контрастное цветное изображение, он минуту удивленно его разглядывал, а потом тронул за плечо дежурного.

— Слушай, что-то творится с западной Японией!

На экране был виден рельеф местности от залива Исе до южной оконечности полуострова Кии. Дежурный, не вставая с места, расширил обзор ноктовизора, одновременно нажав кнопку камеры видеомагнитофона.

— Что творится? — сонным голосом спросил с койки третий.

— Неизвестно, — ответил дежурный. — Разбуди Пэта. Помогайте. Вон как меняется цвет моря!

Пэт встал с койки и принялся регулировать контрастность ноктовизора. На черно-зеленой морской поверхности замелькали какие-то сине-зеленые пятна. Они быстро перемещались сразу в двух направлениях — к востоку и западу. Пронесшись по открытому морю мимо полуострова Кюсю, они достигли мыса Мурото, который сейчас появился в углу экрана, и одновременно распространились в сторону Тихого океана. Потом пятна стали расплывчатыми, и там, где они

расплывались, начали появляться встречные пятна довольно интенсивного синего цвета.

— Работайте на шестнадцатимиллиметровке! — бросил дежурный, нажимая кнопку автоматического фотоаппарата беспрерывной съемки. — Снимайте и на цветную пленку, и на черно-белую. Джимми, ты работай через иллюминатор.

Все четверо бросились к аппаратуре. Автоприборы работали беспрерывно, но с ними творилось что-то странное.

— Черт, что делается! — выругался Пэт, торопливо стараясь что-то отрегулировать. Стрелки, словно в лихорадке, дрожали у красной черты. — И магнитометр, и гравитометр прямо-таки взбесились. Билл, наводную станцию вызвать?

— Да. «Лафайет» должен быть под нами. Предупреди его, чтобы не слишком приближался к берегу.

— О-о! — вокликнул наблюдавший в бинокль. — Вот оно, началось! Япония раскалывается!

Билл уставился на экран ноктовизора, дежурный не сводил глаз с размещенных на полу лаборатории приборов. Пэт, собиравшийся включить телесвязь с «Лафайетом», схватил бинокль

и, оттолкнувшись ногой от пола, поплыл к иллюминатору.

Каждый в своем поле зрения видел одно и то же. Контуры южной части острова Сикоку и полуострова Кии, отчетливо проступавшие в разрывах облаков, вдруг дрогнули и словно бы стали размываться. На ярко-голубой поверхности моря появились мелкие бледные пятна, число их увеличилось, они выстраивались в одну линию, протянувшуюся с востока на запад. По морской поверхности, будто от внезапного удара, пробежала мелкая рябь, тут вокруг нескольких пятен очень медленно начали подниматься темные волны.

— Цунами! — одновременно крикнули оба астронавта, которые вели наблюдение у иллюминаторов.

— Смотрите, рельеф южной Японии вроде бы изменился… Или я ошибаюсь? — сказал тот, что смотрел в телескопический видоискатель автоматической тридцатипятимиллиметровой камеры беспрерывного фотографирования.

— Пэт, свяжись со станцией, — сказал вдруг охрипшим голосом дежурный, внимательно следивший за головокружительно быстро меняющимися цветосочетаниями на экране нок-

товизора. — Доложи, что Япония начала тонуть.

Действительно, все южное крыло сброса, берущего начало в районе реки Киногава на севере полуострова Сима и протянувшегося через реку Йосино к префектуре Эхиме, медленно перемещалось. Устья двадцати залитых цунами рек постепенно расширялись. Южные оконечности острова Сикоку и полуострова Кии, сотрясаясь от основания до вершин своих горных гряд, стали быстро, со скоростью в полтора и даже два метра в час, перемещаться в сторону Тихого океана. Остров Хонсю, не видный из орбитальной лаборатории, тоже со скоростью около десяти сантиметров в час «пополз» к югу-востоку. Перемещение его южной части вдоль сброса Центрального тектонического района было настолько стремительным, что разлом образовывался прямо на глазах. В этот разлом проникала морская вода, ширина рек Йосино и Кино-гава все больше и больше увеличивалась.

А на пути заскользившего к югу-востоку крыла сброса с невиданной скоростью происходило погружение шельфа. Участок земной коры протяженностью в сотни километров погружался со скоростью нескольких метров в час.

Через несколько часов после начала землетря-

сения почти целиком исчезли под водой мысы Оваса, Кумано и Синмия. Море поднялось до подножия водопада Натй. Мысы Мурото и Асилзури обвалились, раскололись и больше чем наполовину ушли в воду. Их вершины, превратившиеся в отдельные островки, продолжали погружаться. Южная часть Центрального тектонического района с чуть приподнятой северо-западной оконечностью погружалась в море, скользя по континентальному склону.

Сдвиг южной и северной частей Центрального тектонического района распространился до Центрального края, где прошло землетрясение средней силы. В десять часов сорок семь минут утра того же дня началось большое землетрясение в крае Токай, охватившее район от Энею до реки Фудзи. В результате образовался гигантский сбросо-сдвиг, протянувшийся от основания полуострова Ацуми через северную часть озера Хаманако до реки Фудзи на севере. Вертикальное смещение почвы достигло двух метров сорока сантиметров, а горизонтальное — пяти метров.

Возникшее в открытом море Энею семиметровой высоты цунами вошло в залив Суруга и почти целиком слизнуло города Нумадзу и Фудзи. Далее оно устремилось в провалы почвы, образовавши-

еся на пересечении линий большого разлома и сбросо-сдвига Центрального тектонического района, и достигло своими белопенными клыками южных окрестностей города Фудзимия.

И когда морская вода проникла в действующие кратеры, образовавшиеся вдоль подножия Аситаки после извержения древнего Фудзи, произошло несколько небольших извержений Аситаки, затем в два часа пополудни Аситака взорвалась — от ее прежних очертаний не осталось и следа. Огонь наконец встретился с водой. Огненный дракон и водяная змея сплелись в смертельной схватке на середине острова Хонсю.

2

Как только началось землетрясение Центрального тектонического района в западной Японии — в Токио оно ощущалось как землетрясение средней силы, — в штаб Д-плана прибежал бледный словно полотно член эвакуационной комиссии:

— Тонет западная Япония! Конец, все, не успели!

— Погружение началось не сегодня, — сухо и

спокойно ответил ему Наката. — Оно происходит уже давно. Да и время еще есть. Минимум четыре, а то и пять месяцев пройдет, пока Япония полностью исчезнет.

— Ты так думаешь? Я не знаю, можно ли вам верить. Вы здесь даже не могли предсказать такого грандиозного землетрясения, которое раскололо Японию.

— Если вы имеете в виду землетрясение Центрального тектонического района, то мы о нем предупреждали, — Наката, не оборачиваясь к члену комиссии, поднялся со стула. — К сожалению, несколько ошиблись в расчетах. Мы предупреждали, что оно произойдет в течение трех дней или недели. Нам не удалось получить данных, непосредственно предшествовавших землетрясению, потому что уже двое суток приходится заниматься отлаживанием некоторых участков нашей наблюдательной сети, которые вышли из строя. Да, еще должен сказать, что работа комиссии недостаточно согласована с нашими наблюдениями за изменениями в земной коре. Вы действуете по принципу: поскорее — побольше. Вывозите отовсюду, где только можно посадить людей на суда и самолеты…

— И что же? У нас ведь нет другого выхода…

— Эвакуационная комиссия могла бы более тесно сотрудничать с наблюдательным штабом! Создается впечатление, что комиссия не использует должным образом ту информацию, которую мы ей предоставляем. Мы настоятельно просим вас ознакомить ответственных членов эвакуационной комиссии с нашей характеристикой бедствия…

— С вашей «характеристикой»?! — воскликнул член комиссии с негодованием. — При чем тут «характеристика»?

— …Да, Наката слушает… Опускать то, что успели укомплектовать… А наблюдательные самолеты поднялись? Что, что?.. Буйков не хватает?.. Ничего, пусть все самолеты вылетают!.. — Наката положил телефонную трубку и повернулся к члену комиссии. — Да, с нашей характеристикой. Я не знаю другого слова, которое здесь можно употребить. Нет необходимости знакомить вас с конкретными цифрами, а из нашей характеристики вы могли бы понять сущность надвигающегося явления. Тогда при реализации эвакуационного плана вы с пользой сможете употребить все наши данные, все предупреждения, короче говоря, всю нашу информацию.

— Я конечно, понимаю, что ученые хотят,

чтобы должным образом оценили их труд. Но сейчас не время думать об этом, — вскипел член комиссии. — От вас сейчас требуется только одно точное прогнозирование.

— Вот именно! Только тогда, когда вы будете иметь четкое представление о катаклизме, вы сможете извлечь практическую пользу из наших прогнозов, — терпеливо и настойчиво повторил Наката. — Предсказать со стопроцентной точностью изменения в отдельных географических точках невозможно. Абсолютно невозможно! Вы требуете такой информации от невежества! Даже не провели беседы с членами комиссии!..

— Чего ты еще хочешь? — удивился член комиссии. — Мы же дважды собирались, чтобы послушать ваши разъяснения.

— Да, нормально. Вас интересовали только выводы, а когда речь шла о самом процессе, о ходе этого явления, слушали в пол-уха.

— Ну нет! В комиссии есть и ученые…

— Да, есть ученые, основное достоинство которых в том, что они «научились политически мыслить».

— Ты… — лицо члена комиссии напряглось, на лбу выступила и запульсировала жилка. — Кто ты такой, чтобы так говорить?!

— Поймите, от этого все равно не уйдешь! Соберите еще раз всех членов комиссии, мы проведем разъяснение… — Наката продолжал просматривать бумаги, поступающие из телекса. — Вернее, не разъяснение проведем, а прочитаем специальное наставление господам членам комиссии. Должны быть все… И члены кабинета министров, и высшие чиновники…

— Два дня?! Ты думаешь, у нас есть время? — заорал, побагровев, член комиссии, известный в парламенте своей несговорчивостью. — В такой момент…

— Именно в такой момент! Я знаю, что у вас у всех прекрасное чутье. Благодаря этому вы в конце концов что-то постигнете, но ценою громадных потерь.

Наката подвинул к члену комиссии только что выскочившую из телекса бумагу.

— Прочитайте. Среднее предполагаемое число погибших и пропавших без вести во время утреннего землетрясения перевалило за миллион. Если бы члены комиссии хоть чуточку больше разбирались в характере происходящего явления, понимали, что стоит за нашими прогнозами и на основании этого принимали решения на местах, число жертв сегодня было бы меньше на

сто — двести тысяч человек.

— Чего ты хочешь? — член комиссии уставился на Накату с нескрываемым раздражением.

— Вы когда-нибудь в детстве прыгали через веревку, когда двое крутят ее, а остальные прыгают по очереди…

— Ты издеваешься?!

— И не думаю. Если вы уловите периодичность вращения веревки, то, прыгая, не заденете ее. Здесь то же самое… О'кэй, давайте сюда! Посмотрим вместе.

Засветился телеэкран. Появилось изображение, переданное из компьютерской.

— Будем проецировать на большой экран. Прошу вас, взгляните. Видите? На этот раз произойдет горизонтальное смещение северного сброса на северо-востоке. Это отразится и на степи Исикари в Хоккайдо. Восточная половина района между побережьем Санрику и Северным горным краем, начнет скользить по тихоокеанскому континентальному склону. На побережье Японского моря пока относительно безопасно. В определенный момент придется прекратить эвакуацию в портах Сэндай и Саппоро, которая сейчас идет полным ходом, и срочно вывезти людей из этого района. В вашем распоряжении не более пяти дней.

— А это точно? Утреннее землетрясение произошло на три дня раньше, чем вы прогнозировали…

— На этот раз степень точности выше. До начала явления одна неделя, плюс минус двадцать четыре часа. После землетрясения Центрального тектонического района точность прогнозирования очень повысилась. Таково свойство этого явления. Далее. Увеличивается опасность вулканического взрыва в системе вулканов Норикура в центральной Японии. В течение двадцати часов должно произойти большое извержение, вызванное утренним землетрясением…

— А нельзя составить план, где, когда и что должно произойти? А? — спросил член комиссии, скривив губы. — Тогда мы могли бы составить план эвакуации с минимальными потерями. Сколько у вас тут оборудования, компьютеров, а вы не можете сделать такую малость?

— Ваши слова лишний раз доказывают, что вы ничего не понимаете, — холодно сказал Наката. — Знаете игру «Куча шахматных фигур»? Нужно по одной вытаскивать из кучи фигуры, но так, чтобы куча не обвалилась. Вы что, думаете, компьютер может предсказать, на какой фигуре начнется обвал, а после обвала — какую конфигу-

рацию примет куча и сколько фигур можно будет вытащить до следующего обвала? Вы думаете, компьютер может в деталях рассчитать весь процесс? Да еще наша наблюдательная сеть — все равно, что блохи на теле кита. Но одно можно сказать точно. Если обвал не происходит в тот момент, когда вытаскивают очередную фигуру из кучи, при вытаскивании следующей фигуры вероятность обвала намного повышается, или если обвал произойдет, то до следующего обвала на какое-то время наступает относительная стабильность… Вот и все. И при разработке эвакуационного плана все это необходимо понимать и учитывать.

— Ты предлагаешь сейчас изменить план эвакуации и транспортировки? Но на это нет времени.

— Время есть. Такой путь кажется окольным, но на самом деле он кратчайший. Я прошу два дня, больше не нужно. Сумеете уговорить членов комиссии?

— Подайте в комиссию свое «особое мнение», — поворачиваясь к Накате спиной, сказал член комиссии. — С приложением необходимой документации.

— Вот на это действительно нет времени! — от-

резал Наката. — Мы тут по восемнадцать часов в день работаем. Просмотрите материалы, которые есть в секретариате вашей комиссии.

Член комиссии со злобой смотрел на Накату, но тот, не обращая на него внимания, вернулся к работе. Член комиссии ушел, громко хлопнув дверью.

— Рассердили вы его, — сказал связист, стуча по клавишам телекса и кивнув в сторону двери. — Крупнейшая фигура оппозиции. Может обратный эффект получиться.

— Пусть злится. Мелочь он, ничтожество, а не крупная фигура, — спокойно проговорил Наката и нажал на кнопку под крышкой стола. На стол выскочила магнитофонная кассета.

— Приложи эту кассету к совсекретному докладу на имя председателя комиссии. Пусть послушает наш разговор. А от П-6 и П-7 нет сообщений?

— Только что получено от П-7,—отозвался сотрудник из угла комнаты. — Включить в динамик?

— Когда свяжетесь с П-6, вызовите Катаоку. А что там с П-7? Могут передать изображение?

— Там, кажется, неполадки с ретрансляционным вертолетом. По CBS через спутник связи

начнется передача с двухчасовым опозданием. Сейчас над местом событий находится на вертолете нью-йоркский телекомментатор Хор-кинз. Наша Эн-Эйч-Кэй тоже будет передавать. Посмотрим?

— С двухчасовым опозданием, говоришь? В Америке сейчас как раз «золотое время» телевидения. — Наката, нахмурив брови, выпил из бумажного стакана совершенно остывший кофе и посмотрел на часы. — А в Западной Европе ночь. Выбросили деньги впустую…

— Сотни миллионов будут смотреть… — сказал связист, закуривая сигарету. — Спектакль века… Для них. А у нас речь идет о жизни и смерти.

— А мы-то лучше, что ли?.. — похрустев пальцами, Наката широко зевнул. — Пока у нас было тихо и спокойно, мы тоже с любопытством поглядывали по сторонам… Дай курнуть!..

Протянув руку, Наката взял у связиста сигарету и встал со стула.

— Все данные с наблюдательных пунктов сразу закладывайте в компьютер. Если свяжетесь с Катаокой, не прерывайте связь до моего прихода. А я пока приму душ, сон разгоню…

Связист, у которого Наката отнял сигарету, проводил его долгим взглядом.

— Говорят, он страшно талантливый, но, мне кажется, внешне совсем не похож на ученого.

— Да. Был, говорят, чемпионом по регби в студенческие времена… — отозвался кто-то из угла комнаты. — Пожалуй, из него вышел бы неплохой детектив. Уж он бы любое дело распутал….

Начали поступать данные из автоматических пунктов наблюдения. В комнате шум все усиливался. Произошло землетрясение в три балла, но на такую мелочь теперь никто не обращал внимания. Так же, как на трещину в стене, которая образовалась во время большого землетрясения, а сейчас становилась все шире и шире…

На переоборудованном для наблюдений сторожевом самолете Катаока летел над большим сбросом, появившимся между центральной частью полуострова Кии и горной грядой Сикоку. Вызванный сильным землетрясением ливень продолжался около полутора часов, затем перешел в мелкий дождь. Когда самолет пролетал над Сикоку, тучи над горной грядой разорвались и стали видны внизу страшные следы разрушения.

Вертикальный сбросо-сдвиг, проходивший с юга на север вдоль реки Иосино, с такой высоты просматривался не очень четко, но Катаока все

же разглядел обнаженную рыжую почву и свинцово поблескивавшую морскую воду, проникшую на равнину. Когда он увидел множество извивающихся линий сброса, рассекших горную гряду Сикоку наискось с северо-запада на юго-восток, у него перехватило дыхание. Красновато-коричневый подпочвенный слой, обнажившийся в безжалостных разломах зеленых гор, казался развороченными внутренностями, в которых зияли бездонные черные провалы. Параллельные трещины походили на страшные шрамы. Повсюду были видны следы обвалов, из некоторых разломов поднимались густые клубы пара.

— Д-1… Д-1… говорит П-7… Как изображение? Как изображение? Прием… — Катаока смотрел то в иллюминатор, то на монитор телекамеры.

— Есть помехи… — сквозь треск прозвучал голос из приемника. — Продолжайте передачу. Из Хамамацу вылетает еще один ретрансляционный'вертолет. Когда достигнете острова Кюсю, вас над Миядзаки встретит ретрансляционный вертолет с «Ёсино», свяжитесь с ним… П-8, П-8… говорит Д-1… Закончили сбор наблюдательных буйков в море? Прием…

— Говорит П-8… осталось сбросить два буйка. Нахожусь над южной частью залива Тоса…

— П-8, слушайте приказ Д-1… Как только закончите сброс буйков, летите на север над водным путем Кии. Там свяжитесь со сторожевым постом базы Майдзуру и ждите дальнейших указаний. Прием.

— Говорит П-8. Вас понял…

— Говорит Д-1. П-6, слушайте приказ. Когда выйдите на водный путь Бунго, идите над ним на север, в Михо… П-7, приказываем: после Миядзаки взять курс на север и от Ита лететь восточным курсом над Внутренним морем. Прием…

Поручив переговоры с командным пунктом пилоту, Ка-таока поочередно смотрел в правый и левый иллюминаторы. Под левым иллюминатором проплывал гигантский крутой скат, спускавшийся к равнине Такати. Цунами ударило по ней прямой наводкой, и береговая линия здесь изменилась до неузнаваемости. Обширные пространства были затоплены водой.

— Город Такати почти полностью под водой… — послышался в наушниках голос наблюдателя с П-6, летевшего чуть южнее П-7. — Виднеются только верхушки высоких зданий, вышки и башни.

— Ого! Мыс Асидзури нырнул в воду… — раздался голос штурмана П-8, летевшего еще южнее. —

Теперь придется использовать для погрузки десантные суда…

Сидевший рядом с Катаокой наблюдатель, тронув его за плечо, показал на левый иллюминатор. На рисовом поле у реки Монобе стояло, чуть накренившись, пассажирское судно. Разумеется, с такой высоты людей не было видно. Глядя на застывший посреди рисового поля корабль с обнажившимся, ярко блестевшим в лучах майского солнца красным брюхом, Катаока подумал о подгоняемых страхом людях, которые в шестом часу утра, ступив на борт, наконец обрели надежду…

— Говорит П-8… — прозвучало из громкоговорителя в штабе Д-1. — Я над открытым морем у Идзумиоцу…

— Снижайтесь до тысячи метров, — сказал в микрофон связист.

— ХР-21, ХР-21… говорит Д-1, увеличьте высоту до пяти тысяч метров, принимайте передачи от П-8.

— Говорит ХР-21, вас понял…

На экране телевизора появилась морская поверхность, покрытая нефтью, а за ней багровое пламя и клубы черного дыма. Вероятно, горел нефтяной комбинат в Сакаи. Осушенный участок земли целиком затопило, из-под воды торчали

только серебряные верхушки ректификационных колонн. Удар цунами, самортизированный проливом Китай, здесь был не таким сильным, как на берегах водного пути Кии и на юге острова Авадзи. В городе Сакаи и его окрестностях некоторые дома уцелели, с некоторых снесло только крыши, но почти все они оказались наполовину затопленными водой. Одно из высотных зданий, расколовшись точно посередине, превратилось в две опасливо отшатнувшиеся друг от друга башни.

— Д-1, Д-1, вам видно изображение? — вновь заговорил П-8. — Что это за остров?

— Вот олух! — крикнул Наката. — Это же могильный курган императора Нинтоку.

Хайвей, поднятый над городом на эстакаду, во многих местах искорежился, отдельные его пролеты обрушились. Черные пятна сгоревших автомобилей, нагромождения столкнувшихся автобусов и грузовиков. Ведь если какой-нибудь пролет проваливается, хайвей превращается в ловушку. Что стало с ранеными? Может, сейчас они в муках ждут неизбежного приближения смерти…

— Получил из диспетчерской Итами сообщение, — заговорил П-8. — Сразу после землетря-

сения почва в городе Осака опустилась на три метра… Опускание продолжается… Через два часа после землетрясения почва опустилась еще на полтора метра. Аэропорты края Кансай не пригодны для использования. В аэропорту Итами на добавочном участке взлетной полосы В образовалась трещина, взлетная полоса А также пострадала от трещин и провалов. В настоящее время ведутся ремонтные работы… Скоро вступит в строй взлетная полоса В на ограниченном участке длиной в две тысячи восемьсот метров… Но у них осталось только два способных взлететь самолета…

— Говорит Д-1, переключите камеру на широкоугольную линзу, — сказал Наката.

Кадры на экране сменились. Появились улицы Осаки, отражавшиеся в телекамере, прикрепленной наклонно под носовой частью П-8.

Кадры, один другого страшнее, замелькали на экране. На железнодорожных путях лежали сошедшие с рельсов и опрокинувшиеся вагоны. Южная часть Осаки была в завалах. Дома казались обезглавленными трупами. В центре города кое-где поднимался черный дым. Но по кольцевому шоссе на юго-востоке беспрестанно двигались пожарные и полицейские машины, машины ско-

рой помощи, автобусы, грузовики, автокраны.

Чем ближе П-8 приближался к центру города, тем невероятнее становились кадры.

Районы Конохана, Минато и Тайсё, расположенные ниже среднего уровня моря, были почти целиком под водой. Чернильно-черная вода — по-видимому, от удара цунами со дна залива поднялась грязь — не только затопила пространство между зданиями, но, образуя водовороты, все дальше наступала на сушу. Фабрично-заводские массивы, нефтяные цистерны, силосные башни в устьях рек Адзи, Кидзу й Син-Йодокава от прямого удара цунами либо разрушились, либо обвалились, а чудом уцелевшие сооружения, омываемые бурлящей водой, на глазах разваливались и тонули. Гигантский плавучий док вместе с ремонтируемым судном стоял дыбом, взгромоздясь, словно на риф, на причал Бэнтэн. Сам причал Бэнтэн полностью ушел под воду, на поверхности осталась только небольшая обзорная площадка. Прямо посреди города лежало на боку огромное краснобрюхое судно. Вытекающее из цистерн тяжелое нефтяное топливо и рыжеватая сырая нефть кое-где начали гореть. И в море, и в городе мелькали языки пламени.

Районы Фукусима, Ниси, Нанива и Нисинари,

прилегающие к прибрежным районам, тоже были затоплены до третьего, а то и четвертого этажей.

Внутригородской хайвей был обрушен, в одном месте в районе Наканосима его опора торчала в одну сторону, а пролет висел над водой с другой стороны. А сам Наканосима целиком скрылся под водой, лишь кое-где виднелись кроны деревьев и крыши зданий. В третий этаж одного из домов врезалось плоскодонное грузовое судно, по-видимому застигнутое бедствием в заливе.

Осака в одно мгновение превратился в «город на воде». Омывая подножие холма Камимати, на котором стояли Осакский замок и административные здания, вода затопила районы Миякодзима, Дзёто, Хигасинари и устремилась через города Дайто и Моригути на равнину Коти. Мутные волны, пошедшие против течения по реке Ямато, и поток, разрушивший дамбу Ёдокава, докатились до подножия возвышенности Икома.

Землетрясение и цунами с сопровождающими их обвалами и опусканием почвы, казалось, вдруг вернули современному городу с трехмиллионным населением и всей Осакской провинции, где жило семь миллионов человек, их древний облик.

Когда-то, три тысячи лет назад, на месте нынешней Осаки над водой возвышался только холм Камимати, а вокруг него плескались волны мелкого Осакского залива. Река Ямато, берущая начало в котловане того же названия, до последнего времени текла на запад и впадала в Осакский залив в северной части города Сакаи. А до шестнадцатого века — когда Тоётоми Хидэёси изменил ее русло при постройке Осакского замка — она текла по равнине Коти между возвышенностью Икома и холмами Камимати, впадала в устье реки Йодо-гава и лишь при сильных разливах несла свои воды в сторону Сакаи. В те времена сама Йодо-гава образовывала множество озер и болот на равнине Коти, а во время морских приливов морская вода проникала по ней далеко на юг. У подножия возвышенности Икома и ныне находят ракушечников; в те времена, поднимаясь по реке Йодо-гава против течения, можно было доплыть до подножия возвышенности Икома.

Но в дальнейшем разливы реки Ямато приносили на равнину Коти все больше глины и песка, в устье Йодо-гавы образовывались песчаные отмели, которые в конце концов слились в одну огромную отмель, а некоторые земли были осушены еще во времена Хидэёси. Таким образом

возникла земля современной Осаки с ее множеством водных магистралей.

А сейчас казалось, будто время внезапно вернулось на две тысячи лет назад. От Осаки остался лишь холм Ками-мати, все остальное скрылось под мрачной, черной водой. В северной части парка Икутама, у подножия храма Такацу, куда, как гласит предание, однажды приплыл на лодке император Нинтоку, чтобы заложить здесь город, лежала лодка с крытой каютой, по-видимому, выброшенная пошедшей вспять рекой Дотонбори. Почти все улицы равнинной части города были затоплены. В более высоких местах мутная вода омывала окна второго, а в низких — третьего и четвертого этажей. На плоских крышах высотных зданий, появившихся в последние годы в Осаке, толпились люди, сумевшие избежать гибели. Они что-то тревожно кричали, размахивая руками вслед самолету. Некоторые высотные сооружения накренились из-за сдвига фундамента. Вокруг них среди пустых ящиков и мусора плавали трупы. Там, где были автомобильные заторы, вода бурлила и пенилась, как в стремнине.

Движение транспорта было возможно только на отдельных уцелевших эстакадах.

— Придется перенести эвакопункт на возвы-

шенность Сэнри… — пробормотал Наката. — Свяжитесь с Д-3, пусть выскажут свое мнение по этому поводу. Думаю, на бывшей территории «Экспо-70» смогут совершать посадку тяжелые вертолеты и самолеты «Эстол», взлетающие с короткой пробежкой. Нет, пожалуй, «Эстолам» придется пользоваться шоссейной магистралью Сайгону… Переговорите с Д-3, пусть доложат эвакокомиссии и узнают их мнение. Да, кстати, спросите, какой ущерб потерпели в Д-3 от землетрясения.

Радист мучительно пытался установить связь с Д-3, находившимся в штабе командования сухопутных сил самообороны центрального округа. Наконец Д-3 отозвался. Слышимость была плохой, но кое-что удалось понять. От землетрясения на дорогах образовались трещины, разлилось озеро Коя. В командный пункт военного округа Итами хлынули беженцы, многие почти в невменяемом состоянии. Штурмуя вертолет сил морской самообороны, прибывший из Майдзуру, они буквально разнесли его на куски, и молодой, потерявший голову солдат открыл огонь.

— Как открыл огонь, стрелял в людей? — Наката, приподнявшись со стула, уставился на радиста.

— Нет, кажется, в воздух… — ответил ошеломленный радист, нервно крутя регулятор приемника. — Два солдата, избитые толпой, получили тяжелые ранения… Нет, один из них умер…

— Бить! — заорал Наката и стукнул кулаком по столу. — Передай. Избить! Да не народ! Солдат… Командиру передай! Всех подряд… кулаком по морде… Чтобы знали!..

— Не надо так волноваться! — Юкинага положил руку на плечи Накаты, пытаясь его усадить. — Ну, прошу вас, успокойтесь! Они сами там разберутся…

Среди надоедливого писка радиосигналов раздался зуммер срочного вызова. Этот громкий звук, от которого все вздрагивали, сейчас показался тихим. На цветной мозаичной светящейся карте Японии вспыхнули три ярко-красные точки — на севере Центрального района…

— И Мацумото… Взрыв пика Норикура, началось извержение на пиках Якэ-гатакэ, Футо-гатакэ… — сказал радист, принявший срочный вызов. — Семь часов сорок пять минут… Из Нагано… взрыв в районе горы Такацума…

На западном склоне начались выбросы пара… восемь часов ноль три минуты…

— Гора Такацума? — в полном недоумении

переспросил Юкинага.

— Н-да… неожиданно быстро… — Наката бросил взгляд на карту. — Конечно, мы знали, что там тоже когда-нибудь начнется, но… Обе стороны большого разлома вдоль реки Итон… Горизонтальный сдвиг достиг почти двадцати метров… Кажется, население там в основном уже эвакуировали на побережье…

— Но… — хрипло сказал Юкинага, рассеянно глядя на мигающие красные огоньки на панели карты, — это может повлечь за собой…

Опять загудел зуммер. На карте — в Северо-восточном крае — загорелись два красных огонька.

— Из Мориока сообщают… Началось извержение горы Иватэ… И на перевале Кома-гатакэ тоже… — тихо сообщил радист.

Юкинага будто не слышал, застыв перед панелью.

Карта Японских островов, цветная, светящаяся, казалась ему расплывчатым очертанием дракона. На хребте центральной горной гряды пульсировали — словно очаги злокачественной опухоли — ярко-оранжевые пятна, предупреждающие об опасности извержений и изменений в земной коре. Береговая линия совершенно изменила свои привычные очертания. Над голу-

бизной во всех направлениях бесчисленными трещинами бежали светло-красные линии, протянувшись вдоль Центрального тектонического района от полуострова Кии через остров Сикоку, багровым рубцом набухала линия великого разлома. На островах, расположенных на юго-западе, на Кюсю, в Центральном крае, на Хоккайдо, в Центральном горном крае, в гористой части Канто, словно капли сочащейся крови, мерцали алые точки. И на юге края Канто, над почти полностью исчезнувшими под водой островами Идзу, не гасли такие же кровавые точки извержения вулканов.

Дракон болел.

Его голову, шею, грудь, лапы разъедал смертельный недуг, его внутренности палил нестерпимый жар, он задыхался, истекал кровью, корчился от боли. Все его гигантское тело длиной в две тысячи километров и площадью в триста семьдесят тысяч квадратных километров билось в судорогах, агонизировало, и конец был уже недалек. А с моря голубоватыми волнами накатывал холод смерти…

Но глаза Юкинаги уже не видели Дракона. Его взгляд остановился на одной красной точке, мерцавшей на севере Центрального края, а мысли

были совсем далеко.

3

Онодэра присутствовал при первом взрыве вершины Такацума, находившейся чуть севернее горы Тогакуси на границе провинций Нагано и Ниигата.

Между восточной и западной сторонами великого разлома произошел сдвиг. В результате на шоссейных и железных дорогах образовались десятиметровые разрывы, русло реки Итой было искорежено, город Омати затопили воды озера Кидзаки, а Рёба и его северные окрестности — воды озера Аоки. Повышение температуры почвы ускорило таяние снегов в горных системах Цукума и Хида, к тому же прошли сильные дожди, вызванные извержениями и землетрясением. Начались многочисленные обвалы в ущелье реки Итой, а вода все прибывала и прибывала и в конце концов бурными потоками хлынула во все стороны.

По всему району была объявлена тревога. В течение месяца население было эвакуировано в провинцию Нагано и к побережью Японского

моря. Однако вертолет сил самообороны, совершая полет над пострадавшим районом с целью изучения геомагнитного и гравитационного полей, заметил на плоскогорье Тэнгу, севернее вершины Норикура в Северных Альпах нескольких человек, которые, стоя у хижины, энергично махали руками.

Вертолет сел. Каково же было удивление экипажа, когда оказалось, что это отряд альпинистов, молодых людей — студентов, служащих и нескольких девушек-конторщиц. Эвакуация населения из района, прилегающего к ущелью реки Итой, производилась с пятнадцатого по второе апреля. После чего был отдан приказ о закрытии государственного шоссе № 148 и всех дорог севернее Омати и Кидзаки.

Тем не менее отряд двадцать третьего апреля подошел к Омати с юга по одному из многочисленных проселков, проник в город, затем, проскользнув незамеченным мимо охраны, двинулся по платному шоссе, ведущему к плотине Куроси, откуда поднялся на плоскогорье у пика Касимаяри-гатакэ и проделал обычный для альпинистов путь через горы Оцубэтадзава, Дзидзи-гатакэ, Касимаяри, Горю, Яри и Хакуба. Молодые люди хотели всего лишь проститься с

Японскими Альпами… Все ребята были молодые — лет двадцати трех-четырех. Онодэра глядел на этих усталых, обожженных горным солнцем, но явно столичных жителей, на их говорившее о достатке добротное снаряжение, и у него не было слов.

Альпийская дорога, ведущая от Касимаяри к Хакуба, очень красива, отсюда открывается великолепный вид на ледниковые ущелья восточного склона, однако переход через перевал Хаппо весьма труден, и по этому маршруту обычно ходят только летом. Идти весной, особенно сейчас, когда нет прогнозов синоптиков, да еще без опытного руководителя, было просто безумием. Кроме того, в последнее время горная гряда Хида не переставала глухо гудеть; на вершинах, на склонах Перевалов, в ущельях происходили скальные обвалы и выбросы пара.

Отряд разделился на три группы. Первая попала в снежную бурю и три дня отсиживалась в хижине Тэнгу. Следующий за ней группа укрылась в хижине Карамацу, а третья едва добралась до хижины Горю, потеряв одного человека на перевале Хаппо. И все же, переждав буран, отряд двинулся дальше. Передовая группа при восхождении на вершину Йари попала в снежный обвал,

вызванный внезапным землетрясением, и потеряла одного человека. Ребята дождались вторую группу, и все вместе начали откапывать засыпанного товарища. Работали часа два. Парень был жив, но получил ушибы и обморозился.

Группы соединились у подножия Хакуба. Вокруг не было ни души. От дороги, которая, разветвляясь, вела вниз, ничего не осталось. В северной части горы Сё-Хюга бездонная трещина отрезала верховья заваленной снегом реки Мацугава. Под отелем «Сарукурасо» образовался обрыв, со дна которого поднимался пар. Погода опять изменилась. Густой туман окутал окрестности, затем разразилась страшная снежная буря, которая бушевала четверо суток. К счастью, и в отеле и в хижине были запасы продуктов и топлива, но одна из девушек все же заболела воспалением легких, а двое парней получили переломы при падении. Дождавшись конца снежной бури, они двинулись на север, дошли до хижины Цугаике, попытались спуститься к станции Хакуба-Оикэ, но обнаружили, что на юго-западном склоне пика Хиёдори образовалась гигантская трещина, поглотившая хижину Содай и отрезавшая путь вниз. А вся северная часть района, включая склоны пика Хати-гатакэ и устье рек Огоню и

Ренгэю, была покрыта глубоким снегом. Под ним беспрестанно образовывались новые трещины, отовсюду бил пар.

— Ну, спустились бы к станции Хакуба-Оикэ, а дальше что? — спросил Онодэра лишенным всяких эмоций голосом: какой смысл ругать этих идиотов? — Там обвал перегородил реку, и она разлилась…

— А шоссе № 148 на всем пути непроходимо? — спросил один, видно главный в отряде.

— А как ты думаешь, почему бы еще проход по нему был запрещен? — их легкомыслие обезоруживало Онодэ-ру. — Берега реки Итой сдвинулись по вертикали больше чем на десять метров. Кстати, неужели, зная это, вы нарушили запрет?

— Окуда нам знать, по телевизору только две программы работают, а газеты через день выходят, и то факсимильные… — капризно сказал скуластый парень. — Да ладно, можете не говорить дальше! Все только и делают, что читают нотации. Но горы — понимаете? — это смысл нашей жизни. Почему нельзя сказать последнее «прости» этим прекрасным Японским Альпам, если они вот-вот исчезнут? И вообще мы готовы умереть здесь, в горах… За тем мы сюда и шли…

— Ну что ж, пожалуйста!.. — Онодэра повернул-

ся к ним спиной и направился к вертолету. — Нам только легче — меньше работы. Как я понял, два ваших товарища уже добились этого? Можете последовать их примеру…

У Онодэры было такое чувство, словно душа его выгорела дотла. Он вдруг вспомнил, как, вернувшись в свою квартиру после долгого отсутствия, побил забравшихся туда молодых ребят, наркоманов. Сколько времени прошло с тех пор?! Тогда он еще был способен и избить, и выгнать сгоряча, и вдруг стать мягким и жалостливым.

Теперь он другой. Будто тело, и душу покрыла сухая, толстая как у слона кожа. Да, делаюсь противным, черствым человеком, мельком все же подумал он, испытывая к себе нечто вроде жалости. Или он слишком уж устал, словно вдруг сделался глубоким стариком. И к тому же…

С жестоким чувством — словно топит человека, сунув его головой в воду, — он не дал всплыть в памяти слову «Рэйко». Казалось, не сдерживай он, подобно расчетливому холодному убийце своих эмоций, и это слово набросится на него, поднявшись со дна сознания со стремительностью подводной лодки. Тогда заскорузлая твердая корка, покрывающая душу, растрескается, вся боль огненной лавой хлынет наружу, и он вновь

забьется в судорогах, катаясь по земле и раздирая грудь…

В тот день, услышав по телефону голос Рэйко, звонившей с хайвея Манадзуру, Онодэра как безумный выскочил на улицу. Бежать… бежать… скорее!.. Но куда, разве добежишь из Токио до Идзу?.. Ни о каком транспорте не могло быть и речи.

Он примчался в Итигая, кричал, требуя немедленно поднять его на вертолете, избил двух офицеров, пытавшихся его утихомирить… Его скрутили, он вырвался и опять выскочил на улицу… Что было потом, он не помнит. Пришел в себя на бронированной амфибии сил самообороны, которая переправлялась через реку Сакава. Но дальше Одавары проезд был запрещен даже для транспорта сил самообороны.

Потом он вдруг увидел себя царапающим горячий пепел, смешанный с пемзой и вулканическими бомбами, у обочины дороги перед городом Одавара, превратившимся в серую пустыню. И он лежал на этом мертвом слое пепла и в голос рыдал без слез. Почему-то на нем была изодранная полевая форма майора армии сил самообороны. Каска съехала набок, одна щека рассечена, пальцы правой руки ободраны в

кровь, на левой кисти тоже косая ссадина. Брюки и полуботинки оказались свои.

Он был там на следующий день после большого извержения, он узнал об этом много позже. Над Фудзи все еще полыхало багровое зарево. Не похожая на себя гора все еще извергала черный дым и осыпала все вокруг пеплом. Из Одавары было видно, как по склону Хаконэ, извиваясь, течет багрово-черная лава. Бесился жаркий, опаляющий ресницы ветер. Уже после того, как он пришел в себя, его не раз охватывало безумное желание броситься в этот раскаленный, смешанный с пеплом вихрь. Хотелось кричать и разгребать, разбрасывать во все стороны пепел — ведь там, под толстой серой пеленой, возможно, где-то лежала Рэйко…

Вернувшись в штаб и не слушая увещеваний Накаты и Юкинаги, он бросился к начальству и потребовал, чтобы его направили в спасательный отряд.

Д-2 сначала размещался в штабе двенадцатой дивизии в Сомахара в провинции Гумма, но когда оставаться здесь стало опасно, перебрался в тридцатый пехотный полк в Сибата провинции Ниигата. Онодэра прибыл в Сибата и сразу же отправился во второй полк в Этиго-Такада. Здесь

он помогал эвакуировать население из пострадавших районов в Мацумото и Нагано, стараясь попасть на самые опасные участки. Он работал вместе со спасателями сто седьмого инженерного полка, вывозя людей, оставшихся у подножия Асамы и Эбоси и отрезанных от всего мира бесконечными извержениями и обвалами. Он совсем не отдыхал и почти не спал. Когда ему говорили, что необходим отдых, он просто не понимал, о чем идет речь. Конечно, иногда, не отдавая себе в том отчета, он засыпал где-нибудь в палатке, или за рулем грузовика, или в полуразрушенной заброшенной хибаре. Так прошел месяц, и он бы не мог последовательно восстановить его в памяти. Смутно вспоминал, как вел над обрывом сквозь рушащиеся скалы обшитый железом фургон, или засовывал в трещину скальной стены шашки динамита, или с плачущим ребенком на руках переходил вброд бурный поток… И все время он ощущал колючий сквозящий ветер в выжженной пустыне души. А когда на волнах этого ветра всплывало известное имя, он инстинктивно, рукой профессионального убийцы погружал его в холодпую пучину. И так без конца…

Что же со мной происходит? — думал он иногда. Да, он наполовину мертв, даже не наполовину,

а совсем — ведь его душа умерла. Он просто вынужден позволить телу дождаться того момента, когда наступит естественный конец этому монотонному и горестному однообразию, именуемому жизнью. И тогда он весь погрузится в темную, холодную воду — так же, как то имя, которое он сотни раз убивал и погружал в эту воду — и перестанет что-либо понимать, и все исчезнет…

— Томита-сан… — неторопливо, словно у него было самое обычное, будничное дело, Онодэра подошел к вертолету, ожидавшему его с запущенным винтом. — Сколько человек мы можем взять на борт?

— Двоих… — крикнул пилот, оборачиваясь. — У нас, правда, шесть мест, но сам понимаешь, аппаратура. А снимать времени нет.

Онодэра медленно покачал головой.

— Ты уж как-нибудь постарайся взять четверых. Раненых и больных.

— Да ты что?! — замахал руками пилот. — Где я их размещу?..

— Я же останусь… — сказал Онодэра. — Одного посади рядом с собой, а троих как-нибудь устрой сзади. Послушай, а нельзя ли для остальных дураков вызвать транспортный вертолет из Мацумото, из тринадцатого полка?

— В Мацумото только два вертолета в учебном отряде, но они меньше нашего… Впрочем, постойка, на аэродроме в Мацумото есть один большой вертолет. Он вчера совершил в Мацумото вынужденную посадку. Если двигатель исправили…

— Он-то может поднять человек пятнадцать… — Онодэра посмотрел на часы. — Давай, попробуй связаться. Сейчас семь часов шестнадцать минут. Попроси на часок завернуть сюда, прежде чем пилот начнет свой рабочий день.

— Не знаю, не знаю… Все дело в горючем, а в Мацумото его не очень-то много… Если только снабженцы подкинут…

— А ты что-нибудь придумай, скажи, что здесь дети и женщины, что среди них дети офицеров…

— Попытаюсь. Ну, а не получится?

— Тогда поведу этих дураков вниз, спущусь как-нибудь, во всяком случае попытаюсь спуститься до Отари. Я только что смотрел, вроде бы обвалы к северу от Отари не такие уж и страшные. Если идти по левому берегу, думаю, можно пробраться к шоссе Мацумото.

— Надо бы поторопиться… — сержант Томита протянул Онодэре портативную рацию и посмотрел через ветровое стекло в небо. — Погода опять должна измениться. Предупреждают о возмож-

ности сильных ветров.

Поеживаясь от поднятого винтом вихря, Онодэра отошел от вертолета. Ребята, которые держались, поодаль, словно боясь работающего винта, сейчас же подбежали к нему.

— Вы, надеюсь, пошутили? — озабоченно сказал длинноволосый парень в очках. — Ведь вы не улетите без нас?

— Взять всех невозможно. Сами должны понимать... — проверяя питание рации, ответил Онодэра. — Возьмем только раненых и больных. Их четверо, кажется?

— Еще бы одну женщину... — умоляюще попросил парень могучего сложения, но с совершенно детским лицом. — Она очень ослабла. Ну, пожалуйста, возьмите ее!..

— Некуда. Взять можно только троих, даже если я останусь...

— А что же нам делать?

— Ждать, что же еще. Если повезет, через тридцать минут за вами прилетят, — нажав кнопку рации, Онодэра вызвал пилота. — Сержант Томита, с Мацумото связался?

— Связь плохо работает... — раздался прерывистый голос пилота. — Еще попробую, когда поднимусь...

— Кажется, эта рация тоже барахлит… — Онодэра нахмурил брови. — Ну, как слышимость? Перехожу на прием.

— Не оч… Это… и… ломан…

Втянув голову в плечи, Онодэра зашагал в сторону горной хижины. Но прежде чем он достиг ее, гора грозно загудела, земля заходила ходуном. Над гребнем Корэнге неторопливо и плавно, словно в замедленной съемке, поднялся и опустился снег. В ясном, чуть ветреном небе появилось какое-то белое облако, которое понеслось к югу.

— Быстрее! — крикнул Онодэра.

В полутьме хижины он увидел нескольких человек. Пахло потом, немытым телом, и ко всему еще примешивался запах крови. Девушка, заболевшая воспалением легких, была без сознания, с высокой температурой. Онодэра вытащил из висевшей через плечо походной аптечки шприц и быстро ввел ей антибиотик и витамины. Потом он посмотрел обмороженного парня. Он тоже был в довольно тяжелом состоянии. Онодэра тоже сделал ему укол. Чем еще он, дилетант, мог им помочь? У одного парня, похоже, был перелом ключицы, ребра и предплечья, у второго — ноги. Вместе с ребятами Онодэра соорудил из нейлоновой палатки подобие носилок. Когда

пострадавших уже собирались перенести в вертолет, Онодэра заметил в углу хижины девушку. Она спала, прислонившись лицом к стене.

Кивнув на девушку, Онодэра вопросительно взглянул на стоявшего за его спиной парня.

— Лучше ее не будить, — сказал тот, хмуря брови. — Она в невменяемом состоянии. Шок, что ли…

Не придав его словам значения, Онодэра подошел к девушке и положил руку на ее худенькое плечо. Волосы и одежда девушки были в грязи, но модный костюм еще сохранил яркость. В таком костюме, не по горам лазать, а по подиуму ходить, подумал Онодэра. И такую девчонку тащить в альпийский поход! Девушка полулежала, прислонившись спиной к стене, грязное, в потеках косметики лицо было заплакано. Иногда она шумно, словно всхлипывая, вздыхала и вздрагивала всем телом.

— Нет, не хочу! — крикнула она, сжавшись в комок, как только рука Онодэры коснулась ее плеча. — …Я не могу больше идти. Оставьте меня… Ой, мама!.. Помогите!..

Она всхлипнула, и Онодэра легонько похлопал ее по щекам.

— Веселее! Скоро за нами прилетит вертолет

и всех спасет. Давай, собирайся, и будем ждать все вместе. А пока помоги перенести больных и раненых.

Девушка испуганно и удивленно посмотрела на него. Это было лицо маленького затравленного зверька. Онодэра почувствовал на секунду, как что-то мелькнуло в дальнем уголке его памяти. Но он не стал в этом копаться, повернулся к девушке спиной и быстрым шагом покинул хижину, чтобы руководить погрузкой больных.

Ветер усилился. Высоко в небе быстро неслись облака, но день был на удивление ясный. Сквозь вой ветра и шум винта Онодэра услышал крик. Краем глаза он увидел, как из хижины выбежала крохотная фигурка и, спотыкаясь, направилась к ним. Ребята возились с погрузкой носилок.

— Обмороженного положите за задними сидениями поперек! — командовал Онодэра. — Аппаратуру накройте одеялами, а его — сверху и привяжите ремнями. Над ущельями сильно трясет. Больную девушку посадите прямо в спальном мешке на заднее сидение и тоже хорошенько пристегните. Парня с переломом руки — рядом с ней, а парня со сломанной ногой — рядом С пилотом. Быстро!

Потом Онодэра, хлопнув по плечу пилота, смот-

ревшего все время в небо, крикнул:

— Ну, связался?

— Все объяснил, но ответа еще нет, — сказал пилот. — Двигатель вроде исправили. Пилот того вертолета, сержант авиаслужбы Ямагути, мой однокурсник, да еще мы из одной деревни. Думаю, он сумеет, как-нибудь уломать начальство и получит разрешение на полет.

— Ты сказал им, о ком идет речь?

— Да что ты! Сказал, что это местные жители застряли после обвала, не могут выбраться…

Кивнув пилоту, Онодэра захлопнул дверцу. За спиной он опять услышал похожий на визг крик. В этом прерывистом крике было что-то знакомое, и он невольно обернулся.

Яркая, желто-красно-сине-зеленая фигурка, шатаясь, приближалась к нему.

— Онода-сан…

Онодэра вгляделся в девушку. Зыбкое, как легкое облачко, воспоминание никак не принимало отчетливых очертаний. Это жалкое и смешное личико, все перепачканное косметикой, расплывалось, слгоьно было не в фокусе.

— Онода-са… Вы же Онода-сан… — приближаясь, говорила девушка.

— Нет, Онодэра… — сказал он, глядя на девуш-

ку со все возрастающим изумлением. — Как вы здесь очутились?..

Мако… Кажется, ее полное имя Масуко. Та самая девушка, хостэс из бара на Гиндзе. Она совершенно не изменилась с тех пор, как он видел ее в баре и в ресторане. Миниатюрная, как ребенок, нарядная, как пирожное, Мако тогда показалась ему очень молоденькой, а сейчас ей можно было дать лот семнадцать-восемнадцать, а то и меньше, в общем совсем девчонка. Масуко бросилась на грудь Онодэре и истерически зарыдала.

— Как мне было страшно! Онода-сан… Мако устала, она не может ходить… Она боится… Спасибо, что пришли спасти меня… А я уж думала все, копец… Так холодно… так страшно…

Когда, наконец, эта девчонка правильно запомнит мое имя? — рассеянно думал Онодэра, успокаивая ее, как малого ребенка.

— Ну, ну, все, все, не надо плакать… — говорил он, чувствуя, что совсем не подходит для роли утешителя — особенно сейчас! — и пытаясь отстранить от себя девушку. — Ну все, я попял… Все уже хорошо. Ну, давай отойдем, вертолет должен взлететь.

— А меня не возьмут? — Масуко испуганно подняла лицо к Онодэре. — Я не хочу оставаться на

этой страшной горе! Мако уже и шагу не может сделать. Вы посадите меня в этот вертолет?

— Нет… — отстраняя девушку, сказал Онодэра и повернулся к вертолету. — На этом только больные и раненые…

— Ну он же может взять еще одного человека. Ну, пожалуйста! Ну, умоляю! Вы же, наверное, здесь самый главный!

— Нельзя… — покачал головой Онодэра и махнул рукой. — Скоро прилетит спасательный вертолет…

Масуко, казалось, не слышала последних слов Онодэры. Она выскользнула из-под его руки и с истерическим криком бросилась к вертолету, винт которого крутился все быстрее.

— Стойте!.. Умоляю! Возьмите меня!..

Онодэра инстинктивно дернул Масуко за ворот яркой куртки. Легкая как перышко, девушка отлетела в сторону и упала на присыпанную снегом скалу.

Не обращая на нее внимания, Онодэра дал сигнал к взлету. Лыжи вертолета оторвались от земли, и он, набрав высоту, развернулся и стал удаляться.

Когда шум винтов стих, Онодэра попытался связаться с удаляющимся вертолетом. Связь по-

прежнему была плохой, но он все же понял, что ответа из Мацумото еще нет.

Выключив рацию, Онодэра взглянул на девушку. Она продолжала лежать на земле, истерически рыдая и извиваясь всем телом.

— Кто ее друг или знакомый? — спросил он оставшихся ребят.

Те переглянулись.

— А таких нет... — сказал коротко остриженный парень с усами.

Онодэра с недоумением посмотрел на парня.

— Одного сейчас увез вертолет. Это тот, который попал в снежную лавину. А другой умер...

— Хочешь сказать, что их группа состояла только из трех человек?

— Нет, я тоже был в ней... Но я друг попавшего в лавину, а с ней и с ее возлюбленным Айдзавой, ну, с тем, который умер, я впервые встретился в этом походе.

Онодэра закинул за спину рацию, подошел к Масуко и поднял ее за руку.

— Пойдем в хижину... — сказал он, поддерживая обмякшее тело.

— Что же теперь делать?

— Будем ждать! — сказал он, взглянув на часы. Было семь часов тридцать пять минут.

— А сколько?

— Не знаю. Вам, наверное, известно, что в крае Кансай сегодня утром было очень сильное землетрясение и страшное цунами. Погибли сотни тысяч людей. От самолетов остались одни обломки. Тысячи тонн горючего ушли в море. Его не хватает. Даже советские и американские корабли испытывают затруднения с топливом… Прилетит за нами вертолет или нет, в общем, шансы — пятьдесят на пятьдесят…

— А что же будет, если не прилетит?

— Пока даже не знаю… — открыв дверь хижины, Онодэра оглянулся на горную гряду. — Хорошо, если прилетит до того, как усилится ветер… Как бы то ни было, четверых спасли. Если помирать будем, я поддержу компанию…

— Какая безответственность! — заорал скуластый парень, говоривший, что они готовы умереть в горах. — Вы обязаны вызвать вертолет! Обнаружили и оставляете на произвол судьбы?! Вам-то что, у вас же профессия такая…

Уложив Масуко на пол, Онодэра, спокойно посмотрел на парня. Тот, побледнев, начал отступать.

— Послушай… — парень в очках вскочил, как бы защищая скуластого. — Простите, по-

жалуйста… он, понимаете, со вчерашнего дня нервничает, очень уж устал…

— Я же не собираюсь его бить… во всяком случае пока… — сказал Онодэра, закуривая сигарету. — Кстати, должен вам сказать, я не принадлежу к силам самообороны, хотя давно уже с ними работаю. Я гражданское лицо. Даже не альпинист, а моряк, все время работал на батискафе, глубоководном…

Заметив вдруг, какими глазами все смотрят на сигарету, Онодэра пошарил в кармане и протянул парню в очках нераспечатанную пачку.

— Дайте карту, — попросил Онодэра, передавая парню спички. — В крайнем случае попробуем спуститься вниз…

— Но на склонах такие трещины и обвалы…

— В Мацумото мы летели на север вдоль реки Итой, обратно возвращались над левобережьем… — Онодэра разложил карту. — Обвалы и трещины в основном на южном склоне, а на северном они не такие уж страшные. Можно обогнуть гору Акакура, выйти на ее противоположный склон и спуститься вдоль реки по ущелью в Отари. Но в Отари плохо… Тут-то и начнется самое трудное… Есть и другой путь. Еще раз пройти по плоскогорью Фубуки и выйти к

Хираива. Здесь расстояние больше, но в Хираива можно будет сесть в грузовик сил самообороны…

— Но если ветер усилится, по Фубуки и шагу не ступить, — сказал крупный парень. — Наверное, лучше спуститься к Отари…

Запищала рация, раздался еле слышный голос сержанта Томита.

— Хакуба слушает, говорит Онодэра… — быстро положив рацию на колени, Оподэра надел наушники. — Хэнри Оушен 8, слушаю вас… Томита-сан! Вы меня слышите?

Сели батареи, и связь нарушалась. Онодэра много раз переспрашивал, пока его нахмуренные брови не разгладились.

— Можете радоваться. Через тридцать минут к нам вылетает вертолет из Мацумото… — сообщил Онодэра, прекратив связь.

Ребята радостно зашумели, но Онодэра остановил их, подняв руку.

— Вертолет сначала полетит в Нагано, а оттуда уж сюда. Тринадцатиместный, все сможем сесть…

— А сколько примерно придется ждать?

— Ну, скорость у него двести километров… До Нагано, выходит, минут двадцать лету. Да из Нагано к нам столько же, наверное. Правда, я

не знаю, как долго он задержится в Нагано. Но, думаю, что-нибудь через час после вылета будет у нас. Так что еще полтора часа.

Вдруг снова загудела земля. Хижина затрещала так, что казалось, она вот-вот развалится. Откуда-то донесся приглушенный грохот. Все вскочили. Опять запищала рация. Онодэра поднял рацию с пола, но толчок отбросил его в сторону; налетев на стоявшего рядом парня, он уронил ее. Пока Онодэра еще держал рацию в руках, сквозь помехи донесся отчетливый голос:

— Тревога… Тревога… Опасность извержения Норикура. Немедленно приступить к эвакуации…

Все, затаив дыхание, смотрели на рацию. Онодэра торопливо поднял ее, но она молчала. Снаружи раздался треск, который заглушил сильный грохот. Хижину опять затрясло.

— Извержение! — крикнул кто-то охрипшим голосом.

— Теперь все! Конец!

— Нет, — сказал, подняв голову, Онодэра. — Норикура же на юге, далеко отсюда…

— Да что вы говорите! Не далеко, а рядом, тут над нами тоже есть пик Норикура!

А ведь верно, подумал Онодэра. Действитель-

но, широко известный пик Норикура, краса Северных Альп, где размещаются лаборатория космических излучений, станция наблюдения за солнечной короной и обсерватория Киотского университета, находится далеко на юге, на западе Кисодани. Туда ходит автобус — до самой вершины. Но есть и другой пик Норикура — прямо позади них, северо-восточнее гряды Татэяма и пика Хакуба. Он возвышается прямо над хижиной Цуга на две тысячи четыреста тридцать шесть метров. Когда-то это был вулкан, и его лава образовала посреди горной гряды замкнутое озеро Хакуба-Оикэ. На каком же Норикура объявлена тревога? Онодэра вдруг занервничал — чего с ним в последнее время не бывало — и, поглядывая на часы, стал торопливо крутить рацию.

Было семь часов сорок минут.

Раздался протяжный, словно идущий из самой утробы земли, гул, хижина закачалась, один из парней выскочил наружу.

— Что там? Что за шум? — срывающимся голосом крикнул кто-то.

— Вода! — донесся вопль. — Сверху хлынула вода!

— Прорвалось озеро Хакуба-Оикэ… — бледнея, тихо сказал долговязый парень, тот, который,

по-видимому, был вожаком отряда, или, вернее, стал им в силу обстоятельств. — Извержение.

— Нас смоет водой! — закричал кто-то — Надо бежать!.. В сторону хижины Сейдзё!

— Постойте… — Онодэра направился к выходу. — Как там с водой?

— Кажется, ничего страшного, — сказал вернувшийся парень, он тяжело дышал. — Падает в сторону озера Цуга…

Онодэра выглянул за дверь. Неожиданно близко он увидел стремительно бегущую по склону воду. Поток кружился и пенился, сталкивая камни и скалы, и с грохотом низвергался в ущелье. По окрестным горам катилось мощное эхо. Шум потока постепенно стихал, но взрывы и гул, доносившиеся со стороны затянутой туманом гряды, не умолкали.

— Здесь опасно оставаться?.. Как вы думаете? — чуть дрогнувшим голосом спросил вожак, глядя на иссякающий поток. — А нельзя просить, чтобы вертолет летел прямо к нам, а не в Нагано?

— Нет, — покачал головой Онодэра и закурил новую сигарету. — Не рация, а дерьмо! Ее должны были списать, но раций не хватает, вот и оставили, надеялись…

— А починить можно?

— Есть кто-нибудь, кто умеет чинить радиоаппаратуру? — спросил Онодэра, окидывая всех взглядом.

Никто не отозвался.

— Значит, связи нет… — сказал вожак. — Так как же… будем ждать полтора часа здесь?.. Ведь существует опасность извержения, и ветер усиливается, и тучи набегают…

Онодэра зажег несколько спичек, прежде чем ему удалось закурить погасшую сигарету. Ветер в самом деле был сильный, да и руки у него немного дрожали. Он машинально посмотрел на часы. Семь часов сорок пять минут.

Онодэра был в нерешительности. Земля продолжала гудеть, но признак ли это предстоящего извержения? Ему казалось, что недавнее землетрясение было следствием обвала. Треск и грохот — словно под землей стреляют из орудий — бывает слышен и тогда, когда образуются трещины и происходят обвалы. Прислонившись к косяку двери, с сигаретой в зубах, он взглянул на гряду. Можно было, конечно, подняться к вершине и установить по температуре почвы и выбросам пара степень активности пиков Норикура или Сёрэнге. Однако на это у них нет времени. Хоть бы вершина просматривалась! Но ее закрывали

наплывавшие с севера свинцовые тучи, которые довольно быстро спускались на плоскогорье Тэнгу. Голубизны на небе уже не было, она отодвинулась далеко к югу, в сторону Мацумо-тодайра. Ветер становился все сильнее. Порой со свистом проносились клубы смешанного с песком снега. Ветер в основном дул с севера. Стучали окна и дверь, скрипели стены хижины, словно стараясь восполнить затишье между толчками.

Вдруг Онодэра бросил наполовину недокуренную сигарету, затоптал ее и поднял лицо к небу. Несколько раз сильно втянул носом воздух и, обернувшись, позвал парня, который не курил. Онодэра вытолкнул его на ветер.

— Надеюсь, ты не простужен? — спросил он. — Чувствуешь какой-нибудь запах?

— Нет, абсолютно ничего... — начал было парень, но вдруг ноздри на его круглом лице зашевелились. — Пахнет. Пахнет серой.

Онодэра стремительно шагнул в хижину, схватил рацию и бодро крикнул:

— Выходим! Была не была, обогнем Акакуру с севера и спустимся в Отари. Расстояние не ахти какое. Если только от этого землетрясения не образовались новые трещины, все будет в порядке.

— А дорога есть? — обеспокоенно спросил

кто-то.

— Я точно не знаю, есть или нет. Посмотрите по карте. Но все равно это лучше, чем против ветра переваливать через гряду или сквозь снег спускаться к горячим источникам Рэнге.

С этими словами Онодэра выскочил из хижины и, немного пробежав по гладкому снегу, начертил ногой большую стрелку, а рядом написал «В Отари». Хорошо, если до прибытия вертолета ветер не заметет все. Конечно, если вертолет вообще прилетит в такую погоду…

Онодэра подошел к Масуко и взял ее под руку. Девушка едва держалась на ногах.

— Я… не могу я больше идти… — она всхлипнула. — Холодно… Умираю… А вертолета не будет?

— Ну давай взбодрись, нужно идти, — сказал ей Онодэра. — А если не сможешь идти, я тебя понесу.

Сквозь снег и густые облака они пересекли плоскогорье Тэнгу и начали спуск по восточному склону. Через некоторое время запах серы чувствовали уже все.

— Старший… — с беспокойством обратился к Онодэре один из парней. — А пахнет-то как! Надеюсь, это не гора Акакура готовится к извержению?

Онодэра, сосредоточивший было все свое внимание на дороге, почувствовал, как его вновь охватывает сомнение. Быть может, неподалеку, подумал он, начались выбросы пара. А может, они где-то наверху, сюда же запах приносит ветром? Впрочем, ветер теперь дует с юга и с такой силой, что любой запах рассеется…

Когда Онодэра решил спускаться по северо-восточному склону, он почти рефлекторно рассчитал, что даже в случае извержения Норикура пепел и вулканические бомбы ветер отнесет к югу и к юго-западу, а сюда их попадет немного. Лава здесь андезитового состава с высокой кислотностью и вязкостью, так что она не потечет прямиком в долину, как базальтовая. Правда, самое опасное — это извержение на склоне, где нет кратера, но это почти исключено. Кроме того, гряда Фубуки в какой-то мере преграждает дорогу ветру.

И все же почему в ущелье так сильно пахнет серой?.. И тут Онодэра обратил внимание, что запах усиливается в те моменты, когда ветер меняет направление и начинает дуть снизу из ущелья в восточную сторону. Его ноги сами остановились, и он стал вглядываться вдаль.

Но ущелье реки Итон уже закрывал густой ту-

ман, и вершины Тогакуси на противоположном берегу совсем не было видно.

Не может быть, подумал он, чувствуя судорожный холод в желудке, чтобы этот запах…

Когда Онодэра остановился, Масуко, которую он держал под руку, мешком свалилась к его ногам. В лице — ни кровинки, даже губы побелели. Она все еще всхлипывала, но слез уже не было.

Он ласково нагнулся над ней, пытаясь помочь подняться. Масуко покачала головой и прислонилась к его груди.

— Уже все… — хрипло сказала она. — Оставьте меня, идите. А я… я пойду к Айдзаве-сан…

Когда Онодэра поднимал девушку, его рука коснулась ее щеки, и он почувствовал сильный жар. Онодэра снял с плеча рацию, взял у ребят брезентовый ремень и привязал тонюсенькую невесомую Масуко к своей спине, словно младенца.

— Пойдем немного быстрее, — крикнул он, обернувшись к остальным. — Будьте очень внимательны!

— Старший, а рацию оставляем? — крикнул кто-то ему вслед.

Но Онодэра даже не обернулся. Он махнул рукой шедшему впереди вожаку и двинулся даль-

ше. Хотя Масуко и была очень миниатюрной, но все же, наверное, весила килограммов тридцать семь-восемь. Он чувствовал ее тяжесть, потому что шел, расслабив мускулы, и, кроме того, даже через куртку ему жгло спину пылавшее в жару тело девушки.

Так они шли несколько минут, как вдруг спереди, сквозь туман, ударила легкая воздушная волна. Остановились. Снизу, заставляя колебаться пахнувший серой туман, накатывал тревожный гул, от которого начинало сосать под ложечкой. На секунду все смолкло, и вдруг раздался такой грохот, словно одновременно дали залп из сотен орудий. Почва под их ногами поднялась, как будто все ущелье кто-то толкнул снизу, растения закачались, дрогнули скалы, посыпались песок, снег, камни.

— Старший! — раздался испуганный крик за спиной Онодэры. — Вон там… впереди… за туманом… огонь! Смотрите…

В глубине уже ставшего темно-серым тумана алым пятном проступило пламя. Раздался грохот. Появилось еще одно алое пятно, чуть пониже первого. Небо, до сих пор светлое, стало темнеть на глазах, словно заливаясь тушью. Сыпавшиеся кругом камни уже не были обычными камнями

обвала, а раскаленными красно-рыжими продуктами вулканического извержения.

«Вот в чем дело… — скрипнув зубами, подумал Онодэра и окинул взглядом язычки пламени, мелькавшие, словно адский огонь, за темно-серым туманом. Да, запах серы все-таки шел не с горной гряды Усиро-Татэяма, а от горы Тогакуси…

— Что будем делать, старший?! — донесся подетски пронзительный голос сквозь начавший падать горячий пепел…

Тридцатого апреля в восемь часов три минуты от вулканического взрыва взлетела в воздух вершина горы Такацума на горной гряде Тогакуси, а затем — вдоль притока реки Итон, на отрезке между западным склоном вершины Дзидзо и горной железнодорожной линией — образовалось двенадцать взрывных кратеров, и началось извержение западного склона горы Тогакуси.

Гибель Дракона

1

На восточном конце Евразии, занимающей половину северного полушария, умирал Дракон.

Дракон корчился в жестоких судорогах. Его тело — изогнутое, словно в погоне за шаром, с задорно поднятым хвостом — сейчас было охвачено огнем, окутано дымом. Его крепкий хребет, между шипами которого росли густые зеленые леса, растрескался, и из этих ран, пульсируя, била горячая кровь. Из глубин Куросио, ласкавшего

его с древнейших времен, выглянула смерть и с хищностью голодной акулы своими страшными зубами вгрызлась в его бок. Она отрывала кусок за куском, и живое, кровоточащее мясо исчезало в ее ненасытной утробе — в беспредельной пучине океана.

На южной стороне Центрального тектонического района южные половины Кюсю, Сикоку и полуострова Кии были уже отодраны от тела Дракона и большей частью поглощены морем. В краях Канто и Тохоку широкая полоса воды отделила полуостров Бофуса от Хонсю, его выступающая в океан часть погрузилась более чем на десять метров, а побережье Рикутю тоже нырнуло в Тихий океан, переместившись на двадцать с лишним метров. На Хоккайдо в Томакомай и Отару вошла морская вода, а полуострова Нэмуро и Сирэтоко, оторвавшись от суши, погрузились в море. Подобные же изменения происходили на островах на юго-западе Японии и на Окинаве; нескольких островов уже не стало.

За Драконом стоял невидимый гигант.

Четыре миллиона лет назад, когда на краю старого континента из посеянного семени народился Дракон-детеныш, где-то глубоко в недрах между ним и континентом появился слепой гигант,

который начал выталкивать новорожденного в океан. Оторвавшись от матери-земли, плывя по бурным волнам, младенец рос и рос, все больше и больше возвышаясь над водой, и наконец превратился в могучего зрелого Дракона.

И вот сейчас слепой гигант, не переставший все эти годы толкать Дракона, вдруг взбесился, сломал ему хребет, опрокинул и начал тянуть на дно. Всего за два-три года после начала катаклизма Японский архипелаг сдвинулся на несколько десятков километров на юго-юго-восток. Сила, толкавшая Японию со стороны Японского моря, проявлялась наиболее активно в центре Хонсю. Западная часть разлома передвинулась на тридцать километров, восточная — на двадцать к юго-юго-востоку, расстояние между устьями рек Тоёкава и Ои в заливе Ацуми за какие-то несколько месяцев увеличилось больше, чем на два с половиной километра. На разодранной пополам земле целиком погрузились на дно города Тоёхаси, Хамамацу и Какэ-гава, морская вода уже омывала подножия Южных и Центральных Японских Альп и, поднявшись против течения по реке Тэнрю, хлынула в котловину Ина, постепенно превращая ее в узкое, длинное озеро.

Период дождей начался не в июне, как обычно,

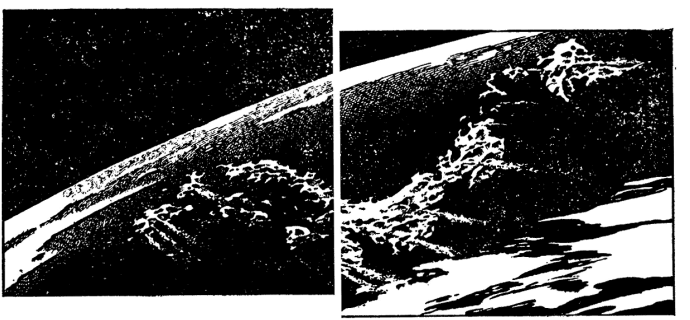
а раньше, возможно из-за выделения огромных масс подземного тепла. В результате были почти полностью затоплены аллювиальные равнины вдоль Тихоокеанского побережья. Низменность Канто превратилась в мелкое море, теперь трехтысячетонные суда с пятиметровой осадкой могли доплыть до Такасаки, Татэбаяси и Фурукава. По низменности Ноби можно было доплыть до городов Гифу, Огаки и Тоёта, по низменности Осаки — до города Киото, по низменности Тикуси — до Йосий префектуры Фукуока, а между городами Фукуока, Курумэ и Омута теперь было только водное сообщение. И в низменность Сэндая вода проникла до Хирайдзуми. На Хоккайдо воды Тихого океана, затопив низменность Кусиро, подошли к городам Обихиро и Сибэ-тя, и плоскогорье Консэн стало теперь морским побережьем.

Тяжко страдая, Дракон все же сопротивлялся бешеной силе, толкавшей его в спину и тянувшей на дно океана. В начале июня, четыре пятых его тела еще были над волнами и казалось, он делает все возможное, чтобы вырваться из ледяной руки смерти, протянутой к нему из тысячесаженной глубины. Каждый раз, когда Дракон с ревом бился в судорогах, изрыгая огонь, дым и раскаленную кровь, умирало бесчисленное множество жи-

вых творений, долгие годы обитавших в чешуе на его спине. Какой-то части из них удавалось оставить тело хозяина, на котором они благополучно существовали сотни тысяч лет, и бежать далеко за моря. Особенно рвались прочь двуногие существа, которые сильно размножились в четвертичном периоде кайнозойской эры, а в последнее время стали проявлять невиданную активность — скоблили Дракону спину, сосали его кровь, дырявили его тело, наносили бесчисленное множество ран на мягкой коже его живота и горла. Из их колоний на теле Дракона тучами взлетали подобия крылатых насекомых, а от его боков отталкивались и плыли по морю во все стороны битком набитые скорлупки.

Дракон был еще жив. Но сила, тянувшая его на дно, с каждым днем увеличивалась. Холодная вода, небесная и морская, все глубже проникавшая в раны при каждом судорожном рывке Дракона, наконец встретилась с его горячей кровью, бешено вскипела и, превратившись в пар, стала разрывать его тело изнутри. Когда ледяная рука смерти нащупает раскаленное сердце Дракона, плоть его будет окончательно разодрана на куски, и клочья мяса и кожи разлетятся во все стороны. И Дракона не станет. Его труп, еще

теплый, но — как все мертвое — уже не способный напрячь мускулы и оказать сопротивление, будет равнодушно проглочен мрачной, холодной морской впадиной и похоронен на самом дне, куда не доходит солнечный свет. Что этот день близок, теперь было ясно каждому. Рык, судороги и прерывистое дыхание дракона, выбрасывавшего к небу пламя и дым, уже походили на агонию.



Постаревшая мать-земля, когда-то породившая

дракона — плоть от плоти своей, — казалось, смотрит полными боли глазами, как бьется в судорогах и, изрыгая яд, в муках умирает ее детище. А океан, более древний и огромный, чем твердь земная, был равнодушен и холоден, готовя умирающему могилу на своем дне. С древнейших времен, в течение миллиардов лет на этой планете суша и море всегда боролись друг с другом. Порой вода отступала, и тогда на свет являлся большой кусок суши, но потом море вновь шло в атаку и заглатывало огромный кусище тверди. Суше приходилось странствовать по поверхности планеты. Она то меняла свои очертания, то раскалывалась. По сравнению с бесчисленным множеством континентов и островов, которые возникали из моря и вновь погружались в него за головокружительно долгий период существования Земли, легендарные Атлантида и Муу — сущая чепуха. Так стоит ли страдать из-за крохотного клочка тверди, который суша вот-вот вернет морю, пусть даже на нем процветает и гордится своим «процветанием» жизнь, порожденная некогда все той же водной стихией? Так, казалось, бормотало море… А порой оно проявляло любопытство скучающего зеваки к этому умирающему твердому кусочку. И тогда

равнодушная, тяжелая и холодная морская вода, преодолевая остатки барьеров, проникала в глубь суши и, ни с чем не считаясь, все уносила с собой.

Взоры всего мира сейчас были обращены к этому Дракону, умиравшему в дальневосточном уголке океана. Над агонизирующим, извергавшим огонь и дым архипелагом беспрестанно летали десятки наблюдательных самолетов с цветными видеокамерами на борту. Три крупнейшие телекомпании Америки «Си-би-эс», «Эн-би-си» и «Эй-би-си», телекомпании Западной и Восточной Европы, Азии и даже южноамериканская «Лам», используя спутники связи над Тихим океаном, раз в неделю по регулярной программе передавали репортаж о последних минутах жизни гигантского архипелага. Эти передачи на экранах семисот миллионов телевизиров смотрела почти половина четырехмиллиардного населения Земли.

Все человечество сознавало жестокость и трагизм этого зрелища, но грандиозность «спектакля» возбуждала и щекотала нервы. Гибель призрачной Атлантиды, легенды о которой передавались из поколения в поколение, вдруг обрела реальность. По меркам древних, Атлантида была

процветающим государством, высокоразвитой цивилизацией, но все это не шло ни в какое сравнение с богатством и процветанием народа островной страны на Дальнем Востоке. Стодесятимиллионный народ, владеющий общественным состоянием в тысячи миллиардов долларов, который из года в год занимает второе место в капиталистическом мире по объему производимой промышленной продукции, в денежном выражении равному тремстам пятидесяти миллиардам долларов… Народ, претендовавший в двадцать первом веке на первое место… Единственная страна в Азии, которая сумела преуспеть в модернизации и превратилась в промышленную державу, сохранив своеобразную культуру, которая так и носит название «японской»… И эта островная страна со своими гигантскими богатствами, прекрасной и многообразной природой вскоре будет растерзана, расчленена, втянута в морскую пучину незримой гигантской силой, таящейся в глубинах планеты.

Средства массовой информации всего мира разжигали страсти вокруг Японии. У Японских островов плавали авианосец «Форрестол» Седьмого флота США, авианосец «Блуварк» Дальневосточного ВМФ Англии и авианосец «Мельбурн»

ВМС Австралии. Они, конечно, выполняли и спасательные функции, но в то же время на них базировался всемирный информационный центр, который назвали Тихоокеанским пресс- и телецентром. Выпущенная в Америке семимиллионным тиражом брошюра «Атлантида и Япония», бывшая не чем иным, как сенсационной скороспелкой, разошлась за несколько часов. Настоящий бум вызвал сборник высказываний астрологов и пророков, которые, оказывается, давно уже предрекали страшные катаклизмы Земли.

Нечего и говорить, что больше всего разволновались ученые — геологи и геофизики. Они прямо-таки головы теряли от этой обрушившейся на них проблемы. ЮНЭСКО образовала специальную комиссию — было разрешено использовать семь геодезических и метеорологических спутников Земли, запущенных США, Советским Союзом, Англией и Францией, а также все наблюдательные и исследовательские системы, которыми располагала специальная спасательная комиссия ООН. В Советском Союзе, Соединенных Штатах Америки, Китае, Индонезии, Австралии, Англии, Франции, ФРГ и Норвегии были образованы специальные исследовательские институты.

Разумеется, мгновенно были исчерпаны все «запасы» специалистов, занимающихся науками о Земле, со всего мира собрали даже студентов соответствующих специальностей. Для ученых это был исключительный случай, который выпадает «раз в тысячу лет». Дело в том, что это явление с точки зрения новой, едва получившей обоснование науки — геоэнергетики было уникальным и поднимало неисчислимое множество новых проблем. Внезапное погружение океанической плиты — теоретически такая модель была уже создана — сопровождалось перемещением плиты континентальной, и этот процесс произошел с поразительной скоростью, всего за несколько лет. Под земной корой произошло внезапное нарушение равновесия из-за крупномасштабных перемещений вещества в мантии, и это нарушение сопровождалось взрывным высвобождением энергии… Было ли это повторением некогда происходивших на Земле бурных горообразовательных процессов, отголоски которых еще не совсем заглохли в недрах массивов суши, или это было явлением, неведомым до сих пор для нашей планеты и свидетельствовавшим о вступлении ее в какой-то новый этап своего эволюционного развития?

На эти вопросы предстояло ответить. Пока очевидно было одно: наблюдаемое явление носило совершенно уникальный характер.

В свете происходившего внезапное разрушение и погружение в океан легендарной Атлантиды, считавшееся всего лишь фантазией или мифом древних, вдруг стало объектом серьезного изучения. Гибель Японии стала как бы моделью гибели Атлантиды. Сейчас никто уже не говорил о невероятности подобного явления, как с развитием палеомагнетизма не отрицали уже теории дрейфа материков Вегенера, которую когда-то похоронили в основном из-за того, что автором ее был синоптик, дилетант в геологии. Среди ученых Индии и Австралии изменилось и отношение к «мифу о материке Муу» Черчвальда, считавшемуся до сей поры совершенно несостоятельным.

Мир следил за приближающейся с каждой минутой катастрофой с двойственным чувством. Казалось бы, гибель его означала потерю всего лишь третьей доли процента от общей площади суши на планете. Но когда об этом клочке начинали думать как о «земле людей», то это не могло не волновать, больше того, это не могло не стать ощутимым для всего мира. На этой земле

жило два и шесть десятых процента всего населения планеты. Здесь ежегодно производилось около семи процентов мировой промышленной продукции, на долю этого архипелага приходилось четырнадцать процентов в международной торговле. Для развивающихся стран Япония — в качестве «фабрики Азии» — была прекрасным рынком сбыта нефти, каменного угля, железной и медной руды, бокситов, урана, кварца, хлопка-сырца, шерсти, кормов, продуктов питания и фруктов. Одновременно она являлась поставщиком на мировой рынок стали, техники, судов, автомобилей, электронной аппаратуры, бытовых электроприборов, текстиля, галантереи и фабрично-заводского оборудования. Короче говоря, она была серьезным поставщиком промышленных товаров. А в последние годы Япония начинала приобретать вес в качестве члена мирового инвестиционного рынка, особенно в развивающихся странах, предоставляя им долгосрочные кредиты. Роль Японии в мировой экономике была огромной Теперь ее гигантские накопления погибнут, ее организационная структура разрушится, а жизнь ее населения ляжет огромным бременем на плечи населения других стран… Мало того, катаклизм грозил затронуть довольно обширный

район в Японском море.

Люди впивались взглядом в экраны телевизоров, в кадры кинохроники, в газетные фотографии, наблюдая, как тонет, изрыгая дым и пламя, Дракон.

По всему миру развернулась кампания под лозунгом «Спасите Японию!», проводимая международными и общественными организациями, а также правительствами всех государств. Проходили митинги, начался сбор средств в пользу японских беженцев. Однако большинство людей проявляло лишь любопытство стороннего наблюдателя к трагическому спектаклю, происходившему в каком-то далеком уголке Дальнего Востока. В глубине души они испытывали сложные и противоречивые чувства: удовлетворение от того, что «это» произошло не на их земле, некоторое злорадство, что гибнет преуспевающая и процветающая страна, тревогу и неприятное предчувствие, что придется принять на постоянное жительство большое количество своеобразного энергичного и какого-то непонятного народа.

По большому счету, только сами действующие лица этой трагедии не жалея живота своего старались поелику возможно уменьшить потери.

Спасательная служба Японии без сна и отдыха продолжала работы, словно в условиях катаклизма хотела сотворить новое «японское чудо». С приближением конца все больше становилось жертв среди сотрудников самой спасательной службы. Коммодор Гэрланд, командовавший американской морской пехотой, которая сотрудничала с ней, заявил с глубоким удивлением в телеинтервью:

— Все спасательные службы Японии — и государственные, и военные, и гражданские — проявляют поразительную храбрость. Их команды бросаются туда, куда не решаются ступить даже наши морские пехотинцы, побывавшие не в одном бою. Возможно, это естественно, когда речь идет о спасении жизней своих соотечественников. И все же порой отвага японцев граничит с безрассудством. Мы иногда говорим между собой, что, быть может, это от горя…

Потом коммодор добавил еще несколько слов, которые во время передачи были вырезаны:

— Я думаю, что все японцы — народ «камикадзе». Все без исключения — отважные воины… Даже молодое поколение, которое считается мягкотелым, внутри системы действует, ни в чем не отставая от старшего…

Идя навстречу приближающемуся с каждой минутой концу, Япония, казалось, бросала вызов самой природе, пытаясь сотворить «чудо». В каком-то смысле это чудо уже было сотворено. К началу июля в условиях непрекращающихся землетрясений, извержений и цунами было вывезено за пределы страны шестьдесят пять миллионов человек.

По шестнадцать миллионов человек в месяц! Тому послужили и признанные во всем мире организаторские способности японцев, и оперативность объединения японских торговых фирм, сумевшего сделать практические выводы сразу, как только ими была получена от правительства секретная информация о катаклизме. Однако по мере роста разрушений и опускания почвы эффективность спасательных работ стала заметно падать. Пути сообщения, порты и аэродромы выходили из строя один за другим, сосредоточивать в определенных пунктах большое количество эвакуируемых и вывозить их в крупных масштабах практически сделалось невозможным. Приходилось собирать отдельные, маленькие группки отрезанных от всего мира людей.

К началу июля пригодным для эксплуатации остался только один аэропорт Титосе на Хок-

кайдо, но и его закрытие было лишь вопросом времени. Можно было еще как-то использовать аэродромы внутренних линий, расположенные сравнительно высоко над уровнем моря, как в Аомори, и гладкие, еще не затопленные степи.

Теперь главная роль в спасательных работах переходила к вертолетам и военным самолетам, способным совершать посадку и взлет с короткой пробежкой на неровной местности, и к десантным судам. В этой ситуации возможности советских транспортных авиагигантов оказались просто поразительными. Их посадочно-взлетная система была настолько мощной, что при полной загрузке горючего с расчетом на обратный полет они с легкостью совершали посадку в глубоких, с неровностями котловинах.

Комитет спасения Японии с помощью международных спасательных отрядов вел отчаянную борьбу, чтобы до конца июля эвакуировать до семидесяти миллионов человек. Число погибших и пропавших без вести после начала катаклизма уже превысило двенадцать миллионов человек. Сюда входили и те, кто погиб уже после посадки на самолет или судно. Количество жертв среди членов спасательных отрядов подходило к пяти тысячам. А на беспрестанно трясущихся раска-

лывающихся и тонущих островах оставалось еще более тридцати миллионов человек. Эти люди в ловушках глубоких котловин и окруженных водой прибрежных холмов, дрожа от ужаса, ждали своей очереди на спасение. Пытаясь спасти всех до последнего, национальные силы спасения, в которые входило три миллиона человек, начали последний смертельный бой с природой.

Но и в июле, и в августе число спасенных с каждым днем падало, а число жертв и среди спасателей, и среди оставшегося населения катастрофически увеличивалось. Членов спасательных отрядов валило с ног переутомление. С неба все время сыпался вулканический пепел, он покрывал города, поля, горы, проникал в дома, попадал в пищу, на постели, забивал носоглотку… А под мрачным, постоянно затянутым дымом извержения небом, среди серной вони, по дрожащей и гудящей земле метались спасатели. Они крутили рации, ругались между собой, выслушивали мольбы, просьбы, брань и проклятия людей, узнавали о все увеличивающемся числе жертв, получали противоречивые указания, что-то предпринимали на собственный страх и риск, не мылись, не брились, зачастую не успевали ни поесть, ни попить, спали по два-три часа в сутки,

пристроившись в уголке трясущегося грузовика, на неудобном стуле или на усеянной камнями земле. Переутомление дошло до предела, нервы начинали сдавать. Спасателям стало казаться, что они бросают вызов чему-то абсолютно немыслимому, что среди разгула взбесившихся стихий все их усилия пропадут даром и в конце концов они, как и отрезанные от мира пострадавшие, окажутся погребенными под пеплом или погибнут в пучине все ближе подступающего моря… Их охватывало щемяще-тоскливое отчаяние…

И Катаоку мучили те же мысли, и его душу леденил тоскливый сквозняк, когда он вместе с двумя-тремя десятками людей ожидал спасательного судна в местечке со странным названием Ахокке, находившемся у восточного подножия горы Асафуса в четверти километра к северу от города Мито префектуры Ибараги. Город Мито уже полностью исчез под водой, море вплотную подступило к Ахокке, некогда возвышавшемуся над его уровнем на сто метров. Гребни холмов превратились теперь в мысы, под ними свинцовые волны лизали вершины деревьев. Жители центра города Мито, не погибшие во время землетрясения и хлынувшего вслед за ним цунами, бежали в окрестные горы. Кое-кто из них за-

блудился, отстал и не был во время вывезен; с группой таких людей сейчас и встретился Катаока. В районе Итикай море соединило верховья рек Нака и Кину, превратив гористую местность Цукуба в настоящий остров.

Группа Катаоки, состоявшая из трех человек, прибыла сюда не для спасательных работ. Дело в том, что над атомной электростанцией и исследовательским институтом ядерного топлива в местечке Токай, которые давно уже погрузились в море на несколько десятков метров, а предварительно были экранированы десятками тысяч тонн бетона, обнаружилась повышенная радиоактивность. Возникла опасность загрязнения океана отходами ядерного топлива, и группа Катаоки на гидроплане сил самообороны прибыли в этот район, чтобы уточнить положение. Катаока, умевший нырять с аквалангом, принял участие в обследовании. Тревога оказалась напрасной: очевидно, просто произошла некоторая утечка радиоактивных веществ при погружении. Когда проверка была окончена и все вернулись в надувную лодку, налетело цунами.

Гидроплан при приближении цунами попытался взлететь, но сразу не завелся левый двигатель, и хлынувшая волна опрокинула машину. На-

дувную лодку, в которой находились Катаока с товарищами, цунами понесло на своем хребте далеко во внутренние районы бывшей суши. В конце концов она зацепилась за торчавшие из воды верхушки затонувшего леса. При этом одного члена экспедиции унесло отступающей волной. Оставшиеся в живых, совершенно измученные люди наконец добрались до твердой земли и увидели, что находятся у подножия горы Асафуса.

Беженцы, нашедшие временный приют в Ахокке, завидев группу, бросились ей навстречу с криками радости, приняв потерпевших за спасательный отряд. Но когда выяснилось истинное положение вещей, люди еще больше пали духом.

— У вас этой самой… рации нету? — спросил Катаоку человек лет за шестьдесят с простым открытым лицом и полными мольбы глазами. — Мы все время тут жжем костер, вроде сигнал подаем… Но небо-то все в пепле, ничего не видать, самолеты нас не замечают.

— Рация-то у нас есть, но очень слабенькая, да и в воду не раз падала, так что… — Катаока бессильно опустился на скалу. — В общем, конечно, попытаемся связаться…

— Мы просим вас!.. Очень просим, умоля-

ем!.. — быстро заговорила морщинистая старуха, молитвенно сложив руки. — Мы уже больше десяти дней блуждаем по горе. А одному из младенцев худо… Вы хоть их спасите! Пожалуйста! Нам-то, старым, все едино, а вот молодых, детей, женщин… постарайтесь уж, спасите…

— Ты не очень-то приставай, нехорошо, — сказал старик, видно, он был здесь за старшего. — Ведь они сами попали в цунами, измучились…

— Попробуем связаться, — Катаока повернулся к коллеге. — Ну что, работает?

— Не пойму еще… Ведь она с утра у нас включена, батареи, небось, совсем сели, — ответил тот, кладя рацию на колени. — А поблизости в море тут есть суда?

— Кто знает… Утром, когда мы еще летели, я видел два-три, а сейчас… — сказал третий из их группы. Если даже и примут наш SOS, не они же сами к нам поспешат. Пока дойдет очередь, то да се… К тому же этот участок уже дней пять или шесть как закрыт, считается, что отсюда все уже вывезены.

— Тогда, может, лучше перебраться через вершину на другую сторону горы? — спросил тот, что крутил рацию. — На той стороне больше шансов на появление судов или вертолетов.

— Ну, если даже и переберемся, все равно много времени пройдет… — Катаока оглядел сидевших на земле женщин и детей, совершенно обессилевших, онемевших от усталости. Слышался только слабый плач младенца. — Мы и одни нескоро туда дойдем. Попробуйте все же дать позывные на волне SOS.

С северо-запада доносился беспрерывный грохот, склон горы содрогался. Наверное, это извержение Нантай и пика Сяка-гатакэ вулканического пояса Насу, подумал Катаока.

— Дорогу-то завалило, обвал был. Пошли мы, значит, в обход, а детишки и женщины из нашей деревни заплутались, забрели в горы… — сморщив загорелое лицо, тихо, словно про себя, заговорил старик. — Переполошились все. Не знаю, куда только глядели, забрели на гору Кэйсоку. Ну, пока искали да бродили туда-сюда, сборный пункт, где мы должны были сесть на корабль, взял да и потоп… Мы, конечно, походили поблизости, подождали, но никого уже не нашли. Хорошо еще, что еда везде осталась, в домах-то, и ночевали под крышей — люди ведь все бросили, бежали кто в чем был… Вот вода нас беспокоит, прибывает вода-то… Видать, всю гору уже окружила.

Старик указал пальцем на бурлящую морскую воду с плывущими по ней пемзой и пеплом.

— Видите, и на эту сторону цунами воду нагнало… Ох, и цунами утром было, страсть! Оно во-он оттудова пошло. Да и без цунами вода прибывает. Мы здесь всего два дня, а вода уже на два метра поднялась…

— Не вода поднимается, а весь этот район постепенно тонет, — сказал ему Катаока. — А кроме того, весь горный массив Ямидзо уже передвинулся к востоку километров на восемнадцать — двадцать…

— Что же это выходит?.. Гора Цукуба прямиком суется в море Касима?

Да… — про себя ответил Катаока. А потом и в Японскую впадину…

— Ничего не получается! — досадливо щелкнул языком тот, что крутил тихо попискивавшую рацию. — Батареи совсем сели, а запасные унесло…

— Если вам сухие батареи нужны, есть несколько штук в карманном фонаре… — сказал за их спиной изможденный мужчина средних лет. — Не пригодятся?

— Попробуем, — кивнул Катаока. — А если не поможет, поищем в какой-нибудь лавке.

— Зачем искать-то, в двух километрах отсюда

стоит брошенный грузовик сил самообороны, может, его приспособить можно? — спросил старик.

— Да, как сказать, может, у него аккумулятор уже сел?

— Во всяком случае, попытаться стоит… — Катаока с трудом поднял свое налитое свинцовой тяжестью тело. — Где, примерно?

— Погодите, я вам проводника дам, — старик обернулся к людям, сидевшим на корточках в некотором отдалении. — А то как бы вы не заблудились, ведь темнеет уже. Грузовик-то прямо в долине бросили, в стороне от дороги. Сами вы не найдете.

Не было еще и семи вечера, а сумерки сгущались раньше обычного: небо на западе было затянуто плотной пеленой дыма и пепла. Над головой черной тушью проносился дым, лишь над восточным горизонтом виднелась узкая рыжеватая полоса, похожая на настоящее небо. С наступлением полной темноты на западе появилось багровое зарево извержения. В скалах свистел холодный ветер. В этом году люди так и не видели настоящего летнего солнца, в рыжевато-сером небе плавал мутный, кровавого цвета диск. Иногда показывалась какая-то необычная

коричневая луна, а звезд вообще не было. Выброшенные высоко в стратосферу десятки тысяч тонн пепла, начинали кружить над северным полушарием, обещая через два-три года всему миру холодное лето и страшный неурожай.

Старик решительно поднялся на ноги — видно, решил, что в таком деле ни на кого нельзя положиться.

— Корабль! — вдруг крикнул кто-то, находившийся чуть выше на горе.

Усталости как не бывало. Люди вскочили, встали на цыпочки, вытянули шеи. И наконец увидели: на фоне быстро угасающего заката, совсем близко проплыли черный корпус и мачта судна. Почему-то оно шло без единого огонька, даже без бортовых огней.

— Эге-гей!.. — люди закричали, замахали руками. — Сюда, сюда, помогите!..

— Костер, быстро! — крикнул Катаока. — И давайте сюда все карманные фонари кроме двух, самых мощных.

Старик громко распорядился, и средних лет мужчина побежал в сторону. Раздался треск ломаемых веток, куча быстро росла.

— Используем все батареи, — сказал Катаока, проверяя карманные фонарики и бросая лучшие

батареи радисту — Передашь SOS. Все будет в порядке, расстояние всего четыре-пять километров.

При свете карманного фонарика радист соединил проводником батареи, не вынимая их из фонарей. Включив рацию, он закричал:

— Везет, они как раз переговариваются!

— А ты вклинься в их разговор, — посоветовал Катаока. — Судно сил самообороны?

— Нет, кажется, американское.

В рации раздались звуки более мощные, чем сигналы с судна.

— Послушай, — сказал радист, глядя на Катаоку. — Очень сильные сигналы поступают с очень близкого расстояния… Где-то совсем рядом…

— Ты хочешь сказать, что поблизости, рядом, есть еще кто-то, кроме нас? — Катаока огляделся кругом. Уже совсем стемнело. — А что говорят?

— Не понимаю. Иногда попадаются английские слова, но весь разговор ведется шифром на основе английского…

— Все равно, давай, вклинивайся…

— Ты думаешь, я этого не делаю? Да они никак пока не отвечают!

Высоко в небо взвилось яркое пламя костра. Все, и млад и стар, стоя спиной к огню, замахали

руками и закричали.

— Не отвечают, — сказал тот, который посылал световые сигналы. — А почему на этом корабле соблюдается затемнение?..

— Катаока… — сказал радист. — Между сушей и кораблем есть еще одно место, откуда исходят радиосигналы, ведутся трехсторонние переговоры.

Катаока пристально вгляделся в темную поверхность моря. Между расплывчатым силуэтом судна и берегом виднелся едва приметный белый след от вспенившихся волн. Этот след постепенно приближался к берегу, оставляя хвост в открытом море. Откуда-то издалека вдруг донесся шум двигателя, и пожалуй, не одного, а нескольких. Это было, конечно, эхо, прокатившееся по склонам гор. За поворотом дороги кое-где замелькали отсветы, видно, блики от автомобильных фар.

— Друзья! — крикнул Катаока. — Поторопитесь! Сейчас к берегу причалит десантное судно!

— Они прекратили переговоры, а наши сигналы игнорировали! — сказал радист, оставляя рацию.

Люди долго прислушивались и вглядывались в темноту, пока не поняли, где причалило десантное судно. Ориентиром служили автомобильные

фары, светившие у кромки воды на расстоянии около километра. Падая и поднимаясь, карабкаясь но скалам, люди наконец добрались до места, куда причалило судно. Это был крохотный огород, разбитый на склоне горы и огороженный камнями. Морская вода достигала почти самого верхнего края этой каменной ограды. С борта причалившего судна на берег перекинули трап. Тяжелые американские военные грузовики подъехали задом к судну. По спущенным помостам с них стали сгружать большие, обшитые брезентом, ящики. С помощью катков их стали грузить на судно.

— Стой! — раздался крик из темноты. На измученных, едва добредших сюда людей были направлены два автомата.

— Возьмите нас на борт! Здесь женщины и дети! — крикнул по-английски Катаока.

К нему приблизился высокий молодой офицер с детским лицом. Казалось, он был в замешательстве.

— Вы гражданские?

— Кроме нас троих. Мы-то из наблюдательной бригады спасательного отряда. Но все остальные гражданские лица…

— Но в данном районе спасательные операции

закончились, и район закрыт… Во всяком случае, я получил такую информацию.

— Они заблудились и не успели бежать.

— Сколько всех?

— Человек двадцать, тридцать, должно быть…

— Живее! — крикнул офицер, обернувшись к солдатам, которые, замедлив погрузку, прислушивались к разговору. Потом он сдвинул каску немного назад и сказал с сожалением, но твердо:

— Весьма сожалею, но мы прибыли сюда для выполнения особого задания по указанию высшего командования. Прибыли сюда, несмотря на большую опасность. Спасение не входит в наши функции.

— Вы хотите оставить умирать этих матерей, младенцев и стариков? Они уже больше десяти дней блуждают по горам.

— Сожалею, по ничем не могу помочь. Если бы даже я и захотел взять вас на борт, судно слишком мало, после принятия груза мы и сами-то едва сможем разместиться.

— Не знаю, какой такой у вас груз, но жизнь людей дороже!

— Весьма сожалею. Но я военный, получая это задание, я одновременно получил особое указание выполнить его с максимальной точностью.

Откровенно говоря, разговаривая с вами, я уже нарушаю приказ…

— В таком случае, хотя бы свяжитесь с головным кораблем и попросите немедленно вызвать спасательное судно! — умоляюще произнес Катаока. — Здесь почва опускается под воду со скоростью трех метров в день. Да еще с ежедневным ускорением. До самого высокого пункта осталось всего сто метров. А если нагрянет цунами…

— Я и этого не могу вам обещать, пока не переговорю с командиром. До выхода в безопасную морскую зону связь у нас заблокирована…

— Мерзавцы! — заорал по-японски один из коллег Катаоки, слушавший их разговор. — Вы, вы, разве вы после этого люди…

— Постойте, лейтенант Скотт… — произнес по-английски с сильным акцентом небольшого роста человек, появившийся из-за грузовика. — Сколько человек можно взять на борт взамен одного ящика?

— Этого… этого я сделать не могу, — упрямо ответил лейтенант, заливаясь краской. — Это нарушение приказа!

— А как вы думаете, откуда исходит приказ? В конечном итоге за эту операцию ответственность

несу я. Отвечайте, сколько человек сможете взять на борт.

— Человек пять-шесть…

— А если только женщин и детей?

— Человек восемь-девять, не больше.

— Значит, десять человек возьмете. Я остаюсь здесь…

— Я, я не могу этого допустить!

— А я сделаю так, чтобы вы могли это допустить. Дайте мне бумагу и перо…

Получив требуемое, человек что-то быстро написал и расписался.

— Сколько у вас женщин и детей? — обратился он к Катаоке все еще по-английски.

— Шесть женщин и трое детей…

— Пусть их сопровождает кто-нибудь из мужчин, говорящий хотя бы на ломаном английском.

— А как вы собираетесь поступить с остающимся грузом?

— Всю ответственность за него я беру на себя, так что об этом не беспокойтесь! Вот этот ящик, предпоследний, останется на берегу… Да, этот. Ведь я лучше всех знаю их содержимое…

— Быстро! — крикнул лейтенант солдатам. — Вас тоже прошу поторопиться. Мы и так уже

выходим из графика.

Женщины замешкались, прощаясь с мужьями, начался плач, но их, подгоняя чуть ли не толчками, быстро посадили на судно.

— Все будет хорошо! Вы все непременно встретитесь! — вдруг по-японски закричал невысокий человек. — Садитесь, садитесь, а за всех остающихся отвечаю я!

Катаока удивленно обернулся, но не смог разглядеть лица этого человека.

— Не хочу, я лучше останусь! — закричала, ступив на трап, молодая женщина с младенцем на руках. — Чтобы я моего мужа одного оставила, нет, нет! Если уж он умрет, то и я с ним вместе, со всеми!

— Томоко! — прозвучал с берега почти рыдающий мужской голос. — Томоко, Томоко!..

Невысокий человек остановил выскочившего вперед, надрывавшегося от крика мужчину.

— Все будет хорошо. Встретитесь в Америке. Я сделаю так, что вы встретитесь…

Подняли трап. Сквозь рев двигателя с борта донеслись плач и крики. Оставшиеся на берегу мужчины тоже выкрикивали имена жен и детей. Судно быстро исчезло за полосой света, отбрасываемого фарами грузовиков.

Когда все смолкло, уши вдруг наполнил свист ветра, проносившегося по дну ночи. Действительно, все свершилось в одно мгновение. Оставшиеся мужчины ошеломленно застыли на огороде.

Невысокий человек, стоявший рядом с брошенным ящиком, медленно снял каску и обернулся.

— Как, это вы?! — изумленно воскликнул Катаока, увидев его лицо.

— Н-да, при странных обстоятельствах мы встретились… — сказал, смущенно улыбаясь, Куниэда. — Государственному служащему порой приходится бывать бессердечным… Но в данном случае я оказался несостоятельным. Дело в том, что человек, занимавшийся этим делом, погиб при землетрясении, вот я и заменяю его уже целый месяц… И как видишь…

— Вы все время сопровождали этот груз?

— Да, из Цукуба перевез в Мито, а перед тем, как Ми-то погрузился в воду, перевез в эти горы… — Куниэда устало зевнул. — Странная была работа… А я-то думал, приеду в Америку, увижусь с женой…

— А что в этих ящиках?

— Пока не могу сказать… — вертя в руках каску, сказал Куниэда. — Да, пожалуй, и никогда в жизни не смогу сказать… Такие уж они, эти

чиновники…

Потом он, щурясь, словно от солнца, оглядел мужчин, столпившихся вокруг ящика.

— Знаете, мне очень хотелось выкинуть ящики и посадить всех вас. Но на это меня не хватило. Поймите меня, пожалуйста, правильно. Это не значит, что я о вас не подумал. Дело в том, что я оказался в таком положении, когда на мои плечи легла ответственность за будущее десятков миллионов наших соотечественников, которые уже эвакуировались за границу. Эти ящики имеют прямое отношение к их будущему. Да к тому же… — Куниэда медленно взобрался на водительское сидение грузовика. — К тому же у нас еще есть надежда. Я тут украдкой попросил водителя оставить мощную рацию…

Огород опять загудел и затрясся. Измученные и опустошенные люди полезли в кузов. Куниэда завел мотор.

Невиданной силы тайфун, зародившийся в середине августа в районе Марианских островов, с каждой минутой приближался к уже наполовину затонувшему Японскому архипелагу. Вслед за ним двигались еще два тайфуна послабее. Спасательные суда всех стран отошли подальше от

берегов, стараясь избежать бедствия. Некоторые из них так и не вернулись назад.

Метеорологические условия в районах омывающих Японию морей из-за термических противотоков, возникших в результате мощных вулканических извержений, сложились очень необычные. И если бы теперь тайфун обрушился прямо на Японию, она получила бы вдобавок к ударам от землетрясений, огня и воды еще и удар от ветра.

Штаб Д-1 в начале августа был передислоцирован с суши на самое крупное судно сил морской безопасности «Харуна». Дни и ночи напролет Наката и Юкинага обрабатывали здесь потоки информации. Сейчас они не подозревали, что «Харуна» на полной скорости уходит от Японии на восток, чтобы избежать тайфуна.

Императорская семья в мае тайно переехала в Швейцарию. Правительственные органы Японии получили временное пристанище в Париже. Комиссия по осуществлению эвакуации перебазировалась в Гонолулу, теперь она называлась «Штаб по принятию спасательных мер». Исполнительные органы государственной машины, именуемой «Япония», в большинстве своем уже находились вне тонущих островов,

перебравшись из некогда столь уютного уголка Дальнего Востока в другие страны и районы мира. И никакая веревочка не связывала, казалось, рассеявшиеся органы государственного аппарата с разбросанными по всей земле его гражданами… Перед шестьюдесятью пятью миллионами эвакуированных, разбросанных по разным частям света, начинали вставать проблемы «жизни». В палаточных лагерях для беженцев, раскинувшихся под открытым небом, в бараках, в военных казармах, а порой и в жалких поселках, походивших на лагеря для заключенных, уже потихоньку разгоралась тревога. Как будет с питанием, со свободой передвижения?.. И прочее, и прочее…

За спиной этих людей, в большинстве своем уехавших даже без самого необходимого, но все же вздохнувших на «устойчивой земле» с облегчением, остались бьющиеся в предсмертных судорогах острова и все еще ожидающие спасения почти тридцать миллионов соотечественников. За июнь и июль было эвакуировано только около четырех с половиной миллионов человек, а погибло три миллиона. Были и случаи самоубийства.

Среди оставшихся двадцати миллионов было и немало таких, кто добровольно уступил свое

место на корабле или самолете. Подавляющее большинство их составляли люди старше семидесяти лет. Участились случаи, когда пожилые японцы, особенно мужчины, покидали семью или исчезали со сборных пунктов, оставив записку, что будущее они возлагают на молодых и зрелых, что они уже достаточно прожили и не хотят быть обузой, не хотят расставаться с Японией, потому что жизнь вне ее теряет для них всякий смысл.

Один из таких стариков — возможно, самый старый из оставшихся — лежал сейчас в дальней комнате просторного окруженного садом особняка, находившегося в городе Футю. Крепкое железобетонное здание, несмотря на многочисленные землетрясения, сохранилось почти целиком. Но и золотистого цвета коридор, и комнаты, и одеяло, которым укрывался старик, — все было припорошено пеплом. Даже лицо старика, совсем иссохшее, изрезанное глубокими морщинами, покрывал мертвенно-серый налет.

— Вот как… — пробормотал старик. — Дурачок Куниэда… Оставил один ящик и погрузил женщин и детей…

Из его горла вырвался свист. Было непонятно, смеется он или кашляет.

— А сам-то он куда делся?.. Отправился вместе с ящиками?

— Нет… — сказал коротко остриженный могучего сложения человек, который сидел возле старика в торжественно-строгой позе. Пробежав глазами длинную телеграмму на английском языке, он добавил: — Написано, что остался на месте…

Старик пожевал сморщенными губами, в его потускневших глазах ничего не отразилось.

— Ну и олух… великовозрастный… — беззлобно пробурчал он. — И… какой же из ящиков он бросил, там не говорится?

— Да есть… Куниэда-сан указал на ящик Б, который и оставили…

Из глубины подушек раздалось странное повизгивание. Могучего сложения человек испуганно взглянул на старика. А тот, раскрыв во всю ширь свой беззубый рот, весело, от души смеялся.

— Знал… едва переводя дух, сказал старик. — Ну и стервец, с таким ухо нужно держать востро. Как же он унюхал, а?.. Сам-то он не способен определить… Значит, в какой-то момент узнал как-нибудь… Если так, он, пожалуй, выживет… Понимаешь, Ёсимура?

Старик помолчал, а потом продолжил:

— В ящике Б почти все было подделкой… Это я придумал… Сам… и давно уже… Никто об этом и не знал… А жаль, что не доведется нам околпачить этого самого О'Коннели из Бостонского музея искусств… Да, досадно… Когда встретишься с О'Коннели, передай ему привет… Скажи, последняя шутка старика не выгорела из-за одного парня со страшно тонким нюхом… Да, кстати, за вами уже приехали?

— Да. На вертолете опасно, в двигатель забивается пепел, так что прибыл большой «джип». Доедем до Тёфу, там поджидает амфибия…

— Ладно… хватит, иди… Что делает Ханаэ?

— Думаю, она уже собралась…

— Давай, увози ее быстрее…

Могучий человек, которого звали Ёсимура, быстро вышел из комнаты, шумно ступая по татами. И тут же из-за фусума, где она, наверное, пряталась, появилась девушка.

— Что это такое?.. — старик окинул ее взглядом. — В таком виде ты собираешься сесть в «джип»?

На девушке было кимоно из шелка «акаси» темно-фиолетового цвета, словно бы распространявшее аромат своего оттенка, и старинное оби, расписанное цветами повилики. Секунду она

смотрела на старика полными отчаяния глазами, потом подошла к нему, ступая легко и изящно, и уселась по-японски, коснувшись коленями татами. Бессильно опустив плечи, она закрыла руками лицо.

— Я… не поеду… — сказала девушка дрожащим, с ноткой возмущения голосом. — С вашего позволения, я останусь возле вас…

— Нельзя… — коротко ответил он. — Ты еще… молода. Нельзя тебе позволить умереть вместе с таким дряхлых стариком…

— Нет! Нет!.. Я… Лучше я, если придется вас покинуть…

— Да что ты болтаешь!.. — он слегка повысил голос. — Кажется, тебя не так воспитывали, чтобы ты в решительный час несла взякий вздор… Ты поедешь туда… и будешь… жить во что бы то ни стало… Я ничего не велю тебе делать, не требую, чтобы ты там чем-то себя утруждала… Просто живи… Самое главное, чтобы ты прожила долго… Полюбишь мужчину, выходи за него замуж… Я тебе все время твержу: все сделано, чтобы ты прожила безбедно… Но, должен тебе сказать, что жизнь… вообще-то… тяжелая штука… и горькая…

Девушка, не выдержав больше, взмахнула ши-

рокими длинными рукавами кимоно и уткнулась лицом в татами. Ее тонкие плечи затряслись, послышались рыдания. Быстро глянув на появившегося у порога Ёсимуру, старик твердо сказал:

— Принеси во что переодеться… Брюки… нет… джинсы, так это, кажется, зовется, вот их и принеси, — он слегка закашлялся. — …Видишь, сколько с тобой хлопот…

Земля снова загудела, и комната заходила ходуном. Ёсимура пошатнулся. Фусума, выскочив из проемов, упали, подняв клубы пепла. В пустом доме что-то с треском рухнуло. Основательное здание противно скрипело и трещало, со двора донесся шум обвала.

— Торопитесь… — сказал старик. — Дорога станет непроезжей…

Ёсимура, шатаясь, вышел из все еще пляшущей комнаты. А старик, как будто что-то вдруг вспомнив, сказал:

— Ханаэ…

Девушка подняла залитое слезами лицо.

— Покажись!

Вытянув шею, она несколько раз глубоко вздохнула, перевела дух и встала. Выпрямилась. Зашуршало оби, шелковое кимоно с легким шелестом соскользнуло с плеч, и в сумрачном

запустении комнаты возникло — словно легкий аромат — белоснежное, хорошо развитое тело с чуть покатыми плечами.

Бросив на девушку один-единственный взгляд, старик закрыл глаза.

— Японии… Женщина…

Сказал старик.

— Ханаэ… маленьких роди…

— Слушаюсь!

— Маленьких, говорю, роди. С твоим телом у тебя будут большие, здоровые малыши… Найди хорошего человека… Пусть не японца, это не важно… И роди много детей…

Заметив Ёсимуру, который принес одежду и повернулся лицом к стене, старик сказал:

— Уходите…

Ёсимура накинул на плечи девушки плащ и подтолкнул ее.

— Ёсимура, теперь ты отвечаешь за Ханаэ. Береги ее…

— Слушаюсь, — могучий Ёсимура опустился на колени, и, положив ладони на татами, поклонился — Председатель, прощайте…

— Да, ладно, хватит уж… — старик опять прикрыл глаза. — Торопитесь…

Звуки шагов и рыдания удалились. Через неко-

торое время снаружи донесся шум мотора. Потом затих и он. Остались только гул непрекращавшегося в горах Канто извержения да потрескивание и поскрипывание дома. Потом эти звуки перекрыл свист. В дом ворвался ветер.

Свет со стороны сада заслонила тень, старик приоткрыл глаза.

— Тадокоро-сан, вы? — проговорил он едва слышно.

— Кажется, тайфун приближается, — сообщил профессор, отряхивая пыль с дзабутон. — Успеют ли благополучно добраться Ханаэ-сан и остальные…

— А вы так и не ушли… — старик опять прикрыл глаза и закашлялся коротко и мучительно. — Впрочем, я так и думал…

Глаза профессора Тадокоро глубоко запали, вокруг них появились темные круги. Лицо заострилось. Казалось, он постарел на добрый десяток лет. Даже крепкие широкие плечи сделались какими-то щуплыми. Венчик редких волос на его лысой голове стал совсем белым. Профессор так изменился, что даже его ученики, пожалуй, не узнали бы его.

— Жаль, что нет еще одного «джипа», — пробормотал профессор Тадокоро. — Я собирался в

горы…

— Когда такое творится, в горы уже не поднимешься… — время от времени приоткрывая глаза, сказал старик. — Вот и дожили… Сколько еще остается-то?

— Месяца два… — профессор Тадокоро украдкой вытер глаза. Нет, их разъедал не пепел. Слезы и после того, как он смахнул их, продолжали течь по его щекам. — А люди смогут жить… еще с полмесяца, или… еще недели три…

— Тадокоро-сан, словно вспомнив что-то, чуть громче спросил старик. — Сколько вам лет?

— Шестьдесят… пять, да, да… — профессор чуть улыбнулся солеными от слез губами. — Служи я себе потихонечку в университете, так в этом году вышел бы на пенсию. Прочитал бы юбилейную лекцию в ознаменование ухода на покой, а там…

— Шестьдесят пять… Какой вы молодой еще… — пробормотал старик. — И почему же это вы умираете?..

— А не знаю, горько уж очень… — понурив голову, тихо сказал профессор. — Наверное, потому, что горько… Я, знаете, вот дожил до таких лет, а во мне что-то такое осталось — детское, что ли…

— Потому что горько, говорите… Гм…

— Я ведь сначала решил было молчать… —

вдруг неожиданно громко произнес профессор, казалось, он больше не в состоянии сдерживать свод чувства. — Когда я это обнаружил… Ученые мужи уже давно старались держаться от меня на почтительном расстоянии… Поначалу я это почувствовал чисто интуитивно. Помните, когда я с вами впервые встретился, в отеле, вы спросили, какая черта для ученого-естествоиспытателя является самой важной, и я вам ответил — чутье. Так вот, когда мое чутье подсказало мне это, меня будто морозом сковало. В то же время я подумал, что кому бы я об этом ни сказал, мне все равно никто не поверит, тем более, что доказательств у меня не было. Решил похоронить это в себе, скрывать ото всех…

— Все равно бы узнали…

— Но намного опоздали бы… — голос профессора дрожал и прерывался, словно он исповедовался в грехах. — …И необходимые меры тоже… Долго бы докапывались до природы этого катаклизма… Опоздали бы на год, а то и на два и не успели бы подготовиться к встрече с ним… Ведь при нынешней академической системе споры и обсуждения продолжались бы до последней секунды. Наука не верит одной интуиции. Необходимы доказательства. Нужны многословные бумаги, таблицы,

формулы, диаграммы. Никто слушать не станет, если заявить, что ты всем существом своим предчувствуешь необычные перемены. А меня тем более никто бы не стал слушать… Меня же терпеть не могли в академических кругах…

— Опоздали бы, говорите? — казалось, с глубоким интересом спросил старик. — Да, жертв было бы в два, три раза больше… А вы вынесли все… настояли на своем… даже приняли на себя оскорбительное прозвище пьяницы, ученого дурака, безумца… Работали, не жалея живота своего… Я всегда так считал, а оказывается…

— Ну… да… в какой-то мере, может быть, так оно и есть… Но на самом-то деле… — голос профессора Тадокоро мучительно прерывался. — На самом-то деле… я хотел скрыть то, что увидел благодаря своей интуиции, скрыть весь материал, все результаты наблюдений, которые я собирал лишь в подтверждение своей интуиции… Я был, словно в беспамятстве… хотел чтобы гораздо больше людей, намного больше погибло вместе с Японией, вместе с этими островами…

Старик молчал, лишь иногда слышалось его легкое покашливание.

— Разве это не странно! Откровенно говоря, я собирался обратиться ко всем японцам с призы-

вом… Сказать им: друзья, Япония, наши острова, наша земля… будет разрушена, уйдет под воду, погибнет. Давайте, мы, японцы, умрем все вместе, умрем с нашими любимыми островами… Даже теперь мне иногда приходит в голову, что так было бы лучше. Потому что… Только подумать о муках и горе, которые придется терпеть японцам, убежавшим за моря…

Тяжелый ветер вновь с гулом и свистом обрушился на сад. Этот леденящий ветер принес влагу и запах совсем уже близкого моря.

— Тадокоро-сан… вы, кажется, были холостяком? — опять спросил старик, покашливая.

— Да.

— Да, так и должно было быть… Я теперь понял. Вы же были влюблены в эти острова, в Японию…

— Совершенно верно, — профессор Тадокоро, словно обрадовавшись, что наконец-то может сказать об этом вслух, закивал головой. — Да… Вернее, даже не влюблен был, а испытывал великую любовь…

— И обнаружили в организме бесконечно любимой возлюбленной признаки неизлечимой раковой опухоли… От чрезмерного горя…

— Да… — профессор Тадокоро, прикрыл лицо руками, тихо заплакал. — Совершенно верно. С

тех пор как я это обнаружил, я решил умереть вместе с этими островами…

— То есть самоубийство по сговору между влюбленными… — в горле старика опять засвистело, но видно не от кашля, а потому, что ему стало смешно от собственных слов. — Японцы… все же странный, смешной народ…

— Знаете, был даже момент, когда я в запале думал, что все японцы меня поймут, стоит мне только к ним обратиться… — шмыгнув носом, пробормотал профессор. — Ну, а потом я решил, что нельзя заставлять людей умирать вместе с женщиной, в которую сам влюблен…

— И наверное, не потому, что хотели владеть ею единолично, а потому, что, если бы вы обратились ко всем с призывом, неожиданно много людей пришло бы в такое же настроение…

— Да, да, я думал, что меня поймут… — профессор Тадокоро поднял к небу залитое слезами лицо. — Японцы… Они ведь не просто откуда-то переехали и стали жить на этих островах. Правда, и с теми, которые приехали уже потом, произошло то же самое… Японцы… Ведь это не только люди, понимаете?.. Японцы… это… вот эти четыре острова и мелкие острова, эта природа, эти реки, горы, леса, травы, звери и птицы, города и села,

следы и память, оставшиеся от живших прежде людей… Все это целиком и есть японцы. Человек ли, или гора Фудзи, или Японские Альпы, или река Тоне, или мыс Асидзури — все они одной крови. И если эта утонченная природа… эти острова… — все разрушится, исчезнет и погибнет… тогда перестанут существовать и те, кого называют японцами…

Опять откуда-то донесся глухой грохот взрыва. И через секунду под небом раздался такой треск, словно ударили разом сотни молний. Видно, где-то образовался разлом.

— Я вот думаю про себя… Вроде бы я не такой уж ограниченный человек… — продолжал профессор Тадокоро… — где только в мире не побывал, разве что в Антарктиде не был. Смолоду разъезжал, наблюдая горы, континенты, природу. Когда на суше уже не осталось для меня нового, стал наблюдать за дном океана. Конечно, я видел и страны, и людей в этих странах, но все это я воспринимал как проявление жизни, развивающейся на определенном земельном массиве в окружении специфической природы… Дело в том, что я… как бы это сказать… ну, любил эту планету, именуемую Землей. А увидев и поняв многое, я в конце концов влюбился в острова,

в Японию. Наверное, я к ней пристрастен, ведь я тут родился. Но должен сказать, что нигде в мире нет таких островов, где бы люди прожили такую счастливую историю, среди такой утонченной природы, на удивление разнообразной и по климату, и по рельефу… Для меня влюбиться в острова, именуемые Японией, было равносильно любви к самой чистокровной, самой типичной японской женщине… Так что, если женщина, любви к которой я посвятил всю жизнь, погибнет, для меня жизнь почти теряет смысл… В свои лета я не собираюсь второй раз жениться или влюбляться… Самое важное, чтобы я в последние минуты, в самые, самые последние, был рядом с ней… С ней, когда она будет умирать… Кто же еще примет ее последний вздох? Кто же будет рядом, если не я, когда эти острова будут погибать?.. Кто же…

Рыдания заглушили его слова.

Покашливание старика усилилось, затем затихло. И тогда он хрипло заговорил.

— Какой на удивление молодой народ японцы… — старик тяжело перевел дух. — Вот вы говорите, что в вас много детского… но ведь все японцы, не только вы, до сего времени были счастливыми младенцами… Жили себе и жили

чуть ли не два тысячелетия в объятиях теплых и ласковых своих островов… Если куда-нибудь и отправлялись, всегда могли возвратиться обратно… Точно как малое дитя, которое бежит домой, к матери, и, уткнувшись в ее грудь, плачет, если ему не повезло в драке… Вот и появляются подобные вам люди, обожающие свои острова, как обожают мать… Но… знаете ли, случается, что матери тоже погибают…

Веки старика дрогнули, взгляд стал отчужденным и рассеянным, словно он вспоминал что-то страшно далекое.

— Совсем еще маленьким я остался круглым сиротой… Потерял сразу и отца и мать во время извержения вулкана Бандай в 1888 году… По некоторым причинам… этот факт не упоминается в моей биографии… Было мне тогда семь лет… Меня взяла к себе одна молодая ласковая женщина… поистине прекрасная, поистине японская женщина… И воспитывала меня, как родная сестра, как родная мать, удивительно… Но и она… погибла во время большого землетрясения Сёнай в 1894 году… Моя судьба до странности переплетена с землетрясениями и извержениями… Я прибежал туда, куда свозили тяжелораненых, кажется, это был буддийский храм… прижался к

ней и плакал, плакал… А она истекала кровью… И я твердо решил, что умру вместе с ней… Может быть, она это почувствовала в свой смертный час, не знаю… Но только перед тем, как навсегда закрыть глаза, она вдруг сказала: живи… пусть будет горько жить, все равно живи… и вырасти большим, стань взрослым… Я после этого три дня проплакал у ее тела…

Профессор Тадокоро слушал старика с почтительно опущенной головой…

— Теперь японцам придется страдать… Пока существовали их острова, у них был дом, куда они всегда могли вернуться, была родина… — мать, растившая в любви и ласке своих детей и детей детей своих… Не так уж на свете много народов, которые столько лет владели бы таким теплым, полным счастья домом… А вот народов, которым пришлось скитаться без родины, без собственной земли, жить в страшных лишениях и горе… таких народов не счесть… Вам-то хорошо, вы влюблены в свою матушку-родину… А вот тем, кому удалось бежать отсюда… кому удалось выжить… тем будет плохо… Их дом утонул и исчез, мосты назад сожжены… Им суждено шагать сквозь бури огромного мира, не имея родимого дома, своих островов, где они могли бы успокоить истерзан-

ное сердце… Что ж, возможно, это единственный шанс для японцев стать, наконец, взрослыми, хотят они этого или не хотят… Им, потерявшим дом родной, теперь придется иметь дело с народами, которые прошли огонь и воду, которые познали тысячелетние страдания… или же с народами темными и невежественными… Народ японский, возможно, исчезнет, поглощенный другими народами… Но, мне кажется, для японцев это будет не так уж плохо… А может быть — ведь на свете все бывает — они превратятся в новый народ, по-настоящему «взрослый», устремленный в будущее в лучшем значении этого слова… Но может случиться и другое… Поскольку кровь японцев, их язык, привычки и нравы сразу не исчезнут… они, японцы, образуют где-нибудь свое крохотное государство… опустятся до уровня народца, способного оставить потомкам в наследие лишь проклятия и недовольство всем миром… И они будут жить, погрузившись в тоску по утерянной родине, в недовольстве своим уделом… Понимаете, Тадокоро-сан, о какой ставке идет речь… Конечно, наверное, хорошо и даже должно принять последний вздох любимой, оставаясь у ее ног… Но, Тадокоро-сан, вы могли бы и благословить будущее своих братьев и сестер, бежавших

из тонущего дома… Правда, никто не услышит вашего благословения… и почти наверняка никто никогда об этом не узнает… Но все равно, Тадокоро-сан, это же вы спасли десятки миллионов своих соотечественников. Понимаете?! И я об этом знаю, признаю это и свидетельствую об этом… Тадокоро-сан… Разве вам этого мало?.. Вы же сделали…

— Да, да… — профессор Тадокоро согласно кивнул головой. — Я понимаю…

— Ну, вот и хорошо, наконец-то… — старик тяжело перевел дух. — Если так… больше ничего и не надо. Ведь вы… вы… для меня были… последней, самой трудной проблемой… Откровенно говоря, мне не хотелось оставлять вас с вашими мыслями… Да… это единственное, что меня мучило… как горький осадок на сердце… Но теперь… я вас послушал… и мне кажется, наконец-то я понял японцев… В японцах было для меня что-то, не поддающееся моему пониманию…

— Это… как же? — тон старика заставил профессора Тадокоро задать этот вопрос чисто машинально, не вкладывая в него особого смысла.

Старик коротко вздохнул. Помолчал. Потом его голос прошелестел:

— Ведь я… не чистокровный японец… — он сно-

ва замолчал, потом с коротким выдохом сказал:
— Отец ведь у меня… был китаец, монах…

Профессор ждал, что старик еще что-нибудь добавит, но он молчал.

— Ватари-сан…

Профессор Тадокоро, спохватившись, поднялся и, усевшись у изголовья постели, долго смотрел на старика, потом прикрыл его лицо брошенным на татами темно-фиолетовым шелковым кимоно. Ветер все сильнее задувал в комнату, кимоно трепетало. Тадокоро, спустившись в сад, принес несколько камушков и положил их на рукава разлетавшегося кимоно.

Потом он вновь уселся у изголовья старика и в печали сложил на груди руки.

Свист ветра захлебнулся в страшном грохоте, земля зашаталась, где-то в железобетонном здании особняка с треском лопнула стальная балка.

Сентябрь явился последним пиком.

Граничившие с безумием спасательные работы, продолжавшиеся между тайфунами, были полностью прекращены в конце сентября, когда при взрыве сразу погибли четыре отряда спасателей, а десантное судно, с трудом сумевшее взять на борт около ста человек, едва выйдя в море,

попало под прямой удар тайфуна и затонуло.

Сикоку, почти на сто километров переместившись на юг, уже полностью был под водой. От Кюсю оторвалась южная его часть и, переместившись на несколько десятков километров к юго-западу, затонула; гряды Асо и Ундзэн на северном Кюсю, едва высовывавшиеся из воды, продолжали взрываться. Западная Япония, отделившись от Хонсю у озера Бивако, закружилась, словно отсеченная голова Дракона, повернулась восточной стороной к югу и, продолжая погружаться в море, рассыпалась на мелкие куски. В крае Тохоку гористый район Китаками нырнул под воду на сотни метров, а горная гряда Оу, расколовшись, продолжала извергать огонь и дым. Считали, что от Хоккайдо, возможно, останется над водой пик Асахи.

Заключительный акт трагедии разыгрался в Центральном горном массиве гряды Канто, к которому уже никто не мог приблизиться. Здесь, не прекращаясь, происходили сильные взрывы — энергия, вызвавшая перемещения, рождала все новые и новые тепловые потоки, а морская вода проникала в растрескавшиеся и расколовшиеся скальные массивы. Горы разрушались и рассыпались, взлетали на воздух, а весь массив

целиком продолжал перемещаться вдоль шельфа в морские глубины. Одно время береговая линия чуть поднялась. Но это было не более чем всплеск — то же происходит с тонущим судном: перед окончательным погружением оно заваливается на бок и один борт поднимается выше другого. А здесь сила слепого гиганта тянула остатки архипелага в бездонную пучину.

В кают-компании «Харуны», где располагался штаб Д-1, Наката по-прежнему был занят обработкой поступающих данных. И вот в какой-то момент он обнаружил, что делать больше нечего. Совсем нечего. Конечно, ему еще предстояло «переварить» целую гору самых различных материалов, чтобы написать отчет и завершить его короткой фразой «конец операции», но никаких новых данных уже ниоткуда не поступало.

Вдруг он заметил на панели горящие буквы сообщения, переданного через спутник связи: «КОНЕЦ-Х, Х-09.30.0000 J».

Он провел ладонью по лицу, потрогал отросшую до груди бороду. Потом взял из пепельницы чей-то окурок, хотел прикурить, но нигде не мог найти спичек.

Вошел Юкинага — землисто-серое лицо, запавшие щеки, тусклые глаза.

— Ты все еще работаешь?! — почти с возмущением воскликнул он. — Операция была прекращена еще в полночь. Сколько раз тебе это повторять?..

— Дай, пожалуйста, спички… — попросил Наката. — И что же, Япония утонула?

— Передавали по телевизору съемки с самолета. Тридцать минут назад произошел последний гигантский взрыв Центрального массива… — сказал Юкинага, протягивая Накате горящую зажигалку. — Еще над водой, но опускание и сползание продолжаются, так что не долго уже…

— «Не затонул еще «Тэйэн»…» — продекламировал Наката и с ожесточением затянулся. — Так, говоришь, операция закончилась…

— Уже восемь часов прошло… — прислонившись спиной к стене, Юкинага сложил на груди руки. — Ты совсем уж того…

— В конечном итоге сколько же человек вывезли?

— Не известно. Данных на конец августа еще нет… — Юкинага устало зевнул. — Сейчас по телевидению начнется передача обращения генерального секретаря ООН к народам мира и речь японского премьера. Посмотрим?

— А на кой… Какой толк речи слушать?..

Загасив сигарету о пепельницу, Наката быстро встал.

— Конец… Конец, вот как… Операция закончена… Выйдем на палубу?

Насвистывая мелодию «Ни дыма, ни облаков», Наката крупными шагами направился к коридору. Юкинага начал злиться, но последовал за ним.

Палуба была освещена яркими лучами солнца. На воде не было видно ни пемзы, ни пепла, которые последнее время в изобилии плавали вокруг корабля. Море казалось черным, свистел ветер, «Харуна» шла со скоростью около двадцати восьми узлов.

Небо пока было голубым. Но казалось, что в глубине этой голубизны уже начинает оседать белесая муть.

— Жара… — щурясь от солнца, проговорил Наката. — А солнце-то как высоко. Сейчас ведь утро?

— По японскому времени, — сказал Юкинага. — Вот уже четырнадцать часов, как мы повернули к Гавайям…

— Значит, не видно уже дыма Японии?

Из-под ладони Наката посмотрел на северо-западный горизонт. Над ним висели серые тучи.

Не зная местонахождения «Харуны», Наката не мог определить, что это — облака или дым извержения.

— «Не затонул еще «Тэйэн»...» — опять сказал Наката шутовским тоном.

— Отдохнул бы, а? — хмурясь от его развязности, предложил Юкинага. — Никак, ты слегка тронулся...

— Итак, конец... — Наката облокотился о бортовые перила. — Кончился Японский архипелаг... Бай-бай, в общем... Дай сигарету!

— Да, конец... — Юкинага протянул ему пачку. — И нашей работе тоже...

Зажав в губах сигарету, Наката смотрел на стремительно убегавшие волны. На этот раз он что-то долго не требовал спичек.

— Да, работа... — медленно пробормотал Юкинага. — Мне вчера Онодэра приснился. У меня все время такое ощущение, что он жив... А ты как считаешь?

Ответа не было. Потом Наката невнятно, сдавленным голосом пробормотал:

— Что-то... ужасно я устал...

Отведя взгляд от горизонта, Юкинага обернулся. Огромное тело товарища, переломившись, бессильно висело на перилах, так и не закурен-

ная сигарета, выпав изо рта, застряла в бороде.

— Послушай, Наката…

Когда испуганный Юкинага коснулся плеча товарища, тело сползло с перил и с шумом рухнуло на палубу.

Наката храпел, раскинув руки. Его широко открытый рот до самого горла освещало солнце.

Онодэре показалось, что он крикнул: «Жара! Здесь слишком жарко… Включите кондиционер… Нет, лучше сначала холодного пива…»

Он приоткрыл глаза и увидел круглое маленькое лицо девочки. Ее большие глаза озабоченно смотрели на него.

— Болит? — спросила девочка.

— Нет, просто жарко, — Онодэра едва разомкнул губы — мешали бинты, покрывавшие все лицо. — Уже скоро ведь субтропики начнутся…

— Да, ну да… — сказала девочка, и ее глаза вдруг стали печальными.

— Связались с Накатой и Юкинагой?

— Пока нет…

— Нет еще… Ничего, наверное, скоро свяжемся… — сказал Онодэра. — Ведь все равно встретимся, как только прибудем на Таити… А знаешь, как хорошо на Таити!.. Правда, там еще жарче…

Лицо девочки исчезло из поля зрения Онодэры. Опять задремав, он вдруг почувствовал на лбу что-то холодное.

— Ох, как хорошо стало… — пробормотал он. — Стало прохладно…

Онодэра снова увидел ее лицо. Большие глаза были полны слез.

Неожиданно прояснилась память. Вулканы… извержения… вертолеты… Рэйко… (Рэйко?)… Снег… землетрясение… рассыпающиеся горы… раскаленный пепел, вулканические бомбы… а сверху течет лава, багровая тяжелая лава…

Да, ведь… — спохватился Онодэра и спросил:

— Япония уже затонула?

— Право, не знаю, но…

— Все равно… затонет… — пробормотал Онодэра. — Нет, уже затонула, наверное…

Он закрыл глаза, что-то горькое подступило к горлу, веки стали влажными от слез.

— Спи… — сказала девочка, вытирая слезы прохладным и нежным пальцем. — Тебе надо много спать…

— Да, буду спать… — кротко, как ребенок, сказал Онодэра. — Но мне жарко… Все тело жжет. А ты кто?

— Забыл, да? — она грустно улыбнулась. — Я

же твоя жена…

Жена? — подумал Онодэра, вновь ощущая нестерпимый жар. Странно… Какая-то тут ошибка. Моя жена… ведь погибла… под вулканическим пеплом… Жена, ладно уж…

— Не можешь заснуть?

— Расскажи мне что-нибудь, — просительно произнес Онодэра. — Да, расскажи… лучше сказку, чем песню… я всегда… давно еще засыпал под сказку…

— Рассказать… — она озабоченно склонила голову. — Что же рассказать?

— Все равно… можно и печальное что-нибудь…

— Даже не знаю… — сказала девочка, ложась с ним рядом, но стараясь не касаться его целиком забинтованного тела. — Вот моя бабушка… Она была родом с острова Хатидзё, с островов Идзу… Она вышла замуж и приехала в Токио… Но моя родина с материнской стороны на острове Хатидзё… Бабушка была большой мастерицей — ткачихой, знаешь хатидзёсские ткани? Так вот, она убежала из дому с молодым человеком… Но бабушка всю жизнь тосковала по Хатидзё, и, когда она умерла, ее прах погребли на Хатидзё. А я, когда была маленькой, несколько раз ездила

на Хатидзё, на ее могилу… Не интересно?

— Нет, нет, продолжай… — сказал Онодэра.

— На острове Хатидзё есть одна легенда — «Сказ про Танабу», страшная, грустная и печальная история… В стародавние времена случилось на Хатидзё землетрясение, а потом цунами. Все жители погибли… Спаслась только одна женщина, Танаба. Она ухватилась за весло, и ее прибило волной к берегу, прямо к пещере. Это было очень давно, видно, в те времена суда еще не ходили на Хатидзё… И пришлось Танабе жить совсем одной в пещере на вымершем острове… Но эта женщина, Танаба, тогда была беременной… Она все больше полнела и вскоре в муках родила младенца. А младенец был мальчик… Танаба сама привела себя в порядок после родов, дала младенцу грудь и начала его растить… Я думаю, ей стало гораздо тяжелее жить, когда у нее появился ребенок… Но все равно Танаба его вырастила… Мальчик вырос и превратился в прекрасного юношу. Однажды вечером Танаба позвала сына и рассказала ему, как погибли все островитяне и как она осталась совсем одна с ребенком во чреве. Потом она сказала: «Нам с тобой придется сделать так, чтобы на этом острове вновь были люди. Ты подаришь мне ребенка, и я тебе рожу

сестру, потом ты на ней женишься и народишь детей…» И она родила девочку… А сын ее женился на сестре, и их потомки размножились… Говорят, они и есть нынешние островитяне…

Пылая в жару, Онодэра раскручивал клубок воспоминаний. Танаба… остров Хатидзё… острова Бонин… холодное, мрачное морское дно…

— Какая-то жуткая, страшная история, правда? Когда я ее в первый раз услышала, маленькой еще, мне стало нехорошо… И очень грустно. Могила Танабы и сейчас… нет, совсем еще недавно ее могила была на Хатидзё у обочины дороги… Это груда крупной гальки с побережья острова, вся заросшая мхом… Кажется, никакой надписи нет… Маленькая такая могилка… и солнце играет на гальке… И ничего страшного нет, и посидеть у этой могилы даже приятно… Но там, в глубине… грустное, грустное… и страшное…

Девочка вздохнула, склонила голову.

— Знаешь, я ведь в детстве еще слышала эту легенду и давно ее не вспоминала. А теперь, после этого, вдруг вспомнила. С тех пор только и думаю про Танабу… Поразительная женщина… А история — грустная, страшная и даже противная… Но сейчас Танаба словно дает мне новые силы. Ведь во мне тоже течет кровь островитян,

пусть даже все погибнут, и я останусь одна, я все равно буду жить. Рожу ребенка, безразлично от кого, и выращу его. А если этот ребенок будет мальчиком, а муж мой куда-нибудь исчезнет, рожу от мальчика ребенка…

Онодэра тихо дышал во сне. Девочка осторожно, чтобы не разбудить его, спустилась на пол с качающегося спального места. Онодэра вдруг открыл глаза.

— Качка какая…

— Да?.. — испуганно оглянулась девочка. — Болит?

— Ага… мы сейчас пересекаем Куросио южнее мыса Носима. Вот и качка… — невнятно сказал Онодэра. — Да, до Гаваев еще долго… Гавайи, потом Таити…

— Да, — сказала девочка дрогнувшим от слез голосом. — Ты уже потерпи и постарайся уснуть…

На некоторое время Онодэра затих, но потом вдруг страшно ясно и напряженно произнес:

— Япония уже затонула?

— Не знаю…

— Посмотри в иллюминатор. Еще должно быть видно.

Девочка как-то неохотно подошла к окну.

— Видно Японию?

— Нет…

— Неужели уже затонула… Даже дыма не видно?

— Ничего не видно…

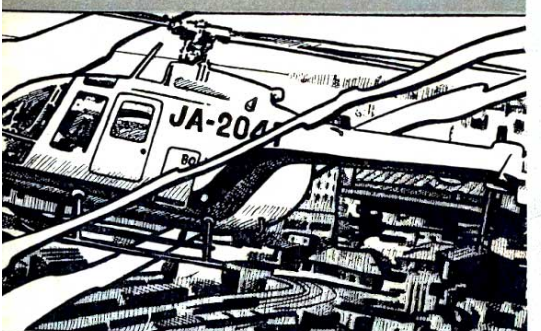
Вскоре Онодэра мучительно задышал во сне.

Девушка — Масуко — забинтованной культей правой кисти вытерла слезы.

Поезд стремительно несся на запад по холодным, скованным ранним морозом просторам Сибири. За окном была глухая, беззвездная ночь.

Зарубежная фантастика

2 р. 90 к.



ИЗДАТЕЛЬСТВО „МИР“ МОСКВА